

Pueckerley
ban, O
Chezky

Pueckerley
ban, O
Chezky

Сказки и легенды
народов
Самарской
Области

Дарская
вам,

сказки

Сказки и легенды
народов
Западной
Европы

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1991

Переводы

Составление и вступительная статья

В. Лунина

Иллюстрации

Р. Авотина

P $\frac{4703000000-2210}{080(02)-91}$ 2210-91

ISBN 5-253-00036-4

© Издательство «Правда», 1991.
Составление. Вступительная
статья. Иллюстрации.

РАЗГОВОР О СКАЗКЕ

Вспоминаю детство. Вечереет. Я уже лежу в постели. В комнате полумрак. Прямо за окном качаются от ветра деревья. Их неясные размытые тени мечутся, как живые, по потолку. Одна догоняет другую, сталкиваются, соединяются, расплзаются. Вот тень, похожая на зайца, а невдалеке крадется тень, похожая на лисицу. Еще миг, и лиса догонит зайца! А может, это не лиса? Вон как тень разрослась! Теперь она похожа на карету или даже на автомобиль. Автомобиль едет по потолку мимо абажура, слегка задев его колесом, сначала вперед, потом назад. А между тем в окно из-за ветвей заглядывает луна. Тени становятся резче, сказочней. Они ходят теперь не только по потолку, но и по стенам, по книжным полкам, по прикрытой двери. Спать совсем не хочется. Хочется чего-то необыкновенного, волшебного. За стеной в соседней комнате слышны приглушенные голоса.

— Бабушка! — зову я. — Бабушка!

Приоткрывается дверь, и в золотом ореоле света появляется невысокая, мягко очерченная фигура.

— Бабушка, расскажи мне сказку.

— А кто спать будет? Завтра рано вставать.

— Ну, бабушка! — канючу я. — Ну, пожалуйста!

Бабушка недолго сопротивляется. Она садится на краешек кровати у меня в ногах и поправляет на мне одеяло.

— Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля...

Тихо льется бабушкин голос. И вдруг все куда-то пропадает: и моя комната, и льющисся по стенам и потолку тени, и сама бабушка. А вместо них появляется перед глазами каменный дворец с золотой крышей, и говорящая щука, и прекрасная Марья-царевна. Я вижу их ясно-ясно. Мне даже начинает вдруг казаться, что Емеля — это я, и все, происходящее с ним, происходит и со мной. Это я поймал щуку, это меня она научила говорить «по щучьему веленью, по моему хотенью».

Как я любил эти бабушкины сказки, как ждал ее рассказов, чтобы еще и еще раз погрузиться в удивительный мир фантазии, где кони летают по

небу, дворцы вырастают за одну ночь, а звери говорят человеческим голосом.

Верил ли я в реальность сказки? И верил, и не верил. Но мне ХОТЕЛОСЬ верить. Почему? Да потому, что чудеса сами по себе прекрасны. А еще потому, что в результате всех этих чудес совершалось самое главное чудо: добро побеждало зло, подлый оказывался в дураках, мудрость брала верх над глупостью и справедливость торжествовала. Я не был похож на ту немецкую девочку, которая, прочитав в конце одной из сказок братьев Grimm слова: «Если не веришь — плати талер», позвонила однажды в дверь Якоба Гримма и, когда тот открыл, протянула ему монету и промолвила: «Вот вам талер — я не верю в ваши сказки».

Сказка почти всегда заканчивалась хорошо. Из любой беды герой сказки — принц ли, крестьянский сын или солдат — обязательно выходил победителем. Это интуитивно подсказывало, что и в моей жизни все будет хорошо, несмотря на трудности, которые ожидают в пути. А трудности — и этому тоже учила сказка, — конечно же, будут. Только надо их не бояться, а стремиться преодолеть.

В общем, сказка помогала в какой-то мере подготовиться к встрече с огромным взрослым миром. Все, что я пишу о своих ощущениях, естественно, соответствует и чувствам других детей. Фантастика и волшебство помогают понять реальность жизни и человеческих взаимоотношений.

Однако некоторые истории заканчивались печально, а порою и трагично. И тогда я просил бабушку, чтобы она в следующий раз переделала конец сказки в счастливый. Не знаю ни одного ребенка, который бы этого не желал. Как я переживал, когда Волк встречал Красную Шапочку, в какой ужас приходил, когда он проглатывал ее бедную, больную бабушку! А как хотелось сжаться, зажмуриться или броситься на Волка с кулаками, когда на вопрос Красной Шапочки: «Зачем тебе такие большие зубы?», он рявкнул: «Чтобы съест тебя!» Но зато какую радость, какой восторг испытывал я, когда и бабушка, и Красная Шапочка выходили из живота Волка живыми и невредимыми. Ради такого замечательного конца стоило перетерпеть все ужасы и страхи этой сказки! А вот сказку «Колобок» я каждый раз просил переделать. Пусть Колобок самодовольный и самонадеянный, все равно было жалко беднягу и совсем не хотелось, чтобы Лиса его съела!

Современные бабушки обычно знают на память немного сказок. Если десяток наберется, то и слава богу! Моя не была исключением. И тогда бабушка стала мне сказки читать.

Чтение! Бабушка смотрела на эти ровные ряды черных маленьких значков, этих черточек, загогулин и закорючек, а получалось, что она может рассказывать таким образом сказки даже лучше, разнообразней и богаче, чем раньше. Это было само по себе волшебство! Я готов был слушать бабушку целыми днями.

Сколько же сказок с тех пор прочитано! Русских и английских, французских и польских, датских, шведских и испанских. И нет среди них таких, которые бы мне не нравились. Бывали сказки, похожие друг на друга и

не похожие, бывали веселые и грустные, длинные и короткие. А вот скучные и глупые не попадались никогда!

Даже став взрослыми, мы продолжаем читать сказки. И так же, как в детстве, погружаемся в их фантастический, волшебный и одновременно такой живой и реальный мир. Каждый сказочный образ оживает в воображении более ярко, чем кадры кино или телевидения. И это не случайно. Ведь сказка — совершенное произведение народного духа, оттачивавшееся веками или даже тысячелетиями. Любое внутреннее движение сказки, любой ее герой, любое слово в предложении множество раз взвешивались и выверялись прежде, чем стать такими, какими мы их видим сейчас. В сказке нет ничего лишнего. Все на своем необходимом, точно пригнанном месте. И поэтому сказка вечна. Выдающийся русский исследователь сказки В. Я. Пропп в своей книге «Русская сказка» отмечал: «Универсальность сказки, ее, так сказать, повсюдность, столь же поразительна, как и ее бессмертие. Все виды литературы когда-нибудь отмирают. Греки, например, создали великое драматическое искусство. Но греческий театр как живое явление умер... Сейчас для чтения Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана требуется некоторая подготовка. То же можно сказать о литературе любой эпохи. Кто сейчас может читать Данте? Только образованные люди. Между тем сказку понимают решительно все. Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тысячелетиями. Ее в такой же степени понимают не приобщенные к цивилизации представители народов, угнетенных колониализмом, как и стоящие на вершине цивилизации умы, такие, как Шекспир, или Гете, или Пушкин».

Так что же такое сказка? Как ни странно, точного, абсолютно выверенного определения сказки нет. Иногда говорят о каком-нибудь произведении: «Это сказка». А на проверку оказывается, что это совсем и не сказка, а быличка, анекдот, легенда или новелла. И вообще понятие «сказка» в нашем интуитивном понимании существует только на русском и немецком языках. А, например, на английском языке оно означает просто повесть, рассказ или история.

Попробуем дать определение сказки. Часто сказкой называют всевозможные виды фольклорной прозы, но это слишком обобщенно. Поэтому лучше воспользоваться определением, которое дал крупнейший русский исследователь и собиратель сказок А. И. Никифоров:

«Сказки — это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением»¹.

В данном томе главное место занимают три вида сказок некоторых народов, населяющих Западную Европу: волшебные сказки, бытовые сказки и сказки о животных. Кроме того, в книге представлены легенды и саги.

¹ Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители. В кн.: Каплица О. И. Русская народная сказка. М., Л., 1930.

Что же является содержанием легенды? Оказывается, верования. Легенда отличается от сказки своим отношением к рассказываемому. Ее цель не развлекательная, а нравоучительная. Кроме того, у нее иное происхождение. Как писал В. А. Пропп: «Легенда, отражая христианскую религию, могла появиться только с христианством, то есть сравнительно поздно». Кстати, слово «легенда» — церковно-латинское. Точный его перевод означает: «то, что подлежит чтению». Из этих слов видно, что легенда принадлежит письменной литературе, а сказка — литературе устной.

Дадим определение и саге. Сага — это повесть. Так в древности северные сказители называли свои произведения, рассказывающие как о действительных, имевших место исторических событиях, так и о событиях и делах вымышленных. В данной книге можно прочитать, например, древнюю ирландскую сагу «Бой Кухулина с Фердиадом». Представлены здесь валлийские и шотландские легенды. Из них можно узнать о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, о Тристане и Изольде, о деве озера и т. д. Все эти легенды в дальнейшем обрабатывались всевозможными авторами и послужили основой для множества замечательных произведений, среди которых «Смерть Артура» Томаса Мэлори, «Тристан и Изольда» Жозефа Бедье, «Королевские идиллии» Альфреда Теннисона — поэтическое переложение легенд о короле Артуре и многие-многие другие поэмы и повести.

Естественно, что во всех сказках, легендах и сагах отражены, прямо или опосредствованно, некогда происходившие события, рассказывается о героях, на самом деле живших в далекой древности или же придуманных богатой народной фантазией. Из этих произведений можно узнать, какие верования и поверья, обычаи и взгляды были у людей, их создавших.

Для какого же слушателя или читателя создаются сказки? Для любого. И для маленького, и для большого. В начале XX века знаменитый английский поэт Уолтер де ла Мэр составил огромный том стихотворений английских поэтов различных веков с подзаголовком: «Стихи для детей всех возрастов: от двух до восьмидесяти». Это парадоксальное название дано было книге не случайно, ибо поэт понимал, что лучшие детские стихи вневозрастны и интересны любому человеку. То же самое можно сказать и о сказках. Недаром многие сказки были, по сути дела, созданы не для детей, а для взрослых, и только спустя какое-то время стали детским чтением. Примеров тому множество. Это сказки Ш. Перро и «Путешествие Гулливера» С. Свифта, сказки В. Гауфа и сказки Э. Т. А. Гофмана, а также сказки А. С. Пушкина и «Конек-горбунок» П. Ершова.

Форма сказки, компактная, емкая, и манера изложения сказки, неназидательная, с виду такая незатейливая, обычно освещенная мягкой улыбкой рассказчика, позволяют передать не только наиболее характерные качества человека, но и выхватить самые глубинные, самые скрытые его черты и в общедоступной форме для любого слушателя или читателя показать, что хорошо, а что плохо. Возьмем, к примеру, испанскую сказку «Крестьянин и молодые сеньоры». В ней рассказывается о некоем вроде бы простаке-крестьянине, мечтавшем увидеть короля и считавшем, что тот должен быть не таким, как все остальные люди, а непременно великаном. Но вот

крестьянин попадает в город и быстро убеждается в своей наивности. Когда же над ним начинают насмехаться молодые городские бездельники, то этот простак оказывается на поверку гораздо более находчивым, чем они, и оставляет их в дураках.

Находчивость, житейская сметка, мудрость — качества, постоянно восхваляемые и выделяемые в сказках самых разных народов. Неважно, что герой сказки беден. Зато он умен, изворотлив и с честью выходит из любого затруднительного положения. Простые люди, бедняки вроде маленького галисийца из испанской сказки «Маленький галисиец» чаще всего выступают в качестве таких героев. Но нередки случаи, когда героями сказки становятся зажиточные горожане и священнослужители. Так, во французской сказке «Бирон» рассказчик целиком стоит на стороне героя-горожанина, который постоянно потешается над двумя своими дураками-приятелями — то свой старый цилиндр им продает, то тросточку, то глиняный горшок, выдавая их за волшебные. В португальской сказке «Бульон из камня», очень напоминающей нашу русскую сказку про суп из топора, героем, находчивым и остроумным, оказывается аббат. Во французской сказке «Старый горшок с золотыми эю» богатый кюре сумел легко перехитрить соседа-сапожника, позарившегося на его деньги. А в сказке «Святой Грамэр» кюре, поставив на празднике перед народом вместо статуи святого Грамэра похожего на нее как две капли воды кузнеца, ловко обводит вокруг пальца простодушных крестьян. И это не случайно. Ведь в странах Западной Европы религия играла и играет очень важную и далеко не всегда отрицательную роль в жизни людей. И хоть над носителями культа там порой и подтрунивают, однако относятся к ним с большим уважением.

В небольшой испанской сказке «Кто стучит?» замечательно высмеивается обычай знатных испанских дворян иметь несколько имен. Ночью, в страшный ливень, старуха не открывает дверь путнику только из-за того, что тот на вопрос: «Кто стучит?» называет сразу множество своих имен. И старуха страшно пугается, считая, будто к ней в дом хочет ворваться целая шайка разбойников.

Удивительна испанская сказка про «Жадного мельника». Некий мельник, скупой и жадный, много работал на своей старой мельнице, а зарабатывал гроши. Проезжавший мимо мельницы король увидал, как трудно приходится мельнику, пожалел его и передал ему в пироге огромную сумму денег — пятьсот золотых дукатов, чтобы мельник построил несколько мельниц и разбогател. Каково же было удивление короля, когда, проезжая по тем же местам через три месяца, он увидел, что там ничего не изменилось, и мельник по-прежнему трудится на старой мельнице. «Почему ты не построил себе трех новых мельниц и не стал первым богачом в округе?» — рассерженно спросил у мельника король. «Сеньор король! — прошептал тот. — У меня не было ни минуты времени, чтобы заняться постройкой. Не мог же я остановить жернова, если каждый их поворот приносит мне деньги?»

Этого мельника жалко. Но ведь он сам виноват в своей бедности. А мы сами часто не так ли ведем себя, как этот мельник?

Вроде бы скупость порою похожа на бережливость, но какие они разные! Сколько бед приносит скупость! Вот испанская сказка «Сеньор Скряга». В ней рассказывается о том, что скряга, если ему мешают наживаться, становится злом, которое губит доброту и справедливость. Он делает это цинично, не испытывая ни малейших угрызений совести. А доброта и справедливость не могут ему противостоять оттого, что грязные, дурные средства им противопоказаны. И это трагично. Но тем не менее сказка эта призывает людей не отчаиваться и верить, что когда-нибудь справедливость наступит. Что для этого нужно сделать? Быть справедливыми друг к другу. Но часто ли это бывает? Часто ли мы, возмущаясь несправедливостью других, ведем себя справедливо сами?

Во французской сказке «Неугомонный петушок» король занимает у петушка деньги, обещая вскоре их отдать. Но не отдает. И это несправедливо. Петушок обозлен. Он с помощью приятелей — ворона, волка и лисы — отбирает деньги у короля. Казалось бы, справедливость восстановлена. Мы ждем, что сейчас петушок поделится золотом с приятелями, которые ему оказали неоценимую услугу. Но не тут-то было! Петушок пошел вперед и даже не оглянулся. И рассказчик обращается к слушателям:

«Вы, конечно, недовольны, ведь обидел петушок ворона. И лису обидел, и волка обидел. Эх, да что там говорить! Вы совершенно правы. Но скажите по совести: разве справедливость такая уж частая наша гостья? И вот что еще интересно: а как бы вы сами поступили на его месте?»

Незаметно и ненавязчиво мудрый рассказчик этой сказки способствует воспитанию человека в духе справедливости.

Справедливость, которой так не хватает в жизни, почти всегда торжествует в сказках. Добрый слепой брат во французской сказке «Как не уберегли звери своей тайны» становится зрячим и женится на красавице, а злой брат гибнет.

Кстати, погибают в сказках не так уж часто. Обычно злых и коварных братьев, сестер или мачех просто выгоняют из дома, города, королевства. Ведь жестокость в принципе народу не свойственна. Однако идея о неотвратимости расплаты, наказания, которые сродни справедливости, в сказках присутствует. Так, во французской сказке «Откуда совы взялись», схожей смыслом со «Сказкой о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, владыка неба наказывает жадного старика и его жену за чрезмерное желание самим стать владыками мира. Он превращает их, как он говорит, в «ночных владык» — сов. А фея из английской сказки «Дочка пекаря» превращает в сову за грубость и бессердечность хорошенькую юную гордычку.

В шотландской легенде «Серебряная дудочка Маккримонса» злые слова, необдуманно брошенные серебряной дудочке волынщиком из рода Маккримонсов, приводят к тому, что род Маккримонсов теряет свой волшебный музыкальный дар. И это справедливо, хотя и обидно. Точно так же справедливо, пусть и жестоко, наказала своего любимого русалка из шотландской сказки «Русалка и неверный Эндрю». Она приковала его прочной золотой цепью к стенке своей пещеры за то, что он, сначала искренне ее

любивший, со временем стал пренебрегать ею и больше времени проводить с приятелями и с прекрасными дамами.

Даже нечаянно содеянная несправедливость в сказках наказывается. По шотландскому поверью, в древности «в каждой фермерской усадьбе, в каждой хижине водился свой малютка брауни», то есть домовенок, «который каждую ночь спускался по каминной трубе и наводил в доме порядок, начищая все и отмывая». Но делал он это, только если его не обижали. И вот, когда симпатичный, но непослушный мальчишка, сын хозяйки дома, из шотландской сказки «Я — сам» по случайности выбрасывает кочергой уголек прямо на ногу малютке брауни, тот навсегда покидает этот дом и семья остается без добровольного помощника.

Замечательны в этом сборнике волшебные сказки. Каких только приключений не совершают их герои! Они встречаются не только с малютками брауни, но и с другими необычайными существами — плодом богатой и разнообразной народной фантазии. На их пути встают колдуны и чародеи, эльфы и феи, великаны и карлики. Лешие заманивают их в леса и болота, водяные — в реки и озера. Тут и там, в горах и чащах всех этих Кристофферов из Драгсхольма, плотников из Арля и портняжек из Ланкашира подстерегают страшные кривые тролли, черти и даже сама смерть в виде противной злой старухи. Но герои сказок почти всегда умудряются их перехитрить и победить. Так удалось облапошить черта по прозвищу Старый Эрик шкиперу из остроумной норвежской сказки «Шкипер и черт». Так Кристофферу, герою датской сказки «Как Кристоффер из Драгсхольма тролля перехитрил», удалось множество раз обмануть жестокого, глупого великана.

Но, оказывается, и среди страшных, огромных чудовищ попадают совсем неплохие и добродушные. В сказке «Плут-малыш» великан, несмотря на все козни мальчишки, на все его издевательства, не только не сердится на него, но даже, желая ему помочь, отдает малышу свою волшебную бороду. В этой сказке король и его красавица дочь оказываются куда хуже великана. Они малыша и в грош не ставят. Мораль сей сказки ясна: не суди по внешнему виду — внешний вид обманчив, а суди по поступкам.

Добрый и верным наставником королевича, посланного королем — его отцом — на верную смерть, становится и леший из одноименной датской сказки, о котором говорят, что он губит все живое.

В общем, прекрасные и мудрые народные сказки помогают лучше разобраться в свойствах человеческого характера и утверждают в нашем сознании гуманные общечеловеческие ценности.

Особо хочется отметить сказки о всепобеждающей любви и верности. К таким сказкам относится большинство волшебных сказок. Такова, например, шведская сказка «Три волшебных листочка». Начало ее очень напоминает «Аленький цветочек» Аксакова. И однако национальные краски и реалии придают этой сказке свой особый, неповторимый колорит. Когда героиня сказки — принцесса после долгих и невероятно трудных испытаний находит наконец своего любимого мужа — принца Хатта и он, вновь обретая память, узнает свою жену, мы испытываем не только удовлетворение, но и благодарность за то, что все так хорошо и справедливо устроилось.

И мы счастливы, когда в мудрой португальской сказке «Каменный Мигел» благородный и искренний душевный порыв принца, готового убить себя ради того, чтобы каменная статуя, в которую был превращен его друг, превратилась в человека, приводит к тому, что и он сам остается жив, и статуя оживает. Сказка эта призывает — совершайте добрые и высокие поступки, не сообразуясь с целесообразностью, и вам воздастся сторицей!

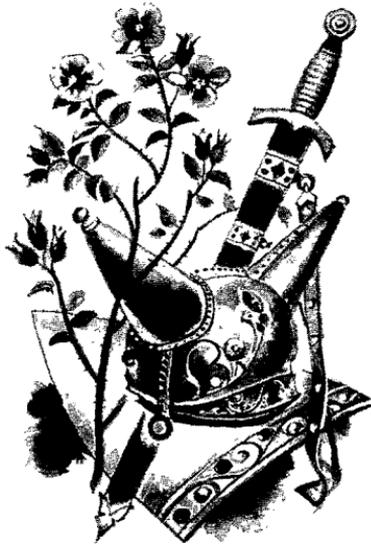
И еще стоит обратить внимание на шотландскую легенду «Томас-рифмач», рассказывающую о бродячем певце, что жил когда-то в деревушке поблизости от Эйлдонских холмов. Однажды королева эльфов позвала его в свою страну и там наделила удивительным даром — предсказывать в стихах будущее. А звали этого человека Томас Лермонт. Не правда ли, знакомо звучит эта фамилия? Ведь так же звался некогда предок нашего великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. И может быть, волшебный поэтический дар Лермонтова не случаен?

Сказки — одна из наиболее богатых и ярких форм народного творчества. Сказки — вечно ищущая правды и справедливости, любви и счастья душа народа, воплощенная в слове. И в этой книге любой человек, имеющий сердце, может на каждой странице, в каждой строке ощутить живое движение человеческой души, а есть ли что на свете важнее этого?

В. Лунин

Варшавские
сказки
и легенды

І. Поиски Олвен

ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ

Так хотел сам король Кілис, чтобы жена его была такого же знатного рода, что и он сам.

И вот он женился на принцессе Голайсид. Все были довольны и с нетерпением ждали, чтобы у них родились дети. Лучше, если сын, наследник.

И сын родился. Его нарекли Кілух; он приходился двоюродным братом королю Артуру.

Но королева Голайсид тяжело заболела и, чувствуя, что скоро умрет, позвала к себе мужа, могущественного короля, и сказала:

— Скоро я умру, и ты захочешь снова жениться. И все твои ценности и богатства окажутся в руках новой жены, я это знаю. Так не дай свершиться злему делу — пусть у нашего сына будет все, что ему принадлежит по праву! Исполни только одну мою просьбу, и я спокойно умру.

— С охотой выполню любую твою просьбу! — сказал король.

— Обещай, что не женишься до тех пор, пока на моей могиле не вырастет красный шиповник!

— Обещаю, — сказал король, впрочем, без всякой охоты.

Королева позвала к себе служителя при кладбище и наказала ему так тщательно пропалывать и подметать ее могилу, чтобы ни травинки, ни цветочка не выросло на ней.

С этим она спокойно умерла.

Семь лет служитель беспрекословно выполнял наказ королевы. Напрасно король каждое утро посылал слуг на кладбище — посмотреть, не вырос ли на ее могиле красный шиповник. Увы, всякий раз он получал один ответ: «Нет еще!»

Но вот служитель церкви состарился и обленился. Постепенно он совсем забросил могилу королевы. И однажды, когда король возвращался с охоты домой и проезжал мимо кладбища, он увидел, что на могиле королевы вырос какой-то куст. Он подъехал ближе, оказалось — это шиповник.

Красный шиповник!

И в скором времени король снова женился. Жену он взял опять из знатного рода. Она была вдовой короля Догэда, от которого у нее осталась одна-единственная дочка.

Конечно, все королевские ценности и богатства оказались в руках у новой королевы. Все, кроме одного: королевского сына, Килуха. О нем она и не слыхала, никто не считал нужным поведать ей об этом королевском сокровище. А что в этом такого удивительного?

Но в один прекрасный день, гуляя по королевским уголкам, королева набрела на жалкую хижину. Она вошла и увидела у огня сгорбленную старуху. Поговорив о том о сем, королева спросила у нее:

— А что, были у нашего короля дети от прежней королевы?

— Нет, детей не было, — прошамкала старуха.

— Какая я несчастная женщина! — воскликнула королева. — Вышла замуж за человека, у которого даже детей не было!

— Детей не было, а сын есть, — сказала тогда старуха, пожалев королеву. — Принц Килух!

Рассерженная королева поспешила в замок к своему мужу, королю, за ответом.

— Почему вы скрыли от меня принца Килуха?

Потому-то и потому-то, сказал король и пообещал больше так не делать.

В тот же день принца Килуха позвали к королеве.

— Какой красивый у меня пасынок! — сказала королева. — И уже не мальчик. Пора тебе подумать о женитьбе. — Тут она поманила к себе свою родную дочку. — А вот и достойная невеста для любого принца!

Но принц покачал головой:

— Я еще слишком молод, чтобы выбирать себе жену. Боюсь, мне придется отказаться от вашей дочки.

Королева ужасно разгневалась и пригрозила:

— Если ты не женишься на моей дочке, я найшу на тебя злую судьбу. Вот мое предсказанье: если ты не женишься на моей дочке, то и вовсе не женишься, пока не найдешь Олвен, дочь Великана-из-Великанов.

Не успели с уст королевы слететь эти слова, как в сердце принца Килуха зажглась любовь к незнакомой ему Олвен. Он даже изменился в лице, и его отец, король, обеспокоившись, спросил:

— Сын, сын мой, отчего ты краснеешь и бледнеешь, бледнеешь и краснеешь, что с тобой?

— Я краснею и бледнею от предсказанья моей мачехи,— ответил Килух.— Как я завоюю сердце юной Олвен, если не знаю даже, где ее найти? Может, вы знаете, отец?

— Увы, нет, мой сын,— отвечал король.— А то, конечно, поведал бы тебе. Я и слыхом не слыхал об этой девушке. Но утешься: у тебя есть двоюродный брат — славный король Артур. Ступай же в Камелот к королю Артуру, позволь ему остричь тебе волосы в знак верности и послушания, и тогда он исполнит любую твою просьбу. В присутствии отважных рыцарей и златокудрых жен нашего острова ты расскажешь ему про Олвен и про все остальное.

— Что ж, коли другого не остается, сделаем так,— сказал юный Килух.— Зачем ехать завтра, если можно поехать сегодня. Прощайте!

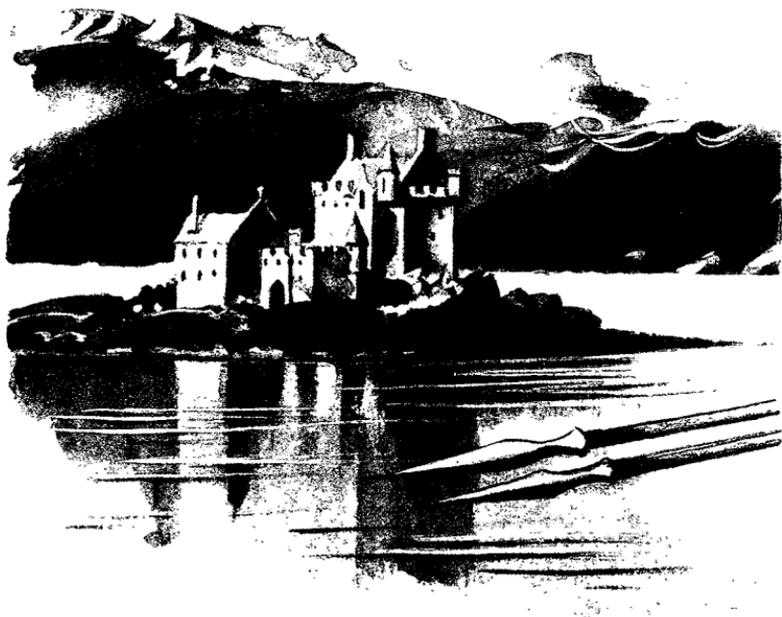
И, обнявшись с отцом, оказав ему все почести, приличествующие королю, юный Килух покинул отцовский замок и отправился ко двору своего брата Артура.

ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

Под ним был резвый скакун, четырехлеток, с седой гривой, звонкими копытами и золотой уздечкой во рту. Седло блестело золотом и драгоценными камнями. В одной руке — два острых копыя с серебряными наконечниками. На поясе — боевой топорик, которым он рассекал ветер быстрее, чем падает в июньский вечер капля росы со стебля на землю. На боку — широкий золотой меч с золотой рукоятью. За плечами — круглый щит с золотым орнаментом и с шишкой из слоновой кости.

Впереди бежали две рыжие с белым брюхом борзые в широких золотых ошейниках, охватывающих шею от плеча до ушей. Они летели перед ним словно белогрудые чайки.

Со спины юноши свисал атласный пурпурный плащ; по углам его красовалось четыре золотых яблока, каждое дороже ста коров, не меньше. А чулки из золотых че-

шук и стремя обошлись, наверное, по триста коров каждый.

Конь так плавно стелился по земле, что на голове Килуха ни один волосок не шелохнулся за все время пути от отцовского дома до ворот замка короля Артура в Камелоте. Лишь комья земли летели из-под копыт скакуна, словно черные ласточки над зеленым полем.

Достигнув ворот замка, Килух крикнул:

— Эй, есть тут привратник?

— Есть! Но лучше уходи, откуда пришел! — был грубый ответ.

— Как звать тебя, чтобы я знал и помнил, кто мой обидчик? — рассердился Килух.

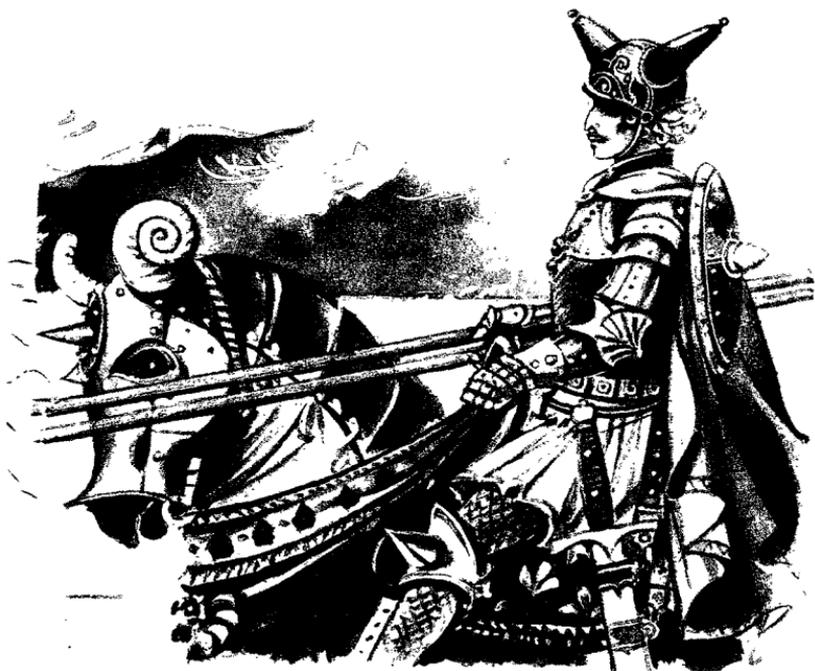
— Глүлайд Мертвая Хватка, привратник короля Артура в каждый первый день января.

— Раз ты на сегодня королевский привратник, так открывай мне ворота замка!

— Не открою!

— Почему?

— Уже вонзен нож в сочное мясо, налито вино в кубки и полно гостей в замке Артура. Если ты сын законного короля одного из наших владений или мастер, желающий по-

казать свое ремесло, я открою ворота, а нет — уходи! Вон видишь постоялый двор? Там ты найдешь мясо для своих собак и овес для лошадей, а для себя наперченные отбивные, пенистое пиво и подходящих собеседников. Можешь прийти завтра, в три часа пополудни, когда откроют ворота замка, чтобы выпустить сегодняшних гостей.

— Это мне не подходит, — сказал Килух. — Лучше отвори ворота, не то я ославлю и короля Артура, и тебя, его привратника. Я издам три таких страшных клича здесь у ворот, что земля от ужаса содрогнется.

— Ори себе на здоровье, — сказал спокойно Глулайд Мертвая Хватка, привратник. — Все равно тебе не войти в ворота, пока я не спрошу разрешенья у Артура.

И Глулайд вошел в пиршественную залу.

Король Артур спросил его:

— Ты с вестями от ворот нашего замка?

— Да, господин. Я прожил уже две трети жизни, ты тоже. Мы были вместе в походах, в сраженьях, на охоте и на пирах. И я пойду за тобой до конца, каков бы ни был этот конец. Много красивых мужей мы повидали, мой король, но не такого, какой стоит сейчас у твоих ворот.

— Так впусти его в замок! — сказал Артур. — Ему поднесут вина в золотом кубке и подадут жареного барашка. Какой стыд оставлять на ветру под дождем столь прекрасного мужа! Ты согласен со мною, Кай?

— Клянусь рукою друга, — отвечал Упрямый Кай, что сидел за столом рядом с Артуром, — даже ради столь прекрасного мужа не следует нарушать придворные обычаи и порядки, коли вы спрашиваете моего совета.

— Ты не совсем прав, Кай, — укорил его Артур. — Надо великодушной встречать достойных мужей. Чем больше щедрости мы проявим, тем громче будет наша слава.

И Глулайд пошел отворять ворота.

Не слезая с коня, Килух въехал по ступеням замка прямо в пиршественную залу и опустил поводья перед троном короля Артура.

— Приветствую тебя, мой король и повелитель! — сказал он.

— Я рад тебе! — ответил Артур. — Прошу отведать нашей пищи и выслушать певцов, а завтра, когда я кончу раздавать дары, готов служить тебе.

— Благодарю тебя за гостеприимство, но не за тем приехал я к тебе, мой король, — гордо ответил Килух. — А с великой просьбой!

— Скажи — какой! — молвил Артур. — И она будет исполнена, не сомневайся. Разве сомневаешься ты, что ветер сушит, дождь мочит, солнце всходит и заходит, море разливается, а земля простирается? Но только если твоя просьба в согласье с нашей честью!

— Я прошу постриженья! — сказал Килух.

— Твоя просьба исполнится, — пообещал Артур. — Ты делаешься мне все более мил. Чую сердцем, ты мне родня. — И, взяв золотой гребень и ножницы, украшенные серебром, Артур срезал золотые кудри Килуха. — А теперь, — спросил король, — скажи мне, кто ты? — И, услышав ответ, воскликнул: — Так, значит, ты мой двоюродный брат! Любые дары проси у меня, все, что хочешь, я с радостью тебе отдам.

И Килух сказал:

— Я прошу в жены Олвен, дочь Великана-из-Великанов. Предсказаньем судьбы только ее могу я взять себе в жены. Потому я и пришел к тебе с этой просьбой, выслушай меня в присутствии всех славных рыцарей и нежных дам Британского острова.

И Килух назвал подряд всех славных рыцарей и всех прекрасных дам и королев Британского острова, но если бы мы захотели повторять за ним, вы слушали бы нас с вечера и до утра, с утра и до вечера и утомились бы.

Когда он кончил, Артур сказал:

— Отважный принц, я слыхом не слыхал о юной Олвен и ее родителях. Однако без промедленья разошлю за ней гонцов во все концы земли.

Трудно сказать, где только не побывали гонцы короля Артура, но через год они вернулись в Камелот, зная не больше, чем в тот день, когда его покидали.

— И знать не знаем, и не верим, что есть на свете такая девушка, поверь нам, господин,— сказали они.

— Ты слышишь, принц?— спросил Артур.

— Такое слышать я не хочу и не желаю!— ответил Килух.— Все получают от тебя, что просят, один я остаюсь ни с чем. Если я покину твой замок без Олвен, мой господин, обещанье твое останется невыполненным и честь твоя пострадает.

Но тут вступил в разговор Кай, сидевший по правую руку от короля Артура.

— Ты не прав, принц,— сказал Кай,— что бранишь Артура. Лучше садись на коня и сам поезжай искать Олвен. Я и мои друзья будем тебе помощниками, и пока ты сам не скажешь, что такой девушки нет на свете, или пока мы ее не отыщем, мы тебя не покинем!

Король Артур его одобрил.

Первым на это дело он и вызвал Кая Упрямого.

Отец Кая сказал однажды о своем сыне: «Если он пошел в меня, у него будет холодное сердце. И сила его будет в упрямстве».

Кай славился тем, что умел сдерживать под водой дыхание целых девять дней и ночей. Раны, какие наносил он врагам, не мог исцелить ни один врачеватель. Когда он хотел, он становился выше самого высокого дерева, а в самый сильный дождь любая вещь, что держал он в руке, оставалась сухой—оттого, что всегда в нем горел огонь гнева. Он был лучшим слугою королю Артуру и первым бойцом в сраженье.

Вторым король Артур вызвал Бедуйра Прекрасного. Славен Бедуйр был тем, что, хотя была у него только одна рука, сражался он за троих. Когда он пускал копье, оно с одного раза наносило десять ударов.

Третьим король Артур вызвал Кинтулига.

Кинтулиг был таким же хорошим проводником в чужой незнакомой стране, как в своей родной, и потому все звали его Кинтулиг Проводник.

Четвертым король вызвал Гурира Переводчика. Гурир понимал все языки не только людей, но зверей, птиц и рыб.

Пятым Артур вызвал своего племянника Гавейна, ибо Гавейн Быстрый еще ни разу не возвращался домой, не добившись успеха. Он был первым ходоком и лучшим наездником среди рыцарей короля Артура.

И последним Артур вызвал Мёну, который умел говорить заклинанья и делать себя и других невидимыми.

И вот, снарядившись, оседлав коней, запасясь едой и оружием, с благословенья доброго короля Артура, под воркотню привратника, которая казалась им милее звона серебряных колокольчиков, Килух и его верные рыцари отправились на трудные поиски.

ПОИСКИ ОЛВЕН

Они долго бродили по стране, объездили все леса и пустоши острова, пока наконец не оказались на широкой равнине без конца и без края, на которой стояла огромнейшая крепость.

Но не так-то легко было добраться до этой крепости. Рыцари ехали и скакали весь день, а крепость стояла все так же далеко, где-то там впереди на бескрайней равнине.

И второй день скакали они по равнине, пришпоривая своих коней, но крепость казалась все такой же далекой.

Лишь на третий день они приблизились к крепости настолько, что сумели различить огромное стадо овец, пасшихся на лугу перед стенами крепости. Овец было не счесть, а посреди широкой равнины на зеленом кургане стоял пастух в кожаном платье.

Только главным сторожем стада был не сам пастух, а преогромный мастиф, ростом с девятигодовалого жеребца. Этот пес славился лютой свирепостью, из пасти его вырывалось такое горячее дыхание, что сжигало дотла все деревья и кусты вокруг. Но он был очень умен, и вдвоем с пастухом они ни разу не потеряли ни одной овцы, ни одного ягненка из всего этого несметного стада.

— Гурир, — сказал Кай, — ты наш переводчик. Пойди перекинься словечком с тем пастухом.

— Ты же знаешь, Кай,— отвечал Гурир,— мой первый долг всюду следовать за тобой.

— Что ж, значит, пойдем вместе,— сказал Кай.

— Да вы не бойтесь... — начал было Мену.

— Нам бояться? — возмутился Кай.

— Ну да, не бойтесь, я скажу заклинание, чтобы мастиф вас не увидел и не учуял.

— Если считаешь нужным, говори,— с презрением молвил Кай, однако в душе был рад-радехонек, что им удастся обмануть страшного пса.

Час или два шли они через поле, пока не достигли зеленого кургана. Они громко приветствовали пастуха, на что в ответ он только кивнул им.

— Как видно, дела твои идут неплохо,— сказал Кай, показав рукой на несметное стадо овец, сбившихся вокруг зеленого кургана.

— Чтоб у тебя они шли не лучше,— ответил пастух, предоставив Каю и его спутникам самим решать, как толковать такой ответ.

— Чьи же это овцы? — спросил Гавейн Храбрый.

— Откуда вы взялись, такие невежды? — удивился пастух.— Каждый ребенок здесь знает, что это овцы Великана-из-Великанов, а там вон — его крепость!

— Мы так и думали,— нашелся что ответить Гавейн.— А кто ты сам, дружище?

— Я его пастух, Сгилди Быстроногий. Но вы бы не увидели меня здесь в этом жалком платье, если бы не потерпел я урона от Великана-из-Великанов. Теперь скажите: откуда вы? Кто вы такие, что мой пес вас не учуял и не поднял тревогу?

— Мы посланцы короля Артура! — гордо объявил Кай.— И пришли сюда за Олвен, дочкой Великана-из-Великанов.

Пастух так и присвистнул, а мастиф тут же вскочил, услышав свист хозяина.

— О ней и не мечтайте! — воскликнул пастух.— О чем угодно, только не о ней!

— Но почему же? — удивился Килух.— Что плохого в том, что мы хотим увидеть дочку великана — Олвен?

— Многие приходили сюда за тем же, мой юный друг, однако я еще не видел, чтобы хоть один из них живым ушел отсюда. И жизнь свою здесь оставил, и Олвен! Однако если глаза мне правду говорят,— лучше приглядевшись

к принцу, сказал Сгилди, — ты Килух, сын Килиса и Голайсид, его первой королевы, а значит, мой родной племянник!

И Сгилди сошел с холма, чтобы прижать к сердцу юного героя.

— Ты должен непременно повидать мою жену, твою тетю! Пойдем к нам, она тебе во всем поможет. Только помни: ты должен остерегаться ее родственных объятий, ибо нет сильнее ее женщины на свете.

— На свете нет женщины, которой я бы испугался! — ответил безрассудный Килух. — Веди нас, пастух!

— Посмотрим, посмотрим, — заметил Сгилди.

И, приказав псу стеречь стадо, Сгилди повел посланцев короля Артура к воротам своего полуразрушенного дома.

Услышав шум, жена Сгилди выбежала им навстречу.

— Чую, чую сердцем, — воскликнула она, — идет ко мне кто-то родной и дорогой!

— Вот он, — сказал ее муж, указывая на Кая.

И она бросилась к Каю с расprostерыми объятиями. Хорошо, что Кай оказался проворнее и успел подсунуть вместо себя здоровенное полено! В тот же миг полено оказалось на земле, раскрошенное в щепки.

— Послушай, женщина, — сказал ей Кай, — ведь если бы ты не полено, а меня так крепко обняла, никогда бы больше мне не знать ничьих нежных объятий.

И он покачал головой, радуясь и ужасаясь одновременно.

— Полезный урок, — как бы про себя заметил пастух.

Потом он отвел всех в дом и угостил чем бог послал. А жена пастуха открыла большой каменный сундук, стоявший возле очага, и оттуда вылез красивый светловолосый юноша.

— Это единственный мой сын, оставшийся в живых, — горько посетовала она. — Остальных убил Великан-из-Великанов. Их было двадцать три... Но я боюсь потерять и последнего.

— Отпусти его с нами! — сказал решительный Кай.

И все верные рыцари в один голос крикнули:

— С нами!

А Кай добавил:

— И знай: если суждено ему умереть, то не раньше моей собственной смерти!

Так они сидели, пили и ели, пока женщина не спросила:

— Что же вас привело сюда? Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мы пришли сюда за Олвен, прекрасной дочкой Великана-из-Великанов.

— Да ну? — И она присвистнула точно, как ее муж, пастух. — Радуйтесь, что вас из крепости Великана никто не видел, и возвращайтесь, пока все целы-живы, ко двору Артура.

— Не увидев Олвен, мы не уйдем отсюда! — поклялся Кай.

— А увидев, тоже не побежим! — добавил Килух. — Она когда-нибудь приходит сюда, в ваш дом?

— Каждую субботу. Она приходит сюда мыть голову.

— А если послать за ней, она придет сейчас?

Жена пастуха кивнула.

— Поклянитесь, что не обидите ее, тогда я позову, — сказала она.

— Клянемся! — сказали все.

Тут же послали за Олвен, и она пришла — в шелковых алых одеждах, пылавших словно пламя. На шее девушки висело золотое ожерелье, украшенное рубинами и жемчугами. Волосы ее отливали золотом ярче златоцвета, а кожа у нее была белее морской пены. Нежнее лепестков болотной лилии были ее пальцы и ладони, а глаза — яснее соколиных. Грудь и шея — белее лебединой, щеки же — ярче пунцовой наперстянки.

Она вошла в дом и села между Килухом и Сгилди. Тут Килух в первый раз ее увидел, однако ему показалось, что он знает Олвен давно-давно. И он сказал девушке:

— Ты моя давнишняя любовь! Пойдем со мной!

Но Олвен покачала головой.

— Нет, это не принесет нам счастья, — сказала она. — Мой отец взял с меня клятву, что я не покину его без его доброго согласия. Есть предсказанье, что жить ему только до моей свадьбы. Лучше поступи иначе. Пойди к нему и попроси моей руки. И какое бы заданье он ни дал тебе, обещай исполнить. Когда он получит от тебя, что попросит, ты получишь Олвен! А нет, так вряд ли вам теперь уйти отсюда живыми.

Верные рыцари поклялись исполнить все, как она сказала, и с этим Олвен ушла.

Следом за ней поднялись и они. Мену прочел заклинанье, и они невидимыми обошли стражу у девяти ворот крепости. Ни один пес на них даже не тявкнул. Они вошли в большой зал замка и громко приветствовали Великана-из-Великанов.

— Да знаете ли вы, — взревел великан, — куда вы попали?

— Знаем, куда и зачем. Мы пришли за твоей дочкой Олвен, чтобы взять ее в жены Килуху, сыну Килиса.

— Я вас не вижу, — сказал Великан. — Где эти негодяи, мои слуги?

Покорные слуги тут же явились.

— Подоприте вилами мои тяжелые веки, — приказал Великан-из-Великанов, — чтобы я увидел будущего моего зятя, мужа моей дочки Олвен.

Все было исполнено. Вилы длиною с высокие деревья подняли тяжелые веки Великана. Он оглядел всех рыцарей и сказал:

— Приходите завтра. Тогда узнаете мой ответ.

Они повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил каменное копьё с отравленным железным наконечником и пустил им вдогонку. Но Бедуйр успел схватить копьё единственной рукой и отправить его обратно. Копьё пронзило Великану колено, самую чашечку.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Как теперь я стану взбираться в гору? Это отравленное железо жжет, словно осиное жало. Будь проклят тот кузнец, что ковал его, а вместе с ним и его наковальня!

Эту ночь рыцари провели в доме Сгилди, а утром, разодевшись, с богатыми гребнями в волосах, торжественно вступили в большой зал замка Великана.

— Великан-из-Великанов, — сказали они, — отдай нам твою дочь Олвен, а взамен возьми выкуп. Иначе смерть тебе и погибель!

— Нет, нет и нет! — взревел он. — Еще живы ее четыре прапрабабушки и четыре прапрадедушки. Без них я не могу ничего решить. Приходите завтра! Тогда узнаете мой ответ.

Рыцари повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил второе свое копьё с отравленным наконечником и пустил им вдогонку. Но Мену на всем лету схватил его и отправил обратно. Копьё пронзило грудь Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Теперь у меня все будет болеть внутри, как же я стану пить и есть? Это отравленное железо жжет, словно змеиное жало. Будь проклят кузнечный горн, в котором его ковали!

И на третий день пришли рыцари в замок Великана.

— Больше не запускай в нас копьём, Великан-из-Великанов! — предупредили они. — Не то узнаешь боль и обиду, встретишь смерть и погибель.

— Куда подевались все мои слуги? — взревел Великан. — Несите скорее вилы, поднимите мои тяжелые веки, чтобы я мог наглядеться на будущего моего зятя.

Все было исполнено. Великан посмотрел на Килуха и опять сказал:

— Приходи завтра! Тогда узнаешь мой ответ.

И рыцари повернули, чтобы уйти, но тут Великан-из-Великанов схватил свое третье копьё и пустил им вдогонку. А Килух на всем лету подхватил его и отправил обратно. Отравленное копьё пронзило глаз Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, мой будущий зять! Уж не думаешь ли ты, что от этого я буду лучше видеть? Теперь я обречен на вечную головную боль, да и глаза, чего доброго, станут на ветру слезиться. Хуже зубов бешеной собаки жжет это отравленное копьё. Будь проклят и кузнец, и его наковальня, и горн, где его ковали!

На четвертый день пришли рыцари в замок снова.

— Где он, что хочет отнять у меня дочь Олвен? — заревел Великан. — Поднимите мои тяжелые веки, я хочу его видеть... Ага, это ты?

— Я, Килух, сын Килиса и Голайсид.

— А ты обещаешь выполнить все мои просьбы? — сказал Великан-из-Великанов.

— Обещаю!

— Обещать-то легко! — сказал Великан. — Но знай: ты получишь мою дочь, только когда выполнишь все мои просьбы и задания.

— Назови их! — сказал Килух. — И все они будут исполнены.

— Видишь там чащи лесные? — спросил Килух Великан-из-Великанов. — Ты должен вырвать с корнем все деревья и сжечь их, а землю вспахать и засеять пшеницей, чтобы можно было вволю напечь хлеба тебе и моей дочке на свадьбу — и все это за один день!

— Для меня сделать такое проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, хлеб к свадьбе будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне золотой рог Лира Свирепого, сына Лириона, чтобы обносить вином гостей на твоей свадьбе.

— Достать рог для меня проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, рог у нас будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне корзину-самобранку Гвидена Длинногого, что правит Подводным королевством.

Пусть соберутся у нас все люди земли и еще трижды девять, всем хватит еды из этой корзины.

— И корзина у тебя будет, для меня это проще просто-го! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, корзина у нас будет, зато другое тебя погубит! Когда я впервые встретил мать Олвен, я посадил девять зернышек льна вон на той равнине, но что с ними случилось, никто не знает. Найди зерна, посади их снова в землю, чтобы они проросли и дали побеги, собери лен и сотки из него белую фату своей невесте на свадьбу.

— Фата у нее будет, это проще простого! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, фата у нее будет, зато другое тебя погубит! К вашей свадьбе мне должны расчесать бороду, сам видишь — вся она спуталась и стоит колóm.

Да только расчесать ее можно не простым гребнем. А спрятан тот гребень меж ушей дикого кабана Турх Труйта.

Да только Турх Труйта не найти тебе, пока не поймаешь двух псов — Анеда и Этлема, что мчатся быстрее ветра и добычи своей еще ни разу не упускали.

Да только не поймать Анеда и Этлема никому, кроме охотника Килдира Дикого, что в девять раз сильнее самого дикого зверя в горах.

Да только не найти тебе охотника Килдира Дикого, пока не найдешь Гвина, сына Низы, которому Бог поручил стеречь демонов Того Света, чтобы спасти Этот Свет от гибели.

Да только если и найдешь ты Турх Труйта, не одолеешь его простым мечом, а только мечом Великана Урнаха.

Да только никому не отнять меч у Великана Урнаха, кроме самого великого короля Артура.

Да только не станет помогать тебе славный король Артур, владыка и правитель нашего острова. Хватает у него дел и без этого.

Теперь скажи, мой будущий зять, не отпала у тебя охота выполнять мои задания?

— На коней! — вместо ответа крикнул своим рыцарям Килух. — Поскачем прямо к моему брату Артуру. Он поможет достать все, что ты хочешь, и я возьму твою дочь Олвен в жены и твою жизнь в придачу!

При этих словах Великан-из-Великанов оттолкнул вилы, чтобы тяжелые веки закрыли ему глаза в знак того, что разговор их окончен, и Килух со своими верными рыцарями покинул его замок.

КОНЕЦ ВЕЛИКАНА-ИЗ-ВЕЛИКАНОВ И СВАДЬБА ОЛВЕН

Нелегко было выполнить все задания Великана-из-Великанов и достать все дары, какие он назвал Килуху. Да только еще труднее рассказать про то, как славному королю Артуру и его рыцарям удалось это сделать.

— Задания все выполнены? — спросил Артур, когда гребень Турх Труйта был наконец в его руках.

— Все!

— Дары все собраны?

— Все!

— Тогда в путь, мой милый брат Килух! — воскликнул славный король. — И ты получишь свою невесту, как обещал я тебе в тот день, когда срезал твои золотые кудри.

И, прихватив с собою драгоценные дары, Килух отправился в путь вместе с Гору, сыном Сгилди, и всеми верными рыцарями, которые желали только зла и мести жестокому Великану-из-Великанов.

— Мы пришли, чтобы расчесать тебе бороду. Ты готов к этому, Великан-из-Великанов?

— Где эти негодяи, мои слуги? — заревел Великан-из-Великанов. — Подоприте вилами мои веки, чтобы я увидел все

дары и сокровища, какие я потребовал с моего зятя, будь он трижды проклят!

Все ему показали и расчесали гребнем Турх Труйта бороду, и Килух спросил:

— Ты доволен?

— Доволен!

— Теперь Олвен моя?

— Твоя! Да только была бы на то моя воля, ты бы ее не получил. Благодарю за все своего двоюродного брата короля Артура! И забирай мою дочку Олвен и мою жизнь в придачу!

Тут Гору, сын Сгилди, схватил Великана-из-Великанов за волосы и оттащил на зеленый курган и там отрубил ему голову, отомстив этим за своих загубленных братьев.

В тот же день Килух женился на Олвен, дочери Великана-из-Великанов.

Так сбылось предсказанье злой мачехи принца Килуха.

II. Как Тристан нашел Изольду

После охоты на кабана Турх Труйта и прочих важных событий, как то: сражение с Черной Ведьмой, свадьба Килуха Прекрасного с дочерью Великана-из-Великанов — Олвен и гибель Великана-из-Великанов, на острове Британском настали мир и покой.

Король Артур отдыхал от славных подвигов и ратных дел, когда до него дошла весть, что Тристан, сын Тралуха, и Изольда — Лебединая Шея, жена Марка, сына Майрхьока, убежали на Север, в дубовые рощи Келидонские, как какие-нибудь безродные изгнанники.

Вместо крыши над головой у них густые ветви деревьев, вместо мягкой постели — зеленые листья. На завтрак, на обед и на ужин у них дичь лесная, а винный погреб — прозрачный ручей. Но нет для них ничего дороже их нежной любви, и год им кажется неделей, а неделя — вечным летом.

Следом за вестниками Марк и сам поспешил к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Мой господин, — сказал Марк королю, — мне неизвестно, на чьей ты стороне, но вспомни, что я тебе ближе по родству, чем Тристан, ибо я сын твоей сестры, а следовательно, твой родной племянник. И, стало быть, мне, а не ему пристало ждать от тебя помощи. Я оскорблен и требую отпущения! Выполни свой долг, мой повелитель!

— Это нетрудно сделать! — сказал король Артур. — Однако следует помнить, что Тристан — один из трех самых славных героев нашего острова.

— Мой господин, — возразил Марк, — этот позор пятнает не только мою честь, но и твою. Тристан — твой рыцарь, так неужто ты хочешь, чтобы все говорили, будто он выказывает тебе пренебрежение?

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал Артур.

В тот же день он созвал своих рыцарей, и они поскакали вместе с Марком на Север. Темной ночью они окружили со всех четырех сторон дубовые Келидонские рощи.

Тристан сладко спал, обнимая свою Изольду, и ничего не слышал. А Изольда, как все женщины, была беспокойней и услышала лязг оружия и шепот бойцов, прятавшихся за каждым кустом, за каждым деревом. Она так задрожала в объятиях Тристана, что он проснулся.

Проснулся и спросил:

— Моя милая госпожа, отчего ты дрожишь, ведь я рядом с тобой?

— Не за себя боюсь, — отвечала Изольда, — но за тебя. Я слышу голоса со всех сторон. Наверное, эти люди пришли, чтобы тебя погубить.

— Разве ты не знаешь, моя госпожа, — громко сказал Тристан, — что судьбой предначертана смерть всякому, кто пролетит хоть каплю моей крови? А кроме того, среди этих людей много моих верных друзей — и честный Кай, и свирепый Бедуйр, и обходительный Гвалхмай, и мои названные братья, которые, как и я, служат нашему королю Артуру.

И Тристан с нежной заботой спрятал Изольду в дупле старого дуба, а вечнозеленые листья плюща, падуба и растущего рядом тиса надежно укрыли ее от чужих глаз. Потом он взял в руки свой молнии подобный меч, надел на спину щит, подобный тяжелой грозовой туче, и кинулся туда, откуда громче раздавались голоса и лязг оружия.

Ветви раздвинулись, и перед Тристаном предстал сам Марк, окруженный своими рыцарями.

— Дстойный муж,— сказал ему Тристан,— мы, кажет-ся, с тобою в ссоре. Бери свой меч, и мы сейчас решим, кто прав, кто виноват.

Не тут-то было. Марк кликнул своих людей и велел им схватить Тристана, связать и доставить ко двору короля Артура. Но рыцари возмутились.

— Позор на наши бороды,— сказали они,— если мы станем биться за господина, который сам отказался от битвы! И они отпустили Тристана с миром.

И опять пришел Марк к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Что ж,— сказал Артур,— я так и думал, что это случится. Остается одно: насрать на Тристана наших лучших арфистов, чтобы смягчить его сердце. А следом отправить к нему поэтов и менестрелей, чтобы от их похвал и славословий Тристан сменил гнев на милость. Вот тогда мы с ним и поговорим.

Так и сделали.

Когда чудесные звуки арфы наполнили Келидонские рощи, и смолкли птицы, и замерли деревья, ее заслушавшись, сердце Тристана смягчилось.

Он кликнул музыкантов и щедро наградил их золотом и серебром.

Следом за арфами Тристан услышал прекраснейших поэтов и менестрелей. Их песни и слова пленили Тристана и Изольду.

Тристан снял с шеи золотую цепь, украшенную рубинами и жемчугами, и подарил ее главному певцу-поэту, а остальных щедро наградил золотом и серебром.

Так был укрощен его гнев, так пробудились в нем восторг и восхищение. И тогда пред ним предстал Гвалхмай с посланием от короля Артура.

Речи Гвалхмайя были столь обходительны, что Тристан им внял и поехал следом за Гвалхмайем ко двору короля.

Тристан и Марк поклялись хранить мир, пока справедливый королевский суд не рассудит их,— так повелел король Артур.

Но сначала Артур с каждым из них завел беседу, чтобы спросить, не откажется ли тот или другой от леди Изольды по своей воле. Нет, ни тот, ни другой отказываться не хотели.

И тогда король Артур сказал им свое последнее слово:

— Пока зеленеют на деревьях листья, Изольда будет принадлежать одному из вас, а когда опадут листья — другому. Первым выбирать будет Марк, сын Майрхьона!

— Благодарю тебя, господин мой, — обрадовался Марк. — Выбрать нетрудно!

И он сказал, что пусть Изольда будет ему женой, когда нет листьев на деревьях: ведь зимой время тянется дольше, дни короче, зато ночи длинней.

Король Артур поехал со своими рыцарями в Келидонские рощи и сообщил Изольде свое решение и выбор Марка.

— Мой господин и повелитель! — воскликнула Изольда. — Благослови господь твой справедливый суд!

— Как так? — удивился король.

В ответ Изольда пропела:

Три дерева в нашем растут лесу:
Плющ, падуб и красный тис.
Листвы не теряют они зимой —
Теперь Тристан навсегда будет мой!

Вот как Марк потерял, а Тристан нашел свою Изольду.

Дева озера

Легенда

Давно-давно жил в горном Уэльсе юноша, сын вдовы. Как-то раз погнал он коров и овец своей матушки вниз к озеру, где росла высокая и сочная трава. Правда, день выдался неудачный. Вершины гор с утра окутались густым туманом. Но когда он спустился к самому озеру, все вдруг озарилось ярким светом. Однако, приглядевшись внимательнее, юноша увидел, что это не солнце осветило все вокруг, а прекрасная дева, что сидела посреди озера на маленьком островке и расчесывала свои золотые волосы. Ее золотое платье так и сверкало, так и горело, разбрасывая вокруг яркие лучи.

Не подумав, что он делает, юноша вытащил из кармана ломоть черствого ячменного хлеба с сыром, который мать дала ему с собой на обед, и протянул его прекрасной деве, окликнув ее при этом. Дева обернулась, увидела его, подня-

лась и, словно по мягкой траве, пошла к нему прямо по воде.

Подойдя к самому берегу, она внимательно оглядела хлеб и сыр, которые он ей протягивал, и сказала, покачив головой:

— Черств твой хлеб, слишком черств! Таким хлебом тебе не накормить меня.

Юноша все продолжал протягивать к ней руку с хлебом, но дева уже исчезла.

Вернувшись домой, он все рассказал матери и добавил, что умрет от горя, если не сделает прекрасную деву своей женой. И на другой день мать дала ему в дорогу совсем мягкий, только что испеченный хлеб с сыром — ведь черствый ячменный хлеб девушке не понравился, так, может быть, этот ей покажется лучше?

Юноша долго ждал на берегу, не спуская глаз с озера. И наконец, словно опять заиграло яркое солнце, появилась на озере прекрасная дева с золотыми волосами и озарила все вокруг ярким светом.

На этот раз она показалась юноше еще прекраснее.

Он протянул ей хлеб с сыром, и позвал ее, и сказал, что хочет на ней жениться и умрет, если она отвергнет его любовь. Дева подошла к нему и внимательно оглядела, что было у него в руках, но, покачив головой, тихо сказала:

— Не пропечен твой хлеб! Не пойду я за тебя!

И сколько юноша ни просил, ни умолял, она опять исчезла.

Он вернулся домой таким несчастным, что сразу бросился на кровать и не хотел вставать. Но когда мать спросила его, что случилось, он все ей рассказал.

И вот матушка раздула пожарче огонь в очаге и на этот раз уж испекла не черствую ячменную лепешку и не сырой хлеб, а хрустящую, пышную булку.

На другой день юноша опять погнал стадо к озеру. Долго ждал он у озера, опершись о палку. Все утро светило солнце, но воды озера оставались спокойны. Прошел день. Когда же начало смеркаться, юноша совсем приуныл. Он уж не надеялся увидеть опять свою прекрасную деву.

Грустный и печальный, он собрал всех коров и овец, чтобы гнать их назад домой, и бросил последний прощальный взгляд на озеро, как вдруг, к своему великому удивлению, увидел на воде — нет, не прекрасную деву, а прекрасных черных, гладких коров, которые, словно по мягкой траве, шли прямо по озеру.

Он так и застыл на месте: не могли коровы прийти сюда одни! Наверное, вслед за ними появится и их прекрасная хозяйка.

И вот появилась дева озера, на этот раз еще прекрасней, чем раньше. Юноша сам пошел ей навстречу и протянул хрустящую, пышную булку с сыром. Она взяла булку и, когда юноша снова попросил ее стать его женой, сказала, что согласна, но должна спросить разрешения у своего отца.

Юноша очень обрадовался, но прекрасная дева тут же исчезла. Он не знал, что же ему делать, и звал ее, и хотел даже прыгнуть в воду, чтобы искать ее на дне озера. Однако не успел он ступить в воду, как из озера появилась его прекрасная дева, на этот раз вместе с величественным старцем.

— Если ты обещаешь быть добрым и верным мужем моей дочери,— сказал он,— я согласен отдать ее тебе в жены. И даже дам тебе хорошее приданое. Ты получишь столько коров и столько овец, сколько она сумеет насчитать зараз, не переводя дыхания. Но помни: если ты будешь несправедлив к ней или если ты, пусть даже случайно, заденешь ее чем-нибудь железным, она вернется в родное озеро. И все коровы и овцы уйдут следом за ней.

Юноша с радостью на все согласился. И старик соединил их руки.

— А теперь пора подумать о приданом,— сказал старик и велел дочке считать, не переводя дыхания.

— Раз, два, три, четыре, пять... раз, два, три, четыре, пять...— начала она считать и успела так насчитать семь раз.

И тут же из озера появилось тридцать пять тонкорунных овец.

Во второй раз дева озера насчитала пятнадцать. И тут же из озера вышло четырнадцать черных, гладких коров и один белолобый красавец бык.

Все стадо послушно вышло на берег и последовало за юношей и его невестой к его дому.

Молодые жили очень счастливо. Ни у кого во всем Уэльсе не было такого сладкого молока и такого вкусного масла, какое давали их волшебные коровы. А что до овец, то вряд ли у кого-нибудь была лучшая шерсть для пряжи, чем у них. Так что можете сами догадаться, как осторожен был муж, когда держал в руках что-нибудь из железа, чтобы — не дай бог! — не коснуться им нечаянно своей любимой жены.

Шли годы; у них родилось три сына. Сыновья выросли и стали юношами, столь же умными, сколь красивыми.

К тому времени отец превратился уже в седого, сторбленного старика. Но он не горевал, ведь у него было три удачных сына, которые помогали ему во всем, и их ферма с волшебными коровами и овцами по-прежнему процветала.

А прекрасная мать трех сыновей, его жена, оставалась все такой же молодой и красивой, как была когда-то давно-давно, когда он впервые увидел ее.

И вот однажды была объявлена большая ярмарка, на которую со всех концов страны сгоняли на продажу скот. Оставив трех сыновей дома следить за фермой, муж и жена решили тоже отправиться туда. Они вышли вместе из дому и поднялись в горы, чтобы поймать там двух пони — на них они бы скорей добрались до ярмарки.

А надо вам сказать, что пони паслись как раз на том склоне горы, который спускался к самому озеру, где когда-то юноша увидел прекрасную деву озера.

Жена, словно молодая девушка, легко взбежала по склону горы и сразу поймала за гриву одного пони. Но держать пони за гриву было неудобно, и она крикнула своему старику мужу, чтобы он кинул ей повод.

И муж, не думая, что делает, кинул ей вместо повода уздечку. Ах, какая беда — одной железной скобой уздечка за-

дела ее по руке! Жена грустно поглядела на него и отвернулась. Не сказав мужу ни слова, она отпустила пони и запела тихим, печальным голосом:

Милые мои Чернушки,
Пеструшки, Веснушки,
Вострушки,
И ты, Белолобый,
Седой, удалой,
Домой! Домой! Домой!

Поднялся ветер, небо пожелтело, загремел гром. Но она все пела:

И вы, мои белые,
И вы, мои серые,
Бросайте теплые хлевы
И спешите за мной
Домой! Домой! Домой!

Коровы, которые были привязаны в стойлах, вышли из коровника и спустились вниз к озеру. И четыре серых быка вместе с плугами спустились к воде. И овцы с ягнятами тоже сбежались к озеру.

А через миг на берегу не осталось ни стада, ни прекрасной жены — все скрылись в водах озера.

Муж вернулся домой, плача горькими слезами. Он позвал своих сыновей и рассказал им, что случилось. До этого дня юноши не знали, кем была их прекрасная мать, и, когда они услышали всю историю, они как могли принялись утешать отца.

— Не печалься, дорогой отец, — говорили они. — Вот увидишь, наша матушка нас не оставит.

Они и сами верили в это, а потому каждый вечер все трое спускались к берегу озера и ждали. Много-много вечеров... Но воды озера оставались спокойны, лишь легкий ветерок иногда вызывал на них мелкую рябь.

И вот однажды ночью, когда светила полная луна, а три брата, как всегда, сидели на берегу озера, она всплыла наверх — такая же прекрасная, как когда-то, когда была девой озера.

Она вышла на берег, приблизилась к своим сыновьям, нежно поздоровалась с ними и сказала, что любит их по-прежнему. И попросила их хорошенько запомнить все, что она им сейчас скажет, и тогда очень скоро они прославятся и станут великими людьми.

Она повела их за собой по берегу озера и дальше в горы, показала им все целебные травы и сказала, как они называ-

ются и какие болезни вылечивают. И очанку, которая помогает больным глазам, и пиретрум — от злой лихорадки, и подорожник — залечивать раны, и много других трав. Она сказала, когда какую траву собирать, как их смешивать и варить и какие при этом говорить заклинания.

Все трое внимательно слушали ее и постарались все запомнить. И правда, очень скоро они стали самыми мудрыми и прославленными врачевателями во всем Уэльсе. А когда состарились, передали свое искусство сыновьям и внукам.

Долгие годы, не одну сотню лет, из близка и далека приходили больные к их детям, внукам и правнукам, чтобы они излечили их болезни с помощью искусства, которому научила своих сыновей прекрасная дева озера.

Кэдуладер и козы

Жил в горах Уэльса пастух по имени Кэдуладер. У него было большое стадо горных коз. Самую красивую его козу звали Дженни.

Ни у одной козы не было такой гладкой, шелковистой шубы, как у Дженни, потому что каждую пятницу и субботу сами феи расчесывали и приглаживали ее шерсть. И в воскресенье, когда Кэдуладер пригонял своих коз домой, лучше Дженни не было козы в целом стаде.

Если ж говорить об уме, то Кэдуладер считал, что умней Дженни он не встречал никого, не только среди коз, но и среди людей. Поэтому и удивляться нечего, что он души в ней не чаял, да и она платила ему тем же.

Но, как говорится, всему приходит конец. Дженни, видно, тоже так думала и потому в один прекрасный день показала своему хозяину хвост да ускакала в горы.

Кэдуладер кинулся за ней в погоню. Он карабкался вверх по крутым горным тропам и звал ее сначала нежно и ласково, потом с угрозами, а затем уж у него совсем не стало духу звать ее, и он лишь кое-как поспевал за козой.

Горы в этих местах крутые, тропы обрывистые, и только Кэдуладер готов был схватить козу за хвост — хоп! — Дженни перескакивала на другую скалу. Хоп! — и она уже на соседнем утесе, а Кэдуладер опять в дураках.

Дженни словно дразнила его, и это еще больше злило Кэдуладера. И, уж конечно, от синяков, какие он набивал себе, стучаясь об острые камни, настроение у него лучше не

становилось. А горные ручьи и водопады, обдававшие его холодными брызгами, и совсем выводили его из себя.

В конце концов Кэдуладер очутился на узком уступе отвесной скалы. Напротив возвышалась такая же крутая скала, а между ними лежала бездна.

Прямо перед ним стояла Дженни и вызывающе глядела на него. По ее насмешливому взгляду Кэдуладер понял, что сделай он еще хоть полшага — она перемахнет через бездну и оставит его с носом, тогда уж навсегда.

— Ну, Дженни,— с трудом переводя дыхание, сказал Кэдуладер,— я бы еще мог простить тебе синяки и шишки, но вот то, что ты дурачишь меня, я никогда тебе не прощу!

Коза отпрыгнула от него в сторону, и он, не подумав, что делает, бросил в нее камнем. Дженни громко вскрикнула и упала вниз на выступ скалы.

Кэдуладер бросился на то место, где она лежала. От его гнева и злости не осталось и следа. Их сменили жалость и горе. Дженни часто дышала и, когда он дотронулся до нее, подняла голову и лизнула ему руку.

— Что я наделал! — воскликнул в отчаянии Кэдуладер.

Из глаз его брызнули слезы. Он сел рядом с Дженни и положил ее голову к себе на колени. Вскоре стемнело, но он все сидел там и гладил, и целовал ее шерсть, прислушиваясь к ее тихому дыханию.

Неожиданно из-за гор выплыла яркая полная луна. Она осветила все вокруг, и тут, к своему изумлению, Кэдуладер вдруг увидел, что Дженни из козы превратилась в прекрасную девушку с длинными шелковистыми волосами и нежными карими глазами. Она уже не казалась умирающей, а, наоборот, довольной, словно кошка, налакавшаяся сливок.

Он очень удивился — а как же мог он не удивиться? — когда она вдруг заговорила с ним человеческим голосом.

— Мой милый Кэдуладер,— сказала она со вздохом,— неужели я поймала тебя наконец?

Кэдуладеру стало как-то не по себе, он совсем не хотел, чтобы кто-нибудь поймал его, да еще таким нелепым образом. К тому же он никак не мог решить, называть ли ее по-прежнему Дженни, и чувствовал себя ужасно неловко. Поэтому он даже обрадовался, когда она встала и, взяв его за руку, повлекла за собой в горы.

Но вот что было странно и даже как-то не очень приятно: рука у Дженни была как рука и кожа мягкая, нежная, а все-таки ему казалось, что он держит не руку, а копыто. Да еще в голосе ее, хотя она говорила с ним очень нежно, по-

жалуй даже слишком нежно, нет-нет да и проскальзывало козлиное «бе-е-е!», от чего у него мурашки по спине забегали.

«Все ясно,— сказал он себе, глядя на ее белые ножки, скачущие по скалам,— я попал в дурное место. А впереди, наверное, будет еще хуже».

Очень скоро он убедился, что правильно угадал. Они с Дженни очутились на широком плато, расположенном на самой вершине горы, и тут же их окружило несчетное стадо горных коз. Кэдуладер в жизни своей не видел таких рогов и бород и не слышал такого блеяния.

Однако Дженни спокойно провела его сквозь стадо, отвечая направо и налево то по-козы, то по-человечьи. Наконец они остановились перед самым большим и самым старым козлом. Дженни низко поклонилась ему, словно королю.

— Это и есть тот человек? — спросил Козел-король.

— Тот самый,— ответила она.

— Да-а, я ожидал лучшего,— сказал король.— Для человека и то он выглядит довольно жалко.

— После он будет выглядеть лучше,— уверила Дженни короля.

«После чего?» — удивился Кэдуладер, хотя вопрос этот оставил при себе.

— Ну как,— спросил Козел-король, глядя на него красными глазами (вернее, глазами с красными ободками), — согласен ты вступить в нашу компанию?

«Ах, вот почему она сказала, что после я буду выглядеть лучше! — подумал Кэдуладер.— После того, значит, как меня превратят в козла».

— Никак нет, ваше величество! — одним духом выпалил он.— Я не хочу превратиться в козла и вообще не хочу больше иметь ничего общего с козами!

— Не хочешь стать козлом? — взревел Козел-король.— Ах ты, жалкое созданье! Да это мы, хозяева земли, не желаем иметь ничего общего с ничтожными людьми вроде тебя!

И с этими словами Козел-король одним ударом могучих рогов сбросил Кэдуладера со скалы.

Уже настало утро, когда Кэдуладер очнулся и обнаружил, что лежит под высокой скалой головой в кустах, а ногами в болоте. Ярко светило солнце, в небе носились птицы, но Кэдуладеру хотелось одного — скорее домой!

Стоит ли говорить, что свою Дженни он больше в глаза не видывал. Да это и не имело такого уж значения, потому что с того дня у него совсем пропал интерес к козам. Он распродал свое стадо и вместо коз купил овец. Так что если бы мы захотели рассказать вам новую историю про Кэдуладера — но не бойтесь, мы не хотим! — ее бы пришлось, наверное, назвать: Кэдуладер и овцы.

Лопата земли

На самой границе горного Уэльса жил некогда старый, злой великан. И уж не знаю почему, но он просто терпеть не мог мэра и всех жителей города Шрусбери.

Долго он ломал себе голову, как бы им посильнее досадить, и наконец не придумал ничего лучше, как бросить полную лопату земли в реку Северн, чтобы ее запрудить.

«Ха, ха! — думал великан Рекин (так его звали — вполне приличное имя для старого и злого великана). — Пусть речка выйдет из берегов и затопит весь город вместе с мэром и всеми жителями. Весь-весь!»

И вот это низкое создание в один прекрасный день отправилось в город Шрусбери с полной лопатой земли.

Не знаю уж, как так случилось, но по дороге он заблудился и пришел не к Шрусбери, а к Веллингтону. Уже вечерело, и великану хотелось скорей добраться до места, потому что ноша была тяжелая и он из сил выбился.

Совсем недалеко от города великан встречает сапожника с большим мешком на спине, в котором были старые башмаки да сапоги. Этот сапожник возвращался домой в Веллингтон, где была его лавка, а шел он из Шрусбери, где и набрал все эти башмаки и сапоги для починки.

— Послушай! — окликнул его великан Рекин. — Далеко еще до Шрусбери?

— До Шрусбери? — переспросил сапожник, запрокидывая голову и глядя вверх. Выше, выше, пока где-то уже совсем высоко он наконец не разглядел то, что было великановой головой, и она ему совсем не понравилась. Поэтому вместо ответа он спросил: — А что тебе там нужно, я имею в виду в Шрусбери?

— Видишь эту лопату земли? — спрашивает великан, и при этом голос его задрожал от злобы. — Я собираюсь бро-

сить ее в Северн, чтобы река вышла из берегов и затопила весь Шрусбери: и мэра, и жителей, всех, всех!

Сапожнику такая затея пришла не по душе.

«Ничего себе — затопить Шрусбери! — подумал он. — Вместе с мэром и всеми жителями. Ну нет, не выйдет!»

Так он подумал. Но на самом-то деле что мог поделывать какой-то ничтожный сапожник с настоящим великаном?

Он опустил на землю мешок, поскреб в затылке и говорит:

— Так, значит, Шрусбери? До него еще порядком! Сегодня тебе туда никак не добраться. Да и завтра, пожалуй, тоже.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает великан.

— Да я как раз иду из Шрусбери, — говорит сапожник и развязывает при этом свой мешок, чтобы великан увидел, что у него там. — Это очень далеко, поверь мне. Видишь, сколько башмаков и сапог я износил, пока шел оттуда?

— О горе мне! — вздохнул великан, и от его вздоха даже горы задрожали. — Тогда лучше я не пойду туда. Я и так совсем из сил выбился. Чтобы еще хоть немного тащить эту тяжеленную лопату с землей, нет уж!

— Если б немного! — подхватил сапожник. — Но туда еще идти и идти!

— Раз так, — говорит великан, — тогда мне, пожалуй, умнее всего сбросить эту землю прямо здесь и вернуться домой.

Сапожник промолчал: он боялся, как бы великан не разгадал его хитрость. Но великан так устал, да и вообще-то был глуповат, что ничего даже не заподозрил. Он опрокинул лопату с землей на том месте, где стоял, вычистил о край лопаты свои сапоги и зашагал прочь в валлийские горы. И больше о нем в Шрусбери не было ни слуху ни духу.

А если вы не верите, что все так и случилось, ступайте по дороге из Шрусбери в Веллингтон и, не доходя до города, сами увидите на том месте, где великан опрокинул лопату земли, высокий холм, который так и называется Рекин, а рядом холмик — поменьше — из той земли, которую великан чистил со своих сапог.

Французские
сатиры и сказки

Бой Кухулина с Фердиадом

Из древних ирландских sag

Герой из героев, славный воин древнего Ульстера, первый среди воинов Красной Ветви короля Конхобара, бесстрашный уладский пес — так называли Кухулина его друзья и враги.

И был еще только один воин в пяти королевствах древней Ирландии, или, как тогда говорили, — в Эрине, который мог сравниться с Кухулином в отваге и боевом искусстве.

То был Фердиад, сын Дамона.

Эти два славных героя — Кухулин и Фердиад — были названными братьями и друзьями. Они вместе росли, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной воительницы Скатах на острове Скай. Там прошла их юность, там они познали любовь и возмужали, оттуда, рука об руку, отправились на ратные подвиги в чужие, далекие страны.

Их преданность и верную дружбу скрепила кровь, пролитая во многих опасных битвах, боях и сраженьях.

Но случилось так, что, рассердившись на злого и коварного короля Конхобара, Фердиад вместе с другими воинами Красной Ветви покинул Ульстер и ушел на службу к гордой и жестокой коннахтской королеве Мав.

Как раз в ту пору Мав задумала идти войной на королевство Ульстер. Ей давно хотелось показать королю уладов Конхобару, что не он самый сильный король в Эрине.

Она собрала всех своих славных воинов и сама повела их на север в Ульстер. Время для войны она выбрала удачное — короля Конхобара и его воинов одолел тяжкий недуг. Это случалось с ними к началу каждой зимы — в наказание за то, что однажды король Конхобар надсмеялся над богиной войны Махой.

И вот когда все уладские воины обессилели от недуга, королева Мав покинула Коннахт и подошла со своим во-

инством к самой границе Ульстера — к Северному Проходу.

Узнав, что на Ульстер идет могучее войско королевы Мав, Кухулин послал своего возницу Лойга к богине Махе с великой просьбой, чтобы она сняла свое проклятье с уладов. А пока силы к ним еще не вернулись, Кухулин один вышел защищать Северный Проход от врага.

Проклятье богини Махи его не коснулось: когда с уладами только случилось это несчастье, Кухулин еще не родился.

Не проходило дня, чтобы от руки Кухулина пало меньше ста воинов королевы Мав. Недаром шла о нем слава героя из героев, бесстрашного бойца, победителя во многих битвах.

Мало того, по ночам Кухулин незаметно подбирался к самому лагерю гордой королевы и камнями, метко пущенными из пращи, разгонял всю ее стражу. Так что никому не было от него покоя не только днем, но и ночью.

Тогда надумала королева Мав направить к Кухулину гонцов и послов. Гонцы бегали от нее к палатке Кухулина и обратно, передавая ее вопросы и его ответы. И было решено между ними, что не станет больше королева Мав продвигаться в Ульстер форсированным маршем, а будет каждый день посылать к Кухулину по одному воину для встречи в славном поединке. Условились они, что, пока он будет биться в поединке, она может идти со своим войском вперед, но как только воин ее будет убит — коли это случится, — она остановится до следующего дня.

«Лучше уж я буду терять в день по одному воину, чем по сто», — думала коварная Мав.

Но шел день за днем, и Кухулин убивал в честном поединке одного за другим лучших ее воинов. И настал день, когда королева Мав не знала, кто бы еще мог сразиться и выдержать бой с Кухулином.

Пришлось ей созвать большой совет мужей Эрина. Стали мужи Эрина думать и, подумав, сошлись на одном:

— Фердиад, сын Дамона! Ибо в битве, в бою и в сражении он один равен храбрейшему герою Кухулину. Вместе росли они, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной Скатах.

— Удачный выбор! — одобрила королева.

И послали гонцов и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал назад гонцов и послов королевы. Не пошел он на ее зов, ибо знал, чего хотят от него: чтобы вступил он в единоборство с милым другом своим, названным братом и соратником.

Тогда Мав послала к Фердиаду друидов и злых певцов, чтобы они спели ему три цепенящих песни и три злых заклинания — на позор, посмеяние и презрение, — если Фердиад откажется к ней прийти.

На этот раз Фердиад пошел, ибо легче, казалось ему, пасть от копья силы, ловкости и отваги, чем от стрел стыда, позора и поношения.

Мав сама вышла к нему навстречу и приняла его с честью и приветом. Потом созвала своих вождей и военачальников и приказала им устроить в честь Фердиада пир.

За столом Фердиад сидел от нее по правую руку. А с другой стороны рядом с ним Мав посадила свою дочь Финдабайр и наказала ей подливать в кубок героя лучшие вина, чтобы он никогда не оставался пустым.

Фердиад быстро захмелел и развеселился. Тогда королева стала восхвалять его отвагу, мужество и геройские подвиги и посулила ему несметные богатства, новые земли и свою дочь Финдабайр в жены, если он вступит в единоборство с Кухулином.

Собравшиеся за столом громко приветствовали такие слова королевы.

Все, кроме Фердиада.

Он один сидел молча. Горько было ему даже думать о бое со своим другом, товарищем и побратимом. Он сказал королеве:

— Твои дары поистине щедры и прекрасны, гордая Мав! Но я недостоин их. Никогда я не приму их в награду за бой с милым моим другом Кухулином.

Еще он так сказал королеве:

И сердца наши бились рядом,
И в лесах мы сражались рядом,
На постели одной спали рядом,
Устав, обессилев в жестоком бою...

И поняла тогда Мав, что такую преданность и любовь не разрушить ни лестью, ни подкупом. И задумала она иной план.

Когда Фердиад кончил песню об опасных делах, какие они свершали вместе с Кухулином, она, сделав вид, будто не слышала, что он только что говорил, обернулась к своим воинам и советникам и спокойно заметила:

— Пожалуй, теперь я готова поверить тому, что говорил о Фердиаде Кухулин.

— А что Кухулин говорил обо мне? — спросил Фердиад.

— Он сказал, что ты слишком опаслив и осторожен, чтобы выступить против него в поединке, — ответила Мав.

Фердиада охватил гнев, и он воскликнул:

— Не следовало Кухулину так говорить обо мне! Не мог он, положив руку на сердце, сказать, что хоть раз я был трусом или выказал недостаток храбрости в наших общих делах. Клянусь моим славным оружием, завтра же на рассвете я первый вызову его на бой, который мне так ненавистен!

И, не прибавив больше ни слова, Фердиад, печальный, вернулся в свою палатку.

В ту ночь не слышно было ни музыки, ни песен среди верных воинов Фердиада. Они видели, как вернулся с королевского пира их начальник и господин, и шепотом вели беседу, с тревогой вопрошая друг друга, что же будет. Они знали, что Фердиад искусен и столь же неустрасим в бою, но они знали, что не менее искусен и столь же неустрасим Кухулин.

Как им было не знать, что, когда встречаются в честном поединке два таких бесстрашных героя, одному из них суждено погибнуть!

Фердиад отдыхал до рассвета, а потом велел запрячь колесницу — он хотел явиться на место поединка раньше Кухулина.

Возница вывел коней, запряг колесницу и вернулся в палатку к Фердиаду. Он попытался уговорить своего господина не идти в бой на Кухулина. Фердиад не скрыл от него, как тяжело ему выступать против своего побратима, но уж коли он дал слово королеве Мав, он его сдержит.

Лучше б он не давал ей слова!

Печаль и гнев не оставляли Фердиада при мысли об этом. Он пришел в палатку уладских воинов и, повысив голос, громко сказал, чтобы слышали все:

— Пусть лучше мне погибнуть от руки славного Кухулина, чем ему от меня! А если падет от моей руки Кухулин, не жить и королеве Мав и многим из ее славных воинов. Виною тому обещание, какое она вырвала у меня, когда я был пьян и весел у нее на пиру. Верьте мне!

Потом Фердиад взошел на колесницу и устремился к броду через реку на место поединка. Там он заставил возницу распрячь коней и, разобрав колесницу, велел поставить для себя шатер и накрыть его шкурами. Землю застлала пледом, набросали подушек, и Фердиад лег спать до прихода Кухулина.

А пока он спал, верный Кухулину Фэргус тайно покинул палатку коннахтских воинов и отправился к Кухулину, чтобы сказать ему, с кем ему предстоит биться в грядущий день.

— Клянусь жизнью, — воскликнул Кухулин, услышав эту весть, — не такой разговор хотелось бы мне вести с моим другом и побратимом! Не из страха перед ним, но из любви и нежной привязанности. Но раз уж так случилось, лучше

мне погибнуть от руки этого славного воина, чем ему от меня!

И Кухулин лег спать и спал долго. Не хотел он рано вставать, чтобы коннахтские воины не сказали, что ему не спится из-за страха перед Фердиадом. Солнце стояло уже высоко, когда он наконец поднялся на свою колесницу и поехал к броду через реку на место поединка.

Фердиад уже ждал его и, как только Кухулин сошел с колесницы, приветствовал своего друга.

— Ах, Фердиад,— горестно сказал ему в ответ Кухулин,— раньше я верил, что ты приветствуешь меня как друг. Но теперь этой веры больше нет! Как мог ты променять нашу дружбу на лживые обещания вероломной женщины?

Уязвленный упреками Кухулина, Фердиад воскликнул:

— Не слишком ли затянулся наш разговор? Пора вступить в беседу нашим копьям!

И вот, сблизившись, славные воины стали метать друг в друга легкие копья. Словно пчелы в ясный летний денек, летали между врагами острые дротики, и горело солнце на их крыльях — наконечниках.

Так бились они целый день, время от времени меняя оружие. Но и в защите, и в нападении их искусство было равно, и какое бы оружие они ни выбирали, ни разу оно не обагрилось их кровью. Когда же спустилась ночь, они решили, что на сегодня поединок закончен и пора отдохнуть.

Побросав оружие своим возницам, отважные воины кинулись друг другу на шею и трижды по-братски нежно расцеловались.

Потом возницы приготовили для них постели из свежего камыща, для каждого на своем берегу реки: для Фердиада — на южном, для Кухулина — на северном.

Из Ульстера прискакали гонцы и привезли Кухулину целебные травы и снадобья, чтобы поднять его силы и избавить от боли и усталости его натруженное тело. Кухулин разделил все травы и все лекарства поровну и отослал половину Фердиаду.

А коннахтские воины принесли из лагеря для Фердиада еду и питье. Фердиад разделил тоже все поровну и отослал половину Кухулину.

Ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Наутро, как только засветило солнце, бойцы снова встретились у брода. На этот раз они сражались на колесницах, пуская в ход тяжелые копья. Бой шел весь день, и каждый получил немало жестоких ударов, прежде чем настала ночь и они решили передохнуть. На этот раз оба были так тяжело

изранены, что птицы могли влетать в их раны с одной стороны и вылетать с другой.

Но и эту ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Когда же наутро они встретились у брода, чтобы продолжать поединок, Кухулин увидел, что Фердиад уже не тот, что был прежде: и взгляд его стал мрачен, и не мог он уже прямо держаться, а шел сгорбившись, еле волоча ноги.

Великая печаль охватила Кухулина. Он перешел вброд реку и, приблизившись к Фердиаду, сказал ему:

— Друг мой, товарищ и побратим, вспомни, как мы любили друг друга, как вместе проливали кровь в жестоких битвах, боях и сраженьях. Послушай своего младшего брата: откажись от единоборства у брода!

На это Фердиад ниже опустил голову, чтобы не смотреть в глаза Кухулину, и сказал с грустью, что не может он нарушить свое слово, данное в злую минуту королеве Мав, и будет биться с Кухулином, пока один из них не победит.

На этот раз они вместе выбрали оружие, и бой начался.

Весь длинный день в полной тишине они метали тяжелые копья, сшибались на острых мечах, рубили, кололи, резали и наносили прямые удары. Только темный вечер заставил их кончить единоборство.

Все так же молча побросали они оружие своим возницам и, не обнявшись, не сказав другу другу доброго слова, мрачно разошлись по своим палаткам.

Ту ночь их кони провели в разных загонах, а возницы — каждый у своего костра.

Рано утром Фердиад поднялся первым и надел свои самые прочные, самые тяжелые, непроницаемые боевые доспехи, чтобы защитить себя от ужасного рогатого копья — Га-Бўльга, каким славился Кухулин в поединке у брода.

Вскоре вышел к реке и Кухулин, и бой разгорелся, свирепый и беспощадный.

Удары их копий были так сильны, что щиты бойцов прогнулись вовнутрь. Шум битвы их был так велик, что вспугнул всех демонов неба и заставил их носиться в воздухе с громкими криками. Так тяжела была поступь бойцов, что они вытеснили реку из берегов.

Уже близился вечер, когда Фердиад неожиданным выпадом жестоко ранил Кухулина, вонзив свой меч в его тело по самую рукоять, и кровь рекой полилась из раны и затопила брод.

Кухулин не успел ответить, а Фердиад следом за первым ударом нанес второй и третий.

Только тогда крикнул Кухулин своему вознице Лойгу, чтобы подал он рогатое копые Га-Бульгу. Прицелившись, он метнул его двумя пальцами ноги, и Га-Бульга, пробив тяжелые доспехи Фердиада, смертельно поразил его.

— Вот и пришел мне конец, мой Кухулин,— произнес Фердиад и рухнул на землю.

Увидев, как падает на землю его друг и названный брат, Кухулин отбросил страшное свое оружие и кинулся к Фердиаду. Он склонился над ним, поднял его на руки и с осторожностью перенес через брод на северную сторону реки — сторону славных уладов. Не хотел он оставлять друга своих юных лет, своего названного брата, соратника в грозных битвах на земле врагов, на южном берегу реки.

Кухулин опустил Фердиада на землю, склонился над ним и стал горько его оплакивать. Забывшись в горе и не думая об опасности, Кухулин долго просидел так возле убитого друга, пока его возница Лойг не посоветовал ему уйти подальше от брода, где в любую минуту на него могли напасть коварные воины королевы Мав.

На слова Лойга Кухулин медленно поднял голову и сказал тихо, печально:

— Друг мой Лойг, знай и запомни: отныне и впредь любая битва, любой бой или сражение покажутся мне пустой шуткой, забавой, игрушкой после поединка с милым моему сердцу Фердиадом.

И такую песню сложил Кухулин, оплакивая убитого друга:

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В ученье у Скатах мы были рядом —
У грозной наставницы юных лет
Вместе прошли мы науку побед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В боях жестоких мы бились рядом,
И каждому щит был от Скатах в дар —
За первый успех, за верный удар...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
Милый мой друг, мой светоч, брат мой,
Гроза врагов, славный герой,
Без страха ты шел в последний бой...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
О лев свирепый, лютый и мудрый,
О вал морской, что о берег бьет,
С пути все сметая, ты шел вперед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
Любимый друг мой, отважный Фердиад,
Все смерти стоят твоей одной.
Вчера высокой ты был горой,
Сегодня у брода ты встретил смерть.

Жена самого О'Доннела

На протяжении всей истории Ирландии, длинной, бурной и удивительной, не было, мне думается, женщины умнее Сав — жены самого О'Доннела.

Да, это была необыкновенная женщина.

Сам О'Доннел, король Донегольский, по-своему тоже был умен. Вот, например, как-то раз на пасхальной неделе он принимал у себя при дворе именитого испанского гостя, и к столу не хватило яблок. Он тотчас послал из своего замка слугу в ближнее аббатство, однако скупая братия ответила, что, увы, от старых запасов ничего не осталось и, пока не поспеет новый урожай, яблок у них не будет.

Тогда О'Доннел приказал отправить монахам в подарок связку свечей. И посланец, который отнес их, вернулся оттуда с корзиной чудесных яблок.

О'Доннел тут же сочинил на гэльском языке остроумное двустихие и отослал его с выражением своей благодарности в аббатство: мол, он потрясен открытием, что свечи помогают яблокам созревать быстрее. Так-то вот...

Да, только начали-то мы с вами говорить о его жене по имени Сав. История о том, как он нашел ее, дочь бедняка из бедняков, и пленился ее мудростью, уже сама по себе пресходна, и, может быть, я поведаю вам ее, когда будет веселей у меня на душе. А сейчас я хочу рассказать вам, как Сав перехитрила своего любимого мужа.

Когда он впервые был пленен ее ясным умом и думал удивить эту босоногую девушку известием, что собирается на ней жениться и сделать ее хозяйкой своего сердца и своего дома, то удивляться пришлось ему самому, так как она наотрез ему отказала. Как только он успокоился, он спросил ее о причине такого безрассудства. И Сав ответила:

— Ослепленный любовью, вы сейчас не замечаете ни моего положения, ни моей бедности. Но придет день, когда,

если я осмелюсь разгневать великого О'Доннела, он забудет, что я ничем не хуже его, если не лучше, и ввергнет меня снова в ту нищету, из которой поднял.

Клятвы О'Доннела, что этого никогда не случится, не колебали ее. Он просил ее, и умолял, и преследовал день за днем, с понедельника до воскресенья, и опять день за днем, пока наконец Сав не согласилась стать его женой.

Но она потребовала от О'Доннела клятвы, что, если придет день — а он наверное придет! — когда О'Доннел пожалеет о совершенной им глупости, станет ее попрекать и прикажет убираться восвояси, ей разрешено будет забрать из его замка все, что она сама выберет и сумеет унести у себя на спине за три раза.

Счастливый О'Доннел громко смеялся, соглашаясь на это ее чудное условие.

Они поженились и были счастливы. У них уже рос сын, в котором оба души не чаяли. И в течение целых трех лет О'Доннел сдерживал свой буйный нрав и не обижал ту, которую нежно любил, хотя ему частенько хотелось это сделать, особенно когда ей удавалось, и весьма умело, расстраивать его вероломные планы.

Но однажды она зашла слишком уж далеко, и это позволило королевским придворным восстать против своего господина.

У короля шел прием. Его жена сидела с ним рядом и с беспокойством наблюдала, какой страх он внушает всем, кто пришел к нему с просьбами. И вдруг какой-то босоногий монах дерзко шагнул прямо к королю. Быть может, ему и следовало вести себя поскромнее, но он был явно обижен.

— Ты кто такой? Что у тебя за просьба? — О'Доннел замахнулся, чтобы поставить раба на место.

Но человек этот не оробел, напротив — еще более дерзко и вызывающе он ответил:

— Посланник Бога я, О'Доннел! И пришел просить тебя исправить все зло, какое ты совершил.

О'Доннел готов был обрушить жестокий удар на голову этого безумца, но королева рукой остановила мужа и очень спокойно сказала разгорячившемуся монаху:

— Мы слышали много хорошего о твоём господине. Передай ему, чтобы он ничего не боялся и приходил сам сюда. Пусть смиренно изложит нам свою обиду, и тогда он узнает, как добр и милостив великий О'Доннел.

Вот что сказала королева Сав монаху.

Однако такая насмешка над господом богом пришлась не по вкусу королевским советникам и подданным, и при дворе вспыхнули беспорядки.

Тогда взбешенный О'Доннел накинулся на свою жену:
— Ах ты змея! Но так мне, глупцу, и надо! Что хороше-го мог я ожидать, женившись на нищенке — дочери нищего! Долой из моего замка и с глаз моих! Навсегда!

— Прекрасно, — ответила спокойно Сав. — Но я заберу с собой три самых больших ценности, какие только захочу.

— Забирай что угодно! — крикнул он. — Все равно я еще дешево от тебя отделался!

И все же он с досадой смотрел, как она собирает все редчайшие и самые ценные украшения, какие делали его замок предметом всеобщей зависти. Но в гордыне своей он не промолвил ни слова. В полном молчании наблюдал он и весь его двор, как она перенесла свою ношу через разводной мост и, сложив ее на той стороне, вернулась назад.

— Что последует за этим? — храбро спросил он.

Повернувшись к нему спиной, Сав сказала:

— Посади ко мне на плечи нашего сына!

На мгновение О'Доннел остолбенел. Но он тут же вспомнил о прославленной честности всех О'Доннелов и, не моргнув глазом, оторвал частицу своего сердца — сына своего, посадив его на плечи этой жестокой.

Она перенесла сына через мост и опустила на мешок с бриллиантами, золотом и прочими драгоценностями, а сама вернулась опять.

— Ну, а теперь?

О’Доннел был тверд, как скала, и, как гранит, был тверд его вопрос: «Ну, а теперь?»

— А теперь,— ответила эта необыкновенная женщина,— самое ценное. Теперь ты садись ко мне на спину, моя самая тяжелая ноша!

В старину говорили:

Куда пришла женщина, туда последуют и неприятности.

Поле ромашек

В один солнечный денек — то был не простой денек, а праздник, самый любимый в Ирландии весенний праздник — Благовещенье, — вдоль живой изгороди по солнечной тропинке прохаживался молодой паренек. Звали его Том Фитцпатрик. Гуляя по полю, он вдруг услышал негромкое тук-тук, тук-тук где-то у самой земли за изгородью.

«Неужели каменка щелкает? — подумал Том. — Для нее будто бы рановато!»

И Тому захотелось взглянуть на раннюю пташку, чтобы своими глазами убедиться, правильно он угадал или нет. Вот он подкрался на цыпочках к изгороди, раздвинул кусты и... И увидел, но только не пташку, а огромный, прямо с ведро, бурый глиняный кувшин.

Однако самое удивительное было другое: рядом с кувшином сидел маленький-премаленький, совсем крошечный старичок. На нем был замусоленный, затасканный кожаный фартук, на голове красовалась маленькая треуголка.

У Тома на глазах старичок вытащил из-под себя деревянную скамеечку, встал на нее и маленьким кувшинчиком зачерпнул в большом кувшине, потом поставил полный кувшинчик рядом со скамеечкой, а сам сел на землю возле большого кувшина и начал прибивать каблук к башмаку из грубой коричневой кожи — тук-тук, тук-тук.

Это и было то самое «тук-тук», что услышал Том.

«Силы небесные! — воскликнул про себя Том. — Лепрек-кон! Ей-ей, лепрек-кон! Слышать-то я про них слышал, но вот не думал, что они на самом деле встречаются!»

Вы уж, наверное, догадались, что Том имел в виду веселого эльфа-сапожника, которого в Ирландии называют лепреконом. Но самое интересное, что лепреконы умеют шить

башмак лишь на одну ногу — или на правую, или на левую, — так, во всяком случае, о них говорят.

«Мне удача! — подумал Том. — Только теперь нельзя с него глаз спускать, а не то он исчезнет, словно его и не бывало».

И Том подкрался к лепрекону поближе тихо-тихо, словно кошка к мышке, а сам глаз с него не спускал.

— Бог в помощь, соседка, — сказал он, а сам уж руку протянул к маленькому сапожнику.

— Спасибо на добром слове, — ответил лепрекон, поглядев на Тома.

— Вот только дивлюсь я, чего это вы в праздник работаете! — говорит Том.

— Это уж мое дело, — отвечает старикашка.

— А не будете вы так любезны сказать, что у вас в этом большущем кувшине?

— Отчего ж не сказать, — говорит старичок с ноготок. — В нем прекраснейшее пиво.

— Пиво? — удивился Том. — Гром и молния! Где это вы его раздобыли?

— Где я раздобыл его? Сам сделал! А из чего, угадай!

— Ну, кто его знает из чего, — говорит Том. — Из хмеля да из солода, из чего же еще.

— А вот и промахнулся! — говорит старичок с ноготок. — Из вереска!

— Из вереска? — удивился Том еще больше, да так и прыснул со смеху. — Ты, видно, за дурака меня принимаешь, так я и поверил, что из вереска!

— Не хочешь — не верь, — говорит старичок. — Но я тебе правду сказал. Ты разве не слыхал историю про датчан?

— Ну, слыхал, а что, собственно, про них слышать-то? — спросил Том.

— Когда датчане в старину жили на нашем острове, они научили нас варить пиво из вереска, и с тех пор моя семья хранит этот секрет.

— Ну и умный вы народец! — воскликнул Том. — А попробовать твое пиво можно? — спросил он.

Но маленький старикан глянул на него сердито и, нахмурившись, ответил:

— Лучше вам, молодой человек, беречь отцовское добро, чем приставать к честным людям с глупыми вопросами! Оглянись-ка! Не видишь разве, в твой овес забрались коровы и весь его потоптали. — И с этими словами старичок указал пальцем на что-то у Тома за спиной.

Том от неожиданности чуть было не обернулся. Да хорошо, вовремя спохватился, протянул руку — и хватать малышку лепрекона.

Но вот беда: впопыхах он опрокинул кувшин с вересковым пивом, а стало быть, ему уж не отведать его никогда в жизни! Том ужасно рассердился на старичка лепрекона и пригрозил, что отомстит ему за такие шутки, если лепрекон не покажет, где прячет свои сокровища.

Том был уверен, что у каждого лепрекона, так же как у всех эльфов — в Ирландии их называют еще дини-ши и, — зарыт где-нибудь в укромном месте кувшин с золотом.

— Ну, так где же твое золото? — очень грозно спросил Том.

Малютка сапожник притворился испуганным и сказал:

— Через два поля отсюда. Идем, я провожу тебя туда, раз уж так все получилось.

И Том зашагал через поле, не выпуская лепрекона из рук и не спуская с него глаз ни на секунду, хотя ему приходилось и через изгороди перелезать, и прыгать через канавы, и огибать болота.

Уф, наконец-то он добрался до широкого ромашкового поля, и лепрекон, указав на высокую ромашку, сказал со вздохом:

— Рой здесь и найдешь большой кувшин. В нем полно полно золотых гиней.

Но вот досада, в спешке Том позабыл захватить с собой лопату. Что же теперь делать?

Подумав, он решил, что не остается ничего другого, как бежать домой за лопатой. А чтобы не ошибиться, где потом копать, он достал из кармана красную ленточку и обмотал стебель той ромашки, на которую указал лепрекон. Но тут у него родились кое-какие сомнения, и он сказал лепрекону:

— Поклянись, что не снимешь мою ленточку с этой ромашки!

Лепрекон поклялся верой и правдой, что пальцем не тронет ее, и спросил очень вежливо:

— Надеюсь, я больше не нужен вам?

— Нет. Дело сделано, теперь можешь идти. Скатертью дорожка, желаю удачи.

— Будь здоров, Том Фитцпатрик, — сказал лепрекон. — Пусть на пользу пойдет тебе мое золото, когда ты его откопаешь.

Том опустил маленького сапожника на землю, и тот отправился восвояси.

А Том, как вы сами можете себе представить, кинулся со всех ног домой, нашел лопату и вернулся тут же на ромашковое поле.

Но что это? Что увидел он, вернувшись на поле?

Лепрекон свое слово сдержал: красной ленточки Тома он не трогал, что верно, то верно. Но зато обвязал точно такой же красной ленточкой стебель каждой ромашки на поле!

Бедняга Том! Что же ему теперь оставалось — перекопать все поле? Но это было невозможно. В поле было не меньше добрых сорока ирландских акров!

Пришлось Тому возвращаться домой с пустыми руками и с лопатой на плече.

В старину говорили:

Если бы отец сделал из меня сапожника, все ходили бы босиком.

Темный Патрик и Повелитель Ворон Кромахи

Король Кóннахта был добрый король, но у него было три беспутных сына, которые однажды накликали на него великую беду.

А вышло все из-за того, что они сыграли злую шутку с очень опасным человеком — самим Повелителем Ворон — Кромахи.

Кромахи был древним колдуном. Он жил в маленькой хижине в чаще леса, впрочем, не так уж далеко от королевского замка. На верхушках деревьев, что нависли над его хижиной, гнездились вороны. На самом-то деле это были не вороны, а злые духи, которые служили своему повелителю Кромахи.

И вот — как, наверное, сделали б и другие на их месте, когда всего вдоволь, а занятий никаких, — три королевских сына, Диклан, Дáрмид и Дáти, решили в один прекрасный день просто так, забавы ради, сыграть над старым Кромахи одну из своих шуточек: засунули ему в дымоход каменную плиту. Ну, и колдун чуть не задохнулся от дыма.

Взбешенный Кромахи гнался за ними до самого замка и там в присутствии отца, у которого чуть сердце не разорвалось от горя, проклял их и предрек, что первый сын станет вором и его всю жизнь будет преследовать закон; второй сделается убийцей и всю жизнь не будет выпускать но-

жа из рук, а младший превратится в нищего и всю свою жизнь будет жить подаянием.

Потом он проклял и отца, который потакал сыновьям и сделал из них таких вот озорников и бездельников, и предрек, что король будет жить, чтобы видеть, как злая судьба постигнет одного за другим всех трех его сыновей.

Бедный отец, убитый горем, сразу слег в постель. И в тот же миг в его спальню влетели четыре вороны, расселись на четырех столбах его кровати и принялись зловеще каркать: «Карр! Карр! Карр!»

Так они каркали день и ночь, день и ночь...

И от этого карканья не только у короля распаталось здоровье и помутился разум, страдали все, кто жил в замке или возле него. Король созвал всех мудрецов и ученых мужей королевства, чтобы они дали совет, как избавиться от такой напасти. Но безуспешно.

Наконец, эти дурные вести о болезни короля и его подданных долетели до Донегóлских гор и достигли ушей Темного Пáтрика. Грустно сделалось у него на душе, и вот он захлопнул дверь своей хижины, перекинул через плечо красный узелок и зашагал в Коннахт.

Когда этот бедняк представился в замке и попросил отвести его в королевскую спальню, слуги хотели было напустить на него собак. Но королева услышала шум и спросила, что случилось. А так как сердце ее разрывалось от горя и она готова была испробовать любое средство, она сказала:

— Раз уж никто из наших мудрецов и ученых не сумел нам помочь, этот темный бедняк хуже все равно нам не сделает. Введите его, и будь что будет!

И Темный Патрик очутился в спальне короля, окруженного толпой философов, мудрых советчиков и докторов.

Темный Патрик вошел, поклонился всем и попросил изложить дело, что было исполнено. Тогда он поглядел на черных ворон, рассевшихся на четырех столбах королевской кровати, и велел позвать трех принцев.

Первого, старшего, принца он спросил, как его звать.

— Меня зовут Диклан.

— А какое проклятье наложил на тебя Кромахи?

— Он сказал, что я стану вором и всю мою жизнь меня будет преследовать закон.

Темный Патрик повернулся к королеве, дрожавшей от страха, и сказал ей:

— Тотчас отошлите Диклана в лучшую школу законов. Пусть станет судьей, и ни один законник к нему не придерется!

И в тот же миг ворона, что сидела в изголовье на левом столбе кровати, испустила пронзительный крик, от которого

у всех мороз пробежал по коже, расправила крылья и вылетела в открытое окно.

Тогда Темный Патрик обратился ко второму принцу:

— А как тебя зовут?

— Мое имя Дармид.

— Какое ты заслужил проклятье?

— Я стану убийцей и всю мою жизнь не буду выпускать ножа из рук.

Темный Патрик повернулся к трепещущей королеве и сказал:

— Немедленно отошлите Дармида в лучшую медицинскую школу. Пусть учится и станет врачом! Тогда его нож не будет ножом убийцы.

Тут ворона, что сидела в ногах кровати на правом столбе, издала пронзительный крик, от которого у многих замерло сердце, раскинула крылья и вылетела в окно.

Тогда Темный Патрик обратился к младшему принцу:

— Как твое имя?

— Дати.

— На какое проклятье обрек тебя Кромахи?

— Я буду нищим и всю мою жизнь буду жить подаянием.

Темный Патрик повернулся к задыхающейся от волнения королеве.

— Не теряя драгоценного времени,— сказал он,— отошлите этого юношу в университет. Пусть он станет поэтом, и все, что ему дадут за труды, он возьмет себе по заслугам!

Мерзкая ворона, сидевшая на левом столбе в ногах кровати, издала пронзительный крик, расправила крылья и улетела в окно.

Радость, постепенно заполнившая королевское сердце, заставила его подняться в постели и закричать от счастья. И в тот же миг четвертая ворона испустила душераздирающий крик, который наверняка уж разнесся на все четыре стороны коннахтского королевства, и тоже вылетела в окно.

Темный Патрик скромно отказался от всех почестей, которые король и королева на радостях предлагали ему. Он отверг и пост главного советчика, который все мудрецы, ученые и философы следом за королем и королевой просили его принять. Он сказал им, что он простой и темный горец и не привык жить при дворе, в замке, среди великих ученых мужей, что может быть счастлив только в своей убогой хижине в Донеголе, возделывая картофельное поле на склоне горы.

И, перебросив через плечо красный узелок, Темный Патрик пустился в обратный путь.

В старину говорили:

Трех вещей опасайся: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.

Лиса и гуси

Всякий знает, что одно лишь появление лисы нагоняет на гусей страху, но отчего это так, известно очень немногим. На прогалине, в лесу, подрались раз две гусыни. Обе из одной стаи, обе схватились за один зеленый листок. Прибежали два гусака узнать, что случилось, ну и сами тут же пустились в драку: каждый за ту гусочку, которая ему больше приглянулась.

А потом подоспела и вся стая, разделилась на два лагеря, и такой тут бой разгорелся, такой галдеж поднялся, что все звери в лесу всполошились.

Пришла с расследованием и лиса и сказала, что не подobaет братьям и сестрам, родным и двоюродным, тетям и дядям вступать в столь постыдный спор. Пусть-де лучше пойдут к умному судье, расскажут ему все как есть и попросят разрешить их дело миром.

На что гуси ответили, что они не знают ни одного судьи. Тогда лиса скромно заметила, что люди считают ее большим знатоком законности.

— Так-то оно так, да мы слышали, что все законники очень жадные,— сказали гуси.— Наверное, вы потребуете с нас слишком дорого.

— Как можно! — возмутилась лиса.— Просить дорого со своих лучших друзей гусей.

И она пообещала рассудить их бесплатно, просто из любви к гусям.

Только для этого она потребовала, чтобы две зачинщицы спора пошли к ней домой и рассказали ей всю историю. Они пошли, и она заперла за ними дверь, чтобы никто не мог помешать их беседе.

Немного погодя лиса вышла и сказала, что необходимо присутствие двух гусаков, и они пошли за ней.

Еще через некоторое время лиса вышла за двумя свидетелями. Все захотели быть свидетелями. Но лиса выбрала двух самых больших и жирных, так как свидетели должны быть представительными, сказала она.

Немного погодя она вышла еще за двумя, чтобы они выступили защитниками. И опять, так как ей хотелось собрать у себя представительных лиц, она выбрала самых гладких и жирных. Тут один скромный гусенок заметил, что сама лиса с каждым разом выглядит все толще и круглее. Ну да, объяснила лиса, она просто-таки распухает от показаний, которые она получает в процессе ведения дела.

После этого прошло немало времени, но ни лиса, ни кто-либо из их собратьев не появлялся, и гуси, оставшиеся от стаи, решили войти в дом и узнать, что там происходит. Они нашли лису спящей на великолепнейшей пуховой перине, но ни одного гуся рядом. Они разбудили лису и спросили, где их собратья. Лиса с изумлением огляделась вокруг и воскликнула:

— Ну кто бы подумал, что встречается такой обман, такое вероломство в этом испорченном мире!

— Что вы хотите этим сказать? — спросили гуси.

— Когда я уже совершенно измоталась и обессилела от их доводов и ложных показаний и была вынуждена, махнув на все рукой, прилечь на часок и соснуть, я спросила, могу

ли я положиться на них и просить их посторожить, пока я сплю. И они в один голос поклялись мне, что могу. В своей простоте душевной и наивности я без колебаний, без сомнений поверила их слову. А куда же они теперь делись? О неверные! О подлые обманщики! Оставьте со мной двоих, — продолжала она, — самых жирных, больших, самых уважаемых, чтобы я не чувствовала себя так одиноко, а остальным я приказываю отправиться за этими низкими предателями, схватить их и привести ко мне. И пока вы не найдете, не смейте показываться мне на глаза!

Вот с этого дня, как встретятся гуси, так и пойдет у них: га-га-га, га-га-га. Весь свет слышит, как они гогочут, кричат друг другу: «А гуси где? А гуси где?»

В старину говорили:

Там были только проповедник да пастор, но кошелек мой как в воду канул.

Спор великих ученых

В давно прошедшие времена, целую тысячу лет тому назад, Ирландия по праву могла гордиться своими знаменитыми школами, а в особенности школой в Мангрэте¹, которая считалась самой лучшей, самой серьезной.

И вот английский король, решив превзойти Ирландию, собрал в Оксфорде весь цвет мировой учености, и Мангрету пришлось уступить — Оксфорд взял верх.

Но случилось так, что когда король Манстера посетил Англию и Оксфорд, он во время большого обеда, который давали в его честь, похвастал, что ученые Мангретской школы превосходят всех ученых мира глубиной и возвышенностью знаний.

Опровергая это, глава Оксфордского университета так бил кулаком по столу, что перебил все чашки и блюда. Манстерский король тоже разгорячился и, забывшись, бросил оксфордцам вызов: предложил прислать в Мангрет пять самых известных ученых Оксфорда для встречи с пятью мангретцами, чтобы в ученом споре раз и навсегда решить этот вопрос.

¹ Мангрэт — один из городов королевства Манстер в древней Ирландии.

Однако, бросив вызов, он тут же подсадовал на себя. Но еще больше подсадовали на него ученые Мангрета, когда узнали об этом.

А глава Оксфордского университета обрадовался, что можно будет окончательно посрамить Мангрет, и вещал об этом состязании всем — и ученым и простым смертным. И все оксфордцы просто сгорали от нетерпения поскорее увидеть, как умрет слава знаменитой Мангретской школы.

Мангретцы повесили голову: они-то знали, что Оксфорд сильнее. Один винил другого, и все вместе винули своего короля. Профессоров пришлось привязать к постелям, чтобы они не бродили по городу и не пугали всех своим унылым видом.

Постепенно волнение из Мангрета перекинулось на всю Ирландию.

И вот в Мангрете появился небольшого роста, крепкий человек, черноволосый и черноусый, по прозвищу Темный Патрик, родом из Доневола, которого соседи знали и чтили за мудрость и светлый ум, и напрямиком направился к школе.

Никто не обращал внимания на этого темноволосого человека, лишь указывали ему, как пройти, если он спрашивал.

То был канун великого состязания.

Темный Патрик добрался до Мангретской школы, как раз когда безысходное отчаяние охватило уже решительно всех: и в самой школе, и за ее стенами слышны были лишь вопли и стенания. Он пробрался через толпу, которая мешала ему пройти, и попросил отвести его к главе школы.

Когда Темного Патрика ввели к нему, тот спросил:

— Кто ты, добрый человек? Откуда пришел? И что я могу для тебя сделать? Только поспеши с ответом, — добавил он тут же, — ибо у меня осталось слишком мало времени.

И Темный Патрик ответил:

— Неважно, кто я и откуда, хотя мне не стыдно признаться, что я из Доневола. И не думаю, — продолжал он, — что вы можете мне в чем-либо помочь. Однако все равно я благодарю вас. А пришел я, услышав о беде, в какую попали вы, и ваши коллеги, и все здешние люди. Пришел посмотреть, может, мне, простому смертному, удастся вас выручить.

Великий профессор поглядел на Темного Патрика и на его маленький красный узелок, привязанный к палке, которую он положил на землю возле себя, и как захохочет, — давно в Ирландии так никто не смеялся, во всяком случае, за последние тринадцать недель.

И когда люди услышали, что глава школы громко смеется, они тут же ввалились все в большой зал, где велась бесе-

да с Патриком, чтобы узнать, что случилось. А когда поняли, зачем явился к ним этот человек, они тоже покатались со смеху, так что стены задрожали.

И смех этот достиг ушей манстерского короля, и тот прибежал, чтобы выяснить, какое свершилось чудо. Патрик отвесил королю положенный поклон, потупился и не вымолвил ни словечка.

Великие профессора представили его королю и объяснили цель его прихода: спасти доброе имя и славу Мангретской школы — честь Ирландии. И тут же снова ну смеяться. Однако король даже не улыбнулся, нет. Он послушал-послушал, как они смеются, а потом и спросил, какая причина у них для веселья.

— Конечно, вы не можете этого допустить, — молвил он, — и все же есть люди, которые и в глаза не видели вашей школы, но тоже кое-что смыслят, а иногда так тонко во всем разбираются, что могут удивить даже вас своей мудростью.

Затем повернулся к Патрику и обратился к нему с вопросом так вежливо и с таким уважением, что уязвленные профессора рты разинули.

— Какой план предлагаете вы, — спросил король, — чтобы спасти доброе имя и славу нашей школы в Мангрете — честь Ирландии?

— Сперва мне хотелось бы знать, когда вы ожидаете сюда оксфордских профессоров?

— Завтра к двенадцати!

— Хм... А могу я выбрать трех ученых вашей школы, которые понадобятся мне ровно за два часа до этого срока?

— Да, конечно! Тридцать три, если пожелаете!

Патрик остался доволен и сказал:

— Ну что ж, утро вечера мудренее.

И он был единственным человеком во всей Ирландии, кто спал в эту ночь.

А утром по приказу короля все профессора выстроились в ряд. Тогда пригласили Патрика и предложили ему сделать выбор.

Сначала он попросил выступить на шаг вперед знатока *латыни*, лучшего из лучших. Затем лучшего знатока *греческого языка*. И, наконец, первейшего знатока *языка сверхученой премудрости*.

Просьба его была выполнена.

Тогда он велел принести самую рваную одежду, в какую можно было бы нарядить разве только огородное пугало, а также три здоровых молота для дробления камней.

Очень скоро все, что он попросил, лежало перед ним на

земле, и Патрик сказал, протягивая жалкую одежду трем великим профессорам:

— Вот, получайте! Можете уединиться и, не теряя времени, сбросить с себя все лишнее и облачиться в эту одежду.

Три великих профессора позеленели от злости и не то чтоб подчиниться, а готовы были послать Патрика к дьяволу или еще подальше, да только заметили на себе строгий взгляд короля.

— Отправляйтесь же, господа! — сказал король громко и грозно. — Выполняйте просьбу этого джентльмена!

И они ушли переодеваться, а когда вернулись, вот это была картина! Но никто не осмелился даже улыбнуться в страхе перед королем.

Патрик подхватил три молота для дробления камней и сказал трем почтенным старцам:

— Пошли за мной!

И вот в сопровождении трех великих ученых, разодетых, как мы только что описали, Патрик вышел на дорогу, ведущую в Дублин, по которой вот-вот должны были проехать оксфордские профессора.

В миле от Мангретской школы они остановились у перекрестка. Здесь на груде камней всегда сидел какой-нибудь старик и дробил камни для починки дороги. Патрик велел старику сойти вниз, сунул молот в руки великому знатоку *языка сверхученой премудрости* и приказал ему занять место старика и дробить камни, как это делают истинные каменотесы из Ньюри. К тому же он дал ему несколько секретных указаний, от которых у профессора просветлело лицо.

И пошел дальше с двумя остальными. А у следующего перекрестка, который был в трех милях от Мангрета, он вручил молот знатоку *греческого языка* и тоже велел ему взобраться на груду камней и дробить их. И ему на ухо он прошептал какие-то указания.

С третьим ученым, великим знатоком *латыни*, он шел, пока не дошел до третьего перекрестка — в шести милях от Мангрета. И ему тоже сунул в руки молот, усадил на груду камней и также велел дробить их, шепнув на ухо какие-то указания.

И вот слушайте! Не успел сей ученый муж усесться на груду камней, как мимо катит карета с пятью оксфордскими старцами, величайшими и знаменитейшими учеными во всем свете. Достигнув перекрестка и не зная, по какой дороге следовать, они останавливают карету и, заметив оборванного старика, дробящего камни, решают между собой:

— Вот этот старик каменотес и укажет нам дорогу, если только мы сумеем подобрать достаточно простые слова, чтобы он понял наш вопрос. . . .

Они здороваются со стариком каменотесом и спрашивают, выбирая самые простые слова, не будет ли он так любезен показать им верную дорогу в Мангретскую школу. Старик каменотес, в свою очередь, приветствует их и дает точнейшие указания, как скорее всего добраться до Мангретской школы, и все это на чистойшей латыни!

У пятерых мудрецов так и перехватило дыхание, и впервые с момента вызова на состязание их смелость поколебалась.

Но они были честными людьми и, как только кучер тронул вперед, вынули из кармана свои записные книжки для путевых заметок и записали:

В шести милях от Мангретской школы обыкновенные дорожные каменотесы объясняются на чистойшей латыни.

Что верно, то верно.

Когда они подъехали к следующему перекрестку, они опять стали гадать, какая же из четырех дорог им нужна. Выглянули из кареты и увидели еще одного старого каменотеса, усердно дробящего камни. Один из ученых мужей окликнул его, поздоровался и спросил, выбирая слова попроще, не будет ли он так добр показать верную дорогу в Мангретскую школу. Старый каменотес оторвался от своей работы, приветствовал их и точно объяснил, как добраться

до школы в Мангрете, и все это на чистейшем *греческом языке!*

У пятерых мудрецов сразу сердце упало. Они не позволили кучеру ехать дальше и стали советоваться, как умнее поступить: ехать вперед или бежать без оглядки в дублинскую гавань и оттуда домой, в Англию. Двое проголосовали, чтобы ехать вперед, двое — чтобы возвращаться; решение оставалось за последним. Но он оказался храбрецом — так просто его не запугаешь — и проголосовал за то, чтобы ехать вперед.

И вот они двинулись дальше и по дороге внесли такую запись в свои книжки:

В трех милях от великой Мангретской школы обыкновенные дорожные каменотесы объясняются на чистейшем греческом языке.

К этому времени у бедняг англичан душа ушла уже в пятки, и они могли лишь мучительно жалеть, что вместо них это дело не поручили пятерым их злейшим врагам из Оксфорда.

Послушайте, что было дальше! В миле от Мангрета им попадается третий перекресток. Карета останавливается, один из них высовывается из окошка и опять видит на груди камней старика, который что есть мочи бьет по камням. Они все его приветствуют и спрашивают, не может ли он указать им дорогу, ведущую в Мангретскую школу. Старик каменотес поднимает голову от работы, отвечает им вежливый поклон, произносит сначала свое приветствие, а затем указания, как вернее добраться до Мангретской школы, и все это на *языке сверхученой премудрости!*

Пять прославленных профессоров все, как один, высовываются из окошка кареты и кричат кучеру:

— Немедленно поворачивай лошадей и что есть духу гони в Дублин! — откидываются назад и падают без сознания в объятия друг друга.

Когда, придя в себя, они поняли, что находятся в безопасности на корабле, плывущем в Англию, они вытащили свои записные книжки и записали:

В одной миле от бесподобной и величайшей Мангретской школы даже дорожные каменотесы не желают объясняться иначе, как на языке сверхученой премудрости. Таким образом, мы, совершив своевременное бегство, спасли от вечного позора чистое имя и славу нашей гордости — университета Оксфордского.

В старину говорили:

Три вещи не должны притупляться: шпага, лопата и человеческая мысль.

Пиnam, Панам, Мара-Фанам и Каллиах-Аранам

В глупых историях Ну́ала Мак Класки иногда можно отыскать здравый смысл, если покопаться в них поглубже. Но так как копать мы не желали (мы и так докопались до большего, чем нам бы хотелось), а со здравым смыслом мы просто не знали, что делать, рассказ Нуала о Пíнаме, Пáнаме, Мара-Фáнаме и Каллиах-Ара́наме для нас, безрассудных босяков, был одновременно «и наукой, и развлечением», как говорит лиса, забравшись в курятник.

Пиnam, Панам, Мара-Фанам и Каллиах-Аранам владели одним пшеничным полем.

Когда пшеница поспела...

— Она моя! — сказал Пиnam.

— Нет, моя! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом, все трое, она моя! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать эту тяжбу к лорду, владельцу поместья. И тот велел им разделить поле по бороздам и взять всем поровну, чтобы вышел справедливый дележ.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все борозды поровну, осталась одна лишняя.

— Она моя! — сказал Пиnam.

— Нет, моя! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом, все трое, она моя! — сказал Каллиах-Аранам.

И они снова отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить борозду на копны.

Они снова вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все копны поровну, осталась одна лишняя.

— Она моя! — сказал Пиnam.

— Нет, моя! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом, все трое, она моя! — сказал Каллиах-Аранам.

И они опять отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить копну на снопы.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все снопы поровну, остался один лишний.

— Это мой! — сказал Пиnam.

— Нет, мой! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, он мой! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом, все трое, он мой! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить сноп по колоскам.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все колоски поровну, остался один лишний.

— Это мой! — сказал Пинам.

— Нет, мой! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, он мой! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом, все трое, он мой! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить колосок по зернышкам.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все зернышки поровну, осталось одно лишнее.

— Это мое! — сказал Пинам.

— Нет, мое! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, оно мое! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом, все трое, оно мое! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду, а зернышко прихватили с собой. Лорд взял зернышко и сказал:

— Следуйте за мной!

И он отвел всех четверых к реке, к тому месту, где были страшные водовороты, и бросил зернышко в воду.

Все четверо нырнули за ним и пропали.

Таков был конец Пинама, Панама, Мара-Фанама и Каллиах-Аранама.

В старину говорили:

Дом сгорел, зато крыша цела.

Почтенный лорд-мэр и почтеннейший хозяин трактира

В кончике мизинца простого бедняка с Донегóльских гор, жившего в давно прошедшие времена, было больше мудрости, нежели сейчас у большинства наших самых известных философов или законников.

Звали этого бедняка Темный Патрик.

Не толстые тома в дорогих переплетах сберегли для потомков его историю и образцы его мудрости. Нет, их сохранили сердца людей.

Лучше всех и с удивительной достоверностью рассказывал истории о Темном Патрике Фиоргáл О'Гáллехор. Тот самый Фиоргáл О'Гáллехор, который всю свою жизнь провел под шум ревущего, рычащего, бурлящего, бегущего, ниспадающего, несущегося, бешеного водопада Хвост Серой Кобылы, что стремглав падает с высоты в тысячу футов в долину Эйни из трех горных озер Лугэй Мора. Мы могли бы услышать от него и замечательную историю о суде Темного Патрика.

Однажды — а случилось это давным-давно, еще во времена Темного Патрика, — вся Ирландия словно раскололась надвое по случаю самого обыкновенного спора, возникшего в Дублине. Начался он между двумя закадычнейшими друзьями, каких только знал этот славный город, — между почтенным лорд-мэром и почтеннейшим хозяином трактира «Голова».

Бывало, силой не вытащишь лорд-мэра из трактира «Голова» от его друга Неда, хоть водой их разливай. А уж самым заветным временем дня, которого лорд-мэр никогда не пропустил, было время обеда. Как он любил говорить почтеннейшему хозяину трактира, запахи кухни знаменитого повара «Головы» были ему милее волшебных ароматов райской кухни.

Но, как это часто бывает, закадычные друзья повздорили, и, чтобы досадить, хозяин трактира потребовал судом от своего новоиспеченного врага плату за запахи от обедов, которые тот ел в течение трех лет!

Это было невиданное доселе судебное дело, пожалуй, самое щекотливое, какое когда-либо имели удовольствие разбирать верховные судьи Дублина. По этому случаю они разделились на два лагеря. Затем на две буйные партии раскололся и весь Дублин. Вскоре безумные волнения охватили уже всю Ирландию: одна половина населения стояла за хозяина трактира и требовала, чтобы почтенный лорд-мэр выплатил все по чести, другая же половина объявила почтеннейшего хозяина «Головы» просто разбойником с большой дороги, да еще самым опасным среди них.

В плачевное состояние впала бедная Ирландия: все так увлеклись спором, кто прав, кто виноват, что позабыли и про свое поле, и про скотину, про дом и про жену. Все шло к гибели и разорению.

И тогда мудрый бедняк с Донеголских гор, Темный Патрик, до глубины души опечаленный грозящей его стране бедой, бросил свою лопату, начистил башмаки и отправился в Дублин.

Когда Темный Патрик прибыл туда и дублинцы узнали, что какой-то бедный простачок горец собирается рассудить дело, которое оказалось не под силу умнейшим головам страны, это вызвало столько веселья и насмешек, что в них чуть было не потонула вся вражда и не прикончилось это дурацкое дело.

Недолго пришлось дублинским насмешникам убеждать судей прекратить потасовку и перебранку и предоставить кресло судьи бедному простаку с гор. То-то будет праздник долгожданный для дублинцев, говорили они, самый веселый и потешный за последние сто лет.

И в самом деле, это оказался редкий денек для дублинских весельчаков, когда на судейское кресло сел маленький чернобородый горец и принялся выслушивать враждующие стороны, свидетелей и защитников.

Темный Патрик терпеливо выслушал всех до конца, а потом спросил хозяина трактира, который предъявил иск в триста золотых монет за запах от тысячи обедов, сколько бы стоили эти обеды человеку, который не только бы их нюхал, но и ел.

— Полная их цена тысяча золотых,— ответил хозяин «Головы». — И хотя запах хорошего обеда стоит и всей половины его, я требую с этого негодяя даже меньше трети, всего триста соверенов... Ну да ладно, я человек добрый и честный.

Тогда Темный Патрик обратился к почтенному лорд-мэру и попросил его послать домой своего слугу за тысячей соверенов.

— Но я их все равно не возьму! — сказал благородный хозяин трактира. — Никто на свете не заставит меня взять больше, чем триста соверенов, хотя бы на один золотой!

— Ну, ну, ну! — успокоил его Темный Патрик.

Недоумевающей толпе оставалось лишь удивляться и ждать, куда слуга почтенного лорд-мэра справится с поручением. Затем Темный Патрик предложил главному судье подойти и самому пересчитать на глазах у всех соверены, потом опустить их обратно в мешок и вручить лорд-мэру. И в то время как все в зале суда сидели затаив дыхание и гадали, что же будет дальше, он велел лорд-мэру приблизиться к хозяину трактира и протянуть ему мешок с деньгами.

— Вы видите этот мешок? — спросил Темный Патрик у хозяина «Головы».

— Вижу, конечно, — ответил хозяин трактира.

— И вы знаете, что в нем?

— Знаю, конечно, — ответил хозяин трактира.

— Подойдите ближе, — сказал Темный Патрик почтенному лорд-мэру, — и потрясите мешком с монетами над ухом этого господина.

Лорд-мэр выполнил это.

— Что вы слышите, почтеннейший хозяин? — спросил Темный Патрик.

— Звон тысячи золотых, — отвечал хозяин трактира.

И тогда, обращаясь к суду, Темный Патрик объявил свой приговор:

— Согласно заявлению этого господина, тысяча обедов в трактире «Голова» стоит тысячу золотых. Раз так, значит, звон тысячи золотых сполна покрывает запах тысячи обедов. И будьте добры, — обратился он уж теперь к хозяину трактира, — выдать сему почтенному господину лорд-мэру расписку с печатью и подписью, что вами получено все сполна.

Как только удивленные зрители справились с чувством стыда, а затем и с приступом безудержного веселья, они подхватили бедного горца на руки и, хотя тот сопротивлялся, с триумфом пронесли его по всем улицам Дублина, а потом на коленях умоляли его остаться у них верховным судьей. Но Темный Патрик вежливо поблагодарил их и решительно отказался, сказав, что столь ответственную должность может занимать лишь ученый человек, а что ему, бедному и темному горцу, до этого далеко, еще как далеко. А главное, сказал он, его ждет не дождется крохотное картофельное поле на склоне Карнауйнских гор в Донеголе, которое надо прополоть.

И он выскользнул из толпы, которая окружила его, и пошел прямо к маленькой хижине в глухом закоулке, где и провел ночь. Заплатив шесть пенсов за постой и за завтрак, он завязал свои вещички в красный платок, перекинул его на терновой палке через плечо и зашагал по дороге на север.

В старину говорили:

Хочешь подарить штаны — не срежай пуговиц.

Мудрая Унах

Жил когда-то в Ирландии герой-великан по имени Кухулин. И еще один герой, такой же задиристый вояка, только ростом поменьше, по имени Финн.

Каких только историй не рассказывали про этих двух героев, про их свирепые битвы и смелые дела! Но мы-то вам поведаем совсем иную историю. Скорей всего, это не очень правдивая история, а просто сказка про великанов, какую придумали, устав рассказывать про их геройские дела и желая над ними посмеяться.

Да, так вот, Финн жил в большом доме на самой вершине крутой горы. Нельзя сказать, чтобы это было такое уж удобное место для жилья: откуда бы ни дул ветер, на вершине горы всегда было очень ветрено. К тому же когда Финна не было дома, его жене, Унах, приходилось самой ходить за водой, а для этого надо было спуститься к подножию крутой горы, где протекал ручей, и потом с полными ведрами лезть наверх. Не так-то это легко, как вы сами себе можете представить.

И все-таки в одном отношении место, где стоял дом Финна, было очень удобное: с вершины горы Финну были видны все четыре стороны — и север, и юг, и запад, и восток. Поэтому, когда кому-нибудь из его врагов приходило в голову нанести ему визит, он знал об этом заранее. А Финн был не из тех, кто любит неожиданные визиты и всякие сюрпризы.

Правда, он мог и другим путем узнать, что его ждет. Для этого ему достаточно было засунуть в рот палец, нащупать последний зуб с правой стороны, и он тут же узнавал, что вскоре должно произойти.

И вот в один прекрасный день, когда Финн и его жена, Унах, мирно сидели за столом, Финн невзначай засунул палец в рот и тут же побелел, точно снег в январе.

— Что случилось, Финн? — спросила его жена, Унах.

— О горе мне и погибель! Он идет сюда, — ответил Финн, как только вынул палец изо рта и смог заговорить.

— Кто идет сюда? — удивилась Унах.

— Ужасное чудовище Кухулин! — ответил Финн, и при этом вид у него стал совсем унылый, точно дождливое воскресенье.

Унах прекрасно знала, что, хоть муж ее и был настоящим великаном, ростом с хорошую башню, однако Кухулину он и в младшие братья не годился. Меньше всего на свете хотел бы Финн встретиться с таким противником! Все окрестные великаны побаивались Кухулина. Когда он сер-

дился и топал ногой, весь остров содрогался. А однажды он так шлепнул кулаком по шаровой молнии, что в лепешку ее превратил! И с тех пор всегда носил ее в кармане, чтобы показать любому, кто полезет с ним в драку.

Спорить не будем, с любым другим великаном Финн мог бы выступить на равных, но только не с Кухулином. В свое время он расхвастался, что пусть, мол, Кухулин только сунется, он ему покажет! И вот теперь — о горе ему и погибель! — Кухулин близко, и встречи с ним не избежать.

— Если я спрячусь от него, — сказал Финн, — я стану пошмищем у всех великанов. А драться с чудовищем, которое может одним ударом кулака превратить шаровую молнию в лепешку, — нет уж, увольте! Уж лучше как-нибудь его перехитрить. Но только вот как?

— А далеко он сейчас? — спрашивает у Финна жена.

— Около Данганона, — отвечает Финн.

— А когда он должен быть здесь? — спрашивает Унах.

— Завтра к двум часам дня, — отвечает Финн и со стоном добавляет: — Мой большой палец говорит мне, что от встречи с ним на этот раз мне не уйти.

— Ну, ну, дорогой! Не унывай и не вешай носа, — говорит Унах. — Посмотрим, может быть, мне удастся выручить тебя из беды.

— Выручай, голубушка! Ради всех святых выручай! А не то он меня или зажарит, как зайца, или осрамит перед всеми нашими великанами. О, бедный я и несчастный!

— Стыдись, Финн! — говорит Унах. — Хватит ныть да причитать. Видали мы таких великанов! Молнию в лепешку, ты говоришь? Ну что ж, мы его тоже лепешкой угостим, от которой все зубы у него заболят! Не зови меня больше своей верной Унах, если я не обедеу вокруг пальца это грозное чудовище.

С этими словами Унах вышла из дому и вскоре вернулась с грудой большущих плоских сковородок, — на таких железных сковородках обычно пекут ячменные лепешки или плоские хлебы.

Унах замесила побольше теста, чтобы хватило на все сковородки. Однако очень странные лепешки она испекла. Во все лепешки, кроме одной, самой большой, величиной, наверное, с колесо от телеги, она сунула в середину по железной сковороде и так запекла их. А когда лепешки остыли, спрятала их в буфет. Затем приготовила большой сливочный сыр, сварила целую свиную ногу, поставила ее студить и бросила в кипящую воду один за другим с дюжину вилок капусты.

Уже настал вечер — вечер накануне того дня, когда должен был прийти Кухулин. И вот последнее, что сделала

Унах,— она разожгла яркий костер на одном из соседних холмов, что стоял ближе к дороге, засунула по два пальца в рот и три раза громко свистнула.

Это означало, что для странников дом Финна гостеприимно открыт — такой обычай был у ирландцев еще с незапамятных времен. И Унах хотела, чтобы Кухулин услышал ее.

На другой день с самого утра Финн стоял уже на страже, и когда он увидел в долине высоченного, как церковная колокольня, своего врага Кухулина, он бросился бегом домой и влетел в комнату, где сидела Унах, блее сливочного сыра, который она приготовила для высокого гостя.

— Он идет! — дрожащим голосом сообщил Финн.

— Ах, право, Финн, ну что ты так разволновался,— с улыбкой сказала Унах. — Пойдем-ка со мной! Видишь эту колыбель? Наши дети давно уже выросли из нее. Вот тебе моя ночная рубашка и чепец — они вполне сойдут за детские. Надевай их и ложись в колыбель, подожди ноги, и как-нибудь ты уж уместись в ней, а я накрою тебя одеялом. Только смотри лежи и помалкивай, что бы ни случилось. Сегодня ты должен разыгрывать роль грудного младенца.

Финн послушно все выполнил, но когда в дверь его дома раздался громкий стук, он так и задрожал, лежа в своей колыбели.

— Заходи и будь желанным гостем! — крикнула Унах, открывая дверь чудовищу ростом вдвое больше, чем ее Финн.

Как вы уже, наверное, догадались, это был великан Кухулин.

— Мир дому сему, — сказал он громовым голосом. — Это здесь проживает знаменитый Финн?

— Ты угадал! — сказала Унах. — Входи, располагайся как дома, добрый человек.

— А вы, часом, не госпожа Финн будете? — спрашивает Кухулин, входя в дом и усаживаясь на широкий стул.

— Ты опять угадал. Я жена славного и могучего великана Финна.

— Знаем, знаем, о нем давно идет слава знаменитого великана Ирландии. Что ж, а перед тобой сейчас тот, кто пришел сразиться с ним в честном бою!

— Ах ты господи! — всплеснула руками Унах. — Вот досада, а он сегодня еще на рассвете покинул дом. До него дошла весть, что огромное чудовище, по имени Кухулин, ждет его у моря на северном берегу, ну, знаешь, там, где ирландские великаны строят плотину, чтобы посуху добираться до Шотландии. Клянусь небом, не хотела бы я, чтобы этот бедный Кухулин встретился сегодня с моим Финном. Он сегодня в такой ярости, что сотрет его в порошок!

— Да будет тебе известно, что Кухулин — это я. И я пришел к Финну, чтобы сразиться с ним, — сказал Кухулин, хмурясь. — Вот уже двенадцать месяцев, как я гоняюсь за ним, и не он меня, а я его сотру в порошок!

— О господи! Наверное, ты никогда не видал моего Финна? — сказала Унах, покачав головой.

— Как же я мог видеть Финна, — сказал Кухулин, — если он всякий раз удирает у меня из-под носа, точно бекас на болоте?

— Это кто же — Финн удирает у тебя из-под носа, несчастная ты малявка! — говорит Унах. — Да клянусь честью, то будет самый черный день в твоей жизни, когда ты повстречаешься с Финном! Остается только надеяться, что буйное настроение его к тому времени немного утихнет, а не то придется тебе распрощаться с жизнью. Можешь сейчас отдохнуть здесь, но, когда ты уйдешь, клянусь всеми святыми, я буду молиться за тебя, чтобы никогда тебе не встретиться с моим Финном!

Тут Кухулина начало разбирать сомнение: не зря ли он пришел в этот дом? Они помолчали немного, потом Унах заметила:

— Ну и ветер сегодня! Дверь так и хлопает, и очаг дымит. Вот жалко, Финна нет дома, он бы помог мне, как всегда в такую погоду. Но раз уж его нет, может быть, ты мне окажешь эту маленькую услугу?

— Какую услугу? — спросил Кухулин.

— Да всего-навсего повернуть дом лицом в другую сторону. Финн всегда так делает, когда дует сильный ветер.

Тут Кухулина одолели еще большие сомнения. Однако он поднялся и вышел следом за Унах из дома. Но сначала он трижды потянул себя за средний палец правой руки — в этом пальце таилась вся его сила! — а потом, обхватив дом руками, повернул его, точно как просила Унах.

Финн, лежа в колыбели, чуть не умер от страха, потому что на самом деле ни разу за все годы, что он был женат на Унах, она не просила его ни о чем подобном.

Унах улыбнулась Кухулину и небрежно поблагодарила его, точно повернуть дом было все равно что открыть дверь.

— Раз уж ты настолько любезен, — сказала она, — может, ты еще одну услугу мне окажешь?

— Какую же? — спрашивает Кухулин.

— Да ничего особенного, — говорит она. — Из-за сильной засухи мне приходится очень далеко ходить за водой, к самому подножию горы. Вчера вечером Финн обещал мне, что раздвинет горы и перенесет источник сюда поближе. Но он в такой спешке покинул дом, бросившись тебе навстречу, что совершенно забыл об этом. Если бы ты хоть чуточку

раздвинул скалы, я бы мигом достала воды и приготовила тебе обед.

Кухулину не очень-то по вкусу пришлась такая просьба. Он поглядел на горы, трижды потянул себя за средний палец правой руки, потом опять посмотрел на горы и опять трижды потянул себя за средний палец правой руки. Но это оказалось мало.

Взглянув в третий раз на горы, он в третий раз трижды потянул себя за средний палец правой руки — итого девять раз! — и только тогда ему удалось проделать в горе большую трещину, в милю длиной и в четыреста футов глубиной.

Эта трещина сохранилась и по сей день — она называется Ламфордское ущелье.

— Большое тебе спасибо, — сказала Унах. — А теперь пойдем в дом, и я мигом приготовлю обед. Финн никогда не простит мне, если я отпущу тебя без обеда. Хоть вы с ним и враги, но нашей скромной трапезой ты не должен пренебрегать.

И Унах выложила на стол холодную свиную ногу, свежего масла, сняла с огня готовую вареную капусту и, наконец, достала из буфета большие круглые лепешки, которые испекла накануне.

— Милости прошу, не стесняйся,— сказала она Кухулину.

Кухулин начал со свиной ноги, потом взял вареную капусту и, наконец, большую круглую лепешку. Разинув пошире рот, чтобы отхватить кусок побольше, он свел челюсти и тут же взревел не своим голосом:

— Сто чертей и одна ведьма!

— Что такое? — спросила Унах.

— Такое, что двух лучших зубов моих как не бывало! Что за хлеб ты мне подсунула?

— О,— сказала Унах, делая вид, что она очень удивлена,— обыкновенный хлеб! Не только Финн, но даже его дитя в колыбели ест такой хлеб!

С этими словами Унах взяла со стола самую большую лепешку, в которой, как вы помните, не было железной сковороды, подошла к колыбели и протянула лепешку Финну.

Кухулин внимательно следил за ней и увидел, как дитя в колыбели откусило от лепешки огромный кусище и принялось жевать его.

— Попробуй теперь другую лепешку, дорогой Кухулин,— предложила Унах, покачав сочувственно головой.— Может, она будет помягче.

Но и в другой лепешке тоже была запечена сковорода. Кухулин взревел еще громче прежнего. Так громко, что Финн в колыбели задрожал от страха и даже застонал.

— Ну вот, ты испугал ребенка! — сказала Унах. — Если тебе не по зубам этот хлеб, сказал бы тихонько, зачем же так кричать?

Но Кухулину было не до ответов. Он подумал о странных порядках в этом доме, который надо поворачивать то в одну, то в другую сторону; о горах, которые надо раздвигать, и об этом странном ребенке, который из колыбели еще не вышел, а уже как ни в чем не бывало жует железный хлеб!.. И сам задрожал от страха. Похоже, ему и впрямь повезло, что он не застал Финна дома. Выходит, значит, все, что говорила ему Унах, было правдой!

И Кухулин, не попрощавшись и не сказав даже спасибо за обед, припустил вниз с крутого холма, на котором стоял дом Финна, и бежал без оглядки, пока и зеленые горы, и Ламфордское ущелье не остались далеко позади.

А Финн вылез из колыбели, и они с Унах прекрасно поужинали всем, что осталось от обеда, который мудрая Унах приготовила для Кухулина.

В старину говорили:

Когда ищешь жену, глаза можешь оставить дома, но уши прихвати с собой.

Мудрость Кормака

Когда в эпоху, давно минувшую, газеты потчевали нас шутивными историями о королях, благополучно отцарствовавших когда-то, я каждый раз мысленно возвращался к королю Кормаку и к правдивым старинным летописям, которые сообщали мне и о нем, и о том раннем времени.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — каковы были твои обычаи в юности?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. —

Я слушал лес,
я глядел на звезды,
я избегал тайн,
я молчал в толпе,
я говорил с людьми,
я был кроток на пирах,

я был горяч в бою,
я был нежен в дружбе,
я был великодушен со слабыми,
я был тверд с сильными.

Я не был высокомерен, хотя был силен;
я не обещал ничего, хотя был богат;
я не хвастал ничем, хотя был искусен во многом;
я не говорил плохо о том, кто отсутствовал;
я не поносил, а восхвалял;
я не просил, но давал,

ибо только эти обычаи делают юношу мужем и истинным воином.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а каким обычаям следовать мне?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. —

Не смейся над старым, если ты молодой;
и над бедным, если ты богатый;
и над хромым, если ты проворный;
и над темным, если ты ученый;
и над тупым, если ты способный;
и над глупым, если ты мудрый.

Не будь слишком умен, но и слишком глуп;
не будь слишком самонадеян, но и слишком застенчив;
не будь слишком горд, но и слишком скромн;
не будь слишком разговорчив, но и слишком молчалив;
не будь слишком суров, но и слишком добр.

Если ты будешь слишком умен, от тебя будут ждать
слишком многого;
если ты будешь слишком самонадеян, тебя будут избегать;
если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать;
если ты будешь слишком болтлив, на тебя не будут
обращать внимания;
если ты будешь слишком молчалив, с тобой не будут
считаться;
если ты будешь слишком суров, от тебя отшатнутся;
если ты будешь слишком добр, тебя растопчут.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а какие обычаи хороши для короля?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. — Для него лучше всего: твердость без гнева, настойчивость без спора, вежливость без надменности.

Пусть он охраняет древние науки, вершит правосудие, вещает истину, почитает поэтов, поклоняется всевышнему богу.

Ему следует быть честным с друзьями и мужественным с врагами, спрашивать совета у мудрого, оставаться глухим к клевете.

Пусть он будет нежен, пусть он будет суров, пусть он будет страстен, пусть он будет милостив, пусть он будет справедлив, пусть он будет терпим, пусть он будет упорен, пусть ненавидит ложь, пусть любит правду, пусть не помнит зла, пусть не забывает добро, пусть за столом его будет людей много, а на тайном совете мало, пусть союзы его будут тверды, пусть налоги его будут легки, пусть суждения и решения его будут быстры и ясны.

Ибо именно по этим качествам и узнаются истинные короли.

III Шотландские
сказки
и легенды

Я-сам!

Жил на свете мальчик по имени Перси. И, как все мальчики и девочки, он ни за что не хотел вовремя ложиться спать.

Хижина, где он жил с матерью, была небольшая, из грубого камня, какого много в тех местах, и стояла как раз на границе между Англией и Шотландией. И хотя они были люди бедные, по вечерам, когда в очаге ярко горел торф и приветливо мигала свеча, их дом казался на редкость уютным.

Перси очень любил греться у огня и слушать старинные сказки, какие ему рассказывала мама, или же просто дремать, любуясь причудливыми тенями от пылающего очага. Наконец мать говорила:

— Ну, Перси, пора спать!

Но Перси всегда казалось, что еще слишком рано, и он спорил с ней и препирался, прежде чем уйти, а стоило ему лечь в свою деревянную кровать и положить голову на подушку, как он тут же засыпал крепким сном.

И вот как-то вечером Перси так долго спорил с мамой, что у нее лопнуло терпение и, взяв свечу, она ушла спать, оставив его одного возле пылающего очага.

— Сиди, сиди тут один у огня! — уходя, сказала она Перси. — Вот придет старая, злая фея и утащит тебя за то, что мать не слушаешься!

«Подумаешь! Не боюсь я злых, старых фей!» — подумал Перси и остался греться у огня.

А в те далекие времена в каждой фермерской усадьбе, в каждой хижине водился свой малютка брауни, который каждую ночь спускался по каминной трубе и наводил в доме порядок, начищал все и отмывал. Мама Перси оставляла ему у двери целый кувшинчик козьих сливок — в благодарность за его работу, — и утром кувшинчик всегда оказывался пустым.

Эти малютки брауни были добродушными и приветливыми созданиями, только уж очень легко обижались чуть что. И горе той хозяйке, которая забывала оставить им кувшинчик со сливками! На другое утро все в ее доме бывало перевернуто вверх дном, мало того, обидевшись, брауни больше и носу к ней не казали.

А вот брауни, который приходил помогать маме Перси, всегда-всегда находил кувшинчик со сливками, и потому ни разу не ушел из их дома, не прибрав все хорошенько, пока Перси и его мама крепко спали. Но у него была очень злая и сердитая мать. Эта старая, злая фея терпеть не могла людей. О ней-то и вспомнила мама Перси, уходя спать.

Сначала Перси был очень доволен, что настоял на своем и остался греться у огня. Но когда огонь начал постепенно угасать, ему сделалось как-то не по себе и захотелось скорей в теплую постель. Он уж собрался было встать и уйти, как вдруг услышал шорох и шуршанье в каминной трубе, и тут же в комнату прыгнул маленький брауни.

Перси от неожиданности вздрогнул, а брауни очень удивился, застав Перси еще не в постели. Уставившись на длинноногого брауни с острыми ушками, Перси спросил:

— Как тебя зовут?

— Сам! — ответил брауни, скорчив смешную рожицу.—
А тебя?

Перси смекнул, что брауни пошутил, и решил его перехитрить.

— Я-сам! — ответил он.

— Лови меня, Я-сам! — крикнул брауни и отскочил в сторону.

Перси и брауни принялись играть у огня. Брауни был очень проворный и шустрый бесенок: он так ловко перепрыгивал с деревянного буфета на стол — ну точно кошка, — и скакал, и кувыркался по комнате. Перси глаз не мог от него оторвать.

Но вот огонь в очаге почти совсем погас, и Перси взял кочергу, чтобы помешать торф, да, на беду, один горящий уголек упал прямо на ногу малютке брауни. И бедняжка брауни так громко завопил, что старая фея услышала его и крикнула в каминную трубу:

— Кто тебя обидел? Вот я сейчас спущусь вниз, тогда ему не поздоровится!

Испугавшись, Перси шмыгнул за дверь в соседнюю комнату, где стояла его деревянная кровать, и забрался с головой под одеяло.

— Это Я-сам! — ответил брауни.

— Тогда чего же ты вопишь и мешаешь мне спать? — рассердилась старая, злая фея.— Сам себя и ругай!

И следом за этим из трубы высунулась длинная, косящая рука с острыми когтями, схватила за шиворот малютку брауни и подняла его вверх.

Наутро мама Перси нашла кувшинчик со сливками на том же месте у двери, где она оставила его накануне. И больше малютка брауни в ее доме не появлялся. Но хоть она и огорчилась, что потеряла своего маленького помощника, зато была очень довольна, что с этого вечера ей больше не приходилось дважды напоминать Перси, что пора идти спать.

Крошка-Малышка

Жил-был мальчишка по имени Крошка-Малышка. И была у него корова по имени Рогатая-Бодатая.

Вот однажды утром Крошка-Малышка пошел доить Рогатую-Бодатую и говорит ей:

Стой, коровка, мой дружок,
Стой, моя Рогатая,
Подарю тебе рожок,
Ты моя Бодатая.

Он, конечно, имел в виду «пирожок», сами понимаете.
Но корова не хотела пирожка и не стояла смирно.

— Фу-ты, ну-ты! — рассердился Крошка-Малышка и говорит ей опять:

Стой, коровка, моя Рогатая,
Дай молочка, моя Бодатая.
Будь умная, послушная,
Дам тебе пампушку я.

Но корова не захотела стоять смирно.

Что было делать Крошке-бедняжке
С такой Рогатой, с такой Бодатой?

Пошел Крошка-Малышка домой к маме.

— Мама, мама! Не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Малышка подоить ее!

— Фу-ты, ну-ты! — говорит мама. — Сломай хворостину, побей непослушную скотину.

Пошел Крошка-Малышка к дереву за хворостиной и говорит ему:

Дай мне хворостину,
А я тебе дам холстину!

Но дерево не хотело холстины и не дало мальчику хворостины.

Пошел Крошка-Малышка опять домой к маме.

— Мама, мама! Не дает дерево хворостины, не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Малышка ее подоить!

— Фу-ты, ну-ты! — говорит мама. — Пойди к мяснику, пусть зарежет корову.

Пошел Крошка-Малышка к мяснику и говорит ему:

Наша Бодатая-Рогатая молочка нам не дает,
Пусть мясник нашу Рогатую-Бодатую убьет!

Но мясник не захотел убивать корову без серебряного пенни. И Крошка-Малышка опять пошел домой к маме.

— Мама, мама! Не хочет мясник убивать корову без серебряного пенни, не дает дерево хворостины, не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Малышка ее подоить.

— Ай, ай, ай,— говорит мама.— Пойди к нашей Рогатой, к нашей Бодатой и скажи ей, что маленькая девочка с голубыми глазками горько-горько плачет по чашке молока.

Вот пошел Крошка-Малышка опять к Рогатой-Бодатой и сказал ей, что маленькая девочка с голубыми глазками горько-горько плачет по чашке молока.

И корова тут же стала смирно и позволила мальчику себя подоить.

И маленькая девочка с голубыми глазками перестала плакать.

И все обошлось как нельзя лучше.

Что не к худшему, то всегда к лучшему.

Там Лин

Легенда

Прекрасная Дженет жила в замке своего отца, славного графа Марча.

Вместе с другими девушками она проводила дни в высокой башне замка — они там шили и вышивали шелковые одеяния. Только Дженет не очень внимательно следила, чтобы шов у нее получался прямой и ровный. Она больше любила смотреть в окошко.

А за окном виднелись деревья Картехогского леса, куда девушкам из замка ходить строго-настроено запрещалось. В этом лесу, как говорили, охотились рыцари королевы эльфов, и горе той девушке, которая пошла бы туда гулять и повстречала одного из них!

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день шитье было отброшено в сторону, иголка очутилась на полу, а сама девушка — в зеленом лесу.

Гуляя по лесу, Дженет увидела на поляне белого коня, привязанного к дереву. Конь был белее молока, а сбруя на нем сверкала чистым золотом. Дженет пошла дальше и пришла к поляне, усыпанной розами. Не успела она сорвать один цветок, как вдруг перед ней словно из-под земли вырос юноша.

— Зачем ты сорвала белую розу, прекрасная Дженет? — спросил он. — Кто тебе позволил? И как ты посмела прийти в Картехогский лес без моего разрешения?

— Где хочу, там и рву цветы! — ответила Дженет. — А просить у тебя разрешения и не подумаю.

Услышав такой дерзкий ответ, юноша рассмеялся, отчего все семь колокольчиков на его поясе весело зазвенели. Потом сорвал красную розу и, протянув ее Дженет, сказал:

— Не сердись, я пошутил. Для такой красивой девушки я бы не пожалел даже всех роз Картехогского леса!

Весь день Дженет и Там Лин (так звали юношу) гуляли по лесу и танцевали на лужайках под волшебную музыку и нежное пение.

Но вот Дженет заметила, что солнце клонится к закату, и поняла, что пора домой, если она хочет попасть в замок до того, как отец заметит ее отсутствие.

Бедная Дженет так спешила, что почти всю дорогу бежала и очень устала. Когда она, бледная и усталая, вошла в большие ворота замка, придворные дамы, игравшие во дворе перед замком в мяч, спросили ее:

— Что такое ты делала в лесу, прекрасная Дженет, отчего так устала и побледнела?

Но Дженет им ничего не ответила.

На другой день придворные дамы играли в большом зале в шахматы, а девушки сидели опять в башне и шили. Но Дженет осталась одна. Она смотрела в окошко и думала: хорошо бы сейчас гулять в лесу с молодым рыцарем, танцевать под волшебную музыку и слушать нежное пение...

Задумавшись, она не заметила, как к ней подошел старый лорд, друг ее отца, славного графа Марча.

— Отчего ты грустишь, прекрасная Дженет? — спросил он. — Сдается мне, ты вчера побывала в зеленой стране эльфов. Если только наш граф узнает об этом, нам всем несдобровать.

— Ах, оставьте меня в покое! — рассердилась Дженет.

В ответе ее звучала дерзость, а сердцем она чувствовала, что старый лорд прав: Там Лин был не простой смертный, а рыцарь королевы эльфов. И горе той девушке, что полюбит рыцаря из волшебной страны эльфов. Так говорили все.

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день опять убежала в лес. Долго она блуждала среди деревьев, но ни белого коня, ни его молодого хозяина так и не встретила. Она хотела идти уж домой и сорвала зеленую ветку — чтобы унести ее с собой на память, — как вдруг перед ней словно из-под земли вырос Там Лин.

— Скажи мне, скажи скорей, Там Лин, кто ты? — спросила Дженет.

— Я страж этого леса! — ответил юноша.

— Значит, ты и вправду рыцарь королевы эльфов? — печально сказала Дженет.

— Так меня называют, — ответил Там Лин, — но я родился и вырос среди людей. Меня воспитывал мой дедушка — граф Роксбургский, потому что родители мои умерли, когда я был еще ребенком. С тех пор я жил в его замке. Однажды во время охоты вот в этом самом лесу с севера налетел страшный ветер. Граф Роксбургский со своей свитой поскакал домой, а меня одолел какой-то странный сон, и я упал с коня. Проснулся я уже в стране эльфов — это их королева нарочно наслала на нас злой северный ветер, чтобы унести меня к зеленым холмам, в Страну Вечной Юности.

Вспомнив про зеленые холмы, Там Лин замолк, опустил голову и о чем-то задумался. Потом опять заговорил с грустью:

— И с тех пор на мне заклинание королевы эльфов: днем я должен сторожить Картехогский лес, а ночью возвращаться в страну эльфов. Там всегда весело и тепло. Я там в большом почете. Но если бы ты знала, Дженет, как мне хочется разрушить волшебные чары и вернуться к людям!

— Я помогу тебе! — воскликнула Дженет, но тут же добавила тихо: — Если ты хочешь.

Там Лин нежно взял ее руку в свои и вот что сказал:

— Есть только одна ночь в году, когда можно разрушить злые чары королевы эльфов, — это ночь на первое ноября, в канун праздника всех святых. На эту ночь все эльфы и их королева покидают свои зеленые холмы. И я еду с ними. Сегодня как раз такая ночь. Но освободить меня не легко. О отважишься ли ты на это, милая Дженет?

В ответ Дженет лишь спросила, что она должна сделать. И Там Лин сказал:

— Когда пробьет полночь, жди меня у перекрестка четырех дорог. Сначала ты увидишь рыцарей королевы эльфов на вороных конях. Пропусти их и не сходи с места. Потом проскачат всадники на буланых конях. Ты пропусти их. И наконец появятся всадники на белых конях. Я буду среди них. Чтобы ты узнала меня, я сниму с одной руки перчатку. Ты подойди к моему коню, возьми его за золотую уздечку и вырви повод из моих рук. Как только ты отнимешь у меня повод, я упаду с коня, и королева эльфов воскликнет: «Верного Там Лина похитили!» Вот тогда будет самое трудное. Ты должна обнять меня крепко и не отпускать, что бы со мной ни делали, в кого бы меня ни превращали. Только так можно снять с меня заклинание и победить королеву эльфов.

Страшно было бедной Дженет оставаться одной ночью в лесу. Но она помнила, что сказал ей Там Лин, и исполнила

все, как он просил. Она схватила его белого коня за золотую уздечку и вырвала повод из его рук, и когда он упал на землю, она обняла его крепко-крепко.

— Верного Там Лина похитили! — воскликнула королева эльфов.

Но Дженет не испугалась и только еще крепче обняла его. Тогда королева, прошептав заклинание, превратила Там Лина в зеленую ящерицу. Дженет прижала ящерицу к сердцу, но тут ящерица превратилась в холодную змею, которая обвилась вокруг ее шеи. Дженет смело схватила змею, тогда змея обернулась в брусок раскаленного железа. Из глаз у Дженет полились слезы, ей было так больно, но Там Лина она все равно из рук не выпустила.

И королева эльфов тогда поняла, что Там Лин потерял для нее навсегда. Она вернула ему его прежний облик и сказала:

— Прощай, Там Лин! Прощай! Лучшего рыцаря потеряла страна эльфов. Если бы знала я вчера то, что узнала сегодня, я бы превратила твое нежное сердце в камень!

И с этими словами королева эльфов исчезла в зеленом лесу. А прекрасная Дженет взяла Там Лина за руку и отвела в замок своего отца, славного графа Марча.

Сэр Майкл Скотт

Сэр Майкл Скотт из Бálвери был самым великим магом, или, как еще говорят, волшебником, каких только знала Шотландия.

Рассказывают, что верными слугами его были духи преисподней, причем одного из них подарил Скотту сам сатана в обмен на его тень. И с тех пор сэр Майкл и вправду перестал отбрасывать тень.

Даже вороной скакун сэра Майкла был не простой, а волшебный.

Случилось однажды, что король Шотландии Александр III послал сэра Майкла ко двору французского короля с важным поручением: добиться кое-каких уступок, на которые король Франции не хотел соглашаться.

— Я бы посоветовал вашему величеству пересмотреть ваши требования, — строго сказал сэр Майкл французскому королю.

Но король Франции ничего не знал о великой силе сэра

Майкла Скотта и нисколько не испугался угрозы, прозвучавшей в его голосе. Он только покачал головой.

— Даю вам несколько минут на раздумье, пока мой вороной конь не ударит трижды копытом у ворот вашего замка, — сказал сэр Майкл.

Король и его приближенные так и прыснули со смеху от слов этого заморского выскочки. Однако смех их потонул в громком эхе — это вороной конь сэра Майкла ударил копытом по каменной мостовой перед воротами замка.

И тут же в ответ зазвонили колокола по всей Франции. Большие колокола громко бухали, маленькие тоненько перезванивались. Честные люди, разбуженные колокольным звоном, повскакали со своих постелей, разбойники с большой дороги все попрятались, а пирующие, не успевшие пригубить вино, так и застыли с кубками в руках. Даже птицы попадали из своих гнезд. Все разговоры в стране смолкли: невозможно было расслышать ни слова в таком звоне и грехоте.

Колокола перестали звонить, только когда вороной конь сэра Майкла во второй раз ударил копытом по каменной мостовой.

От второго удара попадали высокие башни королевского замка.

— Довольно! — вскричал король. — Я передумал! Скажи своему господину, что я на все согласен.

В ответ сэр Майкл низко поклонился французскому королю, чтобы спрятать торжествующую улыбку на своих губах.

Что и говорить, король Александр имел все основания быть тысячу и тысячу раз благодарным своему посланнику.

И вообще, лучше было не сердить сэра Майкла Скотта. Он умел доставлять большие неприятности тем, кто чем-либо раздосадовал его или вызвал его гнев, в чем однажды на собственном опыте убедилась жена одного фермера.

Случилось как-то, что, охотясь в лесу, сэр Майкл вдруг почувствовал сильный голод и, увидев невдалеке фермерскую хижину, отправил своего слугу попросить для себя кусок хлеба.

Слуга постучался в дверь и, когда хозяйка открыла ему, попросил у нее ломоть хлеба для своего хозяина.

— Нет у меня хлеба, — грубо ответила фермерша.

Слуга принюхался и явственно услышал запах свежего хлеба, а заглянув в дверь, увидел пылающий очаг и железные сковороды, на которых пекут хлеб.

С этим он и вернулся к сэру Майклу.

— Хозяйка говорит, что нет у нее хлеба,— сообщил он,— но она неправду говорит. Когда она отворила мне дверь, я сразу услышал запах свежего хлеба.

Сэра Майкла Скотта очень разгневало такое сообщение. Он вытащил из кармана костяшку, или, как еще называют в тех местах, чертов палец, и велел своему слуге вернуться в хижину и незаметно спрятать эту штуку в щель за дверной притолокой.

Не успел слуга выполнить приказ своего господина, как волшебные чары уже начали действовать. Как раз в эту минуту фермерша наклонилась над очагом, чтобы снять с огня последние хлебы, и вдруг ни с того ни с сего ей ужасно захотелось плясать. Она закружилась по кухне, притопывая и разводя руками, и при этом еще запела:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

А муж фермерши с самого утра работал в поле. И вот он подумал: чего это жена так долго не несет ему обед? Стояла самая жаркая пора — сбор урожая, фермер устал и проголодался. Его помощнику дочка давно уже принесла кувшин с пивом и хлеб, а фермерша все не шла. И фермер попросил девушку, чтобы на обратном пути домой она заглянула к его жене и напомнила про обед.

Девушка вернулась в деревню и постучала в дверь фермерской хижины, но никто ей не ответил, хотя она слышала там шум и топот. Судя по всему, фермерша была в приподнятом настроении, потому что она весело распевала во весь голос.

— Послушай-ка, хозяйка! — крикнула девушка. — Твой муж просил узнать, не забыла ли ты про обед. И велел тебе поскорей нести его в поле!

Шум и пение в хижине продолжались, но ответа девушка так и не получила. А потому она сама открыла дверь и вошла в кухню. Не успела она переступить через порог хижины, как ее тоже охватило желание поплясать, и она вместе с фермерской женой закружилась в бурном шотландском флинге.

Прошел час, но ни девушки с каким-нибудь известием, ни жены с обедом фермер так и не дождался и решил сам пойти узнать, что стряслось. Подойдя к дому, он не вошел сразу в кухню, а сначала заглянул в окно.

Что же он увидел?

Его жена вместе с девушкой как безумные скакали по кухне.

— Хватит дурака валять! — закричал фермер. — Где мой обед? Сейчас не время веселиться.

Он в сердцах распахнул дверь и шагнул на кухню. Но не успел он опомниться, как уже плясал вместе с двумя женщинами, стараясь лишь не отставать от них и не сбиваться с такта. Таким образом вместо соло, а потом дуэта, теперь в хижине уже отплясывало бурное трио.

Негостеприимная фермерша осипшим голосом продолжала петь:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

Весь этот день сэр Майкл Скотт охотился в лесу, а когда спустились сумерки, слуга напомнил ему:

— Интересно, как она там пляшет, эта фермерша?

— Ты, верно, хотел сказать, как они там пляшут, эта славная тройца? — поправил его сэр Майкл, у которого был свой способ узнавать, где что делается. — Что ж, думаю, она уже получила свое. Теперь можешь вернуться и вынуть чертов палец из-за дверной рамы.

Слуга выполнил все в точности, вытащил чертов палец из-за притолоки, и пляшущая тройца тут же упала без сил на пол и проспала, одни говорят — семь дней, а другие — целую неделю.

Как Майкл Скотт в Рим ходил

Вот вам еще одна история про Майкла Скотта, знаменитого волшебника, который прославился своими чудесами; того самого, что расколол пополам Эйлдонские горы.

По старинному обычаю, принятому среди просвещенных и благочестивых людей Шотландии, каждый год в Рим к папе римскому отправляли посланника, чтобы тот узнал у его святейшества, на какое точно число падает первый день масленицы.

Людам было очень важно знать точный день, потому что от этого зависело, когда справлять все остальные церковные праздники в году. Сразу после масленицы шел Великий пост, а через семь недель наступала Пасха. И так далее, один праздник за другим в течение всех двенадцати месяцев.

Случилось однажды, что эта честь идти в Рим выпала на долю Майкла Скотта. А так как он в это время был слишком занят, то совершенно запомнил, какое святое дело ему поручили, и протянул со своим путешествием до самого сретенья, то есть до последнего праздника перед масленой.

Нельзя было терять ни секунды. Если бы кому-нибудь из простых смертных предложили совершить путешествие в Рим и обратно за такой ничтожный срок, он бы ответил, что только безумный на это согласится, а он еще в здравом уме. Но для Майкла Скотта это было сущим пустяком.

Он встал пораньше и отправился на зеленый лужок, где паслись волшебные скакуны, — во лбу у каждого горела белая звезда, а большущие глаза их блестели почище золота.

— С какой скоростью ты можешь мчаться? — спросил Майкл Скотт у первого скакуна на зеленой лужайке.

— Со скоростью ветра!

— Не подойдет, — сказал Майкл и задал тот же вопрос второму скакуну.

— Быстрее ветра! — ответил тот.

— Для меня это медленно! — сказал Майкл.

— А я лечу как мартовский вихрь! — сказал третий скакун.

— Слишком медленно! — сказал Майкл и подошел к последнему скакуну. — Ну, а ты быстро бегаешь? — спросил он его.

— Быстрее, чем хорошенькая девушка меняет возлюбленных! — ответил скакун.

— Вот это мне подходит! — обрадовался Майкл и без лишних слов вскочил на коня, и они отправились в Рим.

Они летели как на крыльях через сушу и моря. Цок-цок, цок-цок, только искры летели из-под копыт — по белым гребням волн, по снежным вершинам гор, по зеленым холмам. Цок-цок, цок-цок! Быстрее времени! И вот уже серые скалы и бурные моря остались позади, и Майкл Скотт на золотых крыльях раннего утра опустился на площадь перед дворцом папы в Риме.

Не мешкая Майкл передал папе весточку, что некий шотландец ожидает его у дверей, и папа римский тут же принял его в своем приемном зале.

— Я посланец верных тебе шотландцев, которые просили узнать, пока еще не миновало сретенье, когда в этот год начнется масленица, — сказал ему Майкл.

— Ты поздно вато пришел, — сказал папа. — Теперь тебе никак не успеть вернуться в Шотландию до того, как пройдет сретенье.

— О, у меня еще уйма времени, — возразил Майкл. — Всего несколько минут назад я был в моей родной Шотландии. И вот я здесь. Стало быть, и назад вернуться так же быстро.

— «Всего несколько минут назад!» — воскликнул папа римский. — Никогда не поверю! Чем ты это докажешь?

Тут Майкл и протяни папе свой берет, который он снял из почтения к его святейшеству.

— Видите снег на нем? — говорит он. — Это снег с шотландских гор, где еще стоит зима.

— Тогда это просто чудо! — воскликнул папа. — И хотя я не верю в чудеса, я все-таки дам тебе ответ на вопрос, за которым ты сюда пришел. Масленица всегда начинается в первый понедельник первого лунного месяца по весне.

Майкл был просто в восторге от такого ответа. Раньше посланцы приносили из Рима только один ответ: масленица в этот год начнется точно в такой-то день. А Майклу удалось узнать секрет, как папа определяет этот день, — вот удача!

— Благодарю вас, ваше святейство, — сказал Майкл и тут же отправился восвояси.

Вскочив на волшебного скакуна, он добрался до Шотландии так же быстро, как из Шотландии в Рим, и сообщил свою новость землякам.

Два скрипача из Стратспи

Элэстер и Джон — так звали двух скрипачей, живших в Стратспи. Бедняки из бедняков были эти двое. До того не везло им в последнее время, что решили они податься в Инвернесс. И, уж конечно, в путь они отправились пешком, а не в золоченой карете. А по дороге заходили в деревни и там играли: иногда за несколько пенсов, а случалось, лишь за ужин или за ночлег.

— Надеюсь, в Инвернесе нам больше повезет, — сказал Элэстер, когда они были уже близко к цели.

— Во всяком случае, хуже не будет, — отвечал Джон, глядя с грустью на свои лохмотья и на большой палец ноги, выглядывавший из башмака.

Но, к сожалению, в Инвернесе их не ждала удача. Когда они добрались наконец до города, наступила зима, и земля спряталась под высокими сугробами снега. Скрипачи достали из футляров свои скрипки и заиграли веселую джигу. Но на улице не было ни души, и некому было их слушать. Доб-

рые жители Инвернесса попрятались по домам и грелись у своих очагов.

— Мы зря стараемся, — вздохнул Джон. — Скрипки в сторону, и поищем-ка лучше, где бы укрыться от этого злющего ветра.

В это время из темноты пустынной улицы вынырнул какой-то старик.

— Добрый вечер, джентльмены, — скрипучим голосом произнес он. — А вы, никак, музыканты?

— Они самые, — ответил Эластер. — Да только в такую ночь вся наша музыка на ветер.

— И в карманах ветер, и в желудке ветер, — подхватил Джон. — Одно слово: горе мы скрипачи.

— Если согласитесь играть для меня, я наполню и ваши желудки, и ваши карманы, — сказал старик.

Не успел он закончить, как Джон и Эластер вскинули скрипки под подбородки и...

О такой удачной встрече они и не мечтали!

— Нет, нет, — остановил их старик, кладя руку Эластеру на плечо. — Не здесь. Пойдемте за мной.

— Странный старик, — успел шепнуть на ухо своему приятелю Джон.

— Э-э, за ним так за ним, — ответил Эластер.

И старик двинулся в путь, а скрипачи за ним. Так они добрались до Тонауричского холма. Поднявшись до середины холма, старик остановился перед большим домом. С улицы казалось, что в доме ни души. Света не было, стояла мертвая тишина. Старик поднялся по ступеням к массивной двери, и, хотя он не успел постучать, дверь перед ним бесшумно растворилась.

Скрипачи замерли на месте и в изумлении поглядели друг на друга. Джону стало не по себе, и он готов был бежать без оглядки, если бы Эластер не напомнил ему, что здесь их ждет тепло и хороший ужин.

Раздосадованный задержкой, старик обернулся к двум друзьям и сердито сказал, чтобы они поспешили, если не надумали нарушить уговор. И только скрипачи переступили порог странного дома, как дверь за ними бесшумно затворилась. Тут они, наконец, увидели свет и слышали шум, крики и смех. Старик провел их еще через одну дверь, и они очутились в роскошном бальном зале невиданной красоты.

В углу стоял длинный стол, заставленный диковинными яствами. От одного их вида у Джона и Эластера слюнки потекли.

За столом сидели прекрасные дамы и кавалеры, разодетые в шелк и атлас, все в кружевах и в украшениях.

— Присаживайтесь к столу и ешьте не стесняясь, — пригласил друзей гостеприимный старик.

Но скрипачи не нуждались в особом приглашении. Давненько им не доводилось так поесть и столько выпить! И когда они уже наелись и напились вдоволь, Джон вдруг заметил, что старик куда-то исчез. Он сказал об этом своему другу, на что тот ответил:

— По правде говоря, как он выходил из зала, я не видел, но в этом странном доме меня ничто не может удивить. Вставай, Джон, бери-ка свою скрипку, и давай сыграем в благодарность за такой прекрасный ужин.

Скрипачи заиграли, а нарядные кавалеры и дамы пошли танцевать. И чем быстрее мелькали в воздухе смычки, тем быстрее кружились танцоры. Никто и не думал об усталости. Эластеру и Джону показалось, что они играют всего полчаса, когда вдруг в зале опять появился тот старик, так же неожиданно, как исчез.

— Довольно играть! — приказал он. — Скоро рассвет. И вам пора в путь.

С этими словами он вручил скрипачам по мешку с золотом.

— Но мы играли совсем недолго и даже не устали, за что же нам столько денег? — спросил честный Джон.

— Берите и ступайте, — коротко ответил старик.

Молодые люди послушно взяли деньги и ушли, очень довольные своей удачей.

Первым странную перемену в окружающем заметил Эластер, когда они были уже близко от города.

— Откуда здесь эти новые дома? — подивился он. — Ручаясь, вчера вечером на этом месте был пустырь.

— Вечером было темно, — отвечал Джон, — ты мог их не заметить. К тому же эти дома мне вовсе не кажутся такими уж новыми.

— А этот мост ты вчера видел? — спросил Эластер.

— Точно не помню, — ответил неуверенно Джон.

— Если б он был вчера, мы бы по нему прошли, ведь верно?

Джона начало разбирать сомнение. Все теперь казалось ему не таким, как вчера. Он решил обратиться к прохожему и выяснить, там ли они находятся, где предполагают. Но первый, кого они встретили, оказался очень странно одетый господин, и, когда Джон спросил его про мост и дома, он со смехом ответил, что они стоят на этом месте уже давным-давно. Прощаясь с ними, он опять рассмеялся, заметив:

— Ну и чудная вы парочка! С костюмированного бала, что ли, вы идете в этом смешном старомодном платье?

Конечно, новым их платье назвать было нельзя, но что в этом смешного? И Джон с Эластером подумали, что невежливо смеяться над их платьем, когда сам прохожий одет так нелепо. Однако, оказавшись на улицах города, они заметили, что все мужчины, женщины и дети одеты так же нелепо и странно. И в магазинах была выставлена странная, незнакомая одежда. И даже разговаривали все с каким-то странным, незнакомым акцентом. А самих скрипачей поднимали на смех, когда они обращались к кому-нибудь с вопросами. И все почему-то удивленно таращили на них глаза.

— Давай лучше вернемся в Стратспи, — предложил Эластер.

— Что ж, здесь нас больше ничто не держит, — согласился Джон. — Да и люди здесь мне не очень нравятся. Они обрщаются с нами как с какими-то шутами.

И друзья повернули назад, в Стратспи. На этот раз они уж путешествовали верхом — денег у них было вволю, они могли заплатить и за постой, и за обед с вином.

А на скрипке они играли теперь только для собственного удовольствия.

Но, добравшись до родного города, они едва узнали его. Здесь тоже все переменялось: и улицы, и дома, и мосты, и люди — решительно все.

Они зашли к фермеру за молоком, а оказалось, у того уже новая жена. Во всяком случае, ни они ее не узнали, ни она их. И дети, игравшие перед школой, не поздоровались с ними и не подбежали к ним, как делали это обычно. Да и сама школа изменилась, будто стала больше и крышу ей перекрасили.

Тогда они поспешили к своему лучшему другу Джеймсу, местному кузнецу, чтобы рассказать ему, какая им выпала удача, а заодно и спросить, с чего это вдруг все так переменялось в их родном Стратспи и как поживают их общие друзья.

Однако и кузнец оказался совсем незнакомым человеком, какого прежде они и не видели, а про их друзей он и слыхом не слыхал.

Не на шутку встревоженные молодые люди направились к церкви, надеясь там повидать кого-нибудь из знакомых и у них разузнать, что же такое стряслось. Но церковь тоже оказалась уже не той маленькой скромной церквушкой, какую они помнили, а стала больше, богаче, только кладбище рядом с ней не изменилось.

Они отворили калитку и пошли по дорожке между могилами. Вдруг Эластер схватил Джона за рукав.

— Ничего странного, что мы не застали кузнеца Джеймса дома! — воскликнул он. — Вот его могила.

Не веря глазам своим, Джон внимательно прочел надпись на могильной плите.

— Но это же невероятно! — сказал он. — Когда три недели назад мы покидали Стратспи, Джеймсу было всего двадцать лет с небольшим, точно как нам, а здесь написано, что он умер девяностю трех лет от роду.

Друзья-скрипачи окинули взглядом другие могилы. Все их знакомые оказались уже похороненными здесь.

— Теперь я все понял! — воскликнул Эластер. — Тогда, в Инвернесе, мы играли для прекрасных фей и их веселых кавалеров, а тот старик, наверное, был сам их король! — и добавил с грустью: — Эх, долго же мы там играли. Слишком долго...

Да, вот так и бывает: кажется, провел в стране эльфов всего полчаса, а вернулся в родные места и никого не узнаешь: кто состарился, а кого уже и на свете нет.

Как на крыльях летит время в этой веселой, вечно юной волшебной стране.

Отважный охотник Финлей

В далекие-далекие времена в диких горах на самом севере Шотландии жил со своей юной сестрой отважный охотник по имени Финлей.

Каждое утро Финлей уходил с собаками на охоту — за благородным оленем, за куропаткой или за горным зайцем, а сестру оставлял дома. И каждый раз, уходя из дому, он наказывал ей поддерживать огонь в очаге и не открывать окошко, что смотрит на север.

Там, на севере, за снежной вершиной горы в глубокой пещере жили злые великаны. Эти великаны очень любили холодный северный ветер и терпеть не могли жаркий огонь в очаге.

Самой злой и хитрой в семье великанов была старая Кэйллих.

Ходил слух, что в горной пещере великанов хранятся огромные сокровища и даже волшебные предметы, однако никто еще не отважился подняться за ними туда.

А надо вам сказать, что сестра Финлея была очень безрасудная девушка. Ей никогда не приходилось видеть не только самих великанов, но даже их следов. А что она не могла увидеть собственными глазами, в то она не хотела верить. И потому, уходя из дому, она даже не думала подбросить торфа в огонь, а если дымил очаг, она, нимало не смущаясь, открывала настежь окошко, глядящее на север, чтобы выпустить дым.

И однажды она сделала и то и другое — как раз что брат просил ее не делать: открыла окно на север и забыла подбросить торфа в огонь, и очаг погас. А выйдя из дома, она увидела на приступке незнакомого красивого юношу. Он ласково приветствовал ее, заговорил о том о сем, и в конце концов она пригласила его зайти в дом.

А надо вам сказать, что этот красивый юноша был не кто иной, как младший из великанов, живших в той самой пещере. А чтобы его не узнали, он принял облик человека. Он попросил девушку дать обещание, что она не скажет брату, кто приходил к ней.

Глупая девушка — лучше бы она не соглашалась на это! Но она поспешила дать юноше обещание. А ему только того и надо было. Теперь он мог так околдовать ее, что она влюбилась в него без памяти.

Он совсем заговорил бедняжку, и наконец она даже согласилась покинуть дом брата и бежать с незнакомым юношей. Хуже того, он взял с нее клятву, что если брат помеша-

ет ей и вступит с ним в бой, она не станет помогать родному брату.

С этим молодой великан покинул дом Финлея.

Настал вечер. Усталый Финлей возвращался после охоты с собаками домой и, не заметив как, забрел в незнакомую ложбину. Его это тем более удивило, что он считал, будто хорошо знает все ложбины и ложбинки в своих горах. Там, в тени рябин и елей, возле прозрачного ручья он увидел хижину. За хижинкой вверх по склону холма тянулось вспаханное поле. На нем уже зеленели всходы, хотя весна в этих суровых горных краях только-только начиналась.

Финлей приказал собакам лежать смирно и ждать, а сам подошел к хижине и постучал в дверь. Ему открыла хорошенькая девушка, и он увидел в хижине старушку.

— Здравствуй, Финлей! — сказала старушка.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился Финлей. — И откуда вы взялись здесь, в наших горах, и ты, и эта хорошенькая девушка, и ваш дом, и рябины, и все такое прочее?

— Зови меня просто Доброй Волшебницей, — сказала старушка. — Эта девушка моя дочка. Мы здесь, чтобы спасти тебя, Финлей! Хотя ты и отважный охотник, но, случается, и отважного не мешает предупредить об опасности. Знаешь ли ты, что сегодня в твоём доме побывал младший из великанов? И твоя сестра пригласила его в дом, и ему удалось опутать ее злыми чарами. Завтра он придет опять, чтобы убить тебя заколдованным голубым мечом.

— Мне горько слышать это! — сказал Финлей.

— Только ни о чем не спрашивай сестру, — предупредила старушка. — Помни, она теперь во власти злых чар.

Финлей вернулся с собаками домой и ни о чем не спросил сестру.

Наутро он, как всегда, собрался на охоту, но далеко не ушел, а спрятался. И как только на дороге появился великан — ну, тот самый, что притворился красивым юношей и опутал злыми чарами сестру Финлея, — он напустил на него своих собак. Великан так удивился, что даже забыл о волшебном голубом мече, которым хотел убить Финлея.

Да, на беду, собаки подняли громкий лай, и девушка вышла из дома посмотреть, что случилось. Тут великан схватил ее за руку, и они убежали.

Финлей остался один.

Но он знал, что это ненадолго. Скоро к нему в гости пожалуют великаны, чтобы отомстить за своего младшего брата. Он заложил дверь поленом, потом подбросил побольше

торфа в очаг, и вскоре посреди хижины уже пылал яркий огонь. Но все равно Финлея пробирала дрожь.

Вдруг он услышал страшный шум, словно гром в горах. Это посыпались большие камни из-под ног великана, спускавшегося с горы.

Великан подошел к дому Финлея и закричал-зарычал-заревел:

— Фи! Фо! Фу! Кто посмел закрыть дверь? Стыд и позор тому, кто не пускает усталого путника в дом!

И он надавил плечом на дверь, вышиб ее и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. Он стоял под прикрытием пылающего очага с луком и стрелами наготове. И как только великан ворвался в хижину, он выпустил первую стрелу. Но она лишь ранила великана. Он взревел от боли и бросился на Финлея.

Неизвестно, что случилось бы с отважным Финлеем, если бы не его верные псы. Они накинулись на великана, и, пока он от них отбивался, Финлей успел выпустить из лука вторую стрелу и убил чудовище.

Утром Финлей поспешил в знакомую ложбину к Доброй Волшебнице, прихватив с собой голову великана.

— Ты храбрый юноша! — похвалила его старушка. — Как это тебе удалось?

И Финлей рассказал ей все, как было: как собаки помогли ему одолеть страшного великана.

— Ну, эта битва еще не битва, — сказала Добрая Волшебница. — Битва будет впереди. Береги своих собак!

И эту ночь Финлей был в хижине один, ведь сестра его убежала с молодым великаном. Посреди ночи он опять услышал страшный шум, словно раскаты грома в горах, и даже еще страшней, чем накануне. Опять по склону горы покатались тяжелые камни и раздался громкий стук в дверь хижины.

— Фи! Фо! Фу! — заревел-зарычал великан. — Ты убил моего сына, но меня тебе не убить!

И великан вышиб дверь и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. В свете очага он увидел, что этот великан о пяти головах, одна страшней другой. Разгорелась жаркая битва, и несдобровать бы Финлею, если бы не его верные псы. Они хватали и кусали великана, и, пока он от них отбивался, Финлей выхватил свой меч и вонзил его чудовищу прямо в сердце.

А утром Финлей опять пошел к Дobreй Волшебнице и сказал ей:

— Мне опять помогли собаки. Без них был бы конец!

— Нет, — сказала старушка, — эта битва еще не битва. Битва будет впереди! Слушай меня внимательно, отважный охотник. Сегодня ночью к тебе придет сама старая Кэйллих, чтобы отомстить за мужа и за старшего сына. Но она придет без шума и грома, а тихо и незаметно. Она заговорит с тобой сладким голосом и попросит впустить ее в дом. Но помни: она придет, чтобы отнять у тебя жизнь! Поступай точно, как я скажу тебе, и все кончится хорошо.

И Добрая Волшебница научила отважного Финлея, что ему следует делать, а чего не следует.

Когда пришла ночь, Финлей опять сидел в хижине один и прислушивался к тишине. В очаге горел жаркий огонь. Собаки лежали рядом и грелись.

Вдруг раздался легкий шорох, словно мертвый лист зашуршал на ветру, и Финлей услышал за дверью слабый, дрожащий голос:

— Впустите усталую бедную старушку погреться у очага! Откройте дверь!

Финлей крикнул ей:

— Я впущу тебя в дом, старая, если ты пообещаешь вести себя тихо и никому не причинишь в моем доме вреда. Старуха пообещала.

И Финлей впустил ее в дом. Она и в самом деле оказалась совсем дряхлой, сгорбленной старушонкой. Поклонив-

пись Финлею, она села возле очага с одной стороны, а он с другой. Собаки беспокойно сновали по хижине, скаля зубы и глухо ворча.

— Какие страшные у тебя собаки! — дрожащим голосом прошамкала старушонка. — Лучше уж привяжи их!

— Собаки никогда не тронут добрую старую женщину, — сказал Финлей.

— Привяжи их, очень прошу тебя. Я так боюсь злых собак!

— Да мне нечем и привязать их, — сказал он.

— Я дам тебе три волоса с моей головы. Они такие крепкие, что можно сплести из них якорную цепь для большого корабля.

Финлей взял три волоса и притворился, что привязывает собак. На самом же деле он просто приказал им сидеть смиренно в углу.

— Ты уже привязал их? — спросила старуха.

— Сама видишь, как они смиренно лежат, — ответил он.

Старуха посмотрела на собак и успокоилась. Не говоря больше ни слова, они продолжали сидеть у очага, и Финлею вдруг показалось, что старуха начала расти.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты как будто растешь?

— Ну что ты! — сказала старуха. — Это холодная ночь виновата. Я замерзла и сжалась в комок, а сейчас отогрелась у твоего очага.

Они опять помолчали. Финлей не спускал глаз со старухи и наконец сказал:

— Ну конечно, ты растешь на глазах! И не отпирайся!

Старуха нахмурилась и сказала сердито:

— Да, расту! А ты убил моего мужа и моего старшего сына!

С этими словами она вскочила и уперлась головой в потолок, так что хижина вся затряслась. Финлей тоже вскочил на ноги, но великанша успела схватить его за волосы. Хорошо еще, что она не могла нарушить свое обещание и напасть на него в его доме. Но она потащила его за порог. Тогда псы вскочили со своих мест и бросились на нее.

Финлей не на жизнь, а на смерть схватился с великаншей. Они катались по земле, дубася друг друга, и, конечно, она одолела бы Финлея, если бы не собаки. Они хватили и кусали ее, и потому Финлею удалось повергнуть ее на землю и приставить к горлу меч.

Тут она как будто смирилась и стала сулить отважному охотнику любые богатства, только бы он отпустил ее.

— Я отдам тебе все сокровища из нашей пещеры! — говорила великанша.

— Нет! — отвечал охотник.

— Ты получишь заколдованный меч, который разит без промаха человека и зверя!

— Нет! — отвечал охотник.

— Я дам тебе волшебную палочку, которая может превратить каменный столб в славного воина и славного воина в каменный столб!

— Нет! — ответил охотник и вонзил свой меч великанше прямо в сердце.

Так велела ему Добрая Волшебница.

Потом он приложил красный мох, сфагнум, к своим ранам и наутро был уже здоров. Он отправился к хижине Доброй Волшебницы и рассказал ей все, как было, как собаки помогли ему одолеть старую Кэйллих.

— Теперь ты герой, Финлей! — сказала Добрая Волшебница. — Вот это была битва так битва! — И она погладила собак.

— Скажи, — спросил Финлей Добрую Волшебницу, — а как раздобыть сокровища великанов и заколдованный меч, разящий без промаха?

— Сегодня ночью мы с дочкой так и так собирались пойти в пещеру великанов, чтобы забрать у них мою волшебную палочку, — сказала Добрая Волшебница. — Если хочешь, можешь пойти вместе с нами.

Отважный Финлей с радостью согласился. И когда вышла луна, все трое пустились в путь к пещере великанов. Добрая Волшебница велела дочке и Финлею набрать побольше сухого вереска. Этот вереск она сложила у входа в пещеру и разожгла костер.

— Великаны не любят огня, — сказала она, — и мы их выкурим из пещеры.

Так оно все и вышло. Дым от горящего вереска пошел в пещеру, и вскоре оттуда высунулась голова молодого великана. Глаза у него слезились от дыма, он чихал и совсем задышался.

— Только не стреляй в него! — крикнула Финлею Добрая Волшебница, увидев, что он целится в великана из лука. — Я лучше превращу его в каменный столб, как только найду свою волшебную палочку.

Но молодой великан уже смекнул, в чем дело. Вернувшись в пещеру, он схватил за руку сестру Финлея и выскочил с нею из пещеры. Потом что было силы дунул на огонь и, укрывшись за дымовой завесой, исчез из глаз.

Не прошло и недели, как Финлей женился на хорошенькой дочке Доброй Волшебницы. Они зажили вполне счастливо. Нужды они не знали — ведь все сокровища великанов достались им. И бояться никого не боялись — ведь их охраняли верные псы Финлея.

Фермер Джеймс Грэй и великанша Клэншид

В диких зарослях Бёншира жил великан. Он был злой и жестокий великан и очень плохо обращался со своей женой — великаншей Клэншид.

Только подумайте: он каждую ночь бил-колотил ее чем попало. То она пещеру не так вымыла, то обед не так приготовила, а то просто у него руки чесались, и он не мог уснуть, пока не поколотит ее.

И каждую ночь над лесами и холмами Беншира разносились вопли бедной великанши. Хуже всех доставалось Джеймсу Грэю, ферма которого стояла неподалеку от тех мест.

Одну ночь за другой ни он, ни вся его семья глаз не могли сомкнуть, и потому днем вместо работы Джеймс Грэй клевал носом в поле, его жена — на кухне, а их дети — над уроками. Все дела стояли, и ферме грозило разорение.

И вот однажды, когда Джеймс Грэй чинил изгородь на границе своей земли — хотя глаза у него, честно говоря, совсем слипались, — он вдруг услышал громкие раскаты грома.

Чудо, да и только! И небо ясное, ни облачка, и солнце светит, откуда ж гром гремит?

А это, оказывается, великанша Клэншид вышла поискать чего-нибудь на обед своему мужу.

— Вот удача! — обрадовался Джеймс Грэй. — Давно я ждал этой встречи.

И он закричал что было мочи, подзывая Клэншид, голова которой виднелась где-то высоко над деревьями ближнего леса.

Великанша тут же направилась к нему, раздвигая в стороны высоченные деревья, словно то были жалкие кустики ежевики.

— Добрый день, человек! — прогремел ее голос. — Что тебе от меня надо?

— Хочу пожаловаться! — крикнул Джеймс. — Из-за тебя ни я, ни моя семья не знаем ни сна, ни покоя!

Клэншид ответила, что очень сожалеет, и спросила, чем она потревожила их.

— Ты такой шум поднимаешь каждую ночь, — сказал Джеймс, — что совершенно не даешь нам спать. Неужели нельзя хоть ночку одну не вопить и не орать? В ушах такой звон стоит, словно тысяча злых духов оглашает воздух своими криками. Так продолжаться не может!

Но Клэншид объяснила ему, почему она кричит и вопит каждую ночь, и Джеймсу даже жалко ее стало.

— Ужасный человек мой муж;— вздохнула великанша.— Я бы так хотела от него избавиться.

— Вы правы, сударыня,— с радостью подхватил он.— Хорошо бы вам от него избавиться. Нам бы всем тогда спокойней стало.

Слово за слово, и великанша с фермером расстались добрыми друзьями.

В эту же ночь, как только выплыла полная луна, Клэншид пришла на ферму. Она постучала легонько в дверь, от чего весь дом так и затрясся. Джеймс Грэй сразу догадался, что за ночной гость пожаловал к нему.

— Что тебе?— спросил он, отворяя дверь.— К сожалению, в дом я тебя не могу пригласить: ты в нем не поместишься.

— И не надо,— сказала великанша.— Пойдем, помоги мне убить моего мужа! Я слышала, ты хороший стрелок. А если ты убьешь его, он уже не сможет меня колотить и вы тогда будете спать спокойно.

— Смешная ты женщина,— сказал Джеймс Грэй.— Как же я убью его? Это все равно что сказать муравью: убей слона!

— Ах, ты ничего не знаешь,— сказала великанша.— У моего мужа над сердцем есть родинка. Если попасть в нее, он сразу умрет.

Джеймс Грэй согласился. На его месте и вы бы согласились: подумать только, сколько ночей не спал он по вине этого самого великана!

И вот, прихватив лук и стрелы и сев верхом на плечи великанши Клэншид, Джеймс Грэй отправился к пещере великана.

А великан уже встречал их, поджидая у входа в пещеру и потрясая в воздухе кулачищами.

Грэй достал стрелу, вложил ее в лук, натянул тетиву покрепче, прицелился— что ж, это было не так уж трудно сделать, потому что родинка над сердцем великана была величиной, наверное, с шотландскую шапочку,— и выстрелил.

Великан охнул и растворился в воздухе.

Тут Клэншид на радостях пустилась в пляс и так притопывала и кружилась, что Джеймс Грэй взмолился, чтобы она перестала: не очень-то удобно сидеть на плечах танцующей великанши.

Клэншид опустила Джеймса на землю и молвила:

— Ты оказал мне великую услугу, Джеймс Грэй! Отныне можешь располагать мной и моим временем как

тебе вздумается. Скажи скорей: что я могу для тебя сделать?

Но Джеймсу меньше всего хотелось в ту минуту пользоваться услугами великанши. Единственное, о чем мечтал он,— это хорошенько выспаться! И, желая поскорее отделаться от услужливой великанши, он сказал, показывая на стадо оленей, пробегавших в это время по лесу:

— Видишь, это мои кони вырвались из конюшни. Собери их и загони назад в стойла!

Доверчивая и не очень-то умная Клэншид бросилась выполнять его задание, а Джеймс Грэй вернулся домой и лег спать.

Но не успел он и голову положить на подушку, как — тук! тук! тук! — дом его так и затрясся от знакомого стука.

Усталый, измученный Джеймс спустился вниз и открыл дверь. Там стояла улыбающаяся во весь рот Клэншид.

— Я загнала твоих коней в стойла, — сказала она. — Хотя это было не так-то легко: кони оказались ужасно непослушные. Ну, а теперь что?..

Но мы не знаем, ни что ответил ей Джеймс Грэй, ни когда, наконец, этому бедняге удалось хоть одну ночь проспать спокойно!

Джон Рид и русалка

Джон Рид был купцом и судовладельцем. Нагрузив свой большой шлюп товаром, он шел по морю в любую погоду от берегов северной Шотландии в Голландию и обратно.

Дела его процветали, он быстро разбогател и чувствовал бы себя совсем счастливым, если бы...

Если бы не несчастная любовь.

Он влюбился в красавицу Эллен Стюарт, но боялся ей в этом признаться. Ему казалось, что она его все равно никогда не полюбит.

И вот однажды, вернувшись в конце апреля из плавания, ему страстно захотелось хотя бы издали взглянуть на Эллен Стюарт. А он знал, что на первое мая она пойдет со своими подружками собирать майскую росу — таков был в их местах обычай.

В этот день он встал пораньше и, не зная куда себя деть, пошел побродить вдоль берега моря.

Одна за другой погасли ночные звезды, взошло солнце, отбросив огненную дорожку на воду. Но Джон Рид ничего не замечал вокруг и не видел, как красив восход. Он думал о красавице Эллен, и только она стояла у него перед глазами.

Взбираясь на высокую скалу, он вдруг услышал чье-то пение. Джон Рид кинул взгляд на море, думая, может, это одинокий рыбак веселит себя ранней песней.

Нет, море было пустынно, только мокрая голова тюленя высунулась из воды и замерла, словно тюлень тоже заслушался песней.

Только когда Джон Рид обогнул наконец скалу, он увидел, кто это пел. Юная девушка. Она сидела на камне, опустив ноги в воду. Ее белые плечи и спину скрывали густые длинные волосы. Но вот она поднялась с камня, и тут Джону Риду пришлось прикрыть глаза рукой — так заблестел на солнце ее чешуйчатый хвост.

«Да это русалка!» — догадался Джон Рид.

И он хотел было, не тревожа ее, уйти незамеченным, как вдруг вспомнил, что русалки владеют волшебным даром исполнять желания смертных. Может, она согласится подарить ему любовь Эллен Стюарт?

Тихо и незаметно Джон Рид подкрался к русалке, но тут она обернулась и, увидев человека, громко вскрикнула. Ах, еще мгновение, и она соскользнула бы в воду, а тогда прощай все его мечты и надежды.

Но Джон Рид успел ее крепко обнять, и, хотя русалка вырывалась из его рук с силой, не меньшей, чем у тюленя, он не выпускал ее из объятий. От напряжения у него заболели руки, и в конце концов русалка вырывалась бы от него, да только мысль о прекрасной Эллен прибавила ему силы, и он не сдался.

Русалка устала бороться и спросила:

— Что ты от меня хочешь, человек?

И в ее слабом голосе прозвучали одновременно и нежность птицы-певуньи, и холод морских пучин.

— Исполнения трех желаний! — ответил быстро Джон Рид, вспомнив, что именно так следует отвечать на этот вопрос.

— Назови их, — сказала русалка.

— Мой отец, — начал Джон, — был таким же моряком, как и я. Но он утонул в море. Так вот, первое мое желание: чтобы никто из моих друзей, ни я сам не узнали такого конца. Второе мое желание: чтобы дела мои процветали и дальше. А третье: чтобы Эллен Стюарт, которую я нежно люблю, ответила мне любовью.

— Отпусти меня, и все будет исполнено,— сказала русалка.

Джон Рид разжал руки, и русалка, лишь взметнув блестящим хвостом, исчезла в море. Он вытер морские брызги с лица и, окрыленный надеждой, взобрался на вершину зеленого холма, где надеялся встретить прекрасную Эллен.

И — о чудо! — она уже была там и сидела на траве со своей подружкой как раз у того места, которое, кстати или некстати, звалось Прыжком Влюбленного.

Ну что ж, кажется, судьба начала улыбаться отважному моряку.

— Да это Джон Рид! Вот удачная встреча! — воскликнула подружка Эллен. — А Эллен только что рассказала мне, какой сон ей приснился нынче ночью. Представьте, ей приснилось, что она собирает майскую росу, но трава и кусты совсем высохли, и она собрала всего несколько капель, как вдруг услышала, кто-то поет на берегу, вон там, за скалами. Она спустилась вниз и увидела на берегу у самого моря вас, спящего, а рядом прекрасную деву. Эллен испугалась, что вас унесет прибой, но тут вы проснулись, поднялись и стали вместе с ней собирать росу. Она хотела получше разглядеть прекрасную деву, но та была уже далеко в море, качаясь на волнах, словно белая чайка. И тут Эллен вдруг услышала: кап-кап-кап — это роса падала с куста, который вы трясли, прямо в ее ведро.

— Все так и было, — подтвердила Эллен. — Но самое странное не это, а когда мы сегодня утром проходили мимо этих скал, мы слышали точно такую же песню, как я во сне. И теперь вам только остается наполнить мое ведро росой!

И она рассмеялась, а Джон Рид вместе с ней.

— Поверьте, то была волшебная песня, — сказал он. — И я знаю, кто ее пел. Русалка! Я говорил с нею.

— Говорили с русалкой? — в ужасе воскликнула подружка Эллен. — О несчастный! Да знаете ли вы, что в последний раз у нашего берега ее видел ваш отец перед той страшной бурей, в которой он утонул.

Джон заметил, как побледнела Эллен при этих словах подруги, и тут же сказал:

— За меня не бойтесь! Русалка мне не страшна. Я покорил ее, и она дала обещание исполнить моих три желания.

И он все рассказал им. Правда, не совсем все: какое было третье желание, он утаил. Но по огоньку в глазах Эллен он увидел, что она догадывается. Она слушала его и восхищалась, представляя себе, какой опасности он подвергался ради нее, и в сердце ее закралась любовь.

Домой они возвращались вместе, рука об руку.

А на следующий праздник мая Эллен и Джон сыграли свою свадьбу.

Путешествие Финна в Лохланн

Из древних шотландских легенд о Фьяннах

Шотландия издавна славилась своими героями. О самом отважном из них — о Финне Мак Хумале — слагались легенды, которые передавались от поколения к поколению.

Финн предводительствовал отрядом из девяти тысяч воинов. Назывался этот отряд Воинством Фьяннов; он объединял Ирландию и Шотландию, или, как говорили древние, Эрин и Альбу.

Вряд ли найдется хоть клочок земли в этих двух странах, где бы не сохранилась память об этом герое и его подвигах.

Воинство Фьяннов родилось в ту пору, когда лохланнахи, или, как их потом стали звать, норвежцы, совершали набеги на берега Эрина и Альбы. И верховный король Эрина созвал большую совет, чтобы решить, как одолеть могущественного врага. Совет мужей предложил выбрать сто лучших юношей и девушек и поженить их, чтобы их дети и внуки слились в могучее воинство, которое победит пришельцев из Лохланна.

Вот как родилось в Эрине племя славных воинов. Под предводительством Финна они прогнали врагов с родной земли и больше не пускали их на Британские острова.

Предание говорит, что Финн был не самым могучим воином в Воинстве Фьяннов. Не силой прославился он, но мудростью и великодушием, защитой слабых и незапятнанной честью.

Говорили: «Никогда Финн не предаст друга».

Мы вам поведаем, как Финн ходил однажды в Лохланн.

Вскоре после того как Воинство Фьяннов прогнало пришельцев из Лохланна, Финн и его воины охотились в горах на оленя и увидели незнакомца, приветствовавшего их на чужом языке.

— Откуда ты и что тебе здесь надо? — спросил Финн.

— Издалека. Я ищу себе господина, — ответил незнакомец.

— Мне как раз нужен слуга, — сказал Финн. — А что ты попросишь, если прослужишь у меня один день и один год?

— Совсем немного, — ответил незнакомец, — а именно вот что: когда кончится моя служба, обещаю пойти со мной на праздничный ночной пир во дворец лохланнахского короля. Только пойдешь ты один, никто не должен тебя со-

проводить — ни собака, ни человек, ни теленок, ни дитя. И без оружия!

Финн хлопнул незнакомца по плечу, да так, что тот скатился вниз до середины горы. И сказал:

— Твои условия мне по душе! Они сулят приключения. Прослужи у меня один день и один год, и я пойду с тобой на ночной пир в Лохланн.

Один день и один год незнакомец преданно нес свою службу, а когда вышел срок, явился к Финну и напомнил об условии.

Тогда Финн призвал к себе все девять тысяч своих воинов и сказал им:

— Я должен выполнить уговор с этим юношей, и сейчас я ухожу от вас. Когда вернусь, я не знаю. Но если через один год и один день я не приду, значит, меня убили в Лохланне. Коли это случится, пусть все, как один, — кто с острым мечом, кто с тугим луком — ступят на берег Лохланна, чтобы отомстить за меня в великой битве.

И Финн покинул свой дом, а его шут крикнул ему вдогонку:

— О Финн, первый среди людей, не побрезгуй моим советом, ибо случается, что мудрость короля застревает в башке у дурака.

— А каков твой совет? — спросил его Финн.

— Послушай меня, возьми с собой золотой ошейник Брана. (Бран был верным и самым сильным гончим псом Финна.) Ведь ошейник — не пес, не человек, не теленок, не дитя и не оружие, однако может сослужить тебе великую службу.

— Послушаю и возьму, — ответил ему Финн.

Он положил в карман ошейник Брана и покинул своих людей в сопровождении юноши, который прослужил у него один день и один год.

Финн был быстр на ногу и подвижен, однако он с трудом поспевал за своим спутником — тот летел словно на крыльях. Финн лишь старался не упускать его из виду, когда они пробирались сквозь заросли и извилистые ущелья, переходили вброд реки, огибали озера.

Если же юноша пропадал где-нибудь впереди за высокой горой, Финн еще прибавлял шагу и огибал гору с другой стороны, чтобы скорей увидеть его и не сбиться с пути.

Путешествие кончилось, когда они достигли королевского замка лохланнахов.

Зловещий, мрачный, стоял он на самом берегу моря, где пенные волны с ревом разбивались об острые скалы.

Измученный и усталый после трудного путешествия, Финн вошел в замок и опустился в кресло, чтобы отдохнуть, а затем принять участие в пире. Он хорошо помнил уговор с незнакомцем.

Но не пир ждал Финна Мак Хумала в замке короля лохланнахов.

Сам король и хмурые вожди кланов, а также все лучшие воины Лохланна собрались в тот день, чтобы решить сообща, какой смерти предать героя фьяннов. С той минуты, как Финн вступил в этот замок, он стал их пленником и знал, что пощады здесь не увидит.

— Повесить его! — сказал один.

— Сжечь!

— Утопить в самом глубоком озере!

Советы следовали один за другим, как удары тупого меча.

— Нет, пусть Финн Мак Хумал умрет позорной смертью! — сказал воин с самым темным, свирепым лицом. — Пустим его в Большое Ущелье, где живет Серый Пес. И Пес его растерзает. Нет смерти позорней, чем смерть от зубов собаки!

Эти слова вызвали восторг и громкое одобрение у собравшихся: кто станет спорить, что нет хуже смерти, чем от клыков и когтей свирепого Серого Пса, стерегущего мрачное Большое Ущелье, куда даже самый отчаянный воин вот уже сколько лет не смел заходить.

Не мешкая более, воины отвели Финна в Большое Ущелье и оставили там среди колючих зарослей и неприступных скал, овеванных едкой, сырой мглой, одного. Только протяжный вой Серого Пса разрывал тишину.

Остаться в Большом Ущелье или бежать — конец для Финна был бы один: смерть.

Но уж лучше пасть жертвой страшного Пса, чем от руки предателей, хитростью заманивших его в свой замок, — так решил Финн и остался.

Вдруг где-то во мгле перед ним вырос Серый Пес, и невольно у героя задрожали колени и страх сжал горло. Пес был ростом не меньше Брана — любимой гончей Финна. Шерсть встала дыбом у него на спине. Пасть разинулась, обнажив острые, длинные зубы и красный язык. Из ноздрей с такой силой вырывалось дыхание, что разметало все вокруг на три мили, не меньше.

У Финна похолодела спина, оцепенело сердце.

И тут он вспомнил, что в кармане у него лежит золотой ошейник Брана, который он прихватил из дома по совету своего дурака. И вспыхнула искра надежды.

Он вынул ошейник и помахал им в воздухе. И вот словно свершилось чудо. Серый Пес замер, перестал злобно рычать и завилял хвостом. Потом подполз на брюхе к Финну и лизнул его сначала в руку, потом в лицо, шею, ноги. Он зализал Финну все царапины и болячки от колючих кустов и острых камней.

Финн надел Серому Псу на шею золотой ошейник Брана и вывел из Ущелья этого страшного укрощенного зверя.

Воины и друзья устроили пир в честь возвращения Финна. Но чудом было не то, что Финн невредимым вернулся домой — все верили в его ум, находчивость и отвагу, — а встреча Серого Пса с Браном.

Правда, секрет этой дружеской встречи оказался простой: Серый Пес и Бран были братья.

Томас-Рифмач

Легенда

Знаете деревушку, что прячется в тени Эйлдонских холмов? Вот тут когда-то давным-давно-предавно жил один славный человек по имени Томас Лермонт. Ничем особенным он не отличался от своих соседей, разве только чудо как хорошо играл на лютне. Да умел сочинять стихи. Собственно, как все бродячие певцы-барды в ту пору.

В один прекрасный денек Томас захлопнул за собой дверь своей хижины и отправился с лютней под мышкой навестить одного фермера, жившего на склоне холма.

«Если взять хороший шаг, эта прогулка не отнимет у меня много времени», — подумал Томас.

Но денек выдался такой ясный, такой жаркий, что когда он достиг берега ручья Хантли, сбегавшего с Эйлдонских холмов, он уже так умирился, что ему захотелось поскорее спрятаться от солнца в густой тени раскидистого дуба и отдохнуть.

Перед ним лежал небольшой лесок, по которому в разные стороны разбегались тропинки, скрытые зеленью. Он загляделся на прохладную сень, рассеянно перебирая струны лютни, как вдруг поверх собственной музыки услышал отдаленные звуки, словно звон горного ручья.

Но что это? Он в великом изумлении вскочил на ноги — на одной из таинственных лесных тропинок появилась

верхом на коне прекрасная леди. Прекраснее свет не видывал.

На ней было платье из зеленого, как трава, шелка и зеленый бархатный плащ. Светлые волосы ниспадали на плечи. Белоснежный конь под ней грациозно ступал меж деревьев, и Томас увидел, что каждая прядь его гривы заканчивается крошечным серебряным колокольчиком. Ну конечно, звон этих колокольчиков он и принял за журчанье горного ручья.

Он сорвал с головы шапку и упал перед прекрасной всадницей на одно колено. Но она, натянув поводья белого коня, остановилась и повелела Томасу встать.

— Я королева эльфов, — молвила она, — и прискакала сюда, чтобы встретиться с тобой, Томас из Эрсилдурна.

Она ласково улыбнулась и протянула ему тонкую руку, чтобы он помог ей спешиться. Томас привязал коня к колючему кусту и повел даму в тень раскидистого дерева, зачарованный ее нежной, неземной красотой.

— Сыграй мне на лютне, Томас, — попросила она. — Хорошая музыка и лесная прохлада верные союзники, разве не так?

Томас послушно взялся за свой инструмент и начал играть. Никогда прежде не играл он так нежно и весело. Он кончил, и королева эльфов не стала скрывать своего восторга.

— Мне хотелось бы наградить тебя, Томас, — произнесла она. — Проси о любой милости, я тебя одарю ею.

Томас взял обе ее белые ручки в свои и осмелился произнести:

— Позволь мне поцеловать тебя, прекрасная королева.

Королева не отняла у него рук, а лишь улыбнулась и сказала:

— Запомни, Томас, если ты поцелуешь меня, тебе придется, на горе или на радость, отслужить мне семь долгих лет. Согласен?

— Что значит семь лет! — воскликнул Томас. — Я с радостью расплачусь.

И он прикоснулся к устам королевы эльфов.

Королева быстро встала, и тут Томас вдруг почувствовал, что отныне он будет всюду послушно следовать за ней. Однако чары любви были так сильны, что он ничуть не сожалел о своем дерзком поступке. Ну и пусть, он подарит королеве семь лет своей земной жизни.

Королева эльфов села верхом на белоснежного коня, а Томасу велела сесть позади нее, и под ласковый звон серебряных колокольчиков они полетели через зеленые ложбины и вересковые холмы быстрее всех ветров небесных. На-

конец они прибыли в какое-то очень странное место. Королева соскочила с коня и сказала Томасу, что они отдохнут здесь недолго.

Томас с великим любопытством оглядывался по сторонам: он понял, что очутился на земле не для простых смертных. Позади остались непроходимые кущи вьющегося орляка. А вперед от этой бесплодной земли убегали три дороги.

Одна дорога, узкая и крутая, заросла по обеим сторонам колючим кустарником и диким шиповником. Над головой кусты встречались, образуя длинный темный тоннель.

Другая дорога была широкая и прямая, по ней плясали солнечные зайчики, перепрыгивая на лужайки зеленого бархата, расшитого, словно драгоценными камнями, пестрыми цветами. Третья же дорога вилась вверх, сквозь заросли папоротника. Ее устилал мягкий мох, а венчала, словно высоким куполом, зеленая листва, которая дарила путнику прохладу.

Проследив за удивленным взглядом Томаса, королева эльфов сказала:

— Узкая, тернистая тропа — это Дорога праведников. Редкий путник отважится идти этой дорогой. Широкая прямая дорога, ведущая мимо цветущих долин, зовется Дорогой порока, хоть и кажется такой светлой, такой нарядной. А третья прекрасная дорога, что вьется вдоль живой изгороди из вечнозеленого папоротника, — дорога в страну эльфов. По ней мы и поскачем этой ночью в Эльфландию.

Она подошла к коню, который прядал головой и бил копытом в нетерпенье скорей вступить на эту зеленую тропу. Но прежде чем отправиться в путь, королева сказала Томасу:

— Если ты послушаешься моего совета, Томас, и будешь нем все время, что проведешь в Эльфландии, что бы ты ни услышал и ни увидел там, то по истечении семи лет ты вернешься в страну людей. Но если ты произнесешь хоть слово, ты упустишь свое счастье и будешь приговорен на вечное скитание по бесплодной пустыне, что лежит между прекрасной Эльфландией и землей людей.

Они поскакали по третьей тропе, и скакали очень долго, прежде чем достигли владений королевы. Через холмы, долины, болота и равнины. По ночам над ними чернело небо, а днем блестели золотом облака на солнце. Случалось им переходить вброд стремительные реки, наполненные красной кровью. Королева подбирала шлейф своей зеленой мантии, а на белоснежных боках ее коня оставались кроваво-красные пятна. Ибо вся кровь, пролитая когда-либо на земле, собиралась здесь в ручьи, которые орошали эти странные места.

Но вот, наконец, они достигли ворот Эльфландии. Тысячи волшебных труб возвестили об их прибытии. Под приветственные звуки въехал Томас в зачарованную страну, залитую чудесным светом.

А где-то далеко, на земле простых смертных, жители Эрсилдурна шепотом передавали друг другу таинственную весть, что их сосед Томас Лермонт одним прекрасным летним днем взял да и пропал. И след его простыл.

Пока Томас оставался в Эльфландии, он не посмел ни словом ни с кем перемолвиться о тех чудесах, какие ему удалось увидеть или услышать. Семь лет пролетели, как три дня, и, когда вышел срок его службы у королевы эльфов, настал миг расставания. Королева сама проводила Томаса за ворота волшебной страны в залитый солнцем сад, который лежал по ту сторону ворот. Там росли изящные лилии и все самые прекрасные цветы земли, а под ними прогуливались изящные кроткие единороги.

Королева протянула руку, сорвала с дерева яблоко и дала его Томасу.

— Ну вот, наконец, ты можешь заговорить, Томас, — молвила она. — А в награду за семь лет верной службы возьми себе это яблоко. Оно волшебное и поможет тебе говорить всегда только правду, истинную правду, одну только правду.

Но Томас был малый смысленный и сразу смекнул, что этот дар говорить только правду и ничего, кроме правды, не великое счастье в той стране, куда он возвращается. И он попытался объяснить это королеве эльфов.

— Когда живешь среди людей, — сказал он, — иногда приходится кое-что приукрасить, когда, например, ухаживаешь за девушкой. Или если хочешь заключить выгодную сделку с соседом. Без красноречия тут никак не обойдешься.

Но королева только улыбнулась (в который раз!) и сказала:

— Откинь все волненья, Томас! И береги мой дар — он дается не каждому. Он принесет тебе славу, о какой ты и не мечтал. Навеки запомнят имя Лермонта, пока есть на земле страна Шотландия. А теперь ты должен возвратиться, Томас. Только сперва внемли моим словам. Настанет день, я снова призову тебя к себе. Так поклянись послушаться моего приказа, где б он ни застал тебя. Я за тобой пришлю моих посланцев. Их будет двое. Ты сразу их узнаешь — они придут из другого мира, не из твоего...

Томас заглянул в глубокие глаза прекрасной королевы, словно в омут, и понял, что чары любви, лежавшие на нем семь долгих лет, так никогда его и не отпустят. Но он был только рад дать королеве клятву, что выполнит ее приказ.

Не успели слова клятвы слететь с его уст, как Томас вдруг погрузился в глубокий сон. Зеленый сад, цветы, кроткие единороги — все растворилось в молочной дымке, опустившейся из облаков на землю, припорошенную опавшим белым цветом яблонь.

Когда Томас проснулся, он увидел, что лежит под большим дубом, что рос на самом берегу ручья Хантли. Все еще в сомненьи, он пристально вгляделся в пустынные тропинки леса, тщетно надеясь уловить звуки серебряных колокольчиков. Путешествие в Эльфландию, которое затянулось на семь долгих лет, показалось ему теперь коротким послепопуденным сном.

Томас крикнул:

— Я еще вернусь!

И, подхватив лютню, зашагал в свой Эрсилдурн. Очень захотелось ему узнать, что там произошло за эти семь лет. Но еще больше Томасу хотелось проверить, сбудется ли обещание, которое подарила ему королева эльфов: неужто и впрямь отныне он будет говорить только правду?

— Боюсь, я только рассержу своих соседей, — рассуждал сам с собою Томас, — если не сумею им сказать ничего, кроме правды. Ведь они услышат не такой уж лестный отзыв, на какой рассчитывали. Да и не тот совет получат, какой ждали.

Не успел он появиться на улицах своей деревни, как услышал крик и вопли. Какой-то бедный старик решил, что Томас восстал из мертвых и вернулся в родную деревню с того света. Однако Томас быстро доказал всем, что он живой и здоровый, и добрые жители Эрсилдурна больше не удивлялись, что снова видят его. Но они не переставали удивляться, охать и ахать, когда он поведал им о своем путешествии в Эльфландию. Дети постоянно крутились у его ног, взбирались к нему на колени, чтобы еще и еще раз послушать его чудесную историю о том, как веселятся в той волшебной стране. А старики покачивали головой и тихо толковали меж собой про тех, кого вот так же увлекла за собой королева эльфов. Только они-то не пришли назад.

Но никому, никому не рассказал Томас о своем обещании вернуться к королеве, как только она пришлет за ним двух посланцев.

Со своей стороны, и Томас не мог не удивиться, что ничто не изменилось в Эрсилдурне, словно он отсутствовал не

семь лет, а три дня. Конечно, надо было подправить свой дом, потому как от дождей кое-где прохудилась тростниковая крыша, а в стенах ветер пробил дырки и надо было вставить на их место камни покрепче. У соседей на лице прибавилось морщин, а в волосах — седины. Семь жарких лет, семь урожаев, семь морозных зим, семь полных солнцем весен пролетели, а все осталось на своих местах.

С того дня, как Томас вернулся, он все ждал: сбудется — не сбудется обещание королевы эльфов. Неужто он и впрямь будет теперь говорить одну только правду?

Однако он, как и прежде, спокойно любезничал с дочкой фермера. И мог без труда уговорить соседа купить у него корову или там овцу.

Но вот в один прекрасный день на деревенской сходке, когда обсуждали страшное бедствие — падеж скота во всех окрестных деревнях, Томас вдруг почувствовал, что должен встать и что-то сказать. И, к своему собственному изумлению, взял да предсказал, что мор падет на все деревни, кроме Эрсилдурна. Очень удивились односельчане такому странному предсказанию, но в глубине души поверили. Что-то в его словах внушило им доверие еще до того, как предсказание Томаса сбылось. Чудо, но и впрямь ни одна корова, ни лошадь, ни овца не заболели в Эрсилдурне.

После этого Томас часто делал верные предсказания. А так как он умел с легкостью рифмовать, он говорил их стихами. Поэтому они быстро запоминались и стали гулять по свету. Но самое важное — все они сбывались, и слава Томаса-Рифмача, Томаса-Прорицателя вскоре облетела всю Шотландию. А все-таки, хоть он и стал знаменит и его приглашали во все концы страны, свой родной Эрсилдурн он не покинул. Разбогатев, он построил замок рядом и принимал там и всех соседей, и знаменитых воинов, и именитых лордов и графов. Он очень огорчился, когда сбылось его предсказание:

Пока поют в терновнике дрозды,
У Эрсилдурна не отнять его казны.

И впрямь, в одну злую весну не пели, как всегда, дрозды в колючих кустах вокруг Эрсилдурна. Лето выдалось дождливое, холодное. Урожай собрали бедный, и почти все жители деревни разорились, и пришлось им заложить свои земли богатым лендлордам.

Но самое удивительное предсказание Томас сделал 18 марта 1285 года. На шотландском троне в ту пору сидел мудрый король Александр III. На другой день граф Марч соби-

рался на охоту и послал за Томасом, чтобы тот предсказал ему погоду.

Назавтра в полдень буря взовьется.
Ведать не ведала ране Шотландия,
Что столько крови прольется,—

предсказал Томас.

И граф Марч не рискнул отправиться на охоту.

Назавтра, ближе к полудню, он снова призвал к себе Томаса.

— Ну, где ж твоя зловещая буря? — упрекнул он прорицателя.

— Полдень еще не пробило, — ответил спокойно Томас.

В этот миг в покои графа ворвался испуганный вестник. Он поведал, что великий король скончался. Он ненароком упал на крутой горной тропе с коня и более не встал.

— Увы, эта весть и означает бурю, которая нанесет жестокий урон нашей Шотландии, — произнес Томас.

На горе и печаль всех честных шотландцев, предсказание его сбылось.

Но людская молва повторяла и те его предсказания, каким еще только дано будет сбыться. Вот одно из них:

Когда Коровы Гаури выплывут на сушу,
Настанет судный день по наши души.

А надо вам сказать, что Коровами Гаури называют два гигантских валуна, стоящих за чертой полного прилива в заливе Тэй, что позади Ивергаури. И каждый год они на дюйм приближаются к земле, потому как море отступает.

Еще одному предсказанию Томаса только предстоит сбыться:

Йорк был, Лондон есть, Эдинбургу быть —
Самым славным, самым главным из трех прослыть.

А вот какую легенду сложили про Томаса сами шотландцы.

Прошло дважды семь лет с тех пор, как Томас-Рифмач вернулся от королевы эльфов, когда Шотландию втянули в тяжкую войну. Английский король после победы над Джоном Бальолем при Данбаре одолел Шотландию. Но доблестный рыцарь Уильям Уоллес поднял шотландцев, чтобы отбиться.

Так случилось, что армия храбрых шотландцев стояла лагерем близ замка Томаса. И Томас решил устроить великий пир для славных воинов. Такого шумного праздника еще не знал замок Эрсилдурн. Гости заполнили большой зал зам-

ка — благородные рыцари в тонких кольчугах, прекрасные дамы в шелестящих шелках. Вино лилось рекой, деревянные кубки то и дело наполнялись веселым шотландским элем.

Музыканты услаждали слух важных гостей, сказители развлекали историями о подвигах войны и охоты. Но главное ждало гостей впереди. Когда пир был закончен, сам хозяин замка Томас велел принести его любимую лютню и запел. Затаив дыхание, не проронив ни слова, слушали гости его песни о славном прошлом британской земли.

Он пел о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Об отважном Говэйне и волшебнике Мёрлине, о печальной любви Тристана и Изольды. И все, кто слушал его, думали и чувствовали, что такого барда им больше не услышать никогда.

Они оказались правы.

В эту ночь, когда гости разошлись и над рекой спустился туман, воин, дежуривший в палатке на склоне холма, проснулся от странного топота легких копыт по сохлой траве.

Он выглянул из палатки и увидел необычайное зрелище.

В свете яркой августовской луны по тропе к нему приближались белоснежные олень и олениха. Они ступали величественно и гордо. Воин позвал друзей, все окружили необыкновенную пару, но они продолжали идти вперед, не обращая ни на кого внимания.

— Надо разбудить Томаса Лермонта, — предложил кто-то. — Может быть, он нам скажет, что это значит.

— Верно, надо послать за Томасом-Прорицателем! — кричали все и отправили в замок маленького пажа разбудить Томаса Лермонта.

Услышав весть, Томас тут же вскочил с постели и быстро оделся. Он был бледен, даже руки у него дрожали. Ни один дикий зверь никогда прежде не покидал леса и не появлялся на улицах деревни. И потом, разве кто когда-нибудь слышал про белых оленей? Нет. Значит, это посланцы за ним, Томасом-Рифмачом, от королевы эльфов. Он и обрадовался: вскоре он снова увидит прекрасную королеву, но и загрустил — оборвалась нить его земной жизни.

Прихватив свою лютню, Томас вышел из замка и, с белым оленем по правую руку, с белой оленихой по левую, прошел по улицам деревни, освещенным серебристой луной, и скрылся в лесу, покинув родной Эрсилдурн навсегда.

Английские
сказки

Сказка про трех поросят

Давным-давно, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А мартышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки кричали: кряк-кряк-кряк! —

жила-была на свете старая свинья с тремя поросятами. Сама она уже не могла прокормить своих поросят и послала их искать по свету счастья.

Вот пошел первый поросенок и встретил на дороге человека с охапкой соломы.

— Человек, человек, дай мне соломы,— попросил поросенок.— Я построю себе дом.

Человек дал ему соломы, и поросенок построил себе дом.

Вскоре пришел к его дому волк, постучал в дверь и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

А поросенок ему:

— Не пущу, клянусь моей бородой-бородищей!

Тогда волк говорит:

— Вот я как дуну, как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунул, как плюнул — сразу снес весь дом и проглотил поросенка.

А второй поросенок встретил человека с вязанкой хвоста и попросил его:

— Человек, человек, дай мне хвосту, я построю себе дом.

Человек дал ему хвосту, и поросенок построил себе дом. Пришел к его дому волк и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня.

— Не пуцу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну, как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунет, как плюнет, как плюнет да как дунет — снес весь дом и проглотил поросенка.

А третий поросенок встретил человека с возом кирпичей и попросил его:

— Человек, человек, дай мне кирпичей, я построю себе дом.

Человек дал ему кирпичей, и поросенок построил себе дом.

И к нему тоже пришел волк и сказал:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

— Не пуцу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну, как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунет, как плюнет, как плюнет да как дунет, как дунет да как плюнет, а дом все стоит да стоит. Ну, видит волк: сколько ни дуй, сколько ни плюй — все равно дома не снесешь, и говорит:

— Послушай, поросенок, а я знаю, где растет сладкая репа!

— Где? — спрашивает поросенок.

— В огороде у мистера Смита. Завтра встань пораньше, я зайду за тобой, и мы вместе нарвем репы на обед.

— Ладно! — говорит поросенок. — Я тебя подожду. Ты когда придешь?

— В шесть.

Договорились. А поросенок встал в пять и нарвал себе репы до прихода волка. Ведь тот пришел к шести.

— Ты уже встал, поросенок? — спросил волк.

— Давно! — ответил поросенок. — Я уже и с огорода вернулся, и полный горшок репы на обед наварил.

Волк очень рассердился, но виду не показал, а старался придумать, как бы ему поросенка из дому выманить.

— Поросенок, а я знаю, где растет славная яблоня!

— Где? — спросил поросенок.

— Там внизу, в Веселом саду, — ответил волк. — Хочешь, завтра в пять утра я зайду за тобой, и мы нарвем яблок сколько душе угодно. Только смотри больше меня не обманывай.

На том и порешили.

А на другое утро поросенок вскочил в четыре часа и во всю прыть побежал за яблоками. Он хотел вернуться до волка. Но сад был далеко, а еще на дерево пришлось лезть.

И вот, только поросенок начал спускаться на землю — волк тут как тут. Ну и струхнул поросенок! А волк подошел к нему и говорит:

— Ах, это ты, поросенок! Опять раньше меня пришел. Ну, как яблоки, вкусные?

— Очень! — отвечает поросенок. — Держи, я тебе брошу одно!

И он бросил волку яблоко, но так далеко закинул, что, пока волк бегал за ним, поросенок спрыгнул на землю и убежал домой.

На другой день волк как ни в чем не бывало опять пришел к поросенку.

— Слушай, поросенок, — сказал он, — сегодня в Шэнклине ярмарка. Пойдешь?

— Ну конечно! — ответил поросенок. — Ты когда собираешься?

— В три.

А поросенок опять вышел из дома пораньше. Прибежал на ярмарку, купил маслобойку и направился уж было домой, как вдруг увидел волка.

С перепугу поросенок полез в маслобойку, да на беду опрокинул ее и вместе с ней покатился с холма прямо на волка. И до того напугал волка, что тот еле ноги унес, даже про ярмарку позабыл.

А когда опомнился, пошел к дому, где жил поросенок, и рассказал, что с ним случилось на ярмарке. Поросенок так и прыснул со смеху:

— Ха-ха-ха! Да ведь это я тебя напугал! Я ходил на ярмарку и купил там маслобойку. А как увидел тебя, залез в нее и скатился вниз с холма.

Тут уж волк просто рассвирепел.

— Вот я тебя сейчас съем! — зарычал он и полез на крышу, а с крыши в трубу и по трубе вниз прямо в камин.

Смекнул поросенок, что дело его плохо, развел поскорее в камине огонь и поставил на него котел с водой. Только волчьи ноги показались в трубе, поросенок снял с котла крышку, и волк упал прямо в воду.

И так и этак вертелся волк в котле — все старался вылезти. Наконец поднатужился и выпрыгнул. Да от натуги лопнул! А из живота у него выскочили — вы уж поверьте мне! — два братца поросенка.

Поросята очень обрадовались, увидев снова друг друга, принялись танцевать и танцевали, танцевали до самого утра.

Мистер Майка

Томми Граймс бывал то хорошим мальчиком, то плохим, но уж если плохим, то из рук вон плохим. И тогда мама говорила ему:

— Ах, Томми, Томми, будь умницей. Не убегай с нашей улицы, а то тебя заберет мистер Майка!

Но все равно, когда Томми бывал плохим мальчиком, он обязательно убегал со своей улицы. И вот как-то раз не успел он завернуть за угол, как мистер Майка схватил его, сунул вниз головой в мешок и понес к себе.

Пришел мистер Майка домой, вытащил Томми из мешка, поставил его на пол и ощупал ему руки и ноги.

— Да-а, жестковат,— покачал головой мистер Майка.— Ну, да все равно, на ужин у меня больше ничего нет, а если тебя проварить хорошенько, получится не так уж плохо. Ах, господи, про коренья-то я и забыл! А без них ты будешь совсем невкусный. Салли! Ты слышишь? Поди сюда, Салли! — позвал он миссис Майку.

Миссис Майка вышла из другой комнаты и спросила:

— Что тебе, дорогой?

— Вот мальчишка — это нам на ужин,— сказал мистер Майка.— Только я забыл про коренья. Постереги-ка его, пока я за ними схожу.

— Не беспокойся, милый,— отвечала миссис Майка, и мистер Майка ушел.

Тут Томми Граймс и спрашивает миссис Майку:

— А что, мистер Майка всегда ест на ужин мальчиков?

— Частенько, малыш,— отвечает ему миссис Майка,— если мальчики плохо себя ведут и попадают ему на дороге.

— Скажите, а нет у вас еще чего-нибудь на ужин, кроме меня? Ну хоть пудинга? — спрашивает Томми.

— Ах, как я люблю пудинг! — вздохнула миссис Майка.— Только мне очень редко приходится его есть.

— А вы знаете, моя мама сегодня как раз готовит пудинг! — сказал Томми Граймс.— И она вам, конечно, даст кусочек, если я ее попрошу. Сбегать принести вам?

— Да ты неглупый мальчонка! — обрадовалась миссис Майка.— Только смотри не мешкай, обязательно возвращайся к ужину.

Томми бросился наутек и был рад-радешенек, что так дешево отделался.

И много-много дней после этого он был таким хорошим мальчиком, о каком только мечтать можно. И ни разу, ни разу не убегал со своей улицы.

Но не мог же он всегда оставаться хорошим! И вот в один прекрасный день он опять забежал за угол. И надо же было так случиться, что не успел он оказаться на другой улице, как мистер Майка заграбастал его, сунул в свой мешок и понес домой.

Притащил он Томми к себе, вытряхнул его из мешка и тут же узнал.

— Э-э,— говорит,— да ты, никак, тот самый мальчишка, что сыграл с нами скверную шутку! Больше тебе это не удастся! Я теперь сам тебя постерегу. Ну-ка лезь под диван!

Пришлось бедному Томми лезть куда велено, а мистер Майка уселся на диван и принялся ждать, пока вода в котле закипит. Ждал он, ждал, а вода все не закипала, так что, наконец, мистеру Майке это надоело, и он сказал:

— Эй ты, там, внизу! Высунь-ка сюда ногу, я ее привяжу, чтобы тебе не удалось улизнуть на этот раз.

Томми высунул ногу, а мистер Майка распоясался и поясом привязал его ногу к дубовому столу крепко-накрепко. Потом позвал:

— Салли! Салли, дорогая!

Но никто не ответил. Тогда мистер Майка вышел в соседнюю комнату поискать миссис Майку, а пока искал, Томми выбрался из-под дивана и бросился к двери. Ведь высунул-то он из-под дивана не свою ногу, а диванную.

И вот вернулся Томми Граймс снова домой и больше никогда-никогда не забегал за угол до тех самых пор, пока не вырос большой и ему не разрешили ходить всюду одному.

Как Джек ходил счастья искать

Жил на свете мальчик. Звали его Джек. В одно прекрасное утро отправился Джек счастья искать.

Не успел далеко отойти— навстречу ему кот.

— Куда идешь, Джек?— спросил кот.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно!— ответил Джек.— Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли— навстречу им собака.

— Куда идешь, Джек?— спросила собака.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им коза.

— Куда идешь, Джек? — спросила коза.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им бык.

— Куда идешь, Джек? — спросил бык.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им петух.

— Куда идешь, Джек? — спросил петух.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Так и шли, пока не начало темнеть. Задумались они тогда, где же им ночь провести. А в это время у дороги показался дом.

Джек велел друзьям не шуметь, подкрался к дому и заглянул в окошко. А в доме-то сидели разбойники и пересчитывали награбленные деньги.

Вот вернулся Джек к своим друзьям и наказал им дожидаться его знака, а потом кричать что есть мочи. Приготовились все, Джек подал знак, и тут — кот замыкал, собака залаяла, коза заблеяла, бык замычал, петух закукарекал. Такой шум подняли, что разбойники перепугались и убежали. Тогда Джек с друзьями спокойно вошли в дом.

Но Джек все-таки опасался, как бы разбойники ночью не вернулись. И когда настало время ложиться спать, Джек устроил кота в качалке, собаку посадил под стол, козу отправил на чердак, быка спрятал в подвале, петуху велел взлететь на крышу. А сам улегся в постель.

Видят разбойники — свет в доме погас, и послали туда одного из своих людей за деньгами. Но он тут же прибежал назад и рассказал, какого страха только что натерпелся.

— Вот вхожу я в дом,— говорит,— хочу сесть в качалку, а там уж старуха какая-то сидит да вяжет. Как ткнет она в меня спицами!

А это был кот, вы же знаете.

— Подхожу я к столу, хочу взять наши денежки, а под столом сапожник. Как вонзит он в меня шило!

А это была собака, вы же знаете.

— Поднимаюсь на чердак, а там кто-то зерно молотит. Как трахнет он меня цепом — чуть с ног не сбил!

А это была коза, вы же знаете.

— Наконец, спускаюсь в погреб, а там — дровосек. Как запустит он в меня топором! Еле ноги я унес.

А это был бык, вы же знаете.

— Но все бы ничего, кабы не карлик на крыше. Как завопит он: «А подать-ка его сюда! А подать-ка его сюда!..» Я и наутек.

А это петух кричал: «Ку-ка-ре-ку-у!»

Источник на краю света

В доброе старое время — а оно и в самом деле было доброе время, хотя было то не мое время, и не твое время, да и ничье то время, — жила на свете девушка. Звали ее Розмари. Девушка она была добрая, хотя не очень умная, и веселая, хотя и не очень хорошенькая. Но все бы ничего, да попалась ей злая-презлая мачеха.

И вот, вместо того чтобы наряжаться в новые платья, есть вкусные пышки да болтать с подружками, как делают все девушки, Розмари приходилось с утра до ночи хлопотать по хозяйству. То мачеха заставляла ее мыть каменный пол, и Розмари ползала на коленках и терла его щеткой. То велела ей стирать, и Розмари засучивала рукава повыше и стояла весь день у корыта.

Но чем лучше Розмари работала, тем хуже обращалась с ней мачеха и только пуще ее ненавидела. Если девушка вставала рано, мачеха ворчала, что ей не дают спокойно поспать. Когда Розмари готовила обед, мачеха говорила, что его есть нельзя.

Бедняжка Розмари! Весь день она трудилась, и все было плохо.

А в один прекрасный день мачеха надумала и вовсе от нее избавиться. Подозвала она Розмари к себе и говорит:

— Возьми решето и ступай к Источнику на краю света. Набери в решето воды, да смотри принеси его сюда полнехоньким, не то тебе плохо придется!

Мачеха думала, что девушке ни за что не найти Источника на краю света. А если и найдет, то разве донесет она воду в решете?

Так-то вот. И девушка отправилась в путь и каждого встречного спрашивала, где найти Источник на краю света. Но никто не знал, и она думала да гадала, как же ей быть.

Наконец она увидела какую-то чудную, сгорбленную старушку с сучковатой палкой в руках. Согнувшись в три погибели, старушка что-то искала палкой в дорожной пыли.

— Что вы потеряли? — спросила ее Розмари.

— Два пенса!

— Дайте я помогу вам! — сказала Розмари и тоже принялась искать монетки.

Глаза у нее были молодые и зоркие, и она тут же нашла две монетки, по одному пенни каждая.

— Очень тебе благодарна, — сказала старушка. — Сама бы я никогда не нашла! А куда ты путь держишь? И зачем тебе это решето?

— Я ищу Источник на краю света, — ответила Розмари. — Да, наверное, такого и нет вовсе. Мачеха велела мне принести решето воды из Источника на краю света, а не принесу — мне плохо придется.

— Я знаю этот Источник, — молвила старушка, — и покажу тебе туда дорогу.

И старушка рассказала девушке, как найти Источник на краю света, а та поблагодарила ее и побежала скорей дальше.

Вот пришла она к Источнику на краю света, опустилась возле него на одно колено и зачерпнула решетом студеной воды. Но только подняла решето, вода вся убежала. Пробовала набирать еще и еще, но каждый раз случалось то же самое, так что под конец бедняжка села на пенек и залилась горючими слезами.

Вдруг из-под папоротника выпрыгнула большая зеленая лягушка, села против Розмари, уставилась на нее большими выпученными глазами и спросила:

— Что случилось, милая?

— Ах я бедная, бедная! — ответила Розмари. — Моя мачеха велела мне принести решето воды из Источника на краю света, а я не могу!

— Что ж,— сказала лягушка,— обещай исполнять все мои приказания целую ночь с вечера до утра, и я научу тебя, как набрать воды в решето.

Розмари с радостью согласилась, а лягушка сказала:

Глиной обмажь его, выложи мхом
И отнесешь в нем воды в свой дом.

А потом — прыг-скок и плюхнулась прямо в Источник на краю света.

Розмари нашла мох, выстлала им дно решета, сверху обмазала глиной, а потом зачерпнула решетом воды из Источника на краю света. И на этот раз вода не убежала. Розмари собралась было уходить домой, но тут лягушка высунула голову из Источника на краю света и сказала:

— Так помни, что обещала!

— Помню,— ответила Розмари.

А про себя подумала: «Что плохого может мне сделать какая-то лягушка!»

И вот вернулась она домой с решетом, полным воды из Источника на краю света. Как увидела ее мачеха, так чуть не лопнула от злости, однако ни слова не сказала.

В тот же вечер Розмари услышала тихий стук в дверь — тук-тук-тук — и чей-то голос:

Открой мне дверь, не боясь беды,
Исполни, мой друг, обещание!
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

— Что это значит? — вскричала мачеха.

И Розмари пришлось рассказать мачехе обо всем, а также и о своем обещании, которое она дала лягушке.

— Девушка должна выполнять свои обещания! — сказала мачеха. — Ступай сейчас же, открой дверь!

Она была рада-радешенька, что падчерице придется поинноваться какой-то мерзкой лягушке.

Розмари встала, открыла дверь и видит — на пороге сидит лягушка из Источника на краю света. Прыг-прыг, скок-скок — лягушка подскочила к ней и сказала:

На колени теперь, не боясь беды,
Возьми меня, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Розмари не хотелось сажать к себе на колени лягушку, но мачеха приказала:

— Сейчас же возьми ее, дерзкая девчонка! Девушка должна выполнять свои обещания!

Ну, пришлось Розмари посадить лягушку к себе на колени. А та посидела-посидела и говорит:

Подай мне обед, не боясь беды,
Исполни, мой друг, обещание.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Что ж, эту просьбу Розмари выполнила охотно — принесла хлеба, кувшин молока и накормила лягушку. А лягушка наелась и сказала:

Спать уложи, не боясь беды,
Меня в постель, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

— Ни за что! — воскликнула Розмари. — Ты такая холодная и скользкая, мне противно даже брать тебя в руки!

Но тут мачеха опять вмешалась:

— Выполняй, что обещала, милочка! Девушка должна держать свое слово! Делай, о чем тебя просят, или убирайся отсюда вместе со своей лягушонкой.

Розмари взяла лягушку в постель, но положила ее как можно дальше от себя. А когда занялся день, лягушка вот что сказала ей:

Бери топор, не боясь беды,
И голову мне руби, дорогая!
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Розмари сначала не хотела исполнить эту просьбу — ведь она помнила, как лягушка помогла ей у Источника на краю света. Но лягушка повторила просьбу, и тогда Розмари взяла топор и отсекла лягушке голову.

И вдруг — о чудо! — пред нею предстал прекрасный юноша. Он поведал Розмари о том, как злой волшебник заколдовал его, и добавил:

— Расколдовать меня могла только та девушка, что согласилась бы исполнять все мои приказания целую ночь, с вечера до утра, а утром отрубил бы мне голову.

Ну и удивилась мачеха, когда вместо мерзкой лягушки увидела красивого юношу! И уж поверьте мне, не по душе ей пришлось, когда юноша сказал, что хочет жениться на ее падчерице — за то, что она освободила его от злых чар. Но они все равно обвенчались и уехали от мачехи навсегда.

Три умные головы

Жил на свете фермер с женой, и была у них одна-единственная дочка, у которой был жених, некий джентльмен. Каждый вечер он приходил к ним в гости и оставался ужинать. А дочку посылали в погреб за пивом. Вот как-то раз спустилась она вниз, принялась цедить пиво в кувшин, а сама возьми да и взгляни на потолок. И что же видит — торчит в балке топор. Верно, воткнули его туда давным-давно, но так или иначе, а раньше она его не замечала. И принялась она думать да раздумывать: «Не к добру здесь топор торчит! Вот поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!»

Поставила девушка на пол свечу и кувшин, сама села на скамью и принялась плакать.

А наверху думают: что случилось, почему она так долго цедит пиво? Спустилась мать в погреб и видит: сидит дочка на скамье и плачет, а пиво уже по полу потекло.

— О чем ты? — спрашивает мать.

— Ах, матушка! — говорит дочка. — Только посмотри на этот страшный топор! Вот поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!

— Ах батюшки, горе-то какое! — И мать уселась рядом с дочкой и тоже в слезы ударилась.

Немного погодя и отец встревожился: чего это, думает, они не возвращаются. И отправился в погреб сам. Спустился и видит — сидят обе и плачут, а пиво уже по всему полу растеклось.

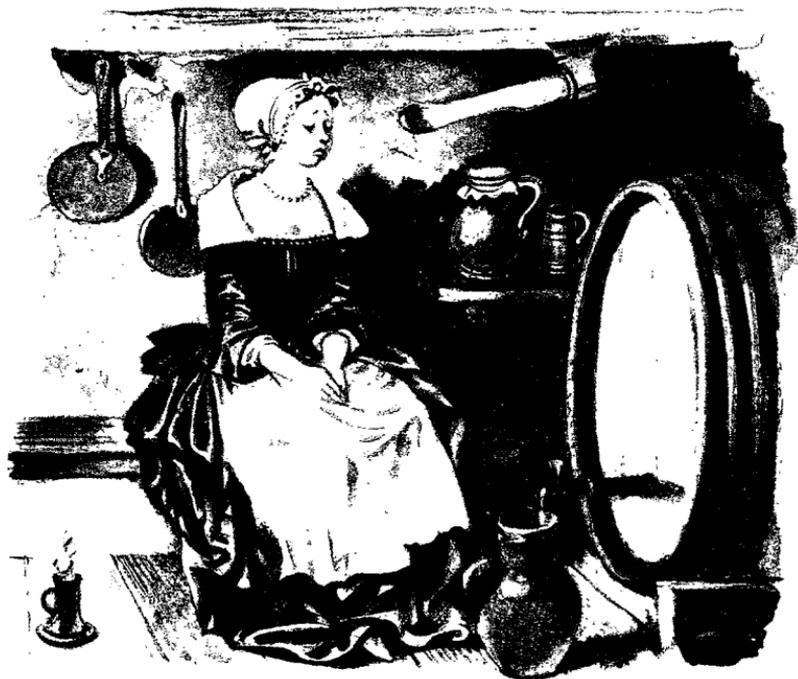
— Ну, что такое? — спрашивает он.

— Ах, ты только посмотри на этот страшный топор! — говорит мать. — Ну как наша дочка выйдет замуж, и будет у нее сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!

— Ох-ох, вот дело-то... — говорит отец, усаживается рядом с ними и тоже в слезы.

Наконец джентльмену надоело одному сидеть в кухне, и он тоже спустился в погреб посмотреть, что случилось. Видит: сидят все трое рядышком и плачут-заливаются, а пиво по всему полу течет-растекается. Бросился он к крану, закрыл его, а потом и спрашивает:

— Что такое? Почему вы тут сидите все трое и плачете, а пиво по всему полу у вас растеклось?

— Ох-ох-ох,— говорит отец.— Только посмотрите на этот страшный топор! Что, если вы с нашей дочкой поженились, и будет у вас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его!

Тут все трое расплакались пуще прежнего. А джентльмен рассмеялся, выдернул из балки топор и говорит:

— Немало я изъездил по свету, но таких умных голов, как вы, никогда не встречал! Теперь я снова отправлюсь путешествовать, и если встречу трех таких, что еще глупее вас, вернусь и женюсь на вашей дочери.

Он пожелал им всего хорошего и отправился путешествовать. А все трое заплакали навзрыд — ведь дочка-то же-ниха потеряла.

Ну, пустился он в дорогу и долго бродил, пока не пришел наконец к одному дому. И видит: крыша дома вся травой поросла, к крыше приставлена лестница, и женщина заставлял подняться по лестнице корову! Бедная скотина упирается, а хозяйка знай себе подстегивает ее.

— Что вы делаете? — спросил джентльмен.

— Посмотрите! — воскликнула хозяйка.— Только посмотрите, какая на крыше сочная трава! Отчего бы корове не пасть там? Упасть она не упадет: ведь я завяжу ей во-

круг шеи веревку и спущу веревку в трубу, а конец себе на руку намотаю, пока буду хлопотать по дому.

— Дура ты, дура! — сказал джентльмен. — Да ты бы скосила траву и бросила ее корове!

Но хозяйка полагала, что легче корову наверх загнать, чем траву вниз бросить. Вот она и толкала ее, и уговаривала, и втащила корову наконец на крышу, и завязала ей вокруг шеи веревку, и спустила веревку в трубу, а конец себе на руку намотала.

Джентльмену надоело смотреть на все эти глупости, и он пошел своею дорогой. Да, выходит, одну умную голову он уже встретил!

И так он шел и шел, пока не дошел до придорожной гостиницы, где решил провести ночь. Но в гостинице народу было полным-полно, и ему дали комнату на двоих. На вторую кровать лег другой путник. Он оказался славный парень, и они подружились.

А утром, когда стали они одеваться, джентльмен очень удивился: его сосед подошел к комоду, повесил на ручку комода свои штаны, разбежался и — прыг! — да мимо, не попал ногами в штаны. Опять разбежался — опять мимо. И так раз за разом. А джентльмен глядит на него и думает: что это он затеял? Наконец тот остановился и вытер лицо платком.

— Уф! — сказал он. — Ну что это за одежда — штаны? И кто ее выдумал? Каждое утро добрый час бьюсь, чтобы попасть в них. Даже в жар бросает! А как вы управляетесь со своими?

Джентльмен так и покатился со смеху, а потом показал бедняге, как надо штаны надевать. Тот долго благодарил его и уверял, что сам он никогда бы до этого не додумался.

Да, этот тоже был умная голова!

А джентльмен снова отправился в путь. Пришел он к деревне, за деревней был пруд, и у пруда собралась толпа народу. Все шарили в воде — кто граблями, кто метлами, а кто вилами. Джентльмен спрашивает, не случилось ли какого-нибудь несчастья.

— Ну да, ужасное несчастье! — отвечают ему. — Луна упала в пруд! Ловим, ловим ее, никак не выловим!

Джентльмен рассмеялся и посоветовал дуракам искать луну не в пруду, а на небе. Но они даже слушать его не захотели и так обругали, что он поспешил оттуда подобру-поздорову.

Вот он и узнал, что на свете дураков немало, а есть и такие, что почище его невесты и ее родителей. И джентльмен вернулся домой и женился на дочке фермера.

И если они после этого не зажили счастливо, то кто-кто, а уж мы с вами тут ни при чем.

Малютка брауни

Малютка брауни жил в большом доме под названием Хилтон-Холл.

— Пойдите, а кто это — брауни? — спросите вы.

Брауни — так называют в Англии домовых. Похожи они, скорее всего, на малюсеньких смешных человечков и бывают довольно симпатичные, но ужасно капризные. Если им вздумается, они выполнят за вас всю домашнюю работу, а нет, так только напроказят.

Рассказывают, что был в Корнуэлле один брауни, который мог за ночь намолотить зерна больше, чем сам хозяин за целую неделю. Но брался за работу этот брауни, только если ему не забывали оставить на ночь большую миску свежих сливок.

А еще один брауни — весьма знаменитый, по имени Робин Гуд, — был отчаянный озорник и большой любитель всяких проделок. Например, он любил подкрасться к какой-нибудь почтенной леди за столом и незаметно выплеснуть весь эль, который она только собиралась выпить. А то делал и похуже: отпирал конюшню и выпускал на волю всех лошадей.

Но брауни из Хилтон-Холла не был таким отчаянным проказником, как этот Робин Гуд, правда, он не был и таким добродетельным, как корнуэлльский брауни. Все у него зависело от настроения.

Когда он бывал не в духе, то не успеют в доме все уснуть, он уж тут как тут и времени зря не теряет: в сахарницы насыплет перцу, в пиво — соли, золой забросает огонь в очаге, который нарочно оставили гореть на всю ночь, да еще расплескает чистую воду, приготовленную на утро.

Ну, а если он бывал в хорошем настроении — к счастью, это случалось чаще, — то пока служанки спали, он подметал за них все комнаты, чистил очаг, разводил яркий огонь, прибирал все в кухне: скреб горшки, перетирал тарелки, мыл, скоблил, пока все в кухне не засверкает и не заблестит.

Охотней всего брауни делал это, когда служанки оставляли ему на ночь миску со сливками или ломоть хлеба с медом.

И вот случилось однажды, что служанки засиделись допоздна, рассказывая друг другу страшные истории. И когда две, самые молодые из них — помощница кухарки и горничная, — отправились наконец спать, то, поднимаясь со свечой по лестнице, они вдруг услышали в кухне легкий шум. «Что, если это брауни?» — подумали девушки.

А надо вам сказать, что брауни никто еще никогда не видел — брауни не очень-то любят людям на глаза показываться, — и девушкам страсть как захотелось на него взглянуть. Вот они спустились потихоньку с лестницы, подкрались к кухонной двери и, набравшись храбрости, приоткрыли ее.

Так и есть! В кухне оказался малютка брауни. И как вы думаете, что делал этот бесенок? Сидел верхом на крюке свисавшем на цепи с потолка, на которой подвешивают над очагом горшки, и качался, как на качелях.

Качался и напевал:

О горе мне, горе!
Не упал еще в землю желудь,
Что поднимется в небо дубом,
Что пойдет на зыбкую люльку,

Что будет качать ребенка,
Что станет потом мужчиной,
Что меня отпустит на волю.
О горе мне, горе!

Девушки-служанки были добрые девушки. И пока они раздевались, чтобы лечь спать, они успели переговорить обо всем и сошлись во мнении, что это стыд и позор — держать бедного брауни в доме против его желания. Ведь он был таким милашкой! А если иногда и проказничал, то помогал гораздо чаще. И они решили отпустить его на волю.

На другой день они спрашивали всех, кого только встречали, как им отпустить на волю малютку брауни. Но никто не знал. Наконец они спросили старую птичницу.

— Ах ты господи! — воскликнула птичница. — Да нет ничего проще!

И она рассказала им, что и как надо делать.

В соседнем городе была о ту пору ярмарка, и девушки отпросились туда пойти. Каждая прихватила часть денег, которые копила себе на свадьбу, и на эти деньги они купили на ярмарке лучшего зеленого линкольнского сукна.

Весь следующий день они кроили и шили и сшили для брауни очень миленькую зеленую накидку с капюшоном. И когда наступил вечер, положили ее в кухне возле очага, а сами спрятались и подглядывали в щелку.

Вскоре появился брауни, нахмуренный и насупленный. Было видно, что он пришел в плохом настроении.

Но стоило ему заметить возле очага зеленую накидку с капюшоном — боже ты мой, что тут началось! Он заулыбался, заухмылялся, взял в руки накидку, чтобы рассмотреть ее хорошенько, потом надел на себя и стал глядеться в начи-

ценную медную сковороду. А потом ну плясать и скакать по кухне, припевая:

Накидка моя, капюшон теперь мой,
И больше не служит вам домовой!

И, так припевая и пританцовывая, он исчез из кухни, и больше его никто никогда не видел.

Кто-всех-одолеет

Жил на свете старый король. Он был богатый король. У него даже была своя придворная колдунья, и король очень гордился чудесами, какие могла творить эта колдунья. И вот однажды король велел отправить во все концы королевства послание с обещанием отдать свою младшую дочь и полкоролевства в придачу тому, кто одолеет королевскую колдунью. Но с условием, что если кто за это возьмется, да не выполнит, тому голову с плеч.

А в этом королевстве жили три брата. Звали их Билл, Том и Джек. Родители их были бедные люди, и вся семья ютилась в убогой хижине, что стояла в самом глухом уголке королевства.

Когда до них долетела королевская весть, все трое братьев решили попытать счастья.

Первым собрался в дорогу старший брат, Билл. Путь был дальний, и мать приготовила ему с собой побольше еды.

И вот Билл покинул родительский дом и шел, пока не встретил седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Билл, — приветствовал его старичок.

— Утро как утро, — ответил Билл.

— Куда путь держишь? — спрашивает седой, сгорбленный старичок.

— А тебе что?

Вот так ответил Билл, и пошел дальше, и добрался наконец до королевского дома, и вызвал к себе короля.

— Ты зачем пришел? — спрашивает его король.

— Да вот хочу попытать — может, сумею одолеть вашу колдунью, — отвечает Билл.

Тогда король говорит:

— Что ж, начнем испытание, — и зовет свою колдунью. — Посмотрим, кто кого одолеет!

— Да тут и смотреть не на что, — говорит Билл, окидывая взглядом сухонькую, маленькую старушонку.

Лучше б он подумал, прежде чем говорить такие дерзости. Тяжелей каменной башни навалилась на него злая колдунья, эта сухонькая, маленькая старушонка. А что тут удивительного? Она была много старше его, ей уж, наверное, стукнуло не одну тысячу лет. Ну и, само собой, колени у бедного Билла подкосились, и он рухнул на землю.

И вот второй брат, Том, собрался в дорогу к королевскому дому. И мать сказала ему:

— Не ходи, Том, вдруг ты тоже не вернешься.

— Нет уж, раз решил, то пойду,— сказал Том.

Она приготовила ему еды, и он отправился в путь, и тоже повстречал седого, сгорбленного старичка, и дальше с ним случилось все то же самое, потому что он не захотел сказать старичку, куда держит путь.

Король так же, как и в тот раз, позвал свою колдунью и сказал Тому: кто кого одолеет, тот и победитель. И еще, если Том хочет, то может выставить вместо себя кого-нибудь другого. Но Том окинул взглядом сухонькую, маленькую старушонку и дерзко выступил вперед. Ну и, само собой, с ним случилось то же, что и со старшим братом.

Настал черед Джеку идти к королевскому замку. И он попросил матушку приготовить ему в дорогу еды. Но матушка сказала:

— Не ходи, Джек, сыночек! Ты единственный у нас остался.

Но Джек сказал, что он должен пойти. Мать так горько плакала, что никакой еды ему в дорогу не приготовила. И он взял с собой лишь сухой хлеб и отправился в путь.

Вскоре он тоже повстречал седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Джек,— приветствовал его старичок.

— Доброе утро, батюшка,— говорит Джек,— доброе утро, дядюшка.

— Куда путь держишь, Джек?

— Да вот ищу корабль, который посуху пойдет, дядюшка. Не хочешь ли позавтракать со мной, батюшка?

— Сначала возьми вот эту палку, Джек,— говорит старичок,— и ступай по той самой дороге, какой я пришел сюда. Иди, пока не дойдешь до чистого источника. Опусть в источник эту палку и держи, пока вода в источнике не обратится в вино. На берегу ты найдешь серебряный кувшин и кубок. Дальше сам догадайся, что тебе делать. А к тому времени, как ты вернешься сюда, корабль будет готов.

Что ж, Джек пошел и без труда отыскал чистый источник, опустил в него волшебную палку и держал ее там, пока вода не обратилась в вино. Наполнил серебряный кувшин

вином и вернулся к старичку. Они вместе позавтракали сухим хлебом и запили его вином. А корабль на колесах был уже готов, и старичок сказал:

— Садись на этот корабль, Джек, скажи: «Плыви, мой корабль, плыви!» — и корабль поплывет. Да не забудь, ты должен сажать на свой корабль всякого, кого повстречаешь по дороге к королевскому дому. И еще помни: каждого, кто сядет на твой корабль, ты должен спросить, как его зовут.

Вот Джек сел на корабль и сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И корабль поплыл. Когда они проплывали через высокие горы, Джек увидел человека, который спиной валил толстенные деревья. Джек удивился и спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-одолеет!

— Кто всех одолеет? Конечно, ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-одолеет сел на корабль, и дальше они поплыли вместе. Когда они проплывали через зеленый луг, Джек увидел большое стадо и человека, который хватал и ел подряд без разбору и свиней, и овец, и коров.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-съест!

— Кто всех больше съест? Наверное, ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-больше-съест сел на корабль, и дальше они поплыли вместе втроем. Когда они спустились в лощину, Джек увидел человека, который опустошал подряд все источники и ручьи.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-выпьет!

— Кто всех больше выпьет? Пей себе на здоровье! Хочешь ехать с нами?

Кто-всех-больше-выпьет сел на корабль, и Джек сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И корабль поплыл дальше. Потом Джек увидел бегущего человека. Сначала человек бежал на одной ноге, потом на другой. Джек спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-перегонит!

— Кто всех перегонит? Ну, ясное дело, ты! Садись к нам на корабль.

Кто-всех-перегонит тоже сел на корабль, и они поплыли прямо, пока не доплыли до человека, который стоял с ружьем и целился вверх, словно хотел подстрелить зайца в небе.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-дальше-стреляет!

— Кто всех дальше стреляет? Надеюсь, ты! — говорит Джек. — Поедем с нами!

Меткий стрелок тоже сел на корабль, и Джек сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И они поплыли дальше, пока не доплыли до человека, который смотрел вдаль, приложив руку ко лбу.

— Эгей, как тебя зовут? — спросил Джек.

— Кто-всех-дальше-видит!

— Кто всех дальше видит? Наверное, ты! Поедем с нами.

Кто-всех-дальше-видит сел на корабль, и они поплыли дальше, пока не приплыли к королевскому дому. И Джек крикнул:

— Эгей!

Из дома вышел король и спросил:

— Ты зачем пожаловал?

Джек сказал:

— Хочу попытаться счастья — может, сумею одолеть вашу колдунью и завоевать сердце младшей леди принцессы.

— А ты помнишь условие: если ты или твои помощники не одолеют мою колдунью, голова твоя слетит с плеч? — спрашивает король.

— Как же, помню! — ответил Джек.

— Что ж, тогда начнем испытание, — говорит король и зовет свою старую колдунью.

А Джек позвал Кто-всех-одолеет, и первое испытание кончилось вничью, как вы, наверное, и сами догадались.

— Что ж, — говорит король, — а теперь: кто больше съест?

Джек недолго думая позвал своего друга Кто-всех-больше-съест.

Сначала им привели быка, и Кто-всех-больше-съест вмиг его проглотил. Потом двух коров, потом несколько свиней и, наконец, полдюжины овец. Кто-всех-больше-съест мигом проглотил их, пока старая колдунья еще только с быком возилась.

— Молодец, — сказал король. — А вот выпить больше, чем моя колдунья, тебе не удастся!

— Попытаемся, — сказал Джек и позвал своего приятеля Кто-всех-больше-выпьет.

И тот выпил сначала ручей, потом озеро и добрался вскоре до реки. Но королю было жалко реку, и он сказал:

— Все ясно. А кто кого перегонит?

Джек позвал Кто-всех-перегонит, король дал ему и своей колдунье по яичной скорлупе и велел добежать до океана,

зачерпнуть соленой воды и вернуться назад. Кто-всех-перегонит добежал, конечно, первым, зачерпнул соленой воды, побежал назад и на полдороге встретил старуху колдунью еще с пустой скорлупой.

— Ох, устала, — сказала колдунья.

— Я тоже, — сказал он.

— Давай посидим отдохнем, — предложила она, — не стоит надрываться ради других.

Они выбрали уютную зеленую лужайку и сели отдохнуть.

— Ты положи голову вот сюда, — говорит старуха, — да поспи часок.

А надо вам сказать, что у старой колдуньи в кармане была такая волшебная косточка, которую стоило подложить спящему под голову, и он не проснулся бы, пока эту косточку опять не забрали бы. И вот колдунья дождалась, когда Кто-всех-перегонит крепко заснул, и сунула ему под голову эту косточку. Потом перелила морскую воду из его скорлупы в свою и побежала назад к королевскому дому.

А Джек уже начал беспокоиться и попросил своего друга Кто-всех-дальше-видит посмотреть, где же Кто-всех-перегонит. Кто-всех-дальше-видит поднес руку к глазам и сразу увидел его.

— Он спит на зеленой лужайке на полдороге отсюда, а под головой у него лежит волшебная косточка. Если ее не убрать, он не проснется.

— Кто-всех-дальше-стреляет! — позвал Джек.— Выстрели и вышиби эту косточку! — попросил он.

Кто-всех-дальше-стреляет выстрелил, вышиб косточку, и Кто-всех-перегонит тут же проснулся. Проснулся, вскочил на ноги, схватил пустую скорлупу, добежал до океана, набрал соленой воды и на полпути назад нагнал старуху колдунью. Он нарочно толкнул ее под руку, и злая колдунья разлила всю соленую морскую воду.

А какой конец у этой истории, вы, наверное, и сами догадались. Джек и младшая принцесса обручились скорей, чем успела вернуться в королевский замок старая колдунья. И когда я уходил от них, они были очень довольны и счастливы.

Воду заперли

Давным-давно на ферме возле Тавистока работали две девушки, Бет и Молли. А вы, наверное, знаете, что в давние времена во всем Девонширском графстве вряд ли нашелся бы хоть один дом без своего домового, или, как их еще звали, брауни.

Встречались еще разные паки, эльфы и водяные, но они не очень-то походили на домовых. А помните хилтонского брауни? Вот вроде него!

Бет и Молли были девушки прехорошенькие, и обе очень любили потанцевать. Но вот что было странно: у других девушек, например, частенько не хватало денег даже на цветную тесьму или на новые ленты и гребенки для волос. Бывало, они из-за этого нет-нет да и всплакнут украдкой. А у Бет и у Молли всегда находился лишний пенни, и они что хотели, то и покупали у деревенского коробейника.

И никто не мог у них выпытать, откуда они берут на это денежки. Это был их секрет! А выдать секрет — значит испугнуть удачу; уж кто-кто, а они хорошо это знали.

Каждый вечер, перед тем как идти наверх спать, они ставили перед каминной решеткой в кухне низкое деревянное ведро с водой. Наутро ведро оказывалось пустое, а вместо воды на дне его лежала серебряная монетка. Только, конечно, никто, кроме них, не знал про это.

Как-то раз девушки вернулись с танцев очень поздно и сразу легли спать. Вдруг Бет услышала шум, словно кто-то колотил маленькими кулачками в кухонную дверь. Она села на кровати и прислушалась. Стук раздался снова, и она различила громкие высокие голоса:

— Воду заперли! Воду заперли!

— Проснись, Молли! — зашептала Бет, тряся Молли за плечо. — Это, наверное, наши брауни. Мы забыли оставить им воду!

Но Молли в ответ только повыше натянула на голову одеяло и сказала, что ни за что на свете не вылезет из теплой постели даже ради всех брауни со всего Девоншира.

Бет посидела, послушала, как брауни стучат в дверь и кричат, и, наконец, сама встала с постели и спустилась вниз.

В кухне она никого не увидела, но по углам кто-то шуршал и шептался тоненькими голосами. Она сняла крышку с большой бочки и стала переливать из нее воду в низкое деревянное ведро. А пока переливала, все время прислушивалась, о чем шепчутся по углам брауни. Оказывается, речь шла о том, как наказать Молли за то, что она не захотела вылезать из теплой постели «даже ради всех брауни со всего Девоншира».

Один сказал, что ее надо за это несколько раз ущипнуть побольней. Другой захотел, чтобы она ослепла на один глаз. Брауни долго спорили и наконец сошлись на том, что самое худшее для Молли наказание — чтобы она больше не могла танцевать!

И они решили сделать ее хромоножкой на семь лет. Через семь лет с нее можно будет снять это наказание, но для этого потребуется трава со странным названием «кискила-скибрысь».

Так все и сказали, громко и по слогам:

— Киски-ласки-брысь!

Услышав, какое ужасное наказание грозит Молли и какое длинное название у травы, которая поможет снять это наказание, Бет очень испугалась. Она испугалась, что тут же забудет это длинное и странное слово и тогда не сумеет помочь бедной Молли.

Поэтому она скорее побежала наверх, в спальню, все время повторяя про себя это слово, и стала будить Молли, чтобы сказать это слово ей. Но Молли не хотела просыпаться. И чем больше Бет трясла ее за плечо, тем выше Молли натягивала себе на нос одеяло.

А когда утром Бет проснулась, она не могла вспомнить ни одной буквы из этого слова.

Так бедная Молли стала хромоножкой.

Прошли семь лет, и однажды Молли гуляла одна далеко от дома в поле. Вдруг она увидела посреди поля большой гриб. Она наклонилась, чтобы сорвать его, но гриб подпрыгнул и обернулся чудным маленьким человечком. Человечек выкрикнул какое-то чудное длинное слово, которое Молли никогда раньше не слыхала, и стегнул ее по больной ноге какой-то чудной длинной травой.

— Кискиласкибрысы! — выкрикнул человечек, и Молли тут же перестала хромать и побежала домой бегом.

С того дня они с Бет опять стали ходить на танцы.

Его величество король Томас

Жил в тихой деревушке на юге Англии один человек. Он служил церковным сторожем и жил с женой при церкви в очень уютном доме с камином.

Был у них кот — черный как уголь, только белое пятно на груди. Кота звали Томас.

В один зимний вечер церковный сторож что-то долго не возвращался домой. Жена сидела у камина и вязала, а старый Том грелся у огня. Она уже давно вскипятила чай, чайник давно уже успел остыть, а муж все не возвращался.

Наконец он вбежал в дом, совсем запыхавшись, и закричал:

— Кто такой Том Тилдрам?

Он был так взволнован, что жена спросила:

— Да что случилось?

— Ты не поверишь, до чего странная история произошла только что со мной! — сказал муж.

— Ну так садись и рассказывай!

И они сели у огня, а старый Том между ними, и муж начал:

— Я сегодня чинил ограду, ту, что ближе к лесу, ты знаешь. Так вот, я уж почти все кончил, как вдруг услышал громкое «мяу!».

— Мяу! — сказал Томас.

— Вот-вот, так в точности, — кивнул муж. — Я огляделся и вижу... Ах нет, ты все равно мне не поверишь. Девять черных котов, совсем черных как уголь, только белое пятно на груди, ну вылитый наш Том, так важно, чинно несут... Ну, как ты думаешь — что? Маленький черный гроб! Покрытый черным бархатом, а на крышке — золотая корона. Один кот подходит ко мне и говорит: «Мяу!»

— Мяу! — сказал Том.

— Вот-вот, в точности, — продолжал муж. — Смотрит на меня и говорит: «Передай Тому Тилдраму, что старый Тим Толдрам умер».

— Взгляни на нашего Тома! — воскликнула тут жена.

Но не успела она закончить, как их любимый кот Том вскочил, крикнул:

— О небо! Старый Тим Толдрам преставился, значит, теперь я — король!

И, не прибавив больше ни слова, прыгнул в камин и пропал навсегда...

Малышка Том и великан Денбрас

Вот вам одна из самых старинных сказок, какие рассказывали в Корнуэлле. Их еще называли там дурацкими сказками. А любил ее рассказывать старый веселый жестяник из Леланта.

В далекие времена, когда в Корнуэлле было еще полным-полно великанов, неподалеку от залива Маунтс-Бей жил в деревне славный паренек, которого звали Малышка Том.

Славный-то он был славный, а вот работать не очень-то любил. Работал когда вздумается, а постоянным делом не хотел заняться.

Правда, Том был невелик ростом — мы имеем в виду для тех старинных времен, когда, как говорят, все мужчины в Корнуэлле были один другого выше, — так, примерно, футов восьми¹. Зато плечи у него были широкие, спина крепкая, а руки и ноги словно из железа.

Его старушка мать часто говорила ему, чтобы он нашел настоящее дело и зарабатывал хотя бы себе на пропитание. Потому что, надо вам сказать, ел он всегда за двоих.

И вот однажды поутру, чтобы доставить удовольствие своей матушке, а может, потому что как раз в это время он ухаживал за одной красоткой из Крólаса, Малышка Том отправился в Мэркет-Джу поискать там работы. Сами понимаете, не мог же он сделать предложение девушке, если сам ничего не зарабатывал.

Первым делом Том зашел к одному человеку, по имени Хонни (это сокращенное от Ганнибала), — тот был жестяных

¹ Восемь футов равняются примерно двум с половиною метрам.

дел мастером, а кроме того, еще держал и трактир, чтобы любой мог зайти и выпить с ним по кружке доброго эля.

— Нужен вам сильный, молодой и покладистый работник? — спросил его Том.

— Очень сожалею, — ответил Хонни, — но постоянной работы у меня, пожалуй, сейчас не найдется. Но послушай! Мне надо отправить в Сент-Ивз воз с бочонками пива, и ты бы мог сослужить мне хорошую службу, а я тебе за это щедро заплачу. Ну как, по рукам?

Они тут же столкнулись. Том вывел четыре парных воловьих упряжки, хозяин сам помог Тому погрузить на повозку бочонки с пивом, да в придачу положил еще один бочонок для Тома, чтобы он не скучал в дороге и угощал бы добрых попутчиков, какие ему встретятся.

И, крикнув волам: «Эй-о-о!», Том выехал со двора.

Ехал он, ехал и вдруг — стоп! Прямо посреди дороги выросла высоченная каменная стена с широкими, крепкими воротами на запоре. Не пройдешь, не проедешь!

— Ах негодные великаны! Не иначе, это их рук дело! — рассердился не на шутку Том. — Ну где это слыхано — строить стену на проезжей дороге! Должно быть, это тот великашка Дёнбрас! Великан из великанов, силач из силачей! Э-э, да я тоже парень не промах. Еще посмотрим, кто кого!

И Том изо всех силенок приналег на каменные ворота и одним ударом распахнул их.

— Эй-о, пошли! — крикнул Том волам. — Эй-о!

И воз с пивом скрипя покотился по каменным плитам двора прямо к замку великана.

А надо вам сказать, что великан Дёнбрас к тому времени уже начал стареть и стал глуховат. Никогда бы в жизни он не услышал скрипа повозки, если бы не его собачонка: она подняла такой лай, что и мертвый бы проснулся.

Дёнбрас сел на кровати, потянулся, протер глаза, а потом вышел во двор. Сначала ни Тома, ни его повозки он не увидел, потому что ему и в голову не пришло смотреть себе прямо под ноги. И пока он озирался по сторонам, Том успел хорошенько разглядеть великана.

Старый Дёнбрас был не меньше пятнадцати футов росту и, конечно, широк в плечах, но толстоват. Виною тому — обжорство и безделье, вот к старости у него и появилось брюшко. Космы на голове великана торчали, словно пучки сухого вереска, а зубы его сточились почти до самых десен — все оттого, что он жрал овец прямо с кожей и костями!

Однако Малышка Том ничуть его не испугался, хотя и повстречался с Дёнбрасом в первый раз.

— Хелло! — заревел-зарычал-заорал Денбрас, увидев наконец Тома. — Ты кто такой, жалкая малявка? Как посмел ты явиться сюда со своей скрипучей повозкой? А-а, никак, это пиво? Ты привез его мне? Вот не ожидал!

— Можешь отведать глоток, — сказал Том, — но пиво это я везу не тебе, а в Сент-Ивз. А еду я через твой двор, потому что он стоит на проезжей дороге!

— Ах ты дерзкий щенок! — рассердился Денбрас. — Убирайся отсюда, пока цел, не то как наломаю прутьев да нахлестую тебя!

— Ку-ка-реку! Не рано ли распелся, старый петух? — ответил ему Том.

Тут великан сделался темнее тучи от злобы и, не говоря больше ни слова, обхватил здоровенный вяз, вышиною в двадцать футов, и вырвал его прямо с корнями из земли.

Но пока он зачищал ствол от мелких веток и сучьев, чтобы получилась настоящая гладкая дубинка, Том сбросил с повозки все пивные бочки, снял одно колесо — и у него получился прекрасный щит; снял большую дубовую ось — и у него тоже получилась крепкая гладкая дубинка. Великан еще долго копался, зачищая свой «прутик», а Том уже ждал его наготове.

— А ну поторапливайся, — подгонял Том великана Денбраса. — Я жду тебя! Вот мой щит, а вот мой меч! — И он потрясал колесом и дубовой осью от телеги.

Наконец противники сошлись.

Но великан оказался совсем неповоротлив, да к тому же дубинкой он размахивал не целясь, как попало, из чего Том заключил, что он вдобавок еще и подслеповат. А сам Том был куда проворней. Он так ловко работал своей дубинкой, что бедный великан совсем запыхался.

Том давно уже мог ранить Денбраса острым концом дубовой оси, но всякий раз ему становилось жалко старика. И он лишь отражал своим колесом удары двадцатифутовой дубинки великана. Бедняга Денбрас то и дело бил мимо, а иногда, промахнувшись, грохался плашмя на землю.

Но Том благородно подавал ему руку, чтобы старику легче было подняться, и подносил даже бочонок с элем, чтобы подкрепить его силы.

Однако увидя, что солнце клонится к закату, Том решил чуть пощекотать старика великана, чтобы заставить его двигаться побыстрей. И он, как ему показалось, легонько ткнул Денбраса своим копьём.

Но — о горе! — Малышка Том сам не знал, какая у него сила, и сделал выпад слишком резко. Дубовая ось проткнула великана насквозь, и он опрокинулся на землю, словно поваленное дерево.

Том был в отчаянье. Он опустился рядом с великаном на колени и пытался подбодрить его словами.

— Не унывай, дружище! — говорил Том. — Ты скоро поправишься. Я нечаянно! Разве я хотел тебя обидеть? Кто бы мог подумать, что у тебя такая нежная кожа!

Но великан только стонал в ответ. Том осторожно вынул дубовую ось из раны и покрепче заткнул рану кусками дерна, который тут же нарезал. Старому Денбрасу немного полегчало. Тогда Том сбегал к повозке, вышиб дно у одного бочонка с пивом и поднес его великану ко рту словно кружку.

— Пей, голубчик, пей! — уговаривал он великана.

Наконец Денбрас заговорил.

— Теперь уж мне ничто не поможет, сынок! — чуть слышно произнес он. — Конец! Крышка!.. Но я умер в честном бою, верно?

— Верно, — чуть не плача, отвечал Том.

— А ты молодец! Настоящий корнуэллец. Ты честно сражался, и за это я люблю тебя. Это была славная и честная битва... Силы покидают меня. Наклонись ниже, сынок, я скажу тебе мою последнюю волю...

И старый Денбрас сказал Тому, что раз у него нет никого родных, он делает Тома своим наследником и велит ему за-

братъ все сокровища, какие он спрятал в пещере под замком.

— А теперь помоги мне подняться на вершину холма,— попросил он Тома.

Они с трудом взобрались на холм, и великан сел на свое любимое каменное ложе, прислонившись спиной к широкой плоской скале.

— Похорони меня честь по чести!— сказал он Тому.— Здесь, где я сижу сейчас. По законам стариков нашей страны. Вот камни, которыми ты окружишь меня. Большой койт¹ я давно приготовил. Похорони меня с честью и будь ласков к моей собаке!

— Я все сделаю, старый дружище, только не умирай! Но великан покачал головой и испустил дух.

Том загородил Денбраса со всех сторон большими камнями, сложил ему руки на коленях — словом, сделал все честь по чести. А потом он спустился во двор замка, поставил на место колесо и дубовую ось, на что много времени ему не потребовалось, вывел на дорогу волов с повозкой, запер покрепче ворота замка и отправился в Сент-Ивз. Благополучно вручил пиво кому было велено и уже по другой дороге вернулся на следующий день в Маркет-Джу.

То был праздник — канун Иванова дня,— и на всех холмах жгли костры.

В Маркет-Джу на улицах танцевали под волынку и барабан. Хонни, хозяин трактира, веселился со всеми вместе. Он очень обрадовался, что Том вернулся и с повозкой, и с его быками в полном здравии.

— Молодец! — сказал он ему, когда Том закусил с дороги и выпил.— Оставайся у меня на год работать, я тебе положу хорошее жалованье.

— Не могу,— ответил Том,— хотя лучшего места и лучшей еды с выпивкой мне не сыскать.

— Тогда почему же ты говоришь «нет»? — удивился Хонни.— Ты же только вчера просил у меня работы.

Но Том не хотел рассказывать, что у него вышло с великаном Денбрасом, и он ответил:

— Видишь ли, за это время у меня умер дедушка, который жил в горах, и оставил мне в наследство землю и деньги. Я должен скорей пойти туда и похоронить старика честь по чести.

Под этим предлогом Том покинул гостеприимного хозяина и поспешил к своей возлюбленной в Кролас. Ей он все рассказал без утайки; они поженились и зажили в замке великана припеваючи.

¹ Койт — каменное кольцо, которым древние британцы накрывали могилу.

Тростниковая Шапка

Ну, слушайте! Жил когда-то один богатый человек, и было у него три дочери. Вот задумал он узнать, крепко ли они его любят. И спрашивает он старшую дочь:

— Скажи, как ты меня любишь, доченька?

— Как жизнь свою! — отвечает она.

— Это хорошо, — говорит он. И спрашивает среднюю: — А как ты меня любишь, доченька?

— Больше всего на свете! — отвечает она.

— Очень хорошо, — говорит он. И спрашивает младшую: — А как же ты меня любишь, моя голубка?

— Я люблю тебя, как мясо любит соль, — отвечает она.

Ах как отец рассердился!

— Значит, ты меня вовсе не любишь, — говорит он. — А раз так, не смей оставаться в моем доме!

И он тут же прогнал ее прочь и захлопнул за нею дверь.

Так-то вот. И пошла она куда глаза глядят и все шла и шла, пока не пришла к болоту. Там нарвала она тростника и сплела себе накидку с капюшоном. Закуталась в нее с головы до ног, чтобы скрыть свое красивое платье, и пошла дальше. Долго ли, коротко ли — дошла она наконец до какого-то дома.

— Не нужна вам служанка? — спрашивает она.

— Нет, не нужна, — отвечают ей.

— Мне больше некуда идти, — говорит она. — Жалованья я не прошу, а делать буду что прикажут.

— Что ж, — отвечают ей, — если хочешь мыть горшки и чистить кастрюли, оставайся!

И она осталась, и мыла горшки, и чистила кастрюли, и делала всю-всю грязную работу. А так как она никому не сказала, как ее зовут, все прозвали ее Тростниковая Шапка.

Вот как-то раз по соседству давали большой бал, и всем слугам разрешили пойти посмотреть на знатных господ. Но Тростниковая Шапка сказала, что очень устала и никуда не пойдет, и осталась дома.

А как только все ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и отправилась на бал. И уж поверьте мне, красивей ее никого не было на балу!

И надо же было так случиться, что сын ее хозяев тоже приехал на бал. Он с первого взгляда полюбил Тростниковую Шапку и весь вечер танцевал только с ней.

Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другое утро служанки говорят ей:

— Что вчера было на балу!

— Что? — спрашивает Тростниковая Шапка.

— Знаешь, приехала туда одна молоденькая леди, а уж какая красавица, как разряжена! Наш молодой хозяин глаз с нее не сводил!

— Вот бы мне взглянуть на нее! — говорит Тростниковая Шапка.

— За чем же дело стало? Сегодня вечером опять бал, она, наверное, придет.

Но когда настал вечер, Тростниковая Шапка опять сказала, что слишком устала и не пойдет со всеми. Однако не успели слуги уйти, как она сбросила с себя тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин ее ждал. И танцевал опять только с ней, и не сводил с нее глаз. Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку ускользнула домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

На другой день служанки говорят ей:

— Ах, Тростниковая Шапка, вот бы тебе посмотреть на ту леди! Она опять была на балу. А наш молодой хозяин так глаз с нее и не сводил.

— Ну что ж, — говорит Тростниковая Шапка, — я бы не прочь взглянуть на нее.

— Так слушай, сегодня вечером опять бал. Идем с нами! Она, наверное, уж придет.

Но когда настал и этот вечер, Тростниковая Шапка опять сказала:

— Я очень устала. Если хотите, ступайте одни, а я останусь дома.

Но только они ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин был ей несказанно рад. Он опять танцевал только с ней и глаз с нее не сводил. На этот раз он спросил, как ее зовут и откуда она родом, но она не ответила. Тогда он подарил ей кольцо и сказал, что умрет с тоски, если больше ее не увидит.

И все же перед самым концом бала Тростниковая Шапка опять потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другой день служанки ей говорят:

— Вот видишь, Тростниковая Шапка! Не пошла вчера с нами, и теперь не видать тебе той леди. Балов больше не будет!

— Ах, как жалко! А мне так хотелось ее увидеть! — ответила Тростниковая Шапка.

Так-то вот.

А молодой господин?

Да чего он только ни делал, чтобы узнать, куда девалась Тростниковая Шапка, но все напрасно. Куда бы он ни ходил, у кого бы ни спрашивал — никто ничего о ней не знал. И он так затосковал, что занемог, слег в постель и даже есть перестал.

— Сварите молодому господину овсяную кашу, — приказали поварихе. — А то как бы не умер с тоски по красавице.

Повариха тут же принялась варить кашу. А в это время в кухню вошла Тростниковая Шапка.

— Что ты варишь? — спросила она.

— Кашу для молодого господина, — ответила повариха. — Может, отведаст. А то как бы не умер с тоски по красавице.

— Дай-ка я сварю! — попросила Тростниковая Шапка.

Повариха согласилась, хоть и не сразу, и Тростниковая Шапка сама сварила для молодого господина овсяную кашу. А когда каша была готова, она бросила в нее украдкой кольцо.

Вот отнесли кашу больному. Он съел ее и увидел на дне чашки свое кольцо.

— Позовите ко мне повариху! — приказал он.

Повариха поднялась к нему.

— Кто варил кашу? — спросил он.

— Я, — соврала она с перепугу.

Но он взглянул на нее и сказал:

— Нет, не ты! Скажи правду, кто ее готовил? Тебе за это ничего не будет.

— Коли так, — говорит она, — ее готовила Тростниковая Шапка.

— Позовите ко мне Тростниковую Шапку! — сказал он.

Вот пришла Тростниковая Шапка.

— Это ты варила мне кашу? — спрашивает юноша.

— Я, — отвечает она.

— А у кого ты взяла это кольцо? — спрашивает он.

— У того, кто мне дал его! — отвечает она.

— Но кто же ты такая?

— Сейчас увидишь!

И она сбросила с себя тростниковую одежду и предстала перед ним в своем красивом платье.

Ну конечно, молодой человек очень быстро поправился, и они решили обвенчаться. Свадьбу хотели справить на сла-

ву и гостей созвали отовсюду. Отца Тростниковой Шапки тоже пригласили. Но она так никому и не призналась, кто же она такая.

И вот, перед самой свадьбой, она пошла к поварихе и сказала:

— Будешь готовить мясные блюда, ни в одно соли не клади!

— Невкусно получится, — заметила повариха.

— Неважно, — сказала Тростниковая Шапка.

— Ладно, не буду солить, — согласилась повариха.

Настал день свадьбы. После венчания все гости сели за стол. Но когда они попробовали мясо, оно оказалось таким невкусным, что его невозможно было есть. А отец Тростниковой Шапки отведал одно за другим все блюда и вдруг разрыдался.

— Что с вами? — спрашивает его молодой хозяин.

— Ах! — отвечал он. — Была у меня дочь. Однажды я спросил ее, как она меня любит. И она ответила: «Как мясо любит соль». Ну, я решил, что она меня вовсе не любит, и прогнал ее из дома. А теперь вижу, что она любила меня больше всех. Но ее уж, видно, нет в живых.

— Посмотри, отец, вот она! — воскликнула Тростниковая Шапка, бросилась к отцу и обвила его шею руками.

С тех пор все они зажили счастливо.

Король Иоанн и кентерберийский аббат

В царствование короля Иоанна жил в Кентербери аббат. Свое аббатство он содержал с большой пышностью. Сто монахов каждый день обедали вместе с ним в трапезной монастыря, и всюду его сопровождали пятьдесят рыцарей в бархатных одеждах, украшенных золотыми цепями.

А надо вам сказать, что король Иоанн просто не терпел, когда кого-нибудь из его подданных почитали больше, чем его самого. И вот он вызвал кентерберийского аббата к себе.

Аббат, а с ним и вся его пышная свита — пятьдесят рыцарей в латах, бархатных плащах и золотых цепях на груди — явилась ко двору. Король вышел навстречу аббату и молвил:

— Как чувствуешь себя, святой отец? Слышал я, ты держишь еще более пышный двор, чем я. Это оскорбляет наше королевское достоинство и пахнет изменой.

— Сын мой,— отвечал аббат с низким поклоном,— все, что я трачу, это приношения благочестивых прихожан нашему аббатству. Я молю вашу светлость не гневаться за то, что я трачу на наше аббатство все деньги, что принадлежат ему.

— Э, нет, почтенный прелат!— молвил король.— Все, что находится в нашем славном королевстве английском,— все принадлежит только нам. И ты не должен держать столь пышный двор и позорить своего короля! Но я милостив, и, если ты ответишь мне всего на три вопроса, я сохраню тебе и жизнь и богатство.

— Постараюсь, мой сын,— отвечал аббат,— насколько хватит моего бедного разума.

— Скажи мне,— молвил король,— где середина земли? И сколько мне надобно времени, чтобы объехать вокруг земли? И, наконец, угадай, что я думаю!

— Ваше величество, наверное, шутит,— пробормотал аббат, не зная, как ответить.

— Скоро ты увидишь, что это за шутки,— сказал король.— Если до конца недели не ответишь на все три вопроса, голова твоя распрощается с телом.

И король ушел.

С тяжелым сердцем пустился аббат в дорогу и первым делом заехал в Оксфорд. Он думал найти там ученого мужа, который ответил бы ему на три вопроса короля. Но не нашел и, печальный, поехал в Кентерберри, чтобы распрощаться навсегда со своими монахами.

По дороге он встретил пастуха; тот шел в овчарню.

— С приездом, господин аббат!— приветствовал его верный пастух.— Какие новости от нашего доброго короля Иоанна?

— Печальные новости, пастух, печальные,— промолвил аббат и рассказал, как принял его король.

— Не тужите, господин аббат,— сказал пастух.— Случается, что дурак разгадает то, чего не знает умный человек. Вместо вас я поеду в Лондон. Только одолжите мне ваше платье и пышную свиту. На худой конец, я умру вместо вас.

— Что ты, что ты, пастух!— сказал аббат.— Мне не пристало избегать опасности. И потому ты не можешь ехать вместо меня.

— Могу! И поеду, господин аббат. В вашем платье с капюшоном кто меня там узнает?

Что ж, аббат согласился, облачил пастуха в лучшие свои одеяния и отправил его в Лондон. А сам надел простое монашеское платье, закрыл лицо капюшоном и вместе со своею свитой тоже прибыл ко двору короля.

— Добро пожаловать, господин аббат,— сказал король Иоанн пастуху, переодетому в платье аббата.— Я вижу, ты уже смирился со своей судьбой.

— Я готов отвечать вашему величеству,— промолвил пастух.

— Ах, так! Ну, вот первый вопрос: где середина земли?

— Здесь!— ответил пастух и ударил по земле епископским посохом.— А если ваше величество не верит, прикажите измерить, и тогда сами убедитесь.

— Святой Валаам!— воскликнул король.— Неглупый ответ! Ты, я вижу, весельчак. А теперь ответь мне на второй вопрос: сколько времени мне надо, чтобы объехать вокруг земли?

— Если ваше величество соизволит подняться вместе с солнцем и последует за ним до следующего восхода, то как раз успеет объехать вокруг земли.

— Святой Иоанн!— засмеялся король.— Я и не знал, что так быстро. Ну, с этим покончено. А теперь третий, и последний, вопрос: что я сейчас думаю?

— Это легко угадать, ваше величество,— ответил пастух.— Ваше величество думает, что перед вами сам кентерберийский аббат, но, как вы сейчас убедитесь,— тут пастух откинул с лица капюшон,— это всего лишь его скромный пастух, и он пришел просить вас простить и его, и святого отца.

Король расхохотался.

— Ловко ты провел меня! Выходит, ты умнее своего господина, и потому я ставлю тебя на его место.

— Ах нет, это невозможно,— возразил пастух.— Я не умею ни читать, ни писать.

— Ну, тогда будешь получать за свой быстрый ум шесть ноблей в неделю. И передай аббату, что я прощаю его!

Ученик чародея

На севере Англии в графстве Йоркшир жил некогда великий чародей. Он говорил на всех языках и знал все тайны Вселенной. У него была огромная книга с железными застежками и железными уголками в переплете из черной телячьей кожи. Когда чародей хотел читать, он отпирал ее железным ключом. Только он один понимал эту книгу, в которой были собраны тайны темного царства духов.

У этого чародея был ученик. Он прислуживал своему учителю, но ему строго-настрого запрещалось открывать огромную черную книгу или заходить в тайные покои учителя.

И вот как-то раз, когда чародея не было дома, ученик не утерпел и прокрался в его покои. Там он увидел диковинные колбы и тигли, какими пользовался чародей, когда хотел превратить медь в золото и свинец в серебро; и всевидящее зеркало: когда чародей смотрелся в него, он видел все, что делается на свете; и волшебную раковину: стоило чародею приложить к ней ухо, и он слышал все, что хотел слышать.

Однако ученик напрасно возился с колбами и тиглями: ему так и не удалось получить из меди золото, а из свинца — серебро. Тщетно смотрел он в чудесное зеркало: в нем проплывали лишь дым да облака. А в раковине что-то глухо шумело, будто далекая морская волна била о неведомый берег.

«Ничего у меня не выходит,— решил ученик,— потому что я не знаю заклинаний, записанных в книге. А она заперта».

Он обернулся, и — о чудо! — книга лежала незапертой: учитель перед уходом забыл вынуть ключ из замка. Ученик бросился к книге и открыл ее. Слова в ней были написаны красными и черными чернилами. Юноша почти ничего не мог понять. Но он все-таки провел пальцем по какой-то строке и прочел ее вслух.

И тут комната вдруг погрузилась во мрак, дом задрожал, громовые раскаты прокатились по всем покоям, и перед учеником чародея появилось ужасное страшилище, изрыгающее огонь, с глазами, словно горящие факелы. Это был сам дьявол Вельзевул, покорный чародею! Юноша нечаянно вызвал его заклинанием.

— Приказывай! — заревел дьявол громовым голосом.

Юноша застыл на месте, его пробирала дрожь, волосы встали у него дыбом.

— Приказывай, или я тебя задушу!

Но юноша не мог говорить. Тогда злой дух схватил его за горло и, обжигая своим огненным дыханием, заревел:

— Приказывай!

— Полей вон тот цветок! — в отчаянии выкрикнул юноша первое, что пришло ему в голову, и показал на герань, что стояла в горшке на полу.

Дух тут же исчез, но через миг вернулся с бочонком воды и вылил всю воду на цветок. Потом опять исчез и снова вернулся с бочонком на спине. И так раз за разом исчезал и возвращался, и все лил и лил воду на герань, пока воды в комнате не набралось по щиколотку.

— Довольно, довольно! — молил юноша.

Но дьявол не слушал его: он все таскал и таскал воду — ведь ученик чародея не знал заклинаний и не умел прогонять духов.

Вот вода поднялась уже парню до колен и продолжала еще прибывать. Дошла ему до пояса. А Вельзевул без передышки все таскал и таскал полные бочонки и поливал герань. Вскоре вода добралась юноше до подбородка, и он вскарабкался на стол. Потом она поднялась до самых окон, забилась о стекла, забурилась вокруг ног ученика, залила его по пояс... по грудь... по шею... Напрасно он кричал — злой дух не унимался.

Он и по сей день таскал бы воду, поливал бы герань и, конечно, залил бы весь Йоркшир, да, на счастье, чародей вспомнил, что забыл запереть свою книгу, и вернулся. И в тот самый момент, когда вода уже пузырилась у самого подбородка бедняги ученика, чародей ворвался в свои покои, произнес заклинание и вернул Вельзевула его адскому пламени.

Том Тит Тот

Жила-была на свете женщина. Испекла она однажды пять пудингов, а когда вынула их из духовки, они оказались сыроваты. Вот женщина и говорит своей дочке:

— Доченька, поставь-ка их вон на ту полку! Пусть они полежат немножко, может, подойдут еще.

Она хотела сказать — дойдут.

А девушка подумала: «Что ж, если еще подойдут, эти я съем». И принялась их есть, и съела все — все до одного.

Ну вот, пришло время ужинать, мать и говорит дочке:

— Поди-ка принеси с полки пудинги. Я думаю, теперь они уже подошли.

Девушка пошла на кухню, но не увидела там ничего, кроме пустой посуды.

Вернулась она назад и говорит:

— Не подошли еще.

— Ни один? — спрашивает мать.

— Ни один, — отвечает дочка.

— Ну, подошли не подошли, один все равно возьмем к ужину.

— Как же возьмем, раз они не подошли еще? — удивилась девушка.

— Да уж все равно, — говорит мать, — пойди и принеси самый лучший.

— Лучший или худший, — говорит девушка, — я уже все их съела, так что и брать нечего.

Так-то вот. Ну, видит мать — делать нечего, придвинула к двери прялку и начала прясть.

Прядет и подпевает себе:

Пять пудингов съела дочка,
Пять пудингов съела за день.

А в это время шел по улице король. Услыхал он, как она поет, да не расслышал о чем. Вот остановился и спрашивает:
— О чем это ты поешь, добрая женщина?

Матери стыдно стало за дочку, и она спела так:

Пять мотков шерсти напярла дочка,
Пять мотков шерсти напярла за день.

— О небо! — воскликнул король. — Я отроду не слышал, чтобы кто-нибудь пряд так быстро! — Потом сказал женщине: — Послушай, я давно ищу себе невесту и теперь хочу жениться на твоей дочери. Но только вот условие: одиннадцать месяцев в году твоя дочь будет есть любимые свои кушанья, носить самые красивые наряды, веселиться с кем только захочет, но последний месяц в году она должна будет прядь по пяти мотков в день, а не то я ее казню!

— Хорошо, — согласилась мать: очень уж ей захотелось выдать дочку за самого короля.

«Что же касается пяти мотков, — решила она, — придет время, что-нибудь придумается. А скорее всего, король и вовсе про них забудет».

Ну вот, сыграли свадьбу. Одиннадцать месяцев молодая королева ела любимые свои кушанья, одевалась в самые красивые наряды и веселилась с кем только хотела.

Когда же одиннадцатый месяц стал подходить к концу, она начала подумывать о мотках пряжи. «Помнит или не помнит о них король?» — гадала она.

Но король ни разу ни словом об этом не обмолвился, и она решила, что он совсем забыл про свое условие.

И вот в самый последний день одиннадцатого месяца король отвел ее в какую-то комнату, которой она никогда раньше не видела. В комнате не было ничего, кроме прялки да скамеечки.

— Ну, милая, — сказал король, — завтра я запроу тебя здесь. Тебе принесут немного еды и шерсть. И если к вечеру ты не спрядешь пяти мотков, твоя голова слетит с плеч!

И он ушел заниматься своими делами.

Бедняжка очень испугалась — ведь она всю жизнь была с ленцой, а прядь и вовсе не умела. «Что со мной будет завтра? — думала она. — И никто на всем свете не поможет мне!»

Села она на скамеечку и ах как горько заплакала!

Вдруг слышит — кто-то тихонько стучится в дверь. Она вскочила и быстро открыла ее. И кого же она увидела? Крошечного черного бесенка с длинным хвостом. Он взглянул на нее с любопытством и спросил:

— О чем ты плачешь?

— А тебе что?

— Да так просто. Ну, о чем ты плачешь, скажи?

— Если и скажу, лучше мне не станет.

— Кто знает! — проговорил бесенок и вильнул хвостиком.

— Что ж, — вздохнула королева, — пожалуй, мне и хуже не будет, если уж лучше не станет.

Взяла да рассказала ему и про пудинги, и про мотки пряжи — словом, про все.

— Слушай, я все придумал! — вскричал бесенок. — Каждое утро я буду подходить к твоему окну и забирать шерсть, а к вечеру приносить мотки пряжи.

— А что ты за это возьмешь? — спросила королева.

Бесенок покосился на нее и ответил:

— Каждый вечер я буду тебя спрашивать, как меня зовут. До трех раз. Если к концу месяца не угадаешь, пойдешь со мной!

Что ж, королева подумала, что за целый-то месяц она, уж конечно, отгадает его имя, и ответила:

— Хорошо, я согласна.

— Вот и прекрасно! — обрадовался бесенок и быстро завертел хвостиком.

На другое утро король отвел жену в комнату, где уж приготовлена была шерсть и еда на один день, и сказал:
— Вот тебе шерсть, милая. И если к вечеру ты не спрядешь ее, не сносить тебе головы!

Вышел из комнаты и запер дверь на замок.

Только он ушел, послышался стук в окно.

Королева вскочила и распахнула его. Видит — сидит на карнизе маленький черный бесенок.

— Где шерсть? — спросил он.

— Вот! — ответила королева и подала ему шерсть.

Вечером опять раздался стук в окно. Королева поспешно встала и открыла его. На этот раз черный бесенок держал в руках пять мотков пряжи.

— Бери! — сказал бесенок и протянул ей мотки. — А теперь скажи: как меня зовут?

— Билл, наверное? — молвила королева.

— Нет, не угадала, — сказал бесенок и завертел хвостиком.

— Ну, так Нед?

— Нет, не угадала, — сказал бесенок и быстрее завертел хвостиком.

— Может быть, Марк?

— Нет, не угадала, — сказал бесенок, еще быстрее завертел хвостиком и вдруг пропал.

Вечером пришел в комнату король. Видит — лежат пять мотков пряжи.

— Как я рад, милая! — сказал он. — Значит, сегодня мне не придется тебя казнить. А завтра утром ты опять получишь еду и шерсть. — И он ушел.

Так каждый день ей приносили шерсть и еду, и каждый раз, утром и вечером, появлялся маленький черный вьюн. И весь день королева сидела и думала, какое же имя ей назвать вечером. Но ни разу не угадала! И чем ближе к концу подходил месяц, тем злорадней смотрел на нее черный бесенок и тем быстрее вертел хвостом с каждым неверным ее ответом.

И вот настал предпоследний день.

Бесенок, как всегда, пришел с пятью мотками пряжи и спросил:

— Ну как же, угадала, наконец, мое имя?

— Никодимус? — молвила королева.

— Нет.

— Самуил?

— Нет.

— А, так, значит, Мафусаил?

— Нет, нет и нет! — крикнул бесенок, и глазки его загорелись, как два уголька. — Слушай! Остался один день! Не угадаешь — завтра вечером пойдешь со мной!

И пропал.

Королеве стало так страшно. Тут она услышала шаги. Король вошел в комнату, увидел пять мотков и сказал:

— Ну, милая, я думаю, завтра к вечеру ты опять напрядешь пять мотков, не так ли? И мне не придется тебя казнить! А сегодня я отужинаю с тобой.

Принесли ужин и вторую скамейку для короля.

Но не успел король проглотить и двух кусков, как вдруг бросил нож и расхохотался.

— Что с тобой? — спросила его королева.

— Ты только послушай! — ответил он. — Отправился я нынче на охоту в лес и заехал в какое-то незнакомое место. Там была заброшенная меловая яма. И вот почудилось мне, будто в ней что-то жужжит. Я соскочил с лошади, подошел к яме и заглянул вниз. И кого же я там увидел? Крошечного черного бесенка, смешного-пресмешного! Как ты думаешь, что он делал? Прял! Быстро-быстро прял на крошечной прялке. Прядет, хвостиком вертит и напевает:

Нимми-Нимми-Нот,
А зовут меня Том Тит Тот.

Как услышала это королева, чуть не подскочила от радости! Однако ни слова не сказала.

Наутро, когда черный вьюн опять пришел за куделью, он поглядывал на королеву еще злораднее.

А под вечер королева, как всегда, услышала его стук в окно. Вот открыла она окно и видит: сидит бесенок на карнизе и ухмыляется — рот до ушей. А хвостик-то, хвостик так и вертится, так и вертится!

— Ну, как же меня зовут? — спросил бесенок и отдал королеве последние мотки.

— Соломон? — молвила она, делая вид, будто ей страшно.

— Нет, не угадала! — засмеялся он и шагнул к ней.

— Ну, тогда Зеведей?

— Не угадала, — захихикал вьюн еще злораднее и еще быстрее завертел хвостиком. — Подумай хорошенько! Еще один неверный ответ — и пойдешь со мной! — И он протянул к ней свои черные лапки.

Королева отступила на шаг-другой, поглядела ему прямо в глаза и со смехом промолвила:

Нимми-Нимми-Нот,
А зовут тебя Том Тит Тот.

Как услышал это бесенок, взвизгнул и пропал во тьме за окном. С тех пор его никто и не видел.

Данкве
скаџку

Солдатский ранец

Служил в Дании солдат по имени Ларс: исполнял он королевские приказы ровно восемь лет, и настал срок ему с солдатчиной проститься. Рад был Ларс, что службе конец пришел: ведь кому служба — мать, а кому — мачеха. Неохота только с тощим кошельком домой возвращаться. Считали, прикидывали, а больше трех скиллингов¹ солдату в расчет никак не выходило. Этакая малость за восемь лет службы! Спасибо, хоть отдали ему те скиллинги сразу. А то, бывало, покуда солдатские кровные денежки получишь, с ног собьешься.

«Ладно, хоть так обошлось!» — подумал Ларс и отправился в путь.

Веселый малый был солдат! Идет, палкой помахивает, песенки распевает. А навстречу ему старушонка убогая; горько-горько так плачет, на нужду свою жалуется.

— Не подашь ли, служивый, скиллинг? — спрашивает старушонка.

— Отчего не подать! — говорит солдат. — У меня и все-го-то три скиллинга, а два ли, три ли — все одно. Нет денег — и это не деньги. Может, хоть тебе мой скиллинг пригодится.

Немного погодя повстречалась ему другая старушка, да такая сгорбленная, что голова книзу клонится и лица никак не разглядеть; горько-горько так плачет, долю свою прокликает и молит слезно:

— Не подашь ли, служивый, скиллинг?

— Ладно, — говорит солдат. — У меня два скиллинга, а у тебя ни одного; коли дам тебе один, мы богатством сравняемся. Бери на здоровье!

¹ Скиллинг — грош, копейка; старинная монета, имевшая хождение в Дании до 1873 года.

Отдал он ей половину своих денег и дальше пошел; легко у солдата на душе и легко в кармане. Идет, песенки распевает.

Немного погодя повстречалась ему третья старушка; горько-горько так плачет, милостыню просит:

— Не подашь ли, служивый, скиллинг?

Усмехнулся солдат и отдал ей последний скиллинг.

— На, бери! У меня всего-то один скиллинг; а есть он, нет ли — разница невелика. В кошельке у меня ветер гуляет, теперь уж никому помочь не смогу.

Пошел солдат дальше — веселый-превеселый. И добра-то у него теперь осталось — только старая одежка, что на нем, да ранец за спиной. В ранце том рваная рубаша да пара дырявых носков. Правда, была у него еще пачка жевательного табака.

Идет солдат, солнцу и теплу радуется, табак жует, палкой помахивает, песенки распевает, да так звонко, что отголоски далеко по холмам разносятся.

Входит Ларс в лес и видит: сидит на камне старушонка, отдыхает, видно. А камень-то огромный-преогромный.

— Садись, служивый, потолкуем, — говорит старушка. — Довелось нам с тобою и раньше трижды встречаться, да ты всякий раз так торопился, что мы и словечком с тобой не перемолвились.

— А, так это ты все мой скиллинги выманила! Ну да на здоровье! Не зря они тебе достались. Пришлось небось побегать! Прыткая ты, что правда, то правда! А потолковать я с тобой не прочь! Чего тебе надо?

Уселся Ларс на камень рядом со старушкой, посмотрела она на него и говорит:

— Загадай три желания!

Почесал солдат в затылке.

— Что б такое загадать? Ну, это проще простого! Хочу я жить с людьми в мире и дружбе, без этого не быть человеку счастливым. А еще хочу, чтоб ранцу моему никогда износу не было — денег на новый мне все равно не раздобыть.

— Загадай последнее желание! — сказала старушка.

И Ларс загадал:

— Пускай, чего ни пожелаю, мигом попадет в мой ранец, а захочу — пусть ранец снова пустой будет.

— Сбудутся твои желания. Счастливого пути! — проговорила старушка и вдруг пропала, будто сквозь землю провалилась.

«Куда она подевалась? — подумал солдат. — Ну, да не моего это ума дело!»

Поднялся он и снова тронулся в путь, но, на беду, споткнулся о камень, на котором сидел вместе со старушкой. Рассердился Ларс, помянул черта и пожелал: «Ну-ка, камень, ступай ко мне в ранец!»

А камень скок-поскок — и уж лежит в его ранце.

Но был тот камень такой огромный да тяжелый, что потянул Ларса книзу. Опрокинулся солдат через голову и покатился по земле. Катится он, катится, синяки и шишки набивает! Натолкнулся, к счастью, на кряжистое дерево и остановился.

Отдыхался солдат — уф-уф! — и прищурил глаз. Смекнул наконец: «Старушка-то, видно, не зря болтала — дело, выходит, серьезное. Вот так здорово! Только я загадал, а камень уж в ранце лежит».

Пожелал Ларс от камня избавиться, и камень — скок-поскок — выпрыгнул из ранца.

Пошел солдат дальше, веселый-превеселый. Только вдруг у него под ложечкой засосало, проголодался служивый: уж очень долго шел он в тот день.

Видит Ларс: стоит у дороги помещичья усадьба. И надумал он зайти туда хлеба ломоть попросить. Так и сделал. Заходит на поварню, а повариха как раз хлеб нарежает и маслом ломти намазывает.

— Не найдется ли мне хлеба ломоть? — спрашивает солдат.

— Найдись-то найдется, — говорит повариха, — да только в этом доме всякий кусок на счету. Несдобровать мне, коли даже самой малости недосчитаются.

— Дом-то господский, а обиход, видать, сиротский! — сказал солдат.

— Твоя правда! — говорит повариха. — А может, тебе к помещику зайти? Потолкуй с ним, глядишь — покормить велит! Бывают же чудеса на свете. Он у себя в горнице сидит. Как выйдешь за дверь, так иди все прямо.

— Спасибо за совет! — поблагодарил повариху солдат и пошел к помещику.

А тот как раз деньги свои считает. Видит солдат: стоит на столе глиняный горшок, из тех, что в Ютландии делают, и в нем полным-полно золотых дукатов, а на полу — сундук железный, и в нем далеров серебряных не счесть сколько!

— Ну, какой за тобой должок? — спрашивает помещик. Он и не взглянул на солдата, думал, кто-то из издольщиков¹ плату принес.

— Ни долгов, ни денег у меня не водится. А вот велишь меня накормить — спасибо будет за мной, — говорит солдат.

Помещик аж покраснел — не привык он, чтоб его о чем-нибудь за спасибо просили. Спасибо-то в карман не положишь и шубу из него не сошьешь! Замахал он на солдата руками, затопал ногами и кричит:

— Вон со двора!

Стал Ларс по стойке «смирно», сам себе скомандовал: «На-а-пра-во!» — повернулся и солдатским шагом марш-марш со двора.

Шел он, шел, а потом, ухмыльнувшись, говорит:

— Ну-ка, золотые дукаты, прыг ко мне в ранец!

Фь-ю-ю-ють! — и уже лежат в солдатском ранце золотые дукаты из ютландского горшка.

«Так! — подумал солдат. — Не худо бы и серебром разжиться, золотом только хвастуны расплачиваются».

— Ну-ка, серебряные далеры, прыг ко мне в ранец! Да столько, чтоб унести под силу было. Лишнего мне не надо!

Фь-ю-ю-ють! — и уже лежат в солдатском ранце серебряные далеры из помещичьего сундука.

Стал ранец тяжелый-претяжелый, а все равно полегче полной походной выкладки, к которой на службе привык солдат.

Отправился Ларс дальше; идет, песенки распевает. Пришел он под вечер в небольшой городок, постучался в дверь самого что ни на есть богатого постоялого двора и попросил еды и питья. Стал Ларс за обе щеки ужин уписывать. А с ним за столом важные господа сидят. Вот и давай они над простым солдатом потешаться. Смешно им, как он на еду налегает.

Поел солдат и стал карманы выворачивать: сначала один — пустой и рваный, потом другой. А там, кроме початой пачки табаку, хоть шаром покати. Тут уж господа со смеху животы надорвали.

— И на старуху бывает проруха, — говорит один из них. — Знатный граф тоже, случается, дома деньги забывает, только жадность всегда при нем.

А солдат будто и не слышит. Кладет он на стол ранец, раскрывает его и внутрь заглядывает. А господа еще пуще

¹ Издольщик — земледелец, вносящий плату за пользование земель натурой — определенной долей урожая.

хохочут, за животы хватаются. Только хозяину не до смеха. Смотрит он на Ларса волком, боится — не заплатит ему солдат. А солдат будто и не видит его опасений. Достает он пригоршню дукатов, швыряет на стол и говорит:

— Сдачи не надо!

Вытаращили тут важные господа глаза, слова вымолвить не могут, точно им рты позатыкали.

А хозяин заулыбался, Ларсу кланяется. Приказал он бутылку вина принести в награду за щедрость.

— Не найдется ли у тебя горницы переночевать? — спрашивает Ларс.

— Горницы все постояльцами заняты, — говорит хозяин, — одна только пустая стоит, да ночевать в ней нельзя. Кто там заночует, тут же ночью помирает. Я как стал хозяином, никого туда не пускаю, горница у меня на запоре.

— Самая подходящая для меня квартира! — сказал солдат. — Прибери там хорошенько, стол накрой к ужину. Не забудь принести четыре бутылки вина и четыре свечи поставить да положи четыре колоды карт, а как все сделаешь — неси мне ключ от горницы.

Мялся хозяин, мялся, а потом и говорит:

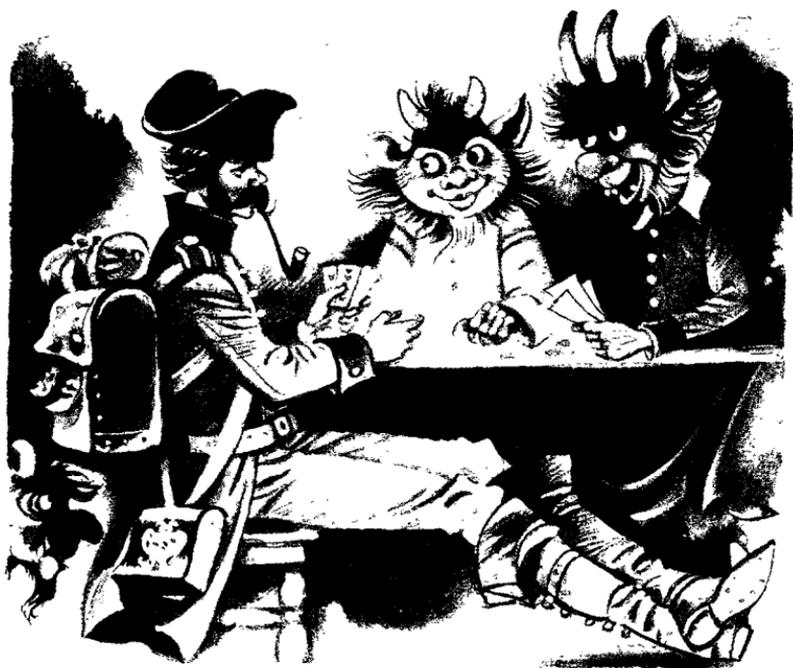
— Мое дело остеречь, а коли ты, господин, все равно там ночевать хочешь, что ж, воля твоя!

Пришло время спать ложиться. Отправился солдат в страшную горницу. Высыпал он из ранца на стол все золотые дукаты и серебряные далеры, зажег четыре свечи, открыл четыре бутылки вина к ужину, о котором позаботился хозяин, проверил четыре колоды карт. Положил Ларс ранец на пол, уселся за стол и ждет, что дальше будет.

Немного погода как затрещит в печке огонь, как печка подпрыгнет! Отскочила дверца, заколыхалось пламя — и вывалился на пол черный клубок. Разматывался тот клубок, разматывался, рос, рос, покуда не обернулся огромным черным чертом с рожками, хвостом и клыками. И страшен же был тот черт! Вместо ногтей у него — когти звериные.

— Добро пожаловать, друг любезный! — спокойно и ласково говорит солдат. — Садись к столу да подкрепишься маленько.

Не успел он речь свою кончить, огонь опять как затрещит, печка как подпрыгнет! Отскочила дверца, заколыхалось пламя — и выкатился на пол другой черный клубок. Обернулся тот клубок таким же огромным черным чертом. А за ним и третий черт тут как тут.

Кувыркаются на полу трое черных чертей. Солдат ласково со всеми тремя разговаривает, к столу просит и вином угощает.

Наелись черти, напились. Ларс их спрашивает:

— Не перекинуться ли нам в картишки?

Завизжали черти от радости и давай с солдатом в карты играть. Играют они, играют, а сами потихоньку к солдату подбираются, когти в него запускают.

— Эге! — говорит солдат. — Неплохо с дружкой в картишки играть, да когти в него ни к чему запускать! А ну полезайте ко мне в ранец!

Фью-ю-ють! — и уже сидят в солдатском ранце три черта. Как они там ни барахтались, как ни визжали, как ранец ни когтили — все зря. Ведь ранцу тому износу не было.

— Сидите, покуда не выпущу! — приказал солдат. — Теперь и потолковать с вами можно. И время быстрее пройдет! Чего это вы сюда в горницу повадились? Что вам здесь надо?

— Тут за печкой пивной котел с золотом стоит. Вот мы его и караулим, — сознались черти.

— Всего-то и дела! Стоит из-за денег честных людей в страхе держать! — подивился солдат.

Стали тут черти скулить: молят солдата на волю их выпустить. А Ларс и ухом не ведет. Скинул сапоги, улегся в постель и крепко заснул.

Рано поутру пришел хозяин и заглянул в замочную скважину. Так и есть: лежит Ларс и, похоже, не дышит — видно, мертвый. Стал тут хозяин бить-колотить в дверь.

Проснулся солдат, помянул черта и кричит:

— Чего надо? За ночлег заплачено, а спать не дают!

Убрался хозяин — рад-радешенек, хоть не очень ласково обошелся с ним Ларс. Солдат-то в живых остался! Вот счастье привалило! Нашелся неробкий человек — никакое колдовство ему не страшно!

Выспался Ларс и пошел к хозяину. А тот уже его поджидает. Не терпится ему послушать, что да как!

Но из солдата ничего не вытянешь. Сказал только, что спал, дескать, сладко, а теперь не худо бы позавтракать.

Хозяин пред Ларсом травой стелется; чего только на стол не ставит — ешь сколько хочешь. Солдат ел-ел, все, что на столе было, съел и спрашивает:

— Не найдется ли в городе двух дюжих парней?

— Как не найтись! — отвечает хозяин.

— Ну так зови их сюда, — говорит Ларс, — да гляди, чтоб были самые что ни на есть дюжие. Работенка их ждет нелегкая.

— Какая такая работенка? — любопытствует хозяин.

— Надо ранец мой к кузнецу стащить, пусть из него пыль повыколотит. Для этого дюжие парни и требуются, не всякому под силу такой ранец поднять.

«Не иначе, рехнулся, — подумал хозяин. — А может, из него еще вчерашний хмель не выветрился?»

Но перечить Ларсу не стал: платил солдат исправно, не скупясь.

— Ладно, — обещает хозяин, — приведу тебе двух дюжих парней, останешься доволен.

Послал он мальчишку в город, и тот привел двух здоровенных молодцов.

Оглядел их Ларс и спрашивает:

— Хотите по серебряному далеру на брата заработать? Стащите этот ранец к кузнецу, пусть из него пыль повыколотит.

Переглянулись парни и думают: «Везет же нам! Шальные, видать, у него деньги. Работа-то пустяковая!»

Взялись они за ранец, хотят поднять его, да не тут-то было. Еле-еле от пола оторвали!

С охами и вздохами вытащили силачи ранец из дому. Идут, потом обливаются; покуда до кузницы добрели, семь раз останавливались дух перевести.

Хозяин постоянного двора вместе с ними идет. Объясняет он кузнецу: остановился-де у него один денежный человек. И желает, чтоб кузнец пыль из его ранца выколотил. Человек этот то ли рехнулся, то ли под хмельком еще со вчерашнего, но перечить ему не стоит: платит он не скупясь.

Подошел тут солдат и спрашивает:

— Сколько за работу возьмешь?

— Далера два-три, — отвечает кузнец.

— Смотри, продешевишь, — говорит солдат. — За такую работу не меньше пяти далеров брать надо. Но уж чтоб выколочено было на совесть.

— А как же иначе? За такие-то деньги! Пылинки в твоём ранце не останется, — обрадовался кузнец. — Только вот останется ли что от ранца под нашими молотами?

— Уж это не твоя забота! Молотите, сил не жалейте!

Два силача ранец на наковальню едва взвалили, а кузнец трех подмастерьев приставил пыль из него выколачивать. То-то было веселье! Такой потехи в здешних краях не видавали.

Засучили рукава молодцы, поплевали на ладони — да как размахнутся, как ударят молотами по ранцу! Поднялся тут такой визг и вой, что у подмастерьев молоты из рук от страху попадали. Стоят, на ранец уставились, слова вымолвить не могут.

— Не бойтесь, — говорит солдат, — это кожа у ранца усохла, вот он и скрипит, будто кто воет. Скоро вою конец придет.

Опять взялись подмастерья за работу. Бьют, молотят — пот с них ручьями льет. Думали они поначалу, что от чертова ранца ничего не останется. Как бы не так! Молотили они, молотили, а ранец все такой же, как и был.

Солдат одно твердит:

— Сил не жалейте! Вы и половины дела не сделали! Пыли в ранце накопилось немало. Ведь по каким только дорогам я его не таскал, и на войне он со мной побывал.

С трех смешливых подмастерьев семь потов сошло, обесилели они вконец и молоты из рук выпустили. Позвал кузнец трех новых молодцов. Взялись они со свежими силами за работу — и давай ранец молотами гвоздить. А он по-прежнему целехонек. «Видно, ранец этот тролль заколдовал», — подумали они. Глядят — ранец железом окован. Вот

и надумали подмастерья железо молотом бить. И не такое им сгибать приходилось! Но и железо не поддается, хоть умри! Обессилели они и молоты выронили. А ранец лежит на наковальне все такой же, как был.

— Хватит, пожалуй, — говорит солдат.

Заплатил он кузнецу пять далеров, еще один дал в придачу и наказал силачам тащить ранец к реке.

Притащили молодцы ранец к реке, открыл его Ларс, глядь — а в нем черной трухи полным-полно, и несет от той трухи серой. Это трех чертей кузнечные молоты в труху истерли. Высыпал солдат труху в реку, вздулись, почернели ее воды. Понеслась черная река на сотни миль к Северному морю. Влились черные воды в синее море, и поплыла по морю грязная пена.

Минула неделя, очистились река и море, снова стали синими, прозрачными.

А что было с солдатом?

Воротился Ларс на постоянный двор вместе с хозяином и рассказал ему, что в страшной горнице за печкой котел с золотом спрятан.

Отодвинули они печку от стенки, выломали кирпичи, а там, и вравду, пивной котел стоит. И набит он до самого верха золотом.

Солдат, ясное дело, поделился с хозяином, отдал ему долю половину. А хозяин на радостях, да еще за то, что Ларс всю округу от страха избавил, подарил ему сад.

Построил солдат в том саду дом и зажил припеваючи. А как же иначе: был он человеком и добрым, и честным, и не робкого десятка. И еще: жил он с людьми в мире и дружбе — без этого человеку счастья не бывает.

Что всего дороже

Жил на свете молодой принц. С малых лет все твердили ему, что мудрее и красивее его никого на свете нет. И до того он возгордился, что и сам тому поверил. Вот пришла ему пора жениться, и поклялся принц, что возьмет в жены только такую девушку, у которой разум красоте под стать будет. Не хотел он для себя жены ни красивой, да глупой; ни умной, да уродливой.

Созвал старый король во дворец всех самых разумных и пригожих девушек королевства, но только ни одна из них

его сыну по сердцу не пришлась. И решил тогда молодой принц сам отправиться по белу свету искать себе суженую. Переоделся он в платье попроще, сел на коня и ускакал один, без всякой свиты.

Во многих странах, королевствах он побывал, много девушек перевидал, а невесты себе так и не нашел. Одна лицом хороша, да разумом не вышла. Другая умна, да красоты ей недостает. Так и пришлось принцу ни с чем обратно домой повернуть.

Вот едет он густым, дремучим лесом, а уж смеркаться стало. Конь его притомился, и самому есть-пить хочется, а лесу конца не видать. Вдруг заметил он над деревьями дымок, а скоро и домишко показался — маленький, скособоченный, совсем в землю врос. Спешился принц, вошел в дом и видит: сидят за столом дряхлые, бедно одетые старик со старухой и ужинают черствым хлебом да молоком. Поклонился принц хозяевам и говорит:

— Здравствуйте, добрые люди. Пустите меня к себе переночевать. Путь мой неблизкий, а уж вечер на дворе.

— Как не пустить, — отвечает старик. — Не в лесу же тебе ночевать. Ночлега-то ведь с собою не возят. Только люди мы простые, небогатые. Боюсь, не сумеем угодить твоей милости.

— А мне ничего такого и не надо, — говорит принц. — Как вы, так и я.

Вышел тогда старик из дому, привязал коня и дал ему охапку сена. А старуха меж тем принялась потчевать гостя молоком с сухарями.

Поужинали они, старик и говорит гостю:

— Ложитесь, ваша милость, на постель, а мы со старухой на лавке примостимся.

— Нет, — отвечает принц. — Не хочу я быть вам в тягость. Постелите мне сена на полу — и ладно.

Растянулся принц на сене и заснул крепким сном. Очень уж он притомился в дороге. И виделись ему во сне красивые девушки, которым недоставало ума, и умные девушки, которым не хватало красоты.

Только охапка сена — не королевское ложе, на ней не разоспишься, тем более с непривычки. Пробудился принц ни свет ни заря и вдруг слышит — в верхней светелке вроде бы прялка жужжит и девичий голос песню поет. И до того хорошо пела девушка, что принц заслушался ее и обо всем на свете позабыл.

А как проснулись поутру старики, он их и спрашивает:
— Кто это у вас в верхней горнице так славно поет?

Стали тут старик со старухою принца убеждать, что никого там нет, что ему, дескать, просто пригрезилось. Только принц от них не отстал, покуда они ему всю правду не выложили.

— Есть,— говорят,— у нас дочь Дагмар. Она-то и пела нынче утром. Только мы ее ото всех прячем. Живем в лесу одни и боимся, как бы не обидел ее какой недобрый человек или не увез кто от нас. Без нее мы пропадем. Прясть и ткать она мастерица. Ее трудами и кормимся.

— Так-то оно так,— отвечает им принц.— Да ведь поглядеть на вашу дочь можно? Иль уж до того она нехороша, что ее и показать людям совестно?

Не стерпел старик обиды, рассердился и крикнул дочери, чтобы она вниз спустилась. А принцу только того и надо было.

Сбежала девушка вниз и спрашивает:

— За каким делом звали, отец?

— Да вот,— говорит ей старик,— иди с гостем поздоровайся.

Взглянула девушка на принца, заалелась вся и замерла, точно к месту приросла. И принц от нее отвести глаз не может. Сколько ни ездил он по белу свету, такой красавицы встречать ему еще не доводилось. Долго они так друг на друга глядели. Потом принц опомнился. Не подобает ему, королевскому сыну, на бедную крестьянку засматриваться. Простился он с хозяевами, щедро наградил их за приют и ускакал.

Вернулся принц домой, а покоя себе найти не может. Не идет у него из ума красавица Дагмар. Куда ни взглянет, куда ни пойдет — все она ему мерещится. И тогда принц решил:

— Испытаю-ка я ее, под стать ли у нее разум красоте. А коли ей ума недостает, то и думать мне о ней незачем.

Послал он к девушке гонца с двумя шелковинками и велел ей соткать из них полог для королевской кровати. А Дагмар отломила от полена две лучинки, дала их гонцу и говорит:

— Передай принцу, пусть прикажет смастерить из этих лучинок станок, чтобы было мне на чем шелк ткать.

И понял принц, что девушка-то не глупей его! Но все-таки решил он еще раз ее испытать. Опять послал он к Дагмар

гонца и велел ей явиться в замок ни днем, ни вечером, ни пешком, ни в телеге, ни голой, ни одетой. Рассказала она отцу про повеление принца, а тот только руками развел:

— Мыслимое ли дело, — говорит, — этакую мудреную задачу решить!

А Дагмар улыбается:

— Ничего, батюшка. Умен принц, только ведь и я не лыком шита.

Разостлала она по земле рыбацью сеть, села на нее и велела отцу волоком тащить сеть к принцу в замок. Явилась она в замок в сумерки. День к концу шел, а вечер еще не наступил. И надела она на себя вместо платья длинную полотняную рубаху.

Встретил ее принц, повел во дворец и говорит старому королю:

— Батюшка, нет на свете девушки краше и разумнее, чем Дагмар. Позволь мне на ней жениться, потому что ни о какой другой невесте я и слышать не хочу.

Нахмурился король. Где ж это видано, чтобы принц на простой крестьянской дочери женился? Только принц твердо на своем стоял. Делать нечего, пришлось королю согласиться. Сыграли веселую свадьбу, и зажили молодые душа в душу.

Прошло время, отец принца умер, и стал он королем, а жена его королевой.

Давно не бывало в Дании такой мудрой и справедливой королевы, как крестьянская дочь Дагмар. Помнила она, что сама в нужде выросла, и старалась помочь бедному люду, чем могла. И за это любили Дагмар в народе и славил ее ум и красоту.

Только запала тут в сердце короля черная дума. Испугался он, как бы не стали люди судачить, что, дескать, король не своим умом живет, а всеми делами в королевстве жена его управляет. Призвал он к себе королеву и говорит:

— Обещай мне, что не станешь никогда в мои королевские дела вмешиваться. А нарушишь это обещание — отошлю тебя назад к старику отцу в лесную избушку.

Улыбнулась Дагмар:

— Что, ж будь по-твоему. У меня ведь и своих дел довольно.

Так и повелось у них с той поры. Король страной правит да суд вершит, а Дагмар хозяйство в замке ведет и в дела ко-

ролевские не вмешивается. Повеселел король, и опять зажили они душа в душу.

Только случилось однажды, что два крестьянина — бедный и богатый — ехали домой с ярмарки. А ведь, известное дело, когда крестьяне с ярмарки едут, то уж непременно у первого кабачка коней остановят и пива выпить зайдут. У кого барыш велик, тот с радости пьет, а кто в убыток торговал — горе заливает. Вот и эти двое так же зашли. Выпили они чарку, выпили другую, да и засиделись допоздна.

А тем временем кобыла у бедняка принесла жеребеночка. Жеребенок маленький, несмышленный. Вскочил он на ножки, испугался чего-то и подбежал к коню богатого крестьянина.

Вышли крестьяне из кабачка и увидали жеребенка. Богатей был человек жадный. Хоть и выпил он немало, а сразу смекнул, что тут можно чужим добром поживиться.

— Глянь-ка,— говорит,— мой конь жеребеночка принес.

— Ан нет,— отвечает бедняк,— это моя кобыла ожеребилась.

А богатей с ним спорит:

— Да как же твоя, когда он возле моего коня стоит?

И затеяли они друг с другом тяжбу. Стали по судам ходить: сперва к младшему судье, потом к старшему судье, а потом и к самому главному судье. Ходят, ходят — нигде толку добиться не могут. А суды, известное дело, недешево стоят. И тут плати, и там денежки выкладывай. Богатому-то что! У него денег куры не клюют. А бедняк все свое добро просудил, хоть с сумой по миру иди.

И надумал он у короля защиты просить. Выслушал король крестьянина, и хоть умен был, а рассудил не лучше, чем глупые судьи:

— Около чьей лошади жеребенка нашли, тому и владеть им.

Идет бедняк домой, голову повесил и думает: «Не найти мне, видно, правды».

Повстречался тут ему какой-то добрый человек и посоветовал:

— Ступай-ка ты к королеве. Толкуют люди, она мудрее и справедливее короля. Авось и тебе в беде поможет.

«И впрямь, пойду к королеве,— подумал крестьянин.— Хуже не будет, а мне все одно пропадать».

Вот пришел он к королеве, рассказал, как дело было, и стал ее просить словечко перед королем замолвить.

Подумала королева и говорит:

— Помочь я тебе ничем не могу, потому что обещала королю никогда в его дела не вмешиваться. Но дам я тебе добрый совет. Поклянись только, что не проболтаешься, кто тебе его дал, не то накличешь на меня беду.

Стал тут крестьянин клясться и божиться, что язык за зубами держать станет, и тогда королева ему сказала:

— Завтра поутру возьми сеть и ступай к песчаным холмам у моря. Закинь сеть в песок, садись и жди. Король каждое утро этой дорогой на охоту ездит. Остановит он коня и спросит, что ты делаешь. А ты отвечай, что рыбу ловишь. Удивится тогда король, как можно рыбу на сухом берегу ловить! А ты ему на это и скажи: «Коли мерин жеребенка принести может, то и рыба на сухом берегу ловиться может».

Крестьянин все в точности сделал, как королева его научила. Пришел он к морю, закинул сеть в песок и стал ждать. А тут как раз и король со свитой подоспел. Осадил король коня и спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

— Рыбу ловлю, ваше величество,— отвечает бедняк.

Засмеялся король:

— Да ты, никак, ума решился, добрый человек! Как же можно рыбу на сухом берегу ловить?

А крестьянин ему в ответ:

— Уж коли мерин жеребенка принести может, то и рыба в песке ловиться может.

Задумался король и понял, что дело-то с жеребенком он несправедливо рассудил.

— Своим ли умом дошел ты до этого или научил тебя кто? — спрашивает он крестьянина.

— Никто меня не учил,— отвечает ему бедняк.

— Ладно,— говорит король.— Ступай следом за мной во дворец.

Поворотил он коня и вперед поскакал, а крестьянин за ним потихоньку поплелся.

Приходит бедняк во дворец и видит: сидит король на троне; по правую руку от него мешок денег стоит, а по левую — стража с секирами наготове.

— Выбирай,— говорит ему король.— Откроешь, кто тебя этой проделке научил, получишь своего жеребенка, да еще мешок золотых риксдалеров в придачу. А не откроешь — так тебя моя стража на первом же суку вздернет.

«Как тут быть?» — думает крестьянин.— Скажешь правду, на королеву беду накличешь. Не скажешь — головы ли-

шишься, дети малые сиротами останутся. Кто их поить-кормить будет?»

Пришлось ему во всем королю повиниться. Отдал король крестьянину жеребенка, денег мешок и отпустил с миром. А потом призвал к себе королеву и говорит:

— Ты наш уговор нарушила, мои дела вздумала решать. И теперь я свое слово сдержу. Собирайся тотчас и поезжай к отцу, в лесную избушку.

— Что ж,— отвечает ему королева,— моя вина, мне и в ответе быть. Только все эти годы жили мы с тобою душа в душу, и прошу я тебя напоследок исполнить три моих желания.

— Говори, какие у тебя желания?— спрашивает король.

— Выпей со мной на прощанье вина, чтоб расстаться нам по-доброму, без зла и обиды. Прикажи отвести меня в большой карете, чтоб не пришлось мне к старику отцу пешком возвращаться. А еще позволь мне увезти с собою из дворца то, что для меня тут всего дороже, чтобы век помнить мне прошлое житье-бытье.

Запали в душу короля ее слова, и велел он принести вина, чтобы выпить с женой на прощанье. А она ему в кубок неприметно сонного зелья подмешала. Выпил король и заснул крепким сном. Тогда приказала королева его в карету отнести и увезла с собою в родительский дом. Положила она его там на кровать, а сама надела старое простое платье, села за прялку и песню запела — ту самую, что когда-то молодой принц услышал.

Долго спал король, а под конец пробудился и видит: лежит он в лачуге на бедной крестьянской постели, а рядом королева за прялкой сидит и песню напевает.

— Опять ты мою волю нарушила,— говорит король.— Зачем ты меня сюда привезла?

— Нет,— отвечает ему королева,— я из твоей воли не вышла. Не ты ль позволил мне увезти с собой из замка то, что было там для меня всего дороже? Так неужто же ты не знаешь, что дороже тебя нет для меня ничего на свете?

— Ты и тут надо мною верх взяла,— вздохнул король.— Что ж, собирайся, поедем домой. Не оставаться же нам тут! Кто тогда без нас королевством править станет?

С той поры король свой запрет снял и во всех делах с королевой советовался. Понял он, что хоть жена и мудрее его, но только бесчестья ему в том никакого нет.

Кто первый разозлится

Жил в одном приходе бедняк хусман — так в Дании безземельных арендаторов называют. И было у него три сына: старшего звали Пер, среднего Пале, а младшего Эсбен, по прозвищу Простак. Слыл Эсбен недалеким, и никто его всерьез не принимал.

Вот подросли сыновья — и настало им время в дорогу отправляться, счастья искать. Хозяйство у стариков невелико, рук приложить не к чему, а быть за далер у соседей на побегушках им уже не пристало — больно велики выросли.

— Ну и вымахали! — сказал им отец. — Вместо того чтобы дома без дела слоняться, ступайте-ка лучше да заработайте себе на хлеб.

Подался первым на чужую сторону старший сын, Пер. Снарядили Пера в дорогу, дали ему холщовую рубаху, штаны сермяжные и хлеба ломоть. Простился он с родными и пошел по белу свету странствовать.

Шел он, шел, видит — навстречу ему путник катит, упряжка у него богатая. Придержал лошадей и кричит Перу:

— Эй, малый, куда путь держишь?

— Иду на чужую сторону счастья искать.

— Не пойдешь ли ко мне в работники? — спрашивает путник.

— А плату какую положишь? — осведомился Пер.

— Полгода отслужишь — четверик¹ серебра получишь, — отвечает проезжий.

— Плата хоть куда! — говорит Пер.

— Только, чур, уговор, — продолжает путник. — Подниматься до зари и всякую работу справлять, какую ни прикажу. У меня обычай таков. Люблю я, чтоб работники в моей усадьбе подолгу служили, но поначалу всех испытываю и только на полгода нанимаю. Запомни: как придет весна, прилетит кукушка, так и уговору нашему конец. И еще одно: сам я человек веселый и кислые рожи терпеть не могу. Давай так: кто из нас первый разозлится, тот пускай на себя пеняет! Коли первый разозлюсь я — что ж, сколько ни прослужишь — получай плату за полгода сполна. А коли ты первый разозлишься, тут уж не взыщи. Нарезу у тебя рем-

¹ Четверик — старая мера объема сыпучих веществ, равная восьмой части четверти (26,239 л).

ней из спины и брюха, посыплю раны перцем да солью — и убирайся на все четыре стороны.

Чудной был уговор, и не сразу ударил Пер по рукам. Призадумался сначала. Да и страшен был тот человек. Рот — до ушей, а такого уродливого длиннющего носа Пер в жизни не видывал. Зато свиные глазки проезжего до того были ласковы, до того умильны, что Пер подумал: «Он, видать, шутки шутит. А плата, и вправду, хоть куда. Эх, была не была!»

— Ладно! — сказал Пер. — По рукам!

Так подрядился Пер на службу. Сел он к хозяину в повозку и оглянуться не успел — они уж и дома. Время было позднее, улегся Пер и проспал всю ночь до зари в своей камерке.

В шесть часов утра запел петух. Вскочил Пер, оделся — и бегом на гумно, куда еще с вечера наказал ему идти хозяин.

Стал Пер что есть силы молотить пшеницу, как было приказано. Молотит он час, молотит другой, а кругом словно все вымерло. Никто не приходит и не зовет его завтракать. Отшвырнул тогда Пер цеп и пошел в горницу. Пришел и видит: развалился на лавке хозяин, а завтрака на столе и в помине нет. Тут же в горнице и хозяйка — косолазая, изо рта два огромных клыка торчат. «Ну и уродина! — подумал Пер. — Хуже хозяина!» И еще вертится под ногами орава чумазых ребятишек: воют, визжат, царапаются. Видать, все уже позавтракали. Только для него ничего не припасли.

Хозяин ухмыляется:

— Никак, ты есть хочешь, Пер?

— Ясно, хочу! — говорит Пер. — Ужинать-то мне вчера не дали, да и нынче маковой росинки во рту не было. Попробуй-ка помолотить два часа не евши!

— А ты глянь, что над притолокой написано! — сказал горный тролль.

Нанялся-то Пер вовсе не к человеку, а к троллю! Только он того не знал.

Поднял голову Пер и видит: выведено над притолокой большими буквами: «Нынче еды не жди, до завтра погоди!» Лицо Пера вытянулось с досады.

— Никак, ты разозлился, Пер? — спрашивает хозяин.

Видит Пер — дело-то выходит нешуточное — и отвечает:

— Что ты, что ты, вовсе нет!

Побрел он, как побитая собака, назад на гумно. По счастью, завалился у него в кармане ломоть хлеба, что еще дома припас. Пригодился он ему теперь.

«Денек перебьюсь,— подумал Пер,— может, хозяин испытать меня хочет. А то с чего бы такие причуды! Написано ведь над притолокой: до завтра погоди!

Молотил Пер без отдыха весь день до вечера, а потом, не поужинавши, спать отправился.

Назавтра петух в четыре часа запел.

«Вот и позавтракаю пораньше»,— подумал Пер.

Вскочил, оделся— и бегом на гумно. Прибежал— и дай что есть силы молотить. Но то и дело, опуская цеп, прислушивался: не зовут ли завтракать? Только никто его не звал. Как подошло время к шести, отшвырнул Пер цеп и пошел в горницу. А там точь-в-точь как вчера: завтрака и в помине нет, хозяин развалился на лавке за столом, и вид у него все такой же сытый и довольный. Хозяйка возится с оравой злющих горластых ребятишек. Ну, видать, позавтракали они сытно!

Поглядел хозяин на работника и ухмыльнулся:

— Никак, ты есть хочешь, Пер?

— Еще бы не хотеть!— в сердцах сказал Пер.— Вчера у меня маковой росинки во рту не было, а я день-деньской на гумне надрывался, и нынче два битых часа молотил. Будешь тут голодным как собака!

— А ты глянь, что нынче над притолокой написано!— говорит тролль.

Глянул Пер и видит: выведено там то же, что и вчера: «Нынче еды не жди, до завтра погоди!»

— Вчера ты тоже «завтра» сулил!— закричал Пер.— Будет шутки шутить! Работника кормить надо!

— Никак, ты разозлился, Пер?— спрашивает хозяин-тролль.

— Ясное дело, разозлился, кровосос ты чертов!— ругается Пер.— Нечего над людьми измываться, «завтраками» потчевать.

— Вон что?! А уговор знаешь?— вскочил с лавки тролль.

Сноровка у тролля была, видать, изрядная! Схватил он нож, мигом стянул с Пера рубаху, нарезал ремней из спины и живота работника, умеючи присыпал перцем, присолил да и вышвырнул его за ворота.

Закричал, застонал Пер и домой поплелся. Немало дней прошло, прежде чем воротился он к старикам родителям.

Долго хворал Пер, а дома ему еще травили душу— все в один голос твердили: он-де во всем виноват сам, был строптив, а хозяин хотел лишь испытать нового работника. Службой за четверик серебра в год не гнушаются!

Собрался тогда в путь средний брат, Палле. Запасся он впрок всякой снедью и отправился той самой дорогой, что и Пер.

Повезло Палле: под вечер катит ему навстречу тот же хозяин. Придержал лошадей и кричит:

— Эй, малый, куда путь держишь?

— Иду на чужую сторону счастья искать! — отозвался Палле.

Стал тролль его к себе на службу звать. Принял Палле условия договора. Ударили они по рукам и поехали домой к хозяину.

Прожил Палле у тролля целых три дня; все это время он на хозяина работал: тот его не кормил, не поил, только «завтраками» потчевал. А как увидел Палле на четвертый день над притолокой ту же надпись: «Нынче еды не жди, до завтра погоди!» — лопнуло у него терпение, дал он себе волю и отругал тролля всласть.

Отделали его, как и Пера, нарезали ремней из спины и живота, присыпали раны перцем и присолили.

Долго брел он до дому, и вид у него был — смотреть жалко!

Увидели старики хусманы сына — запричитали, стали разными снадобьями его раны врачевать; кляли на чем свет стоит злодея-хозяина, что так детей их изувечил.

Эсбен Простак меж тем по двору бродит и молчит, будто воды в рот набрал. А утром и вовсе пропал со двора. Сам-то он знал, куда ему надо: отправился Эсбен той самой дорогой, что его брата.

Под вечер и ему навстречу тролль катит. Придержал лошадей и кричит Эсбену:

— Эй, малый, куда путь держишь?

— Иду на чужую сторону счастья искать! — отозвался Эсбен.

— Не пойдешь ли ко мне в работники? — спрашивает тролль.

— А плату какую положишь? — осведомился Эсбен.

— Четверик чистого серебра за полгода службы, — отвечает тролль. — Плата хоть куда! Только запомни: сам я человек веселый и работников мне таких же подавай! Потому-то я наперед и уговариваюсь: кто из нас первый разозлится, тот пускай на себя пеняет! Коли первый разозлюсь я, что ж, сколько ни прослужишь — получай плату за полгода сполна. А коли ты первый разозлишься, тут уж не взыщи. Нарезу

у тебя ремней из спины и брюха, посыплю раны перцем да солью — и убирайся на все четыре стороны.

— Пожалуй, сойдемся! — сказал Эсбен.

Ударили они по рукам, а тролль и говорит:

— Служить мне будешь до весны, а как кукушка прилетит, уговору нашему конец. А может, мы и после того по-новому сговоримся.

— Ладно! — соглашается Эсбен.

Сел он в повозку, и покатали они в троллеву усадьбу. Отвели Эсбена в ту самую каморку, где его братья жили, и проспал он там беспобудно всю ночь.

В шесть часов запел петух. Поднялся Эсбен и отправился на гумно рожь молотить, как было приказано. Молотит час, молотит другой, а кругом словно все вымерло. Никто не приходит и завтракать его не зовет. Отшвырнул тогда Эсбен цеп и пошел в горницу. Пришел и видит — все троллево семейство в сборе: за столом тролль развалился, троллиха тут же сидит, на полу троллята дерутся и царапаются.

— День добрый! — здоровается Эсбен. — Завтракать не пора ли?

— Про то в уговоре не сказано, — говорит тролль. — Глянь-ка лучше, что над притолокой написано.

Хоть и невелик грамотей был Эсбен, а все-таки прочитал по складам: «Нынче еды не жди, до завтра погоди».

— У всякого дня своя забота! Мне б сегодня поесть!

— А ты рожь молотишь, вот и кормись рожью, — ухмыльнулся тролль.

Ни словечка не ответил ему Эсбен и опять отправился на гумно. Молотил он там что есть силы рожь, веял ее, а в полдень насыпал мешок зерна и понес на ближайший постоялый двор.

— Мы с моим хозяином уговорились: есть я у него дома не буду. Денег на прокорм он мне не дает, зато разрешает рожью кормиться. Возьмешь меня на хлеба, ежели я тебе мешок ржи дам? — спрашивает Эсбен хозяина постоянного двора.

— Отчего не взять! — отвечает тот.

Наелся Эсбен до отвала, набили ему котомку всякой снедью, флягу доверху пивом наполнили. Отправился он опять на гумно и давай молотить.

Первый день прошел, за ним и другой, и третий. Хозяин Эсбена не кормит, не поит; над притолокой все те же слова выведены: «Нынче еды не жди, до завтра погоди». А Эсбену хоть бы что — весел и доволен.

Тролль только диву дается и Эсбена каждое утро спрашивает:

— Не злишься ли ты, Эсбен?

А Эсбен в ответ:

— Да нет, хозяин! С чего мне злиться? Мне ль у тебя не житье?

Тролля и невдомек, про что это он толкует.

На четвертое утро входит Эсбен в горницу, а тролль ему, как и прежде, надпись над притолокой показывает: «Нынче еды не жди, до завтра погоди».

Эсбену хоть бы что — опять на работу собирается.

— Не хочешь ли поесть, Эсбен? — спрашивает хозяин.

— Да нет! Что нет — так нет! — отвечает Эсбен.

— Ты, стало быть, все три дня ничего и в рот не брал? — допытывается хозяин.

— Ну как же, — отвечает Эсбен. — Что хотел, то и ел. Я рожью кормился, как ты, хозяин, приказал. Нашелся тут один добрый человек по соседству: он за мешок ржи в день чего только мне не давал: и пива, и еды всякой вдоволь.

— Да как ты посмел? — орет в сердцах хозяин.

— Ты, никак, разозлился? А, хозяин? — спрашивает невозмутимо Эсбен.

— Нет! Нет... вовсе нет! — отвечает тролль. — Только лучше тебе другим делом заняться: поле вспахать надо. Берика плуг и ступай за моей собакой. Пес дорогу знает. Где он на землю уляжется, там и пахать начинай! Да гляди, не бросай работу, покуда пес домой не побежит!

— Ладно, хозяин! — соглашается Эсбен.

Запряг он лошадей в плуг и поехал в поле. А пес впереди бежит. Вот улегся пес на землю. Эсбен там и пахать начал. Пахал он поле, пахал, а пес все лежит, с места не двигается. Уж и полдень настал, соседи все по домам полдничать разошлись, а пес — ни с места. «Видать, он до вечера так проваляется», — подумал Эсбен.

Подвело у Эсбена от голода живот. Схватил он палку и вытянул легонько пса по спине. Пес взвизгнул и домой во всю прыть.

Перерезал Эсбен постромки, вскочил на лошадь и за псом следом, а другую лошадь на поводу держит.

Догнал пса у самой троллевой усадьбы, видит — пес через плетень перемахнул. Кинулся Эсбен за ним, не сдержал лошадей, те на землю и рухнули. Одна даже ногу сломала.

Выбежал на шум тролль, глядит: у крыльца пес хвостом машет и тут же Эсбен как ни в чем не бывало стоит.

— Как ты хозяин, приказал, так я и сделал! — говорит Эсбен. — Пес домой побежал, а я за ним! Ты не злишься, хозяин?

— Нет, не злюсь! — отвечает тролль. — Зайди-ка в дом и подкрепись.

Не знал хозяин, что и делать с таким работником: исполнял Эсбен все его наказы и бывал всегда весел и доволен. Стал тролль даже побаиваться Эсбена. И тут-то случилось неслыханное и невиданное в тех краях: накормил тролль работника обедом и ужином. А как встал Эсбен поутру и вошел в горницу, видит: надписи над притолокой — «Нынче еды не жди, до завтра погоди» — как не бывало.

Позавтракал в тот день Эсбен в положенное время, захватил корзинку с едой, что дала ему хозяйка, и отправился на работу. Приказано ему было троллевых свиней пасти. Было тех свиней с полсотни, все отборные, жирные.

— Пускай пасутся, где хотят, — говорит тролль, — не беда, коли и в землю зароятся.

— Ладно, хозяин, — говорит Эсбен.

Только он от усадьбы отошел, навстречу ему два мясника. Идут они как раз скот покупать. Приглянулись мясникам жирные свиньи, вот они и спрашивают:

— Свиней продаешь?

— А то нет! — отвечает Эсбен. — Я их как раз продавать собрался. Забирайте всех, кроме старого борова. Он пастору пойдет.

Сошлись мясники с Эсбеном в цене, отдали ему целую кучу далеров и погнали троллево стадо прочь. Остался у Эсбена один только старый боров. Видел Эсбен, что боров хворый, того и гляди, ноги протянет.

И верно. Как пришел Эсбен с боровом на торфяное болото, боров тут же и окошел. Сунул работник борова мордой в болотную жижу; один хвостик торчать оставил, да и тот чуть у корня надрезал.

Взял Эсбен свою корзинку и пошел на троллев двор.

— Где свиньи? — спрашивает хозяин.

— В болото зарылись! — отвечает Эсбен. — И боров старый — тоже. У него — хоть хвостик торчит, я его чуть попридержал. А других уж и в помине нет.

Кинулся тролль с Эсбеном на торфяное болото. Ухватился он за свиной хвостик, потянул — и плюх в болотную жижу. Только хвостик в руках остался.

Вскочил тролль на ноги, стал по болоту бегать, свиней кликать. Да их и след простыл.

— Никак, ты разозлился, хозяин? — спрашивает Эсбен.

— Да нет, с чего мне злиться? — отвечает тролль, а сам от гнева трясется.

Время идет. Кормит тролль Эсбена досыта, работой не обременяет, боится с работником связываться. И живет Эсбен — как сыр в масле катается.

Как-то раз позвали тролля с женой на свадьбу к другим троллям. А ехать надо было далеко. Вот поутру приказывает тролль Эсбену:

— Приготовь-ка выезд побогаче, да не забудь дегтем смазать, где положено, и гляди, чтоб на совесть!

— Ладно! — говорит Эсбен.

Взял он бочку с дегтем, обмазал весь возок, пошел к троллю и докладывает:

— Смазано везде на совесть, а лучше всего там, где ты, батюшка-хозяин, сидишь.

— Ты, что рехнулся?! — заорал тролль, да вовремя одумался и говорит: — Что это я! И в мыслях у меня не было на тебя злиться. Смазать-то только оси колесные надо было! Вытри сиденье хорошенько.

— Вон что! — протянул Эсбен. — Так бы раньше и сказал! Вытер он сиденье, залезли тролль с троллихой в возок, а Эсбен на козлы сел. По дороге хозяин работнику наказывает:

— Как отвезешь нас и вернешься назад, закидай колодец всем, что под руку попадется. А не то, не ровен час, свалится туда кто-нибудь из троллят.

— Ладно, хозяин! — говорит Эсбен.

— Да гляди, будь с мелюзгой поласковой! — велит тролль. — Чтоб ей ни в чем отказу не было.

А мелюзгой он свое троллево отродье называл.

— Ладно, хозяин! — соглашается Эсбен.

— Да еще: огонь к нашему приезду во дворе разведи, чтоб светло было, как днем, иначе, того и гляди, с дороги собьемся.

— Ладно, хозяин! — обещает Эсбен.

Подъехали они к усадьбе, где шел свадебный пир. Вылезли тролль с троллихой из возка, а Эсбен домой повернул. Хлопот у него в тот день было по горло.

Вспомнил он, что обещал троллю быть поласковее с мелюзгой, и наказал всей мелкоте в приходе, всем беднякам хусманам, явиться в полдень с мешками и веревками в троллеву усадьбу.

В полдень пришли хусманы; отворил Эсбен двери овинов, амбаров, хлевов да конюшен и говорит:

— Берите все, что вздумается. Велел хозяин быть с вами поласковой и ни в чем чтоб вам отказу не было.

Подивились бедняки: добра от тролля-кровососа еще никто в приходе не видывал. Но просить себя не заставили. Расхватили рожь и пшеницу, вывели коров, лошадей, овец и пошли по домам.

Настал черед старый колодец засыпать. Бросил было Эсбен лопату-другую земли в колодец, но показалось ему мало. Пошел он в дом и стал тащить все, что под руку попадется: и столы, и лавки, и перины, и поставцы, и укладки. Побросал он все в колодец, засыпал сверху землей, закидал камнями. Любо-дорого смотреть!

Под конец осталось только Эсбену на дворе огонь развести, чтоб было светло, как днем.

Поработал Эсбен на славу, а потом за хозяином отправился.

На свадебный пир съехалось гостей тьма-тьмущая! Были там тролли хвостатые и тролли без хвостов; те, что познатнее, носили целых два хвоста. Свадьбы ради выпустили они

хвосты поверх праздничной одежды. А уж до чего важничали! Думали тролли, что хвосты им очень к лицу.

Гости и хозяйева порядком захмелели и до того развеселились — пели и плясали, а самые молодые даже на головах ходили.

В такой толчее не сразу разглядел Эсбен хозяина с хозяйкой. А как разглядел — стал им знаки подавать. Заметил тролль работника, вышел с женой во двор, уселись они в возок и домой покатали. Подъезжают к усадьбе и видят: край неба полыхает, будто солнце встает. А как поближе подъехали, поняли: к небу огонь вздымается, усадьба ярким пламенем пылает!

— Это еще что?! — заорал тролль. — Никак, усадьба горит?!

— Ага! — отвечает Эсбен. — Ты же сам велел к твоему приезду на дворе огонь развести, да такой, чтоб было, как днем, светло. А иначе и в усадьбу в потемках не въедешь, и горяченьким не обогреешься. Вот я и подпалил левый флигель. Ты ведь не злишься, а, хозяин?

— К дьяволу! — кричит тролль. — Езжай быстрее, сатана тебя возьми!

Подкатали они к усадьбе, а во дворе и в самом деле, как днем, светло, левый флигель уже догорает.

Дом и службы пока целы — погода безветренная, и огонь на них не перекинулся.

Вошел тролль в дом да как заорет:

— Что такое? Куда вся утварь подевалась? Кто столы и лавки убрал?

— А я их в колодец побросал, — говорит Эсбен. — Ты ведь велел закидать его тем, что под руку попадет. Уж не злишься ли ты, хозяин?

— Не-ет... Нет! Не злюсь! — отвечает тролль. — Неужто ты не знаешь, что колодец песком, землей и дерном засыпают?

— Так бы раньше и сказал! — говорит Эсбен.

Вышел тролль во двор, глядит — двери во всех амбарах, овинах, хлевах, конюшнях отворены. Подбежал — всюду пусто: ни ржи, ни пшеницы, ни лошадей, ни коров, ни овец.

Схватился за голову тролль, слова вымолвить не может. А Эсбен тут как тут:

— Ты ведь сам наказывал быть с мелюзгой поласковой и чтобы ни-в чем ей отказу не было. Вот я и роздал все беднякам хусманам. Ты ведь не злишься, а, хозяин?

— Нет, не злюсь! — отвечает тролль. — Но уж очень ты прост. Недаром тебя Эсбен Простак прозывают. Теперь работник мне больше ни к чему. Нет у меня ни зерна, ни скотины; нечего молотить и сеять, некого пасти. Ступай домой хоть сейчас, вот тебе твоя плата!

— Э, нет! — говорит Эсбен. — Мне и тут хорошо! Да и пока не время службу бросать: весна еще не пришла, кукушка еще не прилетела. Ведь мы так с тобой уговаривались!

— Так-то так! — соглашается тролль.

Остался тролль с глазу на глаз с троллихой. Вот тут-то он взбеленился, тут-то дал себе волю:

— Ну и чертов плут! Скоро он меня по миру пустит! Что делать? — Связал меня по рукам и ногам проклятый уговор! Никак упрямого работника отсюда не выжить. Может, убить его?!

— Сдается мне, знаю я средство извести Эсбена! — говорит троллиха. — Убить его всегда можно. Погоди до завтра! Может, все-таки мы его вокруг пальца обведем. Как кукушка по весне прилетит, так и уговору вашему конец, верно? Весна еще когда придет! А ты поутру вымажь меня дегтем, вываляй в перьях да и посади на большую яблоню. Стану я там куковать, а Эсбен подумает, что кукушка прилетела. Вот и уберется восвояси.

— Ты у меня умница! — говорит тролль. — Будь потвоему!

На том и порешили.

Наутро сидят тролль с Эсбеном за столом, завтракают. Слышат вдруг из яблоневого сада: «Ку-ку! ку-ку! ку-ку!» — на всю усадьбу разносится.

— Слышишь? — спрашивает тролль. — Кукушка прилетела!

— Кукушка? — говорит Эсбен. — Не рано ли? Пойду-ка погляжу да спугну ее.

Выскакивает он в яблоневый сад, хватает камень и прямо в лоб троллихе швыряет. Свалилась троллиха с дерева и шею себе сломала. Поделом ей! Не смогла она Эсбена сгубить.

— Поди-ка сюда, хозяин! — кричит Эсбен. — Ну и чудная же кукушка!

Примчался тролль, глядь — лежит троллиха под яблоней, не дышит. У тролля от злости искры из глаз посыпались. Стал он Эсбена проклинать.

— Ты ведь не разозлился, а, хозяин? — спрашивает Эсбен.

Не вытерпел тут тролль.

— Ах ты, головешка адова! — заорал он. — Еще как разозлился! Просто ума решился! Вот-вот лопну! Ах ты проклятуший! Имение мое разорил, усадьбу чуть не спалил! А что с троллихой сделал?! У-у-у!

Поносил тролль работника на чем свет стоит.

— Вот как ты говорил, вот как недоволен! — сказал Эсбен. — А вспомни-ка, как сам над людьми измывался, над братьями моими, Пером и Пале, да и надо мной тоже. Думал, бедняки за себя постоять не сумеют?

Как размахнется тут Эсбен, как даст троллю!

У тролля и дух вон.

Воротился Эсбен домой к отцу с матерью и к братьям.

И никто больше с той поры троллей до конца дней своих в округе не видывал.

Как Кристоффер из Драгсхольма тролля перехитрил

На острове Зеландия, посреди Драгсхольмского леса, стояла высокая гора. Жил в той горе старый тролль, и наводил он страх на всю округу. И в дневную пору обходили люди это место стороной, а уж в сумерки и вовсе носу туда не казали. Правда, иной раз и выпадала нужда какому-нибудь путнику миновать троллеву гору. Тогда он плевал трижды через плечо и кидал в сторону горы горсть соли. Толкуют в народе, что нет вернее средства от нечистой силы, чем соль. Только и она, видно, не всегда помогает, потому что много народу загубил в том лесу тролль.

Немало лет лютовал он этак, а все ж и ему конец пришел. И одолел его умом да смекалкой крестьянский парень, сын бедной вдовы.

Вот как все вышло.

Звали парня Кристоффер, и жил он с матерью в худом домишке, на лесной поляне, неподалеку от троллевой горы. Скучно они жили, только и богатства было у них, что тощая коровенка, да и той корму не хватало. День-деньской, быва-

ло, режет Кристоффер траву серпом, чтобы запастись скотине сена на зиму. А летом выгонял он корову на лужайку пасти. Только много ль травы на лужайке? Пощиплет корова то тут, то там, а брюхо-то у нее все равно пустое. Уж сколько раз порывался Кристоффер погнать корову подале в лес попасись, да вдова все не пускала. Боялась она, как бы тролль и парня, и скотину не сгубил.

Вот раз послушался Кристоффер матери и забрел с коровой в лесную чащобу. «Зря мать меня троллем пугает,— подумал он.— Его-то небось и в помине тут нет».

Шел он так час, другой — глядь, открылась ему широкая поляна, а на поляне — высокая гора. И трава тут была до того густая и сочная, что любо-дорого поглядеть. Коровенка сразу на траву накинулась, а Кристоффер развалился на лужайке и давай на рожке наигрывать.

Вдруг загулял по лесу ветер, загрохотал гром, гора расступилась — и вылез из нее тролль. А был он до того страшный, что и сказать нельзя. Руки что бревна, борода по земле стелется, голова в тучи упирается. Увидел тролль Кристоффера да как закричит громовым голосом:

— Ты откуда явился?

А Кристоффер ни жив ни мертв стоит и слова вымолвить не может. Насилу-то перевел он дух и отвечает троллю:

— И...и...из д...д...дому...

— А дом твой где?

— Н-н-н-а оп-п-п-ушке...

— А сюда зачем пожаловал?

— Да вот...корову пасти...

Услышал это тролль и вовсе взбеленился. Шипит, урчит, фыркает, ногами топчет, кулачищами трясет.

— Ишь что удумал! — кричит он. — Корову на чужом лугу пасти! Забирай свою скотину да улепетьвай отсюда подобру-поздорову! А попадешься еще раз — на себя пеняй. На куски разорву! За самые тучи зашвырну!

Вытянул Кристоффер корову прутиком по спине, и пустились они оба во всю прыть наутек.

А как вернулся парень домой — стало ему совестно, что тролль на него такого страху нагнал. И надумал он тролля перехитрить.

На другое утро собрался он опять в лес, попросил у матери кусок творога и сунул его за пазуху. А в лесу отыскал он птичье гнездо, схватил там пичужку и тоже за пазуху спря-

тал. Вот пришел он к троллевой горе, погнал корову пасть, а сам на пригорке разлегся и давай на рожке наигрывать.

Вдруг загулял по лесу ветер, загрохотал гром, гора расступилась — и вылез из нее тролль. Увидел он Кристоффера и вовсе взбеленился. Шипит, урчит, фыркает, ногами топчет, кулачищами трясет.

— Опять ты тут? — кричит. — Ну, гляди у меня!

Схватил тролль со злости каменную глыбу да так сжал ее в кулаке, что от нее только горсть песку осталась.

— Вот и тебя я так же раздавлю, коли будешь сюда таскаться да сон мой тревожить! — кричит он Кристофферу.

А Кристоффер и глазом не моргнет.

— Силен ты, да только до меня тебе все равно далеко, — говорит он троллю. — Я вот сожму камень, так от него и вовсе одно мокрое место останется.

Нагнулся он будто бы за камнем, а сам творог потихоньку из-за пазухи вынул и сдавил его рукой что было силы. Сыворотка-то из творога и потекла.

А тролль опять кричит:

— Зашвырну я тебя сейчас за самые тучи, да так, что ты и на землю не вернешься!

Схватил тролль камень, да как швырнет его в небо! Стал Кристоффер считать. Досчитал до ста тридцати двух, и тут камень оземь грохнулся.

— Ловок ты кидать,— говорит Кристоффер троллю,— только камень-то все-таки на землю упал! А теперь гляди, как я кидаю.

Нагнулся парень вроде бы за камнем, а сам потихоньку птичку из-за пазухи вынул и бросил ее вверх. Взмыла пичужка к поднебесью — только ее и видели! А тролль-то со-слепу подумал, что это камень. Он, как и все нечистые, при дневном свете худо видел. Стал тролль считать, а Кристоффер смеется:

— Не трудись. Хоть век считай — не вернется камень на землю.

Призадумался тролль, глазами заморгал. «Эге,— решил он,— а парень-то, выходит, посильней меня!». И говорит он Кристофферу:

— Пойдем ко мне в работники!

— Отчего ж не пойти? — говорит Кристоффер. — Коли плату хорошую положишь — не откажусь.

— Плата тебе будет пять далеров да корм корове на всю зиму.

Ударили они по рукам и сговорились, что явится Кристоффер к троллю на закате солнца. Пришел Кристоффер домой и рассказал матери, что нанялся в работники к троллю. Всплеснула вдова руками, заплакала:

— Что ж ты, сынок, натворил! Или не знаешь: кто к троллю попадет, вовек света белого не увидит и к людям не вернется!

А Кристоффер только посмеивается:

— Ничего, матушка! Авось все обойдется!

Собрал он свои вещички в узелок, надел теплую куртку на меху — единственное отцово наследство — да и пошел себе потихоньку в лес. А тролль уж его дожидается.

— Ну, говори, что делать надо? — спрашивает его Кристоффер.

— Пойдем натаскаем воды из ручья. Кирстен сегодня пиво варить будет.

А Кирстен хозяйство у тролля вела. И была она такая грязнущая да лохматая, что страх брал глядеть на нее. Тролль ее молодой девушкой от отца с матерью к себе в услужение забрал и навеки в своей горе заточил. И хоть прошло уж с того времени триста лет, оставалась Кирстен

все такой же молодой, потому что те, кто у троллей живут, ни на один день не старятся.

Стал тролль по воду собираться и притащил из горы два большущих ведра.

— Вот и ведра,— говорит он Кристофферу.— Одно ты возьмешь, а другое я.

А Кристоффер видит, что ему и порожнее-то ведро не поднять, не то что с водой. Он и говорит троллю:

— Много ль в эти ведра воды наберешь? Давай лучше разом весь ручей домой притащим!

— И то дело! — обрадовался тролль. — Пойду скажу Кирстен.

Отшвырнул он ведро и назад к горе побежал. А потом вернулся и говорит:

— Кирстен не велела весь ручей тащить. Говорит, воды девать некуда будет.

— А я за такой малостью не пойду! — отвечает Кристоффер.— Я-то думал, у тебя и впрямь стоящее дело для меня найдется!

Сунул он руки в карманы, повернулся и прочь пошел.

Совестно тут стало троллю, что нет у него для Кристоффера работы по плечу. Взял он ведра и поплелся к ручью сам. Принес тролль воды и говорит Кристофферу:

— Пойдем на болото, надо торфу для печи натаскать.

Взяли они по плетеной корзине, а в каждую — человек пять упрятать можно. Еле-еле притащил Кристоффер пустую корзину на болото. А там торфу целые горы. Поглядел на них Кристоффер и говорит троллю:

— Чем такую малость тащить, не лучше ли все болото разом уволочь?

— И то правда! — обрадовался тролль. — Сбегаю скажу Кирстен.

Потом воротился и говорит:

— Кирстен не велела все болото тащить. Говорит, некуда ей будет столько торфу девать.

— Ну, тогда я и рук марать не стану,— отвечает Кристоффер.— Я-то думал, у тебя и впрямь стоящее дело для меня найдется.

И опять совестно стало троллю. Набрал он две корзины торфу и сам домой потащил. А Кристоффер руки в карманы заложил и идет себе рядом, посвистывает.

Вернулись они домой, а к тому времени солнце взошло, и тролль спать улегся. Дневного-то света тролли не переносят, и, когда все добрые люди трудятся, они спят.

Кирстен меж тем за прялку села, а Кристоффер рядышком примостился. Спать ему не хотелось — не больно-то он наработался нынче. Вот прядет Кирстен, а волосы ее нечесанные все в прялку лезут. Проведет она рукой по лицу, а на щеках полосы черные остаются. Стал тут Кристоффер над ней насмехаться, а Кирстен рассердилась и говорит:

— Что ты все зубы скалишь? Я-то, было, обрадовалась тебе. Думала, будет с кем словом перемолвиться. Ведь уж триста лет тут ни одной человеческой души не было.

— А ты бы умылась да причесалась, — отвечает ей Кристоффер. — Вот бы я и не стал над тобой насмехаться.

И тут рассказала ему Кирстен, что тролль уж давно к ней сватается, а она ему сказала, что не даст согласия, покуда не умоется и не причешется. Вот и ходит она теперь нечесаная и чумазая, только бы за тролля замуж не идти.

— Ну, тогда придется тебе потерпеть, покуда я с ним не разделаюсь, — сказал Кристоффер.

К вечеру пробудился тролль и велит Кристофферу с ним в лес по дрова идти.

— А топоры где же? — спрашивает парень.

— Топоры нам ни к чему, — отвечает тролль, — я деревья прямо с корнем из земли вытаскиваю.

— И верно, так-то оно лучше, — говорит Кристоффер.

Пришли они в лес и стали деревья выбирать. Видят — большущее дерево стоит, ствол в три обхвата.

— Вот это подойдет, — говорит тролль.

А Кристоффер смеется:

— Этакая лучинка? Ну уж нет, выбирать, так выбирать.

Пошли они дальше по лесу и видят другое дерево. А ствол у него такой, что и шестеро не обхватят. Кристоффер на него и показал: «Вот это возьмем».

— Ты, хозяин, снизу тащи, а я тебе сверху помогать буду, — говорит он троллю.

Обрадовался тролль. «Вот, — думает, — славно! Сразу с двух концов тащить будем. И как это я раньше не додумался?»

Залез Кристоффер на самую макушку, уселся поудобнее на сук и стал звезды на небе разглядывать. А тролль внизу кряхтит-кряхтит, сопит-сопит, никак дерево вытащить не может. Кристоффер на него только покрикивает:

— Ну, веселей, веселей, хозяин! Или силенок не хватает?

Тянет тролль, урчит, фыркает. Дерево уж и скрипит, и качается, а никак не падает.

Кристоффер опять тролля подзадоривает:

— Поднатужься, хозяин! Дело на лад идет!

Озлился тут тролль, поплевал на лапы, примерилея, да ка-ак рванет! Дерево на землю и повалилось. Еле-еле успел Кристоффер с него соскочить.

— Ну, хозяин, с какого конца нести будешь? — спрашивает он тролля. — За корни возьмешься или за верхушку?

— Уфф! — пыхтит тролль. — погоди! Дай сперва хоть отдышаться малость!

А Кристоффер удивляется:

— Ишь ты, а я-то и не умаялся нисколючко!

Сидит тролль на поваленном дереве, никак дух перевести не может. Потом отдышался и говорит:

— Я за корни возьмусь, а ты за макушку. — Ему казалось, что так легче будет.

А Кристоффер с другой стороны забежал, за листья спрятался, сел на сук и кричит:

— Эгой! Взяли, хозяин! Понесли!

Тролль и потащил все дерево. Урчит, пыхтит, из сил выбивается.

А Кристоффер знай себе покрикивает:

— Веселей, хозяин! Не то до свету не управимся!

«Ну и парень! — дивится тролль. — И откуда в нем столько силы?» Под конец не вытерпел тролль и взмолился:

— Передохнуть бы немного!

— Как знаешь, хозяин, — отвечает Кристоффер. — По мне, так хоть бы и совсем без отдыха можно.

Отдыхает тролль и все на работника поглядывает. А тот сидит себе молодец молодцом, точно он и не работал вовсе. И затаил тролль против него лютую злобу. Не любят нечистые, коли кто сильнее их оказывается. Немного погода собрались они идти дальше.

— Теперь-то уж я за макушку потащу, — говорит тролль. — А то тебе, вроде, полегче было.

А Кристоффер забежал с другой стороны, за комель спрятался, сел на сук и принялся песенку насвистывать. И опять тролль все дерево сам потащил. Тащит, надрывает, на каждом шагу спотыкается. Насилу-то добрался он до своей горы.

— Ну и работенка! — отдувается тролль.

А Кристоффер отвечает:

— Что ж, работа как работа. Здоровым парням, вроде нас с тобою, в самый раз.

— А у меня так все косточки ноют. Боюсь, уж не надорвался ли я.

Повалился тролль на постель и заснул как убитый.

Много дней и ночей спал тролль, а Кристоффер меж тем с Кирстен беседу вел и в работе ей помогал.

Наконец проснулся тролль, выполз из горы, а в руке золотую палицу держит.

— Давай позабавимся, — говорит он Кристофферу, — станем эту палицу вверх подкидывать — кто выше?

— Давай, — согласился Кристоффер. — Только не жалко тебе твоей палицы?

— Как так? — удивляется тролль.

— Или забыл ты, как я кидаю? Запущу ее в небо — и поминай, как звали!

Тролль с перепугу даже пасть разинул. Это-то ему и в голову не пришло! Схватил он свою палицу да и уволок поскорей в пещеру. А Кристоффер тому и рад. Ему ведь троллевой палицы и не поднять даже, не то что на небо закинуть!

Немного погода позвал тролль Кристоффера в лес орехи собирать. Взвалили они на спину по корзине, пошли в лес и забрались в густой орешник. Тут приметил Кристоффер неподалеку от орешника высохший ручей, а на дне его полным-полно камешков с орех величиной.

— Давай наперегонки собирать, — говорит он троллю.

— Ладно! — согласился тролль.

Принялись они за дело. Тролль по кустам рыщет, орехи собирает. А Кристоффер набрал полную корзину камешков, сверху орехами прикрыл — и готово!

Подивился тролль, что Кристоффер так скоро с работой управился. Опустил он свою корзину на землю и стоит, ладной пот утирает.

— Гляди, хозяин, пташка-то какая диковинная! — кричит Кристоффер.

— Где, где? — стал тролль во все стороны головой вертеть, чтобы пташку увидеть, а Кристоффер тем временем корзины и подменил. Себе с орехами взял, а троллю свою, с камешками, подсунул.

Глазел-глазел тролль по сторонам, а потом и говорит:

— Никакой я пташки не вижу.

— Так уж она улетела давно! — отвечает Кристоффер. — Ну, ладно, пусть ее. Давай лучше орешков пощелкаем.

— Давай,— согласился тролль.

Сели они на пригорок, корзины перед собой поставили, набрали по горсти орехов и принялись щелкать. Кристоффер скорлупу выплевывает, ядрышками похрустывает. А тролль все зубы обломал — никак ему орешка не разгрызть.

— Ничего, хозяин! — утешает Кристоффер. — Чем скорлупа тверже, тем орех слаще.

Грыз тролль камешки, грыз, а под конец разозлился да как наподдаст ногой по корзине! Так все орехи по земле и рассыпались.

— Не надо мне этой дряни! — закричал тролль. — Высыпай и ты свои!

Вытряхнул Кристоффер из корзины орехи на землю, и пришлось им с пустыми руками домой идти.

Только от этих каменных орешков разболелись у тролля зубы, да так, что он света белого не взвидел. Завыл тролль, заскулил:

— Ой-ой-ой, как больно! Не знаешь ли, Кристоффер, средства от зубной боли?

— Знать-то я знаю, — отвечает Кристоффер. — Только ведь средство это не для слабосильных.

Струхнул тролль. Уж коли сам Кристоффер так говорит, то ему, троллю, и подавно этого лечения не вытерпеть. Работник-то куда сильнее его! Теперь уж тролль это уразумел!

Только боль все не унималась. Совсем невтерпеж стало троллю, и пришлось ему согласиться на лечение. Подвел тогда Кристоффер его к очагу и говорит:

— Набери в рот воды, сунь голову в огонь да и держи, покуда вода не закипит.

Сунул тролль морду в очаг и всю шерсть опалил. Крепился он, крепился, а потом как взвояет! А Кристоффер протачком прикинул.

— Неужто не полегчало? — спрашивает он тролля.

— Зубам-то полегчало, да морду я всю пожег! — кричит тролль.

— Говорил я тебе, что средство это не для слабосильных, — отвечает Кристоффер.

Не впрок пошло троллю этакое леченье. Еще пуще он расхворался и вовсе в постель слег.

Лежал он много дней и все это время думал, как бы ему Кристоффера со света сжить. И надумал он хитростью его

известии. На силы-то свои он больше не надеялся! Потолковал он об этом деле с Кирстен и сказал ей, что хочет работника убить, когда тот спать будет. А Кирстен отозвала Кристоффера в сторонку и говорит:

— Берегись! Троль хочет с тебя, сонного, голову снести! Кристоффер только засмеялся в ответ:

— Что ж, пускай попробует!

Взял он глиняный горшок, надел на него свой красный ночной колпак, положил на подушку и одеялом наполовину прикрыл. Пускай думает троль, что это его голова. А сам под кроватью затаился и захрапел громко, будто спит. Выждал троль время, взял тихонько топор, подкрался к кровати и обухом по горшку хват! Горшок-то и раскололся на мелкие черепки. Заурчал троль от радости и уполз в свое логово. Только на закате приходит к нему Кристоффер и говорит:

— Ну, хозяин, какую ты мне работу назначишь?

Выпучил троль глаза и пасть разинул. А Кристоффер зевает во весь рот и потягивается:

— Что-то худо мне нынче спалось. Дрянь какая-то на голову упала. Или, может, приснилось мне это?

С той поры троль и вовсе всякую надежду потерял. Понял он, что этого парня ничем не проймешь. Лишился троль сна и покоя, все думал, как бы ему работника одолеть. А Кристоффер тем временем сладко спал, вволю ел да баклуши бил.

И вот однажды говорит троль служанке:

— Надумал я, Кирстен, нашего работника до смерти обкормить, чтобы брюхо у него лопнуло. Надо только вывесть у него, какое кушанье он всего больше любит.

А Кирстен побежала к Кристофферу и говорит:

— Троль хочет, чтобы ты до смерти объелся. Ежели спросит он у тебя, какое кушанье тебе больше всего по вкусу, ты говори — каша с молоком. Он сам ее без памяти любит, так, может, он-то скорее от обжорства лопнет.

Спустя день говорит троль Кристофферу:

— Надумал я, братец, пир горой закатить. Попотчую тебя на славу! Тебе какое кушанье больше всего по вкусу?

— Каша с молоком, — говорит Кристоффер.

— Хи-хи-хи! Так ведь и я ее больше всего на свете люблю! — завизжал троль. — Вот уж полакомимся мы нынче! Ты сколько можешь съесть?

— Да уж котла два одолею, — говорит Кристоффер.

Хотя тролль больше одного котла каши зараз никогда не едал, но решил он от Кристоффера не отставать и велел Кирстен четыре котла каши настряпать.

— Гляди только, чтобы каша не рассыпчатая была,— наказал он.— От твердой-то крупы брюхо пучит, авось работник и лопнет скорее.

Отыскал Кристоффер громадный мешок, привязал его впереди, а сверху отцовскую куртку накинул, чтобы не видно было. Явился он к троллю, а тот уж его у котла с кашей дожидается. Завидел тролль, что Кристоффер новую куртку надел, и ухмыляется. Подумал он, что тот ради угощения так вырядился; хочет, стало быть, хозяина уважить.

Сели они у котла. Тролль по одну сторону, а Кристоффер по другую — так, что над котлом только его голова торчала. Тролль кашу уминает так, что за ушами трещит, а Кристоффер ложку до рта не доносит и кашу незаметно в мешок кидает.

— Ну, что, хороша каша? — спрашивает тролль.

— Хороша-то хороша, да мало ее. Мне бы еще котел-другой. А так только зубы разлакомишь.

Напугался тролль, как бы Кристоффер все один не слопал, и еще сильнее на кашу приналег. А Кристофферу только того и надо. Немного погодя отвалился тролль от котла и ложку бросил.

— Уф, ну и сыт я!

— Э, нет! Так не годится! — говорит Кристоффер.— Я-то еще не наелся, так что уж ты, хозяин, поддержи компанию.

Принялись они опять за кашу и ели, покуда ложки до дна не достали. Вдруг как схватился тролль за брюхо, как завопит не своим голосом:

— Ой-ой, не могу больше! Объялся до смерти! Сейчас лопну!

— Да и я, правду сказать, сыт по горло,— говорит Кристоффер.— Только меня-то уж никому не обкормить. Я средство знаю.

— Какое средство? — хрипит тролль.— Говори скорее! Чую, смерть моя близко!

Взял Кристоффер нож, разрезал мешок посредине, из него вся каша и вывалилась.

— Видишь? Я себе брюхо разрезал. Сделай и ты так, а после ешь, сколько душа пожелает.

Затрясся тролль от страха. Где ж это видано, чтобы брюхо самому себе вспарывать?

А Кристоффер его подбадривает:

— Ну, смелей, хозяин! Ей-богу, нисколько не больно! А уж зато легко-то как сразу станет! — Протянул он троллю нож и говорит: — Ты только попробуй, хозяин. Считаю до трех: раз, два, три!

И как только досчитал Кристоффер до трех, пырнул себя тролль ножом в брюхо и разрезал его сверху донизу. Взревел он так, что горы кругом задрожали, упал — и дух из него вон. А Кристоффер закричал:

— Эй, Кирстен! Ступай сюда поскорее! Жених-то твой околел! Теперь ты и помыться, и причесаться можешь.

Натаскали они воды и нагрели ее на очаге. А после засучил Кристоффер рукава и принялся отмывать Кирстен. Мыл он ее, тер и скреб три дня и три ночи. А потом завернул он Кирстен в десять одеял, чтоб не простыла с непривычки, и положил на постель отдыхать. Сперва Кирстен от холода дрожала, а потом мало-помалу отошла, согрелась. Встала она, надела свое красивое платье, что от отца с матерью привезла, и стала такой ладной да пригожей, что Кристоффер от нее глаз отвести не мог.

Собрали они все золото, серебро и драгоценные камни, что тролль хранил, и вышли из горы. Сомкнулась гора за ними, и вход в нее тотчас закрылся, точно его и не бывало никогда.

Шли они, шли лесом и пришли к домишку, где мать Кристоффера жила. Глядят — а домишко-то уж весь развалился и травой порос, и ни одной живой души в нем нету. Ведь Кристофферу чудилось, что он всего месяц у тролля прослужил, а на самом деле — целых пятьдесят лет прошло. У троллей-то совсем иной счет времени ведется. Из родни да земляков Кристоффера тоже никого в живых не осталось. Женился Кристоффер на Кирстен, купили они дом и усадьбу и жили счастливо до самой смерти.

А в троллевом королевстве такой слух прошел: объявился-де среди людей богатырь Кристоффер, и ни один тролль с ним совладать не может. Обуял троллей лютый страх, и сбежала вся троллиная нечисть из тех мест куда глаза глядят.

И с той поры могли люди и днем, и ночью без опаски ходить в Драгсхольмский лес.

Дочь колдуна

Жил на свете бедный сирота, мальчик по имени Андерс. Негде было ему голову приклонить, нечего есть, некуда руки приложить; надумал он отправиться по белу свету, какое ни на есть дело себе приискать.

Вот бредет Андерс бором дремучим, навстречу ему — незнакомый человек. Спрашивает он Андерса:

— Мальй, а мальй, куда идешь?

— Да вот,— отвечает Андерс,— брожу по белу свету; ищу, не подвернется ли служба какая.

— Ступай ко мне в работники,— говорит человек,— мне такой мальчишка, как ты, позарез нужен. Плату тебе положу хорошую: за первый год службы — мешок далеров, за другой год — два мешка, а за третий — целых три. Потому как служить придется ровно три года. Гляди только слушайся меня во всем, даже если что чудным покажется. Бояться тебе нечего. Никакой беды с тобой не случится, покуда из воли моей не выйдешь.

На том дело и сладилось. Нанялся Андерс на службу и пошел за хозяином к нему домой.

Диковинное то жильё скрыто было близ озера, в горе посреди дремучего бора. Кругом ни живой души, тишь да безлюдье.

Люди и звери, птицы и рыбы в те края носа не казали. Хочешь знать почему? Хозяин Андерса был страшный колдун, и властвовал он над всей округой.

Сколько за ним темных дел водилось — не счесть. Человек ли, зверь ли — колдуну все одно было, никого он не щадил. Сказывают, родную дочку не пожалел, спрятал от людей на дне морском. Злодействовал колдун нещадно: кого до смерти губил, кого долгами душил, кого в плен брал.

В подземных его зверинцах каких только зверей, птиц и рыб не томилось! Кормил их колдун в три года раз, а уж измывался над ними вволю.

Поначалу приставил колдун Андерса лесных зверей кормить.

Подивился мальчик, какие они все — волки и медведи, олени и зайцы — тощие да понурые. Накормил он их досыта. Хоть и много было зверей (диковинные зверинцы на целую милю под землей растянулись), Андерс в один день с работой управился.

Похвалил его колдун:

— Молодец!

А на другой день говорит мальчику:

— Нынче на надо зверей кормить. Корм им не всякий день, а раз в три года перепадает. Поди поиграй в лесу; как нужен будешь, покличу тебя.

И стал вдруг колдун непонятные слова бормотать:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Зайцем, малый, обернись.

Обернулся Андерс зайцем и скок-поскок в лес.

И пошла в лесу потеха: охотники стреляют, собаки лают! Ведь в лесу, кроме как на зайца, и охотиться было не на кого, никакого зверя больше не осталось: колдун кого сгубил, кого в подземные зверинцы загнал.

Обрадовались охотники, что хоть заяц в лесу объявился, да все разом за ним и припустили. Сгодились зайцу быстрые ноги! Пришлось ему и от охотников, и от собак побегать. Беспокойная пошла у зайца жизнь!

Но как ни гонялись за ним собаки, как ни стреляли в него охотники — все попусту. Оставался заяц цел-невредим и убегал от охотников все дальше в лес. Понял наконец заяц: псам за ним не угнаться, охотникам его не подстрелить. Успокоился. По душе ему даже пришлось собак да охотников дразнить.

Бегал Андерс, прыгал зайцем целый год, а как настало время, кликнул колдун его домой. И опять пробормотал колдун непонятные слова:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Человеком обернись!

Обернулся заяц человеком.

— Ну как, доволен службой? — спрашивает колдун. — По душе тебе зайцем бегать?

— Да, служба хороша, — отвечает мальчик. — Прежде я так резво не бегал.

Показал колдун Андерсу мешок далеров, что мальчик заработал, и согласился тот служить еще год.

Приставил теперь колдун Андерса лесных птиц кормить.

Каких только птиц у него в неволе не томилось: и орлы, и ласточки, и кукушки, и вороны. И тоже все были облезлые да понурые. Приворожил их колдун и согнал в клетки. Растянулись те клетки на целую милю под землей.

Накормил Андерс и птиц досыта.

Управился он и с этой работой за один день. Похвалил его колдун:

— Молодец!

А на другой день говорит мальчику:

— Нынче не надо птиц кормить. Корм им не всякий день, а раз в три года перепадает. Поди поиграй в лесу; как нужен будешь, покличу тебя.

И стал вдруг колдун непонятные слова бормотать:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Вороном, малый, обернись.

Обернулся Андерс вороном, взмыл ввысь. «До чего хорошо! — подумал он. — Летать вороном куда привольней, чем бегать зайцем; и собакам до меня не добраться. То-то потеха на них сверху глядеть!»

Но покоя ему и в небе не было. Снова поднялась в лесу суматоха: охотники стреляют, собаки лают. Ведь в лесу, кроме как на ворона, и охотиться было не на кого, никаких птиц больше не осталось: колдун кого сгубил, кого в подземные клетки загнал. Потому-то и палили по ворону охотники.

Испугался было ворон: того и гляди, подстрелят. Но скоро приметил, что пуля его не берет. И стал себе летать без опаски.

Летал он, парил вороном целый год, а как настало время, крикнул его колдун домой. И опять пробормотал колдун непонятные слова:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Человеком обернись!

Обернулся ворон человеком.

— Ну как, доволен службой? — спрашивает колдун. — По душе тебе вороном летать?

— Да, служба хороша! — отвечает мальчик. — Не доводилось мне прежде в поднебесье летать.

Показал колдун Андерсу два мешка далеров, что он в тот год заработал. Стояли они рядом с тем, прошлогодним. И согласился мальчик служить еще год.

Приставил теперь колдун Андерса рыб кормить.

Каких только рыб у него в неволе не томилось: и акулы, и лососи, и сельдь, и треска! И тоже все костлявые да понурые. Приворожил их колдун и собрал в свои пруды и садки. Растянулись те пруды и садки на целую милю под землей.

Накормил мальчик и рыб досыта.

Управился он и с новой работой за один день, а утром следующего дня опять пробормотал колдун непонятные слова:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Рыбкой, малый, обернись!

Обернулся Андерс рыбкой — и плюх в речку! Плещется в воде мальчик, весело ему: то на дно нырнет, то наверх всплывет.

Плыл он, плыл, все дальше и дальше. А потом вынесла его речка прямо в море.

Видит Андерс — на дне морском хрустальный замок стоит.

Заглянул в окошко, заглянул в другое: горницы и залы будто зеркало блестят. Убранство в замке богатое. Столы, лавки, поставцы из китовой кости сделаны, золотом оправлены да жемчугом выложены. Полы мягкими коврами устланы, а на коврах пуховые подушки раскиданы. Яркие — будто радуга! То тут, то там диковинные деревья с затейливыми цветами растут. Из улиткиного домика фонтан бьет, струйки водяные вниз падают, о прозрачные раковины ударяются. И всюду звучит дивная музыка!

Но краше всего была в том замке сама молодая хозяйка! Бродит она по хрустальным палатам грустная-прегрустная. Не радуют ее, видно, диковины вокруг; в хрустальные стены, что как зеркало блестят, даже не поглядится, красотой своей не полюбуется.

«Красавицы такой на всем белом свете не сыскать», — подумал Андерс.

Плавает он вокруг замка, в окошки заглядывает, а самого тоска одолевает:

«Превратиться бы мне из жалкой немой рыбешки снова в человека! вспомнить бы те слова, что говорит колдун, когда ворожит!»

Плавал Андерс, нырял, думал да вспоминал, покуда его не осенило:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Человеком обернись!

Едва произнес он эти слова, как снова человеком обернулся, стоит на морском дне.

Спешит Андерс тут в хрустальный замок, подходит к молодой красавице и заговаривает с нею. Испугалась она до смерти! А как услышала его ласковые речи, как узнала, почему очутился он здесь, так и отлегло у красавицы Хельги от

сердца. И рада она радешенька, что больше не одна на дне морском, что с ней вместе пригожий молодец. Андерс-то и оглянуться не успел, как взрослым парнем стал.

Бегут, летят дни в радости да в веселье. И совсем было запямятовал Андерс, что скоро надобно ему к колдуну воротиться.

Напомнила ему об этом однажды красавица Хельга:

— Скоро кликнет тебя колдун обратно домой; хочешь не хочешь, а придется возвращаться: ты в его воле. Только прежде надо тебе снова рыбе обличье принять, а не то живым на сушу не выберешься. Настала пора — должна я тебе открыться. Я — дочка того самого колдуна, которому ты служишь. Хоть и отец он мне, но, честно скажу, злодей беспощадный! Скольких людей сгубил — одна я знаю. И заточил он меня в хрустальный замок, чтоб некому было за людей, за зверей, птиц и рыб заступаться.

Подивился Андерс, что у злого колдуна такая дочка, добрая да красивая. А она и говорит:

— Знаю я средство, как от колдуна избавиться, всех из неволи вызволить. Слушай меня и запоминай хорошенько все, что я скажу тебе. Короли всех окрестных земель задолжали колдуну. О простом люде и говорить нечего, он и вовсе из кабалы у колдуна не выходит. Нынче настала пора королю одного ближнего королевства свой долг колдуну платить. Не уплатит в срок — жизни лишится. А платить ему нечем, точно знаю.

Ты сделай вот что: откажись от службы. Три года ты отслужил и волен теперь от колдуна уйти. Забирай шесть мешков далеров, что за эти годы заработал, ступай в то самое королевство и наймись на службу к тамошнему королю. А как заметишь, что король затужил, значит, настал ему срок долг колдуну платить. Тогда и скажи королю: знаю, мол, какое горе тебя гложет, могу, дескать, выручить, дать денег в долг. А королю и нужно ровнехонько шесть мешков далеров. Но дашь ты деньги королю взаймы с уговором: как пойдет он к колдуну, пусть возьмет тебя с собой, выдаст за шута королевского и позволит тебе впереди себя бежать. А у колдуна будешь вытворять все что вздумается: проказничать, стекла бить. Разгневается тогда батюшка мой, колдун, и призовет короля к ответу за твои шутовские проделки. Придется королю, хоть и заплатит он свой долг, либо три загадки отгадать, либо жизни лишиться.

Сперва спросит у него мой батюшка-колдун:

— Где моя дочка?

А ты стой рядом с королем и отвечай:

— На дне морском!

Тогда он спросит:

— А признаешь ты мою дочку?

— Как не признать! — ответишь ты.

Пройдут мимо тебя девушки гурьбой — все на одно лицо, волос в волос, голос в голос. Самому тебе меня ничем среди них не признать. Тогда я подам тебе знак, как стану мимо проходить. Ты хватай меня тогда за руку и держи крепко, не выпускай. Вот и отгадаешь первую загадку колдуна.

А потом спросит колдун:

— Где мое сердце?

Выходи вперед и отвечай:

— В рыбьем брюхе!

— А признаешь ты ту рыбу?

— Как не признать! — ответишь ты.

Проплывет тут мимо тебя стая рыб — все одна в одну. Самому тебе ничем ту, что надо, не признать. Но я уж буду держаться поблизости и толкну тебя, когда та рыба мимо поплывет. Хватай сразу рыбу да вспори ей брюхо ножом. Тут колдуну и конец! А мы с тобой никогда больше не расстанемся.

Выслушал Андерс советы Хельги и обещал ей все исполнить в точности. А как пришло время ему назад плыть, стал он вспоминать те слова, что говаривал, бывало, колдун, когда ворожил. Хельга тех слов не знала, а Андерс их, видно, начисто позабыл.

Бродил он день-деньской, думал-думал — никак вспомнить не может! И ночью ему не спалось, все думал да вспоминал; чуть забылся Андерс на рассвете, его и осенило:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Рыбкой, малый, обернись!

Едва произнес Андерс слова — обернулся рыбкой и — плюх в воду! Кликнул тут колдун Андерса, переплыл тот одним махом море и речку и вот уж у берега ныряет.

А на берегу колдун стоит и свои непонятные слова бормочет:

Снур-ре! Снур-ре! Снур-ре — випс!
Человеком обернись!

Обернулась рыбка человеком.

— Ну как, доволен службой? — спрашивает колдун. — По душе тебе рыбкой плавать?

— Еще бы не доволен,— отвечает Андерс.— Лучше службы на всем свете не сыщешь!

И сказать по правде — душой он не покривил. Полюбилась ему красавица Хельга, по сердцу пришлась жизнь на дне морском.

Показал колдун Андерсу три мешка далеров, что он в тот год заработал. Стояли те мешки рядом с тремя прежними и было теперь у парня всего шесть мешков золота.

— Может, послужишь еще год? — спрашивает колдун.— Заработаешь еще шесть мешков далеров в придачу. Всего будет у тебя двенадцать. Такое богатство на дороге не валяется!

— Нет! — отвечает Андерс.— С меня и этих денег хватит. Хочу по другим землям побродить, у других людей послужить, их обычаи поглядеть, ума-разума набраться. Может, когда-то вернусь к тебе назад.

— Приходи, коли вздумаешь! — говорит колдун.— Ты верно служил мне три года, как уговорились. А удержать тебя — не в моей воле!

Взял парень свои шесть мешков далеров и пустился в дорогу, в то самое ближнее королевство, о котором толковала его невеста Хельга.

Зарыл он золото в надежном месте, неподалеку от королевского двора, пошел к королю и попросился на службу. Наняли его конюхом, королевских лошадей холить да чистить.

Вскоре заметил Андерс: затужил-загоревал король. Гложет короля горе, гневается он на всех и про веселье забыл.

Приходит однажды король в конюшню, конюх ему и говорит:

— Дозвольте, ваше величество, спросить, от чего печалитесь? Почему гневаетесь и про веселье забыли?

— Что проку толковать попусту, — отвечает король, — все равно ты от меня беду не отведешь.

— Как знать! — говорит конюх. — Может, мне и ведомо, какое горе сердце ваше королевское гложет. Может статься, помогу я вам.

Обрадовался король несказанно и стал конюха расспрашивать: что ему делать да как быть.

— Дам я вам, ваше величество, шесть мешков далеров долг ваш колдуну уплатить, да только с уговором: возьмите меня с собой, как пойдете долг платить. А я выржусь пошешнее, прикинусь королевским шутком и впереди побегу.

Набедокурю я там, напраказничаю. Только вы, ваше величество, не опасайтесь. Беды от того не случится.

— Быть по-твоему! — весело сказал король. — А теперь самое время в путь.

Пришли они к горе в лесу, а там прежнего жилья колдуна как не бывало. Зато вырос на взгорье хрустальный замок, которого Андерс раньше и не видывал.

Но знал он про хитрости колдуна и вовсе не удивился бы, исчезни неожиданно хрустальный замок, как неожиданно он и появился по велению колдуна.

Подошли они к замку поближе.

Прикинулся Андерс королевским шутком и ну проказничать, ну разные скоморошья коленца выкидывать: задом наперед ходит, на голове стоит. А потом вдруг хрустальные двери да окна бить начал и все, что под руку попадет, ломать. Беда да и только!

Колдун чуть не задохнулся от злости. Выскочил из замка зверь зверем и давай короля на чем свет стоит поносить:

— Зачем, такой-сякой, мерзкого шута с собой привел? Голодранец ты этакий, век тебе свои убытки не возместить. И со старым-то долгом еще никак не расквитаешься!

А шут ему в ответ:

— Это мы мигом!

И подносит тут король колдуну шесть мешков далеров, что ему конюх дал. Взял колдун мерку, деньги размерил — все точно сошлось.

Разделался король со старым долгом, получил от колдуна долговую расписку. Только теперь за королем новый долг числился — за убытки, которые шут колдуну нанес. А платить королю нечем.

Говорит тогда колдун королю:

— Загадаю я тебе три загадки. Отгадаешь — твое счастье: прощу тебе долг. Не отгадаешь — ответишь головой.

Делать нечего — пришлось королю согласиться.

— Вот тебе первая моя загадка, — говорит колдун. — Где моя дочка?

А шут вместо короля отвечает:

— На дне морском!

— Откуда ты знаешь? — спрашивает колдун.

— Ее видела там серебристая рыбка, — отвечает шут.

— А признаешь ты мою дочку? — спрашивает колдун.

— Как не признать! Веди ее сюда! — говорит шут.

Махнул колдун рукой, и явились, откуда ни возьмись, девушки, все на одно лицо и все с Хельгой схожи. Но были то

не живые люди, а призраки. Под конец и Хельга показала. А как проходила она мимо шута, ущипнула его тихонько. Чуть не вскрикнул Андерс, да вовремя опомнился. Как схватит он ее за руку! И чувствует, что не призрак то, а живая Хельга.

Пришлось колдуну признать, что первую его загадку отгадали.

— А вот вторая моя загадка! — говорит колдун. — Где мое сердце?

— В рыбьем брюхе! — отвечает шут.

— А признаешь ты ту рыбу? — спрашивает колдун.

— Как не признать! Кликни ее сюда! — говорит шут.

Махнул тут колдун рукой, и поплыла мимо стая рыб — все одна в одну. Но как только показалась нужная рыбка, толкнула Хельга шута тихонько. Схватил он рыбку, вспорол ей брюхо ножом и вытащил сердце колдуна.

Упал тут колдун замертво и превратился в груды камней. Утратили в тот же миг силу все его колдовские чары. Вырвались из подземелий на волю звери, птицы и рыбы и рассеялись по лесам, в поднебесье, в реках, морях и озерах.

А бедный сирота Андерс с красавицей Хельгой вошли в хрустальный замок и свадьбу сыграли. Кого только на той свадьбе не было! Все пришли, кого Андерс от кабалы и неволи избавил.

Избрали люди Андерса своим королем, и правил он мудро и справедливо. И коли Андерс с красавицей Хельгой до сих пор не умерли, так и теперь живут в любви да радости.

Золотое яблоко

Жил на свете богатый купец, и было у него три дочери: Карен, Марен и Метте. Крепко любил купец своих дочерей, а всех больше — младшую. И она тоже души в нем не чаяла.

Вот однажды собирается купец по своим торговым делам в город Копенгаген на ярмарку и спрашивает дочек, какие им гостинцы привезти. Старшая, Карен, попросила купить ей золотую прялку; средняя, Марен, — золотое веретено, а младшая, Метте, подумала и говорит:

— Больше всего на свете, батюшка, хочется мне золотого яблока с той яблони, что я нынче во сне видела. Привези ты мне его!

— Все привезу вам, дочки мои дорогие! — отвечает купец, — в лепешку расшибусь, а добуду!

Поехал купец на ярмарку, расторговался и стал гостинцы покупать. Повезло ему. Купил он для Карен золотую прялку, для Марен золотое веретено, а вот яблока золотого для Метте, как ни старался, нигде не мог раздобыть.

Воротился он опечаленный домой, отдал страшим дочерям гостинцы, а младшей говорит:

— Не достал я, дочка, золотого яблока! Ты уж не будь на меня в обиде!

А Метте ему отвечает:

— Не тужи, батюшка! Беда невелика. Чуует мое сердце, что рано ли, поздно ли, а достанется мне золотое яблоко.

Спустя какое-то время приезжает к купцу незнакомый молодец и сватается к его младшей дочери.

— Нет! — отвечает ему купец. — У нас обычай таков: сперва старшую дочь замуж отдаешь, потом среднюю, а уж потом и младшей черед.

— Ладно, — говорит молодец. — Увезу я с собою твою старшую дочь. Только если она мне чем не угодит, не обесудь — ворочу ее обратно.

Снарядили Карен в путь-дорогу, и вышли все за ворота провожать. А молодец сел с невестой в возок и молвил:

Свет — впереди,
Тьма — позади,
Вослед возку никто не гляди!

Тут они с глаз и пропали.

Очутилась Карен и ее суженый в дремучем лесу. Темно, ни зги не видать. Долго ехали они — и встал вдруг возок перед низенькой кособокой избушкой. Вошли путники внутрь, а там посреди горницы широкое бархатное кресло стоит. Подивилась Карен: откуда в бедном домишке такое богатое кресло? А молодец ей сесть в него велит. Села она — и точно подхватили ее ласковые речные волны. Положила Карен голову на спинку — и точно в лебяжьем пуху утонула.

— Сиживала ли ты когда мягче, девушка? — спрашивает ее молодец.

— Нет, господин, никогда я мягче не сиживала, — отвечает Карен.

Поднес он ей тогда серебряный кубок с питьем. Было это питье сладкое, как мед, крепкое, как вино, студеное, как ключевая вода.

— Пивала ли ты что слаще этого питья? — спрашивает ее молодец.

— Нет, господин, сроду ничего я слаще не пивала, — отвечает Карен.

Вывел тогда ее молодец из избушки, усадил в возок и отвез в родительский дом. На этот раз взял он с собою среднюю дочь. Только с нею все так же, как с Карен вышло. Скоро и она к отцу воротилась.

Настал теперь черед младшей дочери с молодцом ехать. Привез он Метте в лесную избушку, усадил в широкое бархатное кресло и спрашивает:

— Сиживала ли ты когда мягче, девушка?

А Метте ему отвечает:

— Мягкое твое кресло, господин, да только колени моей родной матушки еще мягче.

Поднес ей молодец серебряный кубок с питьем и спрашивает:

— Пивала ли ты что слаще этого питья?

А Метте отхлебнула немного и говорит:

— Сладко твое питье, господин, да только молоко моей родной матушки еще слаще.

В тот же миг избушки как не бывало, и очутилась Метте в королевских покоях, а молодец обернулся пригожим принцем.

И поведал ей принц, что много лет назад была у него невеста, гордячка, каких свет не видывал. Привыкла она к роскоши да к богатству, и все хотелось ей слаще всех пить-есть, мягче всех спать. Разгневался на нее за это волшебник и заточил навеки в своем каменном замке. А принцу повелел жить в лесной избушке, покуда не сыщет он себе девушку простую, скромную, чтобы ее ни мягким креслом, ни сладким питьем не удивить было.

Долгие годы искал принц себе невесту — и ни одна девушка перед мягким креслом да сладким питьем не устояла. А Метте с первого взгляда полюбились ему, только и ее он должен был прежде испытать.

И зажили Метте с молодым принцем в королевском замке в любви и согласии. Раз вышла Метте в сад и видит: меж деревьев золотая яблоня, точь-в-точь такая, какую она во сне видела. Рассказала тут Метте принцу про свой сон и про то, как отец нигде для нее золотого яблока не смог добыть. Тогда сорвал принц с дерева три золотых яблока и говорит:

— Поедем к твоему отцу, отвезем ему яблоки. Пускай увидит, что сон твой сбылся.

А старый купец меж тем тужит-горюет, что любимая его дочь без вести сгинула. Только вдруг видит он: открываются ворота и въезжает в золоченой карете его дочь, а с нею рядом — молодой, пригожий принц. Подошла Метте к отцу, протянула ему три золотых яблока и говорит:

— Вот, батюшка, золотые яблоки. Чуяло мое сердце, что рано ли, поздно ли, а сон мой сбудется.

Обрадовался купец и задал богатый пир. Три дня и три ночи пировали, всех прохожих потчевали, и мне, признаться, тоже кой-чего перепало.

Конек-колченог

Жил-был в давние времена король, и был у него один-единственный сын. А уж пригож был молодой принц! Таких на всем свете больше не сыскать! И сердцем он был добр, и умом не обижен. Одно плохо: очень уж кичился принц своим саном, разумом и красотой! Уродов вокруг себя он терпеть не мог. Подай ему только красавцев да красавиц!

— Как гляну на урода, так мне тошно делается! — бывало, говорил он.

Довелось однажды принцу со своими придворными в отъезде поле охотиться. Стали они станом у самой проселочной дороги и завтракают. И видят вдруг: едет по дороге старик на шелудивом коньке верхом.

Уж до чего был неказист с виду тот старик! И горбатый, и одноглазый, и кривошейей, а одежда на нем бедная да грязная. И лошадь под стать хозяину — конек маленький, брюхатый, косматый да еще хромой на переднюю ногу. Одним словом — кляча крестьянская заезженная!

— Фу! — закричал принц. — Глаза бы мои на это уродство не глядели! Убрать с дороги старикашку поганого вместе с его поганой клячей! Ну и уроды! Из-за них кусок в горло не идет!

Придворные рады стараться — прогнали ездока-оборванца, и вскоре он скрылся из виду.

Но старик-оборванец вовсе не был таким жалким и беззащитным, каким прикинулся. Был он искусный колдун и надумал проучить спесивого королевича, чтоб неповадно ему было над несчастными уродами да над бедняками измываться.

Вскоре снова предстал он перед принцем в обличье кривого старика, тронул его своим посохом и сказал:

— Узнаешь теперь, сладко ли живется такому коньку, как мой! Будь в его шкуре, куда незамужняя принцесса не скажет тебе: «Друг ты мой любезный!»

Только вымолвил он эти слова, как обернулся красавец принц точь-в-точь таким же жалким коньком, что и стариковский. Прежде принц на такого бы и не взглянул!

В замке переполох: пропал королевский сын, и никто не знает, куда он подевался.

А принц тем временем бродил по лесу в обличье понурого конька, ростом с теленка, да винил во всем и бранил самого себя. Понял он наконец: никогда спесь к добру не приводит!

Понять-то понял, да поздно! И что ему теперь делать, он не знал. Идти домой в королевский замок не стоит: все равно никто его там не признает.

Голодный и бесприютный, ходил он по лесу день, ходил другой. А на третий день случилось так, что увидел конька крестьянский паренек Ханс. Подошел к нему мальчик, ласково заговорил, по холке потрепал, вот конек за ним и увязался. Так вместе и пришли они к Хансу домой. А жил Ханс с отцом на лесной опушке.

— Погляди-ка, отец! — сказал мальчик. — Вот тебе новый конек вместо старого, что пал вчера.

— Невелико счастье! — говорит крестьянин, отец Ханса. — Не конек это, а старая кляча. Он и корма-то своего не отработает. Ну да ладно, поглядим! Может, на что и сгодится!

Отвели они конька в конюшню, а наутро запряг его хозяин в плуг, и конек бодро потянул его.

— Я-то думал, что кляча заезженная, — говорит крестьянин. — А конек только с виду дохлый. Корми его хорошенько, может, и будет тогда от него какой ни на есть прок.

Прозвал Ханс своего конька Конек-колченог. И до того он ему полюбился! Кормил Ханс конька, чистил, ласкал и холил. И был конек хозяевам не в тягость — корм свой отработывал.

Вот управился крестьянин с севом и говорит сыну:

— Езжай-ка поутру в город, сходи к кузнецу да вели подковать коньку передние копыта, надо его продать.

Пригорюнился Ханс. Хотелось ему конька себе оставить. Ну да с отцом не поспоришь!

Отправился Ханс в город. Только подковал кузнец коньку передние копыта, глядь — пред Хансом кривой старик появился и спрашивает:

— Не продаешь ли коня?

А Ханс возьми да и пошути:

— Отчего не продать! Только цена ему — две сотни далеров!

— Дороговато за такого-то коня! — говорит старик. — Ну да ладно, по рукам! Вот тебе две сотни далеров!

— Нет! — молвил тогда Ханс. — Продать я конька не смею. Не мой он, отцовский!

— Тогда ступай домой и спроси отца, можно ли конька продать, — сказал старик.

Не по душе пришлись Хансу такие слова. Сел он на конька и поскакал домой. Ни словом не обмолвился Ханс отцу, что мог он за конька две сотни далеров взять.

Немного погодя открылась в городе конская ярмарка. Собрался и крестьянин на торг ехать и говорит Хансу:

— Почисти получше конька, он нынче на ярмарку пойдет!

Затужил Ханс, просит отца:

— Возьми меня, батюшка, с собой!

— Нет, поеду один! — сказал отец.

— Тогда проси за конька три сотни далеров! — говорит Ханс.

— Да ты, никак, рехнулся, малый! Сотня далеров — вот ему красная цена!

Тут Ханс и рассказал, что ему за конька две сотни далеров сулили.

— Простофиля! — закричал в сердцах отец и закатил Хансу оплеуху.

Сел крестьянин на конька и на ярмарку поскакал. Хоть и разозлился он на Ханса, а все ж таки запомнил, что ему сын рассказал.

Обступили крестьянина на торгу барышники, спрашивают:

— Какая коню цена?

— Три сотни далеров! — бойко отвечает крестьянин.

Посмеялись над ним покупщики и говорят:

— Такой-то падали красная цена — сотня далеров, да и то в базарный день.

Но крестьянин стоял на своем и цену не сбавлял.

Под конец явился на ярмарку кривой старик. Не стал он с крестьянином торговаться — сразу выложил три сотни далеров.

Пришел крестьянин пешком домой, выгодной сделке не наладуется. А Ханс плачет да горюет. Ищет его поутру отец, ищет, только паренька и след простыл.

— Побежал, поди, за коньком! — сказала мать.

А Ханс и вправду за коньком побежал.

Разузнал он на ярмарке, что старик, который конька сторговал, уехал за сотню миль от города.

— Богат тот человек несметно, да к тому же и из знатных! — сказали Хансу люди. — Уж не из королевских ли он приближенных?

Мигом собрался Ханс в путь-дорогу. Прошел он за день не один десяток миль и к вечеру добрался до королевского замка. Попросился он там на службу в конюшню. Взяли Ханса в конюхи, но конька своего он в королевской конюшне не сыскал.

И вот однажды видит Ханс: останавливаются на площади перед замком санки, а в них его конек запряжен. Обрадовался Ханс, подошел к коньку, треплет его по холке, ласково поглаживает.

А тут, надо же, случись такое: пробегает мимо меньшая принцесса, совсем еще дитя. Видит она, как Ханс конька поглаживает, и говорит:

— Хочу такую лошадку! Пусть катает меня верхом и на санках. Ладно, Ханс?

— Ясное дело, пусть катает, — говорит Ханс. — Мне ли этого конька не знать! До того он резвый, до того верный, что другого такого не сыщешь.

Побежала принцесса к своему королю-отцу и просит:

— Купи мне ту лошадку!

— Да это ж кляча дохлая! — говорит король. — Бери из моей конюшни любого коня, какой приглянется. Мало тут разве добрых коней?!

А королевна и слышать про другого коня не желает. И так она упрашивала отца, так умоляла, что король под конец согласился и купил ей конька.

— Ухаживай за ним хорошенько, Ханс! — приказала маленькая принцесса.

А Ханс и сам рад!

Холил Ханс конька, кормил досыта, и конек день ото дня все краше да краше становился. А маленькая принцесса каталась на нем и верхом, и на санках и души в своей лошадке не чаяла.

Была у короля, кроме маленькой принцессы, еще одна дочь, сыновьями его судьба обделила. И вот случилось

однажды старшей принцессе рыбу удить. Удила она рыбу, удила да и обронила в воду перстень, что ей в наследство от матери достался. Перстень не простой, а волшебный — счастье он людям приносил.

Затужил король и его старшая дочка. И велел король перстень во что бы то ни стало сыскать. Но перстень так и не нашелся. Приказал тогда король глашатаям объявить: «Кто сумеет перстень отыскать, отдаст тому король в награду полкоролевства и старшую принцессу в жены. А кто возьмется за это дело и не сделает — не сносить ему головы».

Понаехало тут немало князей, графов да всякой знати из своих и из чужих земель. Искали они перстень, искали, многие жизни лишились, но перстень так и не отыскался.

А меньшая принцесса день ото дня любила своего конька все больше и больше. Велела даже его золотыми подковами подковать.

Вот однажды повел Ханс-конюх конька на водопой и видит в воде красивую золотую рыбку. Прыгнул он в озеро, хотел рыбку поймать, да не сумел. На другой день снова повел Ханс конька на водопой. Вошел конек в озеро, брык ногой — и выбросил из воды на берег ту самую золотую рыбку. Отнес Ханс рыбку на королевскую поварню, и все — король, его дочки, придворные и челядь, все от мала до велика, — сбежались на нее поглядеть.

А как разрезали рыбку — видят: лежит у нее в брюхе перстень бесценный.

Сказал тут король старшей дочери:

— Придется тебе Ханса-конюха в мужья взять. Он твой перстень принес.

Принцесса и сама-то, как видно, не прочь. Да и Ханс не отказывался, только сказал:

— Достал-то перстень не я, а королевский конек. Это он золотую рыбку на берег выбросил.

Как услышала это меньшая принцесса, побежала она в конюшню к своему коньку, обхватила его за шею, целует да приговаривает:

— Не хочу, чтоб ты женился на сестрице; пускай лучше за Ханса-конюха выходит. А тебя я никуда не отпущу. Друг ты мой любезный!

Только вымолвила она эти слова — конька словно не бывало! Стоит перед принцессой молодой красавец принц, а принцесса его за шею обнимает.

Поведал ей принц про свои беды, про то, как был наказан за свою спесь и как потом раскаялся. Пошли они к королю и сыграли свадьбу в тот самый день, когда обвенчались Ханс-конюх со старшей принцессой.

Поехал красавец принц с молодой принцессой домой, в отцовское королевство. То-то было радости, как увидели его в живых да еще с красавицей женой! Думать забыл принц про свою спесь. И жил он в любви да согласии с меньшей принцессой долгие годы.

Ханс-конюх тоже жил не тужил со старшей принцессой. А как умер старый король, отошло Хансу все его королевство.

Леший

Было в одном королевстве глухое лесистое болото. Тянулось оно на много миль, и шла о нем в народе недобрая молва. Кто, случись, не забредет туда ненароком — человек ли, зверь ли — сгинет без следа, точно его и на свете не бывало. И прозвали это место «Чертова трясина».

Вот однажды надумал король дознаться, кто это там на болоте затаился и все живое губит. Снарядил он большое войско и велел своим ратникам болото вдоль и поперек исследовать, чтобы ни одна живая душа от них не укрылась. Искали воины, искали и наткнулись на болотного лешего. Диковинное чудище был тот леший. Обличьем с человеком схож, только весь с головы до пят шерстью оброс да глаз у него один посреди лба торчит. Накинулись на него ратники, пока он спал, опутали крепкой железной цепью и поволокли к королю. Обрадовался король. Слышал он, будто хранят лешие в болотах богатства несметные; вот и не прочь он был запустить руку в лешачью казну. Только как ни пытали лешего, как ни выспрашивали его про сокровища — он и слова не проронил.

Тогда велел король посадить лешего в железную клетку за семью дверями и глаз с него не спускать. Еду и питье ему сквозь прутья клетки просовывали, а ключи от замков король всегда при себе держал. И поклялся король страшной клятвой, что немедля отрубит голову всякому, кто лешего из клетки вызволит.

А тут случилось вскоре королю в поход с войском идти — иноземному королю на подмогу. В ту пору ведь много

на свете королей было! Отдал он тогда ключи от клетки своей жене и наказал беречь их пуще глаза, а не то — не сносить ей головы. Королева ключи эти к поясу привесила и ни днем, ни ночью с ними не расставалась.

А был у короля с королевой сынок, хорошенький мальчик-семилеток. Играл однажды принц в саду золотым яблоком, а оно возьми да и прикатись к лешему в клетку. Стал мальчик лешего просить, чтобы он ему обратно яблоко кинул, а леший ему отвечает:

— Не отдам я тебе яблоко, пока ты сам ко мне в клетку не войдешь.

— Да как же мне войти к тебе, когда клетка на замке, а ключи моя матушка всегда при себе носит?

Научил тут леший мальчика, как ему хитростью у королевы с пояса ключи выкрасть. Побежал мальчик к королеве, головушку ей на колени положил и говорит:

— Растрепались у меня кудри, матушка, причеши мне волосы!

Взяла тогда королева золотой гребень и принялась сыну кудри расчесывать. А мальчик тем временем у нее украдкой ключи с пояса снял и в карман спрятал. Воротился маленький принц к пленнику, отомкнул первую дверь и говорит:

— Отдавай теперь мое яблоко.

А леший ему в ответ:

— Отомкни и другую дверь!

Отомкнул мальчик другую дверь, а леший и тут яблоко не отдает, просит третью дверь открыть. Так королевич все семь дверей отпер и взял свое яблоко. Только тем временем леший из клетки выскочил. Протянул он мальчику серебряную дудочку и говорит:

— Коли попадешь когда в беду, подуди в эту дудочку, и я тотчас к тебе явлюсь.

Сказал так леший и убежал обратно к себе на болото.

Увидел тут мальчик, что он натворил, и вся кровь ему в лицо кинулась. Вспомнил он, чем отец пригрозил тому, кто лешего из клетки вызволит. Замкнул тогда мальчик живо все семь дверей, прибежал к матери, головушку ей на колени положил и говорит:

— Опять у меня, матушка, кудри растрепались. Причеши меня!

— Незачем тебе неправду говорить,— отвечает королева,— вовсе у тебя кудри не растрепались.

Однако не стала она сыну перечить, взяла золотой гребень и снова принялась мальчику кудри расчесывать. А он

тем временем незаметно ключи ей обратно к поясу при-
весил.

На другое утро пришли слуги лешего кормить, а его уж и след простыл. Поднялся тут переполох, стали все думать да гадать, как это леший из запертой клетки убежать сумел. А королева сразу смекнула, что не без сынка ее тут дело обошлось. Только она и словечка никому про это не проронила и спокойно стала мужа из похода дожидаться.

А как вернулся король и сказали ему, что леший убежал, пришел он в страшный гнев и закричал на королеву:

— Помнишь, какую я клятву давал? Говори без утайки, кто лешего из клетки выпустил?

А королева отвечает:

— Лешего я из клетки не выпускала, ключей никому не давала, а как он убежал — про то мне ничего не известно.

И рассудил тут король, что раз ключи были королеве доверены, а она лешего не уберегла, значит, с нее и спрос. Повелел он снести королеве голову, и собрались уж было ее на казнь вести.

Но тут выступил вперед маленький принц и во всем отцу повинился. Рассказал он, как закатилось в клетку его золотое яблоко, как научил его леший у матери ключи выкрасть и как потом он на болото убежал.

Отпустили тогда королеву слуги, а принца под стражу взяли. Но не пожелал король, чтобы малолетку сына у него на глазах смерти предали. Повелел он отвести мальчика к Чертовой трясине и оставить его на болоте. Там, дескать, ему погибели ждать недолго, и выйдет, что король свою клятву сдержал.

Привели стражники маленького принца на болото и пригрозили:

— Вздумаешь обратно повернуть — добра не жди!

И побрел королевич по болоту. Идет, с кочки на кочку перескакивает, во мху тропку отыскивает — боится в трясине увязнуть. А кругом глушь да топь, травы высокие, болотные, кустарник колючий. Руки и колени мальчик в кровь исцарапал, платье в клочки изодрал. К вечеру стемнело, и тропки на болоте уж не видать стало. Выбился мальчик из сил и решил на дерево взобраться, до свету там переждать. Стал он по ветвям карабкаться, и тут зацепилось что-то за сук. Оглянулся мальчик, а это дудочка у него из кармана торчит. Он-то о ней и думать забыл. Стал мальчик что есть мочи в дудочку дудеть и лешего звать:

— Леший, леший, помоги мне!

Оглянуться не успел, а уж леший тут как тут. Смотрит на него ласково и говорит:

— Садись, королевич, ко мне на спину!

Вскарабкался мальчик лешему на плечи, шею его коленками зажал, пальцами крепко за его мохнатую гриву уцепился. В тот же миг засосала их обоих трясина и очутились они в подземном дворце. Привел леший мальчика в роскошные покои, смазал ему раны и ссадины целебным снадобьем. А потом накормил, напоил принца и уложил его на пуховую постель, под шелковое покрывало.

Наутро повел леший принца свои подземные владения показывать. Увидел мальчик и сады цветущие, и луга заливные, и поля колосистые. Увидел и табуны коней — гнедых, вороных и арабских скакунов белых. И еще показал ему леший в своих дворцах залы для игрищ рыцарских, палаты оружейные, а в них — доспехи из золота и серебра, пики и рапиры острые, кинжалы из вороненой стали. А потом сказал леший принцу:

В ученье семь лет у меня проведешь —
И счастья по свету искать пойдешь.

И с того дня стал леший мальчика рыцарскому искусству обучать. Всему обучил он принца: и верхом скакать, и мечом разить, и копьём колоть, и из лука стрелять. Стал мальчик бегать быстрее оленя, плавать лучше рыбы. А уж в смелости да силе в целом свете ему равных не сыскать было.

Минуло семь лет — и такой из него ладный да пригожий молодец вырос, что любо-дорого посмотреть.

Тогда подвел его леший к колодцу и говорит:

— Омочи голову водой из этого колодца.

Сделал принц так, как леший приказал, и стали у него волосы будто чистое золото.

А потом надел на него леший простое платье и сказал:

— Теперь отправишься ты по свету счастья искать.

В тот же вечер посадил он принца к себе на спину, и всю ночь неслись они, словно вихрь, через неведомые земли. Над морями ли они пролетали, над горами ли — принц и разглядеть не успел. А как рассвело, опустил его леший на землю в дальнем королевстве и на прощанье сказал:

— Видишь вон там королевский замок? Ступай туда и попросись на службу. Гляди только, никому до времени не открывай, кто ты родом. А куда будешь в простом звании ходить — шапки с головы не снимай, чтобы никто твоих золотых волос не увидал. Что тебе дальше делать, сам уви-

дишь. Одно только помни: понадобятся тебе кони из моих табунов либо ратные доспехи из моих дворцов — пожелай только — и тотчас все пред тобою явится. И какое бы ни загадал ты желание — оно в тот же миг сбудется.

Простился с ним леший и пропал с глаз, а принц отправился в королевский дворец. Попросился он там на службу, и приставили его к королевскому садовнику в помощь — землю копать, деревья сажать, цветы выхаживать. Явился он к садовнику, а тот как закричит на него:

— Шапку долой, когда перед королевским садовником стоишь!

— Не могу я шапку снять, — отвечает принц. — Голова у меня вся в парше.

— Вот незадача! — покривился садовник. — Ну, тогда я тебя и на порог не пущу. Ночуй, коли хочешь, в сарае.

— Что ж, мне и этого довольно, — отвечает принц.

И стал он с той поры в королевском саду работать. Службу свою он нес исправно, и все только диву давались, до чего у него дело спорится. Никому ведь невдомек было, что леший ему помогает. Всадит принц лопату в землю, загадает, чтобы грядка вскопана была, — глядь, а она уже готова. Воткнет он прутик в землю, загадает, чтобы он зацвел, глядишь,

а там уже куст пышный вырос. И все у него точно на дрожжах поднималось. Садовник, бывало, им не нахвалится.

Однажды встал принц рано поутру и пошел в сад, к колодцу умываться. Умылся он, огляделся, нет ли кого поблизости, и снял шапку, чтобы свои золотые кудри расчесать. А тут случилось, что младшая дочь короля как раз в эту пору по саду гуляла. У короля-то три дочери-красавицы были. Вот гуляет младшая принцесса по саду, и мерещится ей меж деревьев какое-то сияние. Сперва подумала она было, что это заря утренняя занимается. А подошла поближе и видит: расчесывает подручный садовника волосы, а от них золотое сияние идет. Только в тот же миг надел парень на голову шапку, и сияние померкло. И после уж не доводилось принцессе его золотыми кудрями любоваться, потому что подручный садовника ни перед кем шапки не снимал — ни перед рыцарями, ни перед принцессами, ни перед самим королем.

Но с того дня стала принцесса к парню приглядываться и увидела, что красивее молодца ей еще ни разу встречать не доводилось. И поняла она, что парень вовсе не тот, за кого себя выдает.

А старшие сестры заметили, что она от парня глаз отве-сти не может, и давай над ней насмехаться:

— Что ты на этого шелудивого засматриваешься? Неужели поприглядней кого найти не смогла?

Однажды гуляют король с дочерью по саду и видят: лежит на траве подручный садовника и спит сладким сном. Не утерпела тут младшая принцесса, подбежала к нему, шапку приподняла и на кудри его поглядела. Стал король ей выговаривать:

— И как это ты не брезгуешь до его парши дотрагиваться?

Только принцессе до отцовских попреков и дела нет. Хоть мельком, а все же полюбовалась она золотыми кудрями парня.

Спустя короткое время задумал король своих трех дочек замуж выдать. Назначен был рыцарский турнир, и велено было герольдам по всем королевствам возвестить: кто в первый день всех рыцарей одолеет, старшей принцессе женихом станет. А в знак того получит он из ее рук золотое яблоко. Кто на второй день победит — тому средняя принцесса в жены достанется. А кто в третий день над всеми верх одержит — младшую принцессу в жены получит. И эти принцессы тоже своим женихам по золотому яблоку подарят.

Вот настал первый день турнира. Со всех королевств съехались рыцари и принцы за старшую принцессу копьа скрестить. А подручный садовника ушел подальше в лес и пожелал там себе вороного коня из табунов лешего и доспехи вороненой стали из его оружейной залы. Надел он доспехи, вскочил на горячего иноходца и поскакал на ристалище.

А там уж сражение насмерть разыгралось. Мечи звенят, копьа сверкают, кони вздыбленные ржут. Иные рыцари на-земь валяются, а иные и вовсе замертво лежат. Сошелся стальной рыцарь грудь с грудью с соперниками и всех, одного за другим, из седла вышиб. Получил он из рук старшей принцессы золотое яблоко и умчался неведомо куда. А яблоко он на всем скаку кинул разодетому щеголю — герцогскому сынку. Тот-то вовсе и не думал в битву ввязываться, а просто пришел на турнир поглазеть.

На другой день съехались принцы и рыцари за среднюю принцессу копьами переведаться. Много в этот день бойцов собралось. Средняя-то принцесса еще краше сестры была, и каждому хотелось счастья попытать.

А подручный садовника ушел подальше в лес и пожелал себе гнедого коня и доспехи боевые из серебра. Обнажил серебряный рыцарь меч и ринулся в битву. И нынче он всех соперников одолел, и досталось ему из рук средней принцессы золотое яблоко. Только и это яблоко он у себя не оставил, а кинул его графскому сынку, которого он еще в начале турнира из седла вышиб.

На третий день за младшую принцессу началось сражение. Была она всех сестер краше, и немало явилось охотников золотое яблоко добыть.

А подручный садовника пожелал в этот день белого арабского скакуна и доспехи ратные из чистого золота. Надел он панцирь, кольчугу и латы, по плечам золотые кудри распустил, взял в руки боевой щит и меч и понесся галопом на поле. И все, кто ни видел его, глаз от него отвести не могли. Никогда еще не доводилось людям таким статным и красивым воином любоваться. А золотой рыцарь на лету мечом рубит, копьем разит, и никто против него устоять не может. И в этот день он над всеми верх одержал и получил из рук младшей принцессы золотое яблоко. Только уж это яблоко он никому не отдал, а зажал его крепко в руке и ускакал с ним в лес.

После турнира созвал король на пир всех, кто награду из рук принцесс получил. А герцогский и графский сынки то-

же во дворец заявились. Показали они гордо золотые яблоки, и обручили их с двумя старшими принцессами. А золотого рыцаря нет как нет, и никто не знает, куда он подевался. Старшие принцессы на своих женихов не нарадуются, а над младшей сестрой насмеваются:

— Куда же это твой золотой рыцарь подевался? Видно, сбежал он от тебя. Ну, да не печалься! У тебя ведь другой жених есть — тот, шелудивый, что у садовника в подручных ходит. Эй, позвать его сюда немедля!

Явился подручный садовника — весь в лохмотьях, шапочка на нем потрепанная, а в руке у него — золотое яблоко.

Тут король на него напустился:

— Ты это яблоко на поле подобрал! Оно не твое!

А подручный садовника отвечает:

— Нет, я его в честном бою добыл. И принцесса теперь моя невеста.

Выступила тогда вперед младшая принцесса, взяла парня за руку и говорит:

— Раз у него мое золотое яблоко, значит, ему и быть моим женихом.

— Стыд и срам! — закричал король. — Золотой рыцарь, наверное, яблоко-то на поле обронил! Он теперь небось ищет его повсюду, оттого и во дворец не показывается! А шелудивый этот — мошенник и самозванец!

Тут и старшие сестры принцессу на смех подняли:

— Ха-ха-ха! Вот потеха-то! Обманулась ты, сестрица! Дурчит тебя этот шелудивый, а ты ему и поверила!

И уж потешались они над ней, глумились и подсмеивались, не знали, чем только ей и досадить. Но принцесса твердо на своем стояла. Она-то узнала в парне того самого золотого рыцаря, что на турнире яблоко добыл.

Прогнал король парня обратно в сарай и повелел дожидаться, покуда золотой рыцарь не объявится. А других женихов он на пир позвал, и отпраздновали в тот вечер обручение двух старших принцесс.

Минул день, другой, а золотой рыцарь все не объявляется.

Король ходит туча тучей, а старшие сестры над принцессой насмешки строят:

— Не приглянулась ты, видно, золотому рыцарю. Выбросил он небось золотое яблоко и сбежал за тридевять земель. Так что быть тебе теперь замужем за этим шелудивым.

Только принцессе до их зубоскальства и дела нет.

— А по мне и он хорош,— отвечает она сестрам.

Вышла принцесса в сад, отыскала там своего нареченного, а он снял перед нею шапку, и его золотые кудри по плечам рассыпались. Опустился он на колени, поцеловал принцессе руку и говорит:

— Тебе не придется стыдиться меня, принцесса. Я такого же королевского рода, как и ты. Это я во всех трех турнирах победил и все три яблока добыл. Но те два яблока я другим отдал; они мне ни к чему. Только тебя хочу я назвать своей невестой, потому что вернее и преданнее тебя на свете и девушки нет. Скоро вся правда объявится, дай срок — и я с честью сяду рядом с тобою за королевский стол.

На другой день собрались высокородные женихи поохотиться. Разрядились они в пух и прах, сели на резвых коней, луки со стрелами взяли. А старшие сестры потехи ради повелели и третьего жениха на охоту снарядить. Призвали они парня, посадили на серого ослика, а в руки навозные вилы дали. Глянули на него старшие принцессы — и чуть животы не надорвали от смеха.

Затрубили женихи в рог и поскакали. Только отъехали немного от дворца — видят, дорога на две стороны уходит. В одной стороне лес зеленеет, а в другой — болото тряское с колючим кустарником.

Знатные женихи к лесу повернули, а подручный садовника на своем осле к болоту затрусил. Там пожелал он себе лук да колчан со стрелами и загадал, чтобы встретились ему без счета олени и зайцы, лисицы и дикие кабаны. Настрелял принц дичины, сколько его осел везти мог, и повернул обратно к дороге.

А у развилки сел и стал других женихов поджидать.

К вечеру видит — едут они обратно, нос повесив. И зайчишки тощего не попалось им в лесу. Глянули знатные женихи, сколько парень дичи набил, и стали его упрашивать, чтобы он им добычу продал.

— Ладно,— говорит парень,— только давайте меняться. Я вам дичь, а вы мне золотые яблоки, что принцессы вам дали. А не то — и хвоста заячьего не получите.

Мялись-мялись женихи, а под конец все-таки согласились. Поделили они меж собой дичь и важно на королевский двор въехали. А подручный садовника на своем ослике ни с чем припелся. То-то посмеялись над ним старшие принцессы!

На другой день опять знатные женихи на охоту собрались. Взял подручный садовника вилы из хлева, сел на осла и вслед за ними потрусил. У развилки герцогский и графский сынки опять к лесу повернули. «Авось,— думают,— нынче нам больше повезет». Только и в этот день удачи им не было. А подручный садовника свернул на болото, настрелял дичи и скоро к развилке воротился.

К вечеру видит он — едут знатные женихи несолоно хлебавши. Поглядели они, сколько парень дичи настрелял, и сызнава с ним торг затеяли.

— Дичь я отдам,— говорит подручный садовника.— Только сперва высеку вас розгами. А не то — и лисьего хвоста от меня не получите.

Долго на этот раз упирались женихи, да что станешь делать? Уж очень зазорно знатым рыцарям с пустыми руками во дворец ехать. Вот они и согласились. Взял парень розги и давай женихов пониже спины сечь! Завопили они не своим голосом. Но все-таки перетерпели они боль, сели кое-как на коней и поскакали во дворец с богатой добычей. Тут их все с почетом встретили, и сам король их за удачную охоту похвалил. А подручный садовника следом приплелся — вилы на плече несет, ослика за узду тащит.

На другой день назначил король свадебный пир во дворце. Только ночью, пред тем как свадьбе быть, прискакали к королю гонцы с недоброй вестью. Напали на королевство морские разбойники. Народ грабят, все кругом огнем жгут. Тут все королевские ратники навстречу врагу двинулись. Пришлось и знатым женихам в поход отправляться. А подручный садовника взял вилы, сел на ослика и следом за войском потрусил.

Дорога войску через болото пролегалла. Стали герцогский да графский сынки осла к самому краю тропы теснить. Свалился ослик в трясины и увяз там по самое брюхо. Барахтается он в болоте, брыкается. И чем больше барахтается, тем больше вязнет. Попросил парень знатных женихов, чтобы они ему на дорогу выбраться помогли, а они ему отвечают:

— И не подумаем! Подыхай себе тут. Засосет тебя трясина, и тогда уж никто на свете не проведает, как мы тебе золотые яблоки отдали и как ты нас розгами высек.

Посмеялись женихи над парнем и вслед за войском ускакали. А как скрылись они из виду, загадал принц, чтобы осел его на твердую землю выбрался, и пожелал он себе белого скакуна и доспехи из чистого золота, те самые, в которых он за младшую принцессу сражался.

Пришпорил золотой рыцарь коня и помчался в самую гущу битвы. Видит он — худо дело. Теснят разбойники королевское войско. Под конец не выдержали ратники короля, дрогнули и побежали. А графский да герцогский сынки, ясное дело, первыми стрелача задали. Тут налетел золотой рыцарь, как буря, на врагов. Колет, рубит, только головы вражки во все стороны летят. Приободрились королевские воины, повернули назад и погнали разбойников прочь. До самого моря враги опрометью бежали. Добрая половина их на поле полегла, а кто уцелел — те мигом на корабли погрузились и уплыли восвояси.

Стали тогда все ратники в один голос твердить, что, кабы не золотой рыцарь, не совладать бы им с врагом. И позвали его в королевский дворец, чтобы он там мог из рук самого короля награду за храбрость получить. А герцогский да графский сынки сразу признали в нем того самого рыцаря, что на турнире золотое яблоко младшей принцессы добыл. Подошли они к нему, поклонились учтиво и говорят:

— Вас уж давно во дворце дожидаются. А мы с двумя старшими принцессами обручены, и, стало быть, вы нам родня. Невеста ваша — девушка хоть куда, только разумом не вышла малость. До сестер-то ей далеко. Ну, посудите сами: вбила она себе в голову, что какой-то шелудивый оборванец на турнире победил, взяла да и обручилась с ним. А он, видно, яблоко нашел, что вы ненароком обронили. Ну, да ничего! Теперь вся правда наружу выйдет и принцесса вам достанется. Да и парня того уж давно в живых нет. Утонул он в болоте.

Выслушал принц молча их речи, и поехали они в королевский дворец. Тут и сам король им навстречу вышел. Ему уж обо всем дали знать. Взял король за руку младшую дочь, подвел ее к золотому рыцарю и усадил их рядышком за свадебный стол, на самое почетное место.

А во время трапезы вынимает принц золотое яблоко, что на турнире добыл, и другое яблоко с королевским гербом, что из родительского дома увез, и подает их своей невесте. Сидит король, дожидается, когда же герцогский да графский сынки свои яблоки вынут? А те пируют, как ни в чем не бывало. Немного погодя вынимает принц еще два яблока, подает их невесте и говорит:

— Золото к золоту! И эти яблоки тоже тебе!

Поглядел король, что на яблоках имена старших принцесс выведены, и понял, что это те самые яблоки, которые они на турнире своим женихам подарили.

— Как к тебе эти яблоки попали? — спрашивает он золотого рыцаря.

Тут золотой рыцарь и открыл, что он и есть тот самый шелудивый оборванец, над которым все во дворце потешались. И рассказал он, как победил на всех турнирах и отдал два яблока другим женихам, а те потом у него эти яблоки на дичь выменяли. И на другой день он тоже всю дичину женихам отдал и выпорол их за это розгами.

Выслушал его речи король и повелел двум женихам-обманщикам прочь из дворца убираться да невест с собою прихватить. А те и рады были сбежать — не знали, куда глаза со стыда деть.

Получил принц в жены младшую принцессу и полкоролевства в придачу. И по сей день живут они счастливо и горя не знают.

Человек-медведь

Жил-был на свете солдат. Служил он королю верой и правдой много лет, а как вышел ему срок, отпустили его на все четыре стороны. Стоит солдат на перепутье и не знает, куда ему податься. В родной-то деревне у него уж никого не осталось. Служба у короля долгая, а за это время вся родня солдата перемерла. Да и от крестьянской работы он давно отвык. «Э, была не была,— решил солдат,— пойду куда глаза глядят, а там видно будет». Забрел он в густой лес, идет по тропке, на деревья поглядывает и думает: «А не удавиться ли мне на первом же суку?»

Вдруг попадается ему навстречу какой-то человек.

— О чем, служивый, задумался? — спрашивает он солдата.

— Да ищу вот сук, на котором удавиться сподручнее. Остался я один на свете, деваться мне некуда и кормиться нечем.

— Удавиться — дело нехитрое, — говорит человек. — Лучшее иди-ка ты ко мне на службу.

— А ты кто таков? — спрашивает его солдат.

— Я черт, — отвечает тот. — Слыхал про меня?

— Слыхать-то слыхал, да связываться с чертом у меня охоты нет. Не пойду я к тебе на службу.

— Да от тебя ничего такого и не потребуется, — говорит черт. — Служить ты мне будешь всего семь лет, а денег получишь без счета. Ну-ка, обернись назад!

Оглянулся солдат и видит: стоит у него за спиной здоровенный медведь на задних лапах. Пасть разинул, зубы оскалил, вот-вот кинется! Приставил тут солдат ружьишко к плечу — бах-бабах! — и уложил медведя наповал.

— Эге, да ты, я вижу, не робкого десятка, — говорит черт. — Такие-то мне и нужны.

Кинулся он к убитому медведю, содрал с него шкуру, выдубил ее и опять солдата спрашивает:

— Ну, так как же, пойдешь ко мне на службу?

Пораскинул солдат умом и решил: «Деваться мне все одно некуда — и так, и так пропадать. Так и быть, пойду служить черту. А там, глядишь, может, и я над ним верх возьму».

— Ладно, черт, каков твой уговор?

— А уговор мой таков, — отвечает черт. — Зашью я тебя сейчас в медвежью шкуру, и не будешь ты снимать ее ни днем, ни ночью целых семь лет. И все это время нельзя тебе будет ни мыться, ни бороды стричь. За это получишь от меня бездонный кошелек. Понадобятся тебе деньги, запусти в него руку и черпай золото полной горстью, сколько душа пожелает. А деньги те куда хочешь трать — пей, ешь, бражничай, в кости играй. Выполнишь уговор — твое счастье, ступай через семь лет на все четыре стороны. А не исполнишь — тогда уж не взыщи. Заберу твою душу на веки вечные.

— По рукам! — говорит солдат.

— Полезай тогда в медвежью шкуру!

Зашил его черт в медвежью шкуру, и стал солдат такой, что страшнее и не придумаешь.

— Ну, прощай, служивый, через семь лет свидимся, — сказал черт и пропал неведомо куда.

А солдат пошел по деревням странствовать. Нелегко ему поначалу приходилось, ведь был он до того страшен, что все его сторонились. В богатых усадьбах его со двора прочь гнали, ночевать не пускали и крошки хлеба не хотели дать. И только бедняки его жалели. И у самих-то есть нечего, а они солдата пригреют, приветят, последним куском поделятся. И за это щедро платил им солдат из своего неистощимого кошелька. И прошел по деревням слух, что объявился в округе человек-медведь. Собою уж больно страшен — нечесан, немыт — а сердце у него, видно, доброе. За приют и ласку сторицей воздает, за каждый ломоть хлеба золотом расплачивается и никому в помощи не отказывает. И повалил к нему валом народ. Многих бедняков он из нужды

вызволил, от долгов спас. И всех он щедро деньгами оделял. Самому-то ему немного надо было. Попил, поел, переночевал на соломе — и ладно.

Так четыре года минуло. Пришел однажды человек-медведь на постоялый двор и попросился переночевать.

— В комнаты я тебя не пущу, — говорит ему хозяин, — уж больно ты страшен. А на сеновале, коли хочешь, ночуй.

— Согласен, — говорит солдат.

Пошел он на сеновал и улегся на сене. А рядом конюшня была. Вот лежит солдат и слышит — кто-то с конюхом разговаривает. Перегородка-то дощатая, и каждое слово слышно. Говорит конюху какой-то старик:

— Вовсе мы обнищали, хоть по миру иди. А тут еще должен я помещику семь сотен далеров. Где их взять — ума не приложу. Коли не отдам в срок, выгонит нас помещик из дому, и негде будет голову преклонить.

— Да неужто помещик обождать хоть сколько-нибудь не может? — спрашивает конюх. — У него-то ведь денег — хоть пруд пруди.

— Просил я его, — отвечает старик. — И слушать не хочет. «Плати, — говорит, — долг, а не то убирайся из дома».

Встал тут человек-медведь, пришел на конюшню и говорит:

— Не бойтесь меня, люди добрые. Слышал я, старик, про твою беду и хочу тебя из нужды выручить.

Поглядел на солдата старый крестьянин и видит: собою человек безобразен, хуже черта, а глаза у него добрые.

— Ты где живешь? — спрашивает солдат.

Крестьянин и рассказал, где его домишко стоит.

— Завтра я приду к тебе и деньги принесу.

Старик и опомниться не успел, а уж солдат обратно на сеновал пошел и спать завалился.

Наутро проснулся он, позавтракал, расплатился с хозяином за ночлег и пошел к старику. А старик на дворе дрова колет:

— Здравствуй, добрый человек, вот я и явился, как обещал, — говорит солдат.

— Милости просим в дом, — отвечает старик.

Вошел солдат в горницу и видит: сидят три девушки за работой. Две, постарше, прядут, а младшая пряжу мотает.

— Соберите-ка на стол гостя попотчевать,— говорит девушкам старик,— он нам денег принес, хочет нас из беды выручить.

— Ни-ни! — отвечает солдат.— Есть я у вас не стану; я и поел и попил на постоялом дворе. А деньги — вот они. Возьми их и отдай помещику долг.

— Тебе небось расписку надо? — спрашивает крестьянин.

— Зачем мне расписка? — говорит солдат.— Я тебе деньги эти без отдачи дарю.

Стал тут старик от радости сам не свой. Не знает, как гостя и благодарить. А солдат спрашивает:

— Эти девушки — дочери твои?

— Угадал ты, дочери, — отвечает крестьянин.

— Ишь какие славные; одна другой краше. Не посватаешь ли за меня которую-нибудь? Человек я холостой, может, скоро и жениться надумаю.

— Да я-то бы с радостью. Только вот как они? Неволить я их не стану.

— Зачем неволить? — говорит солдат.— А ты спрости их.

Тут две старшие дочери разом закричали:

— И спрашивать нечего! Не пойдем за такого страхолюда! Да и грязнющий он, спасу нет! Нет уж, пускай себе дружку поищет.

А младшая, Ингрид, покраснела и говорит отцу.

— Хоть он и не вышел лицом, а видно, что человек добрый. Раз он нас, батюшка, из беды выручил, то я согласна за него замуж идти.

Тут солдат ей отвечает:

— Нет, моя красавица, сейчас я тебя еще в жены не возьму, а вернусь я сюда ровно через три года. Только много за этот срок воды утечет, и может статься, что не признаем мы друг друга. Есть вот у меня кольцо золотое. Я его переломлю пополам; одну половину себе возьму, а другую тебе отдам. А как увидимся через три года, приладим две половинки — и таким путем друг друга признаем.

Простился солдат со всеми и пошел дальше странствовать.

А старшие сестры давай над Ингрид насмехаться. Уж такого, дескать, женишка себе отхватила, что ни людям показать, ни самой поглядеть! Ингрид им на это отвечает:

— Я его и на красавца писаного не променяю. С лица не воду пить, было бы сердце доброе.

Минул срок, и пришел человек-медведь на то самое место, где он семь лет назад с чертом повстречался. А черт уж тут как тут.

— Ну, что, нечистый, не нарушил я уговор? — спрашивает его солдат.

— Нарушить-то не нарушил, да только плохую ты мне, солдат, службу сослужил. Ты все мои деньги на добрые дела тратил, бедный люд из нужды вызволял, и это мне, черту, не с руки. Просил разве я тебя об этом?

— Просить-то не просил, да и запрету вроде тоже не было.

— Твоя правда, — говорит черт. — У меня-то этого и в мыслях не было.

— Ну, так снимай с меня медвежью шкуру долой. Теперь мы квиты, и я тебе больше не слуга.

Заскрежетал черт зубами, завыл от злости, завертелся волчком, да делать нечего. Против уговора не пойдешь. Снял он с солдата медвежью шкуру и отпустил его на все четыре стороны.

Пошел тогда солдат в деревню и взял свои деньги, что еще раньше на черный день припрятал. Раздобыл себе новую одежду, помылся и таким стал молодцом, что хоть куда. А потом купил он возок да пару добрых коней и поехал к своей невесте. Подъезжает он к дому, а навстречу ему отец Ингрид выходит. Только теперь-то солдат совсем другой стал, старик и не признал его.

Поклонился он гостю и спрашивает:

— Что угодно вашей милости?

— Нельзя ли у тебя, хозяин, отдохнуть, коней напоить? — спрашивает солдат.

— Да тут и постоялый двор недалеко, — отвечает старик. — Но уж коли ты моим домом не побрезгуешь, то милости просим.

Вошел солдат в дом и видит, сидят две сестры за прялками, а младшая, Ингрид, пряжу мотает.

— Соберите гостю закусить, — говорит дочерям старик.

Тут две старшие дочки зашептались меж собою:

— До чего же пригожий молодец! И собою видный, и одежда на нем богатая!

Забегали они, захлопотали, наставили всяких кушаний на стол.

А младшая, Ингрид, как сидела за работой, так и с места не двинулась.

— Эти девушки — дочки твои? — спрашивает гость старика.

— Угадал, господин, дочки, — отвечает старик.

— А не отдашь ли мне в жены вот эту? — говорит гость и на Ингрид показывает.

— Нет, господин, я уже просватана, — отвечает ему Ингрид.

— А где же твой жених?

— Да ныне три года минуло, как ушел он, и с той поры никаких вестей о себе не подавал.

— Так он, верно, давно тебя забыл. Нечего тебе его дожидаться, выходи за меня замуж, — уговаривает ее гость.

А Ингрид свое твердит:

— Нет, он непременно вернется, я знаю!

Тут две старшие сестры наперебой зашумели:

— И на что она вам сдалась? Пускай себе сидит да своего страхолюда дожидается. Берите нас в жены, любую выбирайте, чем мы ее хуже?

Только гость на них и смотреть не хочет и опять у Ингрид спрашивает:

— А как же ты своего жениха признаешь? Он, может, теперь совсем другой стал?

— Оставил он мне половинку кольца, — отвечает Ингрид. — У кого другая половинка объявится, тот, стало быть, и есть мой суженый.

— Тогда, выходит, это я и никто другой, — говорит гость, — вот она, половинка-то, у меня!

Обрадовалась Ингрид и жениху на шею кинулась. Созвали они гостей и веселую свадьбу сыграли.

Прикупил себе солдат земли и стал жить припеваючи с молодой женой и ее стариком отцом.

Пер-сквальга

На острове Зеландия, близ озера Арре, жил старый холостяк; звали его Пер, а по прозвищу Сквальга. Досталась ему в наследство богатая усадьба и куча новехоньких далеров. Но был Пер такой жадный, что даже жениться боялся.

«А ну как попадется мне такая жена, что хозяйство вести толком не сможет и все мое имение по ветру пустит!» — думал он.

И еще вбил он себе в голову, что женщины — объедалы заправские. День-деньской только и знают, что едят да едят:

то тут кусок схватят, то там. Не успеешь оглянуться — проедят все твое добро.

Как подумает про то Пер — в дрожь его кидает!

Ну, а ежели с другой стороны взять, так без помощи ему в усадьбе все равно не обойтись, а чертовых работничков кормить-то тоже надо!

Одолели Пера черные думы, и никто никогда не видел, чтоб богатей веселился. День и ночь выискивал он, как бы ему прожить подешевле да тратить поменьше.

Был Пер уже в годах, и ломота в костях докучать ему стала. А присматривать за ним некому. И еще стал Пер к старости поболтать охотник, а словом перемолвиться ему тоже не с кем. Вот и пришло Перу на ум, что не худо бы, может, и жениться. Пускай жена за всем в хозяйстве приглядывает и его, Пера, старость покоит. Только жену надо сыскать такую, чтоб была не обжориста, ела б поменьше, а работала б побольше. Иначе и расчета нет жену брать, очень уж накладно выйдет.

Прослышал один бедняк хусман, что Пер жениться надумал. А была у того хусмана дочка по имени Грете. Вот и стал бедняк дочку улаживать, чтоб замуж за Пера шла да помогла б своим из нужды выбиться. Заупрямилась, было, Грете поначалу. Да и то сказать: ведь старик не бог весть что за находка для молодой пригожей девушки!

А потом подумала Грете про братьев и сестер: «Вечно они голодные сидят! А уж обновки-то и в глаза не видят! Пойду-ка я за Пера. Пускай хоть моим хорошо будет».

Только надо было, чтоб Пер поверил, будто Грете мало ест. Вот и уговорились Грете с отцом, что богачу сказать.

А как дальше было — сейчас узнаете.

Однажды утром проходил Пер-сквалыга мимо хусмановой лачуги и глядит — у обочины Грете гусей пасет. Пасет она гусей и чулок на ходу вяжет, а сама все приговаривает:

— Гуси, милые, вперед! Пасет вас та, что не ест, не пьет!

Заслышал те слова Пер-сквалыга, да так и обмер. Стоит, подслеповатыми глазами моргает и ушам своим не верит.

А Грете знай себе повторяет:

— Гуси, милые, вперед! Пасет вас та, что не ест, не пьет!

— Кто это не ест, не пьет? — спрашивает Пер.

— Да я! — отвечает Грете.

— Слыханное ли дело! Как это ты можешь — не есть, не пить?!

— Дома-то семь голодных ртов, а еды только на шестерых хватает. Вот я и привыкла почти что вовсе без еды обходиться.

— Чем же ты тогда живешь?

— А воздухом! Просверлил отец дырки в столбе, что посреди горницы стоит, вот я и сосу из них воздух. Видно, и воздухом можно жить!

— И не такая уж ты тощая! — сказал Пер.

Откашлялся он и говорит:

— Может, ты слыхала, я жениться надумал. Только нужна мне жена такая, чтоб за всем приглядывала. Девушка ты пригожая и мне по сердцу пришлась. Скажи, хочешь стать в усадьбе хозяйкой?

— Отчего ж не стать! — ответила Грете.

Сыграли они свадьбу, и переехала Грете к богатеему в усадьбу. Поставил Пер-сквалыга столб посреди горницы, провертел в нем дырки, чтоб Грете могла из них воздух сосать и тем воздухом питаться.

Прошло немного времени, и однажды говорит Пер своему работнику Нильсу:

— Сдается мне, будто жена моя раздобрела! Уж не подкармливается ли она случаем в поварне? Как бы мне про это разузнать?

— Вот что, хозяин, — отвечает Нильс. — Подсажу-ка я тебя в дымовую трубу, а ты оттуда в поварню подглядывай, не ест ли Грете там чего?

— Ловко придумано! — обрадовался Пер. — Давай подсаживай!

Подсадил Нильс хозяина в дымовую трубу, уселся там Пер на доске; сидит, будто в люльке.

А тем временем пошел Нильс к хозяйке и говорит:

— Берегись, не ешь ничего в поварне, хозяин в дымовой трубе сидит!

— Ладно! — сказала Грете.

Знала Грете и раньше, что Пер — сквалыга. Только хотелось ей своим помочь. Потому и пошла за него. А как насмотрелась, что богатеи людей своих голодом морит, надумала проучить этого толстосума. Работники да служанки в усадьбе все на ее стороне были. Если б не Грете, вовсе бы они с голоду померли. Она их всех тайком подкармливала.

Вот позвала Грете служанок и велит:

— Наносите сырых дров да зеленых сучьев и подложите их в очаг!

От такого топлива, ясное дело, больше дыму да копоти, чем тепла!

А как смекнул Нильс, что хозяин уж довольно в трубе подкоптился, забрался он на крышу к самому коньку и вытащил Пера на свет божий. Смахивал теперь Пер-сквалыга на копченую баранью ногу; и слова вымолвить не мог, не то чтоб лаяться. Пришлось Перу тут же в постель улечься.

— Ну как, ела она что в поварне? — спросил Нильс хозяина.

— Нет, там она ничего не ела, — ответил Пер-сквалыга. Прошло какое-то время, и опять Пер говорит:

— Сдается мне, Нильс, что Грете еще ядренее стала. Щеки у нее круглые, да и сама она — бочка бочкой, такая дородная да гладкая. Уж не подкармливается ли она чем? Как бы мне про это разузнать?

— Вот что, — говорит Нильс, — может статься, она наверху в клетки разными кушаньями лакомится. Давай распорем большую перину, что в клетки лежит, запихну я тебя туда и снова зашью. А ты дырку в перине проткни и подглядывай. Так и узнаешь, не подкармливается ли хозяйка чем в клетки.

— Ловко придумано! — обрадовался Пер. — Давай распорем!

Зашил работник хозяина в большую перину, а сам пошел к Грете и говорит:

— Не вздумай ничего наверху, в клетки, есть, там хозяин в перине зашит.

— Ладно! — сказала Грете.

Позвала она служанок и велит:

— Выволоките-ка постели из клетки на солнышко да выколотите их хорошенько! А то они давно не проветривались. Лежат там и плесенью покрываются.

Служанки — не будь дуры — тут же смекнули, что к чему. Хохочут, заливаются, а сами постели вниз волокут. А большую перину, хоть она и тяжелая, тоже во двор выволокли. Колотят ее служанки, колотят, что есть сил, а сами песни веселые распевают. Выколотили служанки постели, а потом их опять наверх втащили.

Вызволил Нильс Пера-сквалыгу из перины, а на нем живого места нет: не может ни идти, ни ползком ползти.

— Ну как, ела она что в клетки? — спрашивает Нильс.

— Нет, там она ничего не ела, — стонет Пер.

Пришлось ему опять в постель лечь, и прохворал он целую неделю. Ходит за ним Грете хорошенько, а сама ему выговаривает:

— Послушался б меня, Пер, ел бы, как я ем, вот и был бы здоровехонек.

Прошло немного времени, а как оправился Пер после колотушек, что ему задали, призвал он снова Нильса и говорит:

— Сдается мне, что хозяйка твоя все ж таки чем-то подкармливается. Щеки у нее такие круглые, того и гляди, лопнут. Одним воздухом такого жиру не нагуляешь. Как бы все в точности разузнать?

— Да, задал ты задачу, — говорит Нильс. — Коли она ни в поварне, ни в клетке не кормится и никто никогда не видал, чтоб она ела, ума не приложу, где она прячется. А может, она в погребке подкармливается? Знаешь что, стоит там старая пивная кадка, вот ты и залезай туда и сквозь дырочку, куда втулку вставляют, подглядывай. Так и разузнаешь, не прячется ли она в погребке, не подкармливается ли там.

— Ловко придумано! — говорит Пер.

Залез он в кадку. Нильс накрыл его крышкой, а сам пошел к Грете и говорит:

— Не вздумай ничего в погребке есть, там в пивной кадке хозяин сидит, сквозь дырочку подглядывает.

— Ладно! — сказала Грете.

Позвала она служанок и велит:

— Подогрейте-ка воды да принесите щелоку! Старая пивная кадка в погребке смердит так, что дух захватывает. Вылейте воду со щелоком в кадку сквозь дырочку, пускай стоит кадка да отмокает, покуда чистой не станет.

Расхотались служанки и живо взялись за дело. Налили они в кадку воды и ушли из погреба. Снял тут Нильс крышку с кадки и спас Пера-сквальгу от смерти. А то он чуть было не захлебнулся.

Однако обварили все же хозяина служанки. Пришлось его в постель укладывать, мази целebными смазывать да тряпками перевязывать. Прохворал Пер ровно месяц.

А Грете ходит за ним да приговаривает:

— Не впрок тебе эти поездки — всякий раз хворым домой возвращаешься.

Как соберется, бывало, Пер за женой подглядывать, он и врет ей, что в дальнюю поездку уезжает.

Покуда Пер хворал, у Нильса дома последняя скотина пала. А у Пера стояли в хлеву два жирных вола. Вот и говорит Грете Нильсу:

— Слышь-ка, Нильс, служил ты мне верно; бери этих волов, ступай с ними на ярмарку во Фредериксборг да про-

дай их, а деньги себе оставь или старикам родителям отдай. Очень уж вы обнищали!

Нильс так и сделал.

А Пер-сквалыга стал меж тем во двор выходить. Хоть и больно ему было, а все же ходит по двору, на палку опирается да глядит, как служанки по хозяйству управляют. Зашел он как-то в хлев и хватился тех жирных волов. Заковылял он из последних сил в поварню. А там у огня сидит Грете да присматривает, как бы вода из котла не выкипела.

— Где волы? — спрашивает Пер.

— Я их съела, — отвечает Грете.

— Как это съела, — говорит Пер. — Ты в своем уме?!

— А меня к еде потянуло, — глазом не моргнув, говорит Грете. — Брюхо своего требует. Раньше я себя сдерживала да воздухом кормилась. Но все до поры, до времени!

— Волы мои, волы, — захныкал Пер, — где мои волы? Их можно было продать.

— Я их съела, — опять отвечает Грете, — с рогами и с копытами. Трудненько, правда, было их глотать, но все ж проехало. Беда только, что я не досыта наелась. Правда, осталось у нас еще одиннадцать поросят да двадцать три овцы. Коли не засадишь служанок овец стричь, чтоб шерсть мне горло не щекотала, я их со шкуркой съем.

Как услышал Пер такие речи, потерял он разум да как грохнется оземь. Пришлось его в постель тащить и лекаря к нему звать, но средства от его хвори не нашлось.

Пришел тут конец Перу-сквалыге, похоронили его, и положила Грете тяжелую плиту на его могилу. А что денег на эту плиту пошло! Ох, и разозлился бы Пер до смерти, будь он жив!

Вышла Грете замуж за Нильса, и живут-поживают они до сих пор в радости и веселье.

Откуда птицы-пигалицы пошли

В давние времена стояла на полуострове Ютландия, в приходе Эллинг, старинная мельничья усадьба. Мельник с женой умерли, и досталась усадьба трем их дочерям: Сиссе, Миссе и Киссе. Жили сестры на мельниковом дворе одни, а мельницу издольщику Кристиану внаймы сдавали.

Краше Сиссе и Миссе во всем приходе не было. А кто из них двоих краше был — Сиссе или Миссе, тут уж и вовсе не разобрать.

Спорят, бывало, парни, спорят. Один: «Сиссе краше», другой: «Миссе краше». И кончалось дело потасовкой. Наставят синяков друг другу, да толку все равно мало. Каждый свое твердит.

Третья сестра, Киссе, была не очень-то пригожа. Зато работающая: хозяйство вела, и все у нее в руках спорилось.

А у сестриц ее только и дела, что наряжаться да на красу свою в зеркало любоваться.

Слава о мельниковых дочках за сто миль по округе Венсуссель шла. И столько к ним хороших и ладных парней сваталось, что кумушки со счету сбились. Одним парням красота Сиссе и Миссе по душе пришлась. Другие, что поразумней, работающую Киссе себе присмотрели.

Только Сиссе и Миссе на простых парней даже не смотрели. Приискивали они себе женихов побогаче да познатнее. А Киссе — так та вовсе боялась замуж идти.

И вот затеял однажды сватовство издольщик Кристиан.

Был Кристиан хозяин добрый и мельник толковый. Добывал свой хлеб честно. И все в округе знали: крестьян он не обирает, за помол не дерет и муки не ворует. Таких мельников мало в ту пору было.

Держал мельницу Кристиан три года, наживал добро себе и сестрам, а потом вдруг надумал: «Не лучше ли все деньги в один карман класть? И Миссе мне по душам пришлась. Пойду-ка я посватаюсь».

Пришел он на мельников двор и говорит:

— Надумал я, Миссе, на тебе жениться!

Миссе ему в ответ:

— Ты что, рехнулся? Ступай откуда пришел, знай свое место да поищи себе жену ровню!

Кристиану будто в лицо плюнули. Обозлился мельник, глаза кровью налились, но ни слова не сказал он и вышел.

А в саду Сиссе стоит.

Подумал Кристиан: «Негоже мне без невесты домой возвращаться».

И посватался он к Сиссе.

Сиссе ему в ответ:

— Неужто я за такого, как ты, замуж пойду?

Еще больше обозлился Кристиан и не солоно хлебавши пошел к себе домой.

Вдруг видит — у дверей пивоварни Киссе стоит.

Он и подумал: «Красота сотрется, а сноровка остается. От работающей жены в хозяйстве проку больше».

Взял и посватался к Киссе.

— Спасибо на добром слове! — сказала Киссе и отерла руки о передник. — Рада бы я за тебя пойти, да не могу! Боюсь я!

— Чего ж ты боишься? — спрашивает ее арендатор.

—хлопот с мужем не оберешься, — отвечает Киссе. — Обихаживай его, ублажай, ходи за ним да деток расти. А то еще повадится в харчевню; воротится домой хмельной, того и гляди, поколотит. Нет уж, лучше я в девицах останусь. А то как бы хуже не было.

Так и ушел Кристиан ни с чем. Ходит дома туча тучей, глядит волком. А все-таки видит, что без хозяйки ему никак не обойтись.

Отправился Кристиан на другой двор, и отыскалась там девица, что согласилась пойти за него. И была она ему потом доброй женой.

Вскоре пришел свататься на мельников двор пасторский сын Кристоффер. Был он человек ученый и мыслями все в облаках витал, да только рассудил, что не грех и о земном подумать. А с доброй-то красавицей женой и наука веселее пойдет! К тому же у сестер из мельничьей усадьбы денег, говорят, куры не клюют. Так что покуда можно будет и у них на хлебах посидеть.

Посватался он к Сиссе.

Сиссе ему в ответ:

— Да ты в своем уме? Неужто, по-твоему, я за длинно-рясого замуж пойду? Ты на своих отца с матерью погляди! Отец твой раздобыл что боров. А матушка как щепка тощая! За день и не присядет. То пиво пастору в кружку подливай, то пеленки малым ребятам меняй! Так вот и мается! А чем бы вы все кормились, кабы люди добрые вам гостинцев не подносили? Нет уж, поищи себе жену ровню!

Вышел Кристоффер из горницы, а у дверей Миссе стоит.

— Может, ты со мной обручишься? — спрашивает Кристоффер.

— Нет уж, подожду, когда станешь епископом. Епископшей быть да жить в Ольборге, где все епископы живут, куда ни шло! Только торопись, покуда молод. За старика я ни за что не пойду!

Проглотил обиду Кристоффер и пошел было домой, но повстречалась ему у дверей пивоварни Киссе.

· Посватался к ней Кристоффер, а Киссе ему от ворот поворот, как и Кристиану. С тем он и ушел.

Третий жених был купец Серен с Фладстранна. Слыл Серен купцом обходительным. Покупателям в пояс кланялся, оттого у него и спина согнулась. А покупателям-то невдомек, что он их обвешивает и обходительностью плутни прикрывает. Нажил Серен обманом большое имение.

Прикатил он на мельников двор в карете, расфранченный; карманы битком далерами набиты. Повстречалась ему первой Киссе — чистила она чугуны.

— Ты, верно, служанка, а не хозяйская дочка? — спрашивает купец.

— Не-ет, хозяйская, — отвечает Киссе. — Только нас, дочек, трое, и коли тебе красавицы нужны, так они в горнице сидят.

Пошел он в горницу, а там, и вправду, Сиссе с Миссе рядышком сидят. Надумали они женихам смотрины устраивать и спроваживать тех, кто не по душе придется, вместе.

Поглядел Серен на одну сестру, поглядел на другую, потом отвесил Сиссе поклон и просит:

— Выходи за меня замуж!

Миссе за нее отвечает:

— Ты что, рехнулся? Только и в мыслях у нас, что в твоей поганой лавчонке сыром торговать! Еще что выдумал! Явится какая-нибудь с двумя скиллингами в кармане, а мы перед ней шею гни! Как бы не так! У нас своего добра хватает!

Стал тут купец кланяться, прощения просить. Пятился он к выходу, пятился да и налетел прямо на Киссе. А та с ведром в руках шла в сенях пол мыть. Пришло тут Серену на ум, что проку от Киссе в хозяйстве больше, а доля ее в наследстве не меньше сестриных; может, и жена из нее еще лучше выйдет. Он и посватался.

Отерла Киссе руки о тряпку и говорит:

— Рада бы я за тебя пойти, да боюсь. Нынче-то ты сладко поешь, а вот как запоешь, когда домой хмельной явишься да станешь сапогами в меня швырять!

И отъехал купец ни с чем.

Разнеслась тут молва, что в приходе Эллинг невестятся сестры, до того привередливые и спесивые, что ни один жених им не по нраву.

Прослышал про то граф из замка Дронниглюнн. Был он человек неженатый, вот и решил поглядеть на девиц, что уж столько женихов спровадили.

Разрядился граф в пух и прах и явился со свитой на мельников двор. Провели его в залу, где Сиссе с Миссе сидели. И увидел тут граф, что люди правду говорят: краше девиц ему встречать не доводилось. А уж он-то немало поездил по белу свету!

«М-да,— подумал граф,— одна лучше другой! К которой бы посвататься? Э, да не все ль равно? Посватаюсь к обеим. Кто согласие даст, ту и в жены возьму!»

Пустил он тут всю свою графскую обходительность в ход. Махнул ручкой, шаркнул ножкой. Глядит на сестер, не наглядится, глаз отвести не может, чуть не окосел.

Как выговорился граф, переглянулись сестры, улыбнулись, а Миссе и говорит:

— Господин граф, поди, думают, что честь это для нас превеликая! Но в Дании графов — хоть пруд пруди; еще и познатнее вас найдутся! Но не тужите! Отыщется небось и для вас какая ни на есть завалиющая дворяночка, что метит, бедняжка, в графини. Поговорите с ней!

Выбежал граф из залы как ошпаренный, вскочил на коня и прочь со двора. Сметал он все на своем пути, опрокинул и ведро, что Киссе как раз с водой из колодца вытащила.

— Так это ты третья сестра, что не желает замуж идти? — спрашивает граф.

— Хочу, да боюсь! — отвечает Киссе.

— Ах, чтоб тебя! Не пристало мне домой без невесты возвращаться. Лицом-то ты не больно пригожа, ну да не с лица воду пить! А моей красоты на двоих хватит. Скинь свои деревенские башмаки и иди сюда! Лошадь нас обоих выдержит.

Думала Киссе, думала, а потом сказала:

— Боюсь я! Графы-то, верно, из того же теста, что и другие. Сватать идет — речи что мед, а женится — переменится. Да и не житье простой девушке среди знатных.

Взбеленился граф и отъехал со своей свитой, злющий-презлющий.

А вскоре явился на мельницу герцог, верный слуга короля. Прослышал он, как сватался граф из Дроннинглюнна и как выставили его с позором со двора. Захотелось тут герцогу этому бесталанному графчику нос утереть.

Разрядился герцог в пух и прах, взял с собой преогромную свиту.

Миссе аж глазами заморгала при виде герцога и забормотала:

— Его-то уж можно бы взять в мужья!

— Помолчи! — прикрикнула на нее Сиссе. — Не приста-
ло мне выходить за кого попало, а неужто ты хуже меня?
Пошел в залу герцог и тоже увидел, что люди правду го-
ворят: красота девиц была его герцогскому званию под
стать.

Заговорил тут герцог как по-писаному. Посватался он
и стал ответа ждать.

В этот раз повела речь Сиссе.

— Честь велика, да не очень, — молвила она, — и своя
честь у всякого есть. Не подобает мне выходить за слугу,
хоть и королевского. Сестрица моя думает так же.

Ущипнула она Миссе за руку, а Миссе вздохнула и смол-
чала. На сей раз была она не прочь замуж выйти, но Сиссе
в доме верховодила, и Миссе ей перечить не посмела.

Вскочил герцог на коня — и прочь со двора, только искры
из-под копыт посыпались. Но вдруг углядел он Киссе, что
поила скотину, и мигом осадил коня.

«Вот и третья сестрица! — сказал он про себя. — Не посва-
таться ли к ней? Бесталанному графчику она отказала, так
что согласие ее нынче в цене. Да и девица, видать, самосто-
ятельная! А не приживется при королевском дворе, будет
дома сидеть, деток растить».

Выпрямился герцог в седле и крикнул:

— Эй, девица! Садись на коня! Заживем мы с тобой на
славу! Детки у нас пойдут!

— Боюсь я! — сказала Киссе, а сама чуть не плачет.

— Ну, тогда шут с тобой! Мне жены-трусихи не
надо! — ответил герцог и поскакал домой ни с чем.

Случилось так, что в Венсусселе и в Химмерланне, в Тю
и на острове Морс все люди до единого узнали, как три се-
стрицы графа с герцогом спровадили. И потому-то боялись
теперь женихи к сестрам заглядывать. Долгие годы никто на
мельников двор в приходе Эллинг и глаз не казал.

Киссе тому не нарадуется — только бы не докучали ей
сватовством. Хлопотала она по хозяйству и была добра ко
всем, так что окрестные женщины хвалят ее, бывало, не на-
хвалятся.

А в парадной горнице тихо было — слышно, как муха
пролетит. Там Сиссе с Миссе сидели, женихов поджидали,
неделя за неделей, год за годом. Молодости и красоты у них
не прибавлялось. Засиделись они, и в народе стали погово-
ривать: «Девушки невестятся, а бабушке ровесницы».

Миссе было пожалела:

— Зря не пошли за графа или за герцога.

Но Сиссе молвила спесиво:

— Коли я могу ждять, можешь и ты. Найдется же наконец какой-нибудь жених. За первого пойду я, а потом отыщу мужа и тебе.

Явился наконец сам датский король. Потому что молва о разборчивых невестах с мельникова двора в Эллинге и до него дошла. Правда, прослышал он про них уж тому лет десять назад, когда жива была еще королева. И король не приезжал, чтоб жене обиды не причинить. Но все те десять лет у короля только и думы было, что о красавицах, которые и графа и герцога с носом оставили.

Но вот умерла королева. А как схоронили ее честь по чести, приказал король переправить его на корабле через Большой и Малый Бельт. Оттуда покати он в карете прямо в Ольборг, а потом снова переправился на корабле в Сюннбю. Так что езда заняла немало времени.

Под конец прибыл король в Книвхольт и посылает гонца в Эллинг с наказом: приехал-де король, желает переговорить с высокочтимыми девицами и ждет их к себе.

Гонец привез ответ:

«Ежели король желает с нами переговорить, пусть сам и явится».

— Ах, чтоб вас!.. — в сердцах ругнул девиц король.

Стал он думать, как дальше быть, а потом махнул рукой: «Не поворачивать же назад ни с чем, коли так далеко забрался».

Велел он заложить золотую карету и покати в Эллинг.

Едет король, а народ за ним валом валит. Ведь по всей округе молва разнеслась: «Сам датский король приехал мельниковых дочек сватать!»

Вошел король в залу, где Сиссе и Миссе сидели. Как увидели сестрицы короля с золотой короной на голове и в горностаевой мантии, поднялись они разом и низко поклонились.

Уселся король в кресло, снял золотую корону и на пол ее рядом с креслом поставил. Обмахнул король лоб шелковым платочком, протер очки. Был он уже в летах, да и не в первый раз сватался, так что хотелось ему невест получше разглядеть.

Вдруг король ухмыльнулся:

— Это ж два перестарка! Ну и пигалицы облезлые! Ах, чтоб их!.. Ну да ничего! Стоило поехать за тридевять земель, чтоб своими глазами увидеть, как граф с герцогом обманулись.

Ухмыльнулся король снова, поднялся, надел корону и к двери пошел. А на сестер и не глядит.

На дворе Киссе стояла. Поклонилась она королю низко и пробормотала:

— Сдается мне, я уже не боюсь!

— Ты не боишься, зато я боюсь! — молвил король. — И скажу тебе, голубушка, довелось мне биться и со шведами, и с вендами, и с англичанами; их я не боялся, а тебя — боюсь!

Прыснула тут со смеху вся свита, и король вместе с ней, и укатили все со двора. Только их невесты и видели.

Люди, что сбежались в усадьбу, тоже услышали королевские слова — и ну хохотать. Молва про королевские речи стала переходить из уст в уста. И уже смеялся народ во всем Венсюсселе и еще дальше, в Ольборге, на острове Морс и в Тю, в Виборге и в Рибе. Прокатился хохот через Малый Бельт, и захохотали в Оденсе, на острове Фюн. Большой Бельт — тоже не помеха, и вот уже заливаются остров Зеландия. Дошло до того, что хохотали люди по всей Дании. Задрезжали от смеха оконные стекла мельничьей усадьбы в Эллинге, услышали смех сестры, надулись от обиды; дулись, дулись — и лопнули.

Ей-ей, не вру! Вмиг как не бывало! И с той самой поры никто их больше не видел. Но в народе говорят, что сестры не вовсе пропали: от них болотные птицы — чибисы, которых пигалицами кличут, пошли. Не велики те пигалицы, с голубя величиной; красы в них, что в цапле облезлой. А кричат жалостливо-прежалостливо.

Бывает, бредешь мимо ютландских болот да трясин и слышишь — кто-то жалостно так кричит:

«То-го не хо-чу! Э-то-го не хо-чу!»

И всегда которая-нибудь из пигалиц отвечает:

«А я бо-ю-сь! А я бо-ю-сь!»

Ханс и Грете

На краю деревни, у околицы стоял одинокий покосившийся домишко. Жили там муж и жена со своей единственной дочерью, а звали ее Грете. Жили они в большой бедности, хоть и трудились с утра до вечера.

Грете была девушкой работающей и красивой. Одно нехорошо: не умела она держать язык за зубами. Болтала без

умолку, что надо и что не надо. Да и то сказать: у отца ее с матерью тоже язык без костей был.

В той же деревне была богатая усадьба, и жил в ней молодой красивый парень Ханс. Отец его умер и отказал все свое добро сыну. Жил Ханс с матерью; старушка домовничала, а Ханс всю мужскую работу в усадьбе справлял. Шел Хансу двадцатый год, и жениха богаче его во всем приходе не было. А уж пригож был Ханс! Первый на всю округу красавец!

И немудрено, что девушки по нему сохли. Грете, бывало, тоже на него заглядывалась.

Как-то утром, только рассвело, приходит Ханс на поварню, где стряпала Грете, и говорит:

— Послушай-ка, голубушка Грете! Девушка ты скромная, добрая и очень мне по душе пришлась. Надумал я взять тебя в жены. Только гляди, до поры до времени никому про то не рассказывай.

Боялся Ханс: не проведала бы мать раньше срока, что задумал он сватать девушку из бедных. Хотелось ей невестку побогаче да познатнее. Вот и просил Ханс, чтоб Грете помолчала.

— Спасибо тебе, — отвечает Грете, — уж я-то не проболтаюсь.

Ушел он, а Грете опять взялась за стряпню — молочный кисель к завтраку готовила. Засыпала она в горшок пригоршню-другую муки, развела молоком... Стряпает Грете, а у самой только Ханс на уме. Вот и всыпала она невзначай золу в кисель вместо сахара. Помешивает Грете кисель уполовником, а сама от счастья будто солнышко сияет.

Мать ждала-ждала завтрака, не дождалась и пошла поглядеть, чего это дочка так на кухне замешкалась. Вошла она в кухню, увидела дочкину стряпню да как закричит:

— Ты что это, Грете, делаешь? Для чего золу в кисель сыплешь?

— Ох, матушка, — отвечает Грете, — я от радости себя не помню.

— Чему ж ты так обрадовалась? — спрашивает мать.

— Был тут Ханс, сказал, что возьмет меня в жены, да только с уговором, молчать про то до поры до времени.

— Ну, уж мы-то не проболтаемся, — говорит мать. — Вот счастье привалило!

Стала она сама кисель уполовником мешать и вовсе горшок опрокинула.

И отец ждал-ждал завтрака, не дождался и пошел поглядеть, чего это дочка с матерью на кухне замешкались. Входит он в кухню и видит: горшок опрокинут, а кисель весь по столу разлился.

— Что это вы тут настряпали? — спрашивает хозяин.

— Ох, батюшка, мы от радости себя не помним! — в один голос отвечают мать с дочерью.

— Чему ж вы так обрадовались? — спрашивает отец.

— Был тут Ханс, сказал, что возьмет Грете в жены, да только с уговором: молчать про то до поры до времени.

— Ну, за этим дело не станет! — говорит хозяин.

На радостях он и про завтрак забыл. Вышел во двор и давай коней своих задом наперед в телегу впрягать. А мимо как раз Ханс проходил. Увидел он, что хозяин выделывает, и дивится:

— Ты зачем коней мордой к телеге ставишь?

— Ох, Ханс, — отвечает отец, — я от радости себя не помню.

— Чему ж ты обрадовался? — спрашивает Ханс.

— Как чему? Ты ведь сказал, что хочешь взять нашу дочку в жены? — удивился и хозяин.

Разозлился тут Ханс и говорит:

— Да, хотел, а теперь свои слова назад беру. Не сумела она держать язык за зубами, пусть на себя пеняет.

Пошел Ханс своей дорогой, а Грете ни с чем осталась.

С той поры Ханс к ней и носу не казал.

И вот дошел однажды до Грете слух, будто посватался Ханс к дочке богатого хуторянина и в воскресенье будет оглашение в церкви. В воскресенье Грете говорит матери:

— Схожу-ка я нынче в церковь, перекинусь словечком с моим суженым.

Вошел Ханс со своей невестой в церковь, а Грете улучила время, отозвала его в сторону и шепчет:

— Хоть и покинул ты меня, а я тебя из сердца не выкинула.

Видит невеста, что какая-то девушка с ее женихом шепчется, и ну Ханса выпрашивать:

— Кто да что? И чего это она тебе на ухо шептала?

— Да одна тут,— отвечает Ханс,— обещался я взять ее в жены, коли она про то до поры до времени не проболтается, а она не сумела держать язык за зубами.

— Слыханное ли дело? — усмехнулась невеста. — Неуж-то она помолчать не сумела! Кто ее за язык тянул? Я семерых женихов обманула и никогда ни одной живой душе ни единым словом про это не обмолвилась. Вот только сейчас ненароком с языка слетело.

Как услышал такие слова Ханс, как пустится бежать! Только невеста его и видела.

Рассудил потом Ханс: «Все же Грете — девушка скромная и работящая».

Пожились Ханс с Грете и жили долго и счастливо.

И теперь еще живут, коли не умерли.

Санний поезд

Жил-был в старину один датский король. А как звали короля — никто теперь уже и не помнит. Сказывают только — была у того короля одна-единственная дочка.

Всем взяла молодая принцесса — и умом, и красотой, и добрым нравом. Только вот беда: печальней ее на всем свете не было. Не засмеется, бывало, принцесса, не улыбнется даже — что хочешь делай!

День-деньской плачет да горюет, хмурится да кукуется. Так и прозвали ее — принцесса Кукса.

Сам-то король был человек веселый. Однако, глядя на дочь, и он сам не свой стал: брюзжит, ворчит, все-то не по нем. И то сказать: детей у него — одна дочка. Значит, ей и королевой после него быть. А как ей государство доверить, когда она только и умеет, что плакать да вздыхать. Не ровен час — и вовсе от печали умрет!

Испугался король и объявил: «Всякий, кто рассмешит принцессу, получит ее в жены и полкоролевства в придачу».

Отыскалось тут немало охотников счастья попытать. Как только не потешали они королевскую дочь, как не веселили! И притчи сказывали, и загадки загадывали, и пели, и плясали. А все зря! Принцесса и не улыбнется. Так и отъезжали все женихи со двора не солоно хлебавши.

До того нагляделся король на эти потехи, до того наслушался разных шуток-прибауток, что ни видеть, ни слышать их больше не мог. А пуще всего надоела ему родная дочка. Как ни веселили ее, как ни потешали, она все плакала да кукусилась.

И вот, чтоб поменьше докучали ему бесталанные женихи, издал король новый указ:

«Всякий, кто рассмешит принцессу, получит ее в жены и полкоролевства в придачу. А не рассмешит — горе ему! Окунут его в смолу, вываляют в перьях и прогонят с позором со двора».

Женихов сразу поубавилось. А принцесса как была, так и осталась Кукса.

Жил в той самой стране один человек, и было у него три сына: Педер, Палле и Еспер, по прозвищу Настырный.

Жили они в глуши, так что немалый срок прошел, покуда они про королевский указ прослышали.

Смекнули тут братья разом: «Счастье само нам в руки идет. Всего-то и дела — принцессу рассмешить!»

«Уж я-то в забавах толк знаю», — подумал Педер и тут же собрался счастья попытать. Дала ему мать на дорогу котомку со всякой снедью, а отец — кошелек с далерами.

Идет Педер путем-дорогою, а как дошел до курганов Ос, что меж Северным морем и Лимфьордом, глядь — идет навстречу ему старушка, бедная, в лохмотьях, саночки за собой волочит.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлеба да скиллинг на бедность?

— Ишь чего захотела, старая карга! — обозлился Педер. — Хлеба и денег у меня самого в обрез, а путь еще не близкий!

— Не будет тебе пути! — молвила старушка.

Махнул Педер рукой на старушкины речи.

«Пусть ее, старая ведьма, болтает!» — подумал он.

Шел Педер, шел, близко ли, далеко ли, пришел наконец на королевский двор и говорит:

— Зовут меня Педер, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королю и его дочке свое искусство показывать. А умел Педер самые потешные на свете песни петь. Крепко он на них надеялся, когда в замок шел. Пел он теперь эти песни, пел одну за другой. А толку — ни на грош! Хоть бы улыбнулась принцесса. Окунули тут Педера в смолу, вываляли в перьях и прогнали с позором с королевского двора.

Добрую четверть постного масла извела мать, покуда смолу с Педера смыла.

«Педеру не повезло, авось Палле счастье улыбнется», — решили старики.

Собрали они Палле в дорогу. Дала ему мать котомку со снедью, а отец — кошелек с далерами. Отправился и он в путь-дорогу; и ему у курганов Ос старушка с саночками повстречалась.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлебца да скиллинг на бедность?

Но и Палле отговорился и ничего ей не дал.

— Не будет тебе пути! — молвила старушка.

Махнул рукой на старушкины речи Палле.

«Пусть ее, старая ведьма, болтает», — подумал он.

Шел Палле, шел, близко ли, далеко ли, пришел наконец на королевский двор и говорит:

— Зовут меня Палле, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королю и его дочке свое искусство показывать. А умел Палле самые потешные небылицы плести. Плетет он, бывало, свои небылицы, плетет, все кругом со смеху помирают. Вот и теперь, как стал он сказывать, сам хохочет, король хохочет, а принцесса только от скуки позевывает.

Отпотчевали тут Палле так же, как и Педера: окунули в смолу, вываляли в перьях, и вернулся он домой — глядеть жалко.

А Есперу хоть бы что! Не боится он, что и его участь братьев постигнет. Заладил одно:

— Пойду на королевский двор принцессу смешить!

— Эх, дурень ты горемычный! — сказали отец с матерью. — Неужто, по-твоему, ты удачливее братьев? Куда тебе до них! И песни они поют, и небылицы плетут. А с тобой — один грех! Ничего-то ты не умеешь, только на потеху себя выставишь!

— Этого-то мне и надо! — обрадовался Еспер.

Отговаривали его старики по-всякому, только Еспер знай свое твердит:

— Пойду на королевский двор принцессу смешить!

Что тут делать? Дала ему мать черствых корок на дорогу, а отец — денег малость. С тем он и в путь отправился.

Вот идет себе Еспер, притомился, и захотелось ему отдохнуть.

Уселся он у обочины дороги близ курганов Ос, черствые корки грызет. А тут, откуда ни возьмись, старушка. И саночки за собою волочит.

— Здравствуй, добрый человек! — говорит старушка. — Не подашь ли хлебца да скиллинг на бедность?

— Бери, бабушка, на здоровье!

Отдал ей Еспер все корки, какие остались, да половину денег.

Поела старушка и спрашивает:

— Куда идешь, добрый человек?

— К королевскому двору иду, — отвечает Еспер. — Надо принцессу Куксу рассмешить, тогда мне ее в жены отдадут.

— А придумал ты, как ее потешать будешь? — спрашивает старушка.

— Нет! — говорит Еспер. — Ну да не беда, придумаю! Люди-то все и так надо мной смеются, а принцесса, чай, тоже человек!

— А не лучше ли будет, коли я тебе помогу, как и ты мне помог? Бери мои санки! Видишь, сзади на них резная деревянная птичка? Так вот. Только сядешь в санки да скажешь ей: «Чик-чирик, пташка!» — санки и помчатся по дороге. Потому что санки эти не простые, а самоходные. Скажешь: «Тпр-ру!» — они и станут. А тронет кто санки, птичка встрепенется и закричит: «Чик-чирик! Чик-чирик!» Прикажешь: «Держи крепче!» — и кто бы ни был в санках — не оторваться ему от них, покуда не скажешь: «Отпусти!» Приглядывай хорошенько за санками, чтоб их никто у тебя не украл. Уж с ними-то навверняка ждет тебя удача!

— Спасибо, бабушка, за подарок! — поблагодарил Еспер старушку, уселся в санки и крикнул: — Чик-чирик, пташка!

Понеслись тут санки-самоходы по проселочной дороге, словно мчала их пара лихих коней. Глядят люди вслед, дивятся — не надивятся. А Есперу будто и дела нет, будто и не привыкать ему так ездить.

Мчатся санки по проселочной дороге, не останавливает их Еспер. Лишь поздно вечером повернул он на постоянный двор — ночевать. Санки взял с собой в горницу, привязал их крепко-накрепко к постели. Санки-то резвые да скорые, того и гляди, сбегут!

Люди на постоялом дворе видели, как лихо подкатил Еспер к воротам, и долго удивлялись такому чуду. Но пуще всех разобрало любопытство трех служанок.

Очень уж хотелось им самоходные санки разглядеть. И вот ночью, только Еспер заснул, встает одна из служанок и тихонько в горницу пробирается. Подкралась она к санкам, нащупала их, и тут:

— Чик-чирик! Чик-чирик! — встрепенулась и закричала птичка. Вмиг проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

И вот уже служанке от санок не оторваться. Стоит, с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и опять заснул.

Немного погодя прокралась в горницу другая служанка и тоже — хватъ санки!

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

И вот уже вторая служанка с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и снова заснул.

Служанки на постоялом дворе были одна другой любопытней. Под конец и третья служанка не выдержала, прокралась в горницу и тоже — хватъ санки.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Проснулся Еспер и приказывает:

— Держи крепче!

Стоят все три служанки, с места двинуться не могут.

Спозаранку, покуда на постоялом дворе еще не проснулись, выволок Еспер санки на дорогу. И пришлось служанкам, хочешь не хочешь, следом тащиться, а они в одних ночных рубахах!

— Чик-чирик, птичка!

И покатили санки по проселочной дороге, а горемычные служанки бегут что есть духу следом. Щеки у них от стыда

пылают, слезы градом катятся: в одних рубашках при всем честном народе предстали.

Ехал Еспер, ехал, попадаетея ему по дороге церковь. А пастор с пономарем как раз идут туда службу отправлять.

Увидели они чудной поезд, крестятся!

— Эй вы, бесстыжие! Бегаете за парнем, да еще в одних рубашках! — крикнул пастор служанкам.

Схватил он за руку ту, что позади всех бежала, и тянет ее прочь.

Но не тут-то было!

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

И уж не разжать пастору руки. Пришлось ему следом за служанками бежать.

— Господи, помилуй нас! Ваше преподобие! — заорал пономарь. — Куда вы? Да и не пристало в ваши лета да при вашем-то сане за молодыми служанками гоняться!

Подбегает пономарь к санкам и хватается за пасторскую ризу.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

Пришлось и пономарю вместе со всеми по дороге бежать.

Подъехали санки к кузнице. Кузнец только-только лошадь подковал и в правой руке еще кузнечные клещи держит, а в левой у него — пучок сена, которым он лошадь подкармливал.

Мчатся мимо санки, полощется по ветру пола пономаревой рясы. А кузнец был малый веселый. Как увидел самоходный поезд, захохотал во всю глотку и цап клещами пономаря за полу.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

— Держи крепче! — приказал Еспер.

Пришлось и кузнецу бегом за пономарем пуститься, а пучок сена за ним следом волочится.

Летят санки по дороге, навстречу им — гусиное стадо. Увидали гуси сено, крылья распустили, бегут к санкам, с ноги на ногу переваливаются, и ну сено щипать.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — крикнула птичка.

Пришлось и гусям от других не отставать; сколько ни шипели, сколько ни гоготали — толку мало. Бегут следом, с ноги на ногу переваливаются.

Долго ли, коротко ли ехали, а подъехал санный поезд

к королевскому двору. Завернул туда Еспер со всей своей свитой.

Трижды объехал потешный поезд вокруг замка. Что тут было! Шум на всю округу!

Служанки в одних рубахах голосят что есть мочи; пастор в полном облачении молится и стонет; пономарь не своим голосом воет и ревет; кузнец хохочет и чертыхается; гуси гочут и шипят.

На шум сбежалась вся челядь из замка, пришлось и королю с принцессой выйти поглядеть на Еспера со свитой. Ну и хохотал король, даже икать стал. А как взглянул на дочку — глазам не верит, хохочет принцесса Кукса, да так, что слезы у нее по щекам градом катятся.

— Тпр-ру! — приказал Еспер, и санки-самоходы стали.

— Отпусти! — снова приказал Еспер Настырный.

Пустились тут бежать без оглядки гуси и кузнец, пономарь и пастор, а под конец — все три служанки.

Взбежал Еспер к принцессе на крыльцо и говорит:

— Ага, рассмешил я тебя! Теперь ты моя!

Вот так и взял себе в жены Еспер, по прозвищу Настырный, принцессу Куксу да еще полкоролевства в придачу получил. А после смерти старого короля досталось ему и все королевство.

Вау-вау

Жила в округе Венсюссель бедная крестьянская семья. Хозяин умер, и осталась вдова с кучей ребятишек мал мала меньше. Недаром ведь говорят: «У богача — деньги, у бедняка — дети». И раньше-то они кое-как перебивались, а как не стало хозяина, — и вовсе обнищали. Вот однажды и говорит вдова старшему сыну Пелле:

— Сходи, сынок, к пастору. Авось подаст он нам чего-нибудь на бедность.

А пастор в той округе враждовал с помещиком и ни в чем ему уступать не хотел. Пришел Пелле к пастору, а тот его спрашивает:

— Ты у помещика был?

— Был, — отвечает Пелле.

— Ну и что же он тебе на бедность дал?

А Пелле не будь дурак и скажи:

— Дал мне помещик ржи мешок да окорок свиной.

— Вон что! — говорит пастор. — Ну, так и мне от него отставить негоже. — И велел выдать Пелле два мешка ржи и два окорока в придачу.

Воротился Пелле домой и накормил мать с детишками досыта. Только ртов-то ведь в доме много! Скоро все припасы у них вышли, и опять приспела нужда Пелле за милостыней идти. Явился он теперь уже к помещику, а тот его спрашивает:

— Ты у пастора был?

— Был, — отвечает Пелле.

— Ну и что ж тебе скряга дал? Небось шиш с маслом?

— Да нет, — говорит Пелле, — дал мне пастор два мешка ржи да два окорока.

— Ишь как расщедрился! — удивился помещик. — Ну так и мы не хуже его. — И приказал выдать Пелле четыре мешка ржи да четыре окорока.

Хоть и надолго хватило им теперь еды, а все же и эти запасы они приели. Тогда Пелле говорит матери:

— Надоело мне, матушка, побираться. Да и не дело это. Отправлюсь-ка я лучше по свету искать счастья. Авось и хозяином стану. Тебя на старости пригрею, братишек да сестренек в люди выведу.

Напекла ему вдова лепешек, надел он на спину котомку, взял в руки палку и отправился в путь-дорогу. Шел он лесом весь день, а к вечеру проголодался и присел на пенек закутить. Вдруг видит — идет по тропинке старуха с клюкой. Подошла она к нему поближе и говорит:

— Вечер добрый, паренек! Не дашь ли и мне чего на ужин?

— Как не дать, — отвечает Пелле, — садись, бабушка, все, что есть, пополам разделим.

Вот ужинают они, а старуха его спрашивает:

— Далеко ли идешь, сынок? Куда путь держишь?

— Брожу по свету, счастья ищу, — говорит Пелле. — Дома у меня мать да сестренки с братишками голодные сидят. А сейчас надо куда-нибудь на ночлег проситься. Дело-то к ночи!

— Вижу я, сердце у тебя доброе, — говорит ему старуха. — О матери и детишках душой болеешь, со мной последним куском поделился. И за это не придется тебе далеко за счастьем ходить. Как выйдешь из лесу, свернешь на дорогу — постучись в первый дом по левую руку. Только перед тем, как войти, отыщи под дверью серый камешек и положи его в карман. А войдешь в горницу — норови хозяевам за зло лаской отплатить. Что бы ни говорили они тебе, ты отвечай им: «Спасибо» — и только! А как улягутся все спать,

проберись тихохонько к очагу, разгреби золу да и спрячь камешек в жар.

— Спасибо тебе, бабушка,— говорит Пелле.— Все сделаю, как ты велела.

Вышел он из лесу, свернул на дорогу и увидел по левую руку большой красный дом. Взошел он на крыльцо, поднял из-под двери серый камешек, сунул его в карман и постучался.

А в доме этом жил богатый крестьянин с женой. И до того были они люди жадные да прижимистые, что просто беда. Снегу у них зимой не выпросишь. А уж чтоб приютить или накормить прохожего человека — так это ни-ни! И была у богатея дочь на выданье. Девушка красивая, расторопная и всему отцову добру наследница.

Вот вошел Пелле в горницу к богатеям и видит: хозяйка у очага ужин стряпает. Поклонился ей Пелле и говорит:

— Вечер добрый, хозяйюшка, нельзя ли у тебя в доме переночевать?

— Еще чего! — закричала хозяйка.— Много вас тут бродит! Проваливай, откуда пришел!

— Спасибо на добром слове! — ответил Пелле.

— Да ты никак оглох! — опять закричала хозяйка.— Я гоню, убирайся отсюда вон!

— Спасибо на добром слове,— отвечает Пелле. Сел он на дровяной ларь и котомку на пол скинул.

Хозяйка только руками развела. Не силой же парня из дому выволакивать!

Отстряпалась хозяйка, а тут и муж домой подоспел. Увидел он Пелле и спрашивает у жены:

— Это что за парень?

— А кто его знает,— говорит хозяйка.— То ли глухой, то ли придурковатый. Я ему говорю: «Убирайся отсюда», а он мне: «Спасибо на добром слове».

Собрала хозяйка на стол и говорит мужу:

— Садись ужинать, а что не доешь, я к завтраму припрячу.

А Пелле живо к столу подсел и говорит:

— Спасибо тебе, хозяйюшка! — Положил он себе и каши, и масла, и мяса — и давай за обе щеки уплетать.

Хозяин с хозяйкой только глаза выпучили. Поужинали все, хозяйка постель постлала и говорит мужу:

— Иди ложись спать.

А Пелле вместо него отвечает:

— Спасибо! — Разделся он скорехонько и лег. Хозяева оглянуться не успели, а уж он храпит вовсю. Что тут будешь делать? Пришлось им в эту ночь на полу укладываться.

Выждал Пелле, покуда все уснули, подкрался к очагу, разгреб золу и спрятал камешек в жар.

Наутро хозяйская дочка первая поднялась. Так уж у них в доме заведено было, что она раньше всех вставала, огонь в очаге разводила и кофе варила. Взяла она кочергу, разгребла золу и положила хворосту на угли. Ждет-пождет, а огонь все не разгорается. Встала тогда девушка на коленки, надула щеки и хотела было угли раздуть. Только вдруг, сама не знает как, завопила она что есть мочи:

— Вау-вау-вау-вау!..

И огонь ей никак не раздуть, и крика не унять. Ударилась тут девушка в слезы, а сама все повторяет: «Вау-вау-вау-вау!..»

Проснулась мать и спрашивает:

— Что это с тобой?

— Вау-вау... — всхлипывает девушка, — огонь... вау-вау... не разгорается!.. Вау-вау-вау-вау...

— Ну, что за беда — огонь не разгорается, — говорит мать. — Зачем же этак-то убиваться?

Вскочила хозяйка с пола, взяла кочергу, помешала угли и хотела было подуть на них. Только вдруг как завопит сама: — Вау-вау-вау-вау-вау!..

Тут уж мать с дочерью в два голоса взвыли. Проснулся отец и спрашивает:

— Вы что, спятили? С чего это вы так расшумелись?

А мать с дочерью знай вопят:

— Вау-вау-вау-вау-вау!..

Встал хозяин и видит, что они огонь в очаге развести не могут.

— Вот уж правду молвят люди, что у бабы волос долог, а ум короток, — говорит он, — из-за этакого вздора крик подняли!

Взял хозяин кочергу, помешал угли и хотел было подуть на них. Только вдруг как завопит что есть мочи:

— Вау-вау-вау-вау-вау!..

И стали тут они все трое голосить: «Вау-вау-вау-вау!..»

Послал тогда хозяин дочку за пономарем. Пускай, мол, придет поскорее да прочтет над очагом молитву. Туда, видно, нечистый забрался.

Кинулась девушка со всех ног к пономарю. Прибегает и говорит:

— Вау-вау-вау... кланяется вам батюшка... вау-вау... и матушка... вау... вау... и просят прийти... вау-вау... молитву над очагом прочитать... вау-вау... он у нас... вау-вау... заворужен... вау-вау-вау-вау-вау!..

Понял пономарь, что с девушкой неладно, и помчался следом за ней к дому богатея. Прибежал и видит: топчутся хозяева у очага и изо всех сил орут-надрываются: «Вау-вау-вау-вау-вау-вау...»

Взял пономарь кочергу, чтобы очаг перекрестить и нечистого прогнать, дотронулся до углей и тоже завел:

— Вау-вау-вау-вау-вау-вау!..

Послали тогда девушку за пастором. Прибежала она к нему и говорит:

— Вау-вау-вау... нечистый... вау-вау... в очаг забрался... вау-вау... и на всех порчу напустил... вау-вау... и на батюшку... вау-вау... и на матушку... вау-вау... и на пономаря... вау-вау... Прочитайте, ваше преподобие... вау-вау... молитву над очагом... вау-вау-вау-вау.

Нацепил пастор на нос очки, взял под мышку молитвенник и зашагал следом за девушкой. Явился он в дом к богатею и видит: топчутся все у очага, орут наперебой: «Вау-вау», а огонь все не разгорается.

Взял пастор кочергу, дотронулся ею до углей. Раскрывает он молитвенник, а у него вместо «отче наш» одно выходит:

— Вау-вау-вау-вау-вау...

Тут хозяин и вовсе голову от страха потерял. Посулил он, что тому, кто его дом от заклятья избавит, отдаст он в жены единственную дочку и все добро после смерти откажет.

А Пелле уж давно проснулся и весь этот переполох видел. Тут смекнул он, что теперь самое время ему вмешаться. Вскочил с постели, вытащил камешек из очага и выкинул его за дверь. А сам к хозяевам повернулся и говорит,

— Спасибо вам, добрые люди, что берете меня в зятя.

Тут со всех колдовские чары разом спали, и принялись они Пелле обнимать и кричать:

— Спасибо, спасибо тебе!

Хочешь не хочешь, а пришлось богатею свою дочь за Пелле замуж отдать. Пастор их на радостях задаром обвенчал, а пономарь для них задаром псалмы пел. Скоро богат с женой умерли, и стал Пелле в усадьбе полным хозяином. Перевез он к себе мать с сестренками и братишками, и зажили они все вместе припеваючи. Так и нашел Пелле свое счастье. Жена у Пелле, по счастью, не в отца с матерью уродилась. Была она женщина добрая и хозяйка радушная. А Пелле всегда помнил, как тяжело ему смолodu приходилось. И потому всяк, кто проходил мимо их дома, всегда находил у них место у огня, сытный ужин и приют на ночь.

Два плута

Бродяжили по дорогам острова Борнхольм два плута — Ларс и Енс.

Шли они, шли и сильно проголодались, а в кармане у них ни единого скиллинга и в котомке пусто. Сели они рядышком на обочине и стали думать, как бы им еды да денег раздобыть.

И вот, послушайте-ка, что они надумали. Подошли они к крестьянской усадьбе. Ларс неподалеку в кустах спрятался, а Енс вбежал во двор и ну вопить что есть мочи! Поднялся тут переполох, народ сбежался.

— Что такое, чтостряслось? — спрашивают у Енса.

А он не своим голосом кричит:

— Люди добрые, слышали вы страшную весть? Северное море загорелось! Так вот огнем и полыхает!

— Ты что за околесицу несешь, мошенник? — закричали кругом. — Где ж это слыхано, чтобы Северное море — да еще загорелось? Видно, ты нас за болванов считаешь!

Набросились на него с кулаками и отдубасили так, что он еле ноги унес.

Только он скрылся из виду, — Ларс в усадьбу входит. Поздоровался он с народом и сел тихонько в стороне. Окружили его люди и рассказывают:

— Был тут давеча какой-то мошенник и хотел, видно, посмеяться над нами. Ишь что удумал! Северное море, дескать, загорелось! Ты вот по дорогам бродяжишь, так не слыхал ли про это каких разговоров?

— Чего не слыхал — того не слыхал, — отвечает Ларс. — Только по пути сюда повстречался мне обоз, а возы сельдью жареной набиты. Так что, может статься, парень и не врал вам.

— Да неужто? — так и ахнули люди. — Стало быть, он правду говорил! А мы-то его зря отдубасили! Стыд какой!

Накормили они Ларса, напоили, и котомку доверху всякой снедью набили. А на прощанье сказали:

— Повстречаешь этого парня — подели с ним поровну все, что мы тебе дали. Да скажи, пусть не помнит зла за ту-маки.

Рассказали они Ларсу, какой Енс с виду, и посулил он им сделать так, как они просили. А после встретились Ларс и Енс на дороге, поделили еду, наелись досыта и нахохота-

лись вдоволь. Пошли они дальше веселые, сытые. Только спустя день-другой котомка у плутов опустела, и опять у них животы подвело. Решили они и в другой усадьбе такую же шутку выкинуть.

— Только теперь уж ты вперед иди,— говорит Енс.— А то что ж выходит— мне одному колотушки?

Поохал, повздыхал Ларс, да куда денешься? Пришлось ему согласиться.

Притаился Енс в кустах, а Ларс вбежал во двор и поднял крик на всю усадьбу. Собрался народ, а Ларс не своим голосом вопит:

— Люди добрые, слышали страшную весть? Прилетела в соседнюю деревню птица-великан. Села на колокольню, крылья расправила, и до того она большая, что солнце застилает.

— Вранье все это!— зашумели кругом.— Таких птиц и на свете-то нет! Полно тебе чепуху молоть. Катись-ка ты отсюда подобру-поздорову!

Набросились люди на Ларса, отколотили и вытолкали вшаей за ворота. Только он из виду скрылся,— Енс в усадьбу входит. Поздоровался чин чинном и попросил позволения отдохнуть с дороги. Народ к нему кинулся:

— Не слышал ли ты, прохожий человек, про птицу-великана, что в соседней деревне объявилась! Будто села она на колокольню, крылья расправила и солнце застилает? Был тут давеча какой-то мошенник и наплел с три короба. Хотел, видно, посмеяться над нами. Ну уж мы его и проучили! Век не забудет!

— Чего не слышал, того не слышал,— отвечает Енс.— Только когда проходил я в той деревне мимо церкви, попалась мне навстречу толпа людей. И тащили они цепями да канатами яйцо с дом величиной. Так что, может, тот парень и не врал вам.

— Стало быть, правду он говорил! А мы-то его отколотили да прогнали! Стыд и срам! Возьми, добрый человек, у нас денег и еды на дорогу, поделись с тем парнем. Скажи, пускай зла на нас не держит.

Встретились опять Ларс и Енс на дороге, наелись, напились и дальше пошли.

Так и бродяжили они с той поры по острову Борнхольм. Дураков да простаков за нос водили, но зато умные и сами им спуска не давали. Так что иной день они бывали сыты, иной день— биты, а иной день— и то, и другое.

Совет стряпчего

Жил в Ютландии человек по прозвищу Пер-пройдоха. Прозвали его так потому, что во всяком деле норовил он словчить да сплутовать и честных людей в дураках оставить. Вот раз ухитрился он продать свою корову семи мясникам зараз и со всех деньги в задаток получить. Пришли они всей гурьбой за покупкой, а корова-то одна! Кому ее брать?

Разозлились мясники и подняли крик:

— Ах ты жулик этакий, плут, мошенник! Ну, погоди, наплачешься ты у нас! Найдем на тебя управу!

Взяли и подали на него в суд.

Стал тут Пер-пройдоха думать, как бы ему расправы избежать. Думал-думал, чуть голова не лопнула, а никакого средство на ум нейдет.

Вот вызвали его в город, к судье. Бредет Пер по улице и все по сторонам озирается, словно подмоги ищет. Увидел его из окна один стряпчий. А был тот стряпчий мошенник и хитрец почище Пера. Наловчился он темные делишки обделывать да жуликов от правого суда спасать. Глядит стряпчий на Пера из окна и думает:

«По всему видать, этому человеку без моего совета не обойтись. Помогу ему и сдору за это с него десяток-другой далеров». Выбежал он на улицу и кричит Перу:

— Постой, добрый человек! Вижу, беда у тебя. Расскажи, что с тобой стряслось. Авось сумею тебе помочь.

— Чего там рассказывать! — отвечает Пер. — Помочь мне никто не поможет, разве что ловкач какой-нибудь, что и в игольное ушко пролезет, и сухим из воды выйдет.

— Очень тебе подвезло, голубчик, — говорит стряпчий, — потому что я как раз такой ловкач и есть.

Взял он Пера об руку и повел в дом. Поведал ему пройдоха про свои беды и спрашивает:

— Ну как, сможешь мне помочь?

— А это нам раз плюнуть, — говорит стряпчий. — Выкладывай двадцать далеров — получишь добрый совет.

— Э, нет! — отвечает Пер-пройдоха. — А ну как дело-то не выгорит? Нет уж, ты сперва совет дай, а после я тебе денежки выложу.

— Ну ладно, будь по-твоему. Совет мой таков: как придешь в суд и станут тебе всякие вопросы задавать, ты отвечай только одно: «Э, отстаньте!» А больше ни слова не говори. Понял?

Пришел Пер-пройдоха в суд. Судья его спрашивает:

— Это правда, что ты корову сразу семи мясникам продал?

Пер в ответ:

— Э, отстаньте!

Судья опять его спрашивает:

— Ты толком отвечай, продал ты корову или нет?

А Пер свое:

— Э, отстаньте!

Тут судья вовсе из себя вышел. Покраснел как рак, наклонился к самому уху Пера да как заорет:

— Отвечай, черт побери, продал ты корову семи мясникам? Получил с них деньги?

А Пер отвечает:

— Э, отстаньте!

Бились, бились с ним — так и не смогли из него путного слова выжать. Да и вид у него был какой-то придурковатый.

Тогда судья и говорит жалобщикам:

— Не могу я, люди добрые, ваше дело разбирать. Сами видите — у этого парня не все дома. Придется отпустить его подобру-поздорову.

Обернулся он к Перу и говорит:

— Ступай домой, бездельник!

А Пер отвечает:

— Э, отстаньте! — И с места не двигается.

Взяли его служители за шиворот и вытолкали за дверь. Засмеялся Пер и домой пошел.

А стряпчий меж тем его у окна дожидается. Только видит он: идет Пер из суда, а к нему и не думает заглядывать. Вот уж и мимо двери прошел! Тогда выскочил стряпчий на улицу и кричит:

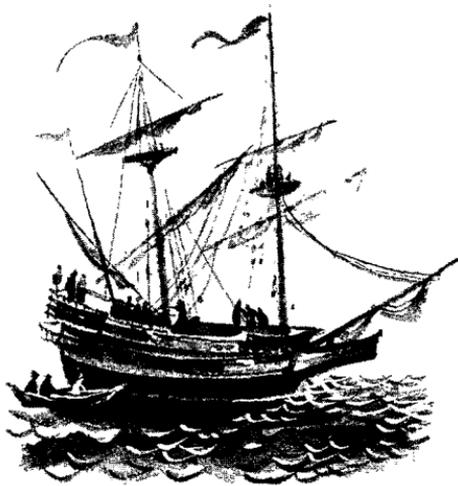
— Эй ты, погоди! Постой! Отдавай мне двадцать дала-ров!

— Э, отстань! — ответил Пер и пошел своей дорогой.

Так ловкач стряпчий в собственную западню угодил. Да и поделом ему! Совсем по пословице вышло: «Вор у вора дубинку украл».

И Ипподромъ
скаку

Скрипач Веслефрик

Жил в одном приходе бедняк хусман, и был у него единственный сын, до того хворый да хилый, что никакой работы делать не мог. К тому же и ростом он не вышел, и потому звали его люди Веслефрик, что значит по-норвежски «Маленький Фрик».

И холодно, и голодно было в доме у бедняка. Вот и решил хусман отдать сына кому-нибудь в подпаски или батраки. Только в какую усадьбу они ни приходили — нигде им удачи не было.

«Куда нам такой заморыш, — говорили хозяева. — Проку от него никакого, только хлеб без толку переводить будет!»

Делать нечего, пришлось бедняку идти с сыном в усадьбу самого ленсмана. А ленсман тот был сквалыга, каких свет не видывал, и потому никто к нему в работники наниматься не хотел.

Поглядел ленсман на Веслефрика и говорит:

— Хоть и неказист ты с виду, ну да ладно, возьму я тебя. Я как раз вчера своего слугу прогнал. Уж больно прожорлив стал малый. Завел себе обычай три раза в день кашу есть. Только служить ты у меня станешь за харчи. А насчет денег или там одежи — и не заикайся.

— Что ж, — подумал бедняк хусман. — Это лучше, чем ничего. Хоть сыт будет мальчонка, и то ладно.

Так и остался у ленсмана Веслефрик в услужении. Жил он у него три года. Держал его ленсман впроголодь, работать заставлял за троих, а одежи никакой не давал. И за это время платье у мальчонки вовсе изорвалось. А как пришла пора Веслефрику от ленсмана уходить, раскошелился тот на три шиллинга. Выдал ему по шиллингу в год за усердную службу. Хоть и небольшие это были деньги, только Веслеф-

рик и им обрадовался: ведь он за всю свою жизнь и монетки в руках не держал.

— Мне бы еще одежонку какую,— попросил он хозяйина.— А то я за три года до того обносился, что на мне одни лохмотья болтаются.

— Насчет этого у нас уговора не было,— отвечает ему ленсман.— Я тебе и так сверх положенного три шиллинга выдал. И коли пришла тебе охота принарядиться, ступай в город да купи себе на них платье.

Положил Веслефрик в котомку хлеба ломоть, зажал в кулаке три шиллинга и отправился в путь. Вот идет он по дороге веселый, радостный, то и дело останавливается поглядеть, целы ли деньги, не обронил ли он ненароком одной монетки.

Привела его дорога в узкое ущелье. По обе стороны горы стеной стоят, высокие, скалистые. Захотелось Веслефрику поглядеть, что за край лежит за этими горами. Отыскал он на крутом склоне тропочку узенькую и стал по ней вверх карабкаться. Здоровьем был он слаб и быстро утомился. Сел он на мшистый камень отдохнуть и принялся свои шиллинги пересчитывать. Вдруг, откуда ни возьмись, вырос перед ним огромный и страшный нищий. Перепугался Веслефрик, закричал со страху, а нищий ему говорит:

— Ты меня не бойся. Худа я тебе не сделаю. Я хожу по округе, милостыню прошу. Дай мне из твоих денег один шиллинг.

— Так ведь у меня их и всего-то три,— отвечает Веслефрик.— Я на них хотел себе в городе одежду купить.

— Выходит, тебе лучше, чем мне,— говорит нищий.— У тебя три шиллинга, а у меня ни одного. Да и лохмотья мои еще почище твоих будут.

Жалко стало Веслефрику старого нищего.

— Ладно,— говорит,— возьми один шиллинг.

Пошел Веслефрик дальше. Скоро он опять утомился и присел на камень отдохнуть. И тут перед ним другой нищий вырос, еще больше и страшнее первого. До смерти перепугался Веслефрик и завонил со страху не своим голосом. А нищий ему говорит:

— Ты меня не бойся; худа я тебе не сделаю. Я нищий, хожу по округе, милостыню прошу. Дай и ты мне один шиллинг.

— Так ведь у меня всего два шиллинга осталось,— отвечает Веслефрик.— Я на них хотел себе в городе одежду купить. Вот кабы ты мне раньше повстречался!

— Стало быть, тебе лучше, чем мне,— говорит нищий.— У тебя два шиллинга, а у меня ни одного; да и одежда моя куда хуже твоей.

Жалко стало Веслефрику нищего.

— Ну ладно, бери,— говорит он.

И пошел парнишка дальше. А солнце уж высоко в небе поднялось. Жара донимает Веслефрика, пот с него градом течет. И решил он присесть на камень, закусить и отдохнуть. Вдруг опять перед ним великан нищий появился, еще больше и страшнее двух первых.

До того перепугался Веслефрик, что со страху голос потерял. Даже кричать не может. А нищий ему говорит:

— Ты меня, малый, не бойся. Я нищий, хожу по округе, милостыню прошу. Дай ты мне хоть один шиллинг.

— Так ведь у меня он и всего-то один остался,— отвечает Веслефрик.— Я на него хотел себе в городе одежду купить. Вот если бы ты мне раньше повстречался,— тогда дело иное!

— Тебе, выходит, лучше, чем мне,— говорит нищий.— У меня и вовсе денег нет, и надеть мне тоже нечего.

Пожалел Веслефрик старого нищего и отдал ему последнюю монетку.

А нищий тот был волшебником. Это он трижды в разном обличье Веслефрику являлся и все три шиллинга у него взял.

— Вижу я, сердце у тебя доброе,— сказал волшебник Веслефрику.— Ты последним со мною поделился, и за это я тебя вознагражу. За те три шиллинга, что ты мне дал, исполню я три твоих желания. Говори, чего тебе хочется.

Подумал Веслефрик немного и говорит:

— С малолетства любил я слушать, как у нас в приходе музыканты на свадьбах играют. Любо мне глядеть, как народ под музыку пляшет и веселится. И хотелось бы мне такую скрипку, под которую и стар, и млад будут помимо воли в пляс пускаться.

— Будет у тебя такая скрипка,— отвечает ему волшебник.— Только уж больно немудреное это желание. Говори, чего бы тебе еще хотелось, да гляди на сей раз не оплошай.

Опять подумал Веслефрик и говорит:

— Люблю я ходить в лес на охоту и бить зверя из ружья. Хотелось бы мне такое ружье иметь, что било бы без промаха в цель, будь она хоть на краю света.

— Что ж, будет у тебя такое ружье,— отвечает волшебник.— Только и это желание не бог весть какое мудреное. Загадай последнее, но сперва умом пораскинь.

Долго думал Веслефрик, а потом и говорит:

— Люблю я жить в дружбе с добрыми, щедрыми людьми. И хочу я, чтобы мне никогда и ни в чем отказа от людей не было, чего бы я у них ни попросил.

— Вот это желание дельное,— отвечает волшебник.— Ладно, будь по-твоему!

Сказал так волшебник и сгинул с глаз. А Веслефрик растянулся на траве и заснул крепким сном. Наутро проснулся и видит: лежат около него ружье и скрипка. Перекинул он ружье через плечо, взял скрипку под мышку и зашагал. Спустился он с гор в долину, прошел к коробейнику и попросил у него одежду новую, а потом завернул на крестьянский двор и попросил лошадь с телегой. И нигде ему ни в чем отказа не было. Вырядился Веслефрик в новое платье, сел в телегу и покатил домой.

Неподалеку от родной деревни повстречался ему ленсман, у которого он три года батрачил. Осадил Веслефрик коня, поклонился ленсману и говорит:

— Здорово, хозяин!

— Здорово! — отвечает ленсман.— Только когда же это я твоим хозяином был?

— А ты вспомни, как я на тебя три года батрачил. Кормил ты меня впроголодь, одежды никакой не давал и заплатил за мою усердную службу всего три шиллинга.

— Ишь каким ты важным стал! — удивляется ленсман.— Как же это тебе так потрафило?

— Да уж потрафило! — отвечает Веслефрик.

— Весело тебе живется, как я погляжу. Со скрипкой по округе ездешь!

— Да, люблю я, чтоб народ под скрипку плясал и веселился. А еще вот есть у меня ружье, что без промаха бьет в цель. Хочешь побьемся об заклад, что я вон ту сороку на сосне подстрелю?

— Это на той сосне, что на другом конце улицы растет? — расхохотался ленсман.— Ну уж нет, той сороки тебе нипочем из ружья не достать! Ставлю под заклад и лошадь, и усадьбу да еще сто далеров в придачу, что ты ее не подстрелишь.

Тут Веслефрик прицелился, выстрелил, а сорока камнем с ветки свалилась. Пригорюнился сквалыга-ленсман, да делать нечего, надо расплачиваться. А Веслефрик ему говорит:

— Хочешь я тебе на скрипке сыграю, чтобы тебе не так тяжело было со своим добром расставаться?

И заиграл Веслефрик на своей скрипке, а ленсман ну плясать, да притоптывать, да всякие коленца выкидывать! Пляшет ленсман час, пляшет другой, совсем из сил выбился, а остановиться не может. Башмаки у него развалились, платье изорвалось, лохмотья так и висят.

— Вот так же я из сил выбивался; и лохмотья на мне так же висели, когда я у тебя в батраках служил,— говорит Веслефрик.— Ну да ладно. Будет с тебя. Подавай сюда проигранное и убирайся на все четыре стороны.

Забрал Веслефрик у ленсмана все его деньги и дальше покати. Приехал он в свой приход, выстроил себе новый дом и зажил в нем припеваючи вместе со стариком отцом. Что ни день играл Веслефрик на свадьбах да на праздниках, а народ веселился и плясал под его скрипку. И все любили за это скрипача Веслефрика. И что бы он у кого ни попросил — никогда ему отказа ни в чем не было. Только и сам он по доброте своей никогда ни в чем людям не отказывал. А ленсман возненавидел Веслефрика лютой ненавистью и задумал его со свету сжить. Явился он к судье и подал жалобу, что Веслефрик его ограбил и чуть жизни не лишил. Разгневался судья и повелел немедля повесить Веслефрика. Пришла за ним стража, чтобы на виселицу вести. А Веслефрик не будь прост — схватил свою волшебную скрипку и давай наигрывать! Тут стража в пляс пустилась. Плясали, плясали, пока замертво наземь не повалились. Тогда судья еще солдат на подмогу послал. Только и с теми не лучше вышло. Вытащил Веслефрик скрипку и только смычком по струнам провел — как солдаты ну плясать, да притоптывать, да всякие коленца выкидывать! И наигрывал Веслефрик на скрипке, покуда рука у него не устала. Только солдаты еще раньше его из сил выбились и едва живые наземь повалились.

Решили тогда его обманом взять. Подкрались к нему ночью, покуда он спал, связали ему руки и в темницу потащили.

А наутро повели скрипача Веслефрика к виселице. Проглашали люди, что ему беда грозит,— сбежались на площадь со всей округи и стали кричать, чтоб Веслефрика на свободу отпустили. Один ленсман радовался, что его недруга сейчас на виселице вздернут.

Только дело-то не так быстро шло, как злодею ленсману того хотелось. Был Веслефрик хилым и слабым, а тут он вовсе немощным притворился — еле-еле бредет. А когда

привели его к виселице и велели наверх взбираться, так он еще на каждой ступеньке отдыхать присаживался. Вот взошел он на последнюю ступеньку, обернулся к судье и говорит:

— Дозвольте мне, ваша милость, перед смертью в последний раз на скрипке сыграть.

А ленсман как закричит:

— Не позволяйте ему играть, беда будет!

Хотел было судья Веслефрику отказать, да народ на площади расшумелся:

— Стыд и срам человеку перед смертью в последней просьбе отказывать!

Пришлось судье разрешить, и принесли Веслефрику его скрипку. А ленсман стал слезно молить, чтобы его к березе накрепко привязали, когда Веслефрик на своей скрипке играть начнет. Заиграл Веслефрик на своей скрипке, и все, кто на площади был, в пляс пустились. И судья плясал, и палач плясал, и епископ плясал, и писарь плясал, и стража плясала. Плясали кошки да собаки, плясали коровы да свиньи. Все плясали, покуда из сил не выбились и замертво не свалились. А хуже всех ленсману досталось — он о ствол березы всю спину ободрал.

Взял Веслефрик свою скрипку и пошел домой. И с той поры никто не пытался ему зло чинить, и жил он в покое и довольстве до конца дней своих.

Кто нынче мал, завтра велик

Жила в Треннелагской округе бедная женщина. Не было у нее ни кола ни двора. Вот и ходила она с сыном своим по округе и милостыню просила. Поначалу они все в своем приходе нищенствовали и подаяннем кормились, а после пришли в город Тронхейм. Побирались там по домам, покуда к бургомистру не пришли.

Был бургомистр человек добрый и почтенный, один из самых первых людей в городе. И жена была ему под стать — из богатой купеческой семьи. Росла у них одна-единственная дочка, а больше у бургомистра с бургомистершей детей не было. Так что миловали они ее да голубили за двоих — и за сына и за дочку, ничего для нее не жалели.

Вот пришла к ним в дом бедная женщина с сыном, и бургомистрова дочка сразу же с нищим мальчонкой подружилась. Увидел бургомистр, что дети так быстро поладили, и взял мальчика к себе в дом. Пускай вместе играют! Так оно и вышло: играли дети вместе, вместе гуляли и читали, а потом вместе в школу пошли. Крепко они дружили и никогда ни в чем друг друга не перечили.

Вот стоит однажды бургомистерша у окошка и видит: идет ее дочь с мальчиком в школу, а на пути у них большая-пребольшая лужа. Остановились дети. Мальчик сперва корзинку со снедью через лужу переправляет, потом назад перескакивает, берет на руки девочку, переносит через лужу, ставит на землю и целует.

Разъярилась бургомистерша, закричала:

— Еще этого не хватало! Как смеет побирушкин сын нашу дочку — дочку первых людей в городе целовать!

Пытался было муж ее образумить. Чего только не говорил: и никому, мол, неизвестно, где совьют свое гнездо птенцы и что кого ждет. Мальчик — добрый и учтивый, а разве так не бывает: из маленького ростка могучий дуб вырастает. Кто нынче мал, завтра велик.

Да нет! Куда там! Бургомистерше дела нет, кем он был, кто он есть и кем станет. Одно твердит:

— Коли бедняк будет в чести, неизвестно, как станет себя вести!

И еще:

— Кого шиллингом вычеканили, тому далером не бывать. Из грязи в князи не выбьешься!

Гонит она мальчонку:

— Нечего тебе у нас оставаться! Убирайся сейчас же вон из дому!

Делать нечего. Пришлось бургомистру приемного сынка купцу-корабельщику отдать: пришел тот в Тронхейм на своей шхуне и взял мальчика к себе поваренком.

А жене бургомистр сказал:

— Отдал я мальчонку купцу за пачку табаку!

Только стали якоря на шхуне выбирать, смотрят корабельщики — бежит бургомистрова дочка: лицо покраснелось, кудри ветром растрепало. Сняла она с руки перстень и — откуда только сила взялась — разломил его на две половинки: одну себе, другую — брату названому; это чтоб им друг друга признать, если встретиться придется.

Отчалила шхуна от берега, сколько дней, сколько ночей плыла — не счесть. И приплыла под конец в дальний замор-

ский город, в чужеземные края. А там как раз в то время ярмарка веселая. И чего только на той ярмарке не было! В воскресенье отправились все корабельщики на ярмарку, один мальчик-поваренок на шхуне остался.

Только начал он обед готовить, слышит — кличет кто-то его с противоположной стороны пролива. Взял он челнок и переправился на другой берег. Видит — стоит на берегу древняя старуха, приговаривает:

— Лет сто я тут помощи ждала, не меньше, кричала, аукала, хотела на другой берег переправиться, только никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся. Переправишь ли меня на другой берег?

— Отчего не переправить! — отвечает поваренок.

— Награда за мной! — обещает старуха.

Переправились они на другой берег, и повела его старуха к своей сестре-троллихе, что в горе по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя награждать, ничего не проси, кроме старой скатерти, — она на нижней полке в поставце лежит. Скатерть эта не простая, а самобраная. Чего из еды пожелаешь, все тебе будет.

Так и случилось. Пришли они в гору. Как узнала горная троллиха, что он ее сестре помог, сказала она:

— Проси чего хочешь!

— Ничего мне не надо, — говорит поваренок, — кроме старой скатерти, что на нижней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил, — молвила горная троллиха. — Ну да ладно, бери скатерть!

— Спасибо, — говорит мальчик, — а мне на шхуну пора, воскресный обед корабельщикам готовить.

— Не твоя теперь это забота, — перебивает его старуха. — Обед и сам сварится, покуда тебя нет. Иди со мной, получишь награду еще богаче. Лет сто, не меньше, я помощи ждала, кричала, аукала, но никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся.

Повела его старуха к другой своей сестре-троллихе, что в лесу по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя награждать, ничего не проси, кроме старого меча, — он на средней полке в поставце лежит. Меч этот не простой: сунешь его в карман — ножом обернется, вытацишь из карма-

на — снова длинным мечом станет. И меч этот обоюдо-острый: пригрозишь черным лезвием — все кругом замертво полягут, взмахнешь белым — все мертвые оживут.

Вот пришли они в лес. Как узнала лесная троллиха, что он ее сестре помог, сказала она:

— Проси, чего хочешь!

— Ничего мне не надо, — говорит поваренок, — кроме старого меча, что на средней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил, — молвила лесная троллиха. — Ну да ладно, бери меч!

— Спасибо, — говорит мальчик, — а мне на шхуну пора.

— Успеешь еще, — перебивает его старуха. — Иди со мной, получишь награду еще богаче. Лет сто, не меньше, я помощи ждала, кричала, аукала, но никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся.

Повела его старуха к третьей своей сестре-троллихе, что в болоте по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя награждать, ничего не проси, кроме старого бабушкина песенника, — он на верхней полке в поставце лежит. Песенник тот не простой. Захворает кто, стоит его в руки взять да спеть, хвори — как не бывало!

Вот пришли они на болото. Как узнала болотная троллиха, что он ее сестре помог, сказала она:

— Проси, чего хочешь!

— Ничего мне не надо, — говорит поваренок, — кроме старого бабушкина песенника, что на верхней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил, — молвила болотная троллиха. — Ну да ладно, бери песенник.

— Спасибо, — говорит мальчик. — Теперь уж мне пора. Прощайте!

Приплыл он на шхуну, а корабельчики еще на ярмарке. Решил он тогда скатерть испытать и поглядеть, на что она годится.

Расстелил мальчик поначалу всего лишь краешек скатерти. Смотрит — на столе чего только нет: и еды всякой — ешь сколько хочешь, и закусок, и заедок, и хмельного.

Отведал мальчик кусочек того, кусочек другого, а остальное собаке скормил. Наелась она до отвала и спать улеглась.

Вернулись с ярмарки корабельчики, шкипер и говорит:

— Где это собака так наелась? Брюхо у нее толстое-пре-толстое, и развалилась, будто боров.

— Да я ее костями накормил! — отвечает поваренок.

— Молодец, парень, и собаку не забываешь! — похвалил шкипер.

Расстелил мальчик скатерь-самобранку, и, откуда ни возьми, на столе и снедь всякая — и закуски, и заедки — и хмельное появилось. Никогда еще корабельщики так не пировали.

Захотелось мальчику и меч испытать. Остался он с собакой один на один, пригрозил ей черным лезвием — и упала собака на палубе замертво. Перевернул он меч, взмахнул белым лезвием — ожила собака и хвостом завилыла. А вот песенник пока что не довелось ему испытать.

Плавали они, плавали, много земель морем обошли, и во всем была им удача, покуда буря не разыгралась. Много дней их по морю носило. Улеглась под конец буря, и причалила шхуна к неведомому берегу в чужеземных краях. Никто ведать не ведал, что это за страна. Но вскоре на шхуне прослышали: приключилась в стране великая беда — заболела проказой королевская дочка.

Собрались однажды на палубе корабельщики. Пришел тут на шхуну король и спрашивает:

— Не может ли кто принцессу исцелить?

— Да кому это под силу? Лекарей у нас нет! — в один голос отвечают корабельщики.

— А кроме как на палубе, на шхуне никого больше нет? — спрашивает король.

— Да есть тут один мальчонка-оборвыш! — сказали корабельщики.

— Зови его сюда! — приказал король.

Пришел на палубу поваренок.

— Может, ты принцессу исцелишь? — спрашивает король.

— Отчего не исцелить! — отвечает поваренок.

Как услышал это шкипер, страшно разозлился, заметался по палубе, будто жук навозный в плошке с дегтем. Испугался он, что парень не за свое дело взялся и теперь ему не выпутаться. Вот и говорит он королю:

— Не стоит, ваше величество, детские речи слушать!

— Ничего, — говорит король, — с годами и разум приходит, а из мальчишка мужчина вырастает. Раз взялся поваренок

принцессу исцелить, пусть попытает свои силы. Немало охотников уже находилось, да все потом отступались.

Взял парнишка свой песенник, и повел его король к принцессе. Спел поваренок ей песню — королевская дочка ручку поднимает, спел другую — она на постели садится. А как спел третью — встала принцесса на ноги, будто и не хворала.

Обрадовался король и пожаловал спасителю половину земель в своем королевстве и дочку в придачу.

— Ладно, — соглашается парень. — Половину земель в королевстве, так и быть, возьму, сгодится. Премного благодарен! А вот королевскую дочку в жены взять не могу. Я другой обещание дал.

Остался он в той стране, и досталось ему полкоролевства. А вскоре война началась. Пошел на войну и парень. Подрос он и, уж поверьте, поработал черным лезвием меча на славу. Не отдал соседскому королю свой народ в рабство. Иноземные воины как мухи падали; победила королевская рать вражью. Стал тут парень белым лезвием размахивать. Ожили павшие враги и под начало к королю перешли: парень-то им жизнь подарил! Воинов у короля стало видимо-невидимо, а кормить их нечем. Пришлось парню скатерть-самобранку вытаскивать, и уж тогда никому ни в чем недостатка не было: наелись все досыта, напились допьяна.

Живет парень у короля год, живет другой, а потом заскучал вдруг по бургомистровой дочке. Снарядил он четыре шхуны и отплыл в Тронхейм, где бургомистр жил. Вошли шхуны в Тронхейм-фьорд, и стали корабельщики из пушек палить. Загрохотало в городе, загремело так, что половина стекол полопалась. Спустился тогда бургомистр в гавань и видит: убранство на шхунах королевское, а сам хозяин разодет в пух и прах: платье на нем сверху донизу расшито золотом.

Приглашает бургомистр незнакомого вельможу:

— Добро пожаловать ко мне в дом отобедать!

— С охотой! — говорит тот.

Пришел он к бургомистру в дом; усадили его за стол — по правую руку бургомистрова дочка, по левую — сама бургомистерша. Сидят все, беседуют, едят, пьют. Исхитрился парень и бросил половинку кольца в чашу бургомистровой дочке, да так, что никто, кроме нее, не заметил. Она сразу все поняла и вышла из горницы, будто ей на кух-

ню надобно. А сама только за дверь — сразу обе половинки кольца друг к другу приладила.

Мать встревожилась: неужто дочка что задумала? Улучила минутку и вышла за ней.

— Знаешь, матушка, кто наш гость? — спрашивает дочка.

— Откуда мне знать? — отвечает бургомистерша.

— Да тот, кого отец за пачку табаку отдал!

Закатились у бургомистерши глаза, и упала она без памяти. Вышел тут и сам бургомистр, а как услышал, что приключилось, не стал печалиться.

— Нечего шум поднимать, — говорит парень, которого за пачку табаку выменяли. — Я беру в жены девочку, которую когда-то поцеловал по дороге в школу. — А бургомистровой жене сказал: — Не гнушайся нищими детьми — никому неведомо, кем они станут; с годами разум к человеку приходит и из мальчика вырастает мужчина.

Пастор и работник

Жил-был в Вестланне пастор, и был он несметно богат: имел большое подворье в городе и усадьбу в долине. Но при всем своем богатстве был пастор до того скаредный, что всем опостылел. Работников голодом морил, а батрачили они на него с утра до вечера.

Нанял однажды в косовицу пастор парнишку-работника. Покосы у пастора дальние, самому за всем не углядеть, вот и послал он туда нового работника.

— Ступай на дальние луга, — говорит пастор, — косцам помощи да пригляди, чтоб не бездельничали!

— Ладно! — согласился парнишка.

Пришел он на покос и видит, что и без него там можно бы обойтись. Косцы и сами не бездельничали, а косили исправно.

Назавтра просыпаются косцы на заре и вставать собираются — косить идти.

— Э, нет! — говорит им парнишка. — Бросьте вы работу, отоспимся вволю. Нечего нам чуть свет на лугу делать.

— Да что ты, парень! — говорят косцы. — Нельзя нам дольше прохлаждаться. Знаешь ведь, какой сквалыга у нас пастор! Взбеленится он, как проведает, что мы бездельничаем, и еще хуже голодом морить станет.

— Ничего! — говорит парнишка. — Я ему живо рот заткну! Положитесь на меня, а я и вам, и себе помогу, из кабалы вызволю.

Рады косцы; проспали до самого завтрака, а потом весь день прохлаждались, пели да халлинг, что так в народе любят, отплясывали.

Вечером отправился парнишка в город: раздобыл там большой кошелек и пошел назад в долину. А по пути набрал он на осиное гнездо.

Поднял он гнездо и набил кошелек осами, а потом пошел в усадьбу к пастору.

Приходит и говорит:

— Хороши у тебя работники! Накосили мы сена, надолго хватит! Каждый за двоих наработал!

— Ну и молодцы! — обрадовался пастор.

А потом и молвит работник пастору, будто невзначай:

— А я давеча кошелек нашел! Иду это я по мосту, вижу — кошелек валяется, а денег в нем серебряных — далеров и шиллингов — не счесть. Ну, я, ясное дело, подобрал кошелек, не валяться же ему там попусту!

У пастора глаза разгорелись:

— Мой кошелек! — кричит он.

— Ну что ж, твой так твой, — вроде бы соглашается работник. — Но гляди! Если он не твой по чести и по совести, пусть каждый шиллинг в кошельке осой обернется, а каждая былинка, что мы нынче скосили, пусть завтра поутру снова на свое место на лугу встанет.

Положил работник кошелек на стол и ушел.

Схватил жадный пастор кошелек, открыл его, а там осы кишмя кишат. Известно ведь: осиного гнезда не тронь.

Не успел пастор кошелек прикрыть, повывлетали оттуда осы, вьются вокруг пастора, жужжат и жалят. Еле отбился!

«Вот так плут! — подумал пастор про работника. — Ну и хитер!»

Стал пастор голову ломать: как дальше быть? Наутро побоялся пастор работника будить и послал на дальние покосы служанку. А сам ей наказывает:

— Погляди, не поднялась ли скошенная трава на лугу.

Пришла она на сенокос еще засветло. Подождала, пока солнце встанет. Глядит, а за солнцем вслед и трава на лугу, что ночью под росой полегла, поднимается. Будто и не косена вовсе.

Прибежала девушка что есть духу назад к пастору и говорит:

— Пришла я на луг, а трава скошенная вся как есть снова поднялась! И стоит теперь луг, будто никогда по нему кося не гуляла.

Так и проучил работник жадного пастора.

Отчего вода в море соленая

В давние-давние времена жили на свете два брата, один — богатый, другой — бедный.

Мать и отец у них умерли, а перед смертью наказали им все наследство поровну меж собою разделить. Только старший брат был жаден да и плутоват. Забрал он себе все отцово добро, а младшего брата ни с чем из дому прогнал.

Вот так и вышло, что один брат как сыр в масле катался, а другой — с хлеба на воду перебивался.

Подошло рождество. У старшего брата снеди всякой к празднику припасено, а у младшего в доме ни крупинки нет.

Тут жена и говорит ему:

— Сходил бы ты к своему брату-богатею, попросил бы чего-нибудь ради праздника, чтобы и мы могли Рождество как все добрые люди справить.

Пришел бедняк к старшему брату и стал просить у него хоть какой-нибудь еды на праздник. А богатею ему отвечает:

— Ох, и надоел ты мне, брат! Все ходишь, клянчишь!.. А у меня ведь не харчевня. Ну да ладно, так и быть, дам я тебе к Рождеству свиной окорок. Но только с условием: куда я тебя пошлю — туда ты сразу и пойдешь и перечить мне не станешь.

— Ладно, я на все согласен, — говорит бедняк.

Швырнул тогда богатею ему окорок и закричал:

— Ступай-ка ты, братец, к черту в гости, и чтобы я тебя тут больше не видел!

— Ну что ж, я от своего слова не отступлюсь, — отвечает бедняк.

Взял он под мышку свиной окорок и зашагал к черту в гости.

Шел бедняк весь день, а к вечеру дошел до какой-то диковинной избушки. Из окошек свет невиданный льется, а около сарая какой-то дед с длинной бородой дрова для поленицы колет, которую всегда под Рождество заготавливают, чтобы весь год тепло было.

— Вечер добрый! — говорит бедняк.

— И тебе добрый вечер! — отвечает дед. — Ты куда это, на ночь глядя, идешь?

— Иду я к черту в гости, да вот только не знаю, туда ли путь держу?

— Ну, коли так, то ты в аккурат на место прибыл. Входи в избушку, там самого черта застанешь и все его отродье. Только перед этим хочу тебе один совет дать. Как войдешь, тут все черти сразу к тебе кинутся и станут клянчить, чтобы ты им свиной окорок продал. Они страсть как до свинины охочи. Так ты свой окорок ни за какие деньги не отдавай, а проси за него ручную мельницу, что стоит за дверью. Мельница эта волшебная. Что пожелаешь — то она тебе наметет. А пойдешь назад, я тогда научу тебя, как ее в ход пускать и как останавливать.

Поблагодарил бедняк деда за добрый совет и вошел к черту в дом.

Как старик сказал, так все и вышло.

Только переступил бедняк порог, все черти и чертенята кинулись к нему, обступили и давай клянчить, чтобы он им свиной окорок продал.

— Я-то, по правде сказать, сам собирался со своей старухой свининкой на Рождество полакомиться, — говорит бедняк. — Но уж коли вам такая нужда, берите окорок, а мне за него вон ту старую мельницу дайте, что за дверью стоит.

Стал черт юлить да увиливать, только бедняк твердо на своем стоял, и пришлось чертям мельницу отдать.

Вышел бедняк из избушки и спросил старого дровосека, как ему с этой мельницей управляться. Дед его и научил:

— Коли захочешь мельницу в ход пустить, поверни ручку и скажи:

Ручка, вертись!
Мельница, мели!

А надо будет ее остановить — снова поверни ручку и скажи:

Ручка, не вертись!
Мельница, остановись!

— Спасибо, дедушка, за науку! — сказал бедняк и поспешил домой со своей волшебной мельницей. Только как ни торопился он, а раньше полуночи домой не добрался. Вошел он в горницу, а жена на него накинулась:

— Где это тебя носит? Сижу я тут с утра голодная и холодная. Ни полена дров огонь в очаге развести! Ни крупинки в ларе, чтобы рождественскую кашу сварить!

— Не тужи, женушка! — отвечает бедняк.

— Ходил я по своим делам, а путь был не близкий. Погляди зато, что я тебе принес.

Поставил он мельницу на стол и велел, чтобы она намолотила и свечей, и каши, и свинины, и пива, и разной другой снеди для рождественского ужина.

А как намолотила мельница всего вдоволь, повернул бедняк ручку и сказал:

Ручка, не вертись!
Мельница, остановись!

Мельница остановилась.

Жена только глаза выпучила, а после стала допытываться у мужа, где он эту мельницу взял. Только муж ей ничего не открыл.

— Не все ли тебе равно, — говорит, — где я ее взял? Видишь, мелит она на славу, ну и будет с тебя!

Справили бедняк с женою Рождество, а на другой день позвали старшего брата и всех односельчан и задали богатый пир.

Все на пиру ели, пили вдоволь, плясали, только старшему брату не до веселья было, зависть его грызла. Сидел он от злости черней тучи и все думал:

«Откуда это брату такое богатство привалило? Вчера только приходил ко мне еду к Рождеству кланчить, а нынче вон какие пиры задает, точно он граф какой или король!»

Подсел он к брату, подлил ему вина и говорит:

— И какой черт тебе все это добро принес?

А тот ухмыльнулся хитро и отвечает:

— Да тот самый, к которому ты меня в гости посылал!

Только после пятой чарки зашумело у младшего брата в голове — и он все брату про волшебную мельницу рассказал. И задумал богатей эту мельницу во что бы то ни стало себе заполучить. Долго уламывал он брата, и под конец согласился тот продать ему мельницу в сенокос за триста далеров. «А до сенокоса я себе много добра успею намолоть», — решил он.

Вот настал сенокос, и богатей пришел к младшему брату за мельницей. Тот научил его, как с мельницей управляться,

а как останавливать — этого брату не открыл. Принес богатей мельницу домой, а на другое утро говорит жене:

— Ты сходи на луг, пригляди за косцами, чтобы они роботать не ленились, а обед я нынче сам состряпаю.

Вот подошла пора обедать.

Поставил богач мельницу на стол и велел ей поскорее молоть каши, молочного киселя да сельди жареной.

И пошла мельница молоть. Богатей уж все миски, все котлы, все кашники, все чаны, все лохани наполнил, а мельница все мелет и мелет.

Потекли горячая каша и молочный кисель на пол, заполнили весь дом, вытекли за порог, весь двор затопили и по улице потекли. Чуть богатей не захлебнулся. Выбежал богатей из дому, а каша, кисель да сельдь его настигают.

Делать нечего, кинулся он в молочный кисель и поплыл.

Тем временем жена богатей ждала-ждала мужа, а потом и говорит косцам:

— Что-то долго нас хозяин обедать не зовет. Видно, ничего у него со стряпней не выходит. Придется мне домой идти, пособить ему. И вы тоже за мной ступайте. Дома пообедаем.

Вскинули они косы на плечи и зашагали. Только подошли к околице, как вдруг видят: течет, шумит, разливается кисельная река, по берегам каша булькает и пузырится, точно болото зыбкое, а сам хозяин в киселе барахтается и кричит:

— Ешьте, покуда пузо не лопнет! Только глядите, не потоните в своем обеде.

Добрался богатей вплавь до братниного двора, еле из киселя с кашей выбрался, вбежал в дом и кричит:

— Забирай ты, ради бога, свою мельницу! А то скоро кисель и каша всю округу затопят, и от сельди некуда деваться будет.

— Э, нет! — отвечает ему брат. — Ты мне сперва триста далеров отдавай, что за мельницу обещал.

Пришлось богатейю выложить триста далеров. Тогда сел бедняк в лодку, приплыл к богатейю, ручку у мельницы повернул и сказал:

Ручка. не вертись!
Мельница, остановись!

Мельница и остановилась.

Созвал бедняк людей со всей деревни, прибежали те — кто с ложкой, кто с плошкой — и быстро с кашей, киселем да жареной сельдью управились.

С той поры зажил младший брат припеваючи. Были у него теперь и деньги, и хозяйство богатое. Намолола ему мельница золота, и он выстроил себе новый дом под золотой крышей.

Усадьба его на берегу фьорда стояла, и золотую крышу далеко видать было. И ни один корабль, что через фьорд шел, мимо усадьбы не проплывал.

Все приставали к берегу, чтобы на диковинную мельницу полюбоваться, потому что молва про нее по всему свету пошла.

Вот приплыл как-то из дальних краев на своей шхуне один шкипер.

Поглядел он на волшебную мельницу и спрашивает хозяина:

— А соль она намолоть может?

— Может и соль намолоть, — отвечает хозяин.

Тут и подумал шкипер:

«Я уж много лет на своем корабле соль из чужих краев вожу. А будь у меня эта мельница, намолол бы я соли, и не пришлось бы мне по морям в бурю и непогоду ходить».

И стал он просить хозяина, чтобы тот продал ему волшебную мельницу.

Много денег он за нее сулил. Только хозяин ни за какие богатства не захотел ее отдать.

— Ну что ж, — говорит шкипер. — На нет и суда нет. Позволь мне тогда у тебя в доме переночевать, а то время позднее и деваться мне некуда. А завтра поутру я отправлюсь в обратный путь.

Согласился хозяин и уложил шкипера на ночь в своей горнице.

А тот еще с вечера заметил, куда хозяин мельницу прячет. Дождался шкипер, когда все уснули, подкрался тихонько к сундуку, вытащил мельницу да и был таков. Приволок он украденную мельницу к себе на корабль и сказал:

Ручка, вертись!
Мельница, соль мели!

И пошла мельница молоть. Набил шкипер полные трюмы, а мельница все мелет и мелет. Выросла на палубе целая гора, созвал шкипер всю команду и велел соль лопатами в море кидать. Только ничего не помогло. Бросился шкипер к мельнице, стал ее крутить и вертеть во все стороны, а как

остановить — не знает. Отяжелел корабль от соли и пошел ко дну.

Так и лежит где-то на дне морском корабль, а на нем волшебная мельница, что соль все мелет и мелет.

Оттого-то и вода в море стала соленая.

Черт и помещик

Жил в богатом имении один помещик, и не было на свете человека злее и жаднее его. Крестьян, что на его полях работали, он голодом морил и три шкуры с них драл. И потому ненавидели его люто в народе и то и дело говорили: «Черт бы его побрал!» Слушал, слушал черт такие речи и решил утащить помещика к себе в преисподнюю. Вот явился черт в поместье и говорит:

— Собирайся, помещик! Народ тебя то и дело к черту посылает. Вот я и явился по твою душу. Ждать больше мне ни к чему. Хуже, чем ты есть, тебе уж не стать.

А помещик ему отвечает:

— Ну, мало ли кто кого к черту посылает! Ежели ты всех станешь к себе в преисподнюю таскать — кто ж тогда на земле останется? Хочешь — пойдем по приходу, сам тогда услышишь.

Черт попался покладистый. Уговорил его помещик, и порешили они по приходу пойти. И ежели тот, кого они встретят, не помещика пошлет к черту, а другого кого-нибудь, то черт помещика на волю отпустит.

Вот зашли они в один дом, а там крестьянка масло сбивает.

Увидела женщина гостей и пошла им навстречу. А тем временем поросенок, что по горнице бежал, сунул мордочку в маслобойку, опрокинул ее и все молоко на пол пролил.

— Ну и наказание мне с этой животиной! — закричала женщина. — Черт бы тебя побрал, шкодник ты этакий!

Обрадовался помещик и говорит черту:

— Вот и бери поросенка!

А черт ему отвечает:

— Думаешь, она и впрямь хочет мне поросенка отдать? Чем же она тогда зимою кормиться станет? Э, нет, не от чистого сердца она это сказала!

И пошли они дальше. Заглянули в другой дом, а там ребенок напраказил.

— Ох, и надоел ты мне! — закричала на него мать. — Только и ходи за тобой да подтирай, да убирай! Хоть бы черт тебя побрал, что ли!

Обрадовался помещик:

— Вот и бери ребенка, — говорит он черту.

А черт ему отвечает:

— Какая же мать согласится свое дитя отдать? Нет, не от чистого сердца она это сказала.

Пошли они дальше и повстречали двух крестьян.

— Гляди-ка! Наш помещик идет, — говорит один.

— Черт бы побрал этого кровопийцу, — отвечает другой.

— Вот это от чистого сердца сказано! — закричал черт и уволок помещика в преисподнюю.

Пер, Пол и Эспен Аскеладд

Жил-был в Норвегии один человек, и было у него три сына — Пер, Пол и Эспен, по прозвищу Аскеладд¹, что значит Эспен Замарашка. И был тот человек до того бедный, что ни единого шиллинга у него за душой не водилось. Вот и говаривал он частенько своим сынам:

— Ступайте-ка по белу свету да заработайте себе на хлеб. Не пропадать же вам с голоду!

В той же округе стоял королевский замок, а прямо под окнами замка зеленый дуб вырос, да такой могучий, такой ветвистый, что солнечный свет в покоях королевских затмевал. Темно в замке стало; все ходят, друг на дружку натываются. До того дошло — днем при свечах сидят. А тут еще другая беда: речки да ручьи в стране повысыхали. Не стало в королевстве воды, люди от жажды мрут. Чего только не обещал король тому, кто дуб срубит и колодец выроет: и денег несчетно, и богатое имение! Только ни одному молодцу не под силу было тот дуб срубить и колодец вырыть.

Дуб-то был совсем не простой. Срубят с него ветку топором, а вместо нее две другие вырастают. Подойдет к дубу один молодец, ударит топором — дуб еще пышнее разрастает-

¹ В норвежских сказках главного героя чаще всего называют Эспен Аскеладд или Аскеладден.

ется. Подойдет другой, ударит топором — ветки еще выше к небу тянутся. И колодец вырыть тоже никто не может. Замок-то королевский высоко-высоко в горах стоял. Одни скалы под ним да крутые уступы. Копнут гору на вершок или чуть поглубже — заступ на твердый камень натывается.

Приказал тогда король глашатаям со всех церковных холмов на все четыре стороны трубить:

— Кто ветвистый дуб в королевском дворе срубит и колодец на скалистой горе выроет, получит в жены королевскую дочь и полкоролевства в придачу!

Немало нашлось охотников с королем породниться! Но сколько топором ни замахивались и ни рубили, сколько киркой и заступом ни корчевали и ни копали — все зря. Ударят топором — а дуб все пышнее и пышнее разрастается, копнут — а скала все тверже и тверже становится.

Собрались в дорогу и братья. Надумали они тоже счастья попытать. Отец их воле не противился. «Не добудут они принцессу и полкоролевства в придачу, — думал он, — так, может, хоть к хорошему человеку в услужение пристроятся». А чего еще желать?! Напутствовал их отец добрым словом, и отправились Пер, Пол и Эспен Аскеладд счастья искать.

Шли они, шли и дошли до высокой горы, склон ее веселю порос. А над ельником крутая скала поднимается. Слышат: на самом верху топором кто-то рубит и рубит.

— Что за диво? Кто это на скале топором рубит? — спрашивает Эспен Аскеладд.

— Такому умнику, как ты, все в диковинку, — сказали братья. — Нашел чему дивиться! Стоит на скале дровосек и лес рубит!

— Охота мне все же поглядеть, что там такое, — говорит Эспен Аскеладд.

И стал в гору взбираться.

— Ты ровно дитя малое! Набрался бы сперва ума, а потом и шел бы с нами! — в сердцах кричали ему вслед братья.

А Эспену хоть бы что. Карбкается вверх по склону, туда, где удары топора слышатся. Взобрался на крутую скалу и видит: топор сам по себе сосновый ствол рубит.

— День добрый! — поздоровался Эспен Аскеладд. — Это ты тут лес рубишь?

— Я! — отвечает топор. — Я тут уж и не счесть сколько лет лес рублю, тебя, Эспен, поджидаю.

— А я вот он! — говорит Эспен. Берет он топор, сбивает его с топорница и кладет топор с топорницей в котомку.

Спустился он с горы к братьям, а те давай над ним насмеяться да потешаться:

— Ну, какое чудо углядел ты в горах?

— Да разве ж это чудо? Один топор,— отвечает Эспен.

И зашагали братья дальше. Шли они, шли и дошли до высокой скалы. Слышат, на самом верху кто-то камень долбит и землю роет.

— Что за диво? Кто это на скале камень долбит и землю роет? — спрашивает Эспен Аскеладд.

— Такому умнику, как ты, все в диковинку! — сказали братья. — Нашел чему дивиться! Ты, что, не слыхал никогда, как птицы деревья долбят?

— Слыхать-то слыхал,— говорит Эспен,— только охота мне все же поглядеть, что там такое.

Сколько над ним братья ни насмеялись, а Эспену хоть бы что. Вскрабкался он на крутую скалу и видит: заступ сам по себе камень долбит и землю роет.

— День добрый! — поздоровался Эспен Аскеладд. — Это ты тут камень долбишь и землю роешь?

— Я,— отвечает заступ. — Я тут уж и не счесть сколько лет камень долблю, землю копаю, тебя, Эспен, поджидаю.

— А я вот он! — говорит Эспен. Берет он заступ, сбивает его с рукоятки и кладет заступ с рукояткой в котомку.

Спустился он со скалы к братьям, а Пер и Пол его и спрашивают:

— Ну, какое чудо углядел ты на скале?

— Да разве ж это чудо?! Один заступ,— отвечает Эспен.

И зашагали братья дальше. Шли они, шли и вышли к ручью. Захотелось им после долгого пути воды напиться. Склонились братья над ручьем и стали пить.

— Что за чудо? Откуда этот ручей бежит? — спрашивает Эспен Аскеладд.

— Ну, совсем рехнулся! Последний ум потерял! Доведет тебя любопытство до беды. Нашел чему дивиться! Откуда ручей бежит? Ты разве не видал никогда, как вода из родника вытекает?

— Видать-то видал,— говорит Эспен,— только охота мне все же поглядеть, откуда этот ручей бежит.

Двинулся он вдоль ручья, и сколько его братья ни звали, сколько над ним ни потешались, а Эспен обратно не повернул. Идет он, идет, а ручей все уже и уже становится, а вот и совсем тонкой струйкой течет. Прошел еще немного и видит: лежит грецкий орех, а из него вода сочится.

— День добрый! — здороваётся Эспен Аскеладд. — Это из тебя тут вода родниковая сочится и ручей бежит?

— Да, из меня, — отвечает орех. — Я тут уж и не счесть сколько лет воду в ручей загоняю, тебя, Эспен, поджидаю.

— А я вот он! — говорит Эспен. Берет он клочок мха, затыкает дырку, чтоб вода из ореха не вытекала, и кладет орех в котомку.

Вернулся Эспен назад к братьям, а те его и спрашивают:

— Ну, какое чудо углядел ты на этот раз? Небось такого чуда на всем свете не сыскать!

— Да разве ж это чудо?! Одна дырка, а через нее вода сочится, — отвечает Эспен.

Стали тут Пер с Полом снова над Эспеном насмехаться, а ему хоть бы что. И зашагали братья дальше. Шли они, шли и пришли наконец на королевский двор.

А там и без них народу хватало. Помнишь ведь, что король пообещал: «Кто ветвистый дуб в королевском дворе срубит и колодец на скалистой горе выроет, получит в жены королевскую дочь и полкоролевства в придачу». Немало тут охотников награду получить набежало, толпятся вокруг дуба, и всякий норовит вперед пролезть. Пробьется кто вперед, замахнется, топором ударит — а вместо одной ветки две другие вырастают. Дуб уже стал раза в два шире и раза в два

выше, чем поначалу. А про колодец и говорить нечего. Землю роют, камень долбят, а скала все тверже и тверже становится.

Разозлился король и наложил тогда такую пеню¹: «Станет кто дуб рубить и не срубит, станет кто колодец копать и не выкопает, отсекут ему уши и на дальний остров сошлют». Почесали старшие братья в затылке: кто его знает, как дело обернется. Но крепко они на себя надеялись и думали, что уж им-то все по плечу.

Пер, самый старший, первым за дело взялся. Ударил он топором — вместо одной ветки две другие выросли. Копнул землю, долбанул камень — скала еще тверже стала. Схватили королевские слуги Пера, отрезали ему уши и сослали его на дальний остров. Взялся теперь за дело Пол. Ударил он топором раз, другой, третий, и увидели все, что дуб еще пышнее разросся. Копнул землю, долбанул камень — скала тверже железа стала. Схватили и его королевские слуги, обкорнали ему уши и сослали на дальний остров. Поделом ему, мог бы после брата поостеречься! Захотелось и Эспену за де-

¹ П е н я — штраф за невыполнение в срок каких-либо установленных законом или договором обязательств.

ло взяться. Разозлился на него король из-за старших братьев и говорит:

— Что, захотелось и тебе на клейменую овцу походить? Мы тебе уши в два счета обкорнаем, и трудиться не придется.

— Охота мне все ж сперва счастье попытать, — отвечает Эспен.

Пришлось королю дать ему свое позволение. Достал тут Эспен из котомки топор и насадил его на топорнице.

— Руби, топор! — приказал Эспен.

Стал топор дуб рубить, только щепки во все стороны летят. Не успели оглянуться, рухнул могучий дуб на землю. Стало в замке светло и весело. Покончил Эспен с дубом, достал заступ и насадил его на рукоятку.

— Копай, заступ! — приказал Эспен.

Стал заступ на скалистой горе колодец копать, только комья земли да камни во все стороны летят. Хочешь верь, хочешь нет — вырыл заступ колодец глубокий да широкий. Достал Эспен орех, положил его в угол на самом дне колодца и моховую затычку вытащил.

— Лейся, вода, беги, вода! — приказал Эспен.

Побежала тут вода через дырку, полилась потоком, и немного погодя колодец до краев наполнился.

Тут королю пришлось свое слово сдержать. Отдал он Эспену свою дочь и полкоролевства в придачу.

Перу с Полом еще повезло, что они без ушей остались. А не то горько б им было слушать, как народ Эспена хвалит.

Шкипер и черт

Жил когда-то в Сокнадале шкипер Арне. Плавал он по всем морям и фьордам на своей шхуне, лес возил. Случалось ему даже в Китай заходить и в другие дальние страны. За что ни возьмется Арне, во всем ему сопутствует удача. Дальше его в море никто не ходил. И всегда был ему попутный ветер. Поговаривали даже, что куда шкипер свою зюйдвестку¹ повернет, туда и ветер подует. Ни у кого не бывало

¹ Зюйдвестка — непромокаемая клеенчатая шляпа.

таких выгодных сделок, как у него, и никто не загребал столько денег: далеры и кроны будто сами ему в руки плыли.

Но никто не завидовал шкиперу. Люди любили Арне, как брата или отца. Помогал он в приходе всем и каждому, корабельщиков на своей шхуне тоже не обижал.

Вот плывет шкипер однажды по Северному морю. Плывет на всех парусах, будто и шхуна, и кладь не свои у него, а ворованные. Ясно: уйти от кого-то хочет. Только от того, кто за ним гнался, не убежишь. А был это страшный черт по прозвищу Старый Эрик.

Хочешь знать, как все было? В прежние времена, когда шкипер и сокнадальцы в бедности жили, решил Арне землякам помочь и заключил договор со Старым Эриком. Ну а какой с чертом договор — сам знаешь: за деньги и удачу подавай ему взамен душу!

Вот и настал день, когда договору срок вышел. Плывет шкипер по Северному морю и ждет: вот-вот Старый Эрик за его душу явится. Потому и шел на всех парусах.

Не хотелось Арне к черту в лапы угодить, ой, как не хотелось! Ломал шкипер голову, ломал и вот что надумал.

Поднялся он на палубу, глянул на море — не видать ли Старого Эрика. Нет, пока что не видать! Кликнул тогда Арне корабельщиков и говорит:

— Спускайтесь живо в трюм да сделайте две пробоины в днище. А как вода в трюме пробоины закроет, несите насосы и вгоняйте их в дырки поплотнее. Никто обмана и не заметит.

Подивились корабельщики:

— Чудная работенка!

Но сделали все, как шкипер велел: проббили две дырки в днище, вогнали насосы поплотнее, чтоб ни единая капля воды в то место, где кладь лежит, не просочилась.

Только кончили работу, только успели стружки за борт выкинуть, поднялась буря, закипело море, закачалась шхуна. Примчался вместе с ветром Старый Эрик, схватил шкипера Арне за ворот и хотел с ним прочь умчаться. А тот ему и говорит:

— Стой, хозяин! Дело не к спеху!

Запустил тут Старый Эрик когти шкиперу в ворот, а Ар-

не от него отмахивается, изо всех сил его линьком¹ по когтям хлещет и приговаривает:

— Уговор наш помнишь? Не ты ли обещался, что на шхуне никогда течи не будет? А сам меня обманул. Погляди, трюм водой залит, вода в насосах на семь футов стоит! Можешь сам умереть! А ну выкачивай воду, дьявол! Выкачашь досуха, тогда и бери мою душу!

Черт туда-сюда, а делать нечего. Принялся он воду выкачивать. Качает, качает, пот с него ручьем так и льет, а корабельщики над ним потешаются:

— Приладить бы ему мельничье колесо пониже спины, враз бы заработало!

Старый Эрик на них и не глядит, что есть силы старается. Да все без толку; только из моря в море воду насосом перекачивает, а в трюме вода никак не убывает. Устал черт, вовсе из сил выбился и чуть живой да злющий-презлющий поплелся к своей прабабке-чертовке отдыхать.

С тех пор оставил Старый Эрик шкипера в покое. И коли Арне еще не помер, то, верно, и по сей день по морям на шхуне плавает. Куда свою зюйдвестку повернет — туда и ветер подует.

¹ Л и н е к — веревка для корабельных снастей.

Ключ от стаббюра в кудели

Задумал один крестьянский парень жениться. И хотелось ему сыскать себе такую жену, чтоб и прясть, и ткать умела, и в стряпне толк знала. Прослышали про это соседи и стали сватать за него свою дочь. Вот пришел он к ним в усадьбу на смотрины. Сначала, как водится, посадили его хозяева на лавку, поговорили о том о сем, а после повели дом осматривать. Вошли в одну горницу, и видит он — стоит в углу прялка, а на ней целый пук кудели.

— Кто это у вас на этой прялке прядет? — спрашивает жених.

— Дочка наша, — отвечает хозяйка. — Уж так-то она проворно прядет, что и не поверишь! Не хвалясь скажу — другой такой мастерицы на всей деревне не сыщешь!

— Много тут кудели, — говорит жених. — Небось дня три надо, чтобы всю ее напрядь.

— Может, кому и три дня понадобится, — отвечает хозяйка, — а нашей дочке и одного дня хватит.

Подивился жених, однако ничего не сказал.

А когда пошли хозяева в поварню за угощением; взял он с подоконника ключ от стаббюра и сунул его незаметно в кудель.

Накрыли хозяева на стол, посадили жениха, угостили, чем бог послал, а потом пришла ему пора домой собираться. Простился он с хозяевами и сказал, что скоро опять придет. Хоть и по душе пришлась ему девушка, но только насчет обрученья он покуда ни словом не обмолвился.

Прошла неделя, другая, и опять жених в гости к соседям явился. Приняли его теперь еще лучше. Не знали, куда посадить, чем потчевать. А потом сели все за стол и завели разговор.

— Ну, что новенького у вас? — спрашивает парень.

— Да все вроде по-старому, — отвечает хозяйка. — Вот только ключ у нас от стаббюра пропал. Другую неделю ищем, никак найти не можем.

Подошел тогда жених к прялке, вытащил из кудели ключ и говорит:

— Да, по всему видать, проворно прядет ваша дочь. Много пряжи за день напрядь может! Хотя оно и немудрено, коли день у нее от Рождества до Пасхи тянется.

С этими словами надел жених шапку, да и был таков.

Гудбранд с косогора

Жил на свете крестьянин по имени Гудбранд. Усадьба его стояла на косогоре, и потому прозвали его Гудбранд с косогора. Жил он со своей старухой душа в душу, и никогда ему жена ни в чем не перечила. Что муженек сделает — то и ладно. Худо ли сделает, хорошо ли, — а попреков от жены никогда не услышит.

Жили они хоть и не в большом достатке, но и не в бедности.

Был у них надел земли, две коровы в хлеву да сотня далеров в кубышке про черный день.

Вот однажды жена и говорит мужу:

— Надо бы в город сходить, продать одну корову, чтобы и у нас, как у всех добрых людей, были деньги на расходы. А ту сотню далеров, что в сундуке припрятана, нам не след тратить. Да и ходить за одной коровой мне легче будет.

— Это ты, жена, ладно придумала, — отвечает Гудбранд.

Повязал он корове рога веревкой и повел ее продавать.

Пришел в город, встал на рыночной площади и ждет покупателей. Только никто к корове и не приценивается даже.

«Что ж, — подумал Гудбранд. — Какая мне неволя ее продавать? Место в хлеву всегда сыщется, а дорога до дому с утра длинней не стала».

И поплелся он потихоньку назад в деревню. Шел он по дороге и повстречал человека, что вел на продажу коня. «А ведь конь-то в хозяйстве еще больше пригодится», — подумал Гудбранд и выменял свою корову на коня.

Идет он дальше и видит: гонит крестьянин хворостинкой жирного поросенка.

Приглянулся Гудбранду тот поросенок, вот он и говорит крестьянину:

— Слышь-ка, добрый человек, давай меняться. Я тебе коня, ты мне поросенка.

Подивился крестьянин, однако от обмена не отказался. Идет Гудбранд по дороге с поросенком и сам на себя не нарадуется. «Ишь ты, — думает, — до чего у меня все толково выходит. Надо бы и поросенка поприбыльней сменить».

И сменял он поросенка на козу. А день-то был базарный, и люди много всякой живности в город на продажу вели. «Вот где выгодную мену сделать можно», — смекнул Гудбранд. И пошел он меняться. Козу сменял на овцу, овцу на гуся, гуся на петуха.

Идет он с петухом, и тут ему до смерти есть захотелось. А денег на хлеб нету. Что тут станешь делать?

— Продам-ка я петуха,— решил Гудбранд.— Не пропадать же мне с голоду!

Продал он петуха за двенадцать шиллингов, купил еды, закусил и зашагал дальше налегке.

Добрался Гудбранд до своей деревни и зашел к соседу отдохнуть с дороги.

— Хорошо ли торговал в городе?— спрашивает его сосед.

— Да как сказать,— отвечает Гудбранд.— Оно, конечно, хвалиться нечем, да только и жаловаться вроде бы не на что.

И рассказал он, как все у него вышло.

— Ну, и достанется тебе нынче от жены!— говорит сосед.— Не хотел бы я на твоём месте быть.

— Отчего же?— говорит Гудбранд.— Не так уж худо я торговал. Только худо ли, нет ли— жена мне все равно и слова поперек не скажет.

— Знаю, знаю, она у тебя добрая,— отвечает сосед,— только уж на сей раз ты от нее спуска не жди.

Тут Гудбранд и предложил соседу:

— Хочешь побьемся с тобой об заклад? Есть у меня в кубышке сотня далеров; я их на черный день припрятал. Ежели жена меня хоть словом попрекнет, я тебе все эти деньги отдам. А коли она меня хвалить станет, то ты мне сто далеров отдашь.

Ударили они по рукам, дождались, пока стемнело, и пошли к Гудбрандовой усадьбе. Гудбранд в дом вошел, а сосед за дверью схоронился и стал слушать, что дальше будет.

Переступил Гудбранд порог, с женой поздоровался:

— Вечер добрый!

— Вечер добрый!— говорит жена.— Слава богу, что ты воротился. Каково торговал в городе?

— Да так себе. Хвалиться нечем. Корову никто покупать не стал, и я ее на коня выменял.

— Вот спасибо, так спасибо!— обрадовалась жена.— Теперь мы в церковь в повозке ездить станем, не хуже других. Да и в хозяйстве лошадь пригодится. Веди-ка ее в сарай!

— Нет у меня лошади! Я ее по дороге на поросенка выменял,— отвечает Гудбранд.

А жена еще пуще обрадовалась.

— Экий ты у меня разумник! Мне бы и то лучше не сделать. Уж не знаю, как тебя и благодарить! Будет теперь у нас в доме и свинина, и сало, будет чем добрых гостей попотче-

вать. А конь нам ни к чему! Из-за него только сраму от людей натерпишься. Ишь, скажут, до чего загордились, уж и в церковь пешком пройти не могут! Отведи-ка поросенка в хлев.

— Так ведь и поросенка-то у меня уже нет. Я его по дороге на козу обменял,— отвечает Гудбранд.

А жена от радости сама не своя.

— И все-то ты так складно придумашь! Поросенок что? Его съешь — и как не бывало. А от козы у нас всегда и молочко, и сыр будет. Ну-ка, тащи сюда свою козу.

— По правде сказать, так и козы у меня нет. Шел я по дороге и выменял ее на овцу,— говорит Гудбранд.

А жена от радости чуть не пляшет.

— И как ты только до этого додумался? Куда нам коза? Только и знай, что гоняйся за ней день-деньской с хвостинкой по пригоркам да по лугам! А от овцы нам и мясо, и шерсть будет. Ну-ка, давай сюда твою овцу.

— Была у меня овца, да вся вышла. Я ее на гуся выменял,— отвечает Гудбранд.

А жена от радости опомниться не может.

— Вот это ты хорошо сделал! Вот спасибо, так спасибо! Ни к чему мне овца, ежели толком рассудить. У меня ни прялки, ни веретена нет; да и не мастерица я шерсть пряхь. А надо будет, так ее и купить недолго. Зато мы теперь жирной гусятиной полакомимся, я ее страсть как люблю. И подушки гусиным пухом набить можно. Ну-ка, где там у тебя твой гусь?

— И гуся у меня нет. Я его на петуха выменял,— говорит Гудбранд.

Тут жена от радости света невзидела.

— И как только у тебя на все ума хватает! И то сказать, для чего нам гусь? Я его и жарить-то толком не умею. А подушки и сеном набить можно. Вот петух — иное дело! Это все одно, что часы купить. Теперь мы всегда к сроку вставать будем. Как закукарекает он на заре — тут уж не проспишь! Тащи сюда петуха!

— Продал я его,— говорит Гудбранд,— у меня по дороге так с голоду живот подвело, что думал, живым не останусь. Вот и пришлось мне за двенадцать шиллингов петуха продать да еды себе купить.

— Слава богу, что ты до этого додумался! — закричала жена. — Что б ты ни сделал, все ладно! А петух нам ни к чему. Мы сами себе господа и можем по утрам спать, сколько душа пожелает. Был бы только ты у меня жив-здоров,

а больше мне ничего не надо — ни гуся, ни коровы, ни поросенка!

Тут открыл Гудбранд дверь и говорит соседу:

— Ну что, сосед, выиграл я сто далеров?

А тот отвечает:

— С хорошей-то женой хоть и проиграешь, а все в выигрыше останешься.

И купил Гудбранд на те сто далеров, что у соседа выиграл, и корову, и коня, и поросенка, и много всякой живности.

Прошлогодня каша

Жил-был в Нурлане крестьянский парень, и собрался он жениться. А матушка у него была женщина опрятная и дом свой всегда в чистоте держала.

— Люблю, чтобы кругом все прибрано было, чтобы ни где ни пылинки,— говаривала она.

Вот и сыну хотелось жену такую же чистоплотную, как и мать: чтобы чисто стряпала да горшки чтоб у нее блестяли. «Только как дознаться — чистоплотная она или неряха?» Думал он, думал и под конец надумал. Обмотал пальцы холстиной, прикинулся, будто у него рука болит, и отправился. Пришел он на хутор, где у хозяев дочка была на выданье, и давай свататься. Приняли его, как водится жениха принимать: с пивом и с брагой, со снедью и с веселой беседой. Завели разговор о том о сем, а потом стали спрашивать, что это у него с рукой приключилось.

— Да тролль мне палец попортил, и не лесной тролль, не горный, а болотный. Из всех троллей он — самый злощий. Кто только меня не пользовал — и лекарь, и ворожеи. Только нет такого средства, чтоб моей беде помочь,— говорит парень.

— Покуда жив, от любой беды средство найдется, от одной смерти не спасешься,— говорят хозяева.

— Ваша правда; сказывают, есть одно средство,— молвил парень.

— Какое же? — спрашивает хозяйская дочка.

— Каша прошлогодня. Натрешь кашей руку, все и пройдет. Да только где такую кашу сыщешь? Наши хозяйки горшки дочиста отскребают. Вчерашнюю кашу и то редко где встретишь. Где уж тут прошлогоднюю найдешь!

— Ха-ха! — захохотали мать с дочкой. — Такого-то добра да не сыскать! Ну, мы от твоей беды средство найдем. В наших плошках, горшках да мисках, в старых чугунах да кашниках не то что прошлогодняя каша найдется, но и такая, что семь, а то и четырнадцать лет стоит!

Вот тебе и чистоплотная невеста!

Лис Миккель и медведь Бамсе

Издавна враждовали меж собою лис Миккель и медведь Бамсе. И хоть медведь много сильнее лиса, а никак ему с Миккелем не совладать было, потому что верх всегда тот берет, у кого смекалки больше. Только один раз так вышло, что и старый Бамсе лиса в дураках оставил.

Вот послушайте, какие потешные истории о них в народе рассказывают:

1. «БРОСАЙ ЕЛОВЫЙ КОРЕНЬ — ХВАТАЙ ЛИСИЙ ХВОСТ!»

Сидел однажды летом медведь Бамсе на пригорке да и задремал на солнышке. А тут лис Миккель из лесу крадется. Увидел он медведя и думает:

«Дремлешь, дедуля? Ах ты, лежебока этакий! Ну погоди, сейчас я с тобой шутку сыграю».

Поймал он в лесу трех мышей, положил их на пенек под носом у медведя, а сам подкрался к нему тихонько да как гаркнет над самым ухом:

— Бух, бух! Проснись, Бамсе! Пер-стрелок за горою! Покричал он так — а сам деру в лес!

Встрепенулся медведь, вскочил спросонья и оглядывается, кто это его разбудил? И решил он, что это лесные мыши на пеньке его попугать вздумали. Хотел он было их на куски разорвать, да вдруг видит — меж деревьями на лесной опушке лисий хвост мелькает. Понял медведь, что это опять хитрый Миккель с ним шутку сыграл, и пустился вдогонку за лисом. Бежит он за ним по пригоркам да по лужайкам, через рощи, перелески, кусты — кругом только треск стоит. Совсем уж выбился из сил хитрый Миккель; еле-еле до

своей норы добежал. А нора у него под корнями большой ели была. Только хотел лис в нее юркнуть, а медведь хватя его за хвост и не пускает. Пропал рыжий лис! Только Миккель был не из тех, кто в беде голову теряет. Обернулся он и крикнул медведю:

— Бросай еловый корень — хватай лисий хвост!

С перепугу выпустил медведь лисий хвост и за еловый корень ухватился. А лис Миккель шаст в нору! Залез поглубже и кричит оттуда медведю:

— Что, дедуля, опять я тебя околпачил!

— Ну погоди, я тебе это припомню! — заревел медведь и побрел обратно на пригорок дремать на солнышке.

А у лиса с той поры на хвосте белая отметина от медвежьей лапы осталась.

II. ПОРОСЯТИНА И МЕДОВЫЕ СОТЫ

На другое утро сидел лис Миккель на камне у болота. Вдруг видит — старый Бамсе плетется и жирного поросенка тащит.

— День добрый, дедуля, — говорит лис. — Что это ты тащишь?

— Да вот хочу поросятинкой полакомиться, — отвечает медведь.

— И у меня кой-чего вкусенького припасено, — говорит лис.

— А что? — спрашивает медведь.

— Медовые соты; да такие, каких я никогда еще не видел.

У медведя аж слюнки потекли, до того захотелось ему свежего медку отведать.

— Может, поменяемся? — предлагает он Миккелю.

— И не подумаю! — говорит лис.

И придумал Миккель такую игру — кто из них быстрее три дерева назовет. Если медведь выиграет — даст ему лис меда отведать, а если лис выиграет — получит он от медведя кусок поросятины.

— Ну, — говорит Миккель медведю, — начинай!

Подумал медведь, почесал лапой в затылке и медленно затынул:

— Бе-ре-за, о-си-на, ря-би-на!

А лис, не долго думая, скороговоркой выпалил:

— Дуб, вяз, клен!

Стало быть, выиграл Миккель у старого Бамсе. Схватил он самый лакомый кусок поросятинки и помчался в лес со всех ног.

Заревел медведь от злости и пустился вдогонку за лисом. Догнал его и ну трепать да тузить!

— Не бей меня, дедуля! — взмолился лис. — Коли отпустишь меня, — я тебе медовые соты отдам!

Отпустил медведь Миккеля, а тот отдал ему медовые соты и говорит:

— Они листьями прикрыты. Ты листья сними и медком вовсю полакомишься.

Заурчал медведь от радости, утащил добычу в кусты, улегся поудобнее и лапой листья откинул.

Только это вовсе не медовые соты были, а осиное гнездо. Как откинул медведь листья, так все осы из гнезда и вылетели и давай старого Бамсе жалить — и в нос, и в глаза, и в уши, и в шею!

Скулит медведь от боли, лапой от ос отбивается, а хитрый Миккель сидит на камне и хохочет-заливается!

С той поры все медведи стали от ос пуще огня бояться.

III. КАК МИККЕЛЬ И БАМСЕ ВМЕСТЕ ПОЛЕ ВОЗДЕЛЫВАЛИ

Решили как-то Миккель и Бамсе вместе поле возделывать. Вскопали они в лесу кусок целины и посеяли рожь.

— Как же мы урожаем делить будем? — спрашивает медведь.

— Надо, чтоб все по справедливости было, — отвечает лис. — Ты бери себе корешки, а мне и вершков довольно.

Наступила жатва, и снял лис богатый урожай зерна, а медведю одна солома да сорняки достались.

Разозлился старый Бамсе, а лис ему и говорит:

— Ничего не поделаешь, такой уговор был. Но коли хочешь, на сей раз бери вершки себе, а мне, так и быть, пускай корешки достанутся.

И посадили они репу.

Поспела репа, выкопал ее Миккель, а медведю одни только листья достались.

Рассердился медведь и с той поры никогда больше с лисом никаких дел не затевал.

IV. КАК МИККЕЛЮ ЗАХОТЕЛОСЬ КОНИНОЙ ПОЛАКОМИТЬСЯ

Задрал как-то старый Бамсе лошадь и лежит около туши, обедает. А хитрый Миккель — тут как тут. И вертится он вокруг медведя, и юлит, все норовит у него из-под носа кусок мяса ухватить. А старый Бамсе ему говорит:

— Хочешь, Миккель, я научу тебя, как лошадь поймать? Тогда и ты кониной полакомишься.

— Хочу! — говорит Миккель.

— Пойди на лесное пастбище, и, как увидишь лошадь, что лежит на пригорке и спит, вскочи ей на спину, привяжи себя к ней накрепко и вцепись зубами ей в ляжку.

Побежал Миккель в лес и видит: на горушке под солнцем лошадь спит. Вскочил он к ней на спину, привязал себя накрепко и хватать ее зубами за ляжку! Тут лошадь как вскочит и да как начнет скакать по склонам и по камням с Миккелем на спине! Несется лошадь рысью, а лис верхом на ней едва жив сидит.

Вдруг пробегает мимо заяц Йенс.

— Куда это ты скачешь сломя голову, Миккель? — спрашивает заяц.

— Да вот решил прогуляться верхом! — отвечает ему лис.

Встал тут заяц на задние лапки, передними за живот схватился да как захохочет. Хохотал, хохотал, чуть от смеха не лопнул.

С той поры лис Миккель уж не пытался кониной полакомиться.

Вот так и вышло, что один раз и старый Бамсе над лисом верх взял.

Принцесса с Хрустальной горы

Жил-был на свете крестьянин — ни богат, ни беден. И было у него три сына. Меньшого — ты, верно, и сам догадался — Аскеладден звали. Он все больше за печкой, в ящичке с золой, сидел, да и слыл к тому же придурковатым. А еще был у крестьянина высоко в горах большой зеленый луг. Поставил крестьянин там на косогоре сеновал — сено складывать. Только в последние годы, слышать, не больно се-

новал от сена ломился. Раз в году, когда трава была особенно густой и высокой, повадился кто-то ночью ее дочиста объедать да вытаптывать. Словно табун лошадей там до самого утра паса!

Стерпел хозяин такое раз, стерпел другой, а на третий обидно ему стало. Призвал он сынов своих да и говорит старшему:

— Спрячься ночью за сеновалом и гляди в оба. Жаль будет, коли траву опять объедят да вытопчут!

— Так и быть! — отвечает старший сын. — Посторожу я травку на лугу. Ни людям, ни скотине, ни троллям ни единой былинки не уступлю!

Только вечер настал, пошел старший сын на сеновал и сразу спать завалился. Спит — и ухом не ведет! Ночью земля вдруг как затрясется, стены и крыша сеновала как задрожат! Проснулся парень, и до того страшно ему стало! Вскочил он и кинулся бежать без оглядки. А травы на лугу снова как не бывало!

Разгневался крестьянин, на чем свет стоит старшего сына ругает. Да что поделаешь, коли сын трусом уродился!

Минул год. Крестьянин опять сынов призывает и говорит среднему сыну:

— Спрячься ночью за сеновалом и гляди в оба. Худо будет, коли нам снова сена своего не видать!

— Так и быть! — отвечает средний сын. — Посторожу я травку на лугу. Ни людям, ни скотине, ни троллям ни единой былинки не уступлю!

Только вечер настал, пошел средний сын на сеновал и сразу спать завалился. Точь-в-точь как его старший брат. Спит без задних ног. Ночью земля вдруг как затрясется, стены и крыша сеновала как задрожат! Куда сильнее, чем в прошлом году. Проснулся парень, и до того страшно ему стало! Вскочил он и кинулся бежать что есть духу. А утром травы на лугу снова как не бывало!

Разгневался крестьянин, на чем свет стоит среднего сына ругает. Да что поделаешь, коли и этот сын трусом уродился!

Минул год. Крестьянин опять сынов призывает и говорит младшему сыну Аскеладдену:

— Спрячься ночью за сеновалом и гляди в оба! Беда, коли опять у нас всю траву объедят да вытопчут.

— Так и быть! — отвечает Аскеладден. — Посторожу я травку на лугу!

Но больше ничего отцу не посулил^{ли} и сразу же на луг стал собираться.

Тут братья как захохочут, чуть от смеха не лопнули.

— Это он-то травку постережет?! Ха-ха-ха! Мы и то не смогли, где уж Аскеладдену! Ему бы только в ящичке с золой за печкой сидеть да греться! Замарашка этакий!

Аскеладден на их речи и внимания не обращает, в их сторону даже не глядит.

Только вечер настал, пошел младший сын на сеновал, лег на сено, но спать не спал, а все прислушивался. Час проходит, другой проходит; загремело вдруг, загрохотало — до того страшно!

«Э, нет, меня не запугаешь, — думает Аскеладден. — Только бы хуже не было! А такое я выдержу!»

Немного погодя опять загремело, загрохотало, земля затряслась. Сено на сеновале так ходуном и ходит.

«Э, нет, меня не запугаешь! — думает Аскеладден. — Только бы хуже не было! А такое я выдержу!»

Вскоре опять загремело, загрохотало, земля затряслась, стены и крыша сеновала задрожали, вот-вот рухнут! Потом вдруг все стихло.

«Верно, скоро опять загремит!» — решил Аскеладден.

Однако кругом по-прежнему тихо-претихо было. И чудится вдруг ему, будто у самых дверей сеновала конь ржет. Подкрался Аскеладден к дверям, в замочную скважину глянул и обомлел: там и впрямь конь оседланный стоит, сено жует. Такого рослого, ухоженного, откормленного коня Аскеладдену видеть не доводилось. А на спине у коня доспехи рыцарские медные, будто солнышко, сверкают.

«Ого-го-го! Стало быть, это ты нашу траву по ночам лопаешь! — подумал Аскеладден. — Не бывать больше этому!»

Схватил он огниво, что в кармане у него лежало, да через голову коня и перекинул. А была в том огниве такая волшебная сила, что конь тут же как вкопанный стал, с места двинуться не может — сам Аскеладдену в руки дался.

Вскочил крестьянский сын коню на спину и прочь поскакал. Спрятал Аскеладден коня в потайном местечке — он один о нем знал — и домой пошел.

Приходит, а братья давай над ним глумиться да насмеяться:

— Недолго же ты бока на сеновале отлеживал, если вообще там был!

— Был я на сеновале, — отвечает Аскеладден, — до самого восхода солнышка. Только ночью ничего не видал и не слышал. Ума не приложу, кто вас так напугал!

Братья рассердились.

— Ладно, поглядим, хорошо ли ты зеленый луг сторожил!

Пришли они на зеленый луг, а трава там по-прежнему густая и высокая.

Невзлюбили братья Аскеладдена, ходят — носы от него воротят. А Аскеладдену хоть бы что: за печкой сидит, песенки напевает.

Минул год. Пришла пора траву на лугу зеленом сторожить. Не хотят старшие братья на сеновал идти: насмерть в первый раз перепугались, забыть про то никак не могут. Один Аскеладден ничего не боится!

Снова пошел он на сеновал, лег на сено и прислушался. Загремело вдруг, загрохотало, земля затряслась. Потом второй раз, третий! Только гремело и грохотало куда сильнее, чем в прошлом году. А потом разом тихо-претихо стало! И слышится Аскеладдену, будто у самых дверей сеновала конь ржет. Подкрался он к дверям, в замочную скважину глянул и обомлел: там и впрямь конь оседланный стоит, сено жует. Такого рослого, ухоженного, откормленного коня Аскеладдену видеть не доводилось. Куда преждему до этого! А на спине у коня доспехи рыцарские чистого серебра будто звезды горят!

«Ого-го-го! Стало быть, это ты нашу траву по ночам лопаешь! — подумал Аскеладден. — Не бывать больше этому!»

Схватил он огниво, что в кармане у него лежало, да через гриву коня и перекинул. Конь тут же как вкопанный стал, будто кто в цепи его заковал, — сам Аскеладдену в руки-дался.

Вскочил крестьянский сын коню на спину и прочь поскакал. Спрятал он коня в потайном местечке, где первый пленник его стоял, и домой пошел.

Приходит, а братья давай над ним, как и в прошлый раз, глумиться да насмехаться:

— Ну как там нынче на зеленом лугу? Ни травинки, верно, не осталось?!

— А вы сами посмотрите! — отвечает Аскеладден.

— Ладно, поглядим, хорошо ли ты зеленый луг сторожил! — рассердились братья.

Пришли они на зеленый луг, а трава там по-прежнему густая и высокая.

Что тут с братьями сделалось! Видеть младшего не могут, носы от него воротят. А Аскеладдену хоть бы что: за печкой сидит, песенки напевает.

Еще год минул. Пришла пора траву на лугу зеленом сторожить. Не хотят старшие братья на сеновал идти: насмерть в первый раз испугались, забыть про то никак не могут. Один Аскеладден ничего не боится!

Снова пошел он на сеновал, лег на сено, прислушался. Загремело вдруг, загрохотало, земля затряслась. Потом второй раз, третий! Только гремело и грохотало куда сильнее, чем в прошлом году. Последний раз как грохнет — Аскеладден к другой стенке сеновала отлетел! А потом разом тихо-претихо стало! И чудится Аскеладдену, будто у самых дверей сеновала конь ржет. Подкрался он к дверям, в замочную скважину глянул и обомлел: там и впрямь конь оседланный стоит, сено жует. Такого рослого, ухоженного, откормленного коня Аскеладдену видеть не доводилось. Куда двум прежним до этого! А на спине у коня доспехи рыцарские чистого золота будто месяц сияют!

«Ого-го-го! Стало быть, это ты нашу траву по ночам лопаешь! — подумал Аскеладден. — Не бывать больше этому!»

Схватил он огниво, что в кармане у него лежало, да через хвост коня и перекинул. Конь тут же как вкопанный стал, будто кто его к земле пригвоздил, — сам Аскеладдену в руки дался.

Вскочил крестьянский сын коню на спину и прочь по скакал. Спрятал он коня в потайном местечке, где два других его пленника стояли, и домой пошел.

Приходит, а братья снова давай над ним глумиться да насмехаться:

— Ну, нынче ты, видать, на совесть зеленый луг сторожил! Глаза до сих пор продрать не можешь!

— Пойдите сами посмотрите! — отвечает Аскеладден.

Пришли они на зеленый луг, а трава там по-прежнему густая и высокая.

Обозлились братья, что Аскеладден их умнее да удачливее, ходят — носы от него воротят... А Аскеладдену хоть бы что: за печкой сидит, песенки напевает.

Слышат вдруг братья: кто-то по дороге скачет. Выбежали они за ворота, а навстречу им — гонец королевский на вороном коне мчится и громко возвещает:

— Тому, кто на вершину Хрустальной горы трижды верхом на коне въедет и трижды золотое яблоко из рук коро-

левской дочери вырвет, король отдаст ее в жены и полкоролевства в придачу!

Гонец протрубил и дальше помчался — по всей стране и в иноземных государствах волю королевскую возвещать.

Приздумались братья. Знали они, что принцесса — красоты неопишумой. Кто на нее глянет, тотчас жениться готов, даже без всякого приданого. А тут еще полкоролевства в придачу! Все принцы и рыцари небось тотчас теперь к Хрустальной горе кинутся. А гора эта высокая-превысокая, крутая-прекрутая, да к тому же гладкая и скользкая, будто ледяная. Туда не то что на коне верхом — ползком не поднимешься! А королевская дочка на самой вершине сидит!

Все же решили старшие братья счастья попытать, к королевскому двору отправиться. Акселадден тоже было за ними увязался. А они как закричат:

— Ты что?! Никак прямо из ящика с золой к королевскому двору собрался! Да если ты, урод и грязнуля, с нами пойдешь, нас на смех поднимут!

— Больно надо мне с вами идти! — отвечает Акселадден. — Я и один могу!

Отправились старшие братья к королевскому двору. А младший где-то сзади один плетется.

Шли братья, шли и пришли к Хрустальной горе. А там принцев и рыцарей со всего света видимо-невидимо — один другого краше, один другого нарядней. Кони под ними рослые, сильные, так и приплясывают. И каждый принц и рыцарь об удаче мечтает: уж кому-кому, а ему-то принцесса и полкоролевства непременно достанутся.

Гарцуют всадники на взмыленных конях, на Хрустальную гору въехать стараются. Да все зря. Только конь на гору ступит, ноги у него, как на льду, разъезжаются. Ни один конь выше нескольких футов не поднялся.

До самого вечера принцы и рыцари счастья пытали, по многу раз вверх и вниз скользили, а все без толку. Пришлось им под конец отступить.

Король уже объявить собрался, что состязание на следующий день заново начнется. Тогда дело, может, лучше сладится. Но тут вдруг, откуда ни возьмись, еще один рыцарь верхом на коне скачет. Никто такого доброго коня никогда прежде в глаза не видывал. О самом рыцаре и говорить нечего, до того собой хорош! Доспехи его, седло и уздечка конские — медные, на солнце так и сверкают!

Стали тут ему рыцари и принцы кричать:

— Не трудись — на Хрустальную гору никому не въехать! Ничего и у тебя не выйдет!

Но рыцарь в медных доспехах **будто и не слышит** — к Хрустальной горе подскакал и наверх махнул, все выше и выше поднимается, словно ему это нипочем. Но только треть горы одолел — взял вдруг да и поворотил коня. Стал вниз съезжать.

Рыцарь этот очень королевской дочери приглянулся. Такого пригожего, статного молодца ей никогда прежде видеть не доводилось. Пока рыцарь в гору поднимался, у нее одно было на уме: «Только бы на вершину въехал! Только бы въехал!»

А когда рыцарь коня поворотил, не удержалась принцесса — бросила ему золотое яблоко вслед. Оно рыцарю в карман и попало.

Всадник тем временем с горы спустился и тут же прочь ускакал — только его и видели!

В тот же вечер всем принцам и рыцарям велено было к королю явиться: пусть тот, кто золотое яблоко добыл, королю его покажет. Стали принцы и рыцари один за другим к королю являться, но ни у кого из них золотого яблока не было.

Вернулись ночью старшие братья домой и давай Аскеладдену рассказывать: «Поначалу-то никто из женихов на гору взобраться не мог. Но вот явился рыцарь: доспехи его, седло и уздечка конские — медные, так и сверкают, издалека видно, а уж как верхом ездить умеет! На целую треть в гору поднялся, мог бы и на вершину махнуть, коли б захотел. А он коня назад поворотил! Решил, видно, что на первый раз хватит. Королевская дочка этому рыцарю вслед золотое яблоко кинула».

— Вот бы мне на того рыцаря поглядеть, — молвил Аскеладден. Он, по обыкновению своему, в ящике с золой сидел.

— Поглядеть на него хочешь! — захохотали братья. — Где тебе со знатными господами рядом стоять! Урод ты этакий, грязнуля! Уж лучше в своем ящике сиди!

На другой день братья снова на королевский двор собираются. Аскеладден тут как тут:

— Нельзя ли и мне с вами пойти, на принцев и рыцарей поглядеть — как они на гору въезжают.

— Куда тебе! — закричали братья. — Уж больно ты страшен!

— Ладно! — отвечает Аскеладден. — Я и один могу!

Братья к Хрустальной горе подъехали, а там уже принцы и рыцари снова счастья пытаются: коней, видать, заново подковали, на гору подняться стараются.

До самого вечера женихи от горы не отходили, по многу раз вверх и вниз скользили, но все равно выше нескольких футов ни один из них не поднялся. А когда кони вовсе из сил выбились, пришлось принцам и рыцарям отступить.

Король уже объявить собрался, что состязание на следующий день заново начнется. Тогда дело, может, лучше сладится. А потом решил подождать: авось снова рыцарь в медных доспехах явится.

Вдруг, откуда ни возьмись, новый рыцарь верхом на коне скачет. Конь под ним добрый, коня с медной уздечкой куда краше. Доспехи рыцарские, седло и уздечка конские — чистого серебра, на солнце так и сверкают.

Стали тут ему рыцари и принцы кричать:

— И не пытайся на Хрустальную гору въехать, все равно ничего не выйдешь!

Но рыцарь в серебряных доспехах слушать их советов не стал — к Хрустальной горе подскочил, махнул наверх и еще выше рыцаря в медных доспехах поднялся. Но только две трети горы одолел — взял вдруг да и поворотил коня. Стал вниз съезжать.

Рыцарь этот королевской дочке куда больше вчерашнего жениха приглянулся. И пока он в гору поднимался, у нее одно было на уме: «Только бы он на вершину въехал! Только бы въехал!»

А когда рыцарь коня поворотил, не удержалась принцесса — бросила ему второе золотое яблоко вслед. Оно рыцарю в карман и попало.

Всадник тем временем с горы спустился и тут же прочь ускакал — только его и видели!

В тот же вечер всем принцам и рыцарям снова велено было к королю явиться: пусть тот, кто золотое яблоко добыл, королю его покажет. Стали принцы и рыцари один за другим к королю являться, но ни у кого из них золотого яблока не было.

Как и в прошлый раз, вернулись ночью старшие братья домой и давай Аскеладдену рассказывать: «Поначалу-то никто из женихов на гору взобраться не мог. Но вот явился рыцарь: доспехи его, седло и уздечка конские — чистого серебра, так и сверкают, издалека видно, а уж как верхом скачет! На две трети в гору поднялся. Королевская дочка ему вслед золотое яблоко кинула!»

— Вот бы мне на того рыцаря поглядеть! — молвил Аскеладден. Он, по обыкновению своему, в ящике с золой сидел.

— Тот рыцарь как раз тебе под стать! — захохотали братья. — Урод ты этакий, грязнуля! Уж лучше в своем ящике сиди!

На третий день было все так же, как и в первые два дня. Аскеладден хотел с братьями к королевскому двору отправиться, поглядеть, как принцы и рыцари состязаются. Но старшие братья его с собой не взяли. Вот и поплелся он за ними следом.

Пришли братья к Хрустальной горе, а там — все по-прежнему. До самого вечера женихи от горы не отходили, по многу раз вверх и вниз скользили, но все равно выше нескольких футов ни один из них не поднялся. Одна надежда была: может, снова рыцарь в серебряных доспехах явится. Да только никто его не видал и никто о нем ничего не слышал.

Вдруг, откуда ни возьмись, новый рыцарь верхом на коне скачет. Конь под ним добрый — никому еще такого видеть не доводилось. Доспехи рыцарские, седло и уздечка конские — чистого золота, на солнце так и сверкают.

И до чего ж тот рыцарь был хорош! Все прочие рыцари с принцами просто онемели, рта открыть не могут, не то что крикнуть: «И не пытайся на Хрустальную гору въехать, все равно ничего не выйдет!»

Подскакал рыцарь к Хрустальной горе, да разом на самую вершину горы и махнул. Королевская дочка про себя даже пожелать не успела, чтобы он наверх поднялся, а он уже тут как тут, выхватил золотое яблоко у нее из рук, коня поворотил, вниз с горы съехал и тут же прочь ускорился — только его и видели.

Вернулись ночью старшие братья домой и давай Аскеладдену рассказывать: «Поначалу-то опять никто из женихов на гору взобраться не мог. Но вот явился рыцарь в золотых доспехах. Такого пригожего рыцаря на всем белом свете не сыщешь! А уж как верхом скачет! На самую вершину горы поднялся и у королевской дочери третье яблоко из рук вырвал!»

— Вот бы мне на того рыцаря поглядеть, — молвил Аскеладден.

— Твое дело — в ящике с золой сидеть! — захохотали братья. — Урод ты этакий, грязнуля! Копайся в золе и помалкивай.

На другой день всем женихам велено было к королю явиться: пусть тот, кто золотое яблоко добыл, королю его покажет. Стали принцы и рыцари один за другим к коро-

лю являться, но ни у кого из них золотого яблока не было.

— Где же это яблоко? — удивился король. — Ведь все видели, как рыцарь в золотых доспехах на вершину горы поднялся и яблоко из рук принцессы вырвал! Да и два других яблока неведомо куда девались.

И повелел король: пусть все до единого жители его страны к нему в замок явятся. Надо же узнать, кто яблоки золотые у себя прячет!

Собралось в замке людей видимо-невидимо. Но ни у кого золотых яблок не было.

Братя Аскеладдена в замок пришли считай что последними. Вот король их и спрашивает:

— Все ли явились в замок? Не осталось ли еще кого в моем государстве?

— Да есть еще один, — отвечают они ему, — то брат наш меньшей. Только у него золотых яблок и быть не может. Он вчера весь день в ящике с золой просидел.

— Все равно, — говорит король. — Раз все остальные в замке побывали, пусть и он придет.

Делать нечего, пришлось Аскеладдену на королевский двор идти.

— Есть у тебя золотое яблоко? — спрашивает король.

— Есть, — отвечает Аскеладден. — Вот одно, вот другое, а вот и третье. — И вынимает он все три яблока из своего кармана.

Скинул младший брат черные закопченные лохмотья, а под ними золотые доспехи сверкают. Залюбовались все пригожим рыцарем.

— Ладно, — обрадовался король, — получишь в жены дочку мою и полкоролевства в придачу.

А потом и свадьбу сыграли — веселую-превеселую. Наверное, без состязания на той свадьбе тоже не обошлось. Хоть и не смогли принцы и рыцари на Хрустальную гору въехать, сражаться-то они умели! И коли они друг друга не перебили, то, верно, еще до сих пор бьются.

III begckuo
ckaZku

Крестьянин и помещик

Купил однажды крестьянин Халвор жеребенка на ярмарке и привел к себе на конюшню. Растил он его, холил и выхаживал, точно сына родного, и вырос из жеребенка такой конь, что любо-дорого поглядеть. Далеко пошла молва о красавце коне. Дошел слух и до помещика, и вздумал он всеми правдами и неправдами этого коня у Халвора отобрать.

Вот однажды посылает он к Халвору нарочного и велит ему тотчас же верхом на коне в поместье явиться. Прослышал, дескать, помещик про красавца коня и хочет одним глазком на него взглянуть. Смекнул Халвор, какое помещик дело затеял, однако виду не подал; сел верхом и прискакал на барский двор.

А у помещика как раз в этот день пир горой был — созвал он в свой дом дворян и помещиков со всей округи. Увидели гости, что Халвор верхом к крыльцу подъезжает, и кинулись они к окнам на диковинного коня налюбоваться. Видят — и впрямь, не конь, а загляденье! Стали тут все помещику в один голос твердить, что он этого коня непременно у Халвора откупить должен. Куда, дескать, мужику чумазому такой конь! На нем только дворянину ездить пристало. Зазывает помещик Халвора в свои покои, сажает за стол меж самых знатных гостей и усердно вином потчует. А как выпил Халвор не один кубок вина, помещик его спрашивает:

— Не продашь ли мне своего коня?

— Нет, господин, — отвечает Халвор. — Такого красивого коня у меня сроду не бывало. Корму в конюшне хватает, и продавать мне коня ни к чему.

Ничего не сказал на это помещик, только принялся еще усерднее крестьянину вина подливать. А Халвор хоть и пьет

вволю, да разума не теряет. Немного погодя опять помещик о том же речь заводит.

— Нет, господин,— отвечает Халвор.— Знаете ведь, как в народе говорят: «Деньгами коня не купишь, а удачей добудешь». Продать я вам коня не продам, а об заклад на него побьемся, коли хотите. Кто лучше небылицу выдумает — тому и конем владеть, да еще тремя сотнями далеров в придачу.

— Согласен! — говорит помещик.— Стало быть, уговор такой: кого в неправде уличат — тот выиграл. Ну, начинай ты.

— Э, нет, ваша милость,— отвечает Халвор.— Издавна так повелось, что мы, люди простого звания, вашему дворянскому сословию всегда дорогу уступаем. Так что вам и начинать.

— Ну ладно, слушай! Был у моего покойного батюшки бык, да такой громадный, что если птица поутру на один его рог сядет, а потом на другой вздумает перелететь, то раньше вечера до него не доберется.

— Что ж, бывает и такое,— говорит Халвор.— Вот только хотел бы я на тот хлев поглядеть, что такого быка вместить может.

— А теперь ты свою небылицу выкладывай,— приказывает помещик.

— Посадил я однажды лен, и вырос он до самого неба, так что и верхушки не видать было. Взял я лестницу, приставил ко льну и полез вверх. Лез, лез и добрался до того света. И верьте, не верьте, а только на том свете все не так, как на земле. Крестьяне там в богатстве да почете живут, а все ваше дворянское сословие у них в услужении состоит. Видел я там и батюшку вашего. Он и землю пашет, и за лошадьми ходит, и навоз убирает!..

— Врешь, голь перекатная! — в сердцах закричал помещик.— Никогда мой батюшка себя работой утруждать не станет!

— А коли я вру, то, стало быть, и конь мой, и три сотни далеров мои. Уговор-то помните? Кого в неправде уличат — тот и выиграл.

Высыпал Халвор все выигранные деньги в шапку, вышел во двор, вскочил на своего доброго коня и ускакал домой.

А помещик и все его знатные гости из окон вслед ему глядят и на чем свет стоит ругают Халвора.

— Ишь, бесстыдный мужик! Какую небылицу про дворянское сословие выдумал! Где ж это видано, чтобы дворянин работать умел?

Старый корзинщик

Был у могущественного короля единственный сын, и задумал отец женить его на самой знатной и богатой принцессе, какая только на белом свете сыщется. А чтобы сын не влюбился невзначай в девушку низкого звания, заточил король принца в башню и строго-настрого наказал никуда из нее не выходить. А страже повелел ни одной крестьянки либо простолюдинки и близко к замку не подпускать.

Раз уехал король на войну, а к сыну своего слугу приставил и велел ему пуще глаза молодого принца стеречь. А время было летнее, дни стояли жаркие, и до смерти захотелось принцу по лесам да по лугам побродить, вольным воздухом подышать. Упросил он старого слугу выпустить его из башни ненадолго и отправился в лес. Вот бредет он по лесным тропкам, цветами не налюбуется, птичьему пенью не нарадуется.

И видит вдруг — какая-то девушка на полянке коз пасет. До того была хороша та девушка, что принцу она с первого взгляда полюбилась, и решил он к ней посвататься. Подошел поближе и говорит:

— Кто ты, красавица?

— Я — крестьянская дочь Маргит, — отвечает девушка.

— Не пойдешь ли замуж за меня, королевского сына?

— А это как старик отец скажет. На то его воля.

— А где же твой отец?

— Да тут неподалеку, в лесной избушке.

Пришел принц к старому крестьянину и стал сватать за себя его дочь. А крестьянин ему отвечает:

— Нет, ваша милость. Моя дочь вам не ровня, и не будет на то моего согласия.

С тем и ушел от него принц. А на другой день не вытерпел и опять поехал в лес к старику крестьянину. Приехал и видит — сидит Маргит за прялкой, а отец ее корзинку из ивовых прутьев плетет.

Снова посватался принц к Маргит, а старик отец ему отвечает:

— Нет, ваша милость. Не отдам я за вас свою дочь. Ей надобен человек простой, работающий, чтобы ремесло какое знал. А принцы-то все бездельники.

И опять ушел принц ни с чем. Вернулся он в королевский замок — занемог тяжело и стал таять день ото дня.

Приехал король с войны, а сын едва жив. Созвал отец

к нему самых мудрых лекарей со всего света. Осмотрели принца лекари и говорят королю:

— Коли не женится ваш сын на девушке, что ему полюбилась, то жить ему на свете недолго.

Делать нечего, пришлось королю свою гордыню смирить, и отправился он в лесную избушку крестьянскую дочь Маргит за сына сватать.

А крестьянин нипочем не соглашается. Стал король старика слезно молить, рассказал, что сына смертный недуг точит.

Тогда лишь крестьянин согласие дал, но только с тем условием, чтобы принц его ремеслу обучился.

А слыл этот крестьянин искусным корзинщиком, плел из ивовых прутьев корзины, и лучше его мастера во всем королевстве не было. Пришлось королю и тут покориться. Обручился принц с Маргит и стал что ни день в лесную избушку наведываться. Прилежно ремеслу обучается, а между делом нет-нет да и с невестой словом перемолвится. И скоро до того искусно начал он корзины плести, что и самому корзинщику с ним не под силу тягаться стало.

А скоро и день свадьбы подошел. Знатная была свадьба у королевского сына. Каких только именитых гостей не назвал король в свой замок — и герцогов, и графов, и князей. Все в шелка, парчу да бархат разодеты, жемчугами увешаны. Все с богатыми подарками жениху и невесте. Только на свадьбе всех краше были королевский сын и его молодая невеста Маргит.

Вдруг явился посреди веселья на пир никому неведомый шкипер с богатой свитой. Никто о нем прежде не слышал. Знали только, что ходил он в дальние моря и разбогател несметно. Кладет шкипер к ногам жениха и невесты невиданные уборы заморские, каменья самоцветные и говорит с поклоном:

— Прибыл я морем из далеких стран и прошу принца с принцессой ко мне на шхуну пожаловать. Там уж все для пира приготовлено.

Отправились молодые со шкипером на шхуну, зашли в его каюту, богато убранную, и сели пировать. А когда настала пора им домой возвращаться, вышли они на палубу и видят, что шхуна на всех парусах в открытое море идет. Рассмеялся шкипер зло и говорит:

— Теперь вы у меня в руках. Принца я велю в море утопить и сам на принцессе женюсь.

А был тот шкипер страшным морским разбойником, душегубом. Приглянулась ему Маргит, и потому заманил он молодых на свою разбойничью шхуну и решил принца со свету сжить.

Заплакала тут горько Маргит, кинулась на колени перед злодеем и стала просить, чтобы пощадил он принца.

— Ладно,— говорит разбойник.— Я человек добрый, топить принца не стану, а привяжу к доске и пущу в море. А там уж пускай на свою судьбу пеняет.

Привязали принца веревками к доске и кинули в воду. Шхуна ушла, а принц в открытом море остался. Долго плыла доска по волнам, и под конец прибило ее к какому-то берегу. А на берегу том хижина убогая стояла и в ней старуха нищенка жила. Подобрала принца старуха, выходила его и как сына родного полюбила. Стали они вместе жить. Принц корзины плел, а старуха их в городе на рынке продавала. Так и кормились. Вот раз отнесла старуха корзины на продажу в богатое поместье, а жил в нем тот самый морской разбойник с принцессой, и к свадьбе там уж все готово было.

Увидела Маргит корзины, что старуха принесла, вздохнула тяжко и говорит:

— Такие корзины только два человека на всем свете сплести могут — отец да еще мой муж. Отец-то жив, а вот мужа разбойник в море утопил. Скажи-ка, бабушка, где ты такие корзины взяла?

Тут ей старуха все и рассказала. Поняла Маргит, что муж ее от смерти спасся. Но виду не подала и говорит старухе:

— Попроси своего названного сына завтра на свадьбу прийти.

Вот настал день свадьбы. Много знатных гостей явилось к разбойнику, и сам король пришел молодых поздравить. Ведь все-то думали, что он не разбойник, а честный корабельщик. И принц тоже на свадьбу явился. Только он в нищенское платье был одет, и разбойник его не признал.

А как началось венчание, видят гости, что невеста что-то невесела. На вопросы пастора не отвечает, только вздыхает тяжко. Понял тут король, что дело неладно, и спрашивает у Маргит:

— Гляжу я, опечалена чем-то красавица невеста. Открой, что у тебя на душе.

А принцесса ему в ответ:

— Расскажу я вам одну сказку. В далеком королевстве полюбил молодой принц крестьянскую девушку и обвенчал-

ся с ней. А злодей, морской разбойник, зазвал обманом их на свою шхуну и увез в открытое море. Принца он в волны кинул, а на чужой жене силой жениться задумал. Скажите, ваше величество, как бы вы такого злодея наказали?

— Посадил бы его на кол и голову велел отрубить, — говорит король.

Тогда Маргит показала на шкипера и говорит:

— Вот он — морской разбойник. А вон там мой муж стоит, что чудом от смерти спасся.

Взяла она принца за руку и на середину зала вывела. А разбойник побелел, как стена, руки-ноги у него задрожали, стал он пощады просить. Только ничего не помогло. Схватили его стражники, на кол посадили, а после голову отрубили.

А принц с принцессой простились с королем и к себе домой поехали.

С той поры живут они дружно и весело, и ни на один день не разлучаются. А отец Маргит — старый корзинщик — в большом почете у них. Ведь не обучи старик принца своему ремеслу, может статься, что Маргит так никогда больше и не свиделась бы со своим мужем.

Охотник Брюте

Жили в старину в Сконе бедные торпари, муж с женой, и был у них один-единственный сын. С малых лет любил мальчик с ружьем за спиной бродить. И прозвали его поэто-му Охотник Брюте.

Немало времени прошло, подросток Брюте, стал рослым и сильным. Вот как-то раз пошел он по обычаю своему в лес на охоту и видит: на вершине голой скалы дитя малое сидит и ручонками от огромного орла отбивается. А орел так и кружит над ним, так и норовит камнем на него упасть. Зарядил Брюте ружье, прицелился да и пальнул в орла. Тот и упал замертво.

Влез Брюте на скалу, чтоб дитя снять, только оказалось, что спас он вовсе не дитя человеческое, а тролленка. Задумался было Брюте: «Вроде зря орла загубил. Чего троллево отродье жалеть?» Но взглянул на тролленка и увидел, что тот добрый и ласковый. А тролленок будто мысли его отгадал и говорит:

— Не печалься, что ты орла загубил. Не орел это вовсе, а злой тролль, что поклялся наше семейство извести. Много он нам бед и горя причинил. Спасибо тебе, добрый охотник! Пойдем со мной! Вознагражу я тебя по заслугам.

Привел тролленок Охотника Брюте к себе домой. Услышали старые тролли, что Охотник их детище от орла спас, и захотели его одарить — повели в свою сокровищницу и говорят:

— Выбери себе здесь из всего, что приглянется, три сокровища.

А выбирать есть из чего: тут и золото, и серебро, и лошади, и золотые кареты! Стоит Брюте, глаза у него разбегаются. Увидел тролленок его растерянность, подкрался и тихонько шепчет:

— Бери серого ослика, деревянную дудочку да старое ружье!

Послушался Брюте и взял все, что тролленок ему посоветовал. Распрощался он с троллями и уходить собрался. А тролленок ему напоследок шепчет:

— Королю как раз искусный охотник нужен. Попробуй к нему на службу наняться!

Послушался Брюте тролленка и на этот раз. Пошел он в королевский замок и нанялся к королю в охотники. Стал он королю служить, и сгодились ему деревянная дудочка и старое ружье, что он в подарок от троллей получил. Выйдет Брюте в лес, заиграет на дудочке, а к нему со всех сторон какая хочешь дичь слетается. Поспевай только прицеливаться да стрелять. А ружье его тоже без промаха било, поспевай только дичь подбирать.

Никогда еще на королевском столе такой богатой дичины не было, и никогда еще ни один охотник в такой милости, как Брюте, у короля не был. Разозлились королевские придворные и ждали только случая, чтобы досадить Брюте и лишить его королевской милости.

А у Брюте и в мыслях не было, что против него зло затевают. И не думал он вовсе скрывать, как дичь для королевского стола добывает. Вскоре узнали недруги все его тайны. Пошли они к королю и говорят, что так, мол, и так, Брюте — злой тролль, извести его надо. А хочет спасти свою жизнь — пускай добудет украденную злой ведьмой королевскую дочку.

Приказал король позвать Брюте и спрашивает его:

— Хочешь спасти свою жизнь? Верни мне принцессу! Знаем мы, что ты с троллями водишься!

— Помирать сейчас у меня охоты нет. Уж лучше положить на это дело жизнь и отыскать принцессу, — сказал Брюте королю, а сам подумал: «Попытаю счастья. Кто смел, тот и цел!»

И ушел от короля.

Стоит он у ворот королевского замка и не знает, куда ему путь держать, где принцессу искать.

— Эх, был бы со мной тролленок! — сказал он сам себе и вспомнил вдруг про троллеву дудочку.

Вытащил он дудочку и заиграл. Слышит: стон по лесу, рев да свист пошли. Не успел опомниться — стоит перед ним маленький серый ослик.

— Забыл ты меня с собой взять, — молвил ослик, — ну да ладно, прощу тебя! Тролленка-то от орла ты спас! Садись ко мне на спину, да поживее, отвезу я тебя в замок к ведьме. Слушайся меня во всем — принцесса твоя! Но помни: испугаешься, захочешь назад воротиться — пропали мы, и ты и я!

Пообещал Брюте ослику делать все, как он велит.

— А храбрости мне не занимать, — сказал он.

И пустились они в путь-дорогу дальнюю, Брюте не знакомую. Ослик же знай себе трусит рысцей, будто не впервой

ему тут ехать. Добрались они наконец до ведьминого замка. Постучался Брюте в ворота, и они будто сами отворились. Вышла к ним ведьма, страшная-престрашная. Ноги у нее — страусиные, туловище — жабье, шея — гусиная, а голова — орлиная. Не думал Брюте, что есть на свете такое чудовище — задрожал от страха, да, к счастью, вовремя одумался, вспомнил, что обещал ослику ничего не бояться. Набрался он храбрости и сказал ведьме:

— Отдавай мне принцессу, что ты украла.

Поняла ведьма, что Брюте не запугаешь, обернулась человеком, пригласила в замок, а ослика приказала на конюшню отвести. В замке ведьма сама проводила Брюте к принцессе.

Сидит принцесса в горнице и шелком да золотом волшебный узор вышивает. Спрашивает ведьма принцессу:

— Хочешь с Брюте домой отправиться?

— Как не хотеть! — отвечает принцесса.

Вот и говорит тогда ведьма Брюте:

— Даю тебе три дня срока на испытание: отыщешь трижды за три дня принцессу — освобожу ее, и пусть с тобой домой отправляется. А не отыщешь — ты моим пленником станешь.

Согласился Брюте — понадеялся, что ослик ему поможет. Повела его ведьма в богатую опочивальню, а он и говорит:

— Нет уж! Спасибо тебе! Не хочу в замке ночевать.

И пошел к ослику на конюшню. Разозлилась ведьма, разъярилась, а заставить его в замке ночевать не может. Нет у нее пока над ним власти. И все вышло, как хотел Брюте.

Пришел он на конюшню, накормил, напоил своего ослика и про уговор с ведьмой рассказал. А ослик ему наказывает: так, мол, и так делай.

Пришел наутро Брюте в замок, а ведьма уже принцессу спрятала. Ищет охотник принцессу, ищет и наткнулся на ее корзиночку с рукоделием. Взял он оттуда самый маленький шелковый клубочек и хочет себе в карман сунуть.

— А я тут! — говорит принцесса.

Заклдовала ее ведьма, и сделалась принцесса такой маленькой, что смогла в шелковый клубочек спрятаться.

— Повезло тебе на этот раз! — проворчала ведьма. — Завтра я ее получше спрячу!

Вторую ночь Брюте снова на конюшне спал. И снова дал ему ослик добрый совет: так, мол, и так делай.

На другой день пришел Брюте в замок, а ведьма уже принцессу спрятала. Ищет принцессу охотник, ищет и наткнулся на дубовый стол. Взял он со стола хлеб и нож и хочет тем ножом хлеб разрезать.

— Ой, ой! Пощади мою жизнь, не режь меня! — взмолилась принцесса.

Заклдовала ее ведьма, и сделалась принцесса такой маленькой, что смогла в каравай хлеба спрятаться.

— Понятно мне, кто твой советчик! — разозлилась ведьма. — Поглядим, как дело в третий раз обернется.

И вот на третий день задумала ведьма такое, что не смог ослик наперед сказать, куда она принцессу спрячет. Пришел охотник в замок, ищет принцессу, ищет, а найти никак не может. Ведьма от радости ухмыляется.

Пошел Брюте к ослику и рассказал про свою беду.

— Отведи меня к колодцу на водопой! — попросил ослик.

Отвел охотник ослика к колодцу и видит вдруг: на ослином копыте слепень сидит.

— Вот я тебя сейчас поймаю! — сказал Брюте. Испугался он, что слепень ослика ужалит.

— Ой! Ой! Не убивай меня! — закричала принцесса.

Заклдовала ее ведьма и превратила в слепня, а Брюте ее и в третий раз нашел. Разозлилась ведьма и лопнула с доса-

ды. Ослика тоже как не бывало, а вместо него стоит у колодца тролленок и говорит:

— Одержал ты верх и над другим нашим недругом — ведьмой! Пускай тебе и земли ее достанутся. Теперь ты с отцом принцессы богатством сравниешься.

Сказал — и с глаз сгинул.

А Брюте с принцессой покатали в золотой карете четвериком к ее отцу-королю. Сыграли в королевском замке свадьбу, а после стал Брюте королем в ведьмином государстве и правит им поныне.

И ни разу не доводилось мне слышать, чтобы кто в обиде был на короля — Охотника Брюте.

Пастушок и король эльфов

Жил на свете пастушок Лассе. Отец у него помер, и остался он один с мачехой. Мачеха была женщина злая, морила пасынка голодом, одевала в лохмотья, а иной раз случалось, что и била она мальчонку. Худо жилось бедняге Лассе. День-деньской бродил он со стадом в лесу, а придет домой — сунет ему мачеха с бранью ломоть хлеба и гонит прочь в сарай.

А как-то утром она и хлеба ему не дала, и пришлось Лассе не евши в лес со стадом идти. Вот бредет он по лесу и горько плачет.

Вдруг видит — на зеленом пригорке на солнце блестит что-то.

Подошел Лассе поближе, глядит — под деревом пара хрустальных башмачков стоит, каждый с наперсток величиной. Обрадовался мальчонка, позабыл про голод и про мачеху злую и весь день этими башмачками любовался.

И как подошел вечер, и солнце за лесом село, созвал Лассе своих коров и коз и отправился домой. Идет он по проселочной дороге, а навстречу ему мальчик попадает — маленький-премаленький, ростом с былинку.

— Вечер добрый, — говорит мальчик.

— И тебе добрый вечер, — отвечает Лассе.

— Не попадались ли тебе мои хрустальные башмачки, что я нынче поутру на зеленом пригорке обронил?

— Попадались, — отвечает Лассе. — Только я хотел их мачехе отнести. Авось она тогда бранить меня перестанет и поест чего-нибудь даст.

Стал тут мальчик его упрашивать:

— Отдай мне мои башмачки! Может, когда-нибудь и я тебе службу сослужу.

Сжалился Лассе над малышом и отдал ему хрустальные башмачки. Обрадовался малыш, кивнул Лассе приветливо и убежал. А Лассе дальше со своим стадом пошел. Домой явился он уж затемно, и мачеха на него с бранью накинулась оттого, что он так замешкался в лесу. Сунула ему мачеха котел с остатками каши и велела поскорее есть да на сеновал убираться.

А утром, едва рассвело, слышит Лассе — будит его мачеха:

— Вставай, байбак ленивый! Уж белый день на дворе. Время скотину выгонять!

Вскочил мальчик с соломенной постели, съел ломоть хлеба и погнал стадо в лес. Только к полудню он опять проголодался, и тут еще жара его так донимать стала, что мочи нет. Идет он по лесу и плачет. Вдруг видит — на зеленом пригорке малюсенькая красная шапочка лежит. Величиной шапочка с горошину и красивая такая: с кисточкой и золотыми колокольцами по краям. Обрадовался Лассе и про все свое горе позабыл — и про мачеху злую, и про жару. Весь день он с этой шапочкой играл, а к вечеру, когда солнце за лесом село, созвал он стадо и побрел потихоньку домой.

Вот идет он проселочной дорогой, а навстречу ему девочка попадает, маленькая-премаленькая, ростом не больше, чем стебелек цветка.

— Вечер добрый, — говорит девочка.

— И тебе добрый вечер, — отвечает Лассе.

— Не нашел ли ты моей шапочки, что я нынче поутру на зеленом пригорке обронила?

— Нашел, — отвечает Лассе. — Только я собирался ее своей злой мачехе отдать, авось она тогда бранить меня перестанет и накормит получше.

Стала тут девочка его упрашивать:

— Отдай мне мою красную шапочку! Может, когда-нибудь и я тебе службу сослужу.

Пожалел Лассе малышку и отдал ей шапочку. Обрадовалась девочка, присела в поклоне, улыбнулась Лассе и убежала.

А Лассе дальше со своим стадом пошел. До дому добрался он уже совсем затемно. Мачеха давно его дожидалась и накинулась на пасынка с бранью:

— И где только тебя носит? Что ж, мне по твоей милости в полночь коров доить? Съешь вон остатки каши в котле да ступай на сеновал, чтобы глаза мои на тебя не глядели!

Ничего не ответил Лассе мачехе на ее злые речи. Выскреб со дна котла кашу засохшую, съел ее, запил родниковой водой, да и отправился на сеновал спать.

А утром чем свет опять слышит Лассе мачехин крик:

— Вставай, байбак ленивый! Уж белый день на дворе! Пора скотину в лес выгонять!

Вскочил мальчик со своей соломенной постели, умылся и попросил у мачехи лопоту хлеба.

— Какого еще хлеба! — закричала мачеха. — Не будет тебе нынче ничего, бездельник ты этакий!

Так и пошел Лассе голодный в лес. Идет по лесу и горько плачет. Вдруг видит — на зеленом пригорке блестит что-то в траве. Подошел он поближе и поднял с земли малюсенький серебряный колокольчик. Обрадовался Лассе, глаза вытер и стал с этим колокольчиком играть. Так весь день и прошел незаметно, а к вечеру зазвонил Лассе в колокольчик, и мигом все коровы да козы на этот звон сбежались. Погнал он стадо по проселочной дороге, вдруг видит — навстречу ему маленький старичок идет, ростом не больше былинки. Борода у старичка до пояса, на голове колпачок красный с кисточкой, на ногах башмачки сафьяновые.

— Вечер добрый, — говорит старичок.

— И тебе добрый вечер, — отвечает Лассе.

— Не нашел ли ты колокольчика, что я поутру на пригорке обронил?

— Нашел, — отвечает Лассе. — Только этот колокольчик я тебе не отдам. Я уж давеча какому-то мальчику хрустальные башмачки вернул, а девочке — красную шапочку с золотыми колокольцами. А этот колокольчик мне самому нужен, на его звон коровы и козы мигом сбегаются.

Стал старичок Лассе упрашивать:

— Отдай мне мой колокольчик, без него вся моя власть пропадет. Сам я — король эльфов, а эти мальчик и девочка мои дети. И не думай, что мы про тебя забыли. Мы, эльфы, всегда добром за добро платим и тебе когда-нибудь службу сослужим. А колокольчик я тебе другой подарю, да еще в придачу исполню три твоих желания.

Согласился Лассе. Отдал он колокольчик и говорит:

— Вот возьми, да не теряй его больше. И детям своим, сыну и дочке, накажи, чтобы получше берегли хрустальные башмачки и красную шапочку. А желания мои такие: хочу я быстро вырасти, стать королем, хочу владеть королевским дворцом и хочу получить в жены самую красивую принцессу на свете.

— Желания твои немалые,— отвечает король эльфов,— но коль уж я обещал тебе, то слово свое сдержу. Нынче ночью, когда мачеха твоя уснет, выберись потихоньку из дома да ступай прямо на север, покуда до королевского дворца не дойдешь. Вот тебе дудочка из слоновой кости. Попадешь в беду — подуй в дудочку, и эльфы к тебе на помощь придут. А когда крайняя нужда будет — переломи дудочку пополам — уж тут я сам к тебе явлюсь.

С этими словами простился король эльфов с пареньком и пропал с глаз долой, а Лассе со своим стадом дальше побрел. Воротился Лассе домой поздним вечером, и мачеха его вместо ужина тумачками отпотчевала. «Ничего,— подумал Лассе,— теперь уж мне недолго терпеть». И отправился на сеновал спать.

А в полночь выбрался он потихоньку из сарая и пошел на север. Шел он без устали по лесам, пригоркам и долинам, дважды всходило и заходило солнце, а Лассе все шел и шел.

На третий день к вечеру вырос перед Лассе королевский дворец, да такой красивый и богатый, какого он и в жизни не видывал. Зашел Лассе на королевскую кухню и спросил, не надобны ли тут работники.

— А ты что делать умеешь? — спросил его главный повар.

— Умею я коз да коров пасти,— отвечает Лассе.

— Пастух нам нужен,— говорит повар,— только, если хоть одна корова или коза у тебя в лесу заблудится, пеняй тогда на себя.

— Будь покоен,— отвечает Лассе,— такого лиха со мной вовек не случилось.

Так и нанялся Лассе пастухом в королевское поместье. Каждое утро гнал он коров, коз да овец в ближний лес и пас их там до заката солнца. И никогда ни одна скотина у него из стада не пропадала.

Вот однажды выгоняет Лассе скот из хлева и видит: идет к нему какая-то девочка златокудрая в богатом платье, а на руках у нее маленькая белая овечка. Протягивает девочка овечку Лассе и говорит:

— Слыхала я, что пастуха лучше тебя во всем королевстве нет. Возьми мою овечку, паси ее да приглядывай за ней хорошенько.

А девочка эта была сама королевская дочь. С той поры стала принцесса каждое утро в лес ходить, свою любимую овечку навещать. Была принцесса девочкой доброй, приветливой, и скоро они с пастушком Лассе крепко подружились.

Прошло время, вырос из пастушка ладный и высокий молодец. А маленькая принцесса тоже выросла и такой пригожей стала, что слава про нее по всему свету пошла. Но все так же, как в детстве, ходила она в лес свою овечку навещать.

Только однажды пошла принцесса в лес и по дороге пропала. Прошел слух в народе, что похитил принцессу злой великан и увез в свой замок на далекий остров. Сильно горевали люди по доброй и красивой принцессе, а больше всех король с королевой по дочери убивались.

И повелел король возвестить по всем странам и королевствам: кто его дочь из неволи вызволит, получит ее в жены, да еще и королевство в придачу. Стекались в замок принцы и рыцари со всех краев. Надевали они доспехи кованые, брали мечи, копья, садились на коней и отправлялись принцессу искать. Одни ни с чем возвращались, иные вовсе пропадали, и никому из них удачи не было.

А пастух Лассе меж тем все пасет свое стадо в лесу. Только не идет у него из головы красавица принцесса, день и ночь он о ней тужит и печалится.

Вот однажды уснул Лассе в тени под деревом и приснился ему король эльфов. Будто стоит он у его изголовья и шепчет:

— Ступай на север, на север! Там найдешь принцессу.

Пробудился Лассе и пошел прямехонько к королю. А стража его в королевские покои не пускает. Вышел к нему главный повар и говорит:

— Тебе чего тут надо? Ежели ты награды за свою верную службу попросить хочешь, то мы и сами это уладим. А короля беспокоить нечего.

— Нет,— отвечает Лассе.— Разговор у меня с королем не о том пойдет.

Привели Лассе к королю, а он и говорит ему:

— Служил я вашему величеству верой и правдой много лет. Дозвольте мне теперь отправиться принцессу искать.

Рассердился король.

— Ишь что задумал! Стало быть, ты, простой пастух, хочешь то сделать, что принцам и рыцарям не по плечу!

А Лассе в ответ:

— Либо принцессу найду, либо жизни лишусь.

Вспомнил тут король, что в народе говорят: «На теле сермяга, а в душе отвага»,— и сменил гнев на милость.

И пошел Лассе на север, как король эльфов ему велел. По горам карабкался, через кустарник колючий продирался. Так долго шел, что чуть на край света не забрался. Только вдруг открылось перед ним море, а посреди моря остров лежит, а на острове замок стоит, а около замка в башне златокудрая красавица сидит и платком ему машет. И понял Лассе, что перед ним замок великана, а в башне принцесса в заточении томится. Ходит он по берегу моря, а как на остров перебраться — ума не приложит. И вдруг вспомнил он про костяную дудочку, что король эльфов ему подарил. Подудел он в дудочку, и слышит голосок тоненький-тоненький у себя за спиной:

— Вечер добрый!

— И тебе добрый вечер! — ответил Лассе.

Обернулся он и видит: стоит перед ним мальчик, ростом с былинку, тот самый, что когда-то хрустальные башмачки на пригорке обронил.

— Что тебе надо? — малыш-эльф его спрашивает.

— На тот остров перебраться, — отвечает Лассе.

— Садись ко мне на спину, — молвил мальчик.

Сел Лассе к нему на спину, а эльф ястребом обернулся, взмыл в небо и мигом его на остров перенес.

Пришел Лассе в замок великана и попросился там в работники.

— А что ты делать умеешь? — спрашивает его главный повар.

— Умею овец и коров пасти, — отвечает Лассе.

— Пастух великану нужен, — говорит главный повар, — только служба-то у нас нелегкая. Ежели хоть одна корова либо овца из стада пропадет — великан тебя немедля жизни лишит. Уж сколько у нас пастухов перебивало — ни один не уцелел. Ну что, согласен?

— Согласен, — отвечает Лассе.

На другое утро погнал Лассе стадо в лес, а когда проходил мимо башни, подошла принцесса к окну, платком ему помахала и песню запела:

Пастух мой верный, нынче в ночь
Из плена спаси королевскую дочь.
В награду ее ты получишь в жены,
А вместе с нею престол и корону.

Прислушался Лассе и понял, что принцесса ему знак подает и что нынче ночью он за ней прийти должен.

Целый день пас он стадо в лесу, а к вечеру пригнал его на скотный двор. А там уж сам великан его дожидается.

— Ты никак мой новый пастух,— говорит великан.— Сейчас я стадо сочту, и коли хоть одной скотины недосчитаюсь — не жить тебе на свете.

Пересчитал стадо великан и увидел, что ни одна корова и ни одна овца не пропала. Обрадовался великан и говорит:

— Хороший ты пастух! Будешь мне служить до конца дней своих.

Пошел Лассе в свою каморку и стал темноты дожидаться. А как наступила ночь и все в замке крепким сном уснули, подкрался он потихоньку к башне, где принцесса томилась, и запел еле слышно:

На остров темная ночь опустилась,
Месяц и звезды за тучами скрылись.
Стою я и жду под окошком твоим,
Скорее спускайся, и мы убежим!

Высунулась тогда принцесса из окна башни и шепчет:
— Не могу я спуститься! Меня великан золотыми цепями к стене приковал!

«Что делать?» — думает Лассе.

И тут он про свою костяную дудочку вспомнил. Вынул ее, подудел и слышит вдруг за спиной голосок тоненький-тоненький:

— Вечер добрый!

— И тебе добрый вечер,— говорит Лассе.

Обернулся он и видит: стоит перед ним та самая девочка, что когда-то красную шапочку на пригорке обронила.

— Что надо тебе? — спрашивает девочка.

— Увези меня и принцессу отсюда,— просит Лассе.

— Иди за мной,— сказала малышка.

Поднялись они на башню, кованая дверь сама собою открылась, а потом подошла малышка к принцессе, дотронулась до золотых цепей, и они разом на куски развалились. Привела их девочка на берег моря, прыгнула в воду, обернулась щукой и кричит:

— Садитесь ко мне на спину! Только, что бы ни случилось, пускай принцесса не пугается, не то беда будет!

Сели Лассе с королевской дочерью на спину щуке и поплыли по морю. А великан меж тем пробудился, выглянул в окно и увидел далеко в море пастуха с принцессой.

Обернулся он орлом и полетел в погоню за ними. Заметила щука орла и глубоко в воду нырнула. А принцесса испугалась и громко закричала со страха. И от этого колдовство эльфов свою силу потеряло. Схватил орел когтями беглецов и утащил обратно в свой замок. Пастуха он в глубокое подземелье кинул, а принцессу опять в башню заточил и наказал еще пуще сторожить ее, глаз с нее не спускать.

Вот сидит Лассе в подземелье и горюет оттого, что и принцессу не спас, и себя навеки погубил. Только вдруг вспомнил он, как король эльфов ему говорил: «Когда крайняя нужда будет, переломи дудочку пополам, и я сам к тебе явлюсь». Взял пастух дудочку, переломил пополам и вдруг слышит у себя за спиной голосок:

— Вечер добрый!

— И тебе добрый вечер,— отвечает Лассе

Обернулся он и видит — стоит перед ним сам король эльфов. Борода у него до пояса, на голове колпачок с кисточкой, на ногах башмачки сафьяновые.

— Ты зачем меня звал? — спрашивает король эльфов.

— Помоги мне принцессу спасти и домой к отцу отвезти.

— Иди за мной,— говорит старичок.

И привел он Лассе в оружейную залу. А там на стенах доспехи рыцарские висят, копыя, мечи, топоры, щиты. Иные как золото горят, а иные сталью отливают. Развел король эльфов огонь в очаге и говорит пастуху:

— Раздевайся!

Разделся Лассе, а король эльфов его старую одежду сжег и велел ему в рыцарские доспехи облачиться. Оделся Лассе в железо с головы до ног, взял в руки копьё и меч, а старичок говорит:

— Теперь тебя никому не одолеть, потому что доспехи твои никакая сталь не берет, а меч твой без промаха разит.

Поблагодарил Лассе короля эльфов за помощь, простился с ним и в свое подземелье воротился.

А злой великан меж тем к свадьбе с принцессой готовится. Принцессу в богатые уборы обряжают, золотой венец на голову надевают, пальцы рубинами да изумрудами унизывают, на шею украшения вешают.

Только принцесса тому не рада, плачет, убивается, так что смотреть на нее жалко. Вот собрались гости, и приказал великан привести из подземелья пастуха, чтобы казнить его тут же, у всех на глазах.

Вошли слуги в темницу и видят: вместо пастуха стоит перед ними рыцарь в золоченых доспехах и грозно мечом размахивает. Испугались слуги и разбежались кто куда. А рыцарь выскочил из темницы, вбежал в залу, где гости собрались, подошел к великану и говорит:

— Вызываю тебя на честный бой. Кто одолеет — тому и невеста достанется.

Испугался великан, стал к двери пятиться. А Лассе поднял свой меч, блеснуло острие, точно молния, — и голова великана с плеч покатила. Гости все в страхе разбежались, а рыцарь взял за руку принцессу и повел ее к морю. Сели они на корабль великана и приплыли к королю и королеве — родителям принцессы. То-то радости было! Женился Лассе на принцессе, а потом и сам королем стал. Жили они в счастье и довольстве много-много лет. А колокольчик и сломанную костяную дудочку всегда при себе хранили и детям своим наказали беречь.

Тетушки

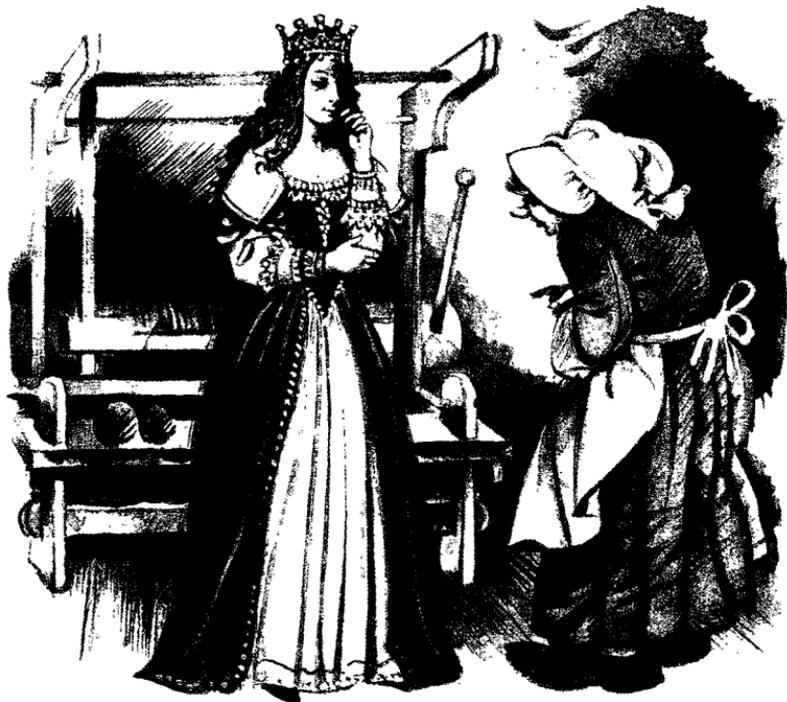
В старину жили в Упланде король с королевой, и был у них один-единственный сын. А в соседнем королевстве принцесса подрастала, невеста упландского принца. Обручили отцы детей еще в детстве. Принц был молодец молодецом, принцесса — славная да пригожая. Только не лежала у нее душа к рукоделию и домовничанью, а больше к играм и веселью.

Упландская же королева, мать принца, была женщина строгая, домовитая и первая на все королевство рукодельница. Пряла она, ткала и шила с утра до вечера. Вот и хотелось ей, чтоб невестка такая же искусница, как и она сама, была.

— Надо узнать сперва, что эта принцесса умеет, прежде чем свадьбу играть, — сказала королева мужу.

— Да ведь принц с принцессой так любят друг друга! А верная любовь куда дороже пряжи и полотна. Помни про это, жена моя! — молвил король.

— Не вашего ума то дело, ваше величество! — запальчиво ответила королева. — Это вам не государственные дела решать!

И вот по настоянию королевы отвели красавицу принцессу в светелку, дали ей полпуда льняной кудели и наказали напрядь из нее пряжи.

— Только изготвь пряжу, покуда заря не занялась, — сказала ей королева. — А не справишься — о моем сыне и думать забудь!

Ушла королева, принцесса одна осталась, пригорюнилась: как ни старайся, а полпуда льняной пряжи ей за ночь не напрядь. Ходит она по горнице и за работу не берется, только все плачет да плачет горько. Вдруг видит: отворяется дверь и тихо-тихо входит в светелку старушка, такая диковинная с виду: маленькая, сгорбленная и сморщенная. А ноги у старушки большие-пребольшие.

— Мир тебе! — ласково здоровается старушка.

— И тебе! — отвечает принцесса.

— Отчего ты, красавица, такая печальная? — спрашивает старушка.

А принцесса ей в ответ:

— Как же мне не печалиться?! Вечером наказала мне королева напрядь полпуда льняной пряжи. Коли не справлюсь до утренней зари, не видать мне моего суженого. Вот и плачу, что я такая неумелая.

— Утешься, красавица! — говорит старушка. — Королева здешняя тоже прясть не умела, это я ее обучила. И тебе сперва помогу, а уж после прясть обучу. Только исполни одно мое желание!

Обрадовалась принцесса ее словам и говорит:

— Проси чего хочешь, милая моя тетушка! Исполню твое желание, коль будет оно мне по силам.

— Ладно! — молвила старушка. — Зовут меня тетушка Большеножка. И ничего мне от тебя не надо, пригласи меня только на свою свадьбу с принцем. Не бывала я на свадьбе с той поры, как старая королева, твоя будущая свекровь, под венцом стояла.

— Будь по-твоему! — согласилась принцесса. — Исполню твое желание, только помоги!

Забрала тетушка Большеножка льняную кудель и ушла восвояси, а принцесса спать улеглась. Но всю ночь глаз не сомкнула.

Рано поутру, еще не рассвело, отворилась дверь и в светелку вошла тетушка Большеножка. Подошла она к принцессе и протянула ей большой пук пряжи, белой, как снег, и тонкой, как паутинка.

Говорит принцессе тетушка Большеножка:

— Гляди, такой чудной пряжи не доводилось мне прясть с той поры, как прядя я для упландской королевы, когда она замуж собиралась. И не упомнить, когда это было. Смотри про обещание не забудь! Прощай!

Сказала — и с глаз исчезла.

А принцесса заснула сладким сном. Не прошло и часа, как разбудила ее старая королева. Стоит у ее ложа и спрашивает:

— Ну как, готова пряжа?

— Да, — отвечает принцесса и тут же протягивает королеве пряжу.

Сколько королева пряжу ни вертела, никакого изъяна в ней не выискала. Похвалила пряжу королева, но поняла принцесса, что не от чистого сердца та похвала.

Не прошло и дня, как надумала королева принцессу по-другому испытать. Прислала она в светелку пряжу вместе с ткацким станком и наказала принцессе из пряжи полотно наткать.

— Только полотно надо изготовить, покуда солнце не взошло, — сказала ей королева. — А не справишься — о моем сыне и думать забудь!

Ушла королева, принцесса одна осталась, пригорюнилась: как ни старайся — не соткать ей за ночь из пряжи полотна. Ходит она по горнице и за работу не берется, только все плачет да плачет горько. Вдруг видит: отворяется дверь и тихо-тихо входит в светелку старушка, такая диковинная с виду: маленькая, сгорбленная и сморщенная. А пониже спины — толстая-претолстая.

— Мир тебе! — ласково здоровается старушка.

— И тебе! — отвечает королевская дочка.

— Отчего, красавица, одна сидишь и слезы льешь?

А принцесса ей в ответ:

— Как же мне не плакать?! Вечером наказала мне королева наткать из пряжи полотна. Коли не справлюсь до восхода солнца, не видать мне моего суженого. Вот и плачу, что я такая неумелая.

— Утешься, красавица, — говорит старушка. — Королева здешняя тоже ткать не умела, это я ее обучила. И тебе сперва помогу, а уж после ткать обучу. Только исполни одно мое желание!

Обрадовалась принцесса ее словам и говорит:

— Проси чего хочешь, милая моя тетушка! Исполню твое желание, коль будет оно мне по силам.

— Ладно! — молвила старушка. — Зовут меня тетушка Толстогузка. И ничего мне от тебя не надо, пригласи меня только на свою свадьбу с принцем! Не бывала я на свадьбе с той поры, как старая королева, твоя будущая свекровь, под венцом стояла.

— Будь по-твоему, — согласилась принцесса, — исполню твое желание, только помоги!

Забрала тетушка Толстогузка пряжу и ушла восвояси, а принцесса спать улеглась, но всю ночь глаз не сомкнула.

Рано поутру, еще солнце не взошло, отворилась дверь, и в светелку вошла тетушка Толстогузка. Подошла она к королевской дочке и протянула ей большой кусок полотна, белого, как снег, и плотного, как шкура звериная.

Говорит принцессе тетушка Толстогузка:

— Гляди, такого чудного полотна не доводилось мне ткать с той поры, как ткала я для упландской королевы, когда она замуж собиралась. И не упомянуть, когда это было. Смотри про обещание не забудь! Прощай!

Сказала — и с глаз исчезла.

А принцесса заснула сладким сном. Не прошло и часа, как разбудила ее старая королева. Стоит у ее ложа и спрашивает:

— Ну как, соткала полотно?

— Да, — отвечает принцесса и протягивает королеве готовую ткань.

Сколько королева ткань ни вертела, никакого изъяна в ней не выискала. Похвалила ткачиху королева, но поняла принцесса, что не от чистого сердца та похвала.

Не прошло и дня, как надумала королева принцессу по-другому испытать. Прислала она в светелку полотно и нитки с иглками и наказала принцессе из того полотна принцу рубашки сшить.

— Только рубашки надо сшить, покуда не рассветет, — сказала ей королева. — А не справишься — о моем сыне и думать забудь.

Ушла королева, принцесса одна осталась, пригорюнилась: как ни старайся — не нашить ей за ночь рубашек из полотна. Ходит она по горнице и за работу не берется, только все плачет да плачет горько. Вдруг видит: отворяется дверь, и тихо-тихо входит в светелку старушка, такая диковинная с виду: маленькая, сгорбленная и сморщенная. А руки у старушки длинные-предлинные, особенно большой палец.

— Мир тебе! — ласково здоровается старушка.

— И тебе! — отвечает королевская дочка.

— Отчего, красавица, одна сидишь и слезы роняешь? — спрашивает старушка.

— Как же мне не плакать?! Вечером наказала мне королева сшить из полотна рубашки королевскому сыну. Коли не справлюсь до рассвета, не видать мне моего суженого. Вот и плачу, что я такая неумелая.

— Утешься, красавица! — говорит старушка. — Королева здешняя тоже шить не умела, это я ее обучила. И тебе сперва помогу, а уж после шить обучу. Только исполни одно мое желание!

Обрадовалась принцесса ее словам и говорит:

— Проси чего хочешь, милая моя тетушка! Исполню твое желание, если будет оно мне по силам.

— Ладно! — молвила старушка. — Зовут меня тетушка Долгоручка. И ничего мне от тебя не надо, пригласи меня только на свою свадьбу с принцем. Не бывала я на свадьбе с той поры, как старая королева, твоя будущая свекровь, под венцом стояла.

— Будь по-твоему! — согласилась принцесса. — Исполню твое желание, только помоги!

Забрала тетушка Долгоручка полотно и ушла восвояси, а принцесса спать улеглась. И спала так крепко, что никакой ей сон не приснился.

Рано поутру, еще солнце не взошло, отворилась дверь, и в светелку вошла тетушка Долгоручка. Подошла она к королевской дочке, разбудила ее и дала ей рубашки — одну, другую, третью и еще, и были те рубашки искусно сшиты и шелком вышиты.

Говорит принцессе тетушка Долгоручка:

— Гляди, таких рубашек не доводилось мне шить с той поры, как шила я для упландской королевы, когда она замуж собиралась. И не упомянуть, когда это было. Смотри про обещание не забудь! Прощай!

Сказала — и с глаз исчезла.

А в дверях уже королева стоит и спрашивает:

— Ну как, готовы рубашки?

— Да, — отвечает принцесса и протягивает королеве чудное шитье.

Сколько королева рубашки ни вертела, никакого изъяна в них не выискала. Разозлилась королева, глаза молнии мечут.

— Ну что ж, бери принца в мужья! Никогда бы не подумала, что ты такая рукодельница да к тому же такая искусница! — сказала она принцессе и ушла, с досады хлопнув дверью, да так, что стекла в светелке задребезжали. Забыла, видно, королева про свои молодые года, про то, как замуж собиралась и ничего не умела, — три тетушки ей тогда помогли, а уж после разному рукоделию обучили.

Стали в замке к свадьбе готовиться: стряпают, пекут, пиво варят. Только не очень принцесса своему свадебному дню радовалась, помнила она, каких диковинных гостей приглашала. Но знала, что примет их хорошо. Кто, как не старушки, ей счастье добыли?

Быстро время идет, вот и свадебный день настал. Свадьбу играют по старинке, в радости и веселье. А невеста все по сторонам оглядывается, своих старушек высматривает. Но ни тетушки Большеножки, ни тетушки Толстогузки, ни тетушки Долгоручки что-то не видать.

Вот стали гости за свадебные столы садиться, тут и увидела вдруг принцесса трех знакомых старушек: сидят они отдельно от всех в уголке свадебного покоя.

Поднялся король из-за стола, подошел к гостям и спрашивает:

— Кто вы такие? И как вас зовут? Не приводилось мне раньше таких, как вы, видеть.

Встала одна из старушек, поклонилась королю.

— Звать меня тетушка Большеножка, а ноги у меня такие большие оттого, что уж больно много пряла я на своем веку. Нужда меня без отдыха трудиться заставила. Жизнь тяжкая меня изуродовала.

— Вот как? — сказал король. — Стало быть, моя сноха будет прясть в меру. Ей-то из-за куска хлеба не надо спину гнуть.

Повернулся он к другой старушке и спрашивает:

— А тебя как зовут?

Встала другая старушка, поклонилась королю.

— Звать меня тетушка Толстогузка, а зад у меня такой большой оттого, что уж больно много ткала я на своем веку. Нужда меня без отдыха трудиться заставила. Жизнь тяжкая меня изуродовала.

— Вот как? — сказал король. — Стало быть, моя сноха будет ткать в меру. Ей-то из-за куска хлеба не надо спину гнуть.

Повернулся он к третьей старушке и спрашивает:

— А тебя как зовут?

Встала третья старушка, поклонилась королю.

— Звать меня тетушка Долгоручка, а руки у меня длинные, особенно большой палец, оттого, что уж больно много шила я на своем веку. Нужда меня без отдыха трудиться заставила. Жизнь тяжкая меня изуродовала.

— Вот как? — сказал король. — Стало быть, моя сноха будет шить в меру. Ей-то из-за куска хлеба не надо спину гнуть.

Кончилась свадьба, и отправились тетушки восвояси. Никто не видал, куда они подевались.

В счастье и довольстве жили принц с молодой женой, в доме у них было мирно и спокойно. Со временем стала молодая королева такой же рукодельницей, как ее свекровь. Поговаривают, будто старушки те и после к ней навевались. Обучали они ее всякому рукоделию, и стала молодая королева доброй хозяйкой. Трудилась она хоть и прилежно, но в меру. Труд ей всегда был в радость. Вот и осталась она до старости статной да пригожей.

Как звонарь жадного пастора проучил

Жил в одном приходе пастор. Жадный он был до того, что все только диву давались. Никогда, бывало, ни одного нищего не накормит, ни одному бездомному страннику приюта на ночь в своем доме не даст.

Но уж зато в проповедях он куда как красно говорил, и кулаком по кафедре стучал, и на всю церковь гремел, что, дескать, жадные люди богу неуютны и что надо с бедняками последним куском делиться.

А на деле-то все у него наоборот выходило. И от жадности своей он вот какую штуку придумал. В Рождество, когда много нищих странников приюта просило, переодевался он в лохмотья и садился у себя дома на кухне. Постучится кто-нибудь к пастору в дом, попросит ночлега, а пасторша ему на переодетого мужа показывает и говорит:

— Рада бы я тебя приютить, да у нас уж вон один нищий сидит. Ты лучше к звонарю ступай, его дом неподалеку от нашего стоит:

Так и спроваживала она всех нищих к звонарю. А звонарь, понятное дело, не больно-то этому радовался. Но был он человек хитрый и на всякие проделки горазд.

И решил он прижимистого пастора проучить.

Вот раз в ночь под Рождество переоделся звонарь нищим, пришел в пасторскую усадьбу и попросил приюта на ночь. Пасторша старую песню затянула:

— Рада бы я тебя, добрый человек, приютить, да видишь — вон у очага другой нищий сидит. Ты ступай-ка лучше к звонарю, его дом неподалеку от нашего стоит.

А звонарь ей отвечает:

— Я там был. Только в доме у звонаря уж и без меня нищих полно, так что и ступить негде. Не выгонит же меня пасторша на ночь глядя, чтобы я замерз где-нибудь под забором?

— Упаси бог! — испугалась пасторша.

— То-то и оно! — говорит звонарь. — Уж коли у вас в доме для одного нищего место нашлось, то и для меня сыщется. Не на пасторской же постели он ночевать будет! Верно, брат?

Подошел он к пастору, да так его по плечу хлопнул, что тот едва-едва носом в очаг не свалился.

Накормила пасторша нищих ужином и отвела в старую пивоварню ночевать. Велела она пастору на деревянный диван лечь, а звонарю — на крышку от дивана¹. Только звонарь, не будь дурак, взял да и растянулся на диване. Пришлось пастору на твердую крышку лечь.

Спустя какое-то время вышел звонарь потихоньку из пивоварни, а потом вернулся и будит пастора:

— Слышь, друг! Здорово я сейчас этому сквалыге-пастору насолил! Я на чердаке стаббюра дырку просверлил, и все зерно, что пастор у крестьян для церковной десятины забрал, на дрова просыпалось.

— Ой, ой, ой! — завопил пастор.

— Что с тобой? — удивляется звонарь.

— Живот схватило! — закричал пастор.

И опрометью из пивоварни на двор кинулся. Прибежал он в стаббюр и давай дырку на чердаке заделывать да зерно меж поленьев собирать. Полночи трудился, совсем из сил выбился, а все равно всего зерна не собрал.

А звонарь меж тем надел одежду пастора и пошел в пасторскую опочивальню. А пасторша думала, что это муж ее воротился.

— Ну, что этот чертов нищий? Угомонился? — спрашивает пасторша.

— Спит, проклятый! — отвечает звонарь. — А у меня от этой деревянной крышки все кости ломит. Вот я и решил на своей постели понежиться.

Растянулся он на мягкой пасторской постели и заснул сладким сном. А в полночь пробудился и пошел обратно в пивоварню. Улегся он на диван и видит — входит со двора пастор еле живой от усталости, пот с него градом льет. Только пастор на крышку дивана лег, звонарь опять потихоньку за дверь вышел. Потом воротился и будит пастора:

— Слышь, братец, проснись! Я этому сквалыге-пастору еще пуще насолил. Открыл ворота на скотном дворе да всю его скотину выгнал.

— Ой, ой, ой! — завопил пастор.

— Ты чего это? — удивился звонарь.

— Живот схватило! — закричал пастор и стрелой из пивоварни выскочил. Прибежал пастор на скотный двор, а стадо уж все разбрелось. И пришлось ему среди ночи по лесам да по пригоркам бегать и коров своих скликать. В темноте-то не видать ничего. Бегаёт пастор, спотыкается, падает.

¹ В старой Швеции в крестьянских домах были деревянные диваны со съёмными крышками.

Не одну шишку набил он, пока стадо собрал. А звонарь меж тем надел одежду пастора, пришел в опочивальню, растянулся на мягкой пасторской постели и заснул сладким сном. Под утро пробудился он и пошел в пивоварню поглядеть, что там пастор поделывает. А пастор едва дышит. Лежит на крышке дивана, охает и стонет тяжело.

— Долго же ты ходил,— говорит ему звонарь.— А я тем временем опять с этим сквалыгой-пастором шутку сыграл!

— Что еще ты натворил?— спрашивает пастор, а сам чуть не плачет.

— Я в погреб сбегал и в самую большую бочку с пивом навоз насыпал. Пастор, видать, собирался звонарю на Рождество пива послать.

— Ой, ой, ой!— завопил пастор.

— Ты это что?— удивился звонарь.

— Живот схватило, мочи нет!— кричит пастор.

— Ты, бедняга, видать, намаялся, на этой крышке. Ложись-ка на диван, а я пойду восвоюси. На дворе уж светает, а от этого сквалыги-пастора завтрака не жди!

Ушел звонарь, и у пастора точно гора с плеч свалилась. Вскочил он с дивана и пошел в свою опочивальню.

— Это ты опять?— спрашивает его пасторша.

— Почему «опять»?— удивился пастор.

— Так ведь уж ты два раза приходил.

Пастор от удивления даже рот разинул:

— Два раза? Да в своем ли ты уме, матушка? Тебе, видно, это во сне привиделось!

— Я, когда не сплю, снов не вижу!— рассердилась пасторша.— А ты всю ночь тут взад-вперед ходил, спать мне не давал.

Улегся пастор на постель, а потом вскочил и пасторшу будит:

— Проснись, матушка!

— Чего тебе, отец?

— Пошли завтра звонарю самую большую бочку пива.

— А не много ли ему будет?

— Нет, не много. Нищий туда навоз насыпал.

На другое утро послала пасторша звонарю всю бочку пива. А звонарь пил да нахваливал его. Он-то знал, что никакого навоза там и в помине нет.

Вот так и проучил звонарь жадного пастора.

Честный и послушный слуга

Жил на свете помещик. Человек он был пустой и ничемный и все свое имение на ветер пустил. Но зато без меры чванился он своим знатным родом и считал, что хоть и обеднел он, а жить без слуги ему не пристало. И принялся он подыскивать себе слугу. Много всякого люда к нему приходило, только никто ему угодить не мог. Вот однажды пришел к нему наниматься один паренек. Помещик ему и говорит:

— Мне нужен слуга честный и послушный. Чтобы всегда правду говорил и чтобы все мои приказания в точности исполнял.

— Не сомневайтесь, господин,— отвечает ему паренек.— Честнее и послушнее слуги, чем я, вам вовек не сыскать.

Как-то явились к помещику знатные гости. Привел он их в горницу, усадил за стол и кричит слуге:

— Эй, ты! Принеси-ка нам скатерть тонкого голландского полотна стол накрыть!

— Так ведь у нас их и в заводе нет,— отвечает слуга. Помнил он, что хозяин велел ему всегда правду говорить. Отозвал помещик слугу в сторонку и шепчет ему:

— Дурень ты! Надо было сказать: «Она в лохани с бельем мокнет».

— Виноват, господин! В другой раз так и скажу.

Решил помещик себя хлебосольным хозяином перед гостями показать. Позвал он слугу и говорит ему:

— Эй, ты! Подай нам сыру!

А тот отвечает:

— Он в лохани с бельем мокнет.

Помнил он, что помещик велел ему все его приказания в точности исполнять. Разозлился помещик и зашептал на ухо слуге:

— Олух ты! Надо было сказать: «Его крысы съели».

— Виноват, господин! В другой раз так и скажу.

Тут решил помещик показать гостям, что у него в погребах и вино водится. Позвал он слугу и говорит:

— Эй, ты! Принеси нам бутылку вина!

А тот отвечает:

— Ее крысы съели.

Помещик от злости чуть не лопнул. Выволок он слугу на кухню, вlepил ему затрещину да как закричит:

— Дубина! Надо было сказать: «Я ее с полки уронил, и она на мелкие кусочки разбилась».

— Виноват, господин! В другой раз так и скажу.

Тут захотел помещик показать гостям, что у него полон дом прислуги. Позвал он слугу и говорит:

— Эй, ты! Приведи-ка сюда стряпуху.

А тот отвечает:

— Я ее с полки уронил, и она на мелкие кусочки разбилась.

Поняли гости, что помещик только пыль в глаза пускает. Высмеяли они его и отправились по домам.

А помещик того парня вон со двора прогнал и с той поры закаялся себе честных и послушных слуг искать.

Жить или помереть?

Жила на свете жадная старуха. И все сокрушалась, что вот помрет она, а корова ее чужим людям достанется. И задумала она корову свою перед смертью непременно заколоть и съесть. Только ведь неведомо, когда к ней смерть придет?

Стала старуха по соседям ходить и у всех совета спрашивать. А один шутник возьми да и скажи ей:

— Пойди ты, бабушка, в горы. Заберись повыше, стань на вершину и крикни: «Жить или помереть?». Тут сразу и ответ услышишь.

Так старуха и сделала. Залезла на высокую гору и закричала что есть мочи: «Жить или помереть?».

А эхо ей в ответ:

— Помереть!..

Вернулась старуха домой и зарезала свою корову. А потом разожгла в очаге огонь и полный котел говядины сварила. Много дней она коровьим мясом лакомилась, пока последнего кусочка не съела и последней косточки не обглодала.

Прошла неделя, другая, а старуха все не помирает. Разозлилась она, пошла к соседям и накинулась с бранью на того шутника, что ей совет дал:

— Ах ты плут этакий, бесстыжие твои глаза! Ты зачем меня обманул?

А шутник ее спрашивает:

— Да ты как кричала-то, бабушка?

— Жить или помереть, — отвечает старуха.

— Вот и неверно! Надо было кричать: «Помереть или жить?».

На другой день опять пошла старуха в горы, забралась на самую высокую вершину и закричала:

— Помереть или жить?

А эхо ей в ответ:

— Жить!..

Так и живет старуха до сей поры и все сокрушается, что раньше сроку свою корову съела.

Семеро далекарлийцев

Решили однажды семеро далекарлийцев отправиться по белу свету бродить. Всю жизнь они из Далекарлии носу не казали, а тут пришла им охота людей поглядеть, себя показать, счастья поискать.

— Куда же вы пойдете? — отговаривают их земляки. — Чужих обычаев вы не знаете, совсем пропадете.

— Ничего! — отвечают те. — Парни мы смекалистые, знаем, что к чему! Не пропадем!

И отправились в путь. Шли по лесу весь день, а лесу конца не видно.

Вот и решили они приюта себе поискать. Только где же в глухом бору человеческое жильё найдешь? И пришлось им заночевать под открытым небом. А ночь холодная выдалась и темная, хоть глаз выколи. Решили они костер развести, чтобы теплее и светлее было. Только ни трута, ни огня они с собою не захватили, и стали думать, как бы им огня раздобыть.

Тогда один из них и говорит:

— Слыхал я, что ежели человека здорово по уху треснуть, — у него искры из глаз посыплются. Пускай один из вас мне затрещину влепит, а я буду около глаза сухую лучинку держать. Авось она от искры-то и загорится.

Стал тут его дружок затрещинами потчевать, колотит и спрашивает:

— Ну, сыплются у тебя из глаз искры?

— Еще как! — кричит он. — Только огня все нет и нет.

Так и пришлось им в темном лесу на голой земле заночевать.

На другой день отправились они дальше в путь. Шли они, шли и набрали на медвежью берлогу. И решили они мишку из берлоги выманить. Стали в берлогу сучья да ветки совать, медведя дразнить. А тот и ухом не ведет, спит, как видно.

Тогда один из них и говорит:

— Залезу-ка я в берлогу, разбужу медведя.

Сунул он голову в берлогу, да так и остался там лежать. Час лежит, два лежит. Надоело далекарлийцам его дожидаться, и они его за ноги из берлоги выволокли. Глядь — а головы-то у него нет. Стали они думать да гадать: была ли у него раньше голова? Тот кричит: «Была!». Этот кричит: «Не была!». Точно сказать никто не мог. Спорили они, спорили, а тут один из них и говорит:

— Погодите, братцы! Уж я-то наверняка знаю, что голова у него была: когда он вчера кашу ел, у него в бороде две крупинки застряли.

Пошли они дальше вшестером. Шли они, шли и вышли к льяному полю. Усеяно поле сплошь голубыми цветами, колышутся они под ветром, словно зыбь морская. Решили далекарлийцы, что это перед ними Аландское море раскинулось. Пустились они по льяному полю вплавь, переправились на другую сторону и стали глядеть, не утонул ли из них кто, пока они на другой берег плыли.

— Знаете что, братцы? — говорит один из них. — Давайте посчитаем, сколько нас. Было нас шестеро, а ежели и сейчас шестеро осталось, то, стало быть, никто из нас не утонул.

Принялись они считать. Считали, считали, и все у них выходило, что одного не хватает, потому что тот, кто считал, себя в расчет не принимал.

«Выходит, один из нас утонул», — подумали далекарлийцы и стали его искать.

Так и бродят они до сей день по льяному полю. Утопленника ищут.

Три волшебных листочка

Жил-был в стародавние времена король, сильный и могучий. Только вот беда — жены у него не было, умерла она. Один растил он трех дочек. Краше всех самая младшая была. К тому же слыла она разумницей, работающей да услужливой. Любил ее отец больше жизни и никогда ей ни в чем не отказывал. Правду сказать, она ни о чем короля и не просила.

Вот как-то осенью собрался король с оруженосцами на ярмарку. Вскочил он на коня и спрашивает дочек:

— Какой подарок вам привезти?

— Мне, батюшка, гребень серебряный, — просит старшая.

— А мне — перстень золотой, — просит средняя.

Младшая молчит, ни о чем не просит.

— И еще ожерелье алмазное! — промолвила старшая.

— И браслет из камней лунных! — не отстают от сестры средняя.

Стали они наперебой у короля драгоценные уборы запрашивать.

Слушал, слушал король, а потом и говорит:

— Привезу, коли не забуду!

Повернулся он к младшей дочке и говорит:

— Отчего же ты молчишь? Неужели нет у тебя никаких желаний?

— Спасибо, батюшка! Ничего мне не надо, — отвечает младшая.

— Подумай хорошенько! — просит король.

— У меня есть все, что душе угодно, — отказывается она.

— А все-таки, может, чего желаешь? — спрашивает король.

— Есть у меня одно желание, — призналась принцесса.

— Скажи — какое? — обрадовался король. — Я для тебя все, что ни попросишь, хоть из-под земли достану!

— Будь по-твоему, скажу! — согласилась принцесса. — Слыхала я, что есть на свете дерево с тремя золотыми волшебными листочками, которые играют и поют. Как я про эти листочки узнала, нет мне ни сна, ни покоя. Пряду ли я, золотом ли узоры вышиваю, все мне те листочки мерещатся. О них только и думаю.

— Ладно, — кивнул король. — Добуду я тебе волшебные листочки. Коли потребуется, полкоролевства за них отдам.

Распрощался король с дочками. Пришпорил коня и ускакал вместе со всеми своими оруженосцами.

Людей на ярмарке собралось видимо-невидимо. Иноземные купцы чем только и не торговали — и золотом, и серебром, и камнями драгоценными.

Купил король двум старшим дочкам гребень серебряный, перстень золотой, ожерелье алмазное, браслет из камней лунных и много другого в придачу.

Лишь трех золотых листочков, что играют и поют, найти ему не удалось. Кого только не расспрашивал о них король! Но все купцы — и с запада и с востока — королю в пояс кланялись и говорили:

— Все можем тебе раздобыть, но про такой товар мы слыхом не слыхивали.

— Должен я эти листочки волшебные найти, хоть из-под земли достать, — говорит король.

Стал он от палатки к палатке ходить, у всех про те листочки выспрашивать. И всюду один ответ:

— Слыхом не слыхивали! Видом не видывали!

Уж и солнце зашло, стали купцы домой собираться. Делать нечего, пришлось и королю коня домой повернуть. И так тяжело стало ему оттого, что желание младшей дочки он исполнить не смог.

Вот едет король лесом, и чудится ему вдруг, будто где-то тихо-тихо арфы и скрипки заиграли, птицы защебетали. Да так дивно! Никогда ничего слаще он не слыхивал.

Придержали король и его свита коней, прислушались. И показалось им, словно бы с большого зеленого луга в стороне от дороги музыка и пение слышатся. Пришпорили коней, на зелёный луг помчались. Чем дальше они скачут, тем громче арфы со скрипками играют, птицы поют. И вдруг дерево ореховое всадникам путь преградило.

Стали тут кони как вкопанные. Глядит король и глазам своим не верит. На самой верхушке дерева длинная ветка торчит, а на ней три золотых листочка будто от ветра колыхаются. И чудится, будто арфы со скрипками играют и птицы поют.

Обрадовался король:

— Это же три золотых волшебных листочка, что играют и поют! Их-то дочка моя меньшая привезти и просила!

Спешился король, руку к листочкам протянул, сорвать их хочет. А ветка вдруг в сторону отклонилась. И чей-то громовой голос, словно из-под земли, пророкотал:

— Не тронь мои золотые листочки! Не тронь мои волшебные листочки, что играют и поют.

— Ты кто такой? — удивился король.

— Я — принц Хатт из Подземного королевства! — ответил голос.

— Так, может, отдашь мне эти волшебные листочки? — спросил король. — Меньшая моя дочка только о них и думает.

— Знаю, — ответил голос, — но такое сокровище я даром не отдам!

— Тогда скажи свою цену! — говорит король. — Золота и серебра у меня хватит!

— Да и у меня его немало! — засмеялся принц Хатт. — Только золотые листочки не продаются.

— Как же быть? — опечалился король.

— Я отдам их тебе, но только с уговором, — отозвался голос.

— С уговором? — переспросил король.

— Да, — ответил тот же голос. — Отдам я их за первую живую душу, что на пути твоём встретится, когда домой вернешься.

«Первой мне навстречу собака моя охотничья выбежит, — подумал король. — Жаль с ней расставаться, но еще хуже будет, коли дочь моя от тоски зачахнет».

— По рукам! — согласился король.

— Тогда и золотые листочки, что играют и поют, — твои, — обрадовался принц Хатт. — А не сдержишь слово — опозоришься навеки, прослывешь человеком без чести и совести.

— Даю слово чести! — пообещал король.

И снова протянул к волшебным листочкам руку. На этот раз ветка не отклонилась. Сорвал ее король, вскочил на коня и домой помчался. Ветку в руках держит, а золотые листочки на ней играют и поют. И чудится всем, будто арфы со скрипками играют, а птицы им вторят, заливаются. До того весело! Кони и те в пляс пустились!

Пока король на ярмарку ездил, дочери дома сидели. Младшая шила, вышивала, а сестры ее все в окошко глядели — отца поджидали. И разговоров у старшей со средней только и было, что о подарках, которые он привезет.

Вот уже смеркаться стало, младшая вдруг и говорит:

— Выйдем, сестрицы, на дорогу батюшку встречать!

— Неохота в темень выходить! — молвила старшая. — Да и ты лучше дома останься!

— Еще чулки шелковые вечерней росой замочишь! Лучше не выходи! — сказала средняя.

Не послушалась младшая сестра. Накинула плащ и пошла отцу навстречу — до того соскучилась.

Идет и слышит вдруг: кони скачут, оружие бряцает. И еще — будто арфы со скрипками играют и птицы поют. До того сладко! Поняла принцесса: то отец ее едет и три золотых волшебных листочка везет. Обрадовалась она, навстречу королю поспешила, на стремя его коня встала, обняла отца и говорит:

— Спасибо за подарок!

Испугался король, лицом побелел. Ведь первая живая душа, что ему дома встретилась, была вовсе не собака охотничья, а дочка его любимая! И, стало быть, ее-то он и должен принцу Хатту из Подземного королевства отдать.

Молчит король, слова вымолвить не может. Перепугалась тут дочка и спрашивает:

— Что с тобой, батюшка?

Молчал король, молчал, а под конец рассказал ей все, как было, и говорит:

— Должен я за эти три золотых листочка тебя принцу Хатту из Подземного королевства отдать. Только я этого не сделаю. Пусть даже человеком без чести и совести прослышу!

— Нет! — твердо молвила принцесса. — Слово — оно слово и есть, особенно королевское. Пусть никто не скажет, что отец мой ради меня слово свое нарушил. Вези меня к принцу. Не думала я с тобой расстаться, да сама виновата! Ведь это я тебя просила три золотых волшебных листочка мне подарить! Знать, такова моя судьба!

Ничего не сказал ей в ответ король. Посадил дочку на своего коня и назад, на зеленый луг, поскакал. Обняла отца принцесса, поцеловала и наземь соскочила, королю рукой машет. Повернул он коня и во весь опор домой помчался. Тяжко у него на душе. Ведь неведомо кому дочку любимую отдал!

А принцесса села на зеленую траву под ореховым деревом и горько-горько заплакала. Разверзлась вдруг под ногами ее земля, и опустилась принцесса в подземный зал, огромный-преогромный. В таком ей еще бывать не доводилось! Разукрашен зал золотом, серебром, камнями самоцветными. На окнах занавеси, шелком шитые; в серебряных светильниках тысячи свечей горят. Но ни одной живой души не видно.

Вдруг погасли свечи, и стало в зале темно-претемно. Слышит принцесса: отворилась дверь, и кто-то легкими шагами подходит к ней, а нежный голос говорит:

— Здравствуй, принцесса! Я принц Хатт из Подземного королевства. И зла тебе не желаю.

Как услышала она его голос, страх с нее как рукой сняло.

— Сядь! — попросил принц Хатт. — Расскажу я, почему причинил тебе и отцу твоему такое горе. Я — сын могущественного короля, а три сестры мои — королевы. Но, на беду, пожелала одна злодейка-ведьма меня в мужья взять. Отказался я, и тогда наложила она на меня страшное заклятье: ни один человек не должен меня видеть. А если кто глянет, ведьма тотчас надо мною власть возьмет. Спасти меня может только юная красивая девица. Коли не станешь любопытствовать, каков я с виду, да судить-рядить обо мне с людьми, коли станешь мне верной женой, я от ведьминого заклятия избавлюсь. Неволить тебя я не стану. Можешь, когда пожелаешь, к отцу вернуться.

И стал вдруг принц Хатт принцессе до того мил, что взяла она его за руку и молвила:

— Буду тебе верной женой. А каков ты с виду, мне все едино.

Обрадовался принц Хатт, и зажили они с принцессой душа в душу, весело да счастливо. Правда, многое было не так, как бы им хотелось. Что ни день, принц ранним утром — еще до того, как свечи и огонь в очаге зажгут, — из дому уходит. А к вечеру, когда в зале снова темно становится, возвращается. Принцесса одна день-деньской сидит, мужа поджидает. Но стоит ей что-нибудь пожелать, все тотчас сбывается. Загрустит принцесса — три золотых волшебных листочка всегда рядом, возьмет она их в руки — и снова весела и счастлива.

Но еще счастливей стали принц Хатт с принцессой, когда у них сынок родился. С утра до вечера играла и забавлялась с ним принцесса.

Так и год минул. Однажды вечером принц поздно-поздно домой вернулся.

— Где ты был? — спросила принцесса.

— В королевство батюшки твоего наведалься. Узнал, что обручился он. Завтра свадьба. Коли хочешь, можешь на свадебный пир поспеть. И сынка с собой возьми. Только уговор: обратно ко мне воротиться!

— Неужто я домой, к мужу моему милому, не вернусь?! Да как тебе такое в голову прийти могло?! — спрашивает принцесса.

Обрадовался принц Хатт ее речам. А наутро снова, по обыкновению своему, исчез. Принцесса же стала в дорогу собираться: платье лучшее надела, уборы драгоценные. И сына в рубашку, шелком шитую, нарядила.

Разверзлась земля над их головами, и вынес ветерок мать с сыном на зеленый луг. Тут, откуда ни возьмись, — стук-постук — шестерка вороных карету золотую примчала. Села принцесса в карету, сына на руках держит.

И понеслись они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета уже в ворота ее родного замка въезжает. Только принцесса с сыном порог замка переступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

Вовремя поспела принцесса на свадебный пир. Увидел младшую дочку король, обрадовался, с почетного места вскочил, к ней кинулся.

Обнял король дочку любимую, внука на руки взял. Глядит на них — наглядеться не может.

Мачеха с сестрицами, гости званные ласково принцессу с сыном встретили. А после стала мачеха ее выпрашивать:

— Счастливо ли ты живешь?

— Уж так-то счастливо, что ничего больше в мире мне не надо.

Королева все не унимается.

— А каков твой муж с виду? — спрашивает она. — Велико ли его королевство?

Принцесса ей в ответ:

— Для меня краше его на всем свете нет. А королевско-го достатка на наш век хватит.

Мачеху от ее ответов еще пуще любопытство разбирает. Уж и король ее останавливать стал:

— Любезная супруга! Дочь моя счастлива. А до остального нам дела нет!

Пришлось мачехе язык прикусить. Но только король отвернулся, она опять за свое — вопросами падчерицу донимает.

Три дня веселились гости. И стала принцесса по дому тосковать. Вдруг, откуда ни возьмись, карета золотая катит, шестерка вороных ее везет. Распрощалась принцесса с батюшкой, с мачехой, с сестрицами, поклонилась гостям званным, села в карету — сына на руках держит.

Помчались они снова по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета к ореховому дереву подъезжает. Только принцесса с сыном

на луг зеленый ступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И вот уже мать с сыном в подземном зале стоят. Тут разом свечи и огонь в очаге зажглись, золотые листочки заиграли, запели. Еще слаще, чем прежде. И подумала принцесса, что настоящий ее дом — здесь, в Подземном королевстве.

Еще радостней ей стало, когда принц Хатт вечером домой воротился и сказал:

— День и ночь я лишь о тебе да о сыночке нашем думал.

Зажили они снова весело и счастливо. Стоит принцессе что-нибудь пожелать, все тотчас сбывается. Загрустит она — три золотых волшебных листочка всегда рядом; возьмет их в руки принцесса, сынка приласкает — и снова весела и счастлива.

А когда у принца Хатта с принцессой второй сынок родился, счастью их конца не было. С утра до вечера играла и забавлялась с детьми принцесса.

Так еще год минул. Однажды вечером принц снова поздно-поздно домой вернулся.

— Где ты был? — спросила принцесса.

— В королевство батюшки твоего ходил. Радость у них в доме. Старшая-то твоя сестрица жениха себе сыскала. Завтра свадьба. Поспешишь — на свадебном пиру повеселишься. И детей с собой возьми. Только уговор: обратно ко мне воротиться!

— Неужто я домой, к мужу моему милому, не вернусь?! Да как тебе такое на ум взбрело?! — засмеялась принцесса.

Наутро, когда исчез принц из дому, принцесса стала в дорогу собираться. Платье лучшее надела, драгоценные уборы. И детей в рубашечки, серебром шитые, нарядила.

Опять разверзлась земля над их головами, и вынес ветерок мать с сыновьями на зеленый луг. Тут, откуда ни возмись, — стук-постук — шестерка вороных карету золотую прикатила. Села принцесса в карету, сыновей на колени посадила.

Помчались они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета уже в ворота ее родного замка въезжает. Только она порог замка переступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И на этот раз вовремя поспела принцесса на свадьбу. Увидел младшую дочку король, обрадовался, с почетного места вскочил, к ней кинулся.

Обнял король дочку любимую, внуков на руки взял. Глядит на них — наглядеться не может.

Мачеха с сестрицами, сестрицын муж, гости званные ласково принцессу с детьми встретили. Только мачеха снова выпрашивать ее стала:

— Как твой муж, принц Хатт, поживает?

Принцесса ей в ответ:

— Лучше некуда!

Мачеху от ее ответа еще пуще любопытство разбирает. Снова король ее останавливает:

— Любезная супруга! Дочь моя счастлива. До остального нам дела нет.

Пришлось мачехе язык прикусить. Но только король отвернулся, она опять за свое — от падчерицы не отстает.

Три дня веселились гости. И стала принцесса по дому тосковать. Вдруг, откуда ни возьмись, — стук-постук — карета золотая катит, карету шестерка вороных везет. Распрощалась принцесса с батюшкой, с мачехой, с сестрицами, с мужем сестрицыным, с гостями званными, села в карету — детей на колени посадила.

Снова помчались они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета к ореховому дереву подъезжает. Только принцесса с детьми на луг зеленый ступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И вот они уже опять в подземном зале стоят. Тут разом свечи и огонь в очаге зажглись, золотые листочки заиграли, запели. Еще слаще, чем прежде. И подумала принцесса, что настоящий ее дом — здесь, в Подземном королевстве.

Еще радостней ей стало, когда принц Хатт вечером домой воротился и сказал:

— День и ночь я лишь о тебе да о сынках наших думал.

Зажили они снова весело и счастливо. Стóбит принцессе что-нибудь пожелать, все тотчас сбывается. Загрустит она — три золотых волшебных листочка всегда рядом, возьмет принцесса их в руки, сынков поцелует — и снова весела и счастлива.

Когда же у принца Хатта с принцессой дочка родилась, счастливее их на свете не было. С утра до вечера играла и забавлялась с детьми принцесса.

Так еще год минул. Однажды вечером принц опять поздно-поздно домой вернулся.

— Где ты был? — спросила принцесса.

— В королевстве батюшки твоего. Средняя-то твоя сестрица замуж выходит. Завтра свадьба. Поторопишься — на свадебный пир поспеешь. И детей с собой возьми. Только уговор: обратно ко мне воротиться!

— Неужто я домой, к мужу моему милому, не вернусь?! Да как ты такое подумать мог?! — удивилась принцесса.

Наутро ушел принц, а принцесса стала в дорогу собирать: платье лучшее надела, драгоценные уборы. Сыновей в рубашечки, золотом шитые, а дочку в шелк и кружева нарядила.

Снова разверзлась земля над их головами, и вынес ветерок мать с детьми на зеленый луг. Тут, откуда ни возьмись, — стук-постук — шестерка вороных карету золотую мчит. Села принцесса в карету, сыновей по левую да по правую руку, а дочку на колени посадила.

И помчались они по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета уже в ворота ее родного замка въезжает. Только она с детьми порог замка переступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И в третий раз вовремя поспела принцесса на свадьбу. Увидел король младшую дочку, обрадовался, с почетного места вскочил, к ней кинулся.

Обнял король дочку любимую, внуков с внучкой на руки взял. Глядит на них — наглядеться не может.

Мачеха с сестрицами, мужья сестриц, гости званые ласково принцессу с детьми встретили. Только мачеха снова выспрашивать ее стала:

— Что же это твой муж, принц Хатт, с тобой не приехал?

А принцесса ей в ответ:

— Делами государственными он занят!

Мачеху от ее ответа еще пуще любопытство разбирает. Снова король ее останавливает:

— Любезная супруга! Дочь моя счастлива. До остального нам дела нет!

Пришлось мачехе язык прикусить. Но только король отвернулся, она опять за свое — спрашивает да спрашивает. Принцесса молчит, от ответов уклоняется.

Тогда мачеха хитростью взять решила: стала она детей расхваливать и говорит:

— До того детки твои резвы, до того хороши! Одного понять не могу, почему у тебя глаза голубые, а у них — карие. Верно, сынки твои с дочкой в отца пошли?

— Да и я так думаю! — молвила принцесса.

— Думаешь? — прошептала мачеха. — Стало быть, ты не знаешь, какие у твоего мужа глаза? Неужели ты никогда его не видела?

Поняла тут принцесса, что проговорилась. Побелела она сперва как снег, после вспыхнула как маков цвет.

А мачеха ей и говорит:

— Бедное дитяtko! Видно, не дозволяет тебе твой муж на него взглянуть? Может, он и не человек вовсе, а тролль?

Расплакалась принцесса:

— Нельзя мне на него смотреть, хоть и хочется узнать, каков он.

— А он и знать ничего не будет,— уговаривает принцессу мачеха.— Дай мне только время поразмыслить.

Три дня веселились гости. И стала принцесса по дому тосковать. Вдруг, откуда ни возьмись,— стук-постук — карета золотая катит, карету шестерка вороных везет. Распрощалась принцесса с батюшкой, с мачехой, с сестрицами, с мужьями сестриц, с гостями званными. Но только она в карету сесть собралась, подходит к ней мачеха, в покои к себе ведет и шепчет:

— Милое дитяtko, надумала я, как беде твоей помочь. Вот тебе свеча. Зажги ее, когда муж уснет. Да смотри не разбуди его!

Поблагодарила мачеху принцесса, взяла свечу и к карете побежала.

Села она в карету, сыновей рядом, по левую да по правую руку, а дочку на колени посадила.

Помчались они опять по горам, по долам, вверх — вниз, вверх — вниз. Не успела принцесса оглянуться — карета к ореховому дереву подъезжает. Только принцесса с детьми на луг зеленый ступила, глядь — вороных и кареты как не бывало!

И вот они уже в подземном зале стоят. Тут разом свечи и огонь в очаге зажглись, золотые листочки заиграли, запели. Только не радуют больше волшебные листочки принцессу. И не мил ей замок в Подземном королевстве. Из головы мачехины слова нейдут. Вовсе она покоя лишилась.

Воротился вечером принц Хатт домой и сказал:

— День и ночь я лишь о тебе да о детях наших думал!

И слова его принцессе тоже не в радость.

А ночью, только принц Хатт заснул, зажгла принцесса свечу, ладонью ее прикрыла и тихонько к его ложу подошла.

И увидала принцесса, что муж ее не тролль, а человек красы неопиcуемой! Такого ей встречать не доводилось!

Обрадовалась принцесса, обо всем на свете позабыла. Тут-то вот капля воска мужу ее на руку невзначай и упала. Испугалась принцесса, хотела было свечу задуть, да поздно.

Проснулся принц, глаза карие открыл и сразу понял, что жена его натворила.

В тот же миг смолкли золотые листочки, дерево ореховое исчезло, а замок в Подземном королевстве горным ущельем обернулся. В ущелье том принц Хатт с принцессой да с тремя малолетними детьми одни в кромешной тьме стоят. Под ногами у них змеи ползают да лягушки с жабами прыгают.

— Что же ты, жена, наделала! — прошептал принц. — Потерпела бы еще три месяца, и я бы от ведьминых чар избавился. А теперь я ослеп и никогда больше тебя не увижу. Кончилось наше счастье!

Зарыдала принцесса и молит мужа:

— Прости меня!

— От всего сердца прощаю! — молвил принц. — Не по силам, видно, тебе такое испытание оказалось. Что сделано, того не воротишь. Мне теперь погибать, а ты вольна к отцу вернуться. И детей с собой возьми. Спасибо за счастье, что мне подарила!

Еще горше зарыдала от слов его принцесса:

— Дурно я поступила, это верно. Но я жена твоя и навсегда с тобой останусь, никогда тебя не покину!

Взяла она слепого мужа за руку, другую руку старшему сыну протянула, младший за подол ее платья уцепился, а дочку принц на спину посадил, и пошли они по белу свету.

Шли, шли, и вдруг перед ними глухой дремучий лес стеной встает, конца-краю ему не видно. По лесу тропка зеленая вьется. Пошли принц с принцессой той тропкой; час идут, другой идут, принц Хатт и спрашивает:

— Любезная женушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зеленых, не вижу!

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт снова спрашивает:

— Любезная женушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зеленых, не вижу!

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт в третий раз спрашивает:

— Любезная женушка, неужто ты ничего не видишь?

— Вижу, — отвечает принцесса, — замок огромный-преогромный, крыша медная — так и сверкает!

— Наконец-то! — обрадовался принц. — То замок королевы, старшей сестры моей. Поклонись ей от меня, пусть о старшеньком нашем позаботится, пока ты за ним не вернешься. И скажи сестре: ни мне в замок ее войти нельзя, ни ей ко мне выйти. Коли сестра запрет этот нарушит, никогда нам с тобой больше не встретиться.

— Сделаю, как велишь, — пообещала принцесса.

Взяла она старшего сына за руку и в замок под медной крышей вошла. Поклонилась золовке-королеве и рассказала обо всем, что с ними приключилось.

Обняла принцессу королева и говорит:

— Буду твоему сыну вместо родной матери.

Поцеловала принцесса старшего сына и к дверям пошла. Золовка проводить ее хочет, с братом встретиться.

— Милая золовушка! — просит принцесса. — Не ходи за мной, не то нам с принцем никогда больше не свидеться!

— Что ты! — испугалась королева. — Неужели я еще бóльшую беду на вас навлеку? Прощай, счастливого пути!

Вышла принцесса из замка — и снова в путь. Одной рукой слепого мужа ведет, другой — сына младшего. А маленькую дочку принц на спине несет. Вдруг перед ними снова глухой дремучий лес стеной встает, конца-краю ему не видно. По лесу тропка зеленая вьется. Пошли принц с принцессой той тропкой; час идут, другой идут, принц Хатт и спрашивает:

— Любезная женушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зеленых, не вижу!

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт снова спрашивает:

— Любезная женушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зеленых, не вижу!

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт в третий раз спрашивает:

— Любезная женушка, неужто ты ничего не видишь?

— Вижу, — отвечает принцесса, — замок огромный-преогромный, крыша серебряная — так и сверкает!

— Наконец-то! — обрадовался принц. — То замок королевы, средней сестры моей. Поклонись ей от меня, пусть о младшеньком нашем позаботится, пока ты за ним не вернешься. И скажи сестре: ни мне в замок ее войти нельзя, ни

ей ко мне выйти. Коли сестра запрет этот нарушит, никогда нам с тобой больше не встретиться.

— Сделаю, как велишь,— пообещала принцесса.

Взяла она младшего сына за руку и в замок под серебряной крышей вошла. Поклонилась золовке-королеве и рассказала обо всем, что с ними приключилось.

Обняла принцессу королева и говорит:

— Буду твоему сыну вместо родной матери.

Поцеловала принцесса младшего сына и к дверям пошла. Золовка проводить ее хочет, с братом встретиться.

— Милая золовушка! — просит принцесса. — Не ходи за мной, не то нам с принцем никогда больше не свидеться!

— Что ты! — испугалась королева. — Неужели я еще большую беду на вас навлеку? Прощай, счастливого пути!

Вышла принцесса из замка — и снова в путь. Одной рукой слепого мужа ведет, другой — дочку маленькую к груди прижимает. Вдруг перед ними в третий раз глухой дремучий лес стеной встает, конца-краю ему не видно.

По лесу тропка зеленая вьется. Пошли принц с принцессой той тропкой; час идут, другой идут, принц Хатт и спрашивает:

— Любезная женушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зеленых, не вижу.

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт снова спрашивает:

— Любезная женушка, видишь ли ты что-нибудь?

А она ему в ответ:

— Ничего, кроме леса дремучего да деревьев зеленых, не вижу.

Пошли они дальше; час идут, другой идут, принц Хатт в третий раз спрашивает:

— Любезная женушка, неужто ты ничего не видишь?

— Вижу,— отвечает принцесса,— замок огромный-преогромный, крыша золотая — так и сверкает!

— Наконец-то! — обрадовался принц. — То замок королевы, младшей сестры моей. Поклонись ей от меня, пусть о дочке нашей позаботится, пока ты за ней не вернешься. И скажи сестре: ни мне в замок ее войти нельзя, ни ей ко мне выйти. Коли сестра запрет этот нарушит, никогда нам с тобой больше не встретиться.

— Сделаю, как велишь,— пообещала принцесса.

Взяла она дочку на руки и в замок под золотой крышей вошла. Поклонилась золовке-королеве и рассказала обо всем, что с ними приключилось.

Обняла принцессу королева и говорит:

— Буду дочке твоей вместо родной матери.

Поцеловала принцесса дочку и к дверям пошла. И так тяжко на сердце у нее стало, когда она последнее свое дитя отдала, что обо всем на свете позабыла принцесса. А золовка проводить ее пошла, с братом встретиться захотела. Идет она за принцессой, а та ничего не замечает, только плачет — слезами обливается.

Подошли они к слепому принцу, сестра к нему на шею как кинется, как зарыдает! Понял принц, кто его обнимает, побледнел и говорит принцессе:

— Любезная женушка, как же ты сестрицу мою не оставила? Никогда нам с тобой больше не свидеться!

Зарыдала принцесса. Тут вдруг, откуда ни возьмись, — черное облако опустилось с неба, принца с головой накрыло, и исчез он, будто птица, в воздухе.

А принцесса с золовкой в горе своем великом слова вымолвить не могут. Опомнилась наконец золовка и говорит:

— Ни кола ни двора у тебя нет, с мужем ты теперь рассталась навеки — оставайся у меня!

Принцесса и слушать ее не желает.

— Неужто ты не знаешь, — говорит она, — что верная любовь всего на свете дороже! Мужа я отыщу, пусть весь белый свет ради этого обойти придется!

— Коли так, — молвила королева, — дам тебе добрый совет. Видишь — гора, высокая-превысокая. Там старая троллиха живет, Бертой ее зовут. До того сметливая — второй такой не сыщешь! Знает она все, что от людей сокрыто. Может, скажет, где мой брат.

— Спасибо тебе! — поблагодарила золовку принцесса и отправилась старую троллиху искать. Шла она, шла, а как стемнело, на гору набрела. Глянула — на самой ее вершине свет горит, будто звездочка в ночном небе сияет. Принцесса и про усталость забыла, стала в гору по крутой каменистой тропке карабкаться. В конце тропки пещеру нашла со свечой у входа. Заглянула в пещеру и видит: огонь в очаге пылает, а кругом маленькие тролли с длинными-предлинными хвостами так и кишат. В углу старая горная троллиха сидит. До того страшна: маленькая, скрюченная, нос длинный, лицо морщинами изрыто, голова трясется.

Испугалась принцесса. Но тут мужа своего вспомнила, и страх как рукой сняло. Подошла она к троллихе и здоровается учтиво:

— Добрый вечер, любезная матушка!

Удивились маленькие тролли, на принцессу уставились. А троллиха обрадовалась и забормотала:

— Добрый вечер! Кто ты такая и откуда? Пятьсот лет я в этой пещере живу, и никто меня не уважил ни разу, любезной матушкой не назвал.

— Я жена принца Хатта из Подземного королевства, — отвечала принцесса, — мужа своего ищу. Молва идет, будто ты не по годам сметлива и знаешь все, что от людей сокрыто. Может, скажешь, где мой муж?

Помолчала троллиха, потом молвила.

— Чего не знаю, того не знаю. Но есть у меня сестра — горная троллиха Мэрта, вдвое старше и вдвое умнее меня. И знает обо всем, что на свете творится. Может, она скажет, где принц Хатт. Переночуй с нами, а утром мы тебе дорогу к Мэрте покажем.

— Спасибо! — поблагодарила троллиху принцесса. — Век тебя не забуду!

Рано утром собралась принцесса в путь, прощается с Бертой, а та вдруг одного из троллей кличет:

— Эй, сынок, проводи-ка гостью к тетушке Мэрте!

Выскочил горный тролль с длинной седой бородой, в остроконечном колпачке и говорит:

— Сделаю, матушка, как велишь!

Протянула старая троллиха принцессе веретено чистого золота:

— Прими на прощанье! Пока ты этим веретеном владеешь, ни горя, ни нужды знать не будешь! Оно в девять раз больше кудели нарядет, чем все другие веретена на свете. А теперь — счастливого тебе пути!

Поблагодарила троллиху принцесса и отправилась следом за древним ее сынком. Шли они, шли, а как стемнело, сразу же на высокую гору набрели. Глянула принцесса — на самой вершине горы свет горит, будто зарево в ночном небе пылает. Принцесса и про усталость забыла, стала в гору по крутой каменистой тропке карабкаться. Тут тролль ей и говорит:

— Проводил я тебя, а теперь сама к тетушке Мэрте добирайся!

Приподнял он колпачок, поклонился и исчез. Принцесса даже спасибо сказать не успела.

Стала она снова в гору взбираться. А была та гора вдвое выше Бертиной и вся стволами деревьев да валунами завалена. Совсем изнемогла принцесса. Вдруг глядь — в конце тропки пещера, а у входа в нее — свеча горит.

Заглянула принцесса в пещеру и видит: огонь в очаге пылает, а кругом тролли, побольше первых, с хвостами подлиннее, так и кишат. В углу горная троллиха, постарше Берты да пострашнее, сидит: голова — торчком, нос — крючком, подбородок — лопатой торчит.

Испугалась принцесса. Но вспомнила своего мужа и страх превозмогла. Подошла к троллихе, поклонилась и здоровается учтиво:

— Добрый вечер, любезная матушка!

Удивились тролли, на принцессу уставились. А троллиха обрадовалась и бормочет:

— Добрый вечер! Кто ты такая и откуда? Тысячу лет я в этой пещере живу, и никто меня не уважил. А уж любезной матушкой и подавно ни разу не назвал.

— Я жена принца Хатта из Подземного королевства, — отвечала принцесса, — мужа своего ищущу. А вчера у старой матушки Берты ночевала...

— Ишь ты, — прервала ее Мэрта, — неужто ты и Берту в старухи определила? Девчонка она, вдвое меня моложе! Ну да ладно, чего тебе надобно?

— Сестра твоя Берта говорила, будто ты не по годам умна и все на свете знаешь. Может, скажешь, где мой муж?

Помолчала троллиха, потом молвила:

— Чего не знаю, того не знаю. Но есть у меня сестра — горная троллиха Герта, вдвое старше и вдвое мудрее меня. И знает все про всех на свете. Может, она скажет, где принц Хатт. Переночуй с нами, а утром мы тебе дорогу к Герте покажем.

— Спасибо! — сказала принцесса. — Всю жизнь тебя помнить буду!

Рано утром собралась принцесса в путь, прощается с Мэртой, а та вдруг одного из троллей кличет:

— Эй, внучек, проводи-ка гостью к двоюродной бабушке Герте!

Выскочил горный тролль с длинной седой бородой, в остроконечном колпачке и говорит:

— Сделаю, бабушка, как велишь!

Протянула старая троллиха принцессе ткацкий стан чистого золота:

— Прими на прощанье! Пока ты этим станом владеешь, ни горя, ни нужды знать не будешь! Всю пряжу, что твое веретено нарядет,— стан этот соткет. А теперь — счастливого тебе пути!

Поблагодарила троллиху принцесса и отправилась следом за старым ее внуком. Шли они, шли, а как стемнело, сразу же на крутую гору набрели. Глянула принцесса — на самой вершине свет горит, все ночное небо озаряет. Принцесса и про усталость забыла, стала в гору по крутой каменной тропке карабкаться. Тут тролль ей и говорит:

— Проводил я тебя, а теперь сама двоюродную бабушку Герту ищи!

Приподнял он колпачок, поклонился и исчез. Принцесса даже спасибо сказать не успела.

Стала она снова в гору взбираться. А была та гора вдвое круче Мэртиной и вся буреломом завалена. Совсем изнемогла принцесса. Вдруг глядь — в конце тропки пещера, а у входа в нее свеча горит.

Заглянула принцесса в пещеру и видит: огонь в очаге пылает, а кругом огромные тролли с длинными-предлинными хвостами так и кишат. В углу старая-престарая, страшная-престрашная горная троллиха сидит. Глаза пламенем горят, брови, словно лес,— темные да густые, рот до ушей.

Испугалась принцесса. Но вспомнила своего мужа, и страх как рукой сняло. Подошла она к троллихе, поклонилась и здоровается учтиво:

— Добрый вечер, любезная матушка!

Удивились тролли, на принцессу уставились. А троллиха обрадовалась и забормотала:

— Добрый вечер! Кто ты такая и откуда? Две тысячи лет я в этой пещере живу, и никто меня не уважил. Хоть бы раз кто любезной матушкой назвал!

— Я жена принца Хатта из Подземного королевства,— отвечала принцесса,— мужа своего ищу. А вчера у старой матушки Мэрты ночевала...

— Ишь ты,— прервала ее Герта,— неужто ты и Мэрту в старухи записала? Девчонка она, вдвое меня моложе! Ну да ладно, чего тебе надо?

— Сестра твоя Мэрта говорила, будто ты не по годам мудра и все на свете знаешь. Может, скажешь, где мой муж?

Помолчала троллиха, а потом молвила:

— Слыхала я про принца Хатта и знаю, где он. Но тебе его не видать. Ныне он у ведьмы в плену и тебя с детьми позабыл. Но за твою учтивость помогу тебе, чем сумею. Переночуй с нами, а утром мы тебе дорогу к ведьме покажем.

— Спасибо! — говорит принцесса. — Никогда тебя благодарить не перестану!

Рано утром собралась принцесса в путь, прощается с Гертой, а та вдруг одного из троллей кличет:

— Эй, правнучек, проводи-ка гостью к злой ведьме!

Выскочил горный тролль с длинной седой бородой, в остроконечном колпаке и говорит:

— Сделаю, прабабушка, как велишь!

Протянула старая троллиха принцессе кошелек шелковый, золотом шитый.

— Прими на прощанье! Пока ты этим кошельком владеешь, ни горя, ни нужды знать не будешь. Сколько серебра из него ни возьмешь, он все равно полон будет. А теперь — счастливого пути!

Поблагодарила троллиху принцесса и отправилась следом за дряхлым ее правнуком. Шли они, шли, а как стемнело, видит принцесса: у самой дороги замок стоит — стены толстые, башни высокие, рвы вокруг глубокие. Не иначе — ведьмин замок! Принцесса и про усталость забыла. Только она к воротам подходит, тролль ей и говорит:

— Проводил я тебя, а теперь сама ведьму найдешь!

Приподнял он колпачок, поклонился и исчез. Принцесса даже спасибо сказать не успела.

Вошла она в ворота, а навстречу ей женщина — могучая, статная, в платье алом, золотом шитом, идет. «Должно быть, это ведьма и есть», — подумала принцесса. Сама-то принцесса уже давно обносилась: платье рваное, башмаки — худые.

Вот ведьма ее и спрашивает:

— Кто ты и откуда?

— Нищенка я, — отвечает принцесса, — брожу по свету голодная да холодная. А нынче вовсе из сил выбилась. Не найдется ли для меня в замке служба какая?

— Вот еще! Стану я о какой-то бродяжке заботиться, — фыркнула ведьма, — на службу ее к себе брать! Убирайся отсюда!

Тут принцесса всякой надежды лишилась. Но вспомнила о муже и говорит:

— Воля твоя! Ты здесь хозяйка. Может, найдется в замке какой ни на есть закуток, где я смогу отдохнуть малость.

— Будь по-твоему! — усмехнулась ведьма. — Живи в птичнике! Там тебе по душе придется!

Повернулась ведьма и в замок пошла. А сама радуется: нищенке место ее указала! Пусть-ка в грязном птичнике помается!

Принцесса тем временем двери распахнула и стала птичник проветривать. Потом большую метлу взяла и давай подметать. Нелегкая это была работа. Птичник-то большой, гусей, уток, кур да петухов там тьма-тьмущая! Но как они ни гоготали, как ни кричали и ни кудахтали, как ни кукарекали — она на них и внимания не обращала. Потом взяла принцесса тряпку и стала пол, стены и потолок мыть. Такую чистоту навела, что вся птица из птичника улетела.

Достала принцесса веретено золотое, села золотую пряжу прясть. А после на ткацком станке соткала из той пряжи камчатные скатерти да покрывала с золотой каймой.

Устала она от работы и спать легла. Утром проснулась, кошелек шелковый, золотом шитый, взяла и отправилась в торговые ряды. Чего только принцесса не накупила: и еды всякой, и хмельного, да еще столы со скамейками, блюда серебряные и кубки. Но сколько серебра она из кошелька ни вынимала, он все равно по-прежнему был полон.

Вернулась принцесса в птичник, блюд лакомых наготовила, расстелила на столах и на скамейках скатерти камчатные да покрывала с золотой каймой, на столы накрыла и ведьму в гости зовет:

— Не придешь ли вечером ко мне на пир? И принца Хатта с собой приведи. Слыхала я, будто он твой жених.

А ведьмины слуги уже все уши ей о чудесах на птичнике прожужжали, не терпится ей своими глазами чудеса эти увидеть. Вот она и говорит:

— Спасибо тебе! Принц Хатт, и вправду, мой жених. Совсем недавно в замок ко мне воротился. А до того где он только не побывал и совсем в странствиях своих умом тронулся. Все какими-то золотыми листочками волшебными да залами подземными бредит. Я его зельем сонным опаиваю, чтоб он прежнюю жизнь позабыл. Но на это не меньше недели понадобится. Пока же о свадьбе и думать нечего. Он все спит да спит. Не обессудь, коли я вместо него приемную дочку с собой приведу.

Не очень-то обрадовали принцессу ее речи. Да что поделаешь! Весь день до вечера думала она, как бы ей ведьму перехитрить и с принцем увидеться. И надумала.

Только вечером ведьма с приемной дочкой явились, усадила их принцесса за стол. А как поели гости, попили, вытатила она веретено золотое и давай золотую пряжу прясть. Да так ловко, так искусно!

Удивилась ведьма. Ей таких чудес видеть не доводилось. Вот она и спрашивает:

— Не продашь ли мне веретено?

— Нет! — отвечает принцесса. — Цены ему нет. Уж если я с ним расстанусь, то не за деньги.

— Скажи, чего ты хочешь? Я за это веретено ничего не пожалею! — обещает ведьма.

— Хочу я вечером с принцем увидеться, потолковать с ним наедине. Тогда и веретено — твое!

Испугалась сначала ведьма, а потом и думает: «Где ей меня перехитрить!»

— Ладно, — говорит. — Будь по-твоему!

Пошла ведьма в замок, к вину в кубке сонного зелья подмешала, заставила принца выпить. А дочке приемной говорит:

— Спрячься в соседнем покое и слушай, о чем чужачка с принцем толковать станет! После без утайки все мне расскажешь.

Только принц заснул, позвала ведьма принцессу к нему в опочивальню и говорит:

— Вот тебе принц! Толкуй с ним сколько душе угодно, я мешать не стану!

Ушла она, а принцесса к мужу кинулась, обняла его и знай одно твердит:

— Наконец-то мы с тобой увиделись!

Принц ей ни слова в ответ. Глянула она на него в полумраке и видит: спит он! Заплакала принцесса, зарыдала и молит мужа:

— Принц Хатт, прости меня!

Но как ни плакала она, как ни молила, он ни слова в ответ.

Стала она тогда ему рассказывать, сколько путей-дорог исходила, пока его искала:

— Даже к троллям в пещеры наведывалась, лишь бы узнать, где ты...

Только все напрасно: принц не просыпается!

А ведьмина приемная дочка тем временем в покое соседнем сидела, подслушивала. И до того ей принца с принцессой жалко стало, что решила она ничего про них приемной матери не рассказывать. Ведьму-то она люто ненавидела.

Утром, только рассвело, ведьма уже тут как тут, глядит — не нарадуется: принц спит, а принцесса — вся в слезах. Отдала она ведьме веретено золотое и в птичник пошла. Ведьма к приемной дочке кинулась, как да что было, спрашивает. А та в ответ:

— Ничего не видала, ничего не слыхала! Принц всю ночь спал, а чужачка плакала да что-то бормотала.

Целый день ведьма на золотом веретене в потайном покое пряла, принцесса в птичнике — слезами обливалась. А как полдень настал, отерла она глаза, взяла кошелек шелковый, золотом шитый, и отправилась в торговые ряды. Накупила опять снеди всякой и хмельного. Но сколько серебра она из кошелька ни вынимала, он по-прежнему был полон.

Чего только не наготовила принцесса, а потом на стол накрыла и ведьму с приемной дочкой в гости позвала.

— Спасибо тебе! Придем! — буркнула в ответ ведьма.

Явились вечером ведьма с приемной дочкой в птичник. Усадила их принцесса за стол, а как поели гости, попили, вытащила она пряжу золотую и ткацкий стан и давай скатерти камчатные и покрывала с золотой каймой ткань. Все у нее в руках спорилось!

Удивилась ведьма. Таких чудес ей видеть не доводилось. Вот она и говорит:

— Продай мне стан!

— Нет, — отвечает принцесса. — Ни за какие деньги я стан не продам.

— Чего же ты хочешь? Мне ничего за этот стан не жалко! — сказала ведьма.

— Хочу я вечером принца повидать, потолковать мне с ним надобно. Дозволишь — и стан твой!

Не испугалась на этот раз ведьма. Знала, что принцессе ее все равно не перехитрить.

— Ладно, — говорит. — Будь по-твоему!

Пошла ведьма в замок, опять к вину в кубке сонного зелья подмешала, принца напоила. Дочке приемной велела в соседнем покое спрятаться и послушать, о чем чужачка с принцем толковать станет. А после ей все без утайки рассказать.

Только принц заснул, позвала ведьма принцессу к нему в опочивальню и говорит:

— Вот тебе принц! Толкуй с ним сколько душе угодно, я мешать не стану!

Ушла она, а принцесса к мужу кинулась, обняла его и знай одно твердит:

— Наконец-то мы с тобой увиделись!

Принц ей ни слова в ответ. Глянула она на него в полумраке и видит: спит он. Заплакала принцесса, зарыдала и молит мужа:

— Принц Хатт, прости меня!

Но как ни плакала она, как ни молила, он ни слова в ответ.

Стала она тогда ему рассказывать, сколько путей-дорог исходила, пока его искала.

— Даже к троллям в пещеры наведывалась, лишь бы узнать, где ты...

Только все напрасно: принц не просыпается!

А ведьмина приемная дочка тем временем в покое соседнем подслушивала. И до того ей принца с принцессой жалко стало, что решила она и на этот раз ничего про них приемной матери не рассказывать.

Утром, только рассвело, ведьма уже тут как тут, глядит — не нарадуется: принц спит, а принцесса — вся в слезах. Отдала она ведьме стан золотой и в птичник пошла. Ведьма к приемной дочке кинулась, как да что было, выпрашивает. А та в ответ:

— Ничего не видала, ничего не слыхала! Принц всю ночь спал, а чужачка плакала да что-то бормотала.

Целый день ведьма золотую пряжу в потайном покое ткала, принцесса в птичнике — слезами обливалась. Да и как ей было не плакать, не убиваться! Коли и нынче ночью она с принцем словом не перемолвится, придется им навеки расстаться!

Только полдень настал, отерла принцесса глаза, взяла кошелек шелковый, золотом шитый, и отправилась в торговые ряды. Накупила опять всякой снеди и хмельного. Но сколько серебра она из кошелька ни вынимала, он по-прежнему был полон.

Чего только не наготовила принцесса, а после на стол накрыла и ведьму с приемной дочкой в гости позвала.

— Ладно! Придем! — проворчала в ответ ведьма.

Явилась вечером ведьма с приемной дочкой в птичник, усадила их принцесса за стол, а как поели гости, попили, вытщила она кошелек шелковый, золотом шитый, да как встряхнет его! Зазвенело тут серебро, на пол посыпалось. Не успели оглянуться — целая гора серебра на полу выросла!

— Хватит! — говорит принцесса.

И вовремя. А не то бы весь птичник снизу доверху серебром наполнился.

Удивилась ведьма. Таких чудес ей видеть не доводилось. Вот она и спрашивает:

— Не продашь ли мне кошелек?

— Нет! — отвечает принцесса. — Зачем мне его продавать? Денег в этом кошельке столько, что тебе и не снилось.

— Тогда чего же тебе надо? Все тебе за него отдам,— посулила ведьма.— Ну ладно, я сама знаю, чего тебе надо! Будь по-твоему!

Пошла ведьма в замок, снова к вину в кубке сонного зелья подмешала. Но только принц кубок к губам поднес, видит: ведьмина приемная дочка ему подмигивает — не пей, мол!

Притворился принц, будто весь кубок до дна осушил, а сам тайком из него на землю сонное зелье выплеснул.

Ведьма ничего не заметила и, как прежде, велит приемной дочке в соседнем покое спрятаться и послушать, о чем чужачка с принцем толковать станет, а после ей все без утайки рассказать.

Только принц притворился, что заснул, позвала ведьма принцессу к нему в опочивальню и говорит:

— Вот тебе принц. Толкуй с ним сколько душе угодно, я мешать не стану!

Ушла она, а принцесса опять к мужу кинулась, обняла его и знай одно твердит:

— Наконец-то мы с тобой увиделись!

Принц ей ни слова в ответ. До того его ведьма зельем сонным да колдовством одурманила, что он жену свою не узнал.

«О чем это она? — подумал он.— И кто она?»

Принцесса глянула на него в полумраке, и показалось ей, что принц Хатт снова спит. Заплакала принцесса, зарыдала и молит мужа:

— Принц Хатт, прости меня!

Но как ни плакала она, как ни молила, он ни слова в ответ. Слышать-то он ее слышал, а понимать — не понимал. Мало-помалу начал принц в себя приходиться. Вспомнил он жену и малых детей своих, вспомнил, как с ними расставался.

Вспомнить-то вспомнил, а все равно слова вымолвить не может.

Стала тогда принцесса ему рассказывать, сколько путей-дорог исходила, пока его искала.

— Даже к троллям в пещеры наведывалась, лишь бы узнать, где ты...

Понял тут принц, как жена его исстрадалась. Кинулся к ней, целует, обнимает. Принцесса от радости, что он очнулся, все печали забыла.

Вдруг слышат они, кто-то в темноте крадется. Это ведьмина дочка приемная к принцу в опочивальню пробирается.

Испугалась принцесса, а ведьмина приемная дочка говорит ласково:

— Не бойся, я вас не выдам. И пособлю, чем могу. Отца моего, принца, ведьма тоже зельем сонным изводила, пока он не умер. А мне пришлось в ведьмином замке остаться. И как отсюда вырваться — не знаю.

Обрадовались принц с принцессой, что девица их сторожу держит, сели вместе с ней в уголок и стали совет держать.

— Бежать отсюда! Бежать! — твердит принц.

— От ведьмы далеко не убежишь! — усмехнулась ее приемная дочка. — Одно, говорят, средство есть от ведьмы избавиться: окунется она в котел с кипятком — тут ей и конец. Только как ее к этому вынудить?

Стали они думать, что им делать. Ведьмина приемная дочка и говорит:

— Перво-наперво надо ведьме сказать, будто ты, принц Хатт, всю ночь крепко спал. А завтра ведьма спросит, скоро ли ты на ней женишься. Ты ей отвечай: скоро, мол. Обрадуется она и станет всех своих родичей на свадьбу сзывать, к свадебному пиру готовиться, и тебя, принцесса, — ты ведь повариха отменная, — в помощницы позовет и, как мясо повкуснее сварить, спросит. Ты ей и отвечай: «Слыхала я, будто мясо надо до тех пор варить, пока дно котла не посинеет». Послушайте меня — и мы от ведьмы избавимся.

— Спасибо тебе! — поблагодарили девицу принц с принцессой. — Сделаем все, как ты говоришь!

Утром, только рассвело, ведьма уже тут как тут, глядит — не нарадуется. Принц спит, а принцесса — вся в слезах.

Отдала она ведьме кошелек, золотом шитый, и в птичник пошла. Ведьма к приемной дочке кинулась, как да что было, спрашивает. А та в ответ:

— Ничего не видала, ничего не слышала! Принц всю ночь спал, а чужачка плакала да что-то бормотала.

Целый день ведьма серебро из кошелька шелкового, золотом шитого, в потайном покое добывала.

«Денег теперь у меня сколько хочешь! — радовалась она. — Пора, может, свадьбу сыграть? Закачу-ка я пир на славу! Всех своих родичей приглашу: троллей и домовых, ведьм и великанов. Пусть едят и пьют вволю, я не обеднею».

Пошла ведьма к принцу, — а он прикинулся, будто только-только проснулся, — и спрашивает:

— Любезный мой принц Хатт, не пора ли нам свадьбу сыграть?

— Ладно! — отвечает принц.

Обрадовалась ведьма, гонцов во все стороны разослала — на восток и на запад, на север и на юг. Всех нелюдей на свадьбу пригласила: сотню троллей, домовых с великанами, две сотни троллих и ведьм, а в придачу три сотни деток — все больше троллево да ведьмино отродье. Наказала ведьма гостям передать, что еды на свадьбе будет вволю.

Слуг своих ведьма совсем загоняла. Под конец велела им котел принести, да такой большой, чтоб восемнадцать быков в него вошло.

И вот тут-то вспомнила ведьма: до чего вкусным мясом ее чужачка угощала! Позвала она принцессу и спрашивает, как ее слугам мясо варить, чтобы повкуснее было.

— Тебе лучше знать, — молвила принцесса. — Слыхала я только, будто мясо до тех пор варить надо, пока дно котла не посинеет.

Послушалась ее ведьма, приказала побольше дров в огонь бросить.

Кидали слуги поленья в огонь, кидали, пока вода в котле не закипела. Велела ведьма лесенку принести, рядом с котлом поставить.

— Полезай навверх да погляди, не посинело ли дно котла? — говорит ведьма принцессе. — Не бойся, дочка моя приемная лесенку подержит.

Поднялась принцесса навверх, в котел заглянула, головой покачала:

— Нет, дно еще не посинело. Видать, дров маловато!

— Как же так, вода давно в котле булькает! — фыркнула ведьма. — Спускайся вниз, придется еще дров подбросить.

Спустилась принцесса вниз, а слуги снова поленья в огонь подбрасывают.

— Полезай теперь ты навверх да погляди, не посинело ли дно котла? — обратилась ведьма к принцу. — Не бойся, дочка моя приемная лесенку подержит.

Поднялся принц навверх, в котел заглянул, головой покачал:

— Нет, дно еще не посинело. Видать, дров маловато!

— Как же так, — фыркнула ведьма, — вода давно в котле булькает! Спускайся вниз, любезный мой принц Хатт, я сама влезу да погляжу. А ты, девчонка, держи лесенку крепче!

Спустился принц Хатт, а ведьма навверх поднялась, через край котла перегнулась и не успела на дно его глянуть, как лесенка пошатнулась и — бульк-бульк! — ведьма в котел вниз головой упала. Только ее и видели!

Не стали принц с принцессой и приемной ведьминой дочкой дожидаться, пока шесть сотен ведьминых гостей — нелюдей в замок нагрянут. Взяли они золотое веретено, ткацкий стан чистого золота, кошелек шелковый, золотом шитый, и в путь пустились.

Шли они, шли и видят вдруг вдаль — огромный-преогромный замок высится, весь, будто золото, сверкает. Подошли они ближе и слышат, будто арфы со скрипками играют, а птицы им вторят, заливаются; огляделись — посреди двора дерево ореховое стоит, веткой приветливо машет.

— Это же мои золотые волшебные листочки! — закричала принцесса.

И правда, то пели и играли три золотых волшебных листочка на верхушке орехового дерева. Рядом с деревом увидели принц с принцессой трех его сестер-королев, двух малолетних своих сынков и дочку. А за ними — народу видимо-невидимо.

Поднялся принц Хатт на крыльцо замка, объявили его тут королем, а принцессу — королевой.

Жили они потом долго и счастливо, а волшебные листочки о верной их любви пели. И слава о ней весь свет обошла. Ведьмину приемную дочку в королевскую семью как родную приняли, и весь свой век она в семье той прожила.

Французские
сказки

Неугомонный петушок

Давным-давно на краю одной бедной деревушки стояла ферма, такая же бедная, как и сама деревушка. И жил на этой ферме этаким тощий, но удивительно гордый петушок. Тощий он был потому, что не всякий день приходилось ему зоб набивать, ну а гордый — это уж от характера... Редко, очень редко удавалось ему проскочить в хозяйский сад и полакомиться там гусеницами, червями, улитками или просто зеленой травкой. Но едва замечала его в саду хозяйка, как гнала прочь. И возвращался тогда петушок снова во двор, обиженный, но не смирившийся.

Однако и во дворе у него была отрада — большая навозная куча, в которой отыскивал он для себя пропитание. Что же вы хотите? Кормиться-то ему приходилось самому. Вот и топтался он целыми днями на этой куче, разгребал, раскапывал, отыскивая, чего бы поклевать.

Как-то раз копался петушок в куче и нашел вдруг под прелыми листьями туго набитый кошелек. Смекнул он враз, что кошелек этот — целое богатство, и, позабыв обо всем на свете, даже о голоде, тут же кинулся пересчитывать золотые экю. Оказалось в кошельке ровно сто монет. Не помня себя от радости, выгнул он горделиво грудь, загорланил на всю деревню и побежал со всех ног оповестить деревенских петухов и кур о привалившем ему счастье.

А в эту самую минуту проезжал по дороге король со свитой. Услыхал он звонко-заливистое пение петушка и спросил, что там приключилось. Рассказали ему слуги об удачливом петушке и о ста золотых экю. Призадумался король: как бы их выудить? Ведь был он в долгах как в шелках. Поразмыслив, подозвал он к себе петушка да и говорит:

— Послушай, приятель, одолжи мне свои сто экю. Верну их тебе ровно через три месяца.

— С радостью, ваше величество! — расшаркался петушок. — Только проценты заплатите.

— Ну какой может быть разговор! Получишь в назначенный срок и деньги и проценты. Даю тебе свое королевское слово, — уверил петушка король и, забрав сто золотых экю, покатил дальше, в свой королевский замок.

Ну, а петушок вернулся во двор к своей навозной куче.

Прошло три месяца. Копаются петушок по-прежнему в унылой куче, оглашает всю округу звонким «ку-ка-ре-ку» и все ждет не дожидается короля-должника. А от короля, как нарочно, ни слуху ни духу. «Должно быть, не до меня ему сейчас, — размышляет петушок. — Дел-то у него хватает. По-гожу немножко, мне пока не к спеху».

Но когда минуло четыре месяца, а король все не подавал о себе вестей, забеспокоился петушок. Взял лист бумаги, выдернул самое хорошее перо из хвоста, зачинил его и написал королю письмо:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Верни, король, долг петуху!

Пробежали дни, промелькнули недели, а ответа от короля все нет и нет. Написал петушок еще одно письмо... и еще, да только напрасно он старался: молчит король, молчат и его придворные.

И вот однажды утром взлетел наш неугомонный петушок на забор и важно заявил во всеуслышание:

— Отправляюсь я к королю за своими кровными денежками. Должен король вернуть их мне, да еще с процентами. На то дал он мне свое королевское слово.

Вычистил петушок перышки, прополоскал в луже клюв, соскреб грязь со шпор, мешок за спину закинул и двинулся напрямиком к королевскому замку.

Повстречал его по дороге волк и спрашивает:

— Куда это ты, кум, идешь ни свет ни заря?

— Известно куда!

Иду я к королю
За своими сто экю.

— Может, ты и меня прихватишь? Дорога-то у тебя длинная, а я составлю тебе компанию.

— Что ж, я не прочь. Вдвоем веселей. Садись ко мне в мешок!

Влез волк в мешок, и двинулся петушок дальше. Вдруг попадаетея ему навстречу лиса.

— Здравствуй, петушок! Куда это ты спозаранку отправился?

— Здравствуй, кумушка-лиса!

Иду я к королю
За своими сто экю.

— Ой, как интересно! — заскулила лиса. — Счастливым ты, петушок, самого короля увидишь! А вот мне видать его не доводилось... Взял бы и меня с собой, дружочек. Хоть полюбуюсь на его королевское величество.

— Если хочешь, полезай в мешок. Только учти: в мешке-то уже волк сидит. Как бы не подрались вы ненароком.

— Да что ты, дружочек! Мы же с волком старые друзья-приятели. Делить нам нечего.

Пошел петушок дальше. Идет себе, песни распевает да побряхтывает: как-никак волк и лиса — ноша нелегкая! Вдруг слышит:

— Каррр... Каррр... Куда это ты путь держишь, петушок?

Взглянул петушок наверх и увидел на ветке вяза старого вóрона. Ну как ему не ответить, коли собрат он по пернатому царству? И говорит петушок:

Да вот иду я к королю
За своими сто экю.

— Каррр, к корр...ролю, — прокаркал ворон. — Возьми и меня с собой. Может, я тебе там пригожусь.

— Коли не боишься волка и лису, полезай ко мне в мешок.

— Бояться мне их нечего, вместе в лесу-то живем, одну и ту же еду клюем.

Нырнул ворон в мешок, и раздался оттуда веселый смех. Одному петушку было не до смеха. Шел он с тяжелым мешком на спине и все думал-гадал: отдаст ему король денежки или не отдаст? Отдаст или не отдаст?

Подошел петушок к королевскому замку и видит: распахнуты ворота настежь, а у ворот стража стоит. Выпятил петушок грудь, задрал вверх голову и прошагал важно мимо стражников. Ну, а тем и невдомек расспросить его, зачем да почему идет он к королю. Больно уж гордо он прошествовал — и не подступиться!

Так петушок и дошел до самых королевских покоев. Дошел да как загорланит во всю петушиную глотку:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Верни, король, долг петуху!

Услыхал король петушиный крик, рассердился и отдал скорей приказ:

— Эй, слуги, схватите негодя и швырните его в курятник! Пусть он отъестся на королевских кормах, а потом жарьте его и к моему столу подайте!

Вот вам и королевское честное слово! Ни денег, ни процентов, да и сама жизнь бедного петушка на волоске повисла.

Не успел петушок оглянуться, как набросились на него королевские слуги, схватили и вместе с мешком в курятник бросили. Однако не пал духом петушок: вскочил на ноги, отряхнулся, испустил боевой клич и принялся новых знакомцев разглядывать. Да что там разглядывать: были в курятнике одни важные королевские петухи да куры, не с кем и поговорить по душам. Посмотрели они с презрением на тощего петушка, посовещались меж собой о чем-то — знать, не ко двору пришелся им наш петушок! — и давай его клевать куда придется. Света белого бедняга неувидел! Терпел он, терпел, а когда пришел конец его терпению, громко позвал:

Лиса, кумушка-кума,
Вылезай-ка из мешка!

Выскочила из мешка лиса, зубы у нее клацают, глаза голодным блеском светятся! Увидели петухи и куры страшную лису и вмиг разбежались кто куда.

Поутру открыли слуги курятник и ахнули: в курятнике — никого, кроме тощего петушка. Побежали они во дворец, рассказали королю про новость диковинную, а тот в ответ:

— Ах негодник петух! Бросьте его тут же в мою овчарню!

Поспешили слуги королевский приказ выполнять: схватили петушка и швырнули в овчарню. Увидали овцы петушка, рассердились, копытами застучали, совсем затолкали беднягу. Решил петушок, что пришел его смертный час, и с отчаяния крикнул:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Помоги, серый, другу-петуху!

Выскочил из мешка волк, встряхнулся и принялся за дело: вмиг всех овец распугал. Со страху вышибли они лбами ворота и разбежались кто куда.

Рано утром король сам поспешил в овчарню. Видит: ворота настужь распахнуты, а в овчарне — ни единой овцы! От злости плюнул король на землю, а петушок снова ему кричит:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Верни, король, долг петуху!

Вконец рассвирепел король и приказал:

— Эй, слуги, ощиплите петуха до единого перышка!

Тут уж не до шуток петушку стало. Взлетел он на самую высокую перекладину и закричал:

Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Помоги, ворон, другу-петуху!

Не заставил ворон себя долго ждать. Вылетел из мешка, взмахнул крыльями и опустился на королевскую макушку — того и гляди, клюнет короля прямо в темечко. Испугался король и давай просить:

— Не трогай меня, мошенник!

— Ах, это я мошенник? Кар...ррр! — рассердился ворон. — Отдавай петуху сто золотых экю! — и тюк короля в макушку.

— Ой, ой, ой! — завопил король. — Отдам, все отдам! — и велел своему казначею тут же отсчитать петушку сто золотых экю.

Получил петушок сто экю и от радости даже про проценты забыл. Ведь и так бывает!

Пропел петушок свое «ку-ка-ре-ку», зажал в клюве кошелек с монетами и прошел через ворота замка впереди своих друзей-помощников.

Когда же оказались все они на дороге, ворон вдруг и говорит:

— Кар...ррр! Послушай, приятель, не мешало бы тебе нас вознаградить. А потому дай мне за верную мою службу десять экю.

Однако не услышал его почему-то петушок. Шел себе вперед, а на ворона даже не обернулся. Посмотрел ворон на петушка еще раз, усмехнулся про себя и прочь улетел.

Вы, конечно, недовольны: ведь обидел петушок ворона. И лису, и волка обидел. Эх, да что там говорить! Вы совершенно правы. Но скажите по совести: разве справедливость — такая уж частая наша гостья?

И вот что еще интересно: а как бы вы сами поступили на его месте?

Ученик чародея

Жил когда-то в наших краях один бедный крестьянин, и был у него сын. Сын как сын, мальчишка неглупый, да только не по сердцу ему была обычная крестьянская работа. Вот и надумал отец отвезти сына в город: пусть, мол, погля-

дит, поучится, да выберет себе какое-нибудь ремесло по душе.

Задумано — сделано. И в одно прекрасное утро пришли они вдвоем в город. Познакомил там отец сына с разными работающими людьми: с плотниками и каменщиками, с гончарами и кузнецами... Однако, глядя на них, мальчишка лишь уныло вздыхал:

— Нет, батюшка, не мое это призвание...

— Эх, горе ты мое горькое... — сокрушался отец.

Целый день провели они в поисках, да так ничего завидного и не нашли. А когда наступил вечер, двинулись в обратный путь. Тут-то и попался им на глаза большой мрачный дом на окраине города.

— Это что за домина? — поинтересовался сын.

— О! Дом этот все стороной обходят, потому живет в нем сам чародей-волшебник... — со страхом прошептал отец.

— Чародей?! — воскликнул мальчик. — Вот бы мне научиться его ремеслу! Как раз подходящее для меня занятие.

— Хм... Может, и так... — задумчиво протянул отец. — Только денег у меня маловато. Надо бы спросить, сколько запросит он за обучение.

Постучали они в дверь — никакого ответа. Еще раз постучали — опять молчок. Лишь на третий раз распахнулась дверь, и предстал перед ними сам хозяин дома. Поглядел он на оробевшего крестьянина, потом на смышленную рожицу мальчонки и все понял. Не успел крестьянин рта раскрыть, как вскинул чародей вверх руку и говорит властно:

— Денег я с тебя не потребую, но поставлю одно условие: ровно через год и один день должен ты прийти сюда, в мой дом, и узнать своего собственного сына среди прочих моих учеников. Только учти: и твой сын и все ученики предстанут перед тобой в каком-нибудь ином облике — то ли зверя, то ли птицы. Ну-с... Коли узнаешь своего сына, заберишь его с собой, коли нет, останется он у меня.

Почесал крестьянин затылок. Что делать, как поступить? Больно уж заманчивое предложение, да сына боязно потерять. Долго он колебался, но все-таки упросил его сын. Махнул крестьянин рукой — мол, будь что будет! — и согласился.

Вот так и остался мальчик в доме чародея.

А надо сказать, что за год и один день мог мальчик трижды навестить своего родителя. Когда приехал он к отцу в деревню в первый раз, спросил его крестьянин:

— Ну как, сынок? Нравится тебе будущее твое ремесло?

— Очень нравится, да только боюсь я, батюшка, что не признаете вы меня во время испытания. Ведь я и сам еще толком не знаю, чем и как можно вам помочь. Ну ничего, отчаиваться пока не след. Поживем — увидим.

Во второй приезд сказал сын отцу:

— Будем надеяться, батюшка, на лучшее. Сейчас я, конечно, не слишком-то силен во всяких там премудростях, но кое-что уже умею. Подождите еще немного, и скажу я вам, как можно будет меня распознать.

Наконец в третий, и последний, его приезд объявил он отцу радостно:

— Вот теперь, батюшка, я так же силен в чародействе, как и мой учитель. Прочитал я все его книги, выведал все его секреты. И вот что я вам скажу: в день вашего приезда обратит он меня и всех моих товарищей в петухов — в красных и зеленых. Поначалу пройдут перед вами трижды по кругу красные петухи, а вслед за ними — зеленые. Знайте: я буду среди зеленых. И когда пойдем мы по кругу, спотыкнусь я, будто ненароком. По этому-то признаку вы меня и узнаете. Но помните: если не признаете меня, то навсегда потеряете. Придется мне тогда, хочешь не хочешь, век служить своему хозяину.

И вот истек назначенный срок, и явился крестьянин к чародею. Оглядел его чародей с ног до головы, усмехнулся недобро и говорит:

— Значит, пришел ты ко мне за своим сынком... Ну ладно... Поглядим теперь, узнаешь ли ты его.

Хлопнул чародей в ладоши, и оказался тут крестьянин в середине большого круга, а по кругу важно и гордо расхаживали красные петухи. Поглядел на них крестьянин, поглядел и, памятуя наказ сына, сказал чародею:

— Нет, хозяин, не видать что-то среди них родного моего сыночка.

— Ах, не видать, говоришь... Хорошо. Смотри дальше.— И чародей снова хлопнул в ладоши.

Исчезли тут красные петухи, а на смену им появились зеленые и давай тоже по кругу прохаживаться. Раз прошли, второй...

— Ищи, папаша, лучше. А то недолго и сынка проморгать,— смеется чародей.

Ничего ему не ответил крестьянин. Да и что отвечать-то, коли было ему не до смеха. Вглядывался он до боли в глазах в этих петухов и никак не мог различить среди них своего родного сына.

— Тьфу, пропасть! Ведь они же как две капли воды друг на друга похожи! — растерялся крестьянин.— Гляди-ка, уж по третьему кругу пошли. Ну, пропал теперь мой сынок ни за понюшку табаку! Эх, дурья моя голова, зачем только отдал я его чародею!

Но вдруг заметил он, как зацепился шпорой один петух за холщовые его домотканые штаны.

— А...а...а!.. Вот он! — завопил во всю глотку крестьянин.— Вот он!

Удивился чародей несказанно, но вида не подал и, перестав смеяться, процедил сквозь зубы:

— Твое счастье, образина деревенская... Забирай свое отродье и убирайся прочь, пока не передумал я!

Обезумев от радости, подхватил крестьянин на руки зеленого петуха и бросился с ним на улицу, подальше от страшного хозяина.

Так и вернулся в свой родной дом бывший ученик чародея. Вернулся и, как ни странно, принялся отцу помогать в его нелегкой крестьянской работе.

Прошло какое-то время, и однажды, когда ворошили они вдвоем сено, спросил отец у сына:

— Что ж не покажешь мне свое хитроумное искусство? Неужто оно тебе ни к чему?

— Охотно покажу вам, батюшка. Правда, до сей поры нужды в нем вроде и не было. Но коли хотите вы поглядеть, на что я способен, извольте. Завтра утром пойдете вы в сарай и увидите там хорошо откормленную свинью. Киньте ей на шею веревку и отведите на ярмарку. Там продайте ее, возьмите деньги и возвращайтесь домой. Только не забудьте снять веревку.

— Скажи на милость! — захохотал отец.— Ну и шутник ты, сынок! О какой это ты свинье твердишь, ежели нет ее у нас и в помине.

— Нет, так будет. Словом, не ваша это забота. Требуется от вас только одно: сделать так, как я вам сказал.

Покачал головой отец, но возражать сыну не стал. А наутро заглянул в сарай и в самом деле увидел там откормленную свинью. «Ну и дела!» — изумился он и, накинув свинье на шею веревку, повел ее на ярмарку. Не прошло и часа, как продал он свою животину и, весело позвякивая золотыми экю, в обратный путь пустился.

Тем временем свинья семенила по лесной дороге впереди барышника, очень довольного своей покупкой. Шли они, шли, как вдруг свинья шмыг в кусты — и поминай как звали. Барышник туда, сюда, да разве в такой чащобе ее отыщешь! Вот и остался он с носом, а свинья, не выходя из лесу, в сына крестьянина оборотилась.

Пришел сын домой и спрашивает у отца:

— Ну как, батюшка, довольны ли вы моим искусством?

— Еще бы! Да ты себе цены не знаешь!

— Знаю, батюшка, как не знать. Коли хотите, сделаем тот же фокус на ближайшей ярмарке.

— А что ж, я не прочь!

— Вот и хорошо. На сей раз продадите вы быка, только не забудьте забрать обратно веревку.

— Ох и ловкач ты у меня! Ладно, не тревожься попусту: не забуду я про веревку.

И в самом деле: продал отец на ярмарке барышнику быка, получил звонкие золотые эцю и вернулся домой. А бык той порой от барышника убежал и в лесу скрылся. А потом недолго думая в дровосека превратился и давай деревья рубить. Услыхал барышник стук топора и поспешил к дровосеку:

— Приятель, не пробежал ли здесь, случайно, бык?

— Какой такой бык? Никакого быка и в глаза я не видел, — преспокойно ответил ему дровосек.

— Эх, беда, да и только! — в отчаянии всплеснул руками барышник и снова в чащобу бросился.

Рассмеялся ему вслед дровосек и, как только скрылся барышник из глаз, тут же в мальчишку преобразился и домой к отцу побежал.

Теперь уж окончательно поверил отец, что сын его — великий мастер своего дела. И подумал: а почему бы не воспользоваться еще разок такими легкими денежками? Вот и завел он однажды разговор:

— Послушай, сынок, будет в том месяце большая ярмарка. Можно на ней подработать неплохо.

— Подработать, говорите? Разве не осталось у нас денег?

— Деньги-то остались, — почесал за ухом отец, — да больно жалко такой случай упускать.

— Ну, если уж вам так хочется, пусть по-вашему будет. Продадите вы на ярмарке молодого коня, только не забудьте уздечку с него снять.

— Как можно, как можно, сынок! — обрадовался крестьянин. — Непременно сниму.

— Вот и хорошо. Значит, договорились.

Договорились-то они, договорились, да, как назло, позабыли начисто про своего старого знакомца, чародея-волшебника. А тот частенько своего лучшего ученика вспоминал: ведь досадно ему было, что потерял он его по собственной своей вине. Долго он раздумывал, как это удалось крестьянину своего сына распознать, и в конце концов уверовал в то, что обманул его ученик, обвел вокруг пальца.

«Ну погоди, ученичок! Ты у меня еще наплачешься! Отомщу я тебе за ловкий твой обман». И, не откладывая дела в долгий ящик, чародей пустился бродить по ярмаркам: а вдруг наткнется там на него?

И действительно наткнулся. Бывают же такие чудеса! В тот день увидал чародей на ярмарке красивого коня, окруженного целой толпой зевак и барышников. Смекнул чародей, что конь-то этот — не кто иной, как бывший его ученик. Изменив обличье, подошел он к крестьянину и предложил

ему за коня целый мешок золотых эку. От такой неожиданности у крестьянина даже челюсть отвисла, и, не торгуясь, объявил он громогласно:

— Конь за вами, сударь. Забирайте его, только сниму я с него уздечку.

— Э, приятель, так дело не пойдет. Ведь купил-то я его вместе с уздечкой. Да и зачем она тебе, коль лошадь теперь моя?

— Лошадь, может, и ваша, да не отдам я вам уздечки. Вот и весь сказ,— заупрямился крестьянин.

— Ну и ну... И сколько же ты хочешь за уздечку?

— Пятьсот эку! — выпалил крестьянин, желая отделаться поскорее от назойливого покупателя.

— Дороговато, конечно, но делать нечего. Получай свои пятьсот эку, приятель!

Забыв обо всем на свете — и об уздечке, и о наказе сына, сгреб крестьянин дрожащими руками деньги, отдал чародею коня вместе с уздечкой и, не чувствуя под собою ног от радости, заторопился домой.

Ну, а чародей времени терять не стал, вскочил на коня и погнал его вперед. Долго мчался чародей по дороге, пока не остановился на каком-то захудалом постоялом дворе. Поздравил он к себе работника и говорит ему:

— Слушай, парень, отведи моего коня в конюшню, но уздечку с него ни за что не снимай.

Поставил работник коня в стойло и принес ему большую охапку душистого сена. Однако не притронулся к сему конь и все стоял в своем стойле усталый и понурый. Пожалел его работник: больно уж хорош был конь!

— Ну что, красавец? — погладил он его по спине. — Может, пить хочешь? Давай-ка сведу я тебя к реке.

Отвел его работник к реке, но и от воды конь отказался. Еще пуще удивился работник:

— Ну и чудная ты животиная! Что же ты хочешь, а? Должно быть, мешает тебе уздечка. Ладно уж, сниму я ее.

Снял работник с коня уздечку, а конь-то — нырь прямо в реку и тут же в карпа превратился!

Обомлел от неожиданности работник и, не зная, что делать, помчался на постоялый двор. Примчался, отыскал хозяина коня, да и выложил ему все по порядку. Взбеленился чародей не на шутку, отругал работника и побежал сломя голову к реке. А прибежав, тут же преобразился в щуку и давай гоняться за карпом. Однако выпрыгнул карп из воды и ласточкой оборотился. Ну, а чародей — ястребом. Налетел он на ласточку и непременно бы ее настиг, если бы не нырнула она в печную трубу. Проскользнула она в дымоход и, превратившись в золотое колечко, бряк прямо в золу!

Увидела золотое колечко девушка, что вместе с женихом возле печки сидела. Обрадовалась и на палец надела.

Но не сдался чародей. Не пожелал свою добычу из рук выпустить. Принял он облик бродячего музыканта и давай наигрывать на улице разные веселые мелодии.

Услыхали невеста с женихом музыку и вышли из дома его послушать. Завидел их чародей, подошел поближе и будто невзначай воскликнул:

— Какое прелестное колечко! Продайте его мне или лучше поменяйтесь со мной.

И показал девушке другое колечко, да такое красивое, что не могла девушка глаз от него отвести. Сняла она с пальца золотое колечко и протянула уж было чародею, как выскользнуло оно вдруг из руки и, превратившись в льняное семечко, затерялось среди множества других, по всему двору разбросанных.

Крякнул чародей от досады и, обернувшись петухом, принялся живо клевать семечки. Но и ученик не зевал: вмиг лисой оборотился, бросился на петуха, задушил его и прочь убежал. А потом свернул на дорогу к родительскому дому. Пришел и говорит отцу:

— Ну и задал мне жару чародей по вашей милости! Нет, батюшка, не по сердцу мне такая жизнь. Надоело хитрить, изворачиваться да морочить людям голову... Так что хватит мне в чародеях ходить!

Поведал он отцу про свои удивительные злоключения и с той поры забыл даже и думать о чародействе, разве что так, изредка, когда над соседом хотелось подшутить или, к примеру, приданое бедной девушке раздобыть. А в остальное время он усердно отцу в поле помогал.

Плут-Малыш

Жили на свете муж с женой. Жили не тужили, да вот беда: не подарила им судьба ребеночка.

Как-то раз, когда была жена одна дома, постучалась к ней цыганка с двумя маленькими детьми и, не здороваясь, попросила:

— Дай нам что-нибудь поесть, а то, не ровен час, помрем с голода.

Была госпожа эта женщиной доброй, и поэтому упрашивать ее не пришлось. Услыхав такие слова, всплеснула она руками, заохала и тут же дала всем троим по кружке молока и по ломтю хлеба.

Наелись цыганка и ее цыганята, губы вытерли и, не поблагодарив, дальше отправились. Но на следующий день появилась снова цыганка с детьми и снова попросила добрую женщину их накормить. Не отказала та цыганке и угостила всех троих молоком и хлебом.

Так продолжалось целую неделю. Только на седьмой день поблагодарила цыганка женщину и, улыбнувшись, сказала:

— Вижу, красавица, гложет тебя тоска. Если хочешь ты от нее избавиться, иди к себе в сад, отыщи на стволе вишневого дерева каплю застывшего древесного сока и съешь его. И раньше чем через год исполнится твое заветное желание.

Едва ушла цыганка, как побежала женщина в сад, отыскала вишневое дерево и в самом деле увидела на стволе застывшую каплю древесного сока. Сняла она ее со ствола кончиками пальцев и съела.

Прошло назначенное время, и родился у нее сыночек. Да такой хорошенький, что все только диву давались.

Время шло, чужие дети росли-подрастали, а ее сыночек, не в пример прочим, никак не мог ростом похвастаться: подрос маленько, да таким же маленьким и остался. Но хоть и маленький он был, а страсть какой веселый и хитрый. Недаром прозвали его Плут-Малыш.

Когда исполнилось ему двадцать лет, решил он на королевскую службу поступить. Задумано — сделано. Вот и отправился он в путь-дорогу.

Шел он, шел, много дорог исходил и как-то раз к ночи в глухом лесу заблудился. Долго блуждал он по лесу, пока не наткнулся на большущий дом с освещенными окнами. Подошел он к дому и в дверь постучал. Вышла на порог великанша, а Плут-Малыш у нее и спрашивает:

— Нельзя ли у вас переночевать, хозяйюшка? Иду я к королю, хочу на службу поступить, да вот в лесу заблудился.

— Эх, не повезло тебе, бедняжке, — вздохнула великанша. — Дом-то этот злому Великану-с-золотой-бородой принадлежит. Так что лучше уходи отсюда подобру-поздорову. Не то съест тебя Великан!

— Не могу я дальше идти, — признался Плут-Малыш, — устал я очень и заблудился. Так и так меня звери в лесу съедят. Уж лучше я здесь останусь, а вы спрячьте меня где-нибудь в укромном местечке, а поутру я уйду потихоньку.

— Ну что же, оставайся, коли так. Попробую я своего муженька перехитрить.

Отвела его великанша на кухню, где жарились на железном вертеле бык, поросенок и барашек. Накормила его, напоила и спрятала в погребе за бочками с вином.

Вскоре услышал Плут-Малыш страшный шум — это вернулся домой Великан-с-золотой-бородой. Уселся Великан за стол и приказал жене жареного быка ему подать. Управившись с быком, съел он поросенка и барана и решил в погреб спуститься, чтобы винцом там побаловаться. Поднял он со скамьи бочку с вином, осушил ее одним глотком и хотел было уж наверх подняться, да заметил в углу юношу.

— Эге,— обрадовался Великан,— заботливая у меня женушка. Будет чем закусить мне напоследок. Жаль только, что мальчонка какой-то нукудышный, совсем маленький. Э-э... да ничего!

Схватил он своей огромной лапицей юношу и приволок его на кухню.

— Спасибо тебе, жена, за заботу,— засмеялся Великан, приподняв юношу за ворот.

— Не тронь его, муженек,— попросила жена Великана.— Я тебе к завтраку его припасла.

— К завтраку, говоришь? Ну хорошо, пусть тогда поживет еще ночку. А что ты делать-то умеешь козявка-малышка? Истории позанятнее знаешь?

Собрался с духом Плут-Малыш и давай Великану истории разные рассказывать, позабавней да посмешней. А Великан слушал их и со смеху так и покатывался. Когда Плут-Малыш замолк, он его спрашивает:

— Да как зовут-то тебя?

— Плут-Малыш!

— Ха-ха-ха... Славное имечко! Веселый ты, я вижу, паренек. С тобой от скуки не пропадешь. Вот что, Плут-Малыш, съест я тебя всегда успею, а пока будешь ты меня своими побасенками забавлять. Согласен?

— Вы совершенно правы,— охотно согласился Плут-Малыш.— К чему спешить, я никуда от вас не убегу, а историй я знаю про все на свете!

— Про все, про все?

— Решительно про все! — ответил Плут-Малыш.

После ужина отвел Великан юношу в соседнюю комнату и приказал ему ложиться спать, а сам на кухню вернулся и говорит жене:

— Слыхала, как расхвастался этот Плут-Малыш? Все-то на свете он знает! А не ведает, что стоит в моей конюшне мул в золотых сапожках. Да не просто в золотых, а в сапогах-скороходах. Шаг сделает — и сорок лье позади. Ах плутишка-хвастунишка! Ну да ладно, я тоже спать пошел.

Улегся Великан на кровать, засопел уж, да вдруг как захохочет:

— Ха-ха-ха!.. Все он знает! Ну и умора! Клянусь моей золотой бородой, не знает он, что лежит тут у меня в меш-

ке за дверью месяц ясный, что освещает все вокруг на сорок лье.

Прошло какое-то время, и опять захохотал Великан:

— Ха-ха-ха!.. Много знает этот Плут-Малыш, а не веда-ет, что припрятана под моей кроватью скрипка с серебряны-ми струнами. И невдомек ему, всезнайке, что скрипка эта волшебная. Едва услышат ее люди, как волей-неволей в пляс пускаются. Ха-ха-ха!..

Насмеявшись всласть, зевнул Великан и вдруг так захра-пел, что весь дом затрясся.

А Плут-Малыш не спал и все слышал. Только Великан захрапел, вскочил он с постели и пробрался в конюшню, от-вязал мула в золотых сапожках и хотел было его оседлать, как мул возьми да зареви на весь лес. Проснулся Великан, рассердился и как заорет:

— Замолчи, осел! Не мешай мне спать!— Это он на мула так.

А тем временем Плут-Малыш оседлал мула, вывел его из конюшни и вскочил верхом. Заревел мул во второй раз, но и тут Великан поленился с кровати встать, а только крикнул:

— Замолчи, скотина! Не мешай спать! Не то встану с по-стели и отдубасю тебя палкой.

Когда же дернул Плут-Малыш за поводья, заревел мул в третий раз.

— Ах, так! — разъярился Великан. — Ну, погоди! Получишь у меня сполна!

Вскочил Великан с постели, схватил палку и кинулся вон из спальни. А Плут-Малыш, как увидел его в дверях, весело крикнул:

— Эгей, Великан! Вот тебе моя первая шутка! Будешь помнить, каков Плут-Малыш! А теперь в дорогу, мой быстрый мул!

Шагнул мул вперед и сразу же за сорок лье от этого страшного места оказался. Великан в одной рубахе вдогонку было бросился, да разве за мулом-сороходом угонишься? Вернулся он ни с чем домой и давай ругать свою жену. А за что ее-то ругать?

Ранним утром приехал Плут-Малыш к королевскому замку и рассказал королю про ночное свое приключение. Слушал его король и со смеху покатывался, а потом, не раздумывая, принял его к себе на службу, в советники.

И все бы обошлось хорошо, кабы не дочка короля. Ей тоже захотелось послушать веселые истории, какие рассказывал Плут-Малыш. И вот однажды он возьми и расскажи ей, что живет в дремучем лесу в большом доме Великан-с-золотой-бородой и прячет он в мешке ясный месяц, который освещает все вокруг на сорок лье. Мало того, есть у него еще волшебная скрипка с серебряными струнами, под которую все пускаются в пляс. И так захотелось принцессе получить эти диковинки, что совсем она покой потеряла. Есть и пить отказалась, в своих комнатах заперлась и никого к себе не впускала. Встревожился тут король.

— Что с тобой, доченька? — спрашивает. — Не больна ли?

— Ах, отец! — вздохнула принцесса. — Ничто мне не мило, пока нет у меня ясного месяца, что освещает все вокруг на сорок лье. Прикажи, чтобы Плут-Малыш сходил к Великану и принес мне светлый месяц. Если не принесет, я умру с тоски.

И пришлось королю призвать к себе своего юного советника и поведать ему волю принцессы. Загрустил Плут-Малыш, очень не хотелось ему возвращаться в дом Великана. «Как бы и он не сыграл со мной одну из своих шуток», — со страхом думал Плут-Малыш. Но слово короля — закон, пришлось ему подчиниться. Только попросил он у короля на дорогу мешок соли, сел на мула и в два счета оказался на поляне, где стоял дом Великана-с-золотой-бородой.

Дождавшись ночи, Плут-Малыш влез на крышу дома, заглянул в дымоход и увидел на плите огромный котел с похлебкой, под которым весело плясали языки пламени. Проткнул он в мешке дыру и принялся осторожно сыпать соль прямо в котел. Так и высыпал всю соль в похлебку.

Немного погодя уселся Великан за стол, пододвинул к себе котел с похлебкой и проглотил первую ложку.

— Ну и насолила! — так и охнул он, однако похлебку всю съел и решил пойти за водой, чтобы запить живую соль.

Вынул он из мешка ясный месяц, прицепил его на уголок крыши, чтоб светло было, и, взвалив на плечи две пустые бочки, побежал к реке.

А Плут-Мальш тут как тут: подкрался к дому и хватя месяц за рожок. Потом сунул его в пустой мешок из-под соли и крикнул погромче:

— Эй, Великан-с-золотой-бородой, вот тебе вторая моя шутка!

От неожиданности Великан даже споткнулся, но, опомнившись, бросился догонять маленького Плута. Однако далеко не убежал, потому что зацепился в темноте за корягу, грохнулся на землю и расшиб себе нос. Что ж, и так бывает. А Плут-Мальш вскочил на мула и в миг один оказался у королевского замка.

Обрадовались король и его дочка, получив ясный месяц, что освещал своим светом все вокруг на сорок лье. Вечером приказал король прицепить месяц на самой высокой башне, и стало в городе светло, как днем. Прослышав про эту диковинку, повалил в город любопытный люд: надо же на такое чудо поглядеть!

И все же не долго тешилась капризная принцесса забавной этой игрушкой и вот снова загрустила, есть отказалась и заперлась в своих покоях.

— Что с тобой, доченька? — встревожился опять король. — Уж не больна ли?

— Нет, отец, не больна, но очень уж мне хочется послушать волшебную скрипку с серебряными струнами.

— Будет тебе скрипка, не печалься! — сказал король.

И велел позвать к себе своего советника. Так и так, мол, хочет моя дочь, наследная принцесса, получить волшебную скрипку с серебряными струнами.

— А не принесешь, голова твоя слетит с плеч!

Бедный Плут-Мальш! К Великану идти — тот его живым не отпустит, у короля остаться — голову потерять. Ну, что бы вы ему посоветовали? Подумал-подумал он и решил все-таки ехать, только попросил он у короля бочонок сонной воды.

Выдали ему бочонок сонной воды. И к вечеру Плут-Мальш оказался на поляне близ дома Великана-с-золотой-бородой. Когда совсем стемнело, пробрался он через слуховое окошко в погреб, налил в початую бочку с вином сонной воды, а сам в уголке спрятался.

После ужина спустился в погреб сам Великан, выпил из бочки все вино и вернулся наверх.

— Ох... Что-то клонит меня ко сну,— сказал он.— Постели мне, жена, скорей, а то я, кажется, на ходу засну.

Постелила ему жена, улегся он и тут же захрапел на весь дом. А Плут-Малыш еще немного обождал, потом поднялся в его комнату и вытащил из-под кровати скрипку с серебряными струнами. Но только ступил он через порог дома, чтобы бежать вместе со скрипкой к королю, как она сама собой заиграла. Что ж тут удивительного, ведь то была волшебная скрипка!

Услышав скрипку, Великан проснулся и волей-неволей в пляс пустился. Глаза у него слипаются, а ноги сами собой выплясывают.

— Ох, нет мочи...— закричал Великан.— Да замолчи ты! — кричит он, а сам, пританцовывая, из дома вон идет.

Вышел он на поляну и видит: да это Плут-Малыш на его скрипке наигрывает!

— Перестань играть! — взмолился Великан.— Спать хочется!

— Если моя будет скрипка, я прикажу ей замолчать, а так она меня не послушается! — нашелся что ответить Плут-Малыш.

— Твоя, твоя! — согласился Великан-с-золотой-бородой.— Отдаю ее тебе навсегда! И пусть это будет твоя третья шутка. Но, чур, последняя!

Охотно согласился на это Плут-Малыш, подхватил скрипку, сел на мула и был таков.

Получив волшебную скрипку, король устроил пышный бал. Гостей он созвал со всей Франции. И день плясали гости, и другой, и третий, а скрипка все играла и играла. Надолго запомнился им этот праздник!

А принцесса через какое-то время опять на скуку стала жаловаться. И еда ей не мила, и разговоры противны, и скрипка надоела.

— Хочу,— говорит,— золотую бороду Великана. Пусть достанет ее Плут-Малыш, не то умру с тоски.

Тут уж не на шутку рассердился сам король.

— Это опасно! — говорит он.— Великан его живым не отпустит. Из-за твоей прихоти я лишусь лучшего своего советника!

Но принцесса от своего не отступилась, слегла в постель, есть отказалась, ни с кем не говорит, никого видеть не хочет. Не выдержал король и отдал приказ, чтобы на другой же день Плут-Малыш отправился за золотой бородой Великана.

«Поделом мне,— подумал Плут-Малыш.— Не ту службу я выбрал. Не того хозяина. Но хочешь не хочешь, а ехать надо».

Сел он на мула в золотых сапожках и вмиг оказался на поляне возле дома Великана-с-золотой-бородой. А тот его уже ждет не дождется.

Так и так, все откровенно рассказал ему Плут-Малыш. Ну и посмеялся над его бедой Великан! Так смеялся, что про все старые обиды забыл и говорит:

— Вот тебе моя борода! Режь ее! У меня новая отрастет. Будешь помнить, каков Великан-с-золотой-бородой.

Да, выходит, великаны бывают получше иных людей.

Вернулся Плут-Малыш к королю с золотой бородой Великана и, не дожидаясь новых поручений капризной принцессы, сел на своего быстрого мула и в два счета дома оказался в родной деревне.

Давно бы так, скажете? Так-то оно так, да кабы наперед все знать, никто бы в яму не падал и шишек себе не набивал. Словом, поумнел Плут-Малыш за свою нелегкую службу.

Ну, а его матушка и отец так ему обрадовались, так обрадовались, что устроили праздник на всю деревню. Лучший скрипач играл им, хоть и на простой скрипке, но гости танцевали всю ночь. И светила им полная луна, так-то вот. Я сам на том празднике был, но, как на грех, закружилась у меня под утро голова и пошел я домой. Шел, шел, да так и не дошел — свалился от усталости на длинной нашей улице Мулен.

Собака пономаря

Послушайте-ка одну любопытную историю, приключившуюся однажды в маленькой деревушке близ Рэймса. Вы небось поинтересуетесь, как называлась эта деревушка? Право, не знаю, ведь прошли с той поры годы и годы, многие десятилетия и даже века. Может, стала теперь эта деревушка городом, а может, и вообще исчезла с лица земли. Кто знает? Впрочем, дело не в названии.

Так вот, стояла когда-то в этой деревне старая церковь, в которой отправлял службу дряхлый кюре, то есть священник. Помощников у него не было, если не считать преданного ему всей душой старенького пономаря. Несмотря на свой почтенный возраст, успевал пономарь всюду: звонил в коло-

кол, был сторожем, могильщиком, певчим, а кроме прочего, помогал кюре по хозяйству, потому что, по бедности, служанки у того не было. Да и откуда бы ей взяться, коли приход у него был пустячный, а прихожане — сплошь беднота. Но суть-то не в том, однако...

Жили так кюре и пономарь неторопливо, не сетуя на безотрадную свою судьбу. Да и правду сказать: чему радоваться-то? День прошел — и слава богу... Впрочем, чтоб не соврать, было у пономаря в жизни одно великое утешение: любимая собака. Ну посудите сами: можно ли его упрекнуть в такой слабости? Разумеется, нет. Тем более собака-то его была лучшей в мире.

Как ни странно, но слушалась собака пономаря беспрекословно. Будила его спозаранку, чтобы успел он отзвонить к утренней службе, стерегла ночью, облаивала добросовестно всех нищих и прохожих, радостно виляла хвостом и все такое прочее. Больше того, иногда отправлялась она в лес по собственному почину и приносила оттуда своему пономарю, а значит и кюре, что-нибудь из дичи. Оба они, понятное дело, души не чаяли в этой удивительной собаке и в благодарность бросали ей во время обеда кость, а то и две. Добряки, что и говорить.

Как-то раз принесла собака домой большущего зайца, из которого пономарь и кюре сделали отменное рагу. Сели они за стол и давай жаркое уписывать. Однако и о собаке не забыли: бросили ей мозговую кость. Схватила она кость и тут же подавилась ею. Подавилась и померла в одночасье. Взвыл пономарь от горя, рвет на себе волосы, о стену головой колотится, но делать нечего: лежит у порога собака бездыханная. Словом, поплакал пономарь, поплакал, да и утешился: попала, дескать, душа его собаки прямо в собачий рай, не иначе.

Н-да... Попала-то она попала, но тело ее все равно предать земле надо было. Однако где ж ее схоронить? Ведь не простая она была собака, а из всех собак лучшая.

— Эх, ваше преподобие, — вздохнул пономарь, — не хочется мне навек расставаться с нею.

— Что верно, то верно, — согласился с ним кюре, — преданный был пес. Давай-ка что-нибудь придумаем.

Думали они, думали и наконец придумали. И знаете что? Нипочем не догадаетесь! Решили они похоронить собаку на том клочке кладбища, где разводил пономарь капусту и сельдерей. Пусть, мол, покоится она неподалеку от любимого хозяина. Вот так и заняла собака пономаря свое достойное место на кладбище.

Прошло какое-то время, и весть о необычайных похоронах достигла ушей господина епископа. Возмутился епископ:

— Как! Похоронить какую-то паршивую собаку рядом с людьми! Да ведь это же кощунство! Эй, пошлите за этим богохульником кюре. Уж я ему растолкую, что к чему!

Что и говорить! Был епископ человеком крутого нрава и следил неукоснительно за поведением своих учеников и помощников. И не было у него никаких недостатков, кроме одного-единственного: одолевала господина епископа великая жадность.

Прискакал посланец епископа к бедному кюре и приказывает:

— Чтоб были вы утром у господина епископа непременно!

— А вы не знаете, в чем я провинился? — побледнел от страха кюре.

— Точно не скажу, — отвечает посланец. — Говорят, будто похоронили вы собаку в святом месте, где хоронят лишь людей.

— О, горе мне! А ведь верно! — ужаснулся кюре. — Передайте господину епископу, что завтра же утром припаду я к его стопам.

Уехал посланец, и только тогда понял кюре, что он натворил.

— Вот напасть! — ужаснулся старик. — Да ведь он может бросить меня в темницу за мое великое прегрешение. Где найти спасение?

Целый день провел кюре в молитвах, каялся, плакал...

А тем временем пономарь, ничего не ведавший о случившемся, копался в кладбищенском огороде, неподалеку от могилы собаки, и вдруг... Какая неожиданность!

Словно ветер, ворвался пономарь без стука в комнату кюре.

— Господин кюре! Господин кюре! — чуть не задохнувшись от радости, завопил пономарь и протянул кюре старую, замшелую шкатулку, которую только что вырыл на капустной грядке. — Поглядите, господин кюре, поглядите, что я нашел в земле!

Встал с колен кюре и с тоскою спросил:

— Ну что там еще?

— Да вы поглядите только!

Открыл кюре шкатулку и тут же на стул сел от неожиданности: в шкатулке было полным-полно золотых экю. Забыв на миг обо всех своих бедах и грехах, расплылся старый

кюре в довольной улыбке и даже глаза закрыл. Закрыл и слышит вдруг голос пономаря:

— Господин кюре, все эти экую принадлежат вам.

— Нет, нет... — открыл наконец глаза кюре. — Они твои. Ведь нашел их ты, а не я.

— Коли так, я вам их дарю.

— Нет, друг мой, сохрани их для себя.

— Да зачем они мне нужны? Подумайте сами.

— Ладно. Так и быть: поделим их поровну.

Поделили они золотые экую поровну. После этого разложил кюре свои экую на две равные кучки: одну положил в шкаф, а вторую в мешочек высыпал. На следующее утро двинулся он спозаранку в город, к грозному епископу.

Тот уже ждал его и, даже не пригласив сесть, обрушил на голову бедного кюре громы и молнии. Отчитывал он его с таким жаром и красноречием, что понял кюре только одно: совершил он, бедняга, сто смертных грехов, а потому предстоит ему провести остаток дней своих в темнице. Однако не забыл наш кюре о великой слабости господина епископа — о его жадности. И потому сказал ему смиренно:

— Господин епископ, я виноват. Совершил я ужасную ошибку, но... но простите меня, грешного. Ведь собака эта была лучшей из собак, и я думал, что не будет большого греха, если похороню ее в святой земле. О, господин епископ, если бы вы знали ее, то непременно полюбили и сами бы сказали: нет, эту собаку хоронить невесть где нельзя.

— Это почему же? — удивился епископ.

— А потому, что перед смертью сделала собака завещание.

— Что за ерунда! — снова было рассердился епископ.

— Не ерунда это, господин епископ, а истинная правда. Сами посудите: отказала она вам в своем завещании сто золотых экую. Вот они!

И высыпал кюре из мешочка прямо на епископский стол сто блестящих золотых экую.

— Хм... — глубокомысленно произнес епископ и погладил дрожащей рукой золотые монеты.

Потом, повернувшись к кюре, милостиво сказал:

— Пожалуй, вы правы... Это была и в самом деле разумная собака. Что ж, пусть покоится она там, где зарыта. Она, конечно, ничем не осквернит святого места. Аминь.

Вот так и кончилась эта удивительная история о собаке, которая завещала отцу церкви сто золотых экую.

По правде говоря, я тоже искал вот такую же собаку, но так и не нашел.

Дочь дровосека

Жил-был на свете добрый дровосек. Целые дни проводил он в лесу, с раннего утра и до поздней ночи дрова рубил. Были у него три дочки, одна другой краше, и каждый день на обед приносили они ему в лес по очереди большой котелок горячей похлебки.

Однажды, когда работал отец в лесу, вышел из чащобы страшный зверь; не зверь даже, а настоящее чудовище — и шасть прямо к дровосеку! Побледнел от страха старик, топор из рук выронил, а зверь ухватил его за руку и говорит:

— Если не отдашь мне в жены одну из своих дочерей, худо будет, съем я тебя!

Сказал и скрылся в дремучей чаще.

В этот день принесла похлебку отцу старшая его дочь. Вышла она на поляну и видит: сидит отец на земле, опершись о топориче, а на глазах у него слезы. Встревожилась дочка, бросилась к отцу:

— Что с тобой, батюшка? Отчего ты такой печальный? Откройся мне! Не пожалею я для тебя ничего, даже собственной жизни!

— Эх, доченька, знала бы, что у меня приключилось... — отвечает ей отец. — Рублю я дрова и вдруг вижу: выскакивает из-за деревьев лохматое чудовище — и прямо ко мне. Ухватило меня за руку и говорит: «Если не отдашь мне в жены одну из своих дочерей, съем я тебя».

— Батюшка, милый, не боюсь я его и, коли надо, выйду за него замуж.

Едва успела она произнести эти слова, как зашуршали-за-трещали кусты и выскочил на поляну зверь-страшилище. Выскочил да как заревет на весь лес:

— Ага, попалась, красавица! Заберу я тебя сейчас!

Увидала девушка лохматое страшилище, задрожала от страха и, забыв про свое обещание, закричала:

— Нет, нет, батюшка, нипочем не пойду я за него!

И бегом домой бросилась. А зверь говорит дровосеку:

— Не убивайся, старик, ведь есть у тебя еще две дочки.

На другой день принесла отцу обед средняя дочь. Увидела, что сидит отец опечаленный, всполошилась она и давай у него допытываться, что с ним такое приключилось. Долго она его расспрашивала, а отец все молчит и молчит.

— Да скажи мне наконец, что тебя мучает? — взмолилась девушка.

Поднял отец голову, посмотрел на дочь, вздохнул тяжело и поведал ей свою беду.

— Из-за этого ты и убиваешься? — рассмеялась дочка. — Не тревожься, батюшка! Не боюсь я его и, раз надо, пусть забирает меня в жены.

Только сказала так, а страшилище тут как тут. Подскочило, зубами заскрежетало, заревело:

— Ага, попалась, красавица! Заберу я тебя сейчас!

Попятилась девушка в страхе, замахала руками:

— Нет, нет, не пойду я за тебя! Очень уж ты страшный!

И так же, как старшая сестра, домой убежала.

Взглянул зверь на старика и говорит:

— Не падай духом, старик! Ведь есть у тебя еще третья дочка, самая младшая да красивая.

— Что верно, то верно, есть у меня еще Марион, — опустил голову дровосек.

Назавтра пришла к отцу Марион, младшая его дочь. Поставила на пень котелок с похлебкой и тут только заметила, что отец-то сам не свой. Стала она его расспрашивать, что да как. Не удержался старик и рассказал ей про страшное чудовище. Утешила она отца:

— Не боюсь я его, батюшка, и, коли надобно, пойду к нему в жены.

Проговорила она так и видит: чудовище-то лохматое уже тут как тут, на поляне. Подскочило оно к ней, дернуло за руку и заревело на весь лес:

— Заберу я тебя! Будешь моей женой, красавица!

Выслушала его девушка и говорит в ответ:

— Поступай как знаешь, только не терзай попусту моего бедного батюшку.

Расхохоталось тут чудовище, подпрыгнуло от радости и недолго думая уволокло Марион в дебри лесные. Увидав это, упал отец наземь, заплакал горючими слезами:

— Ах, доченька моя любимая, знать, не увижу я тебя больше!

А чудовище завело Марион в самую чащобу, где стоял среди высоких елей и рябин зеленых богатый дом, и превратилось вдруг в красивого юношу. Обрадовалась Марион — да и как не радоваться, — однако спрашивать его ни о чем не стала: время, мол, покажет, что к чему.

И со временем они поженились и стали жить дружно и счастливо.

Пролетело лето, миновала зима, настала осень. И вот однажды пошли сестры Марион в лес коров пасти. Вдруг слышат — далеко-далеко кто-то поет.

— Стой! — насторожилась старшая сестра. — Похоже, это голос пропавшей нашей сестрички. Давай пойдем туда, посмотрим!

Двинулись сестры в глубь леса. Шли, шли и пришли наконец к красивому дому. Видят, а у окна сидит их сестра Марион и распевает веселую песенку. Узнала она сестер, обрадовалась, привела их в дом и принялась разными яствами потчевать. А потом про отца с матерью расспросила и послала за ними, чтобы приехали они погостить к ней недельку-другую.

А надо вам сказать, что сразу после свадьбы вручил муж Марион тяжелую связку ключей от всех комнат и разрешил любую комнату открывать, кроме одной-единственной.

— Если не хочешь на нас беду навлечь, не входи в эту комнату! — сказал он ей.

Закивала она тогда головой: все, дескать, поняла, запрета не нарушу. Может, так бы и обошлось, если бы не ее сестры. Повела их Марион замок показывать. Осмотрели сестры все комнаты, кроме той, что запретил муж открывать. Сестры-то, конечно, ничего не знали об этом и давай упрашивать Марион: открой да открой. А вдруг это самая красивая комната во всем доме? Долго колебалась она, а потом все-таки открыла заветную комнату.

Ох, недаром говорится: нет ничего страшнее женского любопытства. А ведь и верно! Едва отперла она дверь, как ключ возьми да и упади на пол! Подняла Марион ключ и ви-

дит: проступило на нем красное пятно, на кровь похожее. «Откуда это пятно взялось? — испугалась она. — Уж не хранит ли эта комната следы преступлений? О горе!» И принялась Марион оттирать красное пятно. Терла, терла, но так и не оттерла. Напротив, стало пятно еще краснее, еще ярче.

Заплакала Марион, а тут, откуда ни возьмись, муж явился. Посмотрел он на красное пятно, поник головой и говорит жене:

— Просил я тебя: не открывай эту комнату, да не послушалась ты меня. Ведь тебе невдомек, что повздорил я когда-то с одним злым колдуном, и по злобе своей превратил он меня в чудовище на семь долгих лет. Только твоя любовь спасла меня от его заклятья. Еще бы один день, и я навсегда был бы свободен. А теперь я нарушил уговор, и придется нам расстаться на семь лет. Снова приму я облик зверя и стану бродить неведомо где без отдыха и без пристанища... А ты здесь одна останешься.

— Нет, так не будет, — возразила Марион. — Раз повинна я в твоём несчастье, то не расстанусь с тобой. Куда ты, туда и я!

— Значит, не бросишь ты меня в беде? — обрадовался муж.

— Ни за что не брошу, милый!

Покинули они замок и пустились в дальние странствия. Долго бродили они по белу свету и вот однажды разминулись в лесу, потеряли друг друга. Осталась Марион одна.

Поплакала она, погоревала, но слезами горю не поможешь — и пошла искать своего мужа. Да только не суждено ей было найти его. Не иначе как и тут не обошлось без злого колдуна.

Так пробежали семь долгих лет, и пришел срок, когда муж ее снова мог превратиться в человека. Да, но только с одним условием: как только станет он снова человеком, то совсем забудет свою жену Марион, словно и не знал ее никогда. — такова была месть злого колдуна.

А Марион в поисках мужа забрела однажды в каменистую пустыню. Где-то вдали виднелась неприступная скала. Марион поднялась на самую вершину и увидала там большой мрачный замок. То был замок четырех Ветров.

— Ветры свободные! — в отчаянии протянула она к ним руки. — Вы всюду летаете и все видите. Скажите мне, как выбраться из этой пустыни?

— А куда ты идешь, Марион? — спросил у нее ветер по имени Мистраль.

— Хочу я найти своего мужа, добрый Мистраль.

— Хорошо, покажу я тебе дорогу. Следуй за мной.

Семь дней и семь ночей бежала Марион за Мистралем, а на восьмой день ветер сник и говорит ей:

— Видишь вдали хижину? Живет в ней самая добрая на свете волшебница. Иди к ней, она поможет тебе разыскать мужа.

— Спасибо, добрый мой Мистраль,— поклонилась ему Марион и двинулась к далекой хижине.

Чуть живая от усталости, добрела она до нее и постучала в окошко. Вышла на порог добрая волшебница, подхватила Марион под руку и отвела в дом. Отдохнув и подкрепившись, рассказала Марион волшебнице всю свою историю: и как она замуж пошла за чудище страшное, и как чудище это в прекрасного мужа оборотилось, и как она по своей же вине потеряла любимого мужа.

Пожалела ее добрая волшебница и дала такой совет:

— Знаю я, что муж твой живет в одном городе. Семь дней и семь ночей идти до него. Да только ведь забыл он тебя и собирается жениться на одной девице. Так уж наколдовал злой колдун. Однако не отчаивайся, я помогу тебе. Вот тебе косточки персика, миндаля и круглый орешек. Береги их пуще глаза своего, потому что они помогут тебе мужа вернуть. А сейчас отдохни немного и в путь отправляйся.

Через семь дней и семь ночей пришла Марион в тот самый город, о котором говорила волшебница. Познакомилась она тут с одной болтливой женщиной и узнала от нее, что появился недавно в городе красавец незнакомец и тут же отыскалась ему и невеста. Девица недурна собой, да только нравом злая, завистливая и очень жадная. Узнала Марион и о том, что свадьба назначена ровно через три дня.

На другой день Марион пришла к дому невесты и, когда та показалась на пороге, расколола скорей косточку персика. Произошло тут чудо: из косточки вылетела серебряная карета, запряженная двумя белыми рысаками. Увидала невеста богатую карету, и так захотелось ей ее получить. Подошла она к молодой женщине и спрашивает:

— Не продашь ли мне свою карету и рысаков?

А в ответ слышит:

— Нет, не продаются они ни за какие деньги, а лишь за услугу дарятся.

— Какую же услугу тебе оказать?

— Позвольте мне провести ночь у изголовья вашего же-
ниха.

— Ну нет! Не нужна мне твоя карета! Да и не так уж она мне нравится.

И невеста пошла было прочь, но матушка остановила ее:

— Что ты, доченька, разве можно упустить такую удачу! Пусть посидит одну ночь у изголовья твоего жениха, а мы ему сонного порошка подсыплем, он и знать ничего не будет.

Подумала-подумала невеста и согласилась.

Поздним вечером слуга принес жениху питье с сонным порошком. Жених выпил его и тут же заснул. Тогда только пустили к нему в спальню молодую женщину.

Села Марион у изголовья своего мужа и начала было рассказывать ему про все свои горести и злоключения. Но, заметив, что напрасно старается, принялась она его звать, будить, тормошить... Да все впустую. Так и провела она ночь в слезах, а утром, едва занялась заря, выгнали ее на улицу.

И все-таки днем она опять пришла к дому невесты и, когда та собралась на прогулку, ударила камнем по косточке миндаля, и тут же оказалось у нее в руках нарядное свадебное платье. Увидела богатое платье невеста и пожелала его купить:

— За сколько продашь это платье?

Но в ответ услышала знакомые слова:

— Не продается оно ни за какие деньги, а лишь за услугу дарится.

— Какую же услугу тебе оказать?

— Позвольте мне провести ночь у изголовья вашего жениха.

— Опять ты за старое! — рассердилась невеста и пошла было дальше, но остановила ее мать и шепнула:

— Такой случай упускать не надо, что ты, дочка! Не куплено, не плачено, а платье будет твое.

Согласилась невеста и на этот раз.

И случилось все так же, как накануне: выпил жених сонное зелье и заснул. Марион его так и не добудилась, а всю ночь безутешно лила слезы и звала:

— Пробудись ты от крепкого сна, погляди ты на меня... Может, не свидимся мы больше с тобой... Вымолви хоть словечко!

Но он ее не услышал, а едва рассвело, ее выставили за дверь.

Но днем она снова пришла, и, как собралась невеста на прогулку, Марион расколола последний орешек и вынула из

него золотую цепочку, серьги и браслет, усыпанные бриллиантами. Увидала невеста это диво-дивное, и разгорелись у нее глаза. Бросилась она к Марион и стала просить: продай да продай бриллиантовые украшения. Но в ответ услышала прежнее — не продаются они, а меняются. И невеста согласилась, обменяла своего жениха на сережки да браслет с камушками.

А в ту самую пору, когда вела она торги с Марион, подошел к жениху старый слуга и говорит потихоньку:

— Знайте, сударь, что каждую ночь приводят в вашу спальню молодую женщину. Сидит она всю ночь у вашей кровати, горько плачет и о чем-то вас умоляет. Однако спите вы крепко и ничего не слышите, а все потому, что подсыпают вам в питье сонного порошка.

— Спасибо, друг, за известие,— сказал жених, а сам глупо задумался.

«Чую я, здесь что-то нечисто»,— рассудил он и решил сам все хорошенько проверить. Когда поздним вечером принесли ему питье, приказал он слуге:

— Поставьте чашку на столик. Сейчас занят я, выпью позднее.

Но пить сонное зелье не стал, а выплеснул его в окно, улегся на кровать и прикинулся спящим. Не прошло и минуты, как ввели в спальню молодую женщину. Села она у изголовья кровати и давай слезы лить, бывшие счастливые дни вспоминать... Слушал он ее, слушал и вдруг все вспомнил. Да это же его любимая жена Марион! Вскочил он с кровати и заключил ее в объятия. А утром он первым делом поспешил в дом невесты и попросил мать с дочерью выйти к нему. Когда они вышли, он им и говорит:

— Сударыни, нуждаюсь я в вашем совете. Если бы заказали вы, например, новый ключ к шкатулке взамен потерянного, а потом отыскали бы прежний, каким ключом стали бы вы пользоваться: старым или новым?

— Разумеется, старым,— ответили мать и дочь разом.

— Вот и я так же думаю! А теперь слушайте. Семь лет назад была у меня любимая жена, но по воле судеб потерял я ее и отыскал лишь сейчас. Вот она, жена моя!

И он представил им Марион. Мать и дочь только рот открыли от удивления: сказать-то им было нечего. Ну, а Марион с мужем вернулись в свой лесной дом и жили там долго и счастливо. Я сам в гостях у них побывал, с добрым дровосеком познакомился. Он меня научил деревья рубить и на поленья пилить. Не верите, приходите, я и вас научу!

Как не уберегли звери свои тайны

Жили когда-то с отцом два сына. Старший сын был зрячий, а младший — слепой. И вот пришел к отцу его смертный час. Позвал он старшего сына и говорит:

— Умираю я, сынок, и, кроме долгов, ничего вам в наследство не оставляю. Потому и прошу тебя, мой сын, как ни трудно тебе будет, не бросай на произвол судьбы своего слепого брата.

Выслушал отцовское напутствие старший сын и поклялся со слезами на глазах, что выполнит его последнюю волю.

— Теперь я спокоен, — с облегчением вздохнул отец, закрыл глаза и умер.

Похоронили его братья, заперли окна и двери своей жалкой лачуги и отправились в путь-дорогу. Как-никак, а жалели их люди и давали кто хлеба, кто мяса, а кто и деньги. Однако слепому от этого проку было мало, потому что зрячий брат оказался человеком жестокосердным и все лучшее забирал себе.

Прошло немного времени, и совсем забыл старший брат про свою священную клятву отцу. Накопив немного денег, решил он совсем отделаться от младшего брата. Завел он его в глухой лес и, сказав, что скоро вернется, ушел.

Ничего не подозревая, брат лег на травку под дерево и крепко заснул. Когда же проснулся и принялся звать старшего брата, никто на его зов не откликнулся. Что было делать? Ждал он, ждал, да все попусту. Вот тогда-то и понял он, бедный, что бросил его брат и больше уж никогда не вернется. Понял и горько заплакал.

Тем временем наступила темная ночь. Только ему-то было все равно, что ночь, что день: ведь был он слепой и не мог этого видеть. Вдруг услышал он неподалеку звериный вой и со страху залез на самую макушку могучего дуба.

И как раз вовремя! Едва успел он там наверху затаиться, как раздался под дубом львиный рык. Вслед за львом появился волк, за ним приковылял медведь, а потом кабан, лиса и, наконец, заяц. Расселись звери рядком и принялись спрашивать друг у друга о разных новостях.

Первым заговорил лев:

— Где это ты пропадал, волчище? Что у тебя новенького?

— О, братец лев, был я в далеких краях. И там проведаль я об одной великой тайне. Теперь я знаю целебное средство, какое делает слепого зрячим.

— Что же это за средство? — спросил лев.

— Средство простое. Если человек или зверь родился слепой, ему надобно приложить к глазам кору вот этого самого дуба, и он сразу прозреет.

— Вот чудо! — зашумели звери.

— Чудо, чудо, — согласился лев. — Но и у меня есть новость не хуже твоей. Как-то бродил я по Франции и случайно попал в город, где нет воды и люди страдают от жажды. А никто и не знает, что на главной площади города стоит громадный камень, и если сдвинуть его да копнуть на этом месте землю, забьет там чистый родник. И тогда воды хватит на всех!

— Новость хорошая! — заревели все звери разом. — Только вот как ею воспользоваться? Что ты думаешь, косолапый? — спросили они медведя.

— Этого я еще не знаю, — отвечал медведь. — Но вот послушайте и мою новость! Я только что вернулся из далекого города Труа. Правит там граф. И есть у него одна-единственная дочка. Как-то пошла она с подружками гулять, и вдруг выскочил из леса страшный зверь. Она так испугалась, что замертво упала на землю. С тех пор она болеет, с постели не встает и день ото дня худеет. Граф созвал всех знаменитых докторов, но ни один не может ее вылечить. А секрет-то простой: надо вытащить из-под ее подушки зеленую жабу. Всего и дел-то! И обещал граф тому, кто вылечит его дочку, любую награду!

— Вот это новость так новость! — развеселились звери. — Надо бы нам побывать в городе Труа. Будет там славная добыча!

Долго еще беседовали звери о своих тайнах, а когда за светило утро, разбежались кто куда. Тогда-то наконец спустился слепой брат с дуба вниз и скорей отрезал кусочек дубовой коры. Потер ею глаза. И — о чудо! — увидел он и синее небо, и золотое солнце, и зеленые лесные дали, и могучий дуб, в ветвях которого он прятался всю ночь.

Погладил он с нежностью могучий ствол дуба и, счастливый, пошел скорее в тот самый город, где люди страдали от жажды. Долго он искал этот город, но все-таки нашел.

Постучал он в окошко одного бедного дома. Выснулась из окошка старуха и спрашивает:

— Чего тебе, добрый молодец?

— Объясни мне, бабушка, что тут у вас случилось? Отчего на ваших улицах я не встретил ни души?

— О, горе нам, странник! Нет в городе ни капли воды. Вот и начался у нас мор: мрут жители как мухи. И за какие такие грехи карает нас судьба?

— За какие грехи, мне, конечно, неизвестно... Но могу я ваш город спасти от этой беды.

— А что для этого сделать? — спрашивает старушка.

— Надо созвать на главную площадь всех горожан, тогда я скажу, что делать.

Поспешила старушка к соседям, а те к своим соседям, и, наконец, направились они вместе к тому самому камню, что стоял посредине главной площади города. Взялись все дружно и сдвинули камень. Тогда юноша попросил лопату, копнул в том месте, и в тот же миг брызнула вверх струя прозрачной воды. Набежали тут горожане — кто с ведром, кто с бадьей, кто с кувшином — и понесли домой холодную прозрачную воду. Весь город ликовал! Да и как тут было не ликовать, если спасен был город от лихой беды, — значит, не будет больше никто страдать от жажды.

А юноша, как только забил источник, скрылся незаметно и спрятался в лачуге у знакомой старушки. Не привык он, чтобы его хвалили и поздравляли, и был очень смущен.

Долго искали горожане своего спасителя и наконец отыскали в жалкой лачуге. Они предложили ему целый мешок золота. Посмотрел юноша на мешок, отодвинул его ногой и сказал:

— Я не из-за корысти дал вам воду, а посочувствовал вашей беде. И золота мне не нужно. Но если вы хотите мне что-нибудь подарить, дайте лучше карету с шестью быстрыми лошадьми.

Удивились горожане, что отказался он от золота, но перечесть незнакомцу не стали и, как просил, подарили ему карету, запряженную быстрыми лошадьми.

Распрощался юноша с горожанами, поблагодарил за подарок и поскакал скорее в тот самый город Труа, где страдала от неизвестной болезни графская дочь.

Прибыл он в Труа и остановился в захудалой гостинице. А за ужином расспросил хозяина, какие новости у них в городе. Хозяин тут же поведал юноше историю про графскую дочку и сказал, что все жалеют ее, потому что она девушка добрая и красивая.

— Отчего же она заболела? — поинтересовался юноша.

— Вот этого-то никто и не знает, — развел руками хозяин. — Многих знаменитых врачей приглашал граф, да все без толку. Дочке его все хуже и хуже. Говорят, она может вот-вот умереть, бедняжка.

— Ну нет, — сказал юноша, — это несправедливо. Мне кажется, я знаю, как ее спасти. Сходи-ка, друг, к графу и скажи, что приехал в город известный врач и может, мол, излечить его дочь от смертельного недуга.

Само собой, побежал хозяин скорее к графу, чтобы передать радостную весть. Безутешный отец уж и не надеялся увидеть свою дочь снова здоровой, а тут такая счастливая новость!

Пригласил он юношу к себе и познакомил его со всеми знаменитыми докторами, какие пытались лечить его дочь, но так ничего и не добились. Доктора неласково встретили молодого человека.

— Зачем ты пришел сюда, оборванец? — спросили они.

— Да вот хочу излечить графскую дочку от неминуемой смерти.

— Излечить?! Да знаешь ли ты, несчастный, что даже мы не в силах ее спасти!

Ничего не ответил им юноша, молча поклонился графу и вошел в покои графской дочери. А когда двери за ним закрылись, юноша приблизился к кровати, приподнял подушку и вытащил из-под нее зеленую жабу.

И тут же девушка открыла глаза, села и как ни в чем не бывало спрашивает:

— Почему я здесь лежу?

— Потому, что была больна, — отвечает юноша. — Но теперь опасность миновала, так что можете встать и пойти гулять.

И юноша рассказал ей все, как было.

— Ах, это волшебная история! — воскликнула девушка. — А вы, наверное, волшебный принц.

— Да нет, — отвечал юноша, — я бедняк из бедняков и еще совсем недавно был бродячим слепцом. — И он поведал ей свою историю.

— Ах, это так интересно, что я непременно должна выйти за вас замуж!

И она отвела юношу к отцу. Как увидал граф свою дочку здоровой и веселой, так и просиял от счастья. Конечно, ему не очень-то по сердцу пришлось известие, что его дочка собирается замуж за какого-то незнакомца. Но спорить он не стал, да и что было толку? И вскоре сыграли пышную свадьбу.

Стал юноша жить в графском доме и как-то раз, гуляя в лесу, повстречал какого-то нищего. Пригляделся он к нищему и узнал в нем своего старшего брата. Подозвал он его к себе и спрашивает:

— И давно ты нищенствуешь?

— Давненько, сударь. Раньше-то мы вдвоем с братом нищенствовали, да потом он меня бросил.

— Почему же?

— Да был он человек жадный и завистливый и, видно, боялся, что мне перепадет лишний кусок, а ему меньше достанется. Вот и завел он меня однажды в густой лес и там бросил...

— Неужто все так и было? А не наоборот ли, припомни-ка? Приглядишься ко мне, не узнаешь разве?

Пригляделся нищий попристальнее к богато одетому господину и вдруг узнал в нем родного брата. Узнал и попятился в страхе:

— Не может того быть! Ты же слепой был, да еще нищий...

— Верно, был, но по твоей милости стал другим.

Упал тут нищий на колени и давай просить у брата прощения. Что ж, прощение он получил, и даже чистосердечное, потому что был младший из братьев человеком добрым, отходчивым. И на том бы дело кончилось ко всеобщей радости, если бы не мучила бывшего нищего одна тайна: как же прозрел его брат? Нет, даже не это,— а как он разбогател? Долго думал он над этой загадкой, да так ничего и не придумал. А когда стало ему невмоготу, подошел он однажды к брату и спрашивает:

— Не можешь ли мне сказать, как ты обрел зрение и богатство?

Не хотел брат ему все рассказывать, но старший так его упрашивал, что сдался он и поведал ему всю историю. Но тут же строго-настрого предупредил:

— Не вздумай, глупец, к тому дубу отправляться! Ведь такой случай раз в жизни бывает. Разве плохо тебе живется теперь? Так что не испытывай судьбы понапрасну!

Долго он отговаривал старшего брата от глупой его затеи, но, видно, зависть заела брата. А зависть, как известно, плохой советчик! Вот и отправился старший брат в далекий путь. Отыскал знакомый лес, а в нем дуб заветный. Залез он на самую верхушку и притаился под ветками. В полночь услышал он вой и рев звериный, и вскоре сошлись под дубом все знакомые звери и повели беседу.

— Скажи-ка, лев,— начал волк,— что новенького ты узнал за это время?

— Э, нет, друзья,— проворчал лев,— нынче ничего я вам не скажу. Ведь то, о чем мы говорили в прошлый раз, стало кому-то известно, потому что кто-то вылечил уже графскую дочку, а в том городе, где люди страдали от жажды, забил вдруг чистый источник.

— Не иначе, кто-то выдал людям наши тайны! — рассердился медведь.

— Во всяком случае, это не я! — оскалился волк.
— И не я! — сказал кабан.
— И уж не я! — отозвалась лиса.
— Ну, и не я, — прошептал заяц.
— Тише, тише, — успокоил их лев. — Должно быть, кто-нибудь сидел на дереве и подслушал нас.

Тут заяц вскинул голову и среди темной дубовой листвы заметил человека.

— Ай! — протянул он. — Он и сейчас нас подслушивает. Полезай-ка, миша, наверх и сбрось воришку на землю.

— Нипочём не полезу! — сказал медведь. — Ведь пока сброшу я его с дерева, пока спущусь на землю, останутся от него рожки да ножки.

— Как тебе не стыдно! — возмутились звери. — Неужели ты в нашу честность не веришь? Мы, разумеется, тебя подождем.

— Ну, коли так, полезу...

Залез медведь на дуб, ухватил жадного брата за пояс и сбросил на землю. А когда сам вниз спустился, глядь — ни человека, ни зверей. Обиделся медведь на своих друзей и в лесной чаще скрылся.

Так с тех пор он из лесу и не выходит.

«Попался, Сверчок!»

В давние времена не приходилось детям, как сейчас, каждый день ходить в школу, впрочем, тогда и школ-то не было. А вместо школы обучал детей деревенский староста, который умел с грехом пополам немного читать, немного писать и немного считать. Вот и собирал староста в своем доме всех, кто хотел учиться. Учились дети только зимой, потому что ранней весной принимался староста вместе с крестьянами за посевные работы — тут уж не до учебы. Кстати, и детям занятие находилось: одевали они одежку попроще и пасли на лугу стадо или хворост в лесу собирали. А иногда сходились все вместе на какой-нибудь поляне, разжигали костер и веселились до самого утра.

Вот в эти-то времена, о которых рассказываю я вам, жил-был в деревне маленький пастух. Звали его Венсан, а по прозвищу Сверчок.

Как-то раз подошел он к своему отцу и говорит:

— Знаешь, батюшка, чтобы заработать себе на жизнь, стану я провидцем.

— Провидцем? Ты? — рассмеялся отец. — Выйдет из тебя провидец, только липовый.

— А вот увидишь! — сказал Венсан и побежал на луг к ребятам, чтобы рассказать о своем намерении.

— Устроим ему экзамен! — решили ребята. — Должен ты три вещи угадать, — сказали они Венсану. — Если угадаешь, будем считать тебя провидцем, а нет — получишь на орехи!

Собрались ребята все вместе, взяли оловянную тарелку, положили что-то в нее, прикрыли большим лопухом и перед Венсаном поставили.

— Говори, что в тарелке?

Почесал мальчишка за ухом, подумал-подумал и, ничего не придумав, сказал с досадой:

— Эх, даром отец говорил мне, что буду я провидцем, да только липовым!

Сбросили ребята лопух с тарелки, а в ней листья липы лежат.

— Молодец! — похвалили его. — Разгадал первую загадку. Теперь вторая.

Написали они что-то на клочке бумаги, сложили его вчетверо и спрашивают у Венсана:

— Что написали мы на этой бумажке?

Снова стал Венсан в тупик и, пожалев уж, что похвастался раньше времени, пробормотал словно про себя:

— Эх, Венсан, Венсан!

Развернули ребята бумажку и показали написанное на ней слово «венсан», что означало в те далекие времена цифру «две тысячи»¹.

— Опять ты угадал! — похвалили его ребята. — Теперь последняя, третья загадка. Ну, подожди нас немного!

Ушли куда-то и скоро вернулись, держа в руках закрытую коробку.

— Угадай, что в ней?

Ломал, ломал себе голову Венсан, думал, думал и, решив, наконец, что взбучки ему не миновать, воскликнул:

— Ну, попался, Сверчок!

Открыли коробку, а в ней самый настоящий сверчок сидит. Вот тогда-то и признали Венсана-Сверчка провидцем. Да он и сам в это поверил и решил в далекий путь пустить

¹ Здесь игра слов: «Венсан» и «две тысячи» произносятся по-французски одинаково, но пишутся по-разному.

ся, чтобы на людей поглядеть да заодно и свое великое искусство показать.

Шел, шел Венсан и дошел до большого города. Как раз в те дни была ярмарка и народу там собралось видимо-невидимо. Не побоялся Венсан и объявил во всеуслышание, что он — великий провидец и готов показать свое искусство любому, кто пожелает.

Ну и отчаянная голова!

Тут подбежала к нему какая-то женщина и в сомнении спросила, разглядывая плохонькую его одежку:

— Это вы провидец?

— Да, я, Венсан-Сверчок собственной персоной, истинный провидец.

— Тогда пойдемте за мной. У моей госпожи украли дорогое кольцо с бриллиантами. Если отыщете вора, она вознаградит вас по-королевски.

Последовал Венсан за служанкой в дом ее госпожи и там узнал, что произошло. Оказывается, когда она подрезала в саду розы, то сняла кольцо и положила его на край фонтана. И забыла его там. Потом спохватилась, а кольца-то и след простыл.

— Сударыня, я найду вора, — уверенно заявил Венсан. — Дайте мне на это три дня!

— О! Живите у нас сколько захотите! — сказала госпожа. — Я прикажу отвести для вас лучшую комнату, и подавать вам будут самые изысканные кушанья!

«И то неплохо, — подумал про себя Венсан. — По крайней мере, будет у меня целых три дня добрая постель и вкусная еда. Ну, а там посмотрим».

Вечером подал ему слуга в комнату обед. Ни разу в жизни не ел Венсан таких вкусных кушаний. Наелся он на славу, вышел из-за стола и, подумав, что один из трех обедов уже съеден, воскликнул:

— Ну вот, один уже позади!

Услыхал эти слова стоявший позади Венсана слуга, побледнел и бросился на кухню, где поджидали его с нетерпением двое других слуг. А поджидали потому, что это они, сговорившись, украли кольцо.

— Он настоящий провидец! — крикнул слуга, ворвавшись в кухню. — Увидел он меня и говорит: «Ну вот, один уже позади!» Больше нипочем к нему не пойду.

А наш Венсан провел ночь в мягкой постели, прекрасно выспался и утром в сад вышел. Полюбовался он цветами, осмотрел фонтан и с довольным видом к себе в комнату вернулся.

В тот день принес ему обед другой слуга. Наелся, напился провидец, встал из-за стола и сказал:

— Ну вот, и второй позади!

Передал слуга его слова своим сообщникам, и тут уж они не на шутку струхнули.

На третий день обслуживал Венсана третий слуга. Когда обед был закончен, услышал слуга, как говорит провидец:

— Вот и третий позади. Пожалуй, пора с этим кончать!

Сказал и отправился спать. Однако заснуть не мог, а все думал, как бы ранним утром незаметно из дома улизнуть.

Тем временем собрались на кухне трое слуг и давай совет держать.

— Лучше открыться нам, — решили они, — а не то завтра утром бросят нас в тюрьму. Сделаем так: вернем кольцо провидцу, уговорим его, чтобы он нас не выдавал, а за это отдадим ему все наши сбережения.

Пришли они все трое к Венсану и бросились перед ним на колени:

— Господин провидец, угадали вы: это мы украли злосчастное кольцо. Вот оно, возьмите. Но не выдавайте нас, иначе не миновать нам тюрьмы. Скажите лучше госпоже, что нашли вы кольцо в саду, а за это отдадим мы вам все наши сбережения.

Окинул Венсан воров суровым взглядом и говорит:

— Подлые воришки! Заслуживаете вы виселицы! Но, так и быть, не выдам я вас... Впрочем, и денег ваших не возьму.

Потом, подумав, спросил:

— Скажите, нет ли на птичьем дворе гуся?

— Ну как же, как же! У нас на дворе пятнадцать гусынь и один белый гусак.

— Тогда идите за гусаком и заставьте проглотить его это кольцо.

Закатали слуги кольцо в комочек сладкого теста и подсунили его белому гусаку. Схватил клювом гусак сладкий комочек и проглотил его мигом.

На следующее утро попросил Венсан-Сверчок проводить его к госпоже.

— Сударыня, — важно проговорил он, — отыскал я виновника. Проглотил ваше кольцо белый гусак. Прикажите его зарезать, и в зобу у него найдете ваше кольцо.

Приказала госпожа кухарке зарезать белого гусака, и в зобу у него в самом деле нашли кольцо.

— Сударь! — воскликнула восхищенная госпожа. — Поистине, вы великий провидец. Получайте из моих рук щедрую награду!

И протянула Венсану большой кошелек, набитый золотыми монетами.

Двинулся Венсан в обратный путь и вскорости дома оказался. Купил он себе хорошую ферму и зажил славно и весело. Никому не отказывал в совете, ну, а про то, что был он когда-то провидцем, не любил вспоминать.

Узнали об этой истории лишь спустя много лет, но, как бы то ни было, обошла она всю Францию. И теперь, к примеру, когда задерживает полицейский воришку, или хватает солдат за шиворот браконьера, или же находит мальчишка спрятавшегося от него товарища, все — и полицейский, и солдат, и мальчишка — всегда говорят: «Попался, сверчок!»

Лиса и куропатка

Как-то раз повстречала лиса на опушке серую куропатку и спрашивает:

— Скажи, голубушка, как это ты умудряешься днем спать?

— Как? Да очень просто. Спрячу голову под крылышко и сплю спокойно. Вот погляди!

И, чтобы лучше лиса ее поняла, спрятала она под крылышко голову. Разгорелись тут у лисы глаза. Метнулась она к куропатке, ухватила ее за крыло и помчалась прочь.

Бежит мимо реки, увидали ее прачки и давай кричать:

— Глядите-ка! Глядите! Вот тащит лиса в зубах куропатку!

Услыхала куропатка женские крики и говорит лисе потихоньку:

— Ну и нахальный народ здесь! И не стыдно им в чужие дела нос совать?

«А ведь верно, — подумала лиса. — Какое им дело?» — и разжала на миг зубы, чтобы хорошенько отчитать прачек. Но не успела она слово вымолвить, как куропатка вырвалась от нее и на ветку дуба вспорхнула.

Взглянула лиса на куропатку и процедила сквозь зубы:

— Эх! Никогда не надо болтать попусту!

А куропатка, усмехнувшись, ей и вторит:

— Да! И спать ложиться не вовремя тоже не след.

«Святой» Грамэр

В давние-давние времена стояла на одном из холмов Гаскони маленькая деревушка Сен-Грамэр, названная так в честь святого Грамэра. Каждый год весело справляли крестьяне день своего «покровителя». Да и в самом деле: почему бы лишний раз не повеселиться? Еще за неделю до праздника начинали убирать прихожане свою захудалую церквушку: мыли, скребли, чистили и украшали ее гирляндами бумажных цветов.

И вот однажды, вытирая пыль, задел пономарь статую святого Грамэра и отбил ей случайно руку. Что тут делать? Решили тогда кюре и пономарь снять статую, спрятать ее на краю деревни у бобового поля, а в день праздника поставить в церкви вместо статуи деревенского кузнеца, похожего как две капли воды на святого Грамэра.

За десять золотых экио согласился кузнец забраться в нишу, где находилась обычно статуя святого, и простоять, не шелохнувшись, всю утреннюю службу.

Утром набилось в церквушку тьма-тьмущая народу. Стоит кузнец в нише, не шелохнется. Но, как на беду, угостился он утром медом, а губы-то забыл вытереть. И вот, откуда ни возьмись, подлетела к нему муха: вьется, жужжит, кусает — ну просто сил нет! Стал тогда кузнец потихоньку губами шевелить, чтоб отогнать настырную муху.

Может, этого никто бы и не заметил, не будь среди прихожан одной старенькой бабушки с внучкой. Бабушка-то подслеповата была, а внучка сразу заприметила, что шевелит почему-то губами святой Грамэр. Удивилась она несказанно да и толкает бабушку локтем:

— Бабушка, а бабушка! Гляди, святой-то губами шлепает!

— Помолчи, глупенькая! Сама не знаешь, что языком мелешь,— зашикала на нее бабушка.

Замолчала внучка, однако по-прежнему глаз со святого не сводила... Так и есть: шевелит губами святой!

— Глянь, бабушка...— зашептала она снова.— Ведь и впрямь шлепает он губами...

На этот раз ничего не сказала старушка, а только пригляделась к святому попристальнее. И вдруг показалось ей, будто и впрямь шевелятся у него губы.

— Свят, свят!.. Уж не мерещится ли мне, старой? Дай-ка уколою я его в ногу иголкой...

Подошла она к «Грамэру» поближе, да как кольнет его иголкой! Взвыл тут кузнец от боли, выпрыгнул из ниши и,

пробившись сквозь толпу, помчался домой во всем святом облачении. Увидали прихожане такое удивительное чудо и застыли с раскрытыми ртами: был святой, да сплыл!

А когда очнулись, принялись они перешептываться, переглядываться и перемигиваться. Ну, а что же кюре? Поначалу-то он растерялся, поняв, что не удалась его проделка, и даже рассердился не на шутку. Но сердись не сердись, а выход-то искать надо. И что вы думаете? Все-таки нашел он выход, хитрец!

Оглядел он взволнованных прихожан, прищурился и обрушил на их головы громы небесные. Вспомнил он все их грехи и прегрешения за целые десять лет и объяснил, что убежал святой Грамэр из-за богомерзких их поступков. Притихли тут крестьяне, а кюре и говорит:

— Пропадём мы без его помощи, ежели покинет он нас. Поэтому идемте, братья, его разыскивать, а разыскав, упротим вернуться.

— Идемте, идемте!.. — зашумели прихожане и кинулись к двери.

Но тут вскинул кюре вверх руки и крикнул во весь голос:

— Где же найдем мы тебя, святой Грамэр?

И в ответ послышался певучий тенорок пономаря, притаившегося за алтарем:

— На бобовом поле ищите меня! На бобовом поле!

Бросились прихожане на бобовое поле и в самом деле нашли там статую святого, но, увы, с отбитой рукой.

— А рука-то его куда делась? — робко спросил у кюре какой-то крестьянин.

Посмотрел кюре на крестьянина строго:

— Ну и глуп же ты, братец! — говорит. — Ведь не просто он ушел от нас, а побежал с другими святыми драться, чтоб отстоять вас, грешных, от их нападков. Вот и отбили ему в драке руку. Понятно?..

Что спорить, только глупому это непонятно.

Бирон

Жил да был на свете человек по имени Бирон. Целыми днями разгуливал он по городу в высоком цилиндре. И все ему завидовали, потому что думали, будто сделан его цилиндр из чистого серебра.

Как-то раз пригласил Бирон в трактир двух незнакомых ему щеголей. А надо сказать, что трактирщик этот частенько кормил Бирона в долг и даже ссуживал его деньгами. Ну ладно. Посидели они втроем за столом, пообедали сытно, а когда пришло время с хозяином рассчитываться, снял с головы Бирон свой знаменитый цилиндр и давай его в руке вертеть. Вертит он его, вертит и приговаривает:

— Все сполна заплачено! Все сполна заплачено!

— Все сполна заплачено? Не может того быть! — удивились щеголи.

— Почему же не может? Мой цилиндр уже заплатил за угощение. Если не верите, спросите у хозяина. Верно, хозяин? — обратился Бирон к тому.

— Конечно, верно, — не моргнув глазом, подтвердил его слова трактирщик.

— Вот видите, а вы еще сомневались! — рассмеялся Бирон и вышел на улицу вместе со щеголями.

Перемигнулись те незаметно — не мешало бы, мол, эту штуку купить — и принялись Бирона упрашивать: продай да продай свой цилиндр.

— Нет, нет, друзья, — отнекивался Бирон, — об этом и речи быть не может. Он и сам мне нужен.

— Послушай, Бирон, ну что ты упрямисься! Соглашайся лучше. Мы хорошо тебе заплатим.

— Ох, друзья, до чего ж мне жаль с цилиндром расставаться! — словно расстроившись, захохотал Бирон. — Но так и быть, уступлю его вам по-приятельски за сто пистолей.

Обрадовались щеголи, отдали Бирону сто пистолей не торгуясь и получили взамен цилиндр. Недолго думая решили они на радостях испытать его магическую силу и зашли в соседний трактир. Набрали там разных закусок, наелись на славу и принялись вертеть цилиндр в руках, приговаривая:

— Все сполна заплачено! Все сполна заплачено!

— Что за вздор вы там несете? — насторожился трактирщик. — Заплачено, говорите? А где ж тогда деньги?

— Как где? Ведь цилиндр-то вам все сполна заплатил, — гордо выпятил грудь один из приятелей.

Но не пожелал трактирщик и слушать глупые их побасенки. Схватил он в руки палку и набросился на приятелей. Тут уж хочешь не хочешь, а надо раскошелиться.

Вышли они из трактира и начали бранить Бирона на все корки.

— Надул нас этот Бирон! Ну погоди, мошенник! Устроим мы ему такое веселье, что век не забудет...

И, не сговариваясь, двинулись приятели к дому Бирона.

Заметил их Бирон еще издали и не на шутку встревожился. Но, будучи человеком смекалистым, тут же сообразил, как из беды выпутаться. Уложил он жену на кровать, велел лежать неподвижно и обрызгал ее бычьей кровью.

Ворвались оба приятеля в комнату и видят: лежит на постели мертвая женщина, а рядом с ней стоит Бирон с тросточкой в руке. Глядят приятели на Бирона и ничего в толк не возьмут: что такое происходит? Неужто убил он свою жену? А Бирон легонько стукнул тросточкой свою жену, да и говорит:

— Тросточка-тросточка, оживи мою жену!

Стукнул так трижды, и встала жена. «Ну и чудеса!» — подумали приятели. А жена как ни в чем не бывало за хозяйство принялась.

— Вот это да! — раскрыли рты от изумления приятели. — Хоть объясни нам, Бирон, что здесь приключилось?

— А что там объяснять-то? Самая обычная вещь, — пожевывая, ответил им Бирон. — С полчаса назад разозлила меня жена. Вот я и убил ее, а потом, как сами видели, воскресил этой тросточкой.

Перемигнулись тут приятели: надо бы купить у него тросточку. И после долгих уговоров купили ее за двести золотых пистолей. Порадовались приятели и поспешили в один дом, где утром умер их друг. Подошли они к покойному и начали ударять по нему тросточкой, приговаривая:

— Тросточка-тросточка, оживи нашего друга!

Но сколько ни стучали они тросточкой, сколько ни приговаривали, не ожил их друг. Поняли тогда приятели, что обманул их Бирон и на этот раз, и вне себя от гнева к его дому помчались: надо же за его шутки расквитаться!

А тем временем и Бирон не дремал. Знал он, что не оставят его в покое одураченные приятели. Поэтому тут же сварил себе похлебку, потом выгреб из очага жар, а на горячую золу горшок с булькающей похлебкой поставил. И как раз вовремя! Вломились в дверь приятели и видят: сидит у потухшего очага Бирон и помешивает ложкой булькающую в горшке похлебку. Что за чудеса такие: огня в очаге нет, а похлебка кипит!

Позабыли тут враз приятели все свои обиды и давай попытаться: что это за горшок диковинный? Объяснил им Бирон, что горшок этот и в самом деле диковинный: можно, мол, в нем любую еду без огня сварить. Подивились приятели несказанно и, поторговавшись, купили у Бирона чудо-горшок. Прибежали они к себе, набросали в горшок сырого мяса и, не разжигая огня, над очагом повесили. Долго они ждали, когда мясо сварится, да так и не дождались,

а потом, разбив в сердцах холодный горшок, закричали на всю улицу:

— Смерть Бирону! Смерть!

Примчались они к нему домой, скрутили ему руки, засунули его в мешок и потащили на берег реки, чтоб утопить за дерзкие его проделки. Дотащили они мешок до берега, отдышались, а потом и говорит один из приятелей:

— Ну, а теперь можно его и в воду бросить.

— Бросить-то можно, только вот боязно что-то,— засомневался другой.— Давай-ка для храбрости выпьем по стаканчику в соседней харчевне.

— Что ж, я не против...

Оставили они мешок на берегу, а сами в харчевню побежали. Слышал, конечно, Бирон их разговор и едва ушли они, начал выкрикивать:

— Не хочу я жениться на дочери короля! Не хочу я жениться на дочери короля!

А в это время проходил по берегу со своим стадом погонщик мулов. Услыхал он, что кричит Бирон, подбежал к мешку и спрашивает:

— Эй, приятель, что это ты там кричишь? Неужто ты и впрямь не хочешь на дочке короля жениться?

— Конечно, не хочу. Не пара я ей,— отвечает Бирон.

— Тогда вылезай поскорее из мешка и уступи мне свое место.

— Твоя воля, только мешок развяжи.

Развязал погонщик мешок. Вылез Бирон из мешка, отряхнулся, потом помог влезть в него погонщику мулов и крепко-накрепко завязал веревкой. Сам же прочь пошел, погоняя перед собой стадо мулов.

Вскоре вернулись на берег приятели и вдруг слышат из мешка голос:

— Согласен я жениться на дочери короля!

— Ишь, чего захотел! — рассмеялись приятели.— Лучше уж получи по заслугам!

Схватили они мешок, раскачали и — бултых! — в воду.

— Будь здоров, Бирон!

Наконец-то вздохнули они свободно и обратно домой направились. Шли они неторопливо и все радовались, что избавились от этого ненавистного хитреца. И вдруг... что такое?! Шагает по дороге не кто иной, как Бирон, и погоняет хворостиной стадо жирных мулов. Протерли приятели глаза: уж не наваждение ли это?

Да нет, какое там наваждение! Самый настоящий Бирон!

Но откуда он взялся, коли утопили они его в реке? Разо-

брало тут приятелей любопытство, подбежали они к нему и спрашивают:

— Эй, Бирон, неужто выбрался ты из реки?

— Разве сами не видите? — усмехнулся тот. — Ну, а что бросили вы меня в реку, большое вам спасибо. Ведь в реке-то, оказывается, ярмарка. Вот и купил я там почти даром это стадо. По правде говоря, обошелся мне каждый мул всего по пяти франков.

— А как ты думаешь, товар там еще есть?

— Куда же он денется? Конечно, есть. Только поторопиться надо бы.

— Это ты верно говоришь: поторопиться надо! — воскликнули приятели и недолго думая в реку бросились.

С той поры никто их не видел. Должно быть, и по сей день бродят по ярмарке и мулов подешевле отыскивают.

Солнышко

В далекие-предалекие времена жили в одной деревне муж с женой, и был у них сынок, которого звали Бернардинет. Красивое имя для крестьянского сына, не правда ли? Жили они безбедно и счастливо, да вот надо же было такой беде случиться: умерла у Бернардинета мать. Погоревал отец и вскоре женился снова. Так у Бернардинета появилась мачеха.

Едва переступила она порог дома, как возненавидела Бернардинета безо всякой к тому причины. День и ночь твердила она мужу: мол, сын тебя не любит и не слушается, совсем от рук отбился, пора его проучить, не то вырастет из него настоящей разбойник. Это она про маленького мальчонку-то, совести у нее нет!

Отец долго ее не слушал, но все-таки доняла она его. Однажды вечером уговорились они, что утром отец уведет Бернардинета в лес и там бросит, чтобы поугадать немножко. А через день за ним вернется. Однако Бернардинет не спал и все слышал, о чем говорили отец с мачехой. Выбрался он потихоньку из комнаты, насыпал в карманы пшеничных зерен, а потом опять спать улегся.

Утром разбудил его отец и говорит:

— Вставай, сынок! Пойдешь со мной в лес по дрова.

Вскочил Бернардинет, мигом оделся, и отправились они с отцом в лес. Бернардинет следом за отцом шел и потихоньку бросал на дорогу пшеничные зерна, чтобы потом об-

ратный путь отыскать. Когда забрались они в самую глушь лесную, отец и говорит сыну:

— Ты здесь пока валежник собирай, а я пойду деревья метить, какие мы рубить будем.

— Боязно мне без тебя оставаться,—говорит мальчик.

— Бояться нечего, я вмиг обернусь.

Ушел отец. Ждал его, ждал Бернардинет, да так и не дождался. Когда понял он, что не придет к нему отец, сам решил вернуться, ведь дорогу-то он пшеничными зернами отметил. Повернул он назад, смотрит, а ни одного зернышка на дороге не видно: все птицы поклевали. Сел Бернардинет на землю и горько заплакал.

Но плачь не плачь, а делать что-то надо. Вытер Бернардинет слезы, поднялся с земли и пошел куда глаза глядят. Долго он плутал. Уж и день кончился, когда увидел он вдалеке огонек. Пошел он на огонек и очутился перед большим-большим домом. Таких домов в жизни он не видел.

Постучал Бернардинет в дверь. Вышла на порог великанша, а Бернардинет у нее и спрашивает:

— Не приютите ли вы меня на ночь?

— Заходи, заходи! Мой муж, добрый великан Драк, будет рад познакомиться с тобой. Он очень любит есть маленьких мальчиков, особенно на ужин.

— Ой! — испугался было Бернардинет, но потом подумал, что ночью в лесу он так и так пропадет, и сказал: — А вы научите, где мне спрятаться, и великан Драк меня не заметит.

Великанша впустила Бернардинета в дом и велела спрятаться под кроватью.

А надо вам сказать, что у Драка была дочка, добрая, не чета отцу, и хорошенькая, — видно, не в мать пошла. И звали ее так славно — Солнышко. Пожалела она мальчика и решила ему помочь. Пока мать на кухне стряпала, подкралась Солнышко к кровати и шепнула Бернардинету:

— Вот, возьми-ка крысиный хвостик. Когда отец велит тебе показать ему мизинец, ты покажи этот хвостик.

Ночью ввалился в дом сам людоед Драк и как заревет:

— Чую, человечьим духом пахнет!

А жена ему и говорит:

— Тсс... Сидит здесь под кроватью мальчишка, но слишком уж он тощий. Пусть пока поживет у нас, немножко потолстеет.

— Надо бы поглядеть на него, — проворчал Драк. — Эй, ты, высунь-ка мне свой мизинец!

А Бернардинет показал ему крысиный хвостик, как наказала Солнышко. Принял Драк хвостик за мизинец, и нему-

дрено: в комнате-то горела лишь одна маленькая лампа, да и то тускло. К тому же Драк был подслеповат да и умом большим не отличался.

— Фу! Он и впрямь заморыш! — согласился Драк. — Пусть немножко подкормится.

На заре, когда Драк ушел из дому, Бернардинет стал тайком в путь собираться. Но Солнышко его отговорила:

— Ну куда ты пойдешь, не зная дороги? Только заблудишься в дремучем лесу. Оставайся лучше у нас. Да и мне будет веселее. Научу я тебя играть в разные игры, покажу все потайные места в нашем лесу, буду сказки сказывать. Оставайся! Ну, а отца не бойся, я тебе помогу, если что...

И ведь уговорила она Бернардинета, остался он в доме Драка. Остался-то остался, но на душе у него беспокойно было: а вдруг попадетя он на глаза людоеду?

Так и побежали дни: день за днем, неделя за неделей...

И вот однажды вернулся Драк домой еще засветло и увидел в саду Бернардинета, а рядом с ним свою дочку.

— Неужто это тот самый заморыш? — изумился Драк. — Ну и быстро подрос мальчонка! Слушай, жена, зажарь-ка его мне на завтрак. Ведь отъелся он на славу.

Бросилась тут к отцу Солнышко и говорит:

— Пощади Бернардинета, отец! Он мой друг, мне без него скучно будет.

Покосился Драк на дочку, но ругать не стал, только вот что сказал:

— Ладно, не трону его, но с одним условием: если выполнит он мой приказ.

Позвали Бернардинета, и Драк ему сказал:

— Возьмешь мою большую лопату, выроешь глубокий колодец, и чтоб к вечеру на столе у меня стоял кувшин с прозрачной водой из этого колодца.

Получил Бернардинет от Драка большую лопату, еле поднял ее и пошел колодец рыть. Но только принялся за работу, лопата возьми и сломайся! Драк нарочно подsunул ему ржавую.

В полдень Солнышко говорит матери:

— Хочу я отнести Бернардинету горшочек супа.

— И дался тебе этот мальчишка! — недовольно проворчала великанша, однако горшочек супа дала.

Схватила Солнышко горшочек и побежала к Бернардинету. Видит, сидит он под деревом пригорюнившись.

— Что ты невесел, Бернардинет? — спрашивает Солнышко. — Может, работа не спорится?

— А чему мне веселиться? — отвечает Бернардинет. — Начал я было колодец копать, а лопата — раз! — и сломалась.

— Не огорчайся из-за этого, Бернардинет, я тебе помогу. А сейчас ешь лучше суп и ни о чем не думай.

Когда съел Бернардинет суп, вынула Солнышко из кармана деревянную палочку и, постучав ею о колено, молвила:

— Палочка, палочка, моя выручалочка, пусть появится здесь колодец с прозрачной водой!

И в тот же миг возник перед Бернардинетом колодец с чистой прозрачной водой.

— Вот это да! — обрадовался мальчик. — Это же чудо из чудес!

Весь день они по лесу гуляли, орехи собирали, а под вечер зачерпнул Бернардинет в кувшин холодной воды из колодца и поставил его на стол. Увидел Драк кувшин, усмехнулся и, обернувшись к дочери, погрозил пальцем:

— Ох, Солнышко, Солнышко, не обошлось тут без тебя!

— Что ты, отец! Я здесь совсем ни при чем.

После ужина сказал Драк жене:

— Положи мальчишку спать в маленькой комнате. На ту самую кровать...

А кровать эта была не простая, а кровать-жаровня! Кто-кто, а уж Солнышко об этом хорошо знала и, потихоньку проскользнув в комнату, шепнула Бернардинету:

— Ложись на мое место, а я на этой кровати буду спать. Не страшна она мне!

Так и сделали. А наутро, увидев мальчишку живым и здоровым, удивился Драк, но виду не подал и говорит ему:

— Сегодня возьмешь в сарае виноградные лозы, высадишь их вон на том склоне, а вечером поставишь на стол полное блюдо спелого винограда.

Взял Бернардинет из сарая новую лопату, виноградные лозы и на склон горы ушел. Но, как и накануне, опять сломалась лопата.

«Ах так! — рассердился на Драка Бернардинет. — Нарочно плохую лопату подсовывает! Ну и пусть. Все равно я не управлюсь за день с этой работой, разве только Солнышко мне поможет?»

Забросил он обломки лопаты в кусты и стал ждать-поджидать Солнышко. Пришла она к нему в полдень и говорит:

— Добрый день, Бернардинет!

— Добрый день, Солнышко!

— Опять у тебя не ладится?

— Лопата вот сломалась. Да и все равно, разве мне управиться до вечера с такой работой?

— Не горюй, я выручу тебя из беды. А пока лучше съешь суп,— видишь, я тебе принесла?

И пока Бернардинет ел суп, взяла Солнышко свою волшебную палочку, постучала ею о колени и говорит:

— Палочка, палочка, моя выручалочка, пусть вырастет на склоне горы виноградник!

Не успел Бернардинет глазом моргнуть, как вырос на склоне горы виноградник, усыпанный крупными, спелыми гроздьями винограда. Что ж, дело было сделано, и вечером Бернардинет поставил на стол Драку блюдо золотистого винограда.

— Вижу, вижу, Солнышко, помогла ты мальчишке и на этот раз,— покачал головой Драк, поглядывая на дочку.

— Что ты, отец! Я об этом и знать не знаю.

После ужина Драк поманил пальцем Бернардинета и говорит:

— Иди-ка сейчас спать, а когда под утро я позову тебя, тут же вставай. Понял?

Кивнул головой Бернардинет и пошел спать, а людоед подошел к дочке и сказал сердито:

— Не нравятся мне твои проделки! Не доведут они тебя до добра. Если не хочешь, чтобы хуже было, иди теперь спать, а когда под утро я окликну тебя, тут же вставай. Поняла?

Не иначе что-то задумал великан Драк. Когда ушли Бернардинет и Солнышко, он приказал жене:

— Поутру разведешь огонь, поставишь на очаг котел. По-моему, настало самое время разорвать дружбу моей дочки с этим Бернардинетом. Не нравится она мне! Пора его съесть!

— Что верно, то верно,— согласилась жена.

Так и погиб бы Бернардинет, если б не услышала Солнышко разговор родителей. Подкралась она на цыпочках к кровати своего друга и прошептала ему на ухо:

— Теперь, Бернардинет, бежать надо! Решил отец тебя утром сегодня совсем погубить. Тут палочка-выручалочка не поможет — ведь не имеет она волшебной силы в этом доме. Убежим с тобой вместе! На рассвете спросит у тебя отец: «Какой петух поет?», а ты ответишь: «Красный!» Через час задаст он тебе такой же вопрос, а ты ответишь: «Черный!» Тогда и бежать можно.

Все запомнил Бернардинет и стал назначенного часа ждать. До того ему было страшно в этом большом темном доме, что не сомкнул он глаз всю ночь. Да и какой сон, если жизнь его на волоске висит! И вот, когда заглянул в окна

бледный рассвет, пропел вдалеке петух. Крикнул тут Драк на весь дом:

— Бернардинет, какой петух поет?

— Красный!

И снова воцарилась в доме тишина. Прошел час, и услышал Бернардинет тот же вопрос:

— Бернардинет, какой поет петух?

— Черный! — отозвался мальчик, встал и потихоньку оделся.

А Солнышко уж здесь, рядом.

— Теперь в путь! — шепнул Бернардинет, но Солнышко приложила палец к губам и замотала головой: еще, мол, не время. Взяла она прялку и на свою кровать положила, а на кровать Бернардинета — веретено.

— По моей воле будут они отвечать как надо! — объяснила она Бернардинету.

Потом вылезли они из окошка и, не оглядываясь, побежали в лес, подальше от страшного людоеда.

А Драк, ни о чем не догадываясь, снова через час крикнул:

— Эй, Солнышко, вставай!

— Сейчас встану, — ответила прялка.

— Эй, Бернардинет, вставай!

— Сейчас встану, — отозвалось веретено.

Подождал Драк немного и, не дождавшись их, крикнул еще громче:

— Вставай, противная девчонка!

— Встаю я, встаю!

— Мигом вставай, Бернардинет!

— Встаю я, встаю!

— То-то, — недовольно пробурчал Драк и сладко зевнул.

Прошло еще четверть часа, а Солнышко и Бернардинета все нет и нет. Разозлился Драк, вскочил с постели и бросился в комнату дочери. А кровать-то пустая, лежит на ней вместо дочери прялка! Замер Драк на месте от негодования, рот раскрыл, слова вымолвить не может. Когда же пришел в себя, бросился к Бернардинету. А там вместо мальчишки старое веретено на постели лежит.

Схватился глупый Драк за голову, от ярости клочок волос выдрал, затряс кулаками и завопил на всю округу.

Прибежала жена, увидела пустые постели и так и всплеснула руками:

— Ну и Бернардинет, ну и хитрец! Впрочем, и дочка наша не лучше. А ты-то что стоишь столбом? Догони их скорей и верни домой!

Схватил Драк палицу и вслед за беглецами помчался. А беглецы тем временем далеко уже были. Сами понимаете, что торопились они. Лишь у какого-то озерца передохнуть решили. Солнышко стала маргаритки собирать, а Бернардинет на траву прилег. Через какое-то время глянул он на дорогу да как вдруг подскочит:

— Смотри-ка, Солнышко! Твой отец появился! Пропали мы!

А Солнышко ему в ответ:

— С моей палочкой нечего нам бояться... Палочка, палочка, моя выручалочка, преврати Бернардинета в селезня, а меня — в утку.

Подбежал Драк к озерцу и видит: скользят по зеленоватой воде селезень и утка.

— Куда это они исчезли? Я же сам их видел издали, — пробормотал Драк и, повернувшись к селезню и утке, спросил: — Эй, вы, не видали ли здесь двоих ребят?

А те ему в ответ:

— Кря! Кря! Кря!

— Тьфу, заладили свое дурацкое «кря-кря». От вас и толка не добьешься! — махнул рукой Драк и домой вернулся. Увидала его жена и удивилась:

— А где же Солнышко и Бернардинет? Неужто ты не нашел их?

— Не нашел. Издали я как будто увидел их, но, пока добежал, они как в воду канули. Я уж и селезня с уткой спрашивал, да ничего от них не добился.

— Эх, глупая твоя голова! Ведь это и были они. Беги назад и без них не возвращайся!

Кинулся Драк к озерцу, да напрасно — не было уже на том месте ни селезня, ни уточки. Вскипел тут от гнева Драк, швырнул оземь свою палицу и пошел дальше беглецов разыскивать.

Да разве сыщешь их? Солнышко тем временем обернулась синицей, а Бернардинета превратила в щегла. Отлетели они подальше в лес, уселись на ветках и давай петь — друг с другом переговариваться.

А Драк тоже по этому лесу шел. Устал он и хотел уж было повернуть домой, как вдруг услышал птичьи трели. Остановился он и спрашивает:

— Эй, пичуги лесные, не видали вы двоих ребят?

— Чиу-чиу-сан! Чиу-чиу-сан! — залились трелью птицы.

— Ах bestолоквые! Только и знают свое «чиу-чиу-сан»...

Вернулся он домой, рассказал жене про птиц, а та как набросится на него:

— Дурень ты, дурень! Ведь это они и были! Беги обратно!

Но заупрямился Драк и ни в какую: не пойду, мол, больше, пусть что хотят, то и делают.

Долго препирались муж с женой, но все-таки сдался Драк и нехотя обратно поплелся. Шел он на этот раз не спеша и, конечно, знать не знал, что заметили его Солнышко и Бернардинет еще издали. Тут превратилась Солнышко в мостик, через ручей перекинутый, а Бернардинет — в перила у мостика.

Подошел Драк к ручейку, поднял голову и удивился: ведь хорошо он знал эти места, а мостик с перилами впервые увидел. Долго он смотрел на него и наконец-то сообразил, что это новая хитрость его родной дочки.

— Вот и настиг я вас, беглецы-обманщики! — злобно расхохотался Драк. — Теперь и расплачивайтесь! На этот раз вам от меня не уйти.

Но только хотел Драк за перила ухватиться, как исчезли вмиг и перила и мостик, а на лугу, откуда ни возмись, оказались бык с белым пятном на лбу и зеленая пучеглазая лягушка. Может, и обошлось бы все по-хорошему, если б не обронила Солнышко в ручей свою палочку-выручалочку. За-

метил Драка палочку, выхватил из воды и захохотал пуще прежнего:

— Вот она, палочка-то! Теперь что хочу, то и сделаю с вами! Нет, смерти я вас не предаю, а накажу пострашнее. Ты, Бернардинет, будешь ходить в быках целых десять лет, а потом забудешь свое ясное Солнышко, словно и не было ее на свете. Ты же, дочка, за свое непослушание десять лет и еще один год в лягушках попрыгаешь. Вот так-то!

Сунул он палочку-выручалочку в карман и был таков.

Погоревали тут Бернардинет и Солнышко, но делать нечего — не в их силах было снять с себя заклятье Драка. Почти десять лет провели они вместе на этом лугу и ни разу за это время не разлучались. Лишь однажды, к концу десятого года, решил бык побродить по окрестным густым лесам. Бродил он, бродил да и заблудился. Что ж тут удивительного, такое с кем угодно случается.

Долго он отыскивал знакомый луг, но так и не нашел. А тут и десятый год миновал, и обернулся бык стройным, красивым юношей. Обрадовался Бернардинет, что обрел наконец человеческое обличье, вмиг забыл свою верную подружку и ушел один в далекие, неведомые края.

Очень тосковала лягушка, когда исчез в лесах ее Бернардинет. Но прошел еще год, и превратилась Солнышко из зеленой, пучеглазой лягушки в юную красавицу. Все бы хорошо, да никак не могла забыть Солнышко своего Бернардинета. Тогда-то и отправилась она в те далекие края, где затерялся ее друг. Знать, подсказало ей сердце, куда надо идти.

Много она исходила дорог, во многих городах и селениях побывала, но Бернардинета так и не нашла. Совсем уж отчаялась Солнышко, и вот как-то раз остановилась она возле дома булочника отдохнуть и видит — идет свадебная процессия. Глянула она на жениха да так и обмерла: жених-то не кто иной, как ее Бернардинет.

Едва прошла процессия мимо, опомнилась тут Солнышко, подбежала к булочнице и попросила у нее кусочек теста. Отказала ей булочница: нет, мол, у нее теста, и лишь после слезных просьб нашла все-таки в квашне маленький комочек теста.

Схватила Солнышко тесто, вылепила из него двух крошечных голубей — голубя и голубку — и что-то зашептала над ними.

И вдруг ожили голуби, полетели прямо к жениху и невесте. Летают над их головой, кружат... Вот голубь-то и говорит голубке:

— Гур-гур-гур... Поцелуй меня, голубка.

— Гур-гур-гур... Не поцелую я тебя,— отвечает голубка.— Все равно забудешь ты обо мне, как Бернардинет о своем Солнышке. Вон стоит у ограды его Солнышко, а он ее словно и не видит. Совсем ее забыл!

Услыхал Бернардинет их воркование и тут же все вспомнил. Значит, оказалась любовь сильнее колдовских чар! Оставил Бернардинет невесту и к любимой своей подруге подбежал, крепко обнял ее, усадил на коня и умчались они прочь, неизвестно куда.

Да и не важно, куда они умчались, где жили и что делали. Известно лишь, что с той поры никогда они не разлучались и были счастливы до скончания дней своих.

«Берник, бернак!»

Как-то раз заказал один бедняк сапожнику башмаки и по своей бедности долго не мог с ним расплатиться. Надоело сапожнику напоминать бедняку о долге, вот и говорит он ему:

— Послушай, Жантуанэль, хочешь, я помогу тебе вернуть долг, не заплатив при этом ни единого су?

— Как не хотеть!

— Ну тогда уговоримся так. Должен ты с этой минуты все время молчать и на все вопросы да расспросы отвечать двумя словами: «берник, бернак». И пока я сам не сниму с тебя этого запрета, молчи! Запомнил?

— Конечно, запомнил. Тверди себе одно и то же: «берник, бернак» — вот и все,— обрадованно закивал головой бедняк и пошел к себе домой.

Пришел он, а жена и спрашивает у него ворчливо:

— Где это ты пропадал, голубчик?

— Берник! — смиренно отвечает ей муж.

— Где? — удивилась она.

— Бернак!

— Ой батюшки! Что это с тобой? Уж не рехнулся ли? — всплеснула жена руками.

Но ничего другого, кроме «берник, бернак», она не услышала. Что тут делать? Бросилась она к соседке и давай жаловаться:

— Ой, горе, горе! Сыплются на мою несчастную голову напасти!..

— Что-нибудь неладное случилось? — полюбопытствовала соседка.

— Ну как же! Муж-то мой вроде с ума тронулся.

— Не может того быть! Ведь был он в полном рассудке. Ошиблась ты, наверно.

— Как это ошиблась, ежели разучился он по-человечески разговаривать. Знай себе твердит одно и то же: «берник, бернак!» И ничего другого от него не добьешься! Пойдем к нам, вот и убедишься сама, что не ошиблась я.

Согласилась соседка их навестить — ведь это же целое событие в деревне! Пришла она к Жантуанелю и говорит:

— Доброе здоровьечко, сосед! Как живется-можется?

— Берник!

— Что ты ерунду болтаешь?

— Бернак!

Так и не добилась соседка от Жантуанеля другого ответа.

Решили тогда женщины сходить к приходскому кюре. Может, он излечит несчастного, вернет ему разум?

Прибежала жена Жантуанеля к кюре и — бух! — в ноги:

— Ваше преподобие! Ваше преподобие! Пойдемте скорее к нам домой! Ведь муж-то мой совсем рехнулся!

— Неужто рехнулся? Что-то не верится мне, — усомнился кюре.

— Сами подумайте, ваше преподобие, разве может быть человек в своем уме, коли говорит одно и то же: «берник, бернак»?!

— Вот оно что... Ну, я заветное слово знаю, живо его вылечу! — Господин кюре любил прихвастнуть. — Только это будет стоить десять франков, — добавил он тут же, ибо еще больше, чем прихвастнуть, любил кюре денежки получать.

Вздохнула тяжело бедная женщина, однако согласилась. И вот пришел кюре в дом Жантуанеля и говорит:

— Бог в помощь, Жантуанель!

— Берник! — отвечает Жантуанель.

— Что это ты бормочешь, сын мой?

— Бернак! — отвечает Жантуанель.

Как ни пытался кюре образумить Жантуанеля, ничего путного, кроме этих двух слов, от него не услышал. И вскоре вся округа уже знала, что тронулся умом бедняга Жантуанель.

Вот как-то раз идет кюре по деревне и встречает сапожника.

— Добрый день, ваше преподобие, — поклонился ему сапожник.

— Здравствуй, здравствуй!

— Какие новости в нашем приходе, ваше преподобие?

— Никаких, голубчик, кроме одной. Ты, конечно, знаешь, что рехнулся бедняга Жантуанель?

— Рехнулся? — будто удивился сапожник.
— Ну да, умом тронулся. Только и знает, что твердит: «берник, бернак».
— Ха-ха-ха! Жантуанель такой же сумасшедший, как я или вы, ей-ей!
— Не болтай глупостей, сын мой!
— Какие же это глупости, коли в полном он рассудке!
— Да что ты со мной споришь! Готов об заклад побить-ся, что Жантуанель свихнулся.
— А я говорю — нет! Спорим?
— Давай... На сколько поспорим?
— На десять франков.
— Мало! Давай на пятьдесят, — не удержался господин кюре.

— Идет!

Побившись об заклад, отправились тут же кюре и сапожник к Жантуанелю. Пришли, а сапожник и говорит:

— Здорово, должничок! — И шепчет ему на ухо: — Можешь теперь говорить.

— Уф! — облегченно вздохнул Жантуанель. — Долго что-то не приходил ты ко мне! Думается, что обошлись мне башмаки куда дороже, чем они того стоят.

— Э, пустяки... Лучше спроси, во что они обошлись господину кюре.

Побагровел от досады кюре, швырнул на стол пятьдесят франков и ушел не прощаясь.

А когда узнали в округе, как ловко попался господин кюре, до того все хохотали, что, говорят, даже в Париже слышно было.

Белый дрозд, хромой мул и красавица с золотыми волосами

Жил в городе Труа один купец. Дела у него шли славно, и все бы хорошо, да не было у него детей. И надумал он усыновить мальчика-сироту. Назвали приемыша Франсуа. Родители сразу полюбили мальчика, а на другой год у жены купца родились близнецы, и стал купец отцом троих детей — троих сыновей.

Время летело быстро, и, незаметно как, три сына стали уже взрослыми юношами, а купец, незаметно как, состарил-

ся. Задумался он, кому же свое дело передать? Ведь чтобы торговлю вести, надо смекалку иметь и с людьми умеючи разговаривать, а пуще всего честность блюсти.

Кто же из троих сыновей ему в деле наследует?

Решил купец испытать их. А надо вам сказать, неизвестно почему, но любил он больше своего приемыша Франсуа, — может, потому, что был он и смел, и быстр, и чистосердечен. И все-таки купец хотел поступить по справедливости, а потому ждал случая, чтобы проверить своих сыновей.

Долго ждать не пришлось. Привез ему один заезжий гость интересную весть, что живет в чуждеальной стороне диковинная птица по прозванию Белый дрозд: кто ее пение услышит, тот от всех недугов тут же излечится. А какой недуг хуже старости? И захотелось купцу старость одолеть, а заодно вот и верное испытание для молодых людей.

Позвал он к себе своих сыновей и рассказал им про Белого дрозда. Братья мешкать не стали и тут же собрались в дорогу. Поначалу все трое ехали вместе, но у развилки дороги близнецы распрощались с Франсуа и повернули своих коней в другую сторону: мол, не по пути им с каким-то там приемышем.

Франсуа давно приметил, что недолюбливают его братья, и набиваться им в попутчики не стал, а поехал дальше один и, куда ни приезжал, всюду спрашивал: не видал ли кто чудесную птицу Белого дрозда? Но никто не видал и даже не слышал о ней.

А братья тем временем из города в город переезжали, но не потому, что птицу заветную искали, а в погоне за новыми развлечениями. И постепенно все отцовские денежки, какие щедрый купец дал им на дорогу, растаяли. Своих коней братья-близнецы сразу продали, и теперь им не на чем было даже домой вернуться. Пришлось им по дорогам бродить, попрошайничать.

Долго ездил по свету Франсуа и как-то раз заехал в дремучий лес. У корней могучего дуба увидел он хитрый капкан, а в капкане серого волка. Мечется волк в капкане, а вырваться не может. Пожалел его Франсуа и выпустил на волю.

Ох, не зря ли выпустил Франсуа серого волка на волю? А что, если волк возьмет да съест его? Кто тогда Белого дрозда доброму купцу раздобудет?

Да нет, не зря! О добрых поступках никогда не жалеете. Едва волк вырвался на волю, как хвостом махнул и был таков.

А на другой день повстречал Франсуа в лесу рыжего лисенка.

— Куда путь держишь, Франсуа? — спросил его лисенок. Удивился Франсуа, откуда лисенок знает, как его зовут, но ничего на этот счет не сказал, а поведал ему свою заботу:

— Да вот хожу по свету, ищу Белого дрозда. Кто его пение услышит, тот вмиг от всех недугов излечится: и от старости и от всех болезней. Ты, случайно, не слыхал о таком?

— Как же, как же! — говорит лисенок. — Все знаю. Этот дрозд живет в королевстве Трех Зеленых Холмов. Им правит король, который никогда в жизни не болел, потому что по утрам в его дворце поет-разливается этот самый Белый дрозд. Только путь в королевство Трех Зеленых Холмов далекий и опасный.

— Я не боюсь, — говорит Франсуа. — За Белым дроздом я хоть на край света поеду.

— Тогда слушай...

И лисенок поведал Франсуа, как попасть в королевство Трех Зеленых Холмов.

— А когда доберешься туда, — сказал лисенок, — наймись к королю в работники. Он тебя примет, я знаю. Белого дрозда он держит в клетке, что висит в большом зале. Если дрозд будет в серебряной клетке, ты хватай его — и скорей на коня да в обратный путь. А если в золотой, ты его не трогай. Помни!

Так все Франсуа и сделал. Нашел королевство Трех Зеленых Холмов, нанялся к королю в работники и стал ждать случая, чтобы прокрасться в большой зал, где держали в клетке Белого дрозда. Но вот досада: то стража у дверей в зал всю ночь стоит, а то балы король дает и в зале танцуют до самого рассвета.

Наконец выдалась одна тихая ночь, когда все во дворце заснуло, даже стража, и Франсуа проскользнул незаметно в зал. В окно заглянула луна, и Франсуа увидел в клетке Белого дрозда. В серебряной клетке, вот удача! А рядом висела золотая клетка, пустая.

— Эх, жаль, Белый дрозд в серебряной клетке, — вздохнул Франсуа. — В золотой бы красивей и богаче! Пересажу-ка я его в золотую клетку!

Совсем забыл он наказ рыжего лисенка и пересадил Белого дрозда в золотую клетку. Но только он защелкнул клетку, дрозд вдруг очнулся, встрепенулся, крыльями захлопал и громко запел. Тут стража проснулась и схватила Франсуа. Такой переполох начался, сбежались все придворные и даже сам король.

— Ах ты разбойник! — закричал король. — Хотел моего Белого дрозда украсть? Казнить тебя мало за такое своевольство!

— Что вы, ваше величество, — отвечал, запинаясь, испуганный Франсуа. — Мне только страсть как захотелось полюбоваться, каков он в золотой-то клетке.

— Никак полюбился тебе мой Белый дрозд? — говорит король. — А хочешь, я тебе его подарю? Но только если ты приведешь мне хромого мула, что шагает семимильными шагами. По рукам?

Ударили по рукам. А что оставалось делать бедному Франсуа? И снова он пустился в путь искать хромого мула.

Долго бы он искал, а может, и вовсе не нашел, кабы не повстречался ему опять рыжий лисенок. Франсуа хотел было спрятаться от него, уж очень стыдно ему было, но лисенок его сам окликнул:

— Ну что, Франсуа? Опять в путь-дорогу? Вот не послушался моего совета, теперь пеняй на себя.

— И не говори, — согласился Франсуа. — Сам не знаю, что со мной случилось. Так захотелось мне посадить дрозда в золотую клетку, что обо всем на свете я забыл. А теперь вот должен привести королю хромого мула, не то не видать мне больше Белого дрозда и родного дома.

— За то, что чистосердечно ты во всем признался мне, я тебя еще больше люблю, — сказал лисенок. — И постараюсь еще раз тебе помочь. Только делай все, как я скажу. Хромой мул живет в королевстве Семи Зеленых Холмов. Путь туда далекий и опасный. Когда ты попадешь туда, попросись к королю на службу, в конюхи. Там ты и увидишь хромого мула, что шагает семимильными шагами. Так вот, если будет на нем серебряная сбруя, ты, не мешкая, садись верхом и скачи назад в королевство Трех Зеленых Холмов. А если золотая, ты его не трогай. Запомнил?

И пустился Франсуа опять в далекий путь. Добрался до королевства Семи Зеленых Холмов и нанялся во дворец конюхом. Коням овес задавал, чистил их, холил, а сам все на хромого мула поглядывал, в какой он сбруе — серебряной или золотой? Но мул без всякой сбруи стоял, отдыхал. Совсем истомился Франсуа в ожидании. И вот как-то вечером видит он: надели на мула серебряную сбрую. Значит, пробил заветный час!

Подошел Франсуа к мулу, по холке его потрепал. Мул покосился на него, но не шелохнулся. И вдруг словно что накатило на Франсуа: представил он себе хромого мула в золотой сбруе. До чего ж это, наверное, красиво! И, как на грех, золотая сбруя тут же в конюшне висит, поблескивает. Забыл все на свете Франсуа, сорвал с мула серебряное седло и хотел было надеть вместо него золотое, да мул тут копы-

тами как забьет, во весь голос как заревет. Сбежались в конюшню и конюхи, и придворные, и сам король.

— Ах, злодей! — закричал на Франсуа король. — Ты моего мула надумал украсть? Казнить тебя мало за такое самоуправство!

— А вот и нет, — нашелся что ответить Франсуа, — просто захотелось мне полюбоваться на него в золотой сбруе, только и всего-то.

— Верно, мул мой хорош! И в сбруе и без сбруи. А хочешь, я подарю его тебе? А ты за него привези мне красавицу с золотыми волосами.

— Где же я ее возьму, ваше величество?

— Это уж твое дело! Привезешь красавицу — и мул твой.

И пустился бедный Франсуа опять в путь. Что ж, сам виноват. Зачем лисенка не слушался? Был бы у него теперь хромой мул, поменял бы он мула на Белого дрозда и ехал бы сейчас с Белым дроздом домой.

— Эй, Франсуа, что голову повесил? — услышал он вдруг.

Оглянулся и видит — бежит к нему знакомый лисенок. Так и так, все рассказал ему Франсуа и себя поругать не забыл. За это лисенок его похвалил, а за то, что не послушался, отчитал.

— В последний раз помогу тебе, — сказал лисенок. — Теперь твоя удача в твоих руках: ошибешься — и нет ее, улетит, как Белый дрозд, убежит за семь миль, как хромой мул, и тогда уж ее не поймаешь. — И лисенок рассказал Франсуа, что ему надо делать: — Скачи к синему морю, там посреди моря замок стоит, в нем и живет красавица с золотыми волосами. Стерегут ее злые чудовища. Не одолеть их ни одному герою. Но я дам тебе волшебную палочку, смотри не потеряй ее! Когда прискачешь к синему морю, прислушайся. Если красавица запела грустную песню, стукни три раза палочкой, приговаривая: «Расступись предо мной пучина морская!» Волны расступятся, и ты посуху пройдешь к замку. Ну, а там уж не зевай! Но помни: волшебная палочка тебе поможет, только если ты услышишь, как поет красавица с золотыми волосами, потому что она поет, когда все ее стражи крепко спят. Понял?

Как не понять! Схватил Франсуа волшебную палочку и поскакал к синему морю. Вот так так, и спасибо лисенку не сказал? Что вы, конечно, сказал, только некогда нам на этом задерживаться, нам надо следом за Франсуа спешить к синему морю, где томится в неволе красавица с золотыми

волосами. Ну, как вы думаете, сдержит на этот раз свое обещание Франсуа, послушается рыжего лисенка?

А вот посмотрим!

День и ночь скакал Франсуа к синему морю, и еще день и ночь, и еще много дней и ночей. Наконец увидел он посреди моря скалу, а на скале — мрачный замок. Схватился он за волшебную палочку и...

К счастью, не успел он ударить по земле этой палочкой, как услышал вдруг издали грустную-грустную песню. То пела красавица с золотыми волосами, заточенная в замке посреди моря. Услышал Франсуа песню, вот тут-то и ударил три раза по земле волшебной палочкой, приговаривая:

— Расступись предо мной пучина морская! Расступись предо мной пучина морская! Расступись предо мной пучина морская!

Расступилось пред ним синее море, отхлынули высокие волны, и Франсуа по морскому дну к замку на коне поскакал. Увидала его красавица и несказанно обрадовалась: уж и не чаяла она, что снова на волю вырвется. Протянула она руки к Франсуа, а слова вымолвить не может, боится разбудить страшных чудовищ. Вместо шерсти на спине у чудовищ иглы острые, а из каждой пасти зубы кривые торчат, словно сабли. Но Франсуа на чудовищ и смотреть не стал, подхватил красавицу с золотыми волосами, посадил на коня и к берегу поскакал.

Услыхали чудовища цокот конских копыт, вмиг проснулись и в погоню за Франсуа бросились. Но Франсуа вместе с красавицей уж до берега доскакал. И только конь его на землю ступил, как сомкнулись у них за спиной высокие волны, зашумело, заревело синее море и навек поглотило мрачный замок и всех чудовищ.

Ну, а Франсуа назад в королевство Семи Зеленых Холмов поскакал. И красавица с золотыми волосами, само собой, вместе с ним. Все так хорошо обошлось на этот раз! Но вот странно: чем ближе к цели, тем печальней на душе становилось у Франсуа. Почему же, как думаете?

— Знаю почему! — Вдруг, откуда ни возьмись, на дороге у них снова оказался рыжий лисенок. — Молодец, Франсуа! — сказал он. — На этот раз ты поступил умно. А почему ты грустишь, я знаю. Ты не хочешь расставаться со своей красавицей, ведь верно?

— Верно. Как ты угадал? — удивился Франсуа.

— Ну, угадать — дело нехитрое. А вот как тебе дальше поступать, чтобы и Белого дрозда получить, и мула у себя оставить, и с красавицей не расставаться, тут подумать надо.

И вот что посоветовал лисенок Франсуа:

— Как приедешь ты в королевство Семи Зеленых Холмов да обменяешь златокудрую красавицу на хромого мула, ты попроси у короля разрешение поцеловать красавицу на прощанье. Ведь как-никак это ты спас ее от чудовищ и привез в королевский замок. Король тебе не откажет. А когда принцесса к тебе подойдет, ты вмиг сажай ее на хромого мула и скачи без оглядки. Пока король опомнится, вы уже за семь миль будете.

Франсуа поблагодарил лисенка за добрый совет.

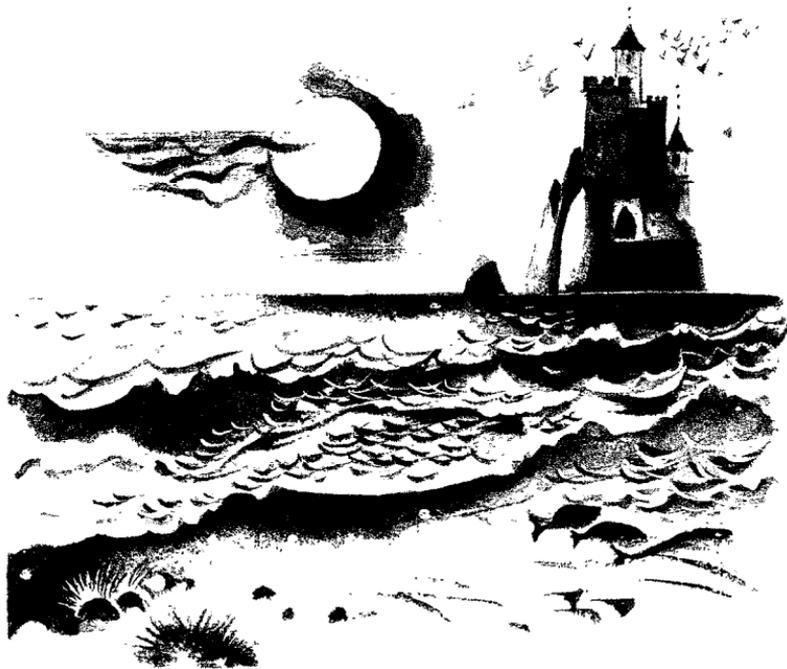
— Спасибо, лисенок, — сказал он, — ты нам верный помощник в любви. Не знаю, как и благодарить тебя.

— Ты меня уже отблагодарил, а как, потом узнаешь.

Поскакал Франсуа со своей возлюбленной во дворец властелина Семи Зеленых Холмов. Как увидел король красавицу с золотыми волосами, так и ахнул — в жизни подобной красавицы не видел! С радостью обменял король хромого мула на златокудрую красавицу и поспешил с Франсуа распрощаться. А Франсуа ему и говорит:

— Дозвольте мне, ваше величество, поцеловать напоследок красавицу. Ведь как-никак, а это я спас ее от страшных чудовищ и к вам во дворец привез.

Только усмехнулся король, перечить не стал. А Франсуа подъехал на хромом муле к красавице, наклонился к ней,

будто хотел поцеловать на прощание, и — хоп! — подхватил ее в седло, и не успел король опомниться, как мул уже семью семь миль проскакал. Так остался владыка Семи Зеленых Холмов в дураках. Что ж, не зевай!

А наши герои той порой неслись к далекому королевству Трех Зеленых Холмов.

— Получайте мула, ваше величество! — сказал Франсуа королю, когда они туда прискакали. — А мне дайте Белого дрозда в серебряной клетке, по уговору.

Но король как увидел красавицу с золотыми волосами, так ни о чем другом слышать не захотел, а твердил только:

— Я тебе Белого дрозда, а ты мне златокудрую красавицу! А не хочешь, уходи! Скачи на своем хромом муле за семь миль.

Вот вам и честное королевское слово!

Но Франсуа спорить не стал, а велел поскорее принести клетку с Белым дроздом. Получил заветного дрозда, сел верхом на хромого мула и говорит:

— Дозвольте мне, ваше величество, поцеловать напоследок красавицу. Ведь как-никак это я спас ее от страшных чудовищ и к вам во дворец привез.

Ну, король нехотя согласился. А Франсуа наклонился к красавице, будто хотел поцеловать ее на прощание, и — хоп! — подхватил ее, посадил перед собой на мула, и не

успел король опомниться, как хромой мул уже семью семь миль проскакал.

Едут Франсуа и красавица лесами и полями, путь домой держат, счастливой своей удаче радуются. Но не рано ли они радуются?

Однажды повстречались им на дороге двое нищих. Попритерев мулу Франсуа, чтобы с ними поговорить, смотрит, — да это его же братья-близнецы. «Да-а, вот как с ними злая судьба посчиталась!» — подивился Франсуа. Сжалось у него сердце от горя, и он окликнул братьев. Те подошли поближе и тут же узнали своего приемного брата.

— Никак, Франсуа! — обрадовались они. — И клетка с Белым дроздом, и красавица с золотыми волосами. Ну и счастливец ты, братец!

А Франсуа увидел, какие они драные, грязные, и не стал их ни о чем расспрашивать: и без того понятно было, что не впрок пошли братьям отцовские денежки. Посадил он их вместе с собой на хромого мула, и поспешили они к родному дому. Невдомек ему было, что снедает братьев-близнецов злая зависть. Подумать только, какой-то там приемный их обскакал и теперь он перед отцом предстанет героем, а сами они навсегда посмешищем останутся, малых детей их именем дразнить будут. Нет, не бывать этому!

И вот, когда проезжали они мимо глубокого колодца, пожаловались братья, что мучит их жажда, и попросили Франсуа принести кувшин воды, чтобы напиться. Отвязал Франсуа от седла кувшин и хотел уж было на землю прыгнуть, да красавица шепнула ему на ухо:

— Не слезай с мула! Не оставляй меня одну с ними!

— Да чего тебе бояться? Это же мои братья! — усмехнулся Франсуа, на землю с мула прыгнул и к колодцу с кувшином направился.

Но братья времени не теряли и следом за ним пошли. Когда склонился Франсуа над колодцем, они подтолкнули его, и полетел Франсуа вниз. Хорошо еще, что не разбился и водой не захлебнулся, только вылезти никак не мог, слишком уж глубокий колодец.

Вернулись братья без Франсуа, вскочили на мула и к отцовскому дому поскакали.

Бедный Франсуа всю ночь в колодце просидел, а наутро туда заглянул... ну кто, как вы думаете? Да, конечно, рыжий лисенок, без него совсем бы пропасть Франсуа. Да и нашей сказке быстро конец бы пришел, кабы не шустрый лисенок, умный советчик и щедрый помощник.

— Как ночь провел в глубоком колодце? — спросил он у Франсуа. — Наверх хочешь выйти?

Как не хотеть! Обрадовался Франсуа, от волнения слова вымолвить не может. А лисенок опустил в колодец свой

длинный рыжий хвост, Франсуа ухватился за кончик и вылез наверх.

— Как мне только благодарить тебя? — спрашивает он лисенка.

— Да ты уже отблагодарил! — говорит лисенок. — Помнишь серого волка, которого ты выпустил из капкана? Так знай, Франсуа, то был мой старший брат. Это он послал меня, чтобы я помог тебе. Вот я и помогал. А теперь ты всю науку жизни прошел, помощь моя тебе больше не нужна, так что давай попрощаемся с тобой. Тебе домой спешить надо!

Что тут было возразить? Чудеса, да и только! Но Франсуа уже привыкать начал к чудесам разным. Подивился он только на редкую волчью благодарность. Вот это и впрямь чудо...

Попрощался он с рыжим лисенком и поспешил домой.

А дома все отец выпытывал у близнецов, что стряслось с их старшим братом, куда он подевался? Но те знай отнекиваются: мол, ничего не знают и не ведают, брат-де давно от них отделился и своей дорогой поехал удачи искать.

Да, вот как отвечали отцу братья-близнецы. А тут, словно гром среди ясного неба, явился домой Франсуа. Купец даже прослезился от радости, а потом поведал ему все новости:

— Знаешь, сынок, и твои братья тоже домой вернулись. Великая удача им выпала! Только не знаю, как и расценить ее. Привезли они с собой Белого дрозда в серебряной клетке, да не поет дрозд, сидит в углу клетки нахохлившись. Еще мула хромого они с собой привели. Мы его и сеном, и овсом кормим, а он все равно бегать не хочет, стоит день-деньской в стойле, копытами бьет и ревет дурным голосом. А на муле том приехала к нам красавица с золотыми волосами. Кто она и откуда, ничего я не знаю, потому что молчит она, слова вымолвить не хочет и есть отказалась. Вот какие славные подарки я получил от моих близнецов.

— Не печалься, отец, кажется, я знаю, как исправить дело. Проводи-ка меня сначала на конюшню.

Как только подошел Франсуа к хрому мулу и погладил его по холке, встрепенулся мул, весело хвостом себя по спине хлопнул. Франсуа сел на него верхом, шепнул на ухо слово заветное, и поскакал мул, вмиг из глаз скрылся, лишь облако пыли за собой оставил. Не успел купец такому чуду подивиться, а мул уж обратно прискакал.

— Да, хромой, а быстрый! — похвалил мула купец.

— Проголодался я что-то с дороги, — говорит Франсуа, — семь миль туда да семь миль обратно мы с ним проскакали в один миг. Неплохо было бы сейчас и отобедать.

Когда сели все за стол, купец попросил пригласить и красавицу с золотыми волосами. Еле уговорили ее выйти к столу; но только она увидела Франсуа, весело рассмеялась и завела с ним разговор. Еще больше подивился купец. А когда

обед кончился, все выщди в сад, где в серебряной клетке сидел, нахохлившись, Белый дрозд. Франсуа пощелкал перед ним пальцами, и тут Белый дрозд встрепенулся и звонко запел. А купец почувствовал себя вдруг молодым и счастливым.

Только одна печаль еще тревожила его сердце: выходит, обманули его сыновья-близнецы. Спросил он своего приемыша Франсуа, как все получилось, но Франсуа не захотел позорить своих братьев, а посоветовал им уйти из отцовского дома куда глаза глядят.

А на другой день в доме купца весело отпраздновали свадьбу Франсуа и красавицы с золотыми волосами. Я сам на их свадьбе был, песни Белого дрозда слышал, и с тех пор ничего у меня не болит и старость меня не берет. Вот и дожил я до наших дней, потому вы и услышали от меня эту историю.

Маленький кочан капусты, который никак не хотел расти

Сидел на грядке кочан капусты и никак не хотел больше расти.

— Эй, Антуанетта! — крикнул хозяин.

— Что вам?

— Пойди полей кочан капусты.

— Очень надо! Лучше я пойду погуляю.

— Собачонка, укуси непослушную Антуанетту за ногу!

— Лучше я буду грызть кость.

— Ветка, отхлестай хорошенько собачонку!

— Лучше я останусь на дереве.

— Огонь, сожги эту ветку!

— Она слишком зеленая: буду только дымить.

— Вода, загаси огонь!

— Лучше я побегу ручейком по цветущему лугу.

— Корова, выпей всю воду из ручейка!

— Не хочу я пить.

— Мясник, зарежь корову!

— Она слишком тощая.

— Смерть, возьми к себе мясника!

— Охотно.

И говорит тогда мясник:

— Сейчас я зарежу корову.

— Лучше я выпью всю воду из ручья, — говорит корова.

— Сию же минуту загашу огонь, — говорит вода.

— Я мигом сожгу зеленую ветку, — говорит огонь.

— Я тут же отхлестаю собачонку, — говорит ветка.

— Я враз укушу непослушную Антуанетту за ногу, — говорит собачонка.

— Сию же минуту полью я маленький кочан капусты! — кричит Антуанетта.

И стал тогда маленький кочан капусты расти и расти...

Плотник из Арля

Жил-был однажды в городе Арль плотник. Любил он свое ремесло до страсти, ну а кроме прочего, был человеком на диво гостеприимным. И вот как-то раз зашли к нему в дом двое странников. Один из них — толстый, с большой бородой, а другой — маленький, тощенький. Как увидал их плотник, так сразу и смекнул, что никакие они не странники. Бородатый — сам Господь Бог, а его спутник — Святой Петр, тот самый, у которого ключи от дверей рая хранятся. Ну ладно. Узнал, значит, их плотник, но виду не показал. А пышнобородый-то к нему подошел и спрашивает:

— Не накормишь ли ты нас, добрый человек?

— С превеликим удовольствием, — отозвался плотник и приготовил для них такой вкусный обед, что после него остались на столе одни пустые тарелки. Насытившись, распустил Бог ремень на животе и спросил у плотника, сколько они должны ему за обед.

— Ни единого су, — ответил плотник. — Ведь даже по одежке видно, что пуст ваш кошелек. Ладно уж, в другой раз сочтемся.

Удивился Бог такой доброте и говорит:

— Коли так, отблагодарим мы тебя иначе. Назови мне три желания, и я непременно их исполню.

Был плотник человеком смекалистым и тут же понял, какой необыкновенный случай ему представился. Задумался он и вдруг слышит, как шепчет ему на ухо Святой Петр:

— Попроси местечко в раю!

Взглянул на него плотник, поморщился и говорит Богу:

— Люблю я в карты перекинуться. Вот бы мне всегда в выигрыше быть!

— Что ж, это дело не хитрое. С этой минуты будешь ты всегда выигрывать. Какое же второе твое желание?

Подтолкнул тут плотника локтем Святой Петр и снова зашептал:

— Не будь дураком! Проси себе местечко в раю!

— Не говори под руку, до рая-то мне еще далеко, — усмехнулся плотник и, отвернувшись от Святого Петра, гово-

рит Богу: — Лежит у меня здесь, в углу, здоровенный тюк полотна. Вот бы сделать так: кто сядет на него, пусть на нем и сидит до тех пор, пока я сам ему встать не разрешу.

— Хорошо, так и будет отныне. Ну, а какое же третье, и последнее, у тебя желание?

Снова задумался плотник, а Святой Петр просто из себя выходит: все толкает да толкает плотника локтем:

— Подумай о рае! Проси себе местечко!

— Погоди, не мешай мне... Вот вам и мое последнее желание. Растет у меня в саду персиковое дерево. И тот, кто залезет на него, пусть там и сидит, пока не разрешу я ему спуститься.

— Что ж, и это желание исполнится. Ну, а теперь спасибо за хлеб-соль и до свидания.

— До свидания, до свидания... — поклонился плотник.

— До свидания, дурень, во грехах погрязший! — буркнул Святой Петр. — Мы еще с тобой встретимся, приятель.

И пошли путники дальше, оставив гостеприимного плотника со своими радостями и заботами.

Пробежали годы, постарел плотник, сгорбился, и однажды пришла к нему в дом госпожа Смерть.

— Ну, плотник, пожил ты немало на белом свете. Теперь в путь-дорогу собирайся, со мной пойдешь.

— Подожди минутку, — попросил плотник, — я только переобуюсь. А ты пока вот на этом тюке посиди. На нем мягко.

— Хм... Так и быть, посижу, отдохну. Только время ты не тьяни!

Уселась Смерть на тюк полотна и ждет. Не прошло и минуты, как предстал перед нею плотник.

— Уже готов? — усмехнулась Смерть. — Что ж, идем!

Хотела Смерть с тюка подняться, да не тут-то было! Рванулась она раз, другой, да все попусту. Так и осталась на тюке сидеть как приклеенная. А плотник руками в бока уперся и знай себе смеется-заливается:

— Попалась, Косая! Так что посиди здесь да поразмысли: к кому надо приходиться. А я тем временем добрым людям помогу: кому дом поставлю, кому сарай построю, кому дверь или раму сделаю... Забот у меня, как видишь, много.

— Пойми, ведь и меня дела ждут! — говорит Смерть.

— Э, твои дела не спешные, могут и подождать, — махнул рукой плотник.

Поняв, что не собирается старик ее отпускать, взмолилась тут Смерть:

— Отпусти меня, миленький! Не помешаю я тебе твоим плотничьим ремеслом заниматься. Уж поверь мне!

— Ну хорошо, отпущу я тебя на все четыре стороны при одном только условии: раньше, чем через сто лет, ко мне и не являйся.

Вздыхнула Смерть — жаль ведь упускать плотника! — но все-таки согласилась. Разрешил ей тут плотник встать с тюка. Вскочила Смерть и умчалась без оглядки.

Прошло сто лет, и снова пришла Смерть к плотнику.

— Здорово, приятель! — расплылась она в улыбке. — Я за тобой, пора и честь знать!

— А, это ты, Косая! Я мигом соберусь, а ты пока вон на то дерево полезай и полакомись сладкими персиками.

— А ведь и верно: хороши у тебя персики!

— Вот и угощайся ими.

Забралась Смерть на дерево и давай лакомиться сочными плодами. Наелась всласть и хотела уже с дерева спуститься, но не тут-то было! Не может она оторваться от ствола, да и только.

Поняла Смерть, что и на этот раз оставил ее в дураках плотник.

— Попалась, Курносая! Вот и сиди на дереве.

— Не с руки мне торчать здесь, на дереве-то. Отпусти меня лучше домой, плотник, а я пока тебя не трону.

— Отпущу, но лишь с одним уговором: подаришь мне еще двести лет жизни, а то не успел я все свои плотничьи дела переделать. Согласна?

— Что ж поделаешь! Согласна.

— Коли так, поклянись, что не явишься ты ко мне раньше срока.

— Клянусь, будь ты неладен!

— Ладно, слезай тогда с дерева и убирайся прочь! Придешь теперь через двести лет.

— Уж к кому-кому, а к тебе-то непременно наведаюсь, — пробурчала Смерть и тут же исчезла.

Прошло двести лет, и снова припожаловала Косая к плотнику. Однако, чтоб не попасть впросак и на этот раз, пришла к нему ночью. Схватила спящего плотника и потащила его напрямиком в рай.

Но в рай плотник не попал. Едва увидел его Святой Петр, как тут же захлопнул ворота и принялся кричать во весь голос:

— Прочь, нечестивец! Не хотел в свое время место в раю получить, вот и пеняй теперь на себя. Тащи-ка его, Курносая, прямо в ад!

Но вместо ада потащила плотника Смерть сначала в чистилище. И в чистилище его не приняли: не числился он в списках.

Только тогда привела его Смерть в ад. Ну, а в ад, сами знаете, милости просим!

— Заходи, господин плотник, не бойся. Мы всех у себя принимаем,— тут же любезно объяснил ему чертенок, стоявший у ворот на часах.

— Спасибо за приглашение, придется мне у вас пожить,— протянул уныло плотник и будто по нечаянности переложил из куртки в жилетный карман новенькую колоду карт. Заметил это чертенок и спрашивает:

— Уж не игрок ли ты?

— Еще бы! На земле-то меня ни в жизнь никто не обыгрывал. Ну, а здесь не до карт, конечно. А жаль!

— Ты небось просто похваляешься, будто всех обыгрывал. Не бывает такого! Врешь ты все, плотник!

— Вру?! Если хочешь знать, могу я обыграть даже самого сатану!

Приволок чертенок плотника к сатане и рассказал ему про его похвальбу. Выслушал сатана чертенка, насутился да как гаркнет на плотника:

— Что такое?! Как смеешь ты похваляться, будто можешь даже меня, сатану, обыграть?

— Не гневайся на меня, господин сатана, но я и впрямь могу тебя обыграть.

— Хм... Смел ты, как я погляжу. Ну давай тогда сыграем. Только на что же ты играть будешь?

— Как видите, нет у меня ничего, кроме души. Вот и поставлю я на кон свою душу. Если выиграете, забирайте душу, а если нет, отпустите меня обратно.

— Ладно, так и сделаем.

И стали они играть. Сначала играли в экарте, потом в марьяж, в три листика, в джокер, и все время сатана в дураках оказывался.

Выиграл плотник последнюю игру, и по уговору выставили его за дверь, а саму дверь на тяжелый засов задвинули: пусть, мол, этот плотник никогда больше на глаза сатане не попадается, а то не миновать ему беды!

Посидел плотник у самой стены ада, отдохнул и двинулся к воротам рая. Пришел, постучал.

— Кто там? — отозвался сонным голосом Святой Петр.— А, это ты опять. Наверно, хитростью удрал из ада? Но напрасно ты сюда явился: места для тебя нет и не будет. Почему ты тогда меня не послушался?

— Откуда же мне было знать, что вы — Святой Петр, — смущенно почесал плотник затылок.— Сжальтесь надо мной, беднягой, позвольте у вас где-нибудь приютиться. Не скитаться же мне в вечности...

— Ну нет, твое место в аду. Как это удалось тебе оттуда вырваться?

Рассказал плотник Святому Петру, как поставил он на кон свою бессмертную душу, как играли они с сатаной, как

обыграл он его и как выгнали его из ада, да еще пригрозили, чтоб никогда обратно не возвращался.

И пока рассказывал плотник, собрались у ворот рая все его обитатели и, слушая веселую болтовню плотника, со смеху покатывались. До того им плотник понравился, что принялись они упрашивать Святого Петра оставить беднягу в раю. Но не согласился с ними Святой Петр и тут же, захлопнув двери, повернул на два оборота тяжелый ключ.

Поглядел плотник на запертые ворота, плюнул с досады и вернулся к себе домой, к своему верстаку.

Там, наверно, и по сей день живет и трудится.

А кто хочет в том убедиться, пусть сам в Арль сходит, найдет там плотника и послушает его веселые истории.

Волшебный свисток и золотые яблоки

Жил да был король с красавицей дочкой, прекрасной, как солнце ясное, но строптивой и своенравной, как все королевские дочки. Когда стукнул ей двадцать один год, задумал король выдать ее замуж. Но кто ни сватался к принцессе, никто ей не нравился. Однако отец-король стоял на своем, и тогда принцесса задумала одну хитрость.

А на хитрые выдумки она была мастерица! Вот и объявила она, что только тот женихом ее станет, кто испытание пройдет.

В назначенный день съехались в замок короля — да что там замок, дворец настоящий! — да, так съехались к королю со всех концов земли женихи богатые, все разнаряженные: кто в шляпе с пером, кто в сапогах с серебряными пряжками, кто в бархатном камзоле с кружевами. На всех украшения золотые и драгоценные. Только собой не очень хороши женихи были. Кто толстопуз, кто косоглаз, один прихрамывает, другой на ногу припадает.

Как увидела их принцесса, со смеху прыснула. А стоял в толпе один пригожий юноша. Да не среди женихов, нет, в толпе зрителей. Был он простой пастух и попал в королевский замок — да что я говорю — замок, дворец настоящий! — совсем случайно, мимоходом зашел.

Вышел он утром рано из дому и повстречал по дороге древнюю старушку с большой вязанкой хвороста. Тяжело было бедной такую ношу тащить, а пастуху тяжесть не в диковинку, и подхватил он у нее вязанку, до самого дома ее

проводил. А там они распрощались, и на память старушка подарила юноше свисток. Обыкновенный деревянный свисток. Таким свистком пастух свое стадо привык созывать да собак скликать.

— Очень ты мне по сердцу пришелся, — сказала ему старушка. — За доброту тебе и моя награда. Если что случится с тобой, только свистни, и вмиг к тебе мои помощники явятся.

Поблагодарил пастух старушку. «Доброго вам здоровья», — сказал и своей дорогой пошел. А свисток в карман сунул и тут же про него забыл — подумаешь, диковинка! Старушкины слова ему просто шуткой показались. Он и сам не прочь был пошутить.

Вот идет пастух по дороге, а его обгоняют и кареты золоченые, и господа нарядные, да и простой люд. Человек сто, наверное, прошло! Да что я — сто, не меньше как двести! И все спешат куда-то. Решил пастух со всеми вместе пойти. Что ж, молодой ведь был, любопытный, как синица, и веселый, как дрозд-пересмешник.

Пришли все в замок, то есть во дворец — во дворец, а не в замок, — а принцесса уже ждет своих женихов и испытание им приготовила, не такое уж и затейливое, а все же. Принесла она в корзинке золотые яблоки — у принцесс всегда про запас золотые яблоки имеются. Как собрались все женихи в зале — человек пятнадцать, наверное; да нет, что я, двадцать, не меньше! — она и кинула им золотое яблочко.

— Кто поймает, тот женихом будет! — сказала она. — Считаю до трех!

Бросила она золотое яблочко, а женихи-то все в разные стороны разбежались: испугались, видно, что зашибет их. Вдруг шишка на макушке вскочит, а то на лбу, всю красоту их попортит! Были ведь они без шляп, нельзя в шляпе перед принцессой оставаться, воспитанные люди так не делают. Да, испугались они и в стороны бросились, друг на друга наталкиваются, спотыкаются, а кто понескладней, и вовсе на полу растянулся.

Принцесса смеется, и все смеются, за животы держатся, а громче других смеется молодой пастух — очень ему шутка принцессы понравилась.

Но вот бросила принцесса второе яблоко. Тут уж женихи не разбежались, все-таки не хотелось им без невесты домой возвращаться. Стали они ловить золотое яблоко, руками машут, друг друга толкают, да только мешают им кружевные манжеты, да одежда тесная, парадная, да каблуки высокие.

Словом, мимо и это яблочко пролетело. А принцесса и довольна, знай себе посмеивается.

Но вот она в третий раз бросила золотое яблочко. Женихи засуетились-замешкались, а пастух — ловкий он парень был — хоп и поймал яблочко! Не думайте, что хотел он на принцессе жениться, пастухи на принцессах не женятся! А все ж поймал яблочко для веселья да на потеху людям.

А принцесса возьми да и подведи его к отцу-королю:
— Вот, ваше величество, жених мой!

Говорил я вам, что своенравна она была, но чтоб такую шутку сыграть, вот уж не ожидал король! Ох и рассердился он!

— Не бывать этому! — вскричал он.

— А ваше слово королевское? — сказала принцесса.

Пришлось королю уступить — нет, не совсем уступить, придумал он для жениха три испытания. Вот если пройдет он эти испытания, тогда уж, что делать, пусть на принцессе женится.

— Есть у меня в зайчатнике сто зайцев, — сказал пастуху король. — Завтра ты пойдешь их в поле пасти, а к вечеру всех домой приведешь. Да чтоб ни один не пропал!

Нелегкое это было задание. С утра пораньше выпустили зайцев из зайчатника на волю, и тут же все они разбежались кто куда. Ну как их соберешь? И вспомнил тогда пастух про деревянный свисток — подарок старушки. Засвистел он в этот свисток, и — о чудо! — с разных сторон к нему сбежались зайцы. Ровно сто зайцев! Обрадовался пастух и давай на свистке этом песенки насвистывать, а зайцы как зачарованные вокруг него кружат, травку пощипывают, но далеко не убегают.

Решил король проведать, как управляется с его заданием самозванный жених, и отправил в поле своего главного министра. Только велел сначала ему переодеться в платье дровосека, чтоб не заподозрил чего пастух.

Вернулся главный министр от пастуха и рассказал королю про невиданное чудо: мол, все зайцы вокруг пастуха пляшут, травку пощипывают, а он знай себе на свистке насвистывает. Очень удивился король и велел своей дочке-принцессе идти к пастуху в поле.

— Делай как знаешь, но уговори ты его продать тебе хоть одного зайца! — приказал король.

Переделась принцесса простой крестьянкой: на ноги сабо деревянные надела, на голову шляпку с цветными лентами, в руки корзину плетеную взяла — и в поле побежала. Очень ей интересно было, кто кого перехитрит: она пастуха или пастух ее.

— Не продашь ли бедной девушке одного зайца? — спросила пастуха принцесса, когда пришла на поле, где он королевских зайцев пас.

— Не продажные они, — сказал пастух. — Так что продать не могу, но заслужить одного можешь, моя красави-

ца.— Он сразу смекнул, что разговаривает с принцессой, а не с простой крестьянкой.

— А как?— обрадовалась принцесса.

— Со мной на травке посиди, один поцелуй мне подари!

Очень рассердилась принцесса, но делать нечего, села рядом с пастухом, посидела, о том о сем они поговорили, время быстро пролетело, и собралась принцесса уходить. Зажмурившись, поцеловала она пастуха, а он ей зайца в корзину положил. Да только не успела принцесса к королевскому замку— ой, что я, ко дворцу королевскому подойти, как пастух в свисток свой засвистел, и заяц тут же из корзины выскочил и в поле убежал.

Ни с чем, стало быть, вернулась к отцу принцесса. А сердиться ей или радоваться, она и сама не знала. Почему, как вы думаете?

Догадались? Ну, а король-то просто в ярость пришел и сам в поле надумал ехать. Переоделся в крестьянское платье и верхом на осле перед пастухом предстал.

— Продай зайца, пастух!— говорит.

— Зайцы мои не продажные,— сказал пастух.— Но заслужить одного можешь!— Узнал короля пастух, потому так и сказал.

— А как?— спросил король.

— Поцелуй три раза хвост своему ослу — и получишь зайца! — нашелся что ответить пастух, парень он был не промах.

Такие шутки шутить с королем, а?

А что ж, хоть король и был настоящим королем, а пришлось ему с осла слезать да три раза его в хвост поцеловать. Потом схватил зайца, сунул в корзинку и без оглядки во дворец поскакал.

Да только не долго заяц в его корзинке сидел: как свистнул пастух, так заяц тут же к нему вернулся. А легко ли королю в дураках-то оставаться? Хвост ослу целовал, да не один раз, а три! И все зря. Одно утешенье: хорошо, хоть не узнал его пастух, так думал король.

На другой день король новое задание придумал пастуху.

— Когда ночь темная настанет, — сказал он пастуху, — ты спустишься в подвал, там в кучу свалено сто мер гороха и сто мер чечевицы. До утра ты их на две равные кучи и разделишь. В одной чтоб горох был, а в другой чечевица.

Вот это задание! Лишь в затылке почесал пастух. Пошутил разок с королем и с принцессой, да пора, видно, и честь знать.

Что ж, никто его и не просил золотые яблоки ловить!

А все-таки, когда ночь пришла, вместо того чтобы спать лечь, как то положено, спустился пастух в подвал и — была не была! — посвистел в свой свисток. И тут же, откуда ни возьмись, напоззли из разных щелей муравьи, да жуки, да букашки и, пока пастух спал спокойно, как всем людям положено, разделили они горох и чечевицу на две равные кучи.

Ох и рассердился король, когда поутру их работу увидел! Да виду не подал: стыдно как-то перед пастухом в дураках ходить. Целый день думал король, какое бы еще задание для пастуха придумать. Третье, и последнее! И надумал:

— Ступай в мою королевскую пекарню и съешь весь хлеб, все булки да пирожные! Чтоб утром там пусто было!

Ох, ох, ох... Вы, конечно, можете себе представить, сколько разных разностей напекли на свадьбу королевские пекари — и для гостей, и для господ, для слуг и всех ближайших родственников! Как увидел эти хлебы, да булочки, да пирожные наш пастух, так за голову схватился: с чего же начинать? И начал с того, что засвистел в волшебный свисток.

Вы и сами, видно, догадались, что свисток этот был не простой, а волшебный. Засвистел пастух, и тут же набежали в королевскую пекарню крысы да мыши со всего королевства и живо с хлебом да булками и разными разностями разделались. Ничегошеньки в пекарне не осталось. Пришлось королю смеяться на голодный желудок.

Пришлось бы, кабы ему до смеха было!

— Что ж, все мои задания ты выполнил,— сказал он пастуху.— Можешь забирать принцессу в жены, только окажи мне напоследок небольшую услугу.

Ай да король! Грозился три испытания пастуху сделать, а уж четвертое придумал. Ну, разве это по-королевски?

— Вот наполни-ка мне этот мешок ложью! Наполнишь, и дочка— твоя.

Почесал в затылке пастух: шутка ли, целый мешок лжи! Решил он ко лжи пару истин прибавить, чтобы ложь перевесить, и говорит:

— Ваше величество, велели вы мне поначалу зайцев пастить. И пришла ко мне на лужок принцесса, переодетая крестьянкой. Попросил я ее со мной на травке посидеть, а на прощанье поцеловать разок. И мою просьбу принцесса выполнила в точности, как я вашу.

— Ложь, ложь!— закричал король.

— Ложь так ложь,— согласился пастух.— Стало быть, полмешка полны?— И добавил еще одну истину:— А после принцессы пришел ко мне сам король в крестьянском платье и три раза...

— Хватит! Хватит! Мешок полон!— закричал король.

— А коли полон и принцесса с этим тоже согласна, самое время нам свадьбу сыграть.

Что ж, принцесса не возражала. Может, и тут пастуху волшебный свисток помог? Но чего не знаю, о том не говорю, а только и у меня самого такой свисток был, да потерял я его, вот беда-то!

Майенские мальчишки

Как-то раз шли по дороге майенские мальчишки: мальчишки из деревни Майены. И нашли три золотые монеты. Вот удача!

Только как разделить их? Мальчишек-то было двое, а монет— три. Вот задача!

Думали они да гадали, голову себе сломали, но ничего не придумали и решили посчитаться:

— Раз— моя!

— Два— твоя!

А третья чья? Нет, так не годится.

— Ты да я— это два!

— Я да ты— это три!

А где же раз? Опять не вышло. И решили майенские мальчишки пойти за советом к дядюшке Эрбинáку.

Дядюшка Эрбинак недолго думая одну монетку дал одному мальчишке, другую — другому, а третью себе оставил. Ловко, а?

И пошли майенские мальчишки к себе домой очень довольные.

Золотая голова у дядюшки Эрбинака!

Тс-с, не голова, а сундук. «Золотой сундук» — так прозвали его в деревне. А за что, как вы думаете?

Старый горшок с золотыми экю

В Лэн-о-Буа, что неподалеку от большого города Труа, жил богатый кюре, то есть священник. Почти все земли широкой равнины принадлежали ему. Пастухи пасли там его баранов. И леса на Высоких Холмах тоже были его, и, уж поверьте, дровосекам не приходилось жаловаться, что им не хватает работы. Так что вы и сами, наверное, догадались, что денежки у этого кюре водились, и немалые.

Жить бы ему да радоваться, так нет, подозрительность его одолела. Никому он не доверял и прятал свои деньги в старом горшке, а горшок зарыл на капустных грядках в огороде.

Была у кюре служанка, девушка честная и веселая, и приходил к ней часто в гости один молодой человек — верно, жених ее.

И вот однажды получил кюре новые денежки за проданный лес и решил прибавить их к тем, что лежали в старом горшке на капустной грядке. дождался он темной ночи, разрыл землю в положенном месте, приподнял тяжелую крышку с горшка и... язык прикусил, чтобы не выругаться. Не полагается святым отцам скверными словами выражаться, сами знаете. Но как было не выразиться, коли горшок-то оказался пуст! Не иначе, вор побывал здесь.

Наутро кюре призвал к себе служанку и спросил строго:

— Где твой дружок?

— Уехал утром рано в Труа!

— Пусть вернется, не то хуже будет!

— Никак невозможно, господин кюре. Он по делу уехал. А что случилось?

— А то... то... — замялся кюре, — что пропала у меня с огорода капуста.

— Ох, так бы сразу и сказали! Я вчера вечером ее срезала, чтобы засолить, а то как бы заморозки не начались.

— И твой милый тебе помогал?

— А то как же! Одной мне бы ни за что не управиться. И так мы дотемна в огороде работали, а когда собрались уходить, я еще заметила у забора — в том самом месте, где большая дыра, знаете? — нашего соседа-сапожника. «И что он в такой темноте здесь делает?» — еще подумала я.

— Так, говоришь, сапожника? Позови-ка его ко мне!

«Ах эта проклятая дыра в стене! — подумал кюре. — Верно, через нее сапожник и увидел, как я прячу в горшок деньги, и украл их. Негодяй, ломаного эку мне не оставил!»

Когда сапожник явился, господин кюре его спросил:

— Как дела, сосед?

— Лучше, чем когда бы то ни было! — ответил сапожник.

«Вот наглец!» — подумал кюре, но виду не показал, что сердится, а сказал вежливо так, по-дружески:

— Вот что, друг: нужна мне пара башмаков, крепких и удобных, а то часто мне приходится ходить к господину епископу в Труа. По секрету скажу тебе: доверил он мне прикупить ему в наших краях землицы.

— Будут у вас башмаки! — пообещал сапожник. — Сегодня же примусь за работу.

— Вот спасибо! А может, тебе деньги вперед нужны, чтобы кожи купить? Ты не стесняйся, скажи!

Но кожи у сапожника было много, и через два дня он принес господину кюре башмаки. Никогда у кюре не было такой прочной, удобной и красивой пары! Он быстренько в них обулся и зашагал в город Труа к господину епископу. А может, в какое другое место.

Когда он вернулся, сапожник встретил его у порога и спрашивает:

— Ну как, довольны вы башмаками?

— Как же, премного доволен, я и дороги не заметил.

— А как чувствует себя господин епископ?

— Неплохо, неплохо. Вот дал он мне денег, чтобы купил я для него участок земли получше. — И кюре показал сапожнику увесистый мешок, а что в нем было, кто знает? — Только тсс-с, никому ни слова!

А надо вам сказать, что, пока кюре ходил в Труа или там в какое другое место, сапожник сбежал в огород да положил на место что брал. На другую ночь он решил вернуться и тогда уже забрать все денежки — и господина кюре и епископские. Вот хитрец!

Но на всякого хитреца есть свой хитрец!

В ту же ночь господин кюре побежал к себе на огород, откопал старый горшок и вынул из него свои дорогие денежки. А вместо них положил пучок чертополоха.

На другую ночь сапожник, как и задумал, пошел проведать заветный горшок. И ведь нашел его все на том же месте! Да только денег там было не больше, чем в моем кошельке сейчас. А вместо них вы уж знаете, что он нашел. И хоть есть чертополох он не стал, вид у него был и впрямь ослиный. Или дурацкий, как вам больше нравится.

Жан счастливый

Жил в одной деревушке сирота Жан. Плохо ему жилось, голодно. И решил он однажды в город уйти. Может, там ему улыбнется счастье?

Поначалу нанялся он слугой к одному господину. А господин тот был не кто иной, как сам дьявол. Да откуда было знать про это такому простому деревенскому парню, как Жан?

Службу он нес исправно, платье господину чистил, дом прибирал. А главное, за его конями ходил. Были у хозяина два коня: вороной жеребец и белая кобылица.

Однажды собрался господин в соседний город по делам съездить и говорит своему слуге Жану:

— Уезжаю я, может, на день, может, на два, а может, на неделю, а то и на месяц. Велю я тебе все это время строго выполнять мой приказ: корми вороного коня овсом; а пока он овес будет есть, ты белую кобылицу кнутом стегай. Но не вздумай меня послушаться, а то живым не уйдешь!

Удивился Жан такому приказу, но все же побоялся злого хозяина рассердить, и, когда тот уехал и настал час задавать коням корм, насыпал Жан в кормушку вороного коня овса, а сам за кнут взялся да на белую кобылу как замахнется! И вдруг говорит она ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Жан! Лучше беги скорей от своего хозяина. Знаешь, кто он? Сам дьявол!

Очень удивился Жан, но кобылу не тронул, а засыпал и ей овса. Поев, кобыла сказала:

— Ты пожалел меня, Жан! И я тебе этого ввек не забуду. А сейчас нам надо бежать отсюда. Не верь, что хозяин долго не вернется. Он сегодня же придет, чтобы проверить, как ты выполняешь его приказ, и тогда плохо тебе будет. Садись-ка на меня верхом, да прихвати в дорогу мешок овса, скребницу и мокрую мочалку.

Вскочил Жан верхом на белую кобылицу и был таков.

Вот скачут они и день, и два, а может, неделю, а то и месяц и еще немного, и говорит кобылица:

— Оглянись, Жан, нет ли чего чудного позади?

Оглянулся Жан и видит — ползет за ними черный дым, по земле стелется.

— Дым черный, а больше ничего,— говорит он кобылице.

— Беда! — говорит кобылица.— Значит, пустился дьявол за нами в погоню и сейчас догонит. Брось-ка скорей на землю скребницу!

Бросил Жан на землю скребницу, и тут же позади них вырос лес густой да кустарник колючий. Скачут они дальше. День скачут и два скачут, а может, неделю, а то и месяц и еще немного, и говорит Жану белая кобылица:

— Оглянись, Жан, нет ли чего чудного позади?

Оглянулся Жан и видит, что уже не дым черный ползет за ними, а пламя красное бежит.

— Огонь бежит за нами! — говорит Жан.

— Ох, беда, не отступился дьявол, хочет нас догнать и погубить! Брось скорее на землю мокрую мочалку!

Бросил Жан на землю мокрую мочалку, и тут же разлилась позади них широкая река. Поднялся тут ветер, загуляли по воде волны, вскипела река, из берегов рвется. А белая кобылица вперед скачет. И день скачет, и два, и неделю, а может, и месяц и еще немного. Обернулся Жан — позади ничего.

— Значит, сгинул дьявол,— говорит кобылица.— Теперь мы с тобой свободны, Жан, и можем тут расстаться.

Опечалился Жан: не хотелось ему с белой кобылицей расставаться, да и куда он пойдет в незнакомых краях?

— Не горюй, Жан,— говорит кобылица.— Ты меня от несчастья спас, а я тебе счастье подарю. Иди теперь один по этой дороге, а как дойдешь до графского замка, попросись на службу в помощники к садовнику. А дальше все сам увидишь. Но помни: коли худо тебе будет и помощь моя понадобится, только позови: «Ко мне, белая кобылица!» И я тут же к тебе на помощь приду.

Расстались они, и Жан пошел по дороге один. Пришел в графский замок и нанялся, как сказала белая кобылица, в помощники к графскому садовнику. А у графа дочка была прехорошенькая. Она часто ходила в сад гулять и однажды повстречала там Жана, ну и, конечно, влюбилась в него, а Жан в нее. В сказках всегда так случается, хочешь не хочешь, а какая ж сказка без девицы и доброго молодца?

Да только не по сердцу пришлась любовь эта самому-то графу. Не о таком женихе для своей дочки мечтал сиятельный граф. И подумал он от Жана избавиться. Дал он ему приказ за один день прополоть весь сад и от сухих веток деревьев все очистить. А не очистит, может убираться подобра-поздорову. А сад был большой, конца-краю не видно. И деревьев не счесть, да все яблоки, груши и сливы.

Ушел Жан в дальний конец сада, где кусты да деревья погуще, и крикнул громко:

— Ко мне, белая кобылица!

И тотчас белая кобылица перед ним очутилась, копытом землю бьет, из ноздрей пар вырывается. Поведал ей свою беду бедняга Жан: мол, так и так, жаль ему с графской дочкой расставаться.

— Бывают задачи и потрудней,— сказала ему на то белая кобылица и велела скорей верхом садиться.— Три раза мы с тобой вокруг сада объедем, и смело иди тогда к графу — ни сучка, ни травинки лишней в саду не останется.

Так все и сделал Жан. Подивился граф его ловкости, прогнать не прогнал, порешил новое задание дать, труднее прежнего.

— Коли ты ловкий такой,— сказал он Жану,— сделай так, чтобы все мои деревья к завтрашнему утру снова зацвели. А не сумеешь — значит, плохой ты садовник и можешь тогда уходить куда глаза глядят.

Испугался Жан, что такого задания даже белая кобылица не выполнит: ведь уже глубокая осень стояла, даже первый снег выпал. И все же ушел Жан в дальний конец сада и позвал тихо:

— Ко мне, белая кобылица!

И тотчас белая кобылица пред ним предстала. Пожаловался Жан, какое задание дал ему граф, но и на этот раз белая кобылица ему помогла. Три раза объехали они вокруг сада, и Жан вернулся домой в свою каморку. А наутро взглянул он в окно — вот чудо! Весь сад снова зацвел, и птицы по веткам порхают, поют, словно весна наступила. Все обрадовались новой весне. Все, кроме самого графа: ведь известное дело, — весной не только цветы цветут, но и любовь расцветает. И решил он скорее своей дочке жениха найти, чтобы забыла она садовника Жана.

И вот объявил граф по всем соседним графствам, что собирается выдать замуж свою дочку. А кто хочет ее руки добыть, должен принять участие в турнире. Достанется же она тому, кто ранит самого графа в правую ногу.

Чудное условие, скажете вы? Так ведь требовать, чтобы яблоня расцвела, когда яблоки уже созрели, еще чудней! Но уж, видно, такой человек был этот граф, все он по чудному делал.

И в назначенный день съехались к графскому замку знатные дворяне, графы да виконты, князья да бароны. Каждому хотелось получить в жены такую красавицу, да еще богатую наследницу притом.

Невесело было только самой невесте. Бедная девушка знала, что простому садовнику не позволят на турнире драться. А если б и позволили, где же он коня возьмет и до-

спехи? Неужели придется ей с милым Жаном навсегда расстаться?

И вот затрубили трубы, и все участники турнира выехали на ристалище, чтобы своих коней показать и дорогами доспехами похвастать. У всех кони были хороши, а доспехи еще лучше, да ни один не сумел к графу ближе, чем на длину меча, приблизиться, чтобы ранить его в правую ногу.

«Неужто нет достойного воина, чтобы дочку мою заслужить?» — начинал уж сердиться граф. Как вдруг на ристалище появился новый всадник, только одет он был бедновато да и конь под ним на одну ногу прихрамывал. Всмотрелся в него граф и узнал своего садовника Жана.

— Вон! Вон! — закричал граф. — Не смеет простолюдин на благородном турнире драться!

И все прочие женихи и зрители закричали на него и руками замахали. Пришлось бедному Жану на своей кляче покинуть ристалище.

Однако не прошло и мгновенья, как вырос перед графом новый противник. Конь под ним вороной, глаза у коня огнем горят, грива по ветру развеивается. Сбруя и уздечка на коне из чистого серебра, а доспехи на прекрасном рыцаре из червонного золота. Не успел граф от изумления в себя прийти, как новый рыцарь подъехал к нему на вороном коне и кольнул графа прямо в правую ногу.

На том и турнир закончился. А победитель тут же исчез, никто его больше не видел.

На другой день пригласил граф всех участников турнира на богатый пир. Очень хотелось ему выведать, кто же из благородных дворян его ранил, кому выпало счастье на его красавице дочке жениться? И показал он своим гостям кончик меча, который у него из ноги вынули. У кого сломанный меч и этого кончика не хватает, тот и победитель! Однако не нашлось среди дворян такого счастливица.

Тут во дворе замка вдруг трубы заиграли, и вслед за тем в пиршественную залу вошел — ну, кто бы вы думали? — садовник Жан. Протянул он кончик меча графу и говорит:

— Признаешь ты меня женихом твоей дочери?

— Вон! Вон! — закричал граф.

Но Жан тихонечко позвал:

— Ко мне, белая кобылица!

И тотчас пред ним предстала белая кобылица. Подхватил Жан графскую дочку и вместе с нею ускакал на белой кобылице.

Три раза объехали они вокруг графства, а когда вернулись, сыграли веселую свадьбу.

И это все? — спросите вы.

Все! Чем больше расскажу, тем больше навру. Никто мне денежки не дал, чтоб я вам правду рассказал.

Откуда совы взялись

У подножия холма Сен-Риволэн, где разбежались по равнине деревья, на самом берегу, где дикий кустарник купает свои колючие ветки в быстрых водах реки Блавэ, жили-были старик со старухой. Жили они в жалкой лачуге, прозванной «Крысиный домишко».

Старик рыбачил, а старуха пряла шерсть да вязала. Только не шла к ним удача. То рыба не ловилась, то шерсти не хватало. Вот и приходилось им частенько ложиться спать голодными.

Однажды старик забросил свой невод в самый глубокий омут, и — вот чудо! — приготовила ему на этот раз неблагоприятная судьба приятный подарок: попалась в невод большая-пребольшая рыба. Голова у нее до одного берега достает, а хвост по другому берегу бьет. Ну как одному вытащить такую рыбину? Однако и упустить ее жалко.

«Не каждый день мне такая удача, — подумал старик. — Не отпущу я ее обратно в реку!»

Было у старика старое ружьишко, только пуля девалась куда-то. Вот подхватил старик с земли два крепких желудя и выстрелил в рыбу. Встрепенулась рыба так, что река из берегов вышла; подпрыгнула в воздух, а потом опять в воду упала и биться перестала, и глаза у нее закатились.

Сколько лет на свете прожил старик, а такого чуда не видел!

Побежал он скорее домой звать старуху, чтобы она помогла ему дотащить чудо-рыбу до их «Крысиного домишки». Вернулись они вдвоем на берег, а рыба-то исчезла! Словно ее и не было. А вместо рыбы поднялись со дна речного два дуба, могучие, ветвистые, своими кронами в небеса упираются.

— Вот чудеса! — воскликнул рыбак. — Не иначе, волшебная сила тут вмешалась. Где это видано, чтобы такие дубы в миг один из реки вырастали, а мертвые рыбы в родную стихию уплывали? Сдается мне, не зря тут дубы выросли, это владыка неба нас в гости к себе зовет. Почему бы, жена, тебе и вправду к нему не сходить да не попросить у него того-сего, ну хоть бы хлеба вдосталь да сидра игристого? Ведь ты ему каждый день поклоны кладешь, и он твою просьбу уважит.

— Да что ты, старик, в своем ли уме? В мои-то годы по деревьям лазать!

Но старик уперся на своем: лезь, мол, и лезь, проси хлеба и сидра вволю, он не откажет.

Пришлось старухе на дуб лезть, хоть годочки ее уже были не молодые. С ветки на ветку, но чем выше, тем легче оказалось взбираться. Поднялась она на самое небо, а там перед воротами старик с ключами стоит и дальше ее не пускает.

— Ты куда? — спрашивает.

— К твоему хозяину, — говорит старуха. — У меня к нему дело есть.

— Изложи свое дело мне, я ему передам.

— Э-э, нет, — сказала старуха, — у нас говорят: проси хозяина, а не работника. Коли я в такую высь забралась, так уж самого владыку видеть хочу.

Обиделся привратник, дорогу ей заступил. Слово за слово, и началась у них постыдная перебранка. Один кричит, другая спуску не дает. К счастью, услышал шум сам владыка-хозяин и вышел к ним: ведь не каждый день такой шум-крик на небе случается. Узнал он владелицу «Крысиного домишки» и говорит:

— Не стыдно тебе, старая, с моим помощником препираться?

А старуха ему отвечает:

— Пришла я к тебе, владыка, с великой просьбой. Старые мы с мужем стали, нет сил у нас работать, как прежде, вот и приходится нам ох как туго! Дал бы ты нам хоть хлеба насущного да сидра сладкого, век бы мы тебя благодарить стали.

— Что ж, исполнится твое желание! Будете вы есть и пить досыта, — сказал хозяин неба.

На радостях спустилась старуха вниз с дуба легко, как молоденькая, и скорее к «Крысиному домишке» побежала. Да так и замерла на пороге в изумлении! На столе уж румяный хлеб жаром пышет, в больших бутылках золотистый сидр пенится.

С этого дня в «Крысином домишке» ели досыта, пили допьяна. Но, как говорится, человеку все мало, вот и просит старик свою старуху:

— Все хлеб да хлеб, нет чтоб там сала или мяса нам послать да вина крепкого вместо водицы этой яблочной! Сходила бы ты, старуха, к нашему владыке, поговорила с ним, чтоб отпустил он нам вина крепкого и еды разной. Дорога к нему тебе уже известна.

Что верно, то верно, дорога была известна. Вот и отправилась старуха к хозяину неба, владыке дня ясного. Только на этот раз он встретил ее не так ласково, однако просьбу обещал выполнить. И пошла в «Крысином домишке» веселая жизнь. Только вот беда: изобилие да безделье плохие в жизни советчики. Стало старика тщеславие заедать.

— Хорошо, — говорит он жене, — есть и пить досыта, но ведь я и большего заслуживаю. Сходила бы ты, старуха, к владыке нашему. Так и так, мол, просит тебя мой старик уступить ему свое место на один денек. И всего-то хочу я, чтобы после горьких моих бед и унижений я стал на один день владыкой мира.

Вот ведь до чего додумался хозяин «Крысиного домишки»!

Не успела старуха на первую ветку дуба влезть, как услышала сверху голос владыки:

— Остановись, старая! Знаю я, зачем ты ко мне идешь. Захотелось твоему старику владыкой мира стать? Будь по-вашему, да только с поправочкой. Станете вы владыками, но только ночными. Что верно, то верно, это вы заслужили!

От удивления старуха даже рот открыла и лишь сказала: «Ух!», как тут же превратилась в серую сову.

Увидел ее старик и от удивления тоже ухнул: «Ух!» И в миг совой оборотился. Оставили они свой «Крысиный домишко» и от позора в дупле дуба спрятались.

С тех пор днем они так и сидят в дупле, боятся на свет показаться. Только ночью вылетают и всех пугают — «Ух! Ух!» — владыки ночные.

Вот теперь и вы знаете, откуда совы взялись.

Возвращение Ля Раме

Возвращался капитан Ля Раме. Шагал он по дороге бодро, весело и все радовался, что увидит скоро отчий дом и родную матушку. Пришлось ему на пути через дремучий лес пробираться, и тут, в лесу, повстречал он волка, орла и муравья. Все трое сидели на земле возле убитого ягненка и спорили, как по справедливости разделить добычу. Долго спорили, но так ничего и не решили. В самом деле, если разделить добычу поровну, для волка это маловато, для орла в самый раз, а для муравья слишком много.

Услышал Ля Раме их спор, вышел из-за деревьев да и говорит:

— Ну что, друзья, никак не решите эту простую задачу?

— И не говори, солдат! Никак не придумаем, как нам разойтись по справедливости, — отвечали ему все трое. — Ты вот с войны идешь, многое повидал на своем веку. Может, ты поможешь нам разделить нашу добычу?

Задумался капитан Ля Раме, потом вынул из ножен палаш, взмахнул им и говорит:

— Получай, волк, четыре ноги! Ведь зубы у тебя острые, вмиг перемелешь все кости.

— Верно, верно! — зашумели спорщики.

— А тебе, орел, — костяк! Недаром клюв у тебя крепкий и загнутый!

— Верно, верно! — снова подхватили друзья-спорщики.

— Ну, а ты, муравей, получай голову. Ты же маленький, проворный и без труда всюду проникнешь.

— Верно рассудил! По справедливости!

Рассмеялся Ля Раме:

— Ну, коли остались вы довольны, будьте здоровы, а то я домой спешу.

Хотел Ля Раме уже в путь двинуться, да заслонили ему дорогу новые друзья и говорят:

— Нет, солдат, не отпустим мы тебя с пустыми руками! Ведь, не в пример некоторым людям, хотим мы добром отплатить за твою услугу. Скажи, чем тебя наградить?

— Вашей дружбой! И ничего больше мне от вас не надо. Да что вы в самом деле! — засмеялся Ля Раме.

— Дружбой так дружбой, — обрадовались волк, орел и муравей. — В жизни всякое случиться может. Вдруг тебе когда-нибудь наша помощь понадобится? Тогда знай: стоит тебе только пожелать, и тут же ты превратишься в волка, или в орла, или в муравья — в кого захочешь. Для этого тебе надо лишь крикнуть: «Волк, возьми меня в братья!» Или:

«Орел, возьми меня в братья!» Или: «Муравей, возьми меня в братья!» И тот же миг ты превратишься либо в волка, либо в орла, либо в муравья.

Поблагодарил их Ля Раме и пошел дальше. Шел он, шел и пришел, наконец, в один город. Хотел отдохнуть, повеселиться там, но видит: невеселые все ходят, понурые, говорят-перешептываются о чем-то, на глазах у всех слезы. Удивился Ля Раме и спрашивает у одной древней старушки:

— Что это у вас тут? Уж не случилось ли какого несчастья?

А старушка ему и объясняет:

— Угадал ты, солдатик, у нас и в самом деле беда. Ровно год назад злое чудовище похитило у нас веселую Жаннет, дочку короля. Никому не удалось спасти ее, и завтра чудовище сожрет нашу красавицу, а потом и за другой явится.

— До завтра время еще есть...— задумчиво протянул Ля Раме.— А почему же никто не захотел спасти прекрасную Жаннет из лап чудовища?

— Эх, солдатик, солдатик...— вздохнула старуха.— Многие храбрецы пытались, да поплатились за это жизнью, потому что заперта принцесса в неприступном замке и добраться до него непросто: стоит-то замок на отвесной скале и окружен со всех сторон крепкими стенами. А стережет замок само чудовище. Но убить чудовище никому не удалось, потому что жизнь его в волшебном яйце спрятана.

— Что за яйцо такое?— поинтересовался Ля Раме.

— О, солдатик, яйцо это не простое, а заколдованное. В нем вся сила чудовища. Не страшны ему ни меч, ни стрела, ни огонь, ни вода. Но если разбить яйцо, чудовище подохнет. Многие герои пытались до него добраться, да никто назад не вернулся.

— Однако попробовать можно,— сказал Ля Раме.— Только помоги мне советом.

Рассказала ему старуха, как и где этот замок отыскать и все остальное прочее, и зашагал Ля Раме быстрым солдатским шагом, чтобы поспеть вовремя.

Но как ни спешил он, а время быстрее летело. Скоро понял Ля Раме, что не успеет добраться до замка в нужный час. Вот тогда-то и вспомнил он о своих новых друзьях. «С самого утра все чудеса со мной приключаются,— подумал он.— Может, и новому чуду не миновать?»

И вот крикнул он:

— Орел, хочу стать твоим братом!

И в миг один выросли у него крылья. Взмахнул он ими раз, другой и воспарил ввысь. Летит Ля Раме, вперед смотрит. Видит, вдали замок стоит, башнями облака подпирает.

Подлетел Ля Раме ближе. Вокруг замка стены высокие, неприступные. Но не орлу просить, чтобы подвесные мосты опустили. Перелетел он через толстые стены. А перед входом в замок два страшных пса сидят, огонь из пасти у них вырывается.

— Волк, возьми меня в братья! — вскричал тут Ля Раме, и в миг один в волка обратился.

Расправился волк со злыми сторожами и к дверям замка бросился. Но как через замкнутые двери проникнешь? Пришлось Ля Раме третьего друга на помощь звать:

— Муравей, муравей, возьми меня в братья!

Не успел сказать, как тут же в черного муравья обратился и в замочную скважину пролез. А потом сквозь щели и трещины прямоком в заветный тайник пополз-побежал. Стены в тайнике были толще вала крепостного, а на окнах решетки густые, даже света ясного не видать, хотя брезжил уже рассвет, приближался ясный день. Но кому ясный, а кому последний... И потому спешил муравей. Что ему решетки да стены? Была бы щелочка узкая.

И вот проник муравей в заветный тайник. Посреди большой залы стоял стол высокий, а на столе — ларец золотой.

Пришла пора Ля Раме самому за дело приниматься. Обернулся он снова человеком, схватил свой верный палаш, сбил замок с золотого ларца, а там яйцо — крепкое, крепче камня, и черное, чернее железа.

Разбил Ля Раме яйцо, и потекла из него черная кровь. А как последняя черная капля вытекла, услышал он предсмертный крик злого чудовища.

Вот и весь подвиг славного Ля Раме. Обошел он весь замок и в последней башне на самом верху нашел бедную Жаннет. Она сидела и плакала и к каждому шороху прислушивалась, страшное чудовище ждала. Когда вошел к ней Ля Раме, она глазам своим не поверила.

— Кто ты? — спросила Жаннет чуть дыша.

— Я — капитан Ля Раме. И пришел сюда, чтобы освободить тебя от ~~страшилица~~. Его больше нет, и ты свободна!

Ну, само собой, девушка без памяти влюбилась в отважного Ля Раме. И скоро сыграли свадьбу. А когда Ля Раме сделался королем, он приказал в гербе своего города нарисовать муравья, волка и орла — в память о верных друзьях.

С тех пор у города Бурже такой вот красивый герб.

Исторические
сказки

Посторонись с дороги!

Так вот, дорогой мой сеньор,— знаешь ли ты, что в Андалусии в горных селениях улицы так узки и дома стоят так близко друг к другу, что жители могут поздороваться за руку, не выходя из дому. Они так узки, что прохожий, встретив осла с поклажей, непременно должен уступить дорогу, а большие корзины, навьюченные на бока животных, задевают даже стены домов. К тому же горцы — народ горячий и терпеть не могут, если скотина плетется шагом. Куда там — им надобно непременно скакать во всю прыть, а от этого случается немало несчастий.

Вот почему старый алькальд, староста и судья одного из таких селений, издал строгий приказ, повелевавший каждому, кто гонит скотину по улицам, еще издали кричать: «Посторонись с дороги!» — и кричать так громко, чтобы даже глухой услышал.

Это знал и крестьянин Санчо. Каждый день он гонял своих двух ослов на базар в город и не скупился на палочные удары. Его ослы мчались, как скаковые кони, но зато и Санчо умел кричать громче всех. Он заливался, как соловей, и прохожие, еще за версту услышав его громкое: «Постор-р-ронись с дор-р-роги!», успевали заблаговременно свернуть в сторону и укрыться в безопасном месте.

Однажды вечером Санчо возвращался с базара со своими ослами и вдруг увидел на пути двух женщин. Крестьянки в широких юбках и нарядных кружевных накидках-мантильях, наверное, собрались в гости, но, повстречавшись случайно, вступили в беседу, и беседа была очень горячей. Это была уже не беседа, а настоящий спор, потому что крестьянки размахивали руками и изо всех сил старались перекричать друг друга. Тогда Санчо ударил своих ослов палкой и крикнул так громко, как только мог:

— Постор-р-ронись с дор-р-роги!

Но женщинам было уже не до него. Спор зашел так далеко, что они вцепились друг другу в волосы и не слышали криков Санчо.

Погонщик понял, что дело плохо: еще минута — и случится беда. Тогда закричал он еще раз и крикнул так громко, что, кажется, его услышали бы даже в Севилье. Но и это не помогло. Что должно было случиться, то и случилось. Ослы с разбегу налетели на спорщиц, сбили их с ног и втоптали в дорожную пыль их нарядные кружевные мантильи. Конечно, крестьянки тотчас же вскочили. Позабыв вражду, они набросились на ни в чем не повинного Санчо.

— Бессовестный! — закричали обе разом. — Куда ты гонишь своих ослов? Заставит тебя алькальд расплачиваться за наши платья и кружевные мантильи.

Не теряя времени, они пустились к дому старого алькальда. Но Санчо тоже не стал зевать.

«Если они прибегут раньше меня, то я окажусь виноватым. Если же я поспею первым, то смогу еще оправдаться» — так рассудил Санчо. Он бросил ослов в первом же попавшемся дворе и напрямиком, через чужие сады и заборы, помчался к алькальду. Он успел прибежать раньше крестьянок и чистосердечно рассказал судье все, как было.

Алькальд выслушал крестьянина и, подумав, сказал:

— Помочь тебе не легко, потому что никто не может доказать, что ты действительно предупреждал этих женщин криком, и я могу посоветовать тебе только одно: что бы ни говорили тебе, в чем бы ни обвиняли — молчи. Если даже я сам стану несправедливо винить тебя — тоже молчи. Даже если я прикажу отвести тебя в тюрьму — не говори ни слова. Я хочу, чтобы эти женщины приняли тебя за глухонемого. В этом одном твое спасение.

Так сказал алькальд. Он вызвал двух стражников-альгвасилов и приказал отвести крестьянина в подвал, где ожидали суда провинившиеся.

Он сделал это как раз вовремя, потому что тотчас же в дом ворвались разгневанные женщины. Они закричали наперебой, что два осла сбили их с ног, порвали платье и потоптали нарядные кружевные накидки. А третий осел даже не потрудился предупредить их криком; он нарушил приказ алькальда и должен купить им новые мантильи.

Алькальд ударил в ладоши, и альгвасилы ввели печального Санчо.

— Крестьянин Санчо, разве ты не знаешь моего строгого приказа? Почему ты не кричал: «Посторонись с дороги», когда гнал своих ослов через селение? — строго спросил алькальд.

Но Санчо не вымолвил в ответ ни слова — он молчал. Тогда алькальд рассердился. Он закричал:

— Отвечай же!

Но крестьянин продолжал молчать.

Алькальд пригрозил:

— Если ты будешь насмехаться надо мной, я отправлю тебя в тюрьму!

Но и на эти грозные слова крестьянин ничего не ответил.

Тогда алькальд взял лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу, будто бы собираясь писать приговор, но, подумав, отложил бумагу в сторону. Пожав плечами, он сказал жалобщицам:

— Почтенные женщины, мне кажется, что я не могу судить этого человека. Вы видите — он глухонемой и за поштупки свои не отвечает.

Такое решение очень не понравилось крестьянкам. Они поняли, что не получают с «глухонемого» ни песеты за свои порванные мантильи, и закричали разом:

— Это он-то глухонемой? Да этот плут просто смеется над вами, ваша милость! Небось у него хватило глотки, чтобы орать на всю улицу: «Посторонись с дороги! Посторонись с дороги!», и он кричал так громко, что дай бог всякому!

Тогда алькальд рассмеялся и сказал:

— Ступайте-ка по домам, красавицы. Вы поняли, что вы только что мне сказали? Вы показали сами, что Санчо выполнил мой приказ и предупреждал вас криком, да таким, что дай бог всякому! Придется уж вам самим чинить ваши нарядные кружевные мантильи.

Пристыженные женщины удалились, а судья приказал альгвасилам отпустить крестьянина.

Крестьянин и молодые сеньоры

Крестьянин жил в деревне, а король — в столице, в Мадриде. Деревня была далеко от Мадрида, и, конечно, король ничего не слышал о крестьянине. Зато крестьянин знал много про короля.

Он знал, что король живет в огромном дворце, что ест он самые лучшие кушанья, что подают ему их на золоте, что у него множество слуг и все его боятся — не только слуги, даже министры, разодетые в шелк и бархат. «И конечно, этот король ростом с великана! — так думал крестьянин. — Не будь он таким высоким и сильным, почему бы люди стали его бояться!» Одним словом, захотелось крестьянину на короля подивиться, посмотреть на него собственными глазами.

Пришел к жене и сказал:

— Марианна, не пойди ли мне в столицу короля посмотреть? Что ты на это скажешь?

— Я скажу тебе, что ты последний дурень, и не дам денег на дорогу, — рассудительно отвечала жена. — У нас в доме всего три реала, к зиме надо купить и то и другое, а король обойдется и без тебя!

Вот досада! Видит крестьянин — не легко с женой сговориться. А сам думает: «Как бы не так! Ведь я не молод, а до сих пор короля не видал. Если сейчас не схожу в Мадрид, так и не придется мне на короля поглядеть!»

Делать нечего — пустился на хитрость. На другой же день снова пришел к жене, стонет:

— Женушка, зуб болит! К цирюльнику надо бежать: пусть вытащит! — И за щеку рукой держится.

Жена знала, что частенько у мужа болят зубы. Поверила, пожалела:

— Так в чем же дело? Ступай!

— Да цирюльник-то в Мадриде живет!

— В Мадриде?

А муж как повалится на пол, как закричит:

— Ой, не могу терпеть, так больно!

Перепугалась хозяйка:

— Вот тебе три реала. Беги сейчас же, да скорей возвращайся обратно!

Крестьянин схватил деньги — и за дверь.

Идет по дороге, радуется, песни поет. Но мы знаем, что от деревни до столицы не близко. Три дня шел крестьянин, за три дня чуть не все деньги проел: осталось всего-навсего полреала!

Пришел в Мадрид — на площади давка. Народ шумит, кони скачут — чуть с ног не сбили.

— Что такое?

— Король из церкви выходит!

Протискался крестьянин поближе, видит: идут из дверей придворные, министры, советники, а вот и сам король!

— Эвива! Живи много лет! — закричал народ.

А крестьянин даже плюнул с досады:

— Ну и король! Смотреть не на что! И вовсе не великан. Правда, золота на нем навешано много: на груди — золото, на плечах — золото, на шляпе, на рукавах — везде золото, а ростом такой, как все! Эка невидаль! — рассердился крестьянин. — Знал бы — не ломал ноги трое суток.

Есть захотел. Пошел на рынок.

Сосчитал деньги — все карманы обшарил: полреала, и ни одним мораведи больше! А тут и на самом деле зуб разболелся.

Остановился крестьянин против лавки пирожника, а продавец надрывается — во все горло расхваливает свой товар:

— Пирожки печеные,
Сладкие, слоеные.
Вкусней не бывало,
За дюжину — полреала!

Глаза у крестьянина разгорелись:

«Вот это пирожки! Никогда таких не едал! На все деньги бы закупил, да нельзя — зуб болит. Не вытащу зуба — не дойти до деревни, а не поем — тоже ног до дому не дотащишь!»

Так он стоял и думал и все на сдобные пирожки поглядывал, не заметил, как подошли три молодых сеньора. Плащи до пят, шляпы с перьями, одним словом, — знатные господа. Увидали, что стоит человек, во все глаза на еду уставился, решили над ним посмеяться.

— Эй ты, деревня! — закричали ему сеньоры. — Сколько съешь пирожков за один присест?

— Я-то? — отозвался крестьянин, а сам от пирожков глаз не отводит. — Хоть сотню съем!

— Сотню? — удивились сеньоры.

— И еще попрошу!

Как принялись они хохотать:

— Ни за что тебе не поверим. Не съешь тебе сотни!

— Съем! Почему не съешь?

Завязался спор. Крестьянин твердит: съем да съем! А сеньоры — свое: никогда не съешь! Собрался народ. Хохочут, тоже кричат, одни: «Съест!», другие: «Не съест ни за что!»

Наконец говорят сеньоры:

— Об заклад побейся, что съешь. А мы за все пирожки заплатим.

А какой заклад у крестьянина? Вот тут-то он и смекнул, — говорит сеньорам:

— Ладно! Пусть об заклад! А не съем — что хотите со мной делайте. Хотите — побейте, хотите — да что там: ничего для спора не пожалею. Вот зуб, видите, — и показывает им на свой большой зуб. — Не съем сотни — пусть вырвет мне зуб мадридский цирюльник!

— Ешь, начинай! — расхохотались сеньоры. — Быть тебе, дуралей, без зуба!

Толпа расступилась, смотрят: подошел к пирожкам крестьянин, один съел не спеша, за другим тянется.

— Один! — считают сеньоры.

А он уже и другой проглотил.

— Второй! — кричит толпа. — Третий! Четвертый!

А крестьянин времени не теряет — пирожки в рот кладет.

— Десятый! — кричат сеньоры.

— Десятый! — кричит народ.

— Двадцатый!

— Двадцатый!

А крестьянин все ест да ест.

— Да что он — бездонный? — смеются в толпе.

— Двадцать пятый! — считают сеньоры.

Но крестьянин уже наелся. Шутка сказать — двадцать пять пирожков с начинкой съел! А пироги-то один другого больше! Съел и рот рукавом вытер.

— Простите, — сказал, — сеньоры, я проиграл! Не могу сотни съесть.

Что тут было!

— Проиграл! — зашумела толпа.

— Проиграл! — обрадовались сеньоры. — Зовите скорей цирюльника!

А цирюльник уже тут как тут со своими щипцами.

Увидев его, крестьянин скроил такую печальную рожу, что сеньоры еще громче расхохотались.

— Открывай рот! — кричат.

Будто нехотя, открыл рот крестьянин, а цирюльник ухватил за зуб и давай тащить. Цирюльник тащит, крестьянин кричит, а сеньоры смеются. Чем громче кричит, тем веселее смеются. Наконец вытащил зуб цирюльник.

Расплатились сеньоры за пирожки, заплатили и цирюльнику сколько нужно и сказали людям, которые все еще толпились вокруг:

— Видали дурня? За какие-то пирожки он расстался с зубом!

А крестьянин в ответ:

— Ну нет, я совсем не дурень. Не остались ли вы в дураках, уважаемые сеньоры?

— Как ты смеешь?!

— Вы платили за пирожки?

— Платили.

— И цирюльнику заплатили?

— Сполна.

— Вот и спасибо. Ведь зуб-то у меня и в самом деле болел! А теперь я и сыт, и здоров. Избавили вы меня сразу от двух несчастий: от голода и от большого зуба!

Сказал и пошел своей дорогой.

Надвинули шляпы до самых глаз сеньоры и бегом с площади. А им вслед неслись хохот, свист и насмешки.

Маленький галисиец

Там, где волны разбиваются о крутые скалы, в Галисии, на краю испанской земли, жил в маленьком городе мальчик-подросток. Родных у него не было, кроме старшего брата, но брат уехал далеко — в славный город Кадис, где мачты кораблей, словно лес, поднимаются над лазурным морем, а теплый ветер раздувает веселые паруса. Там он таскал с кораблей на берег тяжелые тюки с пряностями и зарабатывал неплохие деньги, а младший брат остался дома и должен был сам искать себе пропитание. Но недаром он родился в Галисии — он был находчив и не знал уныния. Мальчишка стал торговать водой, подслащенной анисом, потому что,

кроме воды, у него не было другого товара, и с утра до вечера на улицах города раздавался его звонкий голос:

— Кому продать? Кто хочет пить?
Кому воды со льдом налить?—

и веселые бедняки и даже знатные кабальеро за стакан прохладной сладкой воды бросали мальчишке медный грошик-сентаво. Но прошли знойные дни, подул с океана холодный ветер, и никто не стал покупать воду у проворного галисийца. Тогда он решил поехать к старшему брату в славный город Кадис — к теплому лазурному морю. Он пришел на пристань и обратился к капитану прекрасного корабля с королевским флагом на мачте.

— Сеньор капитан, — сказал мальчик, — отвезите меня в славный город Кадис, где мачты словно лес поднимаются над волнами, а теплый ветер раздувает веселые паруса.

Капитан сунул руки в карманы своего расшитого золотом камзола и ответил:

— Конечно, я отвезу тебя, если ты заплатишь мне два дублона.

— Но у меня нет ни песеты! — воскликнул мальчик. — Разве ваш корабль недостаточно велик, чтобы отвезти меня подешевле?

Капитан громко расхохотался:

— Не тебе, нищему, плавать под королевским флагом! Пойди поищи себе грязную фелюгу, на которой возят таких, как ты, оборванцев!

Тогда мальчик пошел к капитану старого баркаса с черными продырявленными парусами. Он поклонился и учтиво сказал:

— Сеньор капитан, отвезите меня в славный город Кадис, где мачты словно лес поднимаются над волнами, а теплый ветер раздувает веселые паруса.

— В Кадисе? — Капитан вынул изо рта кривую трубку и проворчал: — Отвезу, ладно, если ты заплатишь мне две песеты.

— Но у меня нет ни сентаво! — воскликнул мальчик. — По-моему, ваш корабль достаточно прекрасен, чтобы отвезти меня бесплатно!

— Ступай шутить в другое место! — рассердился капитан.

Мальчик не растерялся и ответил:

— Сеньор, разве хорошая шутка не стоит дороже денег?

— Прекрати свои песни и ступай прочь! — заревел моряк.

— Вы правы, сеньор,— подхватил галисиец,— песня стоит еще дороже, и я докажу вам это на деле!

— Как же ты это докажешь? — удивился капитан.

— Ах, уважаемый сеньор,— с поклоном ответил мальчишка,— давайте уговоримся: если я спою песню и она вам понравится, вы отвезете меня в Кадис на вашем великолепном фрегате и не спросите с меня ни сентаво!

— Ладно,— ответил капитан, оскалив зубы,— но помни, что я терпеть не могу песен, и если ты не угодишь мне, я выброшу тебя за борт, как собаку.

Мальчик проворно взбежал на борт судна, и вскоре же корабль вышел в открытое море. Он стал прыгать с волны на волну и раскачиваться с боку на бок, а капитан стал собирать плату со всех, кто плыл на его жалкой посудине. Наконец он подошел к галисийцу.

— Плати! — мрачно сказал моряк, но мальчик не протянул ему монеты, а вместо этого звонко запел, в то время как соленые брызги волн с головы до ног обдавали его и всех, находившихся на борту:

— Сеньор капитан, торговаться не стоит:

Ты нас угощаешь соленой водой,

А я угощаю всех сладкой водой,—

Так разве же мы не в расчете с тобой?

Услышав такую песню, матросы громко расхохотались, но суровый капитан даже не улыбнулся.

— Плати, оборванец! — закричал он.— Мне не нравится эта песня!

Мальчишка запел еще веселее, не обращая внимания на волны, которые уже прыгали через борт и заливали ноги и матросам, и путешественникам:

— Напрасно на песню ты сердисься, право,

А мне вот купанье твое не по нраву.

За то, чтобы воду морскую глотать,

Не стоит и медной монетки отдать!

Но капитан даже не дослушал песни.

— Дерзкий мальчишка! — заревел он.— Плати деньги, или я сдержу свое слово и утоплю тебя в море, как собаку!

Тогда мальчик запел третью песню:

— Гроби, сколько хочешь, сеньор забияка:

Не стану я в море тонуть, как собака,—

Уж лучше я руку в карман опущу —

Тебе за дорогу сполна заплачу!

— Вот эта песня мне нравится! — воскликнул капитан и протянул руку за деньгами. Но мальчик отвел его руку и рассмеялся.

— Ловлю на слове, сеньор капитан! Уговор — это уговор. Вам понравилась моя песня, значит, — мы в расчете!

Капитан отвернулся и приказал матросам откачивать воду из своего славного фрегата, а через три дня маленький галисиец прибыл в Кадис, на берег лазурного моря, и встретился со своим любимым братом.

Кто стучит?

Было так: на краю леса, у самой дороги, стояла убогая хижина, сложенная из дикого камня. В этой маленькой хижине жила одинокая женщина. Она была очень стара и очень бедна. И для того, чтобы прокормиться, собирала хворост, вязала его в вязанки и продавала людям, которые жили далеко от леса.

Не было у нее ни детей, ни внуков — не было никого, кто мог бы защитить старушку. А лес-то велик — мало ли что может случиться, мало ли кто придет среди темной ночи! Поэтому уже с вечера, пораньше, запирала она крепко-накрепко и дверь, и окошки.

Однажды ночью разразилась гроза. Старый домишко дрожал от раскатов грома. Проливной дождь барабанил по ветхой кровле. А старушка грелась у очага, прислушиваясь к шуму непогоды.

Вдруг слышит: кто-то стучится в дверь! Женщина вздрогнула: «Кому быть в такую пору?» Тем временем опять постучали, да так сильно, что у старушки затряслись от страха колени. Она подбежала к двери и спросила:

— Кто стучит?

Из-за двери раздался громкий мужской голос:

— Отоприте! Я устал, продрог и промок до рубашки!

— Но кто вы такой?

— Хосе! — назвал свое имя путник.

Но старушка была глуховата и за шумом непогоды не могла расслышать, что ответили ей из-за двери. Старушка переспросила:

— Как вас зовут?

Тогда путник, решив, что хотят услышать его полное имя, крикнул как можно громче:

— Хосе Мария Андрес Флорес Фернандес де ла Фронтера!

Конечно, и вы, друзья, удивились бы, услышав такое длинное имя! Но в Испании нередко дают человеку не одно, а три имени, причем даже у мужчины второе имя может быть женским. А знатные господа к трем именам прибавляют еще две фамилии: фамилию матери и фамилию отца. Путник же был знатным дворянином и к этим двум фамилиям прибавил еще название своего родового замка. Правда, так называют себя только горожане, старушка же, живя постоянно в лесу, уже давно таких длинных имен не слыхала.

Итак, путник крикнул:

— Хосе! Мария! Андрес! Флорес! Фернандес! Де ла Фронтера!

Услышав сразу столько имен, старуха насмерть перепугалась. А тут еще грянул гром, и ей показалось, что целый полк ломится в двери ее убогой хижины.

Она закричала в ответ:

— Э, нет! Моя хижина слишком мала, чтобы впустить столько народу! У меня только два стула. Посажу Хосе и Марию, а куда же сядет Андрес? Посажу Андреса и Хосе — будет в обиде де ла Фронтера. А Фернандес и Флорес, наверное, драчуны и забияки — затеют в хижине потасовку. Куда я денусь, старуха? А ну, ступайте своей дорогой!

И сколько ни стучал путник, не открыла дверей.

Пришлось знатному дворянину всю ночь плестись под дождем по грязной дороге.

Сеньор Скрыга

В горах Кастилии в небольшом городке жили три богатых и знатных сеньора. Один был жаден и скуп, другой — справедлив и очень строг, а третий на весь город славился своей добротой. И никто в городе не называл их по имени — у каждого было свое прозвище. Первого прозвали сеньор Скрыга, второго сеньор Справедливость, а третьего — сеньор Доброта. Вот какие это были сеньоры. Как день и ночь были они непохожи друг на друга!

О Скрыге рассказывали: когда портной снимал с него мерку, то Скрыга втягивал свой живот и сжимал плечи, чтобы меньше денег платить за сукно.

Сеньор Справедливость, как и следует, был городским судьей, алькальдом. Он был так справедлив, что однажды приказал стражникам-альгвасилам арестовать самого себя

и продержат десять дней в темнице за то только, что на десять минут опоздал на судебное заседание.

Но больше всего в городе любили сеньора Доброту, потому что сердце его было мягче воска, он всегда помогал беднякам и раздавал свои деньги каждому, кто их у него попросит.

И все-таки, хоть и были эти три сеньора друг на друга ни капельки не похожи, часто сходились они вместе и даже вместе вели дела. Ведь город был невелик, и, кроме них, не было в нем богатых и знатных людей.

— Как идут дела? — спросили однажды у скупого сеньор Справедливость и сеньор Доброта.

— Очень плохо! — простонал Скряга в ответ. — Уже третий год у нас в Кастилии хорошие урожаи, и за три года я не нажил ни одного песо!

— Но это хорошо для крестьян! — возразили сеньор Справедливость и сеньор Доброта. — Когда у крестьян много хлеба, они богаты!

От этих слов алчный Скряга чуть не заплакал:

— В том-то и дело, что крестьяне третий год живут, не зная горя, а в неурожайные годы они все бежали ко мне занимать деньги. Я давал им займы, а потом получал втрое больше.

— Но это было несправедливо! Но это же было жестоко! — возмутились сеньор Справедливость и сеньор Доброта.

На эти слова жадный Скряга так рассердился, что покраснел до самых ушей и затрясся от гнева.

Доброта пожалел его и стал успокаивать:

— Или вы забыли народную поговорку: если у Педро заведутся денежки, не останутся в обиде и его друзья. Разве не так бывает у добрых людей? Если при общей бедности вы становились богаче, то неужели нет средства разбогатеть, когда вся Кастилия живет в достатке?

— В том-то и дело, что есть! — оживился Скряга. — Но для того, чтобы разбогатеть еще больше, мне нужны шестьдесят тысяч золотых реалов, а у меня на руках только двадцать!

— Но что вы станете делать с такими деньгами?

— Давайте торговать вместе! — предложил скупой. — Каждый из вас вложит в дело по двадцати тысяч, и мы закупим весь хлеб в Кастилии, а потом продадим его в Андалусии, где был плохой урожай и где хлеб очень дорог. Поверьте — каждый из нас будет с прибылью. Один выручит больше, другой меньше, но барыши мы разделим поровну. Через год встретимся в Мадриде, сложим все день-

ги в кучу, и каждый получит третью часть. Увидите, как весело зазвонят денежки в наших карманах!

Конечно, Скряга боялся прогадать. Потому-то он и поставил друзьям такое условие. «Если они выручат больше, чем выручу я, все равно получу не меньше других!»— так думал скупой и ждал, что же ответят ему компаньоны.

Сеньор Справедливость сказал:

— Я готов вам помочь. Ведь те, у кого нет хлеба, его получают. А это справедливо.

— И мне по душе ваше предложение,— отозвался сеньор Доброта.— По-моему, это доброе дело.

Сговорились. Каждый пошел в свою сторону и принялся за дело. «Покупать дешево, продавать дороже — такой всегда бывает торговля»— так думал скупой и ожидал больших бабышей.

Прошел год. Конечно, Скряга раньше всех закончил свои дела: он был опытен в торговых делах и первым явился в Мадрид. Не втрое, в пять раз заработал он на торговле хлебом. У него было уже сто тысяч реалов! «Но сколько же заработали сеньор Справедливость и сеньор-Доброта? Наверное, еще больше!»— волновался скупой и с нетерпением ожидал своих компаньонов.

Он прождал целый месяц, но не дождался и решил сам пойти им навстречу.

В Ла-Манче, в сухой степи, встретил он сеньора Справедливость.

— Какова прибыль?— даже не поздоровавшись, закричал он своему компаньону.

— Как и следует по справедливости,— спокойно ответил тот.

— Но какая же?

— За что купил, за то и продал,— отозвался сеньор Справедливость.— Разве было бы честным наживаться на чужом горе?

Скупой так и ахнул.

— А сеньор Доброта? Вы о нем не слыхали?— закричал он.

— Как же, я встретил его в Деспаньяперрос: он заработал немало денег, а теперь ходит по городам и селениям и раздает их направо и налево, он раздает их каждому, кто у него ни попросит!

Услышав это, сеньор Скряга вскипел от гнева и стал похож на быка в мадридском цирке, готового броситься на торо и пронзить его своими рогами. Он ничего не ответил и побежал разыскивать сеньора Доброту.

«Безрассудный! Он раздаст все деньги, а потом потребует, чтобы мы делились с ним поровну!»— думал Скряга.

Он догнал Доброту в горах. Сеньор Доброта шел над крутым обрывом и напевал веселую песенку, а на боку у него висел совсем пустой кошель.

«Нет, я не стану делиться деньгами с этим дурнем»,— решил скупой. Подкрался к Доброте, схватил его и сбросил в пропасть. После этого он возвратился в Мадрид, где его ожидал уже сеньор Справедливость.

— Но где же сеньор Доброта?— спросил он скупого.

— О нем не стоит и вспоминать!— ответил Скряга.— По своей доброте, а вернее по безрассудству, он остался ни с чем и отказывается от своей доли. Итак, сложим все деньги вместе и разделим их пополам.

— Нет, с этим я не согласен,— разгорячился сеньор Справедливость.— По условию Доброта должен получить столько же, сколько каждый из нас! Только такой дележ будет справедливым!

— Но он сам отказался от своей доли!

— Я этого не слышал!

— Не будьте глупцом!

— Не будьте несправедливым!

Они поспорили. Скрыга выхватил из-за пояса нож-наваху и выколол Справедливости правый глаз. Он убил бы его, если бы Справедливость не обратился в бегство.

Так кончились торговые дела трех именитых сеньоров. А что было дальше?

Сеньор Скрыга растолстел еще больше и стал таким скупым, что, говорят, носит свои сапоги под мышкой, чтобы не изнашивались подошвы. Зато деньги гребет лопатой.

А Справедливость, как и прежде, остался судьей-алькальдом. Правда, как мы уже знаем, у него нет правого глаза, и одним левым он замечает только половину несправедливостей, что творятся вокруг него.

Нет, не сладко живется теперь людям в маленьком городе в горах Кастилии. Часто, часто вспоминают они сеньора Доброту и спрашивают друг у друга:

— А он скоро вернется?

— Скоро ли нас утешит?

— И скоро ли поможет в несчастье?

Они ждут его каждый день и верят, что он вернется не сегодня, так завтра. А если веришь в завтрашний день, то и сегодняшний кажется веселее.

Поющий мешок

В суровых Иберийских горах, где летом солнце обжигает бесплодную землю, а зимою холодный ветер срывает с деревьев листья, в маленькой хижине на самом краю селенья жила бедная женщина. У нее не было никого, кроме единственной дочери, доброй, трудолюбивой девочки. Мать крепко ее любила и подарила дочери то, что было ей всего дороже, — ожерелье из кораллов.

Однажды сказала дочери:

— Возьми кувшин и спустись за водой к источнику, что течет позади селенья. Мы сварим с тобой похлебку из бобов со стручковым перцем.

Так говорила она дочери каждое утро.

Девочка взяла высокий кувшин и проворней серны побегала вниз по крутой горной тропинке. Источник блестел среди камней, как серебряная ниточка. Добежав до воды, девочка сняла с шеи свое ожерелье и положила его на берегу. Она боялась, что ожерелье скатится в воду: ведь это был подарок любимой матери! Потом взяла в руки кувшин, наклонилась к источнику, и вдруг ей показалось, что кто-то на

нее смотрит. Оглянувшись, она увидела нищего. Одетый в лохмотья, с большим мешком на плече, старик сидел у самой воды и пристально смотрел на девочку злыми черными глазами. Девочка так испугалась, что, едва зачерпнув воды, опрометью побежала к дому. Только ступив на порог, она спокойно вздохнула и тут же вспомнила, что позабыла у источника свое любимое коралловое ожерелье.

Нехотя побрела девочка обратно к источнику. Приблизившись, притаилась за большим камнем и увидела, что страшный нищий все еще сидит на том же месте. Как проворная змейка, девочка выскользнула из-за камня, чтобы схватить свое ожерелье, но не успела: старик вскочил, набросился на девочку и затолкал ее в свой мешок.

Взвалив на плечо ношу, он отправился по горным деревням просить милостыню. Старый нищий был очень хитер. Остановившись в первой же деревне, он принялся кричать громким голосом:

— Посмотрите, послушайте! Перед вами великое чудо — поющий мешок! Не жалейте денег, подойдите поближе — убедитесь сами, что он прекрасно поет.

Зеваки сбежались со всей деревни. Еще бы — поющий мешок встретишь не каждый день! А старик, замахнувшись своей толстой дубинкой, обратился к мешку зловецким голосом:

— Пой, мешок! Хорошенько пой! А не станешь петь — отдаешь палки!

Девочка испугалась, что старик ее ударит. Она не посмела послушаться и, чуть не плача, запела дрожащим голосом:

— Я кувшин взяла с собой,
Побежала за водой.
У ручья я потеряла
Ожерелье из коралла.
Мама моя,
Как мне горько без тебя.

Я назад к ручью пошла,
Ожерелья не нашла,
Не нашла, что потеряла,—
Ожерелье из коралла.
Мама моя,
Как мне страшно без тебя.

Все, что было у меня,
Все осталось у ручья,—
С ожерельем из коралла
Я свободу потеряла.
Мама моя,
Пропаду я без тебя.

Девочка пела очень хорошо, и людям нравилось слушать ее пение. Куда бы старик ни пришел, крестьяне подавали ему кто сентаво, кто два, кто пшеничную лепешку, а кто и куриное крылышко. Старик все съедал сам, а девочке не давал ничего, кроме черствых корок. Она сидела в темном мешке и горько плакала.

Так бродил нищий из дома в дом, из селенья в селенье и однажды снова забрел в маленькое местечко в суровых Иберийских горах, где жила бедная женщина, мать несчастной девочки.

— Пой, мешок! — закричал на все селенье старик.

И мешок жалобно запел:

— Мама моя,
Как мне горько без тебя.

Конечно, мать сразу узнала голос своей пропавшей дочери, но не сказала старику ни слова. Она понимала, что силой мешка не отнять, и обратилась к нищему так ласково, как только могла:

— Сеньор нищий, время позднее, а ветер крепчает. Ночью хлынет дождь и размочет все дороги. Переночуйте в моем доме: у меня вы найдете и ночлег и ужин.

Старик согласился и вошел в дом, а мать поставила перед ним на стол все, что было в доме. Не забыла принести и бочонок крепкого сладкого сидра и так напоила нищего, что он вскоре же уснул мертвым сном. Тогда мать развязала мешок и со слезами расцеловала свою несчастную дочь. Она уложила девочку в постель, укутала теплым одеялом и дала ей сухарей в вине. А в мешок посадила кота и собаку.

Рано утром старик проснулся. Он поблагодарил женщину за ночлег, взвалил на плечо мешок и, ничего не подозревая, ушел своей дорогой.

Дойдя до ближайшего селенья, нищий остановился посреди улицы и, как всегда, принялся громко кричать:

— Посмотрите, послушайте! Перед вами великое чудо — поющий мешок!

Когда же собрались крестьяне, он повернулся к мешку и сказал:

— Пой! Если не будешь петь, отведаешь моей палки! Но собака из мешка ответила старику:

— Гав-гав! Старый мошенник!

А кот промяукал:

— Мяу-мяу! Злой обманщик!

Услышав такое пение, крестьяне стали смеяться над нищим. Разъяренный старик решил тут же расправиться с не-

послушной девчонкой. Он развязал мешок, схватил в руку палку и закричал:

— А ну, вылезай!

В ту же минуту из мешка выскочили кот и собака. Собака вцепилась старику в нос, а кот расцарапал щеки. Старик от испуга выронил палку и бросился бежать без оглядки. А крестьяне долго еще смеялись ему вслед.

Правда, этого я не видал, а только слышал от людей, но зато наверное знаю, что бедная женщина до сих пор живет в маленькой хижине в суровых Иберийских горах, живет счастливо и не может нахвалиться на свою добрую трудолюбивую дочку.

Жадный мельник

Жил мельник, скупой и жадный.

Он не был беден, но его мельница обветшала, и на крыльях красовались заплаты. Но не мог же он остановить мельницу для починки, если каждый поворот жерновов приносил ему деньги. И жернова скрипели от зари до зари, растирая зерно в муку, а старый мельник, присматривая за ними, посмеивался и бормотал беспрерывно:

— Ну, мели, мели живее,
Вдруг да я разбогатею.

Уж он-то знал, чего хотел. Он хотел накопить много денег, построить новую мельницу, потом другую и третью — и стать первым богачом в округе.

Одежда его изнасилась, но он не покупал новую. Он кормил семью впроголодь, он боялся истратить лишнее песо и ни днем, ни ночью не давал жерновам передышки.

И вот случилось так, что король, прогуливаясь по полям и рощам, увидал на пригорке старую мельницу. Он приблизился к ней, прислушался и сквозь скрип жерновов услышал невнятное бормотание.

— Ну, мели, мели живее,
Вдруг да я разбогатею,—

твердил старик не переставая.

И король решил осчастливить мельника.

Возвратившись во дворец, он приказал поварам приготовить большой сладкий пирог и запечь в него триста звонких серебряных песо, а это были не малые деньги!

Повара испекли пирог, закатали в него триста серебряных песо, а слуги отнесли мельнику королевский подарок.

Как обрадовались жена и дети, увидав сладкий пирог и притом такой большой.

— Ай да пирог! Сейчас мы его попробуем! — весело закричали они.

Но мельник сказал:

— Тише! Мы не настолько богаты, чтобы лакомиться королевскими пирогами. Пошлем-ка лучше этот пирог нашему куму, альгвасилу. Он благосклонен к нам и кое-что значит в здешней округе. Получив же пирог, он станет к нам еще благосклоннее.

Так решил расчетливый мельник и отослал пирог своему куму, альгвасилу.

Спустя месяц король опять отправился на прогулку. Приблизившись к мельнице, он увидел на крыльях все те же заплаты и сквозь скрип жерновов услышал, что старик по-прежнему бормочет без остановки:

— Ну, мели, мели живее,
Вдруг да я разбогатею.

— Эй, мельник! — окликнул король старика. — Разве ты не получил моего подарка?

Мельник выбежал и упал королю в ноги:

— Сеньор король, это был отменный пирог, но я не настолько богат, чтобы лакомиться королевскими пирогами. Я отослал ваш подарок куму и сделал это не без расчета: мой кум — альгвасил и кое-что значит в здешней округе. Он был всегда благосклонен ко мне, а получив пирог, стал еще благосклоннее.

— Свидетель небо! — воскликнул король. — Я хотел тебя ошастливить и велел запечь в пирог триста звонких серебряных песо, а ты, глупец, отдал их альгвасилу!

Тогда мельник стал рвать на себе волосы, восклицая:

— Расчетливость погубила меня! Я хотел получить благосклонность кума, а потерял целую мельницу, которую без труда построил бы на эти деньги!

— Не печалься, — утешил его король. — У тебя будет не одна, а три мельницы, или власть моя ничего не стоит. Вот тебе мое королевское слово.

Король удалился, а возвратившись во дворец, приказал испечь сладкий пирог вдвое больше первого и запечь в него не триста серебряных песо, а пятьсот золотых дукатов.

Повара испекли пирог вдвое больше первого, запекли в него пятьсот золотых дукатов, а слуги отнесли мельнику королевский подарок.

Прошло три месяца, и король снова отправился на прогулку. Конечно, он захотел узнать, как живет теперь старый мельник. Он приблизился к мельнице и увидел, что на ее крыльях по-прежнему красуются заплата, и сквозь скрип жерновов услышал, как старик не переставая бормочет:

— Ну, мели, мели живее,
Вдруг да я разбогатею!

— Мельник! — рассердился король. — Почему не построил ты себе трех новых мельниц и не стал первым богачом в округе?!

Услышав эти слова, мельник выбежал в своем старом рубище и упал королю в ноги.

— Сеньор король! — прошептал он. — У меня не было ни минуты времени, чтобы заняться постройкой. Не мог же я остановить жернова, если каждый их поворот приносит мне деньги!

— Я вижу, что никакие деньги не принесут тебе счастья и не сделают из скряги умного человека, — ответил король и удалился.

А жадный мельник остался лежать на дороге.

Горшочек меда

Ах, и рассердилась же сеньора лиса, когда сеньор волк напротив ее ветхого домика — даже не домика, а обыкновенной лисьей норы — построил себе новый просторный дворец! Но плутовка была любопытна, и когда сеньор волк пригласил ее в гости — полюбоваться новым домом, тотчас же согласилась.

Хорошо потрудились волк. Были у него и зал, и спальня, даже кухня. Но больше всего пришлась по душе лисе кладовая. Чего только не припас себе волчище! А главное — в кладовой было очень много лакомств: и миндаль, и груши, и винные ягоды.

Лиса была большой сладкоежкой. Она обшарила все углы, обнюхала все припасы и говорит волку:

— Сеньор кум, одного у вас не хватает.

— Чего же?

— Горшочка с медом!

А лисица очень любила мед. Она знала, что слаще меда нет ничего на свете.

— Ты права, — согласился волк.

А как раз в это время под окошком проходил торговец медом. Он напевал:

— Мед пчелиный —
Сладкий мед,
Мед и в сотах
И без сот!

Ах, как понравилась лисе эта песенка. Понравилась и сеньору волку. Заплатил он продавцу полреала. Нацедил ему продавец горшочек сладкого душистого меда. Поставил волк горшочек в кладовую, сказал лисице:

— Ну, кумушка, теперь у меня всего вдоволь. Как будет готов мой дом, полакомимся вместе на новоселье.

— А когда же будешь ты справлять новоселье?

— Очень скоро, но сначала надо покрасить крышу, потом приладить крылечко, а потом сложить ограду из камня...

«Ну, — думает лиса, — не скоро дождусь я меда!» — и решила обмануть сеньора волка.

Пришла на другой же день и сказала:

— Сеньор волчок, я пришла к тебе с большой просьбой. У меня племянничек родился, надо мальчишку проведать, а ты, сделай милость, понянчи моих лисяток, пока я не буду дома. За это принесу я тебе из гостей пирожок с вареньем, большой-пребольшой!

— Кумушка,— взмолился волк,— а я и не знаю, как лисят нянчат!

— Но это же очень просто. Сперва ты их покачаешь, потом споешь песенку. Они заснут,— и не будет у тебя никакой заботы.

Подумал волк, согласился и полез в лисью нору. А лисица никуда не пошла: забралась к волку в новый дом, перерыла всю кладовую — набрала в мешок и груш, и лесных орехов, дотянулась и до горшочка, хоть стоял он на самой верхней полке. Съела добрую часть меда и с мешком побежала в поле. Ну и весело же провела этот вечер лисица: пировала с пастухами, оделила их грушами и орехами, а они угостили ее молоком и жирным овечьим сыром.

А волк сидел в темной норе — непослушных лисят нянчил. Одного укачает — другой плачет, укачает другого — первый проснется. Измучился, пока возвратилась лиса.

— Что ты, кума, так долго?

— Далеко ходила. У ручья была, за миндальной рощей. А сколько гостей собралось! А какой хороший мальчишка!

— Как же племянника назвали?

Лиса запела в ответ:

— Я гуляла, пировала.
Звать племянничка «Начало»!

Волк удивился:

— Никогда не слышал такого имени!

— Еще бы! Это, волчок, старинное имя. Такое не каждый день услышишь.

— А где пирожок с вареньем?

— По дороге скворцы склевали.

Рассердился волк на скворцов, рассердился и на лису:

— Так зачем же я целый вечер в норе сидел, как нянька лисят качал?

Ушел, даже не попрощался. Пошел крышу красить.

Но вскоре лисе снова захотелось отведать сладкого меда. Опять пришла к волку.

— Сеньор волк, сделай милость: племянница у меня родилась, бегу девочку проведать. Понянчи моих лисят, пока меня не будет дома.

— А пирожков принесешь?

— Два принесу!

Полез глупый волк в лисью нору,— весь вечер лисят качал. Уж очень хотелось ему пирожков поесть. А лиса опять в кладовой побывала, полгоршочка меда съела и с пастухами попировала. Вернулась поздно.

— Наконец-то! — встретил ее волк.— Ну, как назвали девочку?

Лиса запела в ответ:

— Не девчонка, а картинка.
Звать девчонку «Половинка»!

Удивился волк:

— Нет такого имени!

Плутовка ответила:

— Это самое новомодное имя: его недавно придумали.

— Давай пирожки!

— По дороге щеглы склевали!

Еще больше рассердился волк. Пошел строить крылечко.

А через день лиса опять к волку с просьбой:

— Понянчи лисят.

— А кто родился? Девочка или мальчик?

— Племянник! Непременно надо проведать! Уж столько пирогов тебе принесу — целый мешок!

Сказала, даже мешок показала.

— Обманешь?

— Нет!

Снова поверил лисе глупый волк, полез в нору лисят качать. А лиса-плутовка, как и прежде, забралась к волку в кладовую — весь мед без остатка съела, у пастухов побывала, с пастухами попировала. Возвратилась домой еще позже.

— Как дела, нянюшка?

Волк зарычал:

— Говори, как называли ребенка, давай мешок с пирогами да спать скорее ложись, — уже полночь!

— Мне, голубчик, не до сна!
Звать племянничка «До дна!» —

запела лиса.

— Ну и глупое имя!

— Зато сладкое. Слаще я не слыхала.

— А пироги? Опять по дороге птицы склевали?

— Да нет, у кондитера развалилась печь, и все твои пироги сгорели!

— Обманщица! — зарычал волк. — Никогда больше к тебе не приду! — Выскочил из норы и побежал домой — из камней стену складывать.

Прошло время. Неплохо отстроил дом волчок. Крыша выкрашена, крыльцо выстроено, стена сложена — высокая, крепкая, калитка заперта на замок: не зовет хозяин лисицу на новоселье.

Плутовка стучится в калитку:

— Не пора ли слово сдержать, сеньор, — пригласить соседку в гости?

Волк из-за стены отвечает:

— Сказал — не приду к тебе, и ты ко мне не ходи.

— Ладно, ладно,— отвечает лиса.— Звать станешь — и то не приду. Скажи только — крышу-то ты покрасил?

— Покрасил.

— И крыльцо построил?

— Построил.

— И стену сложил из камня?

— И стену сложил, и калитку запер, чтобы ты, лиса, ко мне не ходила!

— А калитка-то открывается?

— Открывается.

— А хорошо ли она открывается?

— Отлично.

— А ты покажи.

Стал волк открывать калитку, а лиса — шмыг и уже на крыльце.

— Принимай, хозяин, гостей!

Увидал волк — не отделаться ему от незваной гостьи: по неволе повел лису в дом, угостил обедом. Накормил досыта, достал с верхней полки горшочек с медом, на стол поставил, крышку открыл да так и замер от удивления: нет ничего в горшочке!

— А где же мед? Уж не ты ли съела его, кума? То «начало», то «половинку», а потом и «до дна» все выскребла! Теперь я знаю, откуда взялись у тебя племяннички!

— Обжора! Лакомка! — закричала на волка лиса.— Как не стыдно! Сам все съел, а меня — невинную — обвиняешь!

— Ну, кума! Какая же ты невинная! Сейчас же ко льву пойду, жалобу на тебя подам!

Долго спорили — охрипли от крика. Наконец говорит волку лиса:

— Ляжем-ка лучше спать, сеньор волчок. Утром виднее будет, кто из нас виноват.

Согласился волк. Легли отдыхать. Смотрит лиса — захрапел хозяин. Полезла в горшок, выбрала из него остатки меда и обмазала медом волку морду. А утром будит его:

— Вставай, проснись! Вот бесстыдник! Посмотри — у тебя вся морда в меду!

Облизнулся волк — в самом деле морда в меду!

— Прости,— говорит,— кума, виноват. Но чем хочешь готов поклясться — не помню, как это случилось!

На этом и помирились.

А волк так до сих пор и не понял: когда же он съел горшочек меда.

Дерзкая птичка

Много-много лет тому назад жила на свете маленькая серая птичка. Она летала по рощам и по полям, прилетала в сады и пела под окошками свои песни. Всюду была она самой желанной гостьей, потому что голос у птички был звонкий, как колокольчик. Заслышав ее серебристое пение, люди открывали окна и говорили:

— Добрый день, сеньора птичка! — или: — Добрый вечер, дорогая певунья! — и бросали ей горсточку хлебных крошек.

Маленькая птичка летала повсюду, но ни разу еще не пришлось ей побывать в королевском саду. А птичке очень хотелось взглянуть на прекрасные цветы, которые там росли, и спеть свою песенку самому королю.

«Чем-то он угостит меня, — думала птичка, — уж наверное, он щедрей всех людей на свете!»

И вот она полетела ко дворцу короля. Но не успела долететь до ворот, как навстречу выбежали королевские слуги и закричали:

— Гоните эту дерзкую птичку! Как смеет она появляться в королевском саду в таком простом платье!

И прогнали маленькую серую птичку.

Но птичка была настойчива. Она полетела к своим друзьям, села под окном у портного и громко защебетала:

— Сеньор портной, сшей мне камзол, в каком при дворе ходят.

И портной сшил птичке нарядный камзол из голубого атласа.

Тогда она полетела к мастеру, который лучше всех делал шляпы, села ему на плечо и засвистела:

— Сеньор шляпный мастер, сделай мне шляпу с пером и большими полями, как при дворе носят.

И вскоре же шляпа была готова.

А птичка полетела к сеньору башмачнику и попросила его стачать ей высокие башмачки с каблучком и серебряными шпорами.

Когда все было готово, серая птичка нарядилась в яркий камзол, надела на свою маленькую головку шляпу с пушистым пером, а на ноги башмачки со шпорами и стала не хуже райской птицы. Она прилетела в королевский сад, села на дерево перед королевским балконом и громко запела:

— Всех на свете лучше я,
Даже лучше короля,
Короля,
Короля —
Полюбуйтесь на меня!

Но его величество сеньор король в это время обедал и даже не обратил внимания на маленькую птичку. Как она ни пела, как ни старалась, он не слушал ее. Но птичка была настойчива. Она непременно хотела показаться королю в своем новом наряде. Она стала петь и высвистывать одно и то же, одно и то же и пела до тех пор, пока его величество король не рассердился.

— Вот дерзкая! — закричал наконец король и подбежал к окну.

Но, посмотрев на птичку, невольно залюбовался:

— Скажите пожалуйста, какая нарядная птичка! Она мне очень нравится.

У птички от гордости перехватило дыхание, а король продолжал:

— Такая красавица должна быть очень вкусной! Поймайте ее, зажарьте и подайте к ужину!

И не успела птичка взмахнуть своими маленькими крыльшками, как ее поймали, ощипали и запекли в большом пироге. Королевский пирог был очень велик, а птичка была такая маленькая, что его величество даже не заметил ее и проглотил целиком.

У короля внутри оказалось очень темно — гораздо темнее, чем бывает даже в полночь. Это очень не понравилось птичке, и она принялась клевать короля. Она клевала его без передышки. Король застонал так громко, что поднял на ноги весь дворец. Звеня шпорами, сбежались придворные, а король все кричал и жаловался, что сегодняшний ужин пришелся ему не по нутру. Ученые лекари в колпаках и длинных мантиях принесли королю лечебное зелье. Король выпил его, вздохнул, открыл рот, и птичка вылетела на свободу! Как зарница мелькнула она в воздухе и упала в родник, протекавший за королевским садом. Умывшись, птичка отправилась к столяру, выкупалась там в клею, а потом полетела в гости ко всем птицам леса. Каждой она рассказывала о том, что с ней случилось, и просила каждую подарить ей одно только перышко. Птицы с радостью отдавали ей свои перья, и перья прилипали к птичке. Их было много, и все они были разные: красные, желтые, синие — одно ярче другого, и в своем новом пестром платье серая птичка стала еще нарядней, чем прежде. Она стала красива, как ваза с фруктами на званом обеде. Теперь она могла снова лететь в дворцовый сад.

Прилетев ко дворцу, она села на дереве перед королевским балконом и запела еще громче, чем прежде:

— Всех на свете лучше я,
Даже лучше короля!..

— Поймайте эту дерзкую птичку! — закричал король в страшном гневе.

Придворные кинулись исполнять его приказание, но на этот раз птичка была осторожней — она закружилась в воздухе так быстро, что даже ветер не мог ее догнать. А потом поднялась высоко-высоко — до самого месяца — и уселась у него на кончике носа. Посмотрела оттуда на короля и звонко рассмеялась.

С тех пор ее не видели ни разу в королевском саду. Она вернулась к своим друзьям, сбросила пестрые перья и стала снова маленькой серой птичкой. И снова люди, заслышав ее серебристое пение, открывали окна и по-прежнему говорили:

— Добрый день, сеньора певунья!

И серая маленькая птичка пела для них во сто раз лучше, чем пела когда-то для короля.

Голубой ирис

У короля было три наследника, три сына, и он не знал, которому из них отдать свою корону. И вот однажды он созвал своих сыновей и сказал им:

— Я отдам корону тому из вас, кто принесет мне цветок голубого ириса.

Сыновья пошли искать голубой ирис.

Они пошли в разные стороны.

Старший сын пошел в горы, он видел много цветов, но все они были лиловыми и не было среди них голубого ириса. Второй сын пошел в поле, он тоже видел много цветов, но цветы были желтыми, и голубого ириса среди них тоже не было. Младший сын пошел в лес и на веселой лесной лужайке нашел голубой ирис. Его листья были как стрелы, а лепестки как крылья бабочки. Один ряд лепестков опускался вниз наподобие балдахина, а другой поднимался вверх, как корона, — и все они были голубыми, как небо!

Юноша бережно спрятал цветок под рубашку, чтобы никто не увидел цветка и не отнял его. Он повернул домой и под утро на берегу Гвадалавьяра встретил своих старших братьев.

Братья спросили его:

— Что ты несешь так бережно под рубашкой?

Младший брат хотел ответить, что у него ничего нет, но он не умел лгать и сказал:

— Я несу голубой ирис. Я нашел его на лесной лужайке. Листья его как стрелы, а лепестки как крылья бабочки.

Один ряд опускается вниз наподобие балдахина, а другой поднимается вверх, как голубая корона.

Тогда старший брат сказал второму:

— Что нам сделать, чтобы завладеть цветком и получить корону?

Второй брат ответил:

— Убьем его.

Они так и сделали, убили брата и закопали его в прибрежном песке, а цветок взяли себе. Но цветок был только один, а братьев двое. Братья не стали спорить: они бросили жребий, и цветок достался старшему. Он принес во дворец цветок, голубой, как небо, отдал его королю, и король объявил старшего сына своим наследником.

Прошел день, прошел другой, а на третий день молодой пастух гнал свое стадо по берегу Гвадалавьяра. Он увидел, что из песка поднимается белая тростинка, срезал ее ножом и сделал из тростинки дудочку-флейту. Когда же он заиграл на ней, флейта запела:

— Ты играй, пастух, на флейте,
Ты играй без передышки,
Я нашел цветок заветный,
Но меня убили братья
И в песках Гвадалавьяра
Закопали на рассвете.

Флейта пела так нежно, так жалостно, что пастух не мог оторвать от нее своих губ. Он шел вниз по реке и играл, он вступил в королевский сад и играл, он остановился перед дворцом и продолжал играть. Король услышал звуки флейты и позвал пастуха:

— Поднимись во дворец и сыграй мне твою песенку!

Молодой пастух вошел во дворец, остановился перед троном, приложил флейту к губам, и она запела:

— Ты играй, пастух, на флейте,
Ты играй без передышки,
Я нашел цветок заветный,
Но меня убили братья
И в песках Гвадалавьяра
Закопали на рассвете.

Тогда старый король приказал позвать старших сыновей и спросил пастуха:

— Где ты взял флейту?

И пастух привел короля и его старших сыновей на берег Гвадалавьяра.

Король спросил сыновей:

— Это вы убили моего младшего сына?

Братья ответили:

— Нет.

Тогда король приказал поднять песок на том месте, где рос белый тростник, и они нашли юношу живым, здоровым и невредимым. Лицо его было свежим, как салат-латук, а румянец на щеках ярче томата. Только на левой руке у юноши не хватало одного пальца, того самого, из которого вырос белый тростник.

Король обнял своего младшего сына и отдал ему свою корону, а старших братьев приказал заточить в монастырь с толстыми стенами на высокой горе Хаваламбре.

Молодой король правил много лет, но, сколько ни старались лекари, цирюльники и ученые монахи, палец на левой руке у него так и не вырос до самой смерти. Но разве не стоит отдать палец для того, чтобы люди узнали правду?

Я в Валенсии у моря
Слышал как-то эту сказку
И сегодня слово в слово
Рассказал вам без утайки...
Сказка кончена и в небо,
Словно дым по дымоходу,
Поднялась над плоской крышей
И растяла в тумане.

Белья-Флор

Так вот, дорогой мой сеньор, жил в Севилье богатый купец Хуан, но дорожке всех богатств были для него сыновья — Хосе и Гомес. Старший, Хосе, был рослым парнем — кинжал и шпага были его неразлучными друзьями. Когда началась война, он стал солдатом, и красавица каравелла, распустив паруса, умчала его к далеким берегам Америки. Девять лет сражался он на чужой земле, девять лет не видел родного дома, когда же настал десятый год, трубы протрубили победу, и войска повернули обратно. Долог путь по волнам океана, и солдату он казался длиннее, чем день без хлеба, так спешил он скорее обнять старика отца и любимого брата. Когда же воин вступил на родной испанский берег, ему сказали, что отец его давно умер.

— Но где же мой брат? — воскликнул юноша.

Ему ответили:

— Он по-прежнему живет в старом доме.

И Хосе как на крыльях поспешил к любимому брату. Он постучался в двери родного дома, и Гомес показался в окошке.

— Кто там? — спросил он недовольным голосом.

— Это я — Хосе, твой старший брат! — ответил воин.

— У меня нет брата! — закричал Гомес. — Уже десять лет, как красавица каравелла, распустив паруса, умчала его к берегам Америки, и я не имею о нем никаких известий. Но если ты в самом деле мой брат, а не ночной призрак, — вот тебе твоя доля наследства.

Сказав так, он выбросил на дорогу старый сундук и закрыл окошко.

Сколько ни взывал к нему старший брат, сколько ни молил, Гомес был глух к его просьбам. Он был более глух, чем глинобитная стена. И Хосе понял, что Гомес никогда не откроет ему дверей, потому что не хочет делиться с ним отцовским наследством.

Несчастный воин взвалил себе на плечи пустой сундук и пошел, не разбирая дороги. Тем временем наступила ночь, и вместе с ней прилетел холодный ветер. Хосе озяб, он сбросил сундук на землю и подумал: «Очень плох этот старый сундук, но он пригодится мне, чтобы развести костер и хотя бы немного согреться», — и стал ломать сундук.

Ударил камнем раз, ударил два, ударил еще сильнее — крышка треснула, и в ней открылся тайник. Заглянул — в тайнике червонцы! Хотя Хосе и не учился в Саламанке, сразу же понял, что этих денег хватит ему, чтобы прожить безбедно полгода, а то и больше. Ссыпав денежки в кошелек, он весело зашагал по городу.

Однако деньги лежат долго только у жадного или очень расчетливого человека. А Хосе не был ни расчетливым, ни жадным.

Вскоре он повстречал на улице женщину. Женщина горько плакала, и ее слезы тронули юношу.

— Расскажи мне о своем горе, — сказал женщине Хосе. Женщина ответила:

— Если бы у меня было одно горе, я не стала бы плакать. Но у меня их два. Мой муж тяжело болен, и у меня нет денег, чтобы нанять лекаря, — вот мое первое горе. А второе мое горе в том, что у мужа много долгов и сегодня придут альгвасилы и бросят его за долги в темницу.

— Твое горе не стоит слез, — ответил Хосе женщине. — Возьми мой кошелек, и тебе хватит денег, чтобы заплатить долги и нанять самого лучшего лекаря.

Женщина пошла и заплатила долги, и альгвасилы не бросили ее мужа в темницу. Она наняла самого лучшего лекаря, но мужа не вылечила: сколько лекарь ни старался, больной вскоре же умер. А Хосе, отдав женщине все свои деньги, остался нищим.

— Лучше есть твердый хлеб, чем сидеть без хлеба! — сказал себе Хосе, пошел во дворец и стал королевским слугой.

Работал он конюхом, работал дворником, работал поваром — и работал так усердно, что в конце концов король заметил его и сделал своим первым советником.

А жадный Гомес тем временем разорился.

Он услышал, что Хосе стал любимцем короля и первым человеком во дворце, пришел к брату и со слезами попросил о помощи. У Хосе было доброе сердце, он пожалел младшего брата и уговорил короля взять его во дворец на службу.

И Гомес тоже стал королевским слугой, как когда-то его старший брат Хосе.

Работал он конюхом, работал поваром, работал дворником, но работал спустя рукава и думал только лишь об одном:

«Почему мой брат Хосе пользуется почетом, а я не смею даже подойти к королевскому трону?»

Злая зависть закралась в его сердце, и он решил погубить брата.

Он узнал, что король любит принцессу Белья-Флор, прекрасную, как цветок. Но принцесса, прекрасная, как цветок, не любила старого короля и скрывалась от него в замке среди высоких скалистых гор.

Никто не знал дороги к этому замку, и меньше всех знал о ней Хосе, но Гомес пошел к королю и сказал, что найти красавицу Белья-Флор может только один человек и человек этот — его любимец и первый советник Хосе: он в заговоре с принцессой, он часто бывает в замке среди высоких скалистых гор и вместе с девушкой смеется над стариком королем.

— Позвать Хосе! — воскликнул в гневе король и, когда Хосе явился, велел ему тотчас же привезти во дворец принцессу, прекрасную, как цветок.

— А если не привезешь, я прикажу казнить тебя на площади перед дворцом! — закончил король и ушел в свои покои.

Что делать! Печальный, поплелся Хосе на конюшню, чтобы выбрать себе коня и скакать, сам не зная куда.

Много коней было в королевской конюшне. В нетерпении грызли они удила и били копытом, готовые мчаться быстрее морского ветра, и Хосе не знал, которого же из них выбрать. И вдруг старый белый конь, стоявший в самом конце конюшни, повернул к нему голову и сказал человеческим голосом:

— Оседлай меня, возьми на дорогу три хлеба и скачи без забот и печалей.

Хосе очень удивился, что конь говорит человеческим голосом, и, конечно, поверил ему. Он оседлал белого коня, взял на дорогу три хлеба и поскакал.

Хоть и стар был белый конь, но мчался не хуже молодых скакунов. Они мчались быстрее морского ветра и вскоре же прискакали к большой муравьиной куче.

— Спрыгни на землю,— сказал конь,— и брось муравьям три хлеба.

— Дорога еще далека, и хлеб пригодится нам самим,— возразил Хосе.

— Не перечь мне,— ответил конь.— Сделай доброе дело, и ты об этом не пожалеешь.

Хосе сошел с коня и отдал муравьям три хлеба.

Они поскакали дальше, они мчались быстрее морского ветра и вдруг увидели орла. Орел бился в сетях, расставленных охотником, и не мог взлететь в воздух.

— Спрыгни на землю! — крикнул конь.— Разрежь сети и освободи птицу.

— Но мы потеряем время! — возразил юноша.

— Не перечь мне,— ответил конь.— Сделай доброе дело, и ты об этом не пожалеешь.

Хосе спрыгнул на землю, разрезал сети и освободил птицу.

Они помчались дальше, они мчались быстрее морского ветра и прискакали к реке. Маленькая серебристая рыбка трепетала на прибрежном песке и никак не могла добраться до воды.

— Спрыгни на землю,— опять сказал конь.— Возьми рыбку и брось ее в воду.

Юноша возразил:

— Путь далек, и у нас нет времени.

— Для доброго дела всегда есть время! — ответил конь.— Помоги рыбке, и ты об этом не пожалеешь.

Тогда Хосе сошел с коня, поднял с земли серебристую рыбку и бросил в реку, и не успело солнце скрыться за вершинами Сьерра-Морены, они прискакали к замку среди высоких скалистых гор и остановились перед крыльцом, а на крыльце стояла принцесса, прекрасная, как цветок, и кормила кур отрубями. Это и была красавица Белья-Флор.

— Слушай,— сказал белый конь своему всаднику.— Сейчас я поднимусь на дыбы и стану прыгать. Это очень понравится принцессе, она захочет сама прокатиться на мне, и ты ей это позволишь. Но я начну брыкаться и ржать и не подпущу к себе принцессу. Тут уж придется ей согласиться, чтобы ты придержал меня и помог ей вскочить в седло. Когда же красавица оседлает меня, не теряй ни минуты: вскочи в седло рядом с нею, обними принцессу покрепче и скачи во дворец.

Так сказал конь, и юноша так и сделал.

Лишь только принцесса вскочила в седло, он тотчас же очутился рядом с нею, громко свистнул, и верный конь лихо рванулся с места. Конечно, девушка сразу же догадалась, что незнакомый всадник похитил ее по королевскому приказу и сейчас скачет с ней ко дворцу ненавистного короля.

У нее в фартуке были отруби, она рассыпала их по дороге и крикнула юноше:

— Что ты наделал! Ты рассыпал все мои отруби. Собери их!

Но юноша нежно прошептал ей в ответ, потому что уже успел полюбить принцессу, прекрасную, как цветок:

— Не печалься, милая, там, куда мчится конь, отрубей хватит на всех!

И они полетели дальше.

Они поравнялись с высоким деревом, на котором охотник расставил силки для птиц.

Принцесса подбросила свой платок, и он повис на самой высокой ветке.

— Сейчас же останови коня! — приказала Хосе принцесса. — Взберись на верхушку дерева и достань мой платок.

Но Хосе не подумал остановиться.

— Там, куда мчится конь, у тебя будет сколько хочешь платков! — шепнул он девушке, и они полетели дальше.

Они прискакали к реке, принцесса бросила в воду свой драгоценный перстень.

— Достань его из реки! — взмолилась она.

Но и на этот раз юноша не послушал ее.

— Там, куда мчится конь, найдутся перстни еще прекраснее!

Так отвечал принцессе Хосе, а конь мчался и мчался и к вечеру прискакал ко дворцу.

— О Белья-Флор, прекрасная, как цветок! — воскликнул влюбленный король, увидав красавицу на пороге. Но красавица отвернулась от старика. Она заперлась в одной из комнат дворца и, сколько ни молил ее всемогущий владыка, не повернула ключа в замке.

Она сказала:

— Пока не принесут мне три вещи, которые я потеряла в дороге, я не выйду из этой комнаты.

Тогда король приказал позвать Хосе.

— Ты знаешь три вещи, которые потеряла принцесса в дороге? — спросил он.

— Знаю, — ответил Хосе.

— Сейчас же садись на коня и привези их мне! Если не привезешь, я велю казнить тебя на площади перед дворцом!

Делать нечего, печальный, поплелся Хосе на конюшню. Горячие кони в нетерпении били копытом в землю, готовые

мчаться быстрее морского ветра, но юноша даже не посмотрел на них. Он подошел к своему верному другу, старому белому коню, обнял его за шею и заплакал.

— Не грусти,— сказал ему белый конь.— Садись на меня и скачи без забот и печали.

Они поскакали той же дорогой и вскоре остановились у высокого муравейника.

— Нужны тебе отруби?— спросил конь.

— Ты знаешь, если я не достану их, король казнит меня,— ответил Хосе.

— Зови же скорей муравьев. Только они могут тебе помочь.

И Хосе позвал муравьев.

Узнав юношу, который их накормил, муравьи сбежались со всех сторон, и не успел Хосе сосчитать до трех, как отруби были уже у него в мешке.

— Видишь,— сказал юноше верный конь,— кто сделал добро, всегда бывает вознагражден.

Когда они прискакали к дереву, увидели, что платок принцессы, как маленький белый флажок, развевается на самой верхушке и добраться до него нет никакой возможности.

Хосе в отчаянии опустил голову, но конь подсказал ему:
— Позови орла, он не откажет тебе в помощи.

Хосе кликнул орла, и орел, которому юноша вернул свободу, распустил свои могучие крылья, взвился над лесом, подхватил платок своим крючковатым клювом, и не успел Хосе сосчитать до трех, платок принцессы был уже у него в руках.

Вскоре прискакали они к реке. Волны бурлили, разбиваясь о берег.

— Как же достану я драгоценный перстень! — воскликнул Хосе. — Река глубока, а я не знаю даже, где обронила его принцесса.

— Позови рыбку, — посоветовал конь, — ты сделал доброе дело и будешь вознагражден.

Хосе позвал рыбку. Она вынырнула из воды и, узнав доброго юношу, поспешила на помощь. Не успел Хосе сосчитать до трех, как перстень был у него в руках.

Юноша прискакал во дворец и с глубоким поклоном вручил старому королю отруби, платок и драгоценный перстень принцессы. Король принес принцессе вещи, о которых она просила, но Белья-Флор не открыла дверей.

Она сказала:

— Пока не будет наказан насмешник, который меня похитил, я не выйду из этой комнаты.

— Как же мне наказать его? — спросил готовый на все король.

— Свари его в масле! — рассмеялась в ответ принцесса, и король тотчас же согласился.

Он вызвал к себе Хосе и сообщил ему о своем жестоком решении.

Печальный, пошел юноша на конюшню, где стоял его друг, старый белый конь.

— Я пришел проститься с тобой, — сказал он коню. — Завтра утром король сварит меня в кипящем масле.

Конь покачал головой и ответил:

— Грустить не о чем. Я выручу тебя и на этот раз. Садись в седло: мы поскачем с тобой быстрее морского ветра. Под высокой горой бьет чудесный ключ. Искупайся в нем и спокойно иди на казнь. Поверь мне, ничего дурного с тобой не случится.

Они поскакали к высокой горе, юноша искупался в ключе и успел вернуться назад до рассвета. Когда же взошло солнце и позолотило своими лучами крыши Севильи, Хосе смело вышел на площадь, где стоял уже огромный котел с кипящим маслом и тысячная толпа с нетерпением ожидала начала казни.

Ударила пушка, трубачи затрубили в трубы, и на площадь вышел король со своей блестящей свитой. Конечно, в свите был и коварный Гомес: он пришел на площадь, чтобы полюбоваться на гибель брата. Но случилось все вовсе не так, как ему хотелось. Сбылось предсказание коня: юноша отважно прыгнул в котел и вышел из него живым и невредимым. Мало того — теперь стал он таким красавцем, что все невольно залюбовались им, а прекрасная Белья-Флор, которой давно уже нравился добрый и смелый Хосе, полюбила его на всю жизнь.

Увидев, как изменился Хосе, старый король тоже захотел стать молодым, стройным и красивым. Не долго думая, он сбросил с плеч свою мантию, зажмурил глаза и ринулся в кипящий котел. Но напрасно ждали придворные, что старик вынырнет из котла молодым и стройным, — они этого не дождались. Добрый Хосе в тот же день стал королем и женился на прекрасной, как цветок, красавице Белья-Флор, а коварный Гомес в страхе бежал в далекие скалистые горы, и никто с тех пор его нигде не видал.

Отпраздновав свадьбу, Хосе пришел к коню и с благодарностью обнял своего верного друга, избавившего его от стольких несчастий.

Конь сказал:

— Юноша, ты был добр и щедр. И за это вознагражден. Делай же всегда людям добро, и ты об этом не пожалеешь. Так кончается сказка.

И добрый Хосе, хотя и стал королем, никогда об этом не забывал.

Невеста трех женихов

Жил человек. А у него была дочь. Девушка была хороша, как солнце, но своенравна, как горный ветер.

Однажды отец работал в саду. Отворилась калитка, и трое юношей, один красивее другого, вступили в сад и сказали:

— Твоя дочь прекрасна, как солнце. Мы просим ее руки.

Отец ответил:

— Она своенравна, как ветер. Надо спросить ее согласия.

Он скрылся в доме, а юноши остались ждать у калитки. Придя к дочери, отец сказал:

— Трое юношей, один красивее другого, просят твоей руки. Кого же из трех назовешь ты своим мужем?

Дочь посмотрела в окошко и увидала, что отец сказал правду: таких красавцев она еще не встречала!

Улыбнувшись, ответила:

— Все трое мне по душе.

Отец рассердился:

— Не можешь же ты выйти замуж за троих?

— Согласна выйти за любого из них,— ответила дочь.—

Но, пойми, мне нужны все трое.

И, сколько отец ни спорил, повторяла одно и то же:

— Пойми, мне нужны все трое!

Несчастный старик не знал, что ответить юношам. Он долго думал, наконец вышел и сказал женихам:

— Моя дочь хороша, как солнце, но своенравна, как горный ветер: ей нужны все трое! Но не может же она выйти замуж за троих? Послушайтесь моего совета: отправляйтесь в чужие земли и далекие страны — ищите там свое счастье.

Юноши переглянулись.

Отец объяснил:

— Ищите в далеких странах для своей невесты самый лучший, самый редкий подарок, какого нет нигде на свете. И тот, кто найдет его, станет мужем моей дочери.

Женихи молча поклонились и вышли.

В тот же день они покинули берега Испании и отправились в чужие земли и далекие страны на поиски своего сча-

стья. Каждый ехал своим путем, но ни один не нашел для невесты подарка, какого нет нигде на свете. Долго скитались они по бурным морям, не одну пару туфель изорвали об острые камни, бродя по чужим дорогам. Печаль окутала их сердца, но не погасила надежды.

И вот однажды первый жених встретил дряхлого старика.

— Здравствуй, юноша,— прошамкал странник,— не хочешь ли ты купить зеркальце?

Зеркальце было маленьким — не больше песеты, и юноша, горько засмеявшись, ответил:

— Такое зеркальце мне ни к чему. Я ищу для невесты подарок, какого нет нигде на свете.

Старик улыбнулся:

— Ты нашел его, мой сынок. Это зеркало не простое: в любую минуту ты можешь увидеть в нем того, кого пожелаешь.

Юноша очень обрадовался, взял зеркальце и отдал за него старику все свои деньги.

Вскоре второй жених встретился с тем же странником.

— Не нужен ли тебе пузырек с бальзамом? — спросил странник.

— Мне бальзам ни к чему,— ответил юноша.— Я ищу для невесты подарок, какого нет нигде на свете.

Но и бальзам оказался не простым, а чудесным. Странник объяснил юноше, что этим бальзамом можно не только заживлять раны, но и воскрешать мертвых. Обрадованный юноша взял пузырек с бальзамом и отдал за него страннику все свои деньги.

Третий жених, не найдя ничего, печальный бродил по берегу моря и думал уже броситься со скалы в морскую бездну, как вдруг увидал, что по волнам плывет большой ящик. Ящик приблизился к берегу, в нем открылась маленькая дверца, и из нее один за другим стали выходить люди. Их было такое множество, что юноша не мог сосчитать. Последним вышел старик, поклонился жениху и сказал:

— Юноша, не хочешь ли ты купить мой ящик?

— Такой старый ящик мне ни к чему! — воскликнул печальный юноша.— Он годен лишь на дрова, а я ищу для невесты подарок, какого нет нигде на свете!

— В таком случае лучше этого ящика ты ничего не найдешь,— ответил старик.— Мой ящик плавает по волнам, летает по воздуху, сам бежит по земле, и не успеет камень, брошенный в волны, достигнуть морского дна, как ящик перенесет тебя и твоих друзей, куда ты только ему ни прикажешь.

Они сговорились, юноша отдал старику все свои деньги и стал хозяином волшебного ящика.

Не успело солнце трижды подняться на полдень, как трое юношей встретились.

— Я нашел чудесный подарок, какого нет нигде на свете! — воскликнул радостно первый жених и показал свое зеркальце.

— Мой подарок еще чудесней, — сказал второй и достал пузырек с волшебным бальзамом.

— Я думаю, что вы оба уступите первенство моему подарку, — хвастливо сказал третий и указал на большой ящик, качавшийся на волнах у самого берега.

Они стали спорить, и каждый настаивал, что его подарок самый лучший, самый редкий — такой, что лучше его нет нигде на свете.

Наконец первый жених воскликнул:

— Испытайте мой подарок на деле! Взгляните в зеркальце и вы увидите девушку, прекрасную, как солнце, и своеправную, как горный ветер.

Все трое взглянули в зеркало и в ужасе отшатнулись: невеста трех женихов лежала на постели без движения и без дыхания.

— Она мертва! — воскликнул в отчаянии первый юноша и заплакал.

— Не плачь! — утешил его второй. — Мой бальзам оживит ее!

— Мы опоздали, — возразил первый. — Пока мы достигнем берегов Испании, ее уже похоронят, и никакой бальзам не спасет ее.

— Мы будем там раньше, чем сядет солнце! — сказал хозяин ящика. — Поспешим к морю: нас всех доставит на родину мой чудесный корабль!

Все трое, забыв о недавнем споре, помчались к морскому берегу. Они вбежали в ящик, дверца хлопнулась — жжжи! — и чудесный ящик взвился в воздух. Не успело сесть солнце, а юноши, все трое, уже стояли у знакомой калитки. Старик отец выбежал им навстречу и, плача, объявил женихам, что они пришли слишком поздно. Но юноши смело вошли в дом, где без движения и без дыхания лежала невеста трех женихов. Они окропили ее губы чудесным бальзамом, девушка улыбнулась и встала. Радость юношей была беспредельна. А девушка подошла к отцу, обняла его и сказала:

— Ты видишь, отец, я права: мне были нужны все трое, все трое мнегодились. Если бы не они, не пришлось бы мне снова увидеть солнце, а тебе — обнимать меня сегодня. А теперь дай мне год сроку, и я выберу одного из трех же-

нихов и назову его своим мужем. А другие двое пускай не сердятся на меня: не могу же я быть невестой трех женихов. К тому же в нашем селении немало красивых девушек, и они без труда найдут себе подругу по сердцу.

Так и было. Прошел год, минула зима, в горах снова зацвел миндаль, а в селении, где жил отец со своей дочерью, сыграли сразу три веселых свадьбы. Которого же из трех братьев выбрала себе в мужья невеста — угадывайте сами!

Урсулета

Жил бедняк. Беднее всех бедняков. Одно только было у него богатство: дети — мальчик и девочка. Послушные, трудолюбивые. Мальчика звали Хуанито, а девочку Урсулета. Каждый день ходили они в лес за дровами, а отец работал в поле. Одна беда: не было у них матери — умерла; некому было следить за хозяйством. Думал, думал бедняк и женился во второй раз. Женился, но не привел счастья в дом. Мачеха была злая женщина, с первого дня невзлюбила детей, — решила их погубить.

Однажды сказала:

— Ступайте в лес за дровами, да не ленитесь. Кто раньше вернется — испеку для него пирожок!

Побежали дети на гору. Принялись собирать хворост. Набрали по полной вязанке. Девочка набрала много-много, а мальчик еще больше.

Побежали домой. Каждому хочется пирожка попробовать. Брат впереди бежит, а сестра отстает — не под силу бежать с тяжелой ношей.

— Подожди меня, Хуанито! — кричит сестра.

— Не могу ждать, к пирогу опоздаю. Да не бойся: заслужу пирожок и с тобой поделюсь.

Присела Урсулета отдохнуть у дороги и задремала. Не скоро домой вернулась. А мальчик первым пришел домой. Пришел, а мачеха уже тесто в горшке месит.

— Я здесь, матушка! — закричал Хуанито. — Заслужил я пирог?

— Сейчас будет готов твой пирог, — заворчала в ответ злая женщина. Выглянула за дверь — нет никого: Урсулета еще далеко, а отец, как всегда в это время, — в поле. Взяла и убила мальчика. Закопала его в саду под окошком. Смотрит — поднялось из земли вишневое деревцо. Распустились на нем розовые цветы, а потом и ягоды покраснелись — сочные, спелые, алые, точно кровь. Собрала их мачеха и заката-ла в пирог.

Пришла Урсулета с большой вязанкой:

— Вот и я, матушка. А где Хуанито?

— Выпил глоток воды, играть побежал.

— А откуда у тебя столько вишен?

— На базаре купила. Сладкий будет пирог. Отнеси его к пекарю: пусть испечет.

Урсулета была послушной девочкой. Взяла пирог, отнесла к пекарю.

Посадил пекарь пирог в печку, стала корочка подрумяниваться. А пекарь знай дрова подбрасывает.

И вдруг раздался из печи голос:

— Пирожок тащи,
Горячо в печи!

Испугался пекарь, кричит:

— Откуда у тебя этот пирог, девчонка?!

— Мачеха мне дала.

— Расскажи сейчас же, как было дело.

— А я ничего не знаю. Послала нас мачеха вдвоем за дровами. Хуанито первым вернулся, а когда я пришла домой, пирог был уже готов.

— Пирожок тащи!
Горячо в печи! —

опять закричал пирог. — Скорей, скорее! — И Урсулета узнала голос брата.

— Это он! Это он! — воскликнула девочка и заплакала.

— Твоя мачеха — злая женщина, — сказал пекарь, который так ничего и не понял. — Наверно, она колдунья.

Он вытащил из печки пирог и отдал девочке, а та отнесла его мачехе.

Пришла вся в слезах и спросила:

— Матушка, где же мой брат Хуанито? Он еще не вернулся?

— Сказано: выпил глоток воды и играть побежал.

— А вы знаете, что пирог в печке кричал?

— Глупая! — расшумелась мачеха. — Разве может пирог кричать?

— И все-таки он кричал и кричал очень громко: «Пирожок тащи, горячо в печи!»

— Не может этого быть! — рассердилась мачеха еще больше и стала топтать ногами. — Замолчи сейчас же! Это тебе показалось!.. Отнеси лучше пирог отцу в поле. Он сегодня еще не обедал.

Урсулета поняла, что с братом случилось что-то неладное, но не посмела послушаться мачехи. Вышла из селения — встретила на дороге старушку. Никогда еще не видала де-

вочка этой женщины: сторбленная, седая, она опиралась на длинную палку, но глаза у нее были очень добрые.

— Постой, милая! — сказала бабушка Урсулете. — Куда ты идешь и что несешь?

— Я иду к отцу в поле и несу ему пирог с вишнями.

— А ты знаешь, что это за вишни?

— Не знаю.

— Придет время — все узнаешь. А теперь помни: станет отец есть пирог и тебе предложит. А ты не ешь, скажи, что уже обедала. Станет косточки на землю бросать — все в платок собери, ни одной не оставь. Станет спрашивать, зачем тебе косточки, скажи — птицам бросить. А я подожду тебя у дороги. Назад пойдешь — все косточки мне отдашь!

Урсулета так и сделала. Принесла отцу в поле пирог с вишнями.

Отец обрадовался:

— Вот так пирог! Откуда же у матушки вишни?

— Говорит — на базаре купила.

— Садись со мной, вместе обедать будем.

— Спасибо, отец, я сыта, я только что пообедала.

Отец стал есть пирог и бросать косточки на землю, а девочка принялась собирать их в платок.

— Ты зачем косточки в платок собираешь? — спросил отец.

— Потом птичкам брошу.

Собрала в платок все косточки, узелком завязала. Ни одной на земле не оставила, попрощалась с отцом и пошла домой.

На том же месте ожидала ее старушка.

— Вот вам, сеньора, косточки, — сказала Урсулета. — Все до одной собрала.

Похвалила ее старушка, развязала платок, улыбнулась, пошептала что-то и подбросила косточки вверх. Смотрит девочка — обернулись косточки пестрой проворной птичкой. Взмахнула крыльями птичка, закружилась в воздухе и запела тоненьким голоском:

Чири, чири, чири, чири!
Я любимый братец твой —
Я не мертвый, а живой.
Меня мачеха убила,
Не узнал отец родной.

Пропев свою песенку, птичка взлетела высоко в небо и скрылась за облаками.

Урсулета очень обрадовалась, услышав такую песенку. Теперь она знала, что Хуанито хотя и превратился в птичку, но не погиб. Она попрощалась с доброй старушкой и пошла своей дорогой.

А птичка полетела на каменоломни, где каменщики обтесывали тяжелые мельничные жернова. Закружилась над ними и запела все ту же песенку:

Чири, чири, чири, чири,
Я не мертвый, а живой.
Меня мачеха убила,
Не узнал отец родной.

— Как хорошо поет эта птичка! — воскликнули каменщики. И попросили: — Спой нам еще раз эту песенку!

— Спую охотно, — ответила птичка, — если вы подарите мне за это самый большой мельничный жернов.

Каменщики рассмеялись в ответ:

— Бери, если сможешь его унести!

Тогда птичка пропела им свою песенку от начала и до конца, а потом, легко, как соломинку, подхватила клювом тяжелый жернов и скрылась за облаками. Каменщики только головами покачали от удивления; птичка же прилетела в селение и положила жернов на черепичную крышу того самого дома, где жил отец с Урсулетой и с мачехой, но этого никто не заметил.

Потом птичка полетела на королевский двор, где искусные мастера чеканили золотые монеты, а работники ссыпали их в большие мешки.

Чири, чири, чири, чири,
Я не мертвый, а живой! —

запела птичка над монетным двором, и все — и мастера, и работники, бросив свое дело, стали слушать ее звонкое пение.

— Как восхитительно поет эта проворная птичка! — воскликнули мастера и работники. — Спой нам еще раз свою песенку, а мы еще раз тебя послушаем.

— Конечно, спую! — прощебетала птичка в ответ. — Но за это вы дадите мне самый большой мешок с золотыми монетами.

— Ты его получишь, — ответили птичке работники и мастера, — но при условии, что сама унесешь его отсюда.

И птичка пропела им свою песню еще громче и еще лучше, чем в первый раз. Окончив пение, она, как пушинку, подхватила самый большой мешок с золотом и улетела. А мастера и работники долго смотрели ей вслед, раскрыв рты от удивления.

Птичка же снова прилетела в селение, где жил отец с Урсулетой и мачехой, и положила мешок с золотом на черепичную крышу рядом с мельничным жерновом. И этого, как и в первый раз, никто не заметил.

Теперь птичка полетела к реке, где женщины белили на солнце льняное тонкотканое полотно. Когда же птичка пропела им свою песенку, они попросили ее спеть еще раз.

— Я спую, если вы подарите мне кусок полотна, но скажите его потуже, а то я не смогу его унести,— ответила птичка.

Женщины согласились. Они скатали полотно в такой тугой и тяжелый сверток, что сами лишь с трудом могли его приподнять.

— Попробуй теперь унеси его,— со смехом сказали они проворной птичке.— Мы не станем тебе помогать!

— Конечно, я его унесу! — прощбетала птичка и запела так хорошо, как только могла:

Чири, чири, чири, чири,
Я не мертвый, а живой.
Меня мачеха убила,
Не узнал отец родной...

— А теперь получай свою награду! — весело закричали женщины птичке и удивились не меньше, чем удивлялись каменщики, мастера и работники, когда птичка подхватила клювом тяжелый сверток и исчезла за облаками. Конечно, она прилетела в то же селение и положила полотно на той же черепичной крыше рядом с жерновом и мешком золота.

Был уже вечер, и отец, возвратившись с поля, ужинал с мачехой в доме, а Урсулета сидела у крылечка.

Чири, чири, чири, чири! —

громко защбетала птичка, усевшись на самый край черепичной крыши, и запела:

Я любимый братец твой,
Я не мертвый, а живой.
Меня мачеха убила,
Не узнал отец родной.

Она повертела головкой, поглядела сверху на девочку одним глазом и на этот раз продолжила свою песню:

Но сестрица Урсулета
Не могла забыть об этом,
Горько плакала, вздыхала,
Мои косточки собрала,
Их старушке отнесла,
Брата милого спасла.

— Идите, идите сюда скорее! Послушайте, как хорошо поет эта маленькая птичка! — воскликнула Урсулета, и отец с мачехой подошли к окошку.

А девочка сказала птичке:

— Спасибо тебе за песенку!

— А тебе спасибо за доброе сердце! — ответила птичка и сбросила к ногам Урсулеты кусок льняного полотна.

Девочка взяла подарок, внесла его в дом и развернула. Полотно оказалось таким тонким, таким белым, что все удивились. И его было так много, что Урсулете его хватило бы на всю жизнь, даже если бы дожила она до ста лет.

— Отец, выйди теперь и ты из дома и попроси птичку пропеть тебе песенку,— сказала девочка.

— Спой мне песенку,— сказал отец. Он вышел из дома и вежливо поклонился птичке.

Птичка не заставила себя просить во второй раз. Она охотно просвистела и прочирикала свою песенку от начала и до конца, а потом сбросила отцу с крыши полный мешок золотых червонцев.

— Матушка, где же ты! — закричал мачехе обрадованный отец. — Попроси и ты птичку спеть для тебя песенку!

— Зачем я пойду! — грубо ответила мачеха.

— Но ты же видела,— рассудительно отвечал отец. — Урсулете она подарила кусок отличного полотна, а мне так много золота, что я сразу стал богаче всех в нашем селении. Ступай, ступай сейчас же. Наверное, и для тебя припасла птичка подарок.

— Не пойду! Не пойду! — заупрямилась мачеха.

— Не будь глупой, выйди из дома и попроси птичку спеть еще раз,— настаивал отец.

Злой мачехе не оставалось ничего другого, как обратиться к птичке с той же просьбой. Она вышла из дома и попросила:

— Спой мне песенку еще раз!

Чири, чири!

Меня мачеха убила! —

громко прощелбетала птичка и сбросила на мачеху с крыши тяжелый мельничный жернов.

Она сбросила его так ловко, что жернов наделся мачехе прямо на шею, и как ни вертела головой злая женщина, как ни старалась стащить его с себя руками, жернов словно прирос к ее плечам! Мачеха взвизгнула от злости и взлетела на воздух. И тут все поняли, что она колдунья и самая настоящая ведьма.

Но колдовства ее хватило не надолго. Жернов был настолько тяжелым, что, долетев до леса, мачеха перевернулась в воздухе и свалилась в чашу. Говорят, до сих пор бродит она по лесу и старается сбросить с себя ненавистный жернов.

Но что же случилось дальше с отцом, птичкой и Урсулетой?

Птичка, наградив каждого по заслугам, полетела к старушке — к той самой, которая превратила в птичку вишневые косточки. Добрая женщина пошептала над ней, и птичка стала стройным веселым мальчиком. Вы уже догадались, что это был Хуанито! Он тотчас же прибежал домой, обнял сестру и отца, и все трое с тех пор живут не зная печали в своем домике под черепичной крышей. Урсулета уже подросла, она отлично ведет хозяйство, и отец вовсе не собирается приводить в дом новую жену.

Я заходил к ним в гости. Дали мне пирожок со сладким кремом. Но погода была жаркая, и, пока я нес его домой, крем растаял. Осталась одна только корочка и сказка про добрую девочку Урсулету.

Птица-Правда

Очень давно жил бедный рыбак. Так рассказывают — знает, так и было. Он жил в маленьком домике на берегу тихой реки. Прозрачная, как слеза, и спокойная, как весеннее утро, протекала она, прячась от людей и от солнца в зарослях тростника, среди кустов и деревьев, склонявших к воде свои ветви. Никто никогда не заглядывал на берега тихой реки, и только пение птиц неумолчно раздавалось в густой листве.

И вот однажды рыбак поплыл по тихой реке. Он собирался уже забросить сети, как вдруг увидал, что течение несет ему навстречу стеклянный ящик. Ящик плыл, плавно покачиваясь на волнах, и сверкал, как алмаз. Никогда не видал рыбак такого чуда! Он ударил веслом, подплыл поближе и удивился еще больше, когда увидел в ящике двух близнецов-ребятишек: мальчика и девочку. Они не плакали — нет! Они смеялись и были прекрасны, как лепестки розы!

У рыбака сжалось сердце. «Если они поплывут дальше, — подумал он, — река унесет малюток в море, а в море разразится буря, и дети непременно погибнут!» Он пожалел ребятшек, бережно поднял на руки и принес в свой убогий дом.

— Этого еще не хватало! — рассердилась жена. — Зачем ты принес нам этих подкидышей? Или своих детей мало? Или забыл, что на руках у нас восемь ртов, а вместе с этими будет десять! Как же мы всех прокормим?

Рыбак покачал головою:

— Знаю, знаю, но что было делать? Не мог же я бросить детей на гибель. К тому же никогда еще не видал я таких славных ребятишек. Будь что будет! Мы станем еще больше работать, и, кто знает, не наградит ли нас судьба за доброе дело удачей.

Так сказал рыбак, и дети остались в доме. Они росли с родными детьми рыбака и с каждым годом становились все здоровее и крепче.

Они стали такими умными и такими добрыми, что рыбак с женой не могли на них нахвалиться и нередко ставили их в пример своим ребятишкам. За это-то и невзлюбили родные дети приемышей — редко играли с ними, не брали с собой на прогулки. Молчаливые, одинокие, бродили близнецы по берегам тихой реки, прозрачной, как слеза, и спокойной, как весеннее утро. Прислушивались к пению птиц, приносили им крошки и так подружились с птицами, что стоило близнецам показаться на берегу, как птицы — соловьи, стрижи, ласточки — с громким щебетом слетались со всех сторон, садились на руки, клевали хлеб с ладоней и даже научили детей своему птичьему языку. От них же научились брат и сестра рано вставать, быть всегда веселыми и всегда петь песни. За это рыбак и его жена полюбили приемышей еще больше.

Конечно, детям рыбака это было не по душе.

— Ну что из того, что вы прекрасны лицом и благородны на вид, — говорили они близнецам. — Зато нет у вас настоящей матери, вы даже сами не знаете, кто ваш отец. Но мы-то знаем:

Ваш отец — стеклянный ящик,
Ваша мать — сеньора речка,
Ваши братья, ваши сестры —
Раки, жабы и лягушки!

— Жабы! Лягушки! — дразнили они близнецов, а брату с сестрой оставалось только отмалчиваться, потому что они и на самом деле не знали, кто их отец и мать.

Это было обидно. Очень обидно. Вот и решили они уйти из дома — искать отца с матерью. Они ушли рано утром, так рано, что в доме все еще спали, и никто не слышал, как хлопнула дверь и близнецы исчезли из дома.

Конечно, они не знали, где искать родителей, и пошли наугад — прямо через поле. Ни одной души, ни одного селения не встретили они до полудня. Не у кого было спросить дорогу, негде приклонить голову. Наконец увидели полуразрушенный домик, но и здесь не пришлось отдохнуть и утолить голод сестре и брату: в домике никого не было, а двери

были закрыты. Близнецы очень устали и присели отдохнуть у порога. Кругом стояла полная тишина, только птицы щебетали где-то совсем-совсем близко. Дети подняли головы и увидали, что под крышу слетелись ласточки. Их было множество, и они болтали наперебой. А так как дети понимали птичий язык, то невольно прислушались. «Не подкажут ли нам хоть птицы дорогу», — подумали брат и сестра и стали слушать с еще большим вниманием.

— Ола, как счастливы мои глаза увидеть тебя! — воскликнула маленькая ласточка с белой грудкой. — А я-то думала, что ты вовсе забыла своих деревенских подруг. Как-никак, а живешь ты в городе, и не где-нибудь, а в королевском дворце!

— Конечно, я живу во дворце, под самым королевским окошком, — отвечала ласточка с длинным хвостиком, — но нисколько не горжусь этим. Ведь гнездо мое получила я по наследству от моих родителей, и в том, что живу я рядом с самим королем, нет моей заслуги!

— Ах, как она мила! Ах, как скромна! — затрещали ласточки наперебой, а городская ласточка продолжала:

— Расскажите мне лучше ваши новости. Хорошо ли поет соловей? А жаворонок все такой же голосистый и все так же высоко взвивается в небо? А снегирь все такой же нарядный? Расскажите все без утайки, Беатрис!

Ласточка с белой грудкой, которую звали Беатрис, захлопала крыльшками и отвечала печально:

— Кумушка, плохие пришли времена. Все меняется — и привычки, и песни. Даже здесь, среди полей и цветущих роц! Представь себе, наш дружок, наш милый хохлатый жаворонок, повадился летать на крестьянские поля, он клует маис и турецкие бобы, а когда хозяин выбегает с палкой, чтобы прогнать его, отвечает ему дерзкой песенкой:

Сей, сей, ротозей, —
Я маис люблю,
Сей, сей, не жалея —
Все равно склюю!

Ну, как тебе это нравится? А воробей! Ты помнишь старого бесхвостого воробья? Так вот: прилетаю я весной из-за моря в свое родное гнездо, а оно уже занято.

— Простите, сеньор, — сказала я воробью, — это мое гнездо.

— Нет, мое.

— Но вы ошибаетесь: это гнездо построили мои дедушка и бабушка, в нем вылупились мои родители, — наконец, я сама в нем вылупилась и хочу высидеть в нем своих детей!

— А мне здесь нравится!

— Уйдите, я вас прошу!

— Не уйду! Не уйду!

Вот бессовестный! Я просто не знала, что делать, и заплакала. Хорошо еще, что подружки мои не растерялись и, пока я рыдала, все вместе налетели на воробья и вытолкали разбойника из гнезда! Как ты счастлива, что живешь в городе, где не бывает таких беспорядков!

— Ах, у нас бывает и хуже! — вздохнула в ответ городская ласточка.

— Неужели? Так расскажите, расскажите скорей! — закричали все ласточки разом, и городская гостья сообщила им следующее:

— Случилось так, что королю пришлось отправиться на войну. Я пролетала по саду и сама видела, как сажился он на коня и ускакал вместе с войском. Осталась королева одна во дворце. Ах, она была очень красива, но советники и министры не любили ее, они даже презирали прекрасную королеву, потому что красавица родилась не в замке, не во дворце, а в бедной семье портного. К тому же была очень умна и насквозь видела все их проделки и плутни! Вот и задумали они погубить королеву. Как раз в это время родились у нее дети, близнецы — мальчик и девочка, прекрасные, как лепестки розы. Как радовалась королева! И я радовалась вместе с ней: садилась на подоконник и щебетала громко-громко, любуясь на малюток, лежавших в золотой колыбели. Но видела я и другое, — видела, как под покровом ночи советники и министры писали донос своему королю и владыке; они писали ему, что у красавицы королевы родились не мальчик и девочка, а кот и змея! Подумать только! Малютки ничуть не походили на этих животных! Но придворные знали, что делали. Они знали, что король наш горяч и шутить не любит. И вот уже через месяц на всех площадях читали королевский указ. Король приказал бросить в реку то, что родила королева, а несчастную мать живую замуровать в городской стене!

Тогда темной ночью сестру и брата — совсем еще маленьких — положили в стеклянный ящик...

— Ой, — сказал брат, схватив сестру за руку, — ты слышишь: их положили в стеклянный ящик!

— Слышу, — вся дрожа, отвечала сестра. — Но неужели?..

Она не договорила, но, конечно, оба подумали: уж не о них ли самих говорит длиннохвостая городская ласточка?

А та продолжала:

— Их положили в стеклянный ящик и бросили в реку, а красавицу королеву замуровали в стене. И она непременно бы погибла...

Тут ласточка понизила голос и прошептала:

— Этого не должен никто узнать, подружки, и я надеюсь, что вы не расскажете никому эту тайну: у королевы была преданная служанка. Она решила спасти добрую королеву и потихоньку вязальной спицей просверлила в стене отверстие и с тех пор каждое утро подает через него своей госпоже немного воды и хлеба. Она кормит ее, как мы кормим своих птенцов. И королева жива до сих пор.

— А дети? Неужели они погибли? — зашебетали разом все ласточки.

— Успокойтесь, подружки! Они тоже живы! Их подобрал один добрый рыбак. Они растут вместе с его детьми. Часто бродят по берегам тихой речки и за эти годы стали еще прекраснее.

Услышав это, ласточки радостно взвились в воздух и закружились в небе. Конечно, дети тоже обрадовались и так удивились, что не могли сказать друг другу ни слова. Как хорошо, что научились они говорить по-птичьи! Они все поняли! Все узнали! Они узнали, кто их отец и мать!

А ласточки уже снова слетелись под крышу и стали спрашивать свою городскую подругу:

— Но почему же дети не вернуться к отцу? Почему не освободят мать-королеву?

— А кто же поверит им? Разве легко доказать, что они королевские дети?

— Так неужели же нет никакого средства, чтобы раскрыть обман? — заволновались птицы.

— Есть, но только одно.

— Какое же? Отвечай скорее!

— Об этом мне рассказала кукушка. Я встретила с ней, пролетая по королевскому парку. Ведь вам известно, что она немного гадалка: сколько раз прокукует — столько лет и проживет человек. Так говорят в народе. Она-то вот и узнала, как спасти детей и несчастную королеву. Для этого надо...

Тут даже птенцы ласточек высунули из гнезд свои головы и так вытянули шейки, что чуть не вывалились на землю. В другое время матери клюнули бы их за такое любопытство, но на этот раз не заметили ничего, так хотелось им поскорее узнать, как выручить несчастную королеву. Дети тоже затаили дыхание, чтобы не пропустить ни слова.

— Надо найти Птицу-Правду! — громко прощбетала ласточка. — Она умеет говорить языком человека, и только ей поверит король. Но многие, очень многие в городе не любят Правду, а придворные и министры ни за что не пустят ее во дворец.

— Где же скрывается эта чудесная птица?

— Она заперта в замке «Войдешь — не вернешься!» И проникнуть в него почти невозможно. Двери замка и днем, и ночью охраняет чудовищный великан. Он засыпает только в полночь и то ненадолго, только на четверть часа. И если заметит, что кто-то входит в замок, тотчас же хватается его своей страшной лапой и проглатывает так же проворно, как глотаем мы комаров и мошек.

— Но все-таки где находится этот замок? — спросила любопытная кума Беатрис, самая старшая из деревенских ласточек.

— Не могу же я знать все на свете! — захлопала крыльшками городская гостья. — Мне известно только, что неподалеку от замка, посреди бесплодной равнины, возвышается старинная башня, и на самом верху этой башни живет злая-презлая ведьма. Только она знает, как пройти в замок «Войдешь — не вернешься», но — хоть убей ее! — никому не укажет дорогу. И существует одно лишь средство заставить колдунью разговориться: надо принести ей полный кувшин разноцветной воды. Однако, даже проникнув в замок, не так-то легко разыскать чудесную птицу. Ее сторожат птицы Лжи. Они клюют ее, не дают дышать, они прячут ее в темном сыром застенке. А где находится этот застенок, тоже никто не знает. Говорят, что знает об этом только старый филин, живущий во дворе замка на вершине старого дуба, но он заколдован и обречен на молчание, пока кто-нибудь не придет и не скажет ему слово «ночь». Но как же дети узнают это волшебное слово? Без него же ни за что не найти им Птицу-Правду.

Тут ласточка посмотрела на небо и стала собираться в дорогу.

— Уже поздно, — сказала она подругам. — Смотрите, садится солнце. Оно ищет свое гнездо из морской пены и торопится опуститься в волны. Прощайте. Мне пора во дворец. Прощай, кума Беатрис. Спокойной ночи!

Так сказала длиннохвостая ласточка и полетела в город. А дети, позабыв и усталость, и голод, поспешили за нею следом. К вечеру добрались они до города, где жил король. И брат, и сестра знали уже, что они королевские дети, но не

пошли во дворец. Они попросились переночевать в одном бедном доме, а утром, пока еще спала хозяйка, принялись за работу. Девочка прибрала в доме, а мальчик наносил воды из колодца и полил в саду цветы. Когда же хозяйка проснулась и увидела, что вся работа сделана, ей это очень понравилось, и она предложила детям жить вместе с нею.

— Пускай сестра живет с вами, — ответил мальчик. — Я же должен уйти по очень важному делу, которое и привело меня в эти края.

Он обнял сестру, попрощался с доброй женщиной и отправился в опасный путь — искать Птицу-Правду.

Но разве знал мальчик, где находится замок «Войдешь — не вернешься»? Он шел три дня, но никто не мог указать ему дорогу. Настал четвертый день. Усталый и печальный, мальчик присел отдохнуть под высоким деревом и вдруг услышал тихое воркование. На ветке сидела горлица.

Птичка с черным опереньем,
Подскажи мне, где дорога
В страшный замок людоеда! —

сказал мальчик горлице на птичьем языке, и горлица отвечала:

В страшный замок людоеда
Не ходи — там ждет опасность:
Ты войдешь и не вернешься.

Но мальчик не испугался, он сказал горлице:

Знаю, ждет меня опасность,
Но ищу я Птицу-Правду,
И я должен непременно
Выйти к замку людоеда.

Горлица поняла, что мальчик ни за что не повернет обратно. Она слетела ему на плечо и громко проворковала:

Если хочешь непременно
Выйти к замку людоеда,
В путь спеши с попутным ветром —
Он тебя туда проводит!

Горлица улетела, а мальчик пошел в ту сторону, куда дул попутный ветер. Он очень спешил, потому что боялся: а вдруг своенравный ветер изменит свое направление!

Ветер летел впереди, а мальчик бежал вслед за ним и вскоре очутился посреди бесплодной сухой равнины. Кру-

гом — ни кустика, ни ручейка, только камни, обожженные солнцем, громоздились вокруг. А ветер летел все дальше — туда, где вздымались крутые голые скалы. Со всех сторон обступили они дорогу. Солнце село, стало темнеть, а ветер все мчался и мчался. И вдруг затих. Мальчик тоже остановился, он не знал уже — куда идти дальше. Но в это время на небе расступились тучи, луна озарила равнину, и среди голых скал он увидел мрачную башню, сложенную из огромных камней. Это была башня ведьмы.

Мальчику стало страшно. Ах, как хотелось ему убежать обратно, как не хотелось встречаться со злой колдуньей, но он вспомнил сестру, вспомнил мать-королеву, заживо замурованную в крепостной стене, и, подняв с дороги камень, со всей силы ударил им в железные двери. Глухое эхо раскатилось по скалам, отозвалось вдали протяжным вздохом, и тяжелая дверь открылась. Старуха с факелом вышла навстречу, а за нею выползли из дверей тараканы, змеи, сверчки, пауки, кузнечики, цикады и навозные жуки-скарабеи.

— Сеньора ведьма, — произнес мальчик дрожащим голосом, — мне известно, что только вы можете указать дорогу к замку «Войдешь — не вернешься». Будьте добры, окажите мне эту услугу.

Ведьма оскалила зубы и затряслась от смеха.

— А не поздно ли ты собрался в дорогу, малыш? Подожди до утра, и я сама провожу тебя к людоеду в гости. А сейчас ложись-ка ты лучше спать с моими детишками! — Она указала на тараканов и змей. — Не бойся, они тебя не обидят.

— О нет, сеньора! — воскликнул мальчик. — Я не могу дожидаться утра: еще до рассвета я должен возвратиться туда, откуда пришел. Укажите мне сейчас же дорогу.

— Вот упрямый! — разворчалась старая ведьма. — Не все ли равно, когда погибнуть — вечером или завтра утром! Но если ты такой непоседа — так и быть — я укажу тебе дорогу, но за это ты принесешь мне полный кувшин разноцветной воды из фонтана, который бьет во дворе замка. Согласен?

— На все согласен, — ответил бесстрашный мальчик, и колдунья принялась будить старую тощую собаку:

— Вставай, вставай! Отведи сейчас же этого маленького глупца в замок «Войдешь — не вернешься». Слышишь? Он топится. Наверное, ему жить надоело!

Собака заворчала спросонья, отряхнулась и поплелась по пустынной дороге. А мальчик, захватив с собою большой кувшин для воды, заторопился следом.

Вскоре же они подошли к большому замку. Темный и молчаливый, он возвышался среди бесплодной равнины. Все двери были открыты настежь. Но ни шум голосов, ни малейший шорох не говорили о том, что кто-то живет за его мрачными стенами.

«Войдешь — не вернешься», — вспомнил мальчик страшное имя замка. «Неужели я никогда не выйду отсюда? Не лучше ли сразу повернуть обратно?» Но в это время часы на башне пробили полночь, собака взвизгнула и исчезла в одно мгновение. Решительный час наступил. Мальчик остался один, совсем один, но он не думал уже о возвращении, — он старался припомнить все-все, что слышал от королевской ласточки. «Надо скорей разыскать застенки, где томится Птица-Правда, — думал он. — А то проснется злой великан». Мальчик смело вошел в ворота. Во дворе не было ни души. Он осмотрелся. «Но где же зачарованный филин? Ему надобно сказать заветное слово, он очнется и укажет дорогу к застенку. Но... какое же это слово?» Мальчик похолодел от страха: он забыл заветное слово. Совсем забыл! Сколько ни силился, не мог припомнить! А луна уже скрылась за облаками, стало темно, высоко в небе злобно загудел ветер. В отча-

янии прислонился мальчик к высокому дереву и закрыл лицо руками.

— Какая ночь! Какая страшная ночь! — прошептал он, и вдруг откуда-то сверху, из мрака отозвался гулкой голос:

— Ночь? Кто сказал «ночь»? Кто посмел разбудить меня? Это я — старый филин!

Мальчик очнулся. Луна уже снова озаряла двор мертвым светом, а с дерева смотрели на мальчика два блестящих глаза. Это был филин. Слово «ночь» расколдовало его.

— Это я — королевский сын! — громко воскликнул мальчик. — Помоги мне скорей, укажи — где томится Птица-Правда!

— Птица-Правда? Птица-Правда? — загудел с дерева филин. — Она там — в подземелье, но будь осторожен, будь внимателен: ее стерегут птицы Лжи. Пестрые, яркие, они кружатся в воздухе и поют прекрасными голосами. Не прикасайся к ним, не обольщайся их красотой. Возьми только маленькую белую птичку. Это и есть Птица-Правда, Птица-Правда...

— Спасибо тебе, добрый филин! — ответил мальчик. — А потом я должен набрать разноцветной воды из фонтана...

— Разноцветной? Глупец! — отозвался филин. — Ты сам погубишь себя! Эта вода нужна ведьме для колдовства. Не бери разноцветной воды — зачерпни прозрачной: вода, прозрачная как слеза, разрушит все чары ведьмы. — Филин захохотал. — Отнеси ей полный кувшин! Торопись! Сейчас людоед проснется!

Но мальчика не нужно было ни уговаривать, ни просить. Он уже спускался по широким ступеням в темное подземелье. В одно мгновение очутился перед птичником, распахнул двери и невольно зажмурил глаза: яркие птицы Лжи кружились перед ним. Они пели сладкими голосами.

— Птица-Правда! Где ты? — закричал мальчик. Но напрасно ждал ответа. Он ворвался в птичник. Пестрые птицы не пускали его, клевали, налетали со всех сторон. Но он заметил уже в уголке скромную белую птичку, схватил ее и спрятал у себя на груди. Громко вскрикнули птицы Лжи, но мальчик уже бежал за водой к фонтану. В это время по замку пронесся протяжный рев: людоед просыпался.

Зачерпнуть чистой воды из ключа, протекавшего у подножия фонтана, было делом одной минуты. А рев становился все сильнее. Мальчик выбежал за ворота и пустился в обратный путь. Вслед ему полетели огромные камни: людоед

проснулся! Прячась за скалами, мальчик бежал все дальше, не останавливался ни на минуту, пока рев и грохот камней не затихли вдали.

Так добежал он до башни ведьмы. Старуха уже ждала его на пороге, а вокруг нее кишели пауки, тараканы, змеи, сверчки, кузнечики и навозные жуки-скараabei. Колдунья выхватила у мальчика кувшин и, воскликнув: «Теперь станешь ты пауком!» — выплеснула на него разом всю воду. Она думала, что в кувшине разноцветная колдовская вода, но мы-то знаем, мальчик принес прозрачной воды. Это была добрая и чудесная «вода красоты». Она не повредила мальчику, а ящерицы, змеи и насекомые тотчас же бросились к разлившейся по камням струе и стали купаться в ней. О чудо — юркие ящерицы на глазах у мальчика превратились в стройных рыцарей, цикады — в прекрасных принцесс, тараканы — в веселых студентов из Саламанки, а навозные жуки-скараabei — в почтенных докторов, одетых в длинные мантии и шапочки ученых. Комары стали звонкоголосыми певцами, мухи — печальными видами в черных кружевных мантильях, а пауки — монахами в рясах.

Увидев это, старая ведьма схватила метлу, взвилась в воздух и исчезла в ночном небе, а все спасенные отвесили мальчику глубокий поклон и отправились каждый своей дорогой. Мальчик же, согревая Птицу-Правду своим дыханием, поспешил обратно в город.

Как обрадовалась сестра, увидев брата живым и невредимым! Но она обрадовалась еще больше, узнав, что он принес Птицу-Правду. Однако самое трудное было еще впереди. Нелегко, почти невозможно было пробраться в королевский дворец. Неизвестно откуда — быть может, подсказала им это злая ведьма, — но придворные уже знали, что Птица в городе. Они боялись Правды, они боялись, что раскроются все их преступления, и решили ни за что не пускать во дворец волшебную птицу.

— Убить! Отравить ее! — приказали они солдатам и удвоили стражу перед дворцом. Они готовили охотничьих соколов, чтобы преследовать Птицу и изловить ее, они строили клетки, чтобы запереть Правду и снова бросить в застенок. Они распустили слух, что маленькая белая птичка скрывает под перьями черное оперенье, что она вовсе не Птица-Правда, а самая злая птица на свете, что она хочет убить самого короля. Однако король не поверил этому. Узнав, что чудесная птица находится в городе, он издал приказ: каждо-

го, кто принесет во дворец Птицу-Правду, немедленно провести в тронный зал!

Глашатаи объявили приказ на площади, и мальчик, услышав приказ короля, взял сестру за руку и смело пошел во дворец. Он нес птицу за пазухой и громко пел:

Королю несу я Птицу,
Королю несу я Правду!..

Так дети приблизились ко дворцу. Но не верные королевские слуги, а хитрые советники и министры выбежали им навстречу.

— Схватить мальчишку! — приказали они солдатам, и солдаты в высоких шапках, с копьями и алебардами окружили детей и уже схватили их, чтобы бросить в темницу, но в эту минуту птичка выпорхнула из-за пазухи и с громким щебетом полетела прямо в окно к королю.

О сеньор, я — Птица-Правда, —

запела она, опустившись перед королевским тронном. —

Принесли меня к вам дети:
Ваши дети — брат с сестрою.
Прикажите же скорее
Распахнуть пошире двери —
Во дворец впустить обоих!

Конечно, король очень удивился словам птицы, но тотчас же поверил ей, потому что никто не мог не поверить Правде. Слуги распахнули двери дворца, и сам король вышел навстречу детям. Он обнял их и заплакал от счастья. И даже солдаты в высоких шапках, с копьями и алебардами не могли удержаться от радостных слез, потому что дети — и брат, и сестра — лицом были как две капли воды похожи на самого короля. Пришли музыканты и, надув щеки, стали играть на медных трубах. Когда они кончили, король воскликнул:

— Дети мои, если бы ваша мать могла вас увидеть! Но я сам ее погубил!

— Нет, — смело ответил мальчик, — она жива. Прикажете разобрать крепостную стену, и королева выйдет вам навстречу.

Позвали каменщиков. Они разбили ломами стену, и народ увидел свою королеву. Королева была бледна, как изваянная из мрамора, но, когда увидела детей и прижала их к своему сердцу, тотчас же порозовела от радости и стала такой прекрасной, какой не была еще никогда. Это очень понравилось королю. Он взял королеву под руку и повел во

дворец. Конечно, и дети вошли вместе с отцом и матерью в тронный зал, а придворные — советники и министры — так испугались, что разбежались в разные стороны и не стали ждать, пока палач отрубит им головы по приказанию короля.

А король сел на трон, посадил рядом с собой прекрасную королеву, а у ног своих — молодого принца и молодую принцессу. В тот же день назначил он бедного рыбака своим первым министром. Не забыл и служанку, которая столько лет, рискуя жизнью, кормила несчастную королеву: он сделал ее герцогиней-дукессой, а женщину, приютившую в городе сестру и брата, пригласил во дворец и назначил фрейлиной королевы.

А вечером был большой пир. Весь город поздравлял принцессу и принца. И король с королевой всех угощали. Гости все съели, и на тарелках ничего не осталось.

Осталась только сказка — длинная, как река. Но и река кончается, добежав до моря.

А сказка? Куда придет сказка, где кончится, — об этом никто не знает!

Нортугальские
сказки

Потерянный кошелек

Жил в Алемтежу богатый купец. Чем больше денег откладывал он в сундук, тем скупей становился. Целыми днями только о том и думал, как бы нажиться и бросить в сундук еще одну горсть золотых монеток.

Однажды он купил гурт овец и продал его с большим барышом. Веселый, с тугим кошельком в кармане, купец возвращался домой с базара. И как было ему не веселиться! В кошельке позванивали четыреста золотых эскудо.

«На эти четыреста я опять куплю овец и продам их за восемьсот. Куплю новых и опять продам вдвое дороже...» — думал жадный купец и так размышлялся, что выронил кошелек из кармана.

Только дома он обнаружил пропажу и вместе с тугим кошельком чуть не потерял последний рассудок. Всю ночь он не спал, вздыхал и охал, а утром отправился к властителю города, великому герцогу, и, низко кланяясь, стал просить его:

— О великий герцог, заступник несчастных и покровитель всех честных людей! Выручи меня из беды, прикажи объявить указ: если кто-нибудь найдет кошелек с четырьмястами эскудо, пускай принесет к тебе и из четырехсот получит в награду сорок.

Герцог пожалел купца и в тот же день велел объявить на площади о потере и об обещанной щедрой награде. А через три дня к герцогу пришла бедная женщина и вручила ему кошелек с четырьмястами эскудо.

— Твоя честность достойна награды, — сказал великий герцог и приказал позвать купца.

Увидев свой кошелек, купец высыпал деньги на стол и с жадностью принялся пересчитывать золотые. Их было ровно четыреста.

Но теперь купцу не захотелось расставаться хотя бы с десятой долей денег.

— О женщина! — воскликнул мошенник. — Здесь не все деньги! Кроме этих вот, четырехсот эскудо, я положил в кошелек еще четыре венецианских золотых!

Женщина спокойно ответила:

— Сеньор купец, если бы я хотела присвоить себе ваши деньги, я взяла бы весь кошелек и не принесла бы его сеньору герцогу.

Все поняли, что она говорит правду, но купец продолжал кричать и бранить женщину.

Конечно, герцог догадался, что жадный купец попросту не хочет платить обещанной награды, и приказал ему:

— Подойди ко мне и дай сюда кошелек.

Купец выполнил приказание.

Герцог спросил:

— Ты утверждаешь, что в твоём кошельке были еще четыре венецианских монеты?

— Да, сеньор герцог.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше? Или ты хочешь присвоить чужое?

И, возвысив голос, сказал:

— Этот кошелек не принадлежит купцу. Я тоже на днях потерял кошелек, и в нем было как раз столько же золотых эскудо, но не было ни одной венецианской монеты. Значит, этот кошелек мой.

Затем, обратившись к женщине, герцог прибавил:

— Почтенная сеньора, дарит не тот, кто богат, а тот, кто добр, — так говорят у нас в народе. Потому-то ты и принесла сюда этот кошелек. Возьми же его себе в награду за доброту.

И он отдал женщине кошелек со всеми эскудо.

А жадный купец ушел ни с чем и стал надолго посмешищем для всего Алемтежу.

Как Саншу в пастухи нанимался

Осиротел мальчик Саншу, и, кроме смекалки, не оставили ему отец с матерью никакого наследства. Пришлось поневоле искать работы и наняться в пастухи к богатому скотоводу.

Весь день бегал Саншу за хозяйскими овцами, а когда наступил вечер, хозяин поставил перед ним миску горячей пустой похлебки да еще прикрикнул:

— Смотри не копайся!

— О мой хозяин! Но твоя похлебка слишком горяча! — скромно ответил мальчик.

— А ты подуй на нее, — огрызнулся хозяин. — Во дворе еще много работы!

«Ну, в этом доме я не останусь, — подумал мальчик. — Здесь не дадут даже поесть спокойно!» — И на следующее утро пошел наниматься к другому скотоводу.

Опять целый день бегал Саншу за хозяйским стадом, и вечером поставил хозяин перед ним миску горячей пустой похлебки.

— О мой хозяин! Твоя похлебка слишком горяча! — сказал мальчик.

— А ты не спеши, парень, — отозвался хозяин. — Подожди, пока похлебка остынет.

«Этот хозяин добрее первого, — подумал мальчик. — Но и здесь я не останусь работать. Времени на еду тут всегда хватит, но, кроме пустой похлебки, в этом доме ничего не получишь».

Он дождался утра и пошел наниматься к третьему хозяину.

Целый день пас Саншу хозяйских овец на горном склоне, когда же вечером ему подали миску пустой похлебки, смысленный мальчик лукаво посмотрел на хозяина и снова сказал:

— О мой хозяин! Твоя похлебка слишком горяча!

— А ты, сынок, покроши в нее кукурузной булки, — улыбнулся хозяин в ответ, и мальчику это очень понравилось.

Он накрошил полную миску кукурузной булки и не спеша досыта наелся густой похлебки.

«Вот этот дом мне подходит!» — решил мальчик. Он остался в пастухах у третьего скотовода и так прилежно смотрел за стадом, что за все лето у него не пропало ни одной овечки.

Бульон из камня

Странствующий монах ходил из деревни в деревню и во имя святого Антония выпрашивал себе подаяние. Крестьяне не были слишком богаты, но хитрый монах умел посулить

им на том свете такое блаженство, что нередко бедняки делились с ним последним. Одним словом, жилось монаху не плохо, его брюхо стало круглым, как тыква на огороде, а румяные щеки лоснились, как два спелых яблока.

Как-то раз постучался монах под окошком у одного земледельца и затянул свою песенку:

— Добрые люди, во имя святого Антония, подайте страннику на пропитание...

Окошко тотчас же отворилось, и монах уже думал, что хозяин позовет его в дом и накормит досыта, но хозяин появился в окошке и сказал монаху:

— Ваше преподобие, ступайте своей дорогой. Святой Антоний уже получил свою долю: не дальше как вчера ко мне приходил такой же, как и вы, праведник и выпросил во имя Антония каравай пшеничного хлеба.

— Так подайте мне во имя святой Сесилии!

— А Сесилия третьего дня получила целый бараний бок,— ответил крестьянин.

— Во имя пресвятой девы Марии...— запел монах, но крестьянин даже не дал ему закончить.

— Святая Мария унесла у меня петуха и курицу!— сердито крикнул крестьянин монаху и захлопнул окошко.

Другой бы на его месте давно ушел, но этот монах был хитер и настойчив, к тому же подошло время обеда, а ему совсем не хотелось продолжать путь на пустой желудок. Поняв, что крестьяне уже раскусили его проделки и на удочку больше не попадутся, святой отец осмотрелся и выбрал дом побогаче — под высокой черепичной крышей. Это был дом деревенского старосты.

Однако на стук окошко лишь чуточку приоткрылось, и хозяин, увидев на дороге монаха, сердито буркнул:

— А ну, проходи, преподобный отче!

Однако монах не смутился таким приемом. Он весело подмигнул старосте и спросил:

— Друг мой, а вы никогда не вкушали бульон из камня?

— Бульон из камня?— удивленно переспросил хозяин и распахнул окошко настежь, думая, что плохо расслышал слова монаха.

— Ну да, из самого обыкновенного камня!— воскликнул монах, поднимая с дороги увесистый бульжник и тщательно вытирая его полой своей рыжей рясы.— Разве вы не знаете, что это самое вкусное кушанье?

— Быть не может!— продолжал удивляться хозяин.— Из простого камня?— А сам смекнул уже, что бульон

из камня будет в хозяйстве большим подспорьем! Стоит только научиться его варить!

От жадности у старосты затряслись руки.

— Так покажите же мне скорей, как это делать, — стал он молить монаха, уже открывая двери.

— Дайте мне только пустой горшок, и вы убедитесь, что слова мои — чистая правда! — заливался монах.

Конечно, тут уже вся семья сбежалась взглянуть на чудо: и дочка старосты в пестром чепце, и старостиха — толстуха в нарядной юбке. Хозяин поставил горшок на стол, и все, вытаращив глаза, уставились на святого. Монах же тем временем не спеша вымыл камень, сунул его в горшок, залил водой и, поставив на огонь, принялся помешивать ложкой, чтобы — упаси бог! — камень не пригорел.

Когда вода в горшке закипела, монах облизнулся и сказал:

— Друзья мои, этот бульон попробует первым тот, кто даст мне немножко сала.

Хозяйская дочка тотчас вскочила и принесла монаху кусочек сала.

Святой отец бросил его в горшок, помешал в горшке ложкой и, попробовав, произнес:

— Этот глоток пресный. Не хватает щепотки соли.

Конечно, на соль хозяин не поскупился.

Монах посолил бульон, опять попробовал, причмокнул губами и сказал с блаженной улыбкой:

— Даже ангелы на небе и те не отказались бы от такого бульона! Недостает только капусты.

— Вот вам капуста! — воскликнула хозяйка, подавая монаху два больших кочана. — Варите только скорее. Я никогда не пробовала бульона из камня.

Ей тоже очень хотелось поскорее отведать чудесного бульона. Монах же тем временем очистил кочаны и положил листья в горшок. Немного погодя он сказал:

— Теперь бы еще кусок колбаски, и вы увидите, что такого бульона не едал даже папа римский!

Хозяин принес колбасы. Монах опустил ее в горшок и принялся усердно пробовать пищу.

— Ну что, готово? — с нетерпением спросила хозяйка.

— Обождите, обождите... — бубнил монах, глотая ложку за ложкой и облизываясь.

— Я принесла сала и буду пробовать первой! — не унималась дочка.

— Нет, я! Я принесла капусту! — не уступала мать.

— Да кто тут хозяин! — рассердился староста. — Я отдал ему чуть ли не полколбасы и никому не уступлю права отве-
дать первым бульон из камня!

Так они спорили, ожидая, что монах предложит им по чашке бульона, но святой тем временем все пробовал, про-
бовал чудесный бульон — не маловато ли соли, хватает ли
перцу — и так очистил горшок до самого дна. Все с удивле-
нием уставились на камень: камень лежал на дне горшка
и не стал ничуть меньше, а ведь он варился так долго. Это
было настоящее чудо!

— А что же теперь будет с камнем? — в один голос вос-
кликнула вся семья.

Монах спокойно ответил:

— Я его вымою и возьму с собой. Я вижу, что и в другой
раз он может мне пригодиться.

С этими словами хитрец положил камень в свой необъ-
ятный кошель и распрощался с хозяевами.

Так монах пообедал, где ему не хотели дать ничего.
А жадный староста и его любопытные дамы до сих пор еще
вспоминают, какой чудесный аромат шел от горшка, в кото-
ром святой отец варил бульон из самого обыкновенного
камня.

Мешок орехов

Собрались друзья на пирушку. Пятеро было женатых, а шестой — холостой. Он был аббатом.

Пировали весь день — развеселились. Вот и стал преподобный аббат подтрунивать над друзьями:

— Все вы женаты, я один — холостой, и живется мне лучше всех. Сам я хозяин в доме: куда хочу — туда и пойду, что хочу — то и возьму, никого не спрошу. А вами жены весь день командуют; у вас в доме, как говорится, курица умней петуха! Ну, скажите, что я не прав!

Друзья обиделись:

— Конечно, не прав!

— А ну, попробуйте докажите!

Завязался горячий спор. Спорили — чуть не охрипли. Наконец аббат сказал:

— Я человек богатый, а теперь стал еще богаче. У меня в саду такой урожай орехов, какого никогда еще не бывало. Так вот кто из вас докажет, что живет своим умом, а не ждет весь день, чтоб жена ему указала пальцем, что надо делать, — тому отсыплю я полный мешок орехов. Идет?

— По рукам! — согласились друзья.

— Ну что ж, по рукам, — подтвердил аббат и пошел домой собирать орехи.

Остались друзья одни — задумались: орехов каждому хочется, а как докажешь, что и в самом деле ты старший в доме? Нет-нет да и уступишь жене — не в том, так в другом. Всегда так в семье бывает.

Один Фернанду не сомневался, сидел да усы покручивал. Весь город знал, какой он строгий хозяин: дома при нем ни жена, ни дети и рта открыть не смели! Что еще тут доказывать, если все соседи могли за него поручиться!

Стукнул кулаком по столу и сказал друзьям:

— О чем тут думать? Все равно орехи мои!

И пошел за орехами к аббату.

— Никто, — говорит, — во всем городе не посмеет сказать, что в моем доме курица умнее петуха! Если не веришь — спроси людей.

— Почему мне тебе не верить? — отвечал с усмешкой аббат. — Успокойся, ты получишь орехи. Пойди принеси мешок.

Через час вернулся Фернанду с небольшим мешком. Отсыпал ему аббат орехов и спрашивает:

— Фернанду, неужели не было у тебя мешка побольше, чем этот?

— Конечно, был. Как не быть большому мешку в хозяйстве!

— Почему ж ты его не взял?

— Я бы взял, да жена не дала. Говорит: стыдно с таким большим мешком идти — и велела взять поменьше.

Как принялся аббат хохотать:

— Высыпай орехи обратно! Теперь я вижу, кто у вас верховодит в доме!

Так и ушел ни с чем Фернанду. А дома еще от жены влетело, что не умел держать язык за зубами и так глупо проболтался.

Кувшин из серой глины

Крестьянин всю жизнь откладывал медные деньги на черный день. И вот пришла старость, крестьянин ослеп и не мог уже работать в поле, но не погиб от голода, потому что во дворе, возле дома, под высокой финиковой пальмой у него был зарыт большой кувшин из серой глины, до краев наполненный медяками.

Каждую субботу вечером, после захода солнца, слепой выходил во двор, разгребал руками землю и вынимал из заветного кувшина несколько медных монеток, чтобы прожить до следующей субботы.

Прошел год. Но крестьянин не унывал, так как у него все еще оставалось порядочно денег. И вдруг в одну из суббот слепой не нашел кувшина на месте. Сколько ни шарил он руками под высокой финиковой пальмой, не мог ничего нащупать: осталась в земле от кувшина только глубокая круглая ямка.

Бедняга понял, что деньги у него украли. Но кто же мог это сделать? Наверное, кто-нибудь из соседей! Но соседей у крестьянина было двое — один справа, а другой слева. Справа жил бедняк, а слева — богач-торговец. Конечно, бедняк больше нуждался в деньгах!

«И все-таки, — подумал слепой, — никогда бедняк не позарится на гроши такого же, как и он, горемыки! Значит, деньги вырыл другой сосед». К тому же окно богача выходило как раз во двор слепого, и из него легко было подсмотреть, как крестьянин зарывал под деревом свои сбережения.

«Чем больше человек богатеет, тем жаднее становится», — подумал слепой и постучался в дом богача.

Конечно, он не сказал торгашу ни слова о своей пропаже. А начал так:

— О сеньор сосед! Я очень болен и чувствую, что скоро умру. А у меня есть деньги — много денег. Я копил их всю свою жизнь и накопил целый кувшин медных монет. Этот кувшин из серой глины я закопал во дворе, под высокой финиковой пальмой. Что же будет с ним после моей смерти? Ведь нет у меня ни родных, ни друзей. Там вот, сеньор ваша милость, я решил оставить все мои денежки вам, потому что вы всегда были для меня добрым соседом. И я оставлю вам не только медные деньги. Нет, у меня есть еще горшок с серебром. Он спрятан в другом месте. Но чтобы вы могли взять все мои деньги сразу, я завтра же закопаю горшок рядом с кувшином под высокой финиковой пальмой.

Богач внимательно выслушал его и долго благодарил. Когда же крестьянин ушел, взял заступ, потихоньку пробрался во двор слепого и закопал кувшин с медяками на прежнем месте.

«Теперь мне достанутся не только медные деньги, но и горшок с серебром!» — радовался богач. Но радовался напрасно, потому что слепой на другой же день выкопал свой кувшин из серой глины и спрятал его в надежном месте.

А вечером снова постучался в дом богача и объявил ему, громко плача:

— Сеньор ваша милость! У меня все украли! И горшок, и кувшин — все мои сбережения! Все до последнего сентаво! Идемте скорее ко мне во двор!

Он привел богача к высокой финиковой пальме, и тот убедился, что под деревом нет ни горшка, ни кувшина.

Богач понял, что слепой перехитрил его, но как быть? Не тащить же слепого к судье за то только, что взял он назад свои собственные медные деньги!

Ленивая жена

Ходит месяц Март по дорогам от селенья к селенью — стучится под окошками:

— Выходите, крестьяне, в поле. Пришло время сеять, пришло время копать огороды!

Ни одного дома не пропустит.

Так рассказывают крестьяне в долине реки Тежу. Старенький уже Март — борода седая. Сколько лет по дорогам ходит. Долго ли тут состариться!..

Одни рассказывают, а простачки да малые дети верят, что и в самом деле ходит весною от дома к дому длинноротый дедушка Март и велит всем выходить на работу.

Один молодой крестьянин женился, но жена попалась ему такая ленивая — ничего не хотела делать.

— Неужели тебе не скучно сидеть без работы? — говорил ей муж. — Взяла бы пряслище, напярла бы ниток!

Но ленивая жена отвечала:

— И завтра напярсть успею. Нельзя мне сегодня работать: у меня сестра именинница!

И на каждый день была у нее своя отговорка: то рука болит, то нога, то в соседнем селенье праздник.

Так прошла зима, прошел январь месяц, февраль — и тот к концу подошел.

Наконец крестьянину надоело смотреть, как жена сидит сложа руки.

Сказал:

— Берегись, завтра первое марта. Уж, наверно, старик Март тебя не похвалит!

Жена только плечами пожала:

— Не боюсь я твоего Марта. С утра разложу перед дверью циновки, чтобы их побелило солнце. Увидит циновки Март, обрадуется — похвалит меня, что так радушно его встречаю!

Муж ответил:

— А не кажется ли тебе, что месяц Март обрадуется еще больше, увидев, что ты прядешь нитки?

На это жена ничего не ответила. До вечера просидела в саду, а потом улеглась спать на мягкой постели. Но муж в эту ночь совсем не ложился. Он надел старый халат, смастерил себе длинную седую бороду, взял в руки суковатую палку и потихоньку вышел из дома.

И вот настало первое марта! Жена надела свое самое лучшее платье, расстелила перед домом чистые циновки и уселась у двери — нарядная, спокойная и очень довольная тем, что так ловко придумала обмануть старика Марта.

Сидит и ждет, скоро ли придет месяц Март. Наконец увидела, что к дому приближается незнакомый старик с длинной седой бородой, и сразу же догадалась, что это и есть месяц Март. Она кивнула старику головой и учтиво сказала:

— Здравствуйте, сеньор Март!

Старик ответил:

— Здравствуй, красавица!

Потом посмотрел на циновки, нахмурил брови и строго спросил:

— Отвечай, почему не работаешь?

— Как не работаю, сеньор Март! — затараторила в ответ женщина. — Да я глаз не смыкаю, ни минутки покоя не знаю. Не видите, что ли, — спозаранку белю циновки!

Она была очень красноречива и могла бы трещать целый час подряд, но старик перебил ее.

— Не хитри! — закричал он сердито. — Не ты белишь циновки — их белит солнце. А ты сидишь сложа руки! Но если муж не приучил тебя к работе, так я сам возьмусь за дело.

Так сказал месяц Март и в подтверждение своих слов отколотил ленивицу своей суковатой палкой.

Когда женщина пришла в себя, старика уже не было. Она побежала в лавку, купила пряслице и тотчас же принялась за работу.

Возвратившись домой, муж увидел, что жена прилежно прядет нитки и напярала уже большой клубок.

Он сделал вид, что удивлен не на шутку, и воскликнул:

— О женушка! Вот умница! Я вижу, ты хочешь встретить старика Марта настоящей работой!

— Да он уже приходил, — смущенно ответила жена.

— О чем же вы говорили? — с любопытством спросил крестьянин.

— О, сеньор Март был со мной очень любезен, но сказал, что больше любит, когда его встречают мотком ниток, а не расстилают перед домом циновки.

Так ответила она мужу, а крестьянин подумал: «Нет, не зря ходит месяц Март по дорогам, не зря стучится в окошки. И недаром каждой весной вспоминают его крестьяне в долине реки Тежу».

Десять помощников тетушки Зеленая Вода

Вот вам, сеньоры, еще одна сказка про ленивую и нерадивую жену. Даже не сказка, а самый достоверный рассказ. Правда, в нем встретитесь вы с волшебницей, но она ни капельки не похожа ни на фею с магической палочкой, ни на злую колдунью с крючковатым носом. Она не гадала на картах, не вызывала злых духов, не шептала таинственных заклинаний и все-таки была самой настоящей волшебницей, потому что каждый, кто с ней встречался, начинал сам творить чудеса.

Послушайте сказку — и увидите, что творить чудеса не так уж трудно. Стоит лишь захотеть и немножечко постараться.

Так вот: где-то когда-то жил крестьянин. Он был молод и трудолюбив, а его жена была молода и ленива. Настолько ленива, что ни одно дело не могла довести до конца. Ее дом был всегда полон сора, а постели до вечера оставались неприбранными. Когда муж рано утром уходил на работу, в ведре не было воды, чтобы умыться. А когда поздно вечером он возвращался с поля, ужин не был готов, огонь не пылал в очаге, а жена спала крепким сном.

Наконец молодой муж рассердился. Возвратившись домой под вечер, он разбудил жену и отколотил ее хорошенько. Он отколотил ее так прилежно, что жена проплакала до рассвета и с первыми лучами солнца пошла жаловаться своей соседке, которую звали все Тиа Верде Агуа.

Не удивляйтесь, что у соседки такое длинное имя: это было даже не имя, а прозвище. Тиа Верде Агуа значит: тетушка Зеленая Вода. И не зря так прозвали крестьяне старуху; многие думали, что она немножко колдунья. Да вы и сами сейчас убедитесь в этом!

Итак, обиженная жена пришла к Тиа Верде Агуа и сказала:

— Тетушка, ваша милость! Ну что мне делать: мой муж совсем меня разлюбил! — И она подробно рассказала старухе о своем горе.

— Я знаю, как помочь тебе, — спокойно ответила Верде Агуа. — Я пришлю тебе десять моих помощников. Проворные и невидимые, каждый день и час они будут тебе служить, и с их помощью ты легко справишься с хозяйством. Поверь мне, твой муж будет очень доволен и снова тебя полюбит.

Ленивица очень обрадовалась.

— Когда же ты их пришлешь? — спросила она тетушку в нетерпении.

— Хоть сегодня, — отвечала старуха. — Только надо их как следует встретить.

— Как же их встретить?

— А ты встань пораньше, прибери постели, подмети пол — не оставь нигде ни соринки, а потом разведи огонь в очаге и принимайся готовить пищу. Если ты каждый день станешь так делать, мои помощники тебя никогда не покинут.

Обрадованная жена поспешила домой и не откладывая стала готовиться к встрече волшебных помощников тетушки Верде Агуа. Она даже сама удивилась, как ловко все у нее получалось! «Ай да помощники!» — радовалась она. А когда муж пришел с работы и увидал, что нет на полу ни соринки, а на огне, распространяя приятный запах, подрумянивается вкусное жаркое, — он обнял свою жену так крепко, как в первый день после свадьбы.

Радостная и веселая, в тот же вечер прибежала жена к тетушке Верде Агуа и от всего сердца благодарила ее за помощников, невидимых и проворных, которые вернули ей счастье.

Конечно, на другой день с еще большим усердием стала готовиться женщина к встрече добрых помощников и убедилась, что все десять явились вовремя и целый день не покидали ее ни на минуту, потому что вечером удивленный муж снова похвалил свою хозяйку и обнял ее еще крепче.

И на третий, и на четвертый день повторилось то же самое. Счастье и мир поселились в доме. Муж удивлялся — жену словно подменили — и всем, всем на селе рассказывал, что лучшей жены нет на свете.

— Не нахваляюсь я на ваших помощников, тетушка! Они такие проворные! — восхищалась жена, забежав как-то вечером к своей соседке. — Одно только меня огорчает: я ни разу их не видала и не знаю даже, как они выглядят!

— Ну, этому делу нетрудно помочь! — отвечала старуха. — Но скажи мне: неужели ты их в самом деле никогда не видала?

— Никогда! — призналась простодушная женщина.

— Так посмотри внимательно на свои руки! — рассмеялась тетушка Верде Агуа. — Мои десять помощников — это твои десять пальцев! Не правда ли — они всегда с тобой и всегда тебе помогают!

Ну и довольна же была молодая жена! Она шла домой и радовалась. Еще бы — она поняла, что сама, своими руками вернула себе счастье. Она знала, что теперь десять верных помощников никогда ее не покинут, а это не так уж плохо!

Вот каким чудесам научились мы с вами у доброй волшебницы по имени тетушка Зеленая Вода. Оказывается, что творить чудеса не так уж трудно: стоит лишь немножечко постараться.

Три добрых совета

Отслужил солдат королю. Отслужил все четыре года. Хоть не много платили солдату, не с пустым кошельком собрался в дорогу. Четыре года вина не пил, четыре года табаку не курил: по грошу на хозяйство откладывал. На войне денежки ни к чему, а дома всегда пригодятся.

Надел на плечи ранец парень, ремень затянул потуже — хоть сейчас в поход. Зашел к знакомому старику попрощаться.

А старик как родного сына любил солдата. Сказал:

— Отвечай на прощанье, что дороже тебе — деньги, которые ты скопил на службе, или три добрых совета.

— Деньги в хозяйстве нужны, как кровь, — ответил парень. — Надо и дом поправить, и быка купить — поле пахать. Как вернуться к молодой жене без денег?

Старик засмеялся:

— Деньги могут украсть в дороге, а моих советов никто не отнимет.

— А какие же это советы?

— Очень добрые, мой дружок: лучше денег в пути пригодятся.

— Ладно! — согласился солдат. — Я всегда верил тебе и сейчас поверю! — И отдал старику все свои сбережения.

— А теперь слушай, — начал хозяин. — Вот мой первый

совет: не ходи по тропинке, а ходи всегда по большой дороге.

— А какой же второй совет?

— Не ночуй в доме с богатым вместе.

— И этот совет запомню.

— Запомни и третий: никогда не суди о людях по первому взгляду.

Стал солдат прощаться, а хозяйка, жена старика, вынесла на блюде пирог и поставила на стол перед солдатом:

— Возьми, сынок, на дорогу.

Поблагодарил парень хозяев, взял пирог и пошел. Идет, пирог в руках держит, думает: «Хорош пирог, но будет еще вкуснее, если до дому донесу, вместе с женою съем. Пусть и она городским пирогом полакомится».

Так подумал солдат и вышел на королевскую дорогу.

Догоняет его погонщик мулов. На мулах поклажа: на одном — кувшины с оливковым маслом, на другом — ковры навьючены. Везет товар продавать в селенье. А до селенья еще далеко. Разговорились. Все о себе рассказал солдат. Идут — беседуют. Слева — поле, а справа — лес. Через лес тропинка.

— Пойдем по тропинке, — сказал погонщик, — напрямик скорее дойдем до селенья.

— Нет, — отвечает солдат, — ты как хочешь, а я пойду по большой дороге.

Попрощались. Пошел погонщик с мулами напрямик через лес, а солдат шел, шел по большой дороге — только к вечеру добрался до селенья. Смотрит — выбегает из леса погонщик. Один бежит, без мулов и кричит: напали в лесу на него разбойники и мулов, и товар — все отобрали!

«Первый совет помог мне», — подумал солдат. Пошел дальше. К вечеру дошел до таверны; устал, пора отдохнуть с дороги.

Входит: сидит за столом какой-то проезжий. Одет богато, за все золотом платит.

— Садись со мной, — говорит солдату. — Денег у меня много, досыта угощу!

Хоть и голоден был солдат, отказался: вспомнил второй совет старика — не ночевать с богачом под одной крышей. Поплелся дальше. Только к утру дошел до другого селенья.

Еще и не рассвело, а крестьяне все на ногах.

— Что случилось?

— Злодея ищут!

— Какого?

— Убил он ночью богатого старика в таверне. Унес тяжелый мешок с деньгами!

«Ну, — подумал парень, — хорошо, что я с богачом ночевать не остался! Не плохо посоветовал мне старик. Посмотрим, что дальше будет!»

Накормили его крестьяне хлебом с овечьим сыром. Пошел своей дорогой солдат. До родного дома уже недалеко.

Идет, думает: «Удивлю-ка жену. Четыре года ждала, а я тут как тут!» Не пошел в дверь, со двора зашел — заглянул в окошко. Смотрит — а в доме чужой человек! Раз чужой — значит, вор! Солдат-то был молодой, шутить не любил. Выхватил нож — и прыг в окно. Замахнулся ножом, да вспомнил третий совет старика: не судить о людях по первому взгляду. Бросил нож и сказал чужому:

— Кто такой?

А в это время входит жена:

— Здравствуй, Жуан! Как вовремя ты пришел! Теперь у меня двойная радость. Это мой брат родной: вчера вернулся он из Бразилии!

Обнялись и сели за стол.

«Ну, — подумал солдат, — помог мне и третий совет доброго старика».

Он рассказал жене и шурина все, как было, и стал угощать их пирогом. Хотел разделить его на три части, а нож не режет: что-то твердое в пироге. Разломали, а там все деньги, что накопил солдат за четыре года.

Вот и вся сказка — больше я ничего не знаю.

Находчивый свинопас

Семь лет свинопас выгонял хозяйских свиней в поле, семь лет не платил ему ни гроша скупой хозяин.

Пришло время — собрался парень жениться и обзавестись своим домом, а денег нет. Пошел и поклонился хозяину:

— Заплатите мне за работу.

Хозяин завздохал и заохал:

— Ну, куда ты спешешь? Не пропадут твои деньги. Подожди, через год сполна с тобой расплачусь!

Но парень уже не раз слышал такой ответ и давно понял, что хозяин с ним добром никогда не расплатится! Стал думать, как же в конце концов получить от хозяина свои денежки: за семь лет их накопилось немало.

Погнал свиней в поле, а сам все думает, как же быть с деньгами. Вдруг видит — идет человек по дороге. Подошел поближе, остановился, посмотрел на стадо и спрашивает:

— Твои, парень, свиньи?

— А тебе что?

— Продай свиней. Я дам неплохую цену.

— Ладно, бери свиней, только отдай мне хвосты и уши.

Сговорились. Положил свинопас денежки в свою пастушью сумку, отдал ему покупатель свиные хвосты и уши и погнал стадо по дороге.

«Ну,— думает свинопас,— за первый год хозяин со мной рассчитался. Теперь надо еще за шесть лет получить!»

Пошел к болоту, насадил на жерди свиные хвосты и уши, воткнул жерди в трясину, а сам побежал домой к хозяину и начал кричать:

— Сеньор хозяин! А сеньор хозяин! Помогите! Свиньи в болоте тонут!

Всполошился богач, примчался к болоту, а из трясины торчат свиные хвосты и уши! Стал свиней за хвосты тянуть, а хвосты в руках остаются.

Испугался, думает: «Так свиней из болота не вытащишь, только хвосты оторвешь!» Позвал свинопаса и приказал:

— Беги скорее к жене и скажи, чтобы она дала тебе два мотка веревок: мы веревками свиней из болота вытащим!

А свинопас знал, что у хозяина дома припрятаны два мешка с деньгами. «Вот теперь заплатишь ты мне сполна!» — решил он и, прибежав домой, крикнул хозяйке:

— Скорее, скорее! Хозяин приказал, чтобы вы дали мне два мешка с деньгами!

— Сразу оба? — удивилась хозяйка. — И зачем ему деньги?

— Уж этого я не знаю, — ответил смысленный парень. — Спросите у него сами. Выйдите на балкон и крикните хозяйину — оба или не оба.

Хозяйка так и сделала: выбежала на балкон и громко крикнула мужу:

— Что? Оба ему отдать?

Конечно, простоватый хозяин подумал, что она спрашивает о мотках веревок, и крикнул жене во все горло:

— Отдай оба! Да не копайся!

Хозяйка была послушной. Вынесла из чулана мешки с деньгами и отдала их свинопасу. Свинопас взвалил мешки на плечо, но не пошел к болоту, где ждал его хозяин, а вышел на большую дорогу. Он вскоре же добрался до таверны. В таверне в это время никого не было, и трактирщик стоял у дверей, ожидая посетителей.

— Сеньор! — учтиво обратился к нему свинопас. — Нет ли у вас ремня, да покрепче?

— Конечно, есть,— отозвался трактирщик.— Но зачем тебе ремень?

— Да я, видите ли, очень спешу. Вот и хочу стянуть себе ремнем ноги покрепче, чтобы бежать быстрее.

Трактирщик удивился, но дал парню ремень. Свинопас перетянул себе ремнем ноги и запрыгал по дороге со своими мешками.

— Ну, так ты далеко не ускачешь! — засмеялся вслед ему трактирщик.

— Подожди! — откликнулся парень.— Я еще не распрыгался. Дай время — так поскачу, никто за мной не угонится!

Так ответил он трактирщику и продолжал прыгать по дороге. Когда же допрыгал до леса и трактирщик уже не мог его увидеть, развязал ноги, перетянул ремешком мешки потуже, чтобы удобнее было их нести, и припустил прямо через лес к своей деревне.

Вскоре прибежал к таверне хозяин.

— Сеньор трактирщик! — крикнул он, даже еще не добежав до двери.— Не проходил ли тут человек с двумя мешками?

— Проходил.

— В какую же сторону он пошел?

— Да пошел-то он прямо к лесу,— ответил трактирщик.— Только вы едва ли его догоните.

— Почему же? Ведь я налегке, а он с тяжелой ношей.

— Ну, вижу я—вы не знаете этого хитрого парня! Он взял у меня ремень и туго-натуго перевязал себе ноги, чтобы бежать быстрее, и теперь, наверное, так скачет, что за ним и верхом на коне не угнаться!

— Как же он это сделал?— стал расспрашивать богач.

Трактирщик объяснил.

— Ой, перевяжи мне скорее ноги, да потуже!— взмолился богач.— Я должен непременно догнать этого парня. Ведь он унес у меня два мешка с деньгами!

Трактирщик не заставил себя просить два раза и тотчас же перевязал ремнем хозяину ноги. Богач поблагодарил его и заскакал по дороге к лесу. Еле-еле за час добрался он так до опушки леса и там свалился.

А парень был уже далеко со своими двумя мешками. К вечеру добежал он до родной деревни, а через три дня отпраздновал веселую свадьбу.

Говорят, живет он и теперь с молодой женой, не зная горя. А скупой хозяин до сих пор лежит в лесу со связанными ногами и ждет, чтобы его развязали.

Бедный сапожник

В одном городе жил бедный сапожник Жозе. Чуть свет садился он у дверей своего дома, до позднего вечера постукивал молоточком, приколачивая к старым башмакам новые подметки. Но как ни трудился бедняга, не мог заработать столько, чтобы досыта накормить свое семейство. Уж очень много было у него ребятишек.

Оборванные и голодные, целыми днями они прыгали по мостовой, играли в камешки и с нетерпением ждали, пока сядет солнце, потому что вечером мать кормила их густой бобовой похлебкой, а отец, закончив работу и поужинав вместе со всеми, откладывал в сторону большую ложку, снимал со стены свою скрипку-виолу и принимался наигрывать веселый танец батуче. И как только начинал он играть, мать сбрасывала свой старый передник. Она была изо всех сил в тамбуринах из ослиной кожи, а ребятишки пускались в пляс. Весь дом ходил ходуном. Дети плясали так беззаботно, что не только мать с отцом— вся улица радовалась их веселью.

Да, немало друзей было у Жозе среди бедняков! Собравшись под окнами, они улыбались хозяину и каждый вечер от души веселились вместе с ним.

Но не только бедняки любили посмотреть, как веселится сапожник. В высоком доме, напротив бедной лачуги, жил богатый и знатный сеньор. Каждое утро он видел из своих окон, как прилежно трудится Жозе, каждый вечер слышал, как беспечно наигрывает он на своей виоле,— и решил помочь бедняку. Он позвал своего слугу, дал ему большой мешок с деньгами и сказал:

— Отнеси эти деньги соседу, что живет напротив моего дома. Он знает нужду, но не знает уныния. Пусть эти деньги будут ему наградой.

Сапожник чуть не лишился ума от счастья, получив такой щедрый подарок. Он схватил мешок и вместе с женой тотчас же принялся пересчитывать деньги. В этот вечер они забыли и про виолу, и про тамбурин из ослиной кожи. Забыли даже про ужин. Голодные ребятишки плакали и просили дать им хоть корку хлеба, но родители вместо хлеба оделяли их колотушками, потому что боялись сбиться со счета. А вместо веселых звуков танца из дома сапожника по всей улице неслись в этот вечер брань, плач и крики.

— Что же мы будем делать с такими большими деньгами? — спросила жена, когда счет был окончен.

— Мы зароем их в землю! — решил сапожник.

И они весь вечер копали за домом яму, чтобы спрятать в ней свой большой мешок с деньгами.

А соседи и друзья удивлялись. Они спрашивали друг друга:

— Вы не знаете, что случилось с сапожником Жозе? Он заперся в своем доме, а с нами и знаться не хочет!

На другой день сапожник выкопал мешок из земли и сказал жене:

— Спрячем-ка лучше деньги в сундук: во дворе их могут украсть.

— А сундук поставим под кроватью,— согласилась жена.— Я буду его сторожить и днем, и ночью.

Они положили деньги в сундук, поставили под кровать и всю ночь не спали.

Но шила в мешке не спрячешь. Соседи догадались, в чем дело, и в их сердцах проснулась зависть. Они сказали:

— И привалило же дурню счастье! Теперь мы знаем, почему он так зазнался!

И перестали кланяться Жозе.

Утром сапожник снова пересчитал свои деньги и сказал жене:

— Нехорошо, что деньги лежат в сундуке и не приносят нам никакого дохода. Давай откроем большую сапожную мастерскую, найдем работников, повесим вывеску с разноцветными буквами и будем жить, ничего не делая, как настоящие купцы.

— Ну нет,— возразила жена.— Лучше мы купим землю. Я родилась в деревне и знаю, что земля принесет нам гораздо больше дохода, чем твоя сапожная мастерская.

— Я с тобой не согласен! — закричал муж.

— А я не согласна с тобой! — кричала жена.

Так они спорили весь день и всю ночь, а соседи радовались их ссоре и смеялись над ними.

К утру и муж, и жена совсем обессилели и охрипли от крика.

Наконец сапожник воскликнул:

— Будь прокляты эти деньги. Они унесли из нашего дома радость, а принесли только ссору. Помнишь, когда я был беден и трудился с утра до ночи, у нас были друзья, а теперь все от нас отвернулись. Ну разве не верно говорит пословица, что друзья на площади дороже, чем денежки в сундуке? Вернем-ка мы богачу этот большой мешок с деньгами, и пускай возвратятся в наш дом честный труд и веселье.

Жена обрадовалась и горячо обняла мужа.

Так они и сделали: пошли к богачу и вернули ему большой мешок с деньгами.

В тот же вечер снова услышали соседи веселые звуки виолы. Жена накормила детей густой бобовой похлебкой, сбросила старый передник и стала бить в тамбурин из ослиной кожи, а ребяташки принялись отплясывать веселый танец батукке — и плясали так беззаботно, что снова вся улица радовалась их веселью.

И друзья, собравшись под окнами, улыбались хозяину и от всей души веселились вместе с ним.

Педру де Малас Артес

У одной бедной и старой крестьянки был сын. Его звали Педру, но соседи звали его иначе,— они называли его Педру де Малас Артес, что значит: Педру, который все делает плохо, или попросту неумейка Педру. И не зря: за что бы ни брался парень, все получалось у него не так, как у людей.

Мать только вздыхала, глядя на своего неумейку. Она работала с утра до ночи, выбивалась из сил, чтобы прокормить себя и сына, а от Педру не было никакой помощи.

Однажды она соткала кусок полотна. Полотно было тонкое — такому полотну цены нет. «Ну, — думала женщина, — продам я на базаре полотно и выручу немало денег. Будет чем поправить хозяйство!»

Она сказала сыну:

— Смотри-ка, Педру, этим полотном мы заткнем все наши дыры!

Сказала и вышла из дома: пошла спросить соседей, почему платят теперь за полотно на базаре.

Не успела мать выйти за двери, а Педру уже принялся за работу. Он разрезал полотно на куски и стал затыкать им дыры в своей лачуге.

Веселая возвратилась мать: она узнала, что выручит за свою работу много денег. А сын встретил ее еще веселее:

— Посмотри, матушка, как я постарался! Все дыры заткнул, ни одной не оставил!

Хоть и очень была огорчена старуха, промолчала: ну что спросишь с неумейки! Ведь он старался!

На другой день сказала сыну:

— Сходи на базар, купи и принеси домой поросенка. Только смотри, ничего не напутай.

— Сейчас, матушка. Для меня это проще простого! — ответил сын и стал собираться в дорогу.

Пошел на базар Педру де Малас Артес. С утра пошел, а до позднего вечера не вернулся. Целый день ждала его мать, наконец пошла навстречу. Видит: лежит ее ненаглядный сыночек в пыли на дороге с большущим боровом на спине — устал, подняться не может: всю дорогу борова на спине тащил!

Старуха разохалась:

— Горе мне с тобой, Педру! Ну зачем ты борова на спине тащил? Надо было обвязать его толстой веревкой и гнать прутом по дороге. Он сам бы до дому добежал.

— Верно, матушка, так было бы лучше, — согласился с ней неумейка Педру. — В другой раз я так и сделаю, как ты сказала. Такой прут возьму — мертвый и тот поскачет!

Прошло два дня. Послала мать своего Педру на базар за кувшином.

— Купи, — говорит, — сынок, под простоквашу большой кувшин.

Проворного Педру два раза просить не нужно. Схватил деньги и побежал на базар, а через час вернулся с ручкой от кувшина:

— Ну, что я — скоро?

— Скоро-то, скоро, — говорит мать. — Но почему ты вернулся только с ручкой? А где же кувшин под простоквашу?

— Уж мне этот кувшин! — отвечал сердито Педру. — Я все сделал, как ты сказала. Обвязал его толстой веревкой и погнал по дороге прутом, но кувшин попался очень ленивый: трех шагов не прошел — и разбился! Вот и осталась от него одна только ручка!

Мать принялась объяснять сыну:

— Ты бы делал, как все умные люди делают. Нес бы кувшин за ручку, а еще лучше — уложил бы его в солому, на телегу к соседу, который тоже возвращался с базара.

— Верно, матушка, в соломе бы кувшин не разбился, — согласился с ней неумейка и на другой день отправился в лавку купить иголок.

Он купил дюжину самых тонких иголок и возвращался домой со своей удачной покупкой. По дороге его нагнал сосед с огромным возом соломы:

— Садись, подвезу, Малас Артес!

Обрадовался парень, вскочил на телегу, а иголки в руках держит — думает, как бы не разбился! Думал, думал и спрятал их в солому поглубже.

Приехал домой довольный:

— Получай, матушка, свои иголки!

— А где же они?

— У соседа в телеге! Я их спрятал в соломе. Уж наверное, ни одна не разбилась!

С тех пор мать не давала советов своему ненаглядному сыночку. Знала: все перепутает неумейка Педру. Она принялась за работу и настирала целую грудку белья. Но белью надо было выполоскать, и она позвала сына:

— Сходи на речку — выполощи белье. Но, смотри, положи дочиста!

— А как я узнаю, что оно уже чистое?

— Сам увидишь. А не увидишь — людей спроси.

— Ладно!

Пошел на реку Педру де Малас Артес. Целый день старательно полоскал белье, а чистое ли оно — не знает. И спросить не у кого: на берегу ни души. Тут он увидел, что по реке плывет лодка под парусами. Стал Педру кричать, замахал руками. Увидали его люди в лодке, перепугались: кричит парень не своим голосом, руками машет, как мельница! Уж не тонет ли кто-нибудь! Налегли на весла, измучились: пришлось им грести против течения. Наконец причалили к берегу.

— Говори скорей, что случилось?!

А Педру стоит, улыбается:

— Посмотрите на это белье, уважаемые сеньоры, и объясните мне, хорошо ли я его выполоскал!

Выскочили люди из лодки на берег и отколотили парня. Колотили да приговаривали:

— Ты бы лучше молчал! А если кричать охота — пожелал бы нам попутного ветра, да посильнее!

Пошел домой Педру де Малас Артес, а путь лежал через поле, где крестьянки вязали снопы.

— Пусть дунет ветер, да посильнее! — закричал неумейка.— Пусть дунет, да посильнее!

— Отдуем-ка мы его посильнее! — рассердились крестьянки и отколотили неумейку.

— Неужели ты не знаешь, — сказали они парню, — что от ветра все зерно разлетится! Ты бы лучше помог нам и крикнул: «Чтоб ни зернышка не упало, чтобы ничто у вас не летало!» Будешь помнить?

— Запомню! — ответил Педру и пошел дальше.

Он пришел к лесу и увидел, что в кустах сидят птицеловы, караулят у силков птичек. «Ну что же, — подумал добрый Педру, — надо людям помочь». Подбоченился да как закричит:

— Чтоб ничто у вас не летало! Чтоб ничто у вас не летало!

Всех птиц распугал. Конечно, и птицеловы надавали туммаков парню, а на прощанье дали совет:

— Не так надо было говорить, Педру де Малас Артес, совсем не так! Ты бы крикнул: «Слетайтесь смелее да бейтесь в силках сильнее!» Вот тогда бы мы были довольны.

Все понял неумейка Педру и пришел в город. На площади крики, обступила толпа двух драчунов, никак не могут разнять. А Педру уже ученый, знает, что делать. Протискался вперед да как закричит:

— Слетайтесь смелее да бейтесь сильнее!

— Замолчи, дурень! — набросились на него горожане.— Мы и так не можем справиться с драчунами. Ты бы лучше схватил их за ворот и крикнул: «А ну, марш, один направо, другой налево!»

Наверное, крепко отколотили бы неумейку горожане, но спасли его быстрые ноги. Прибежал Педру к церкви, а из дверей выходят жених с невестой. Тут уж Педру не растерялся — схватил обоих за ворот да как закричит:

— А ну, марш, один направо, другой налево!

И досталось же неумейке от родственников жениха и невесты! Они отколотили его как следует и сказали:

— Ну и глупец! Надо было молодых поздравить и сказать: «Какое счастье! Пусть будет так каждый день!» Понял?

Конечно, и на этот раз неумейка все понял по-своему. Он вышел за город и возле кладбища встретил процессию. Печальные люди в черных одеждах шли за гробом. Тогда Педру де Малас Артес стал на дороге и, учтиво раскланявшись, торжественно произнес:

— Поздравляю, сеньоры! Какое счастье! Пусть будет так каждый день!

Второй раз не пришлось ему повторять свое поздравление.

— Каждый день будут бить тебя, дурень! — закричали люди, провожавшие гроб, и тут же, на дороге, отколотили удивленного парня.

А где же теперь Педру де Малас Артес?

Он сидит дома и помалкивает. Хоть и был он неумейкой, а понял, что не всякое слово к месту! Но Педру не унывает. Он весел по-прежнему и, говорят даже, собирается жить своим умом, а не чужой подсказкой. Но скоро ли это будет — никто не знает!

Загадочный разговор

Жил когда-то король, а у короля было три советника — нарядные, важные и такие толстые, что, посмотрев на их надутые лица, каждый мог подумать, что они очень умны. Так думал и сам король и поручил им дела всего королевства. Однако дела с каждым годом шли все хуже и хуже, и в конце концов королевская казна совсем опустела. Даже старый король и тот стал подозревать, что его мудрецы совсем уж не так мудры, как это кажется с первого взгляда. Тогда он позвал молодого принца, своего сына и наследника, и спросил его, что делать.

— Поручи это дело мне, — ответил юноша. — Уж я-то как-нибудь разберусь, кто они — мудрецы или обманщики.

А надо сказать, что молодой принц, хотя и был королевским сыном, совсем не походил на отца. Король-отец никогда не выходил из дворцовых зал, а принц-сын был во дворце редким гостем. Целыми днями скакал он на диком коне по горным кручам, спал на голой земле и частенько беседовал с путниками и крестьянами. Поэтому он знал людей куда лучше, чем его престарелый отец.

Не откладывая дела до завтра, принц пригласил советников на прогулку.

— Подать карету! — крикнули все трое разом.

Но принц сказал:

— А я хочу прогуляться пешком.

Что же делать, — пришлось советникам уступить, потому что принц, несмотря на молодость, был все-таки родным королевским сыном, а с королями шутки плохи. Итак, юноша быстро зашагал по дороге, а следом за ним, отдуваясь и переваливаясь с боку на бок, засеменили три толстяка.

Вскоре дошли они до виноградника. Увидев крестьянина, который срезал спелые грозди, принц крикнул с дороги:

— Эй, дядя Луиш, я вижу, много снега выпало на горной вершине!

Крестьянин поклонился принцу и почтительно отвечал:

— Пора, сеньор принц, — давно настало для этого время.

Советники ничего не поняли: кругом было ровное место, и нигде не виднелось ни холмика, не то что горы. Откуда же могла взяться вершина, да еще покрытая снегом?

А принц, приблизившись к старику, продолжал расспросы:

— А сколько раз у тебя горел дом?

— Уже два раза, сеньор.

— Сколько же раз оциплют тебя, как индейку?

— Да еще разочка три.

Советники опять ничего не поняли и стояли с разинутыми ртами. А принц прибавил:

— Оципли-ка, дядя Луиш, моих трех индюков.

— Оциплю на совесть, раз вы приказали! — воскликнул крестьянин.

А принц строго сказал советникам:

— Почтенные сеньоры и первые мудрецы королевства! Если вы при всей своей мудрости не сумеете разгадать этого разговора, не видать вам дворца как своих ушей.

Он весело зашагал по дороге, а перепуганные советники стали упрашивать старика крестьянина объяснить им, что же значит этот загадочный разговор.

Смышленный старик ответил:

— Все объясню, если вы, сеньоры, отдадите мне ваши плащи и расшитые золотом камзолы.

Не хотелось советникам расставаться со своим нарядным платьем, но еще меньше хотелось потерять королевскую милость. Ну что тут делать? Пришлось советникам раздеваться!

— Так вот, — начал старик. — «Много снега выпало на горной вершине» — это значит: «Стар я стал, и голова моя поседела». Затем его величество принц спросил, сколько раз

горел у меня дом? И это я понял: он спросил, сколько раз выдавал я замуж своих дочерей? А я выдал уже двоих, и два раза у меня были убытки не меньше, чем от пожара! И, наконец, последний вопрос: сколько раз ошиплют меня, как индейку? Пословица говорит: «Кто выдает замуж дочь, того ошиплют, как индейку на свадьбе». И правильно говорит: тут уж всем заплатить придется — и старосте, и святому падре, и бездельникам альгвасилам, — ошиплют они меня подчистую! А у меня еще три незамужних дочери. Вот и выходит, что придется мне быть ошипанным еще три разочка. А три индюка...

— Но кто же три индюка? — воскликнули в один голос советники.

— Это вы, почтеннейшие сеньоры, — ответил с улыбкой старик крестьянин. — Как видите, я исполнил приказ и ошипал вас на совесть. Разве без плащей и камзолов не похожи вы на ошипанных индюков?

Советники были очень довольны, что старик подсказал им ответы на все четыре загадки, но в этот момент из-за кустов вышел принц и сказал ошипанным мудрецам:

— Я слышал все. Не сумели вы сами разгадать нашего разговора. Поклянитесь, что сегодня же приготовите для трех дочерей старика приданое. Смотрите же — не скупитесь!

Принц — это принц, а слово принца — закон. Пришлось советникам согласиться.

Гостей позвали, три свадьбы сыграли, и я там был. Дали мне две виноградных грозди — одну для меня, другую для того, кто слушал сказку. А юный принц возвратился к отцу-королю.

— Где же мои мудрецы? — спросил король.

— Они тебе не нужны.

— Но как же я обойдусь без советников?

— Догадаться просто, — ответил принц. — Один человек упал в воду и стал тонуть. Тогда он начал кричать и звать на помощь, но никто не пришел к нему. Покричал он и утонул.

— Глупец! — воскликнул король. — Нечего было кричать, надо было плыть самому.

— Вот и нам с тобой придется самим управлять королевством, — ответил юноша.

Так они и сделали.

Эта сказка не только про короля, но и про нас с тобой: делай свое дело сам и не жди, что другой постарается за тебя.

Бык Кардил

У короля был старый слуга. Король очень любил его и доверял ему больше всех, потому что старик был предан ему всем сердцем и за всю жизнь ни разу не обманул своего господина.

Однажды королю подарили быка. Звали его Кардил. Это был большой и свирепый бык — лобастый, с могучей грудью и широко расставленными рогами. А надо сказать, что король был большим охотником до боя быков. Он заранее уже представлял, как прекрасен будет Кардил в бою с бесстрашным тореро. Появившись на цирковой арене, такой бык мог принести славу всему королевству!

Кому же поручить охрану такого чуда? Только верному и преданному слуге. Король распорядился отвести быка в один из своих прекрасных парков, а слуге-старика строго-настрого приказал беречь быка как собственный глаз.

Об этом узнал один знатный фидальго — так называют дворян в Португалии. Он пришел к королю и сказал:

— Мой сеньор! Напрасно вы доверяете старику. Я уверен, что он нисколько не лучше других людей и при первом случае обманет вас, как обманывают другие.

Король не поверил.

— Мой слуга предан мне всем сердцем и за всю жизнь ни разу не сказал мне слова неправды, — ответил он дворянину.

Но фидальго настаивал на своем:

— Бьюсь об заклад, не пройдет и трех дней, он обманет вас и солжет вам в глаза!

— Ты ответишь мне за эти слова! — рассердился король. — Я принимаю вызов! Но если ты проиграешь, заплатишься головой!

Тем и кончился разговор. Пришлось задуматься дворянину: он знал, что слуга неподкупен, и никак не мог придумать, как же заставить честного старика солгать самому королю.

Тогда он приказал своим людям разузнать потихоньку, как живет старик и что для него дороже всего на свете, и узнал, что старый слуга давно уже овдовел и живет с единственным сыном. Этот юноша, почти еще подросток, скромный и прекрасный лицом, был для него единственной радостью. Он узнал также, что старый слуга, выполняя королевское приказание, целые дни проводит в отдаленном парке, присматривая за быком Кардилом, и потому юноша по долгу остается дома совершенно один.

Злая мысль пришла в голову дворянину. Он нанял трех разбойников, и злодеи похитили юношу.

Возвратившись домой и не найдя сына, старик пришел в отчаяние. Он стал искать его по всему городу, но не нашел, потому что злой фидальго спрятал юношу в подвале своего дома. Всю ночь не спал несчастный старик, так велико было его горе. Но, верный долгу, наутро все же отправился в королевский парк присматривать за быком.

Тут и явился к нему фидальго.

— Хочешь снова увидеть своего сына? — спросил он слугу.

— Он жив? — воскликнул обрадованный старик. — И вы знаете, где он находится?

— Конечно, знаю, — отвечал старику фидальго. — И ты не только увидишь его, ты получишь его обратно, если тут же, при мне, заколешь быка Кардила.

Старик стал бледен, как его рубашка. Нарушить приказ короля? Об этом он не мог даже подумать. Однако оставить сына в руках злодеев было еще страшнее. Любовь к мальчику победила. Слуга выхватил из-за пояса острый стилет и точным ударом, не хуже искусного тореро, убил наповал Кардила. А фидальго — по уговору — выпустил юношу на свободу.

Дворянин был уверен, что перехитрил короля и выиграл в споре. Он ни минуты не сомневался, что старый слуга поборится за свою голову и ни за что не объявит королю страшной правды. Он тотчас же поспешил во дворец и донес королю, что слуга убил Кардила.

Король пришел в ярость. Велел дворянину выйти из зала и приказал позвать слугу, так дерзко нарушившего королевское приказание.

Привели старика.

— Где бык? — нахмутив брови, в упор спросил его король.

Дрожа от страха, старик прошептал:

О бык благородный,
Свирепый Кардил,
Тебя я бессменно
Берег и хранил,
Берег, соблюдая
Приказ короля.
Сегодня ж, Кардил,
Ты погубишь меня...

— Говори яснее! — крикнул король, которому вовсе не понравились такие стихи.

И слуга чистосердечно признался во всем, не утаив ни одной подробности.

Король выслушал рассказ до конца и уже спокойно сказал старику:

— Не легко мне было потерять такого замечательного быка, но было бы еще тяжелее потерять веру в твою правдивость и честность, мой верный слуга.

Он сделал старика своим первым советником, а палач в тот же вечер отрубил дворянину голову на городской площади.

Принц-кролик

По улицам королевской столицы шел человек с большой корзиной на голове и нараспев выкрикивал свой товар:

Купите цветы —
Георгины и розы!
Кто купит, узнает
Страданья и слезы!..

Цветы были прекрасны, и кричал он очень громко, но люди только смеялись над продавцом, потому что никто не хотел платить деньги за слезы и страдания. Так, не продав ни одного цветка, продавец пересек все переулки, прошел все улицы и наконец вышел на площадь перед королевским дворцом.

— Купите цветы!.. — запел он еще громче, и принцесса выглянула в окошко. Она не знала еще, что такое слезы и страдания, и песня продавца не испугала ее. А цветы были так хороши, что красавица тотчас же приказала служанке купить всю корзину и посадить в саду прекрасные георгины и розы.

Каждое утро стала принцесса спускаться в сад, чтобы полюбоваться своими цветами, а цветы становились все пышнее и пышнее и с каждым днем все больше и больше нравились принцессе. Красавица потеряла сон. Всю ночь, не смыкая глаз, лежала она в своей постели под шелковым балдахинном и с нетерпением ждала восхода солнца, чтобы разбудить служанку и бежать с нею в сад любоваться прекрасными цветами.

Однажды утром она прибежала в сад так рано, что солнце еще не успело позолотить верхушки гор. И что же увидела принцесса? Между цветами прыгал пушистый кролик. Он

был презабавным — поводил ушками и припадал к земле при каждом прыжке.

— Поймай, поймай его! — захлопала принцесса в ладоши, и послушная служанка принесла кролика госпоже, а красавица сняла с головы ленту и сказала служанке: — Привяжи его и отведи во дворец. Он будет жить вместе со мной.

Они пошли через сад, и кролик послушно запрыгал за ними следом. Но у самых дверей дворца зверек рванулся и убежал в сад вместе с лентой принцессы. И девушки не могли найти его, как ни искали.

Весь день красавица была печальной, а наутро побежала в сад и снова среди цветов увидела кролика.

— Привяжи-ка его покрепче! — приказала служанке красавица и сорвала с шеи тканый шелковый шарф. Служанка выполнила приказание принцессы, они пошли ко дворцу, но у самых дверей кролик стремительно прыгнул в сторону и исчез в кустах вместе с шарфом красавицы.

На третье утро принцесса и служанка снова поймали кролика. На этот раз они привязали его золотой цепочкой, на которой висел медальон с портретом самого короля. Но и это не удержало пленника: он вырвался и умчался вместе с цепочкой и королевским портретом.

Принцесса затосковала и вскоре слегла в постель. Пришел королевский врач, покачал головой и сказал королю:

— Вашей дочери нужны развлечения: прогулки в коляске, веселые разговоры, пение и танцы. Пусть праздник сменяется праздником, и принцесса забудет свою печаль и осушит слезы.

И тотчас же во дворец явились лучшие певцы, музыканты, танцоры и сказочники. Они пели, играли, танцевали и рассказывали такие забавные истории, что король и министры забросили все свои дела и слушали их с утра до вечера. Но принцесса по-прежнему была безутешной. Молча лежала она на своей постели под шелковым балдахинном и печально смотрела вдаль, будто кто-то стоял перед ней, и крупные слезы катились по ее побледневшим щекам. На глазах у всех красавица угасала, и никто не знал, как и чем ей помочь.

Слух о болезни принцессы разнесся по всей стране и вскоре дошел до маленькой бедной хижинки, стоявшей на опушке густого леса. В этой хижине жили две сестры, две древние старушки. Одна была немножко хромой, а другая совсем горбатой. Они жили душа в душу и никогда не разлучались, но, узнав о несчастье в королевском дворце, старая горбунья сказала сестре-хромоножке:

— Сестрица, а что, если я пойду во дворец и попробую полечить принцессу своими сказочками?

Хромоножка улыбнулась в ответ:

— Я знаю, что ты очень добра, но во дворце найдутся сказочники лучше тебя.

— А я все-таки попробую,— ответила горбунья.— Уж очень мне жаль молодую принцессу.

Она завязала в узелок маисовую лепешку и пару жареных рыбок, взяла в руки палку и отправилась в путь.

Дорога была не близкой, а горбунья была очень стара, и поневоле частенько приходилось ей присаживаться на отдых. То присядет в тени дерева на придорожном камне, то просто на земле у прохладного ручейка. Шла она, шла — вдруг видит: лежит у самой дороги большой мельничный жернов. «Вот,— думает,— тут и выспаться можно!» Присела на краешек жернова и задремала. Вдруг точно кто-то толкнул ее под локоть. Открыла глаза, смотрит — что за чудо! — земля перед ней раздвинулась, и поднялся из земли ослик, навьюченный двумя золотыми корзинами. Старушка была очень любопытна: заглянула в корзины, а в них пусто! Но еще больше удивилась горбунья, когда заметила, что чудесным осликом управляют две руки, а чьи это руки — никак не поймешь: руки-то есть, а человека не видно! Руки хлопали осла по спине, побежал осел на лужайку и принялся щипать свежую травку. Горбунья стала ждать, пока возвратится осел. «Надо,— думает,— разузнать, откуда он появился!» А осел тут как тут — прибежал обратно и давай стучать копытом в землю. Старушка не стала терять времени даром — раз — и прыгнула в одну из корзин. И вдруг разверзлась земля, и ослик, как камень, полетел вниз — только ветер свистел в ушах. Наконец он остановился. Выглянула бабушка из корзины и видит: стоит ослик перед роскошным дворцом! Это ей очень понравилось. Раз — и бабушка выпрыгнула из корзины. Осмотрелась — и прямо в двери: «Надо,— думает,— разузнать, что там внутри, во дворце».

Тут как будто только ее и ждали! Посреди зала возвышался большой стол, уставленный лучшими кушаньями. Села старуха за стол, а руки тут как тут: придвигают гостье блюда одно за другим. Проголодалась горбунья с дороги, наелась досыта. А руки уже спешат — отворяют двери в другую комнату, где стояла постель с мягкой пуховой периной. «Ну,— думает бабушка,— тут я высплюсь получше, чем на жернове у дороги!» Легла на постель и проспала до рассвета. Даже во сне ничего не видела! А утром побежала к окошку и выглянула в дворцовый сад. Смотрит — бежит по дорожке маленький пушистый кролик: ушами поводит, при каждом

прыжке к земле припадает. Добежал до дворца — и в двери. Старушка — навстречу, а сама прячется, чтобы не спугнуть зверюшку. Подбежал кролик к фонтану, прыг в воду — и вынырнул из воды прекрасным принцем. Залюбовалась бабушка красавцем. А он не видит ее — подошел к зеркалу, взял золотой гребень и принялся расчесывать свои черные кудри. Расчесывает и вполголоса напевает, да так печально:

Ах, зеркальце любимое,
Любимый гребешок,
Искал я всюду милую,
Искал и не нашел.
Скажите мне, скажите мне —
В какой искать стране
Красавицу,
Которая
Тоскует обо мне...

Причесался, нырнул в фонтан, обернулся кроликом и ускакал обратно в сад.

«Вот это сказка так сказка! Такой никогда самой не придумать, — подумала бабушка. — Пойду-ка скорей во дворец и все расскажу принцессе! Пускай девушка позабавится». Села за стол, хорошенько позавтракала, разыскала свою палку и вышла в сад. Смотрит — а ослик уже стоит у крыльца со своими золотыми корзинками. Старушка — в корзинку и — фьюить — полетела вверх со скоростью ветра. Не успела оглянуться, а она уже на дороге — на том самом месте, где лежал мельничный жернов. Поклонилась бабушка ослику и пошла прямой дорогой в королевский дворец.

Приходит и говорит:

— Ваше величество, я пришла издалека, хочу позабавить принцессу, рассказать ей сказочку, какой еще никто не слышал, потому что все это было со мной на самом деле!

Привели бабушку к принцессе. Лежит красавица на постели под шелковым балдахином — даже не взглянула на старую. А горбунье что — присела рядом на стульчик и ~~давай~~ рассказывает. Рассказывает, а принцесса ~~лежит~~, как лежала, даже не ~~шевелинется~~. Обо всем рассказала бабушка: и как во дворец попала, как поужинала, как выпалась, но только лишь помянула кролика, очнулась принцесса, подняла голову, улыбнулась и приказала подать себе завтрак.

Обрадовалась горбунья, видит — дело на лад идет. Говорит, рассказывает, а принцесса уже сидит в постели. А как дошло дело до принца, вскочила на ноги, веселая, чуть не пляшет, как будто никогда и больной не была! Смеется и говорит:

— Бабушка, милая! Сейчас же едем в подземный дворец. Хочу взглянуть, как там кролик живет!

Позвали верную служанку принцессы и в тот же день отправились в путь. К вечеру дошли до волшебного жернова, дождалась ослика, прыгнули в золотые корзины и — фьюить — полетели под землю. Горбунья-то ничего — не струсил: уже привыкла к таким прогулкам, но принцесса со служанкой так обомлели от страха, что бабушка насилу вытащила их под землей из корзинок. И вот входят они в роскошный подземный дворец, идут из зала в зал. Волшебные руки открывают перед ними настежь все двери. А сколько рук хлопотало кругом, словно готовились во дворце к большому празднику! Одни прибирали комнаты, другие несли к столам дорогие блюда, а на хорах руки невидимых музыкантов уже настраивали свои волшебные скрипки.

Так из зала в зал, из комнаты в комнату шла принцесса со служанкой и бабушкой по дворцу и не могла надивиться его красоте и богатству. Но разве богатства искала принцесса? Она надеялась встретить кролика, но кролика нигде не было! Служанка побежала вперед. Она открыла одну из дверей и вдруг громко вскрикнула от испуга: посреди спальни на мраморном полу лежал прекрасный принц, бледный как полотно, и сердце его не билось.

— Не ходите сюда, он умер! — воскликнула служанка. Но принцесса и бабушка уже вошли в спальню. Увидев принца, красавица отшатнулась, но жалость и сострадание пересилили страх. Она бросилась к несчастному юноше.

— Уйдем отсюда, мы пришли слишком поздно, — зашептала горбунья, стараясь увести принцессу. Но красавица как зачарованная смотрела на прекрасного принца, затем медленно склонилась над ним, и крупные слезы одна за другой покатились из ее глаз. Первая слеза упала на сердце юноши, и сердце начало медленно биться. Вторая — оживила уста, и юноша улыбнулся. Третья — упала на лоб, и прекрасный принц открыл глаза. Он встал и сказал принцессе:

— Спасибо тебе, красавица. Злой волшебник заколдовал меня и превратил в смешного кролика, но твои слезы и доброе сердце разрушили злые чары.

Он взял красавицу за руку, и тотчас же громко грянула музыка, все двери распахнулись настежь, и принцесса с удивлением увидела, что в залах веселятся уже нарядно разодетые гости, и уже не руки, а невидимые прежде румяные повара в высоких белых колпаках несут к столам дорогие блюда, в то время как слуги в расшитых ливреях, вежливо кланяясь, рассаживают по местам приглашенных.

— О принц! — воскликнула красавица в изумлении. — Скорее скажите мне, что за праздник у вас во дворце сегодня?

— Моя свадьба, — с улыбкой ответил принц.

— Но кто же невеста?

— Моя невеста — принцесса соседнего королевства!

— Но принцесса — ведь это я? — смутилась девушка.

— Ты и будешь моей женой, — с учтивым поклоном ответил принц и под звуки самой веселой музыки повел красавицу в зал. Они сели за свадебный стол, и знатные гости подняли кубки за здоровье новобрачных.

Так справили они веселую свадьбу, но больше всего радовало принцессу, что теперь роскошный дворец принца-кролика уже не стоял под землей. Он высился на крутой скале на берегу лазурного моря. Птицы кружились над ним и громко пели о счастье принцессы и принца.

Старушка тоже осталась жить во дворце. Все очень любили и уважали ее, но вскоре горбунья затосковала и стала проситься домой. Долго уговаривали ее принцесса и принц навсегда остаться во дворце, но уговорить не могли.

— Я не королева и не знатная дама. Я в хижине родилась и в хижине хочу скоротать свою старость, — твердила горбунья.

И тогда принц приказал подать золотую карету и отвезти бабушку в бедную хижину на опушке густого леса.

Радостной была встреча горбуньи и хромоножки. Много лет еще прожили они душа в душу. А когда хромоножка скучала, горбунья старалась развеселить ее и пела ей вот такую песенку:

Бывает, бывает,
Бывает порой,
Что слезы нам счастье
Приносят с собой.
И хижина часто милее дворца...

И сказка прочитана вся до конца.

Хромой мул

Три брата шли через поле: старший, средний и младший.

— Эй, ребята, вы не видали моего осла? — окликнул их случайный прохожий.

— Мы никого не видали! — ответили братья и продолжали свой путь.

Потом старший сказал:

— Это был мул, а совсем не осел.

Средний прибавил:

— Он хромал на левую ногу.

— И не только хромал: этот мул был слепым на правый глаз! — закончил третий.

Так шли они, разговаривая между собой, не замечая, что прохожий идет за ними следом. Прохожий же, услышав про мула, воскликнул:

— Стойте! Конечно, это был мул, а совсем не осел. Отвечайте же — в какую сторону он пошел!

— Но мы его не видали! — ответили братья.

— Как не видали? Откуда же вы узнали, что он хром и слеп? Нет, вы не только видели моего мула, вы его где-то припрятали! Отдайте его сейчас же!

— Как же мы его отдадим, если мы его не брали? — возразили братья.

Но прохожий продолжал настаивать на своем. Так, споря и пререкаясь, они дошли до селенья. Тут их окружили крестьяне и, узнав о причине спора, отвели к своему судье.

Судья сказал братьям:

— Этот человек утверждает, что вы у него украли мула. Так это или не так?

— Нет! — заявили братья. — Никакого мула мы не видали!

— Как же так! — зашумел прохожий. Он замахал руками и закричал: — Это воры! Они говорят, что в глаза не видали мула, а сами назвали его приметы!

— Верно! — подтвердил судья и, приказав прохожему замолчать, спросил братьев:

— Как же узнали вы, что это был именно мул?

Старший ответил:

— Если бы это был осел, он ступал бы на землю ровно и задними, и передними ногами. Когда же мул идет по дороге, он сильнее взрывает землю задними ногами и с каждым шагом оставляет на земле глубокую ямку. Вот мы и узнали мула по следу.

— Допустим, что это так, — согласился судья. — Но как узнали вы, что мул хром?

Средний брат ответил:

— Мы шли через поле. С обеих сторон высокой стеной поднималась пшеница, покрытая свежей утренней росой. И я заметил, что слева росы на колосьях почти не осталось, в то время как с другой стороны она так и искрилась, так и сверкала в лучах восходящего солнца. Ну, разве трудно бы-

ло нам догадаться, что несчастный мул припадал на левую ногу и левым боком сбивал росу со спелых колосьев!

И с этим пришлось судье согласиться. Но все-таки он никак не мог понять, как же догадались братья, что мул был кривым на один глаз и притом именно на правый.

Младший брат объяснил:

— О сеньор судья! Если бы хозяин кормил своего хромого мула досыта, мы никогда бы этого не узнали. Но мул был голоден и на ходу объедал колосья, притом объедал он их лишь с одной стороны дороги — с левой, потому что справа не мог видеть пшеницы своим слепым правым глазом.

Выслушав такие разумные ответы, судья развел руками от удивления и отпустил братьев.

Прохожему же сказал:

— Я убедился, что эти люди не виноваты ни в чем. И если бы ты был таким же наблюдательным, как они, ты никогда не потерял бы мула. Иди поищи его в другом месте.

И как ни бранился прохожий, пришлось ему самому искать своего хромого мула, кривого на правый глаз.

Две Марии

Все было так, как бывает в старинных сказках. У крестьянки было две девочки: одна — падчерица, а другая — родная дочь. Конечно, крестьянка очень любила родную дочь, а падчерицу бранила от рассвета до позднего вечера. Целый день работала бедная девушка на кухне, ухаживала за мулом, доила коз, мыла, скребла, стирала и все-таки не могла угодить капризной мачехе. А родная дочка ни утром, ни днем, ни вечером ничего не делала — только наряжалась да ела сладкие кушанья.

А каждый знает, что тот, кто думает постоянно лишь о себе самом да любит себя в зеркало, становится гордым, злым и неотзывчивым к чужому горю. Тот же, кто трудится целыми днями и сам знает нужду, всегда рад помочь другому в несчастье. Так и случилось: родная дочка выросла злой и сварливой, а добрее падчерицы не было никого во всем селеньи. Тут мы должны объяснить, что у девушек были одинаковые имена, и родную дочь, и падчерицу звали Мария. Вот и прозвали их соседи: одну Добрая Мария, а другую Злая Мария.

Итак, однажды в палящий полдень, когда солнце стоит высоко над горами и тени становятся такими короткими, что путнику негде укрыться от зноя, старая бедная женщина постучалась в дом, где жили девушки, и попросила дать ей кусочек хлеба. Но Злая Мария даже не взглянула на нее и крикнула:

— Ступай прочь, противная нищенка, мы еще не пекли хлеба!

Что делать — постучалась старушка на кухню, где работала вторая Мария. Выслушав ее просьбу, добрая девушка сказала:

— Мне нечего дать вам. Я могу предложить лишь яйцо, которое только что снесла курица.

Она отдала старушке яйцо. Та приняла его с благодарностью, сварила на огне и принялась есть. Когда же облупила яйцо, в нем оказался большой драгоценный камень. Нищенка поднесла его к окошку, и камень засверкал, заискрился разноцветными лучами. Это был настоящий бриллиант! Старушка подарила его падчерице и сказала:

— Носи всегда этот камень на шее, и пока ты будешь его носить, счастье не изменит тебе.

Услышав это, Злая Мария тоже прибежала с яйцом и стала совать его в руки старушке.

— Спасибо, — ответила нищенка. — Я уже сыта. Разбей сама это яйцо — и ты получишь, что заслужила.

Так сказала старушка и ушла, а гордая Мария тотчас же, даже не сварив, разбила яйцо, но яйцо оказалось тухлым: оно выстрелило и забрызгало девушке и лицо, и руки, и ее нарядное платье. А Добрая Мария в тот же вечер повесила себе драгоценный камень на шею и стала ждать, пока сбудется предсказание нищенки.

Долго ждать девушке не пришлось. Едва рассвело, затрубили трубы, и с большой свитой прискакал в селение сам король, владыка всего королевства. Он прискакал, чтобы посмотреть, как живут его подданные. Вот тут-то и принес девушке счастье волшебный камень. Король взглянул на нее, горячо полюбил и вскоре женился на ней. Добрая Мария стала королевой и вместе с королем уехала в столицу. А так как она и в самом деле была очень доброй, то простила все обиды и мачехе, и своей сводной сестре и взяла обеих к себе во дворец. Но разве не бывает так: сделаешь людям добро, а они отплатят тебе злом? Так было и в этот раз. Не прошло и года, ускакал король на войну, а добрая королева осталась во дворце. Конечно, вместе с нею осталась и мачеха со своей родной дочкой. Вот и решили они, не теряя времени, овладеть волшебным камнем, а Добрую Марию погубить. Моло-

дая королева была очень доверчива и, как мы увидим, даже слишком доверчива. Каждое утро она купалась в дворцовом пруду и оставляла на берегу не только свою одежду, но вместе с ней и волшебный камень. И вот, улучив минуту, когда Добрая Мария заплыла на самую середину пруда, Злая Мария подкралась и унесла камень. И дочь, и мачеха отлично знали силу камня. Они в тот же день ушли из дворца и поспешили в ту сторону, где сражался король. Они были уверены, что достаточно Злой Марии надеть на шею волшебный бриллиант, король примет ее за свою жену, Добрую Марию, и Злая Мария станет королевой! Однако дорога была не близкой, и дочка с мачехой решили отдохнуть. Они крепко заснули, а в это время по небу пролетали гуси. Один из них увидел блестящий камень, закружился над спящими и унес в своем клюве драгоценный бриллиант. Ни мать, ни дочь этого не заметили и на другой же день, уверенные в успехе, явились в войско. Они сказали стражникам:

— Вот королева, она пришла к королю — своему мужу, по которому очень соскучилась. — И стражники пропустили их к королю. Но король тотчас же узнал мачеху с дочкой и велел их прогнать. Только тут заметила девушка пропажу камня и вместе с матерью бросилась бежать. Куда они убежали, мы не знаем, потому что с тех самых пор никто и нигде их не встречал.

Но что же стало с доброю королевой? У нее не было больше камня, и счастье ей изменило. Даже король, который вскоре же возвратился с войны, не узнал ее и спросил придворных:

— Зачем эта женщина пришла во дворец? Вы говорите, что это моя жена — королева? Нет, это не она: это такая же обманщица, как и та, что приходила ко мне недавно. Пошлите ее скорее на кухню!

С королевы сняли нарядное платье и отвели на кухню.

Вот и пришлось Доброй Марии снова мыть, скрести, стирать и хлопотать у плиты целыми днями. Но она не жаловалась, потому что давно привыкла к тяжелой работе. Одно только огорчало ее: король, которого она так горячо любила, решил снова жениться. И вот не прошло и месяца, как стали во дворце готовиться к новой свадьбе. Наконец настал торжественный день. Съехались гости, прибыла и невеста из далекого заморского королевства. А Добрая Мария все хлопотала на кухне. В этот день у нее было особенно много хлопот: она готовила к праздничному столу свадебного гуся. И вот, разрезая птицу, чтобы начинить ее пряностями, яблоками и душистыми травами, она заметила, что у гуся внутри что-то засверкало. Это был волшебный бриллиант! Теперь

королева знала, что делать. Не сказав никому ни слова о находке, она спрятала камень у себя на груди и сама понесла к столу гуся на большом оловянном блюде. Как билось ее сердце, когда с блюдом в руках остановилась она перед женихом и невестой.

— А вот и свадебный гусь! — весело объявил гостям король. Взглянул на великолепно зажаренную птицу, взглянул на женщину, державшую блюдо, и... узнал свою любимую жену — королеву!

— Это она! — воскликнул обрадованный король. — Мария, поставь скорее блюдо на стол и садись рядом со мной!

Добрая Мария села за стол рядом с королем, заиграла музыка, и пир продолжался.

Вы спросите, куда же девалась невеста? Конечно, она не осталась на свадьбе. Она вернулась в свое заморское королевство, где вскоре же ее выдали за другого короля, правда, не такого храброго, но зато он не был женатым, а это очень важно для жениха, даже в том случае, если этот жених король.

Самая красивая невеста

В далекой стране жил старый король. У него было три сына — три молодых принца. Однажды король созвал своих сыновей и сказал им:

— Я устал править королевством и хочу передать его одному из вас.

— Кому же, сеньор отец? — спросили юноши и отвесили королю низкий поклон.

— Тому, кто женится на самой красивой девушке, — с улыбкой ответил король, и сыновья отправились в путь.

Не долго искали невест старшие сыновья. Они вскоре же возвратились во дворец с молодыми женами, и обе принцессы были так хороши, что даже старый король и тот не знал, которой же из них отдать предпочтение. Однако младший сын все еще не возвращался, и рано было решать, кто из сыновей унаследует от отца королевство.

А юный принц тем временем скакал на своем коне из одной страны в другую, но нигде не мог найти девушку, которая пришлась бы ему по душе. Но вот однажды в непогоду и дождь молодой принц заблудился в диких горах Месеты и во мраке никак не мог выбраться на дорогу. Но умный конь вывел его к воротам высокого старинного замка.

Принц постучался. Его встретил почтенный старик и проводил в самую лучшую комнату. Хозяин был так приветлив, что принц сразу же почувствовал к нему доверие и утром, отдохнув после долгого пути, рассказал ему без утайки, кто он, куда скачет и чего ищет в чужих краях.

— Благодарите судьбу, что она привела вас к моей двери! — ответил старик. — Потому что у меня растет дочь, красивая, словно солнце, и к тому же у нее доброе сердце.

Услыхав об этом, принц очень обрадовался, что настал конец его поискам, и тотчас же захотел посмотреть на невесту.

— Это невозможно, — возразил старик. — Сейчас моя дочь находится далеко отсюда, но если вы твердо решили взять ее в жены, я пошлю за ней, но вы встретитесь только в день свадьбы. Поверьте мне, с нею вы будете счастливы.

— Я верю вам! — воскликнул принц. — Сейчас же пошлите за вашей дочерью! — И они тут же назначили день свадьбы.

Много карет съехалось в этот день к старинному замку. Из разных стран собрались на свадьбу нарядные и знатные гости. Наконец подкатила к воротам золотая карета, лакеи распахнули дверцы, и из кареты вышла невеста. Принц глянул и ужаснулся: он увидел обезьяну! Но слово было дано, а принц, несмотря на молодость, никогда не изменял своему слову. Он подал руку невесте и повел ее в замок, где с нетерпением ожидали молодых нарядные и знатные гости.

Сыграли свадьбу, а после свадьбы вместе с молодой женой принц вернулся в свое королевство. Нет слов описать, как огорчился король-отец, узнав о странной женитьбе своего младшего, самого любимого сына. Он приказал юноше поселиться в небольшом дворце над рекою Тежу, которую называют также и Тахо, и никогда не показываться в столице.

Принц послушался короля и стал жить со своей женой-обезьяной над рекою Тежу. Он очень жалел молодую и обращался с ней как с настоящей принцессой. Так жили они вдвоем, почти не выходя из своего маленького дворца. Но вот однажды король вызвал к себе всех трех сыновей и объявил им, что завтра же поедет посмотреть их жен, чтобы решить наконец, кому же из трех сыновей передать королевство.

— Сеньор отец! — стал спрашивать его младший сын. — Не утруждайте себя поездкой, я заранее отказываюсь от наследства!

Но король даже не выслушал его до конца и еще раз повторил, что завтра же приедет во дворец над рекою Тежу.

Юноша поспешил домой, чтобы приготовить дворец к королевскому приезду. Когда же приехал, увидел, что во дворце все переломано и разбито. Пол был усеян обломками мебели и осколками. Тяжелые занавеси сорваны с окон, а на месте зеркал зияли огромные дыры.

— Кто это сделал? — воскликнул юноша.

— Я, — спокойно отвечала жена-обезьяна.

— Как же мы встретим теперь отца-короля?!

Он был в отчаянии.

— Скажи сейчас же в дом моего отца и привези большой апельсин, который лежит в моей комнате на столе, — приказала жена.

Такой приказ еще больше озадачил принца, но терять ему было уже нечего. Чтобы не огорчить и не рассердить жену, он вскочил на коня, помчался в горы к высокому старинному замку и рано утром возвратился домой с большим апельсином.

Но здесь его ожидало новое горе. Жена-обезьяна, как умела, тоже приготовилась к встрече отца-короля: она взгромоздила друг на друга обломки столов и стульев и сверху, как на троне, уселась сама.

В ужасе принц стал кликать слуг, чтобы скорее убрать всю эту рухлядь и не опозориться перед отцом. Но в это время за воротами уже затрубили трубы, загремели кареты — и дворецкий объявил о прибытии его величества короля!

Несчастный принц хотел убежать из зала, но жена оставила его.

— Не бойся, — громко сказала она. — Брось апельсин в потолок со всей силы! Скорее! Не теряй ни минуты!

Принц схватил апельсин, бросил его в потолок, раздался гром, и — о чудо! — все изменилось вокруг: стены дворца оделись богатыми коврами, обломки стульев превратились в позолоченный трон, но — что удивительнее всего — жена-обезьяна стала такой красавицей, что ей могло позавидовать само солнце!

В это мгновение в залу вошел король со свитой. Он был удивлен, поражен и обрадован красотой принцессы.

— Мой младший любимый сын! — воскликнул он. — Я только что побывал у твоих братьев. Их жены прекрасны, но такой красавицы, как твоя жена, я никогда еще не встречал. Тебе одному по праву принадлежит все мое королевство.

Принцесса спустилась с трона, поклонилась королю и сказала:

— Мы благодарим вас от всей души, сеньор король, за вашу милость и доброту, но передайте королевство кому-нибудь другому из ваших сыновей. Нам оно ни к чему, потому что я владею страной еще более обширной и еще более прекрасной, чем ваша, и отдаю ее моему доброму принцу, который сдержал свое слово и женился на мне, несмотря на мое безобразие. Этим он избавил меня от злого колдовства и вернул мне счастье и красоту.

Чудо-медведь

У красавицы королевы родился сын. Конечно, и отец-король, и придворные, и все слуги тотчас же сбежались посмотреть на новорожденного. Как же удивились они, когда увидели, что родился у королевы не мальчик, а самый настоящий медвежонок! Косолапый, покрытый шерсткой, он забавно кувыркался в своей золотой колыбели, но, глядя на его смешные проделки, никто даже не улыбнулся. А больше всех горевала сама королева. Она пригласила самых замечательных докторов и со слезами просила их превратить медвежонка в мальчика. Однако, как они ни старались, медвежонок так и остался медвежонком. Наверное, кто-то заколдовал его. Ведь у королей всегда не мало врагов, и среди них бывают не только люди, но и волшебники. А с ними бороться и королям не под силу!

И все-таки это был не простой медведь, а принц и наследник всего королевства! Надо было дать ему настоящее королевское воспитание. Поэтому, едва сын подрос, красавица королева пригласила к нему самых замечательных учителей, и они обучили принца всевозможным наукам: читать, писать, считать, даже танцевать научили медведя! И когда он появлялся на придворном балу — танцевал так ловко и рассуждал так умно, что, если бы не обросшая густой шерстью морда, никто не подумал бы, что это не человек. В нарядном камзоле и со шпагою на боку чудо-медведь выглядел настоящим принцем!

Наконец принцу исполнилось двадцать лет, и королева послала его путешествовать. Во многих странах побывал чудесный медведь, многому научился и стал еще умнее. А возвратившись домой, объявил королеве, что хочет жениться.

Королева заплакала.

— Забудь об этом, сынок, — сказала она. — Ты не человек, а медведь, и никто тебя не полюбит.

Но принц не согласился с королевой и продолжал настаивать на своем.

Конечно, как часто бывает в сказках, недалеко от дворца жил кузнец с тремя дочерьми.

Все три дочери были очень красивы, и принц частенько любовался ими из своего окошечка. А потом стал приходить к кузнецу в гости. Когда же девушки привыкли к нему и перестали его бояться, спросил старшую дочь — не хочет ли она стать принцессой и выйти за него замуж.

Старшая дочь была хитрой девушкой. Она не сказала принцу ни «да», ни «нет» и попросила его прийти за ответом на другой день. Сама же пошла к отцу и объявила ему, что не любит и никогда не полюбит принца, но выйдет за него замуж, станет принцессой, а потом убьет медведя.

Умный принц хоть и был медведем, но сердцем понял, что девушка его нисколько не любит, и утром, придя к кузнецу, объявил ему, что не любит старшую дочь и хочет жениться на средней.

Однако и средняя дочь кузнеца была не добрее старшей. Она тоже ничего не ответила принцу и просила его подождать до завтра. Сама же пошла к отцу и объявила ему то же самое: она станет принцессой, а потом убьет медведя.

И на этот раз сердце подсказало принцу, что средняя дочь его нисколько не любит. Наутро он пришел к кузнецу и сказал, что хочет жениться на младшей.

Третья дочь вовсе не походила на своих сестер. Она была доброй девушкой. И, услышав от отца, что принц хочет на ней жениться, покраснела от радости и тут же призналась, что давно уже любит несчастного принца и хоть сейчас готова выйти за него замуж.

— Но он же не человек, а медведь! — старался отговорить ее кузнец.

— Ну и что же? — отвечала ему красавица. — Лучше жить с добрым медведем, чем со злым человеком!

Она вышла к принцу и объявила ему о своем согласии.

Так младшая дочь кузнеца стала принцессой и женой чудо-медведя.

Вскоре у них родился сын. Вы думаете, что это был опять медвежонок? Нет, у принцессы родился мальчик, такой прекрасный, что все на него любовались.

Конечно, и красавица королева пришла полюбоваться на внука. Увидав в колыбели не медведя, а веселого румяного мальчика, она не могла скрыть своего удивления.

— Вы заблуждаетесь, ваше величество, — призналась с радостью молодая принцесса. — Ваш сын не всегда бывает медведем: дома он сбрасывает свою шкуру и становится человеком!

Она была простодушна. Она не знала, что это тайна, о которой нельзя говорить никому на свете. Теперь же от королевы всем во дворце стало известно, что принц-медведь каждый вечер превращается в человека.

Принц опечалился.

— Что ты наделала! — сказал он своей молодой жене. — Ты погубила нас обоих. Теперь я должен уйти из дома и жить в лесу, как живут все звери. Но если ты все-таки захочешь увидеть своего несчастного мужа, ищи меня на Зеленом лугу.

Так сказал принц-медведь и исчез. А принцесса даже не успела спросить у него, где находится этот Зеленый луг. Она обегала весь дворец, спрашивала у придворных, у слуг, даже у поваров на кухне, но никто не мог ей сказать, как пройти к Зеленому лугу. Тогда принцесса обратилась за советом к одной знакомой волшебнице.

— Ступай в горы, постучись к Луне и спроси у нее совета, — отвечала волшебница.

Как сказала колдунья, так и сделала молодая принцесса. Она отправилась в горы и добралась до самой высокой вершины, из-за которой — она знала это — каждый вечер подни-

малась Луна. Но Луны еще не было. Только три бледные девушки вышли ей навстречу.

— Мы дочери царицы-Луны, — объяснили они принцессе. — Обожди немного. Наша мать скоро поднимется над горой.

Так и случилось. Царица-Луна медленно взошла над вершиной.

— Как я устала! — простонала она. — Как надоело мне каждый месяц то таять, омываясь дождями, то опять становиться полной. Дайте мне поесть, девочки.

Дочери принесли ей ужин, и Луна стала есть и увеличиваться. Она росла и росла, и принцесса так удивилась этому, что невольно вскрикнула. Только тут заметила ее царица и недовольно спросила:

— Кто ты такая и что нужно тебе в моем доме?

Откровенно обо всем рассказала Луне принцесса, а потом спросила, как найти дорогу к Зеленому лугу.

— О нет! — вздохнула в ответ Луна. — Я не знаю дороги к Зеленому лугу. Я никогда не видала Зеленого луга. Постучись-ка ты лучше к Солнцу. Отец-Солнце ходит по небу выше меня. Он все видит. Спроси у него совета.

Делать нечего — побежала принцесса к Солнцу. Оно жило за краем моря и каждое утро поднималось над волнами.

Три девушки, три дочери Солнца, встретили принцессу у края моря. Краснощечкие и веселые, они объяснили принцессе, что их отец еще не всходил на небо, но очень скоро взойдет. И вот, лишь только показалось над волнами пылающее светило, принцесса тотчас же обратилась к нему с вопросом:

— Солнце! Ты поднимаешься выше всех, даже выше Луны. Помоги же мне, объясни, как найти дорогу к Зеленому лугу.

Солнце приподнялось над волнами. Оно стало большим и весело рассмеялось:

— Это верно, я поднимаюсь выше всех, даже выше Луны, но вот луга, Зеленого луга, никогда еще не видал. Уж не спрятался ли он за дремучим лесом? В дремучий лес мои лучи никогда не проникают. Там хозяин не я, а холодный Ветер.

Принцесса побежала за Ветром. Она прибежала в дремучий лес и стала звать:

— Ветер! Ветер!

Но Ветер не появился. Наконец из чащи донесся тихий стон и, тощие, бледные, дрожа от холода, вышли навстречу три дочери Ветра. Они прошептали:

— Ветер близко, очень близко. Берегись — он сейчас ворвется...

Не успели сказать — зашумели, закачались деревья, дождем посыпались листья, небо загудело, завывало, и в чащу ворвался Ветер.

— Знаю, знаю — все знаю! — громко засвистел он в ответ на слова принцессы. — Еще сегодня я пролетал над Зеленым лугом и ерошил шерсть на спине твоего медведя! Ступай сквозь чащу, сквозь бурелом, иди без дороги дремучим лесом, спеши вслед за мной — только не отставай: я выведу тебя к Зеленому лугу!

Он громко свистнул и ринулся прямо в чащу, а принцесса поспешила за ним. Деревья хватили ее за одежду, били ветками по лицу, корни цеплялись за ноги, а Ветер все мчался и мчался вперед, не останавливаясь ни на мгновение.

Весь день и всю ночь бежала принцесса вслед за Ветром. Но вот забрезжило утро, деревья стали редеть, и перед нею открылся просторный луг — Зеленый луг, покрытый изумрудной травой. На лугу паслись медведи. Веселые и беспечные, они играли и кувыркались на сочной траве. Их было так много, что принцесса невольно отступила: она не знала, который же из них ее муж, ее любимый принц! И вдруг заметила в стороне от резвящихся и веселых зверей одинокого и печального медведя. Он стоял неподвижно и глядел на принцессу грустными глазами.

— Это он! — вскрикнула красавица, подбежала к зверю и крепко обняла его за шею.

Она не ошиблась. Медведь взревел и поднялся на задние лапы. Чары рушились. Принц сбросил с себя медвежью шкуру и стал навсегда молодым и стройным красавцем.

Взявшись за руки, радостные и счастливые, они пошли во дворец и предстали перед самим королем.

— Неужели это мой сын? — спросил удивленный король.

— Это чужой человек. Мы с ним незнакомы, — зашептались придворные.

— Уведите его! — приказал король. И слуги уже бросились выполнять приказание. Но мать-королева остановила их.

— Позовите учителей, которые обучали принца! — приказала она и вместе с королем удалилась в свои покои, оставив учителей проверять знания юноши.

Знаменитые учителя три дня задавали пришельцу вопросы, и он отвечал им обстоятельно и толково обо всем, чему они его научили когда-то.

На четвертый день ученые пришли к королю и сказали:

— Ваше величество! Он знает все. Это ваш сын и наследник, которого мы обучали всем наукам!

Привели принца, и король обнял его. Он приказал трубить в трубы и устроить во дворце праздник с музыкой и веселыми танцами. На балу принц танцевал с принцессой, и в нарядном камзоле, со шпагою на боку он вовсе не был похож на медведя. И все радовались за него.

Радовался король-отец, радовалась королева-мать. Но больше всех радовалась молодая принцесса, любовь которой сделала принца навсегда человеком.

Почему бы и нам не радоваться вместе с ними!

Каменный Мигел

Случилось так, что королевский сын подружился с бедняком, сыном сапожника. Молодые люди не скрывали ни от кого своей дружбы, — вместе появлялись на улицах и площадях города, вместе гуляли в королевском саду, и принц даже гордился своим другом, потому что Мигел — так звали бедного юношу — был добр, честен и смел и к тому же строен и хорош лицом.

И все-таки эта дружба не понравилась королю. Он призвал к себе Мигела и приказал ему немедленно удалиться из королевства. Пришлось юноше взвалить котомку на плечи и отправиться в далекое странствие. Однако, узнав об этом, юный принц тоже стал собираться в дорогу, и как ни грозил ему старый король, сел на коня и поскакал вдогонку за другом.

Конечно, вскоре же он догнал Мигела. Друзья обнялись и отправились в путь вдвоем. Так ехали они из одной страны в другую и наконец вступили в дремучий лес. Вековые деревья окружили их со всех сторон, спокойные, величественные и молчаливые. И вдруг юноши услышали далекий крик. Кто-то просил о помощи. Они поспешили вперед. Крики становились все громче и громче. Наконец на лесной поляне они увидели прекрасную девушку, привязанную к стволу толстого дерева.

— Что случилось с тобой, красавица? — в один голос спросили принц и Мигел.

Девушка отвечала:

— На меня напали разбойники. Они отняли мои драгоценности и перебили всех моих слуг.

— О несчастная! — воскликнул принц, который уже догадался, что это принцесса, полюбил ее и решил жениться

на ней.— Мигел, возьми кинжал и разрежь скорее веревки, чтобы освободить пленницу! — И когда друг выполнил его просьбу, принц подал принцессе руку и усадил на своего коня.

Одним словом, их было двое, а стало трое. Весело разговаривая, они продолжали свой путь, пока не наступила ночь. Путники расположились на ночлег. Принцесса и принц вскоре же крепко заснули, но верный Мигел не спал. Лес был такой густой и темный, что в любую минуту снова могли появиться разбойники!

Итак, юноша охранял сон принца и его невесты. Он терпеливо расхаживал между деревьями взад и вперед, как часовой перед королевским дворцом. Постепенно он углублялся все дальше и дальше в лес и наконец очутился перед большой пещерой. «Уж не разбойники ли прячутся здесь?» — подумал юноша и, обнажив шпагу, вступил под темные своды. Но в пещере никого не было. Юноша присмотрелся и увидел только три черных блестящих камня, лежавших посередине. Он хотел уже возвратиться обратно, как вдруг в пещеру влетели три голубя — белых, словно пух или облачко в погожий день. Голуби сели каждый на свой камень и громко заворковали. Мигел прислушался и стал различать слова.

Первый голубь сказал:

— Бедный принц! Он спит спокойно и не знает, что его ждет несчастье в роще золотых апельсинов. Если принцесса надкусит плод, она погибнет!

Второй голубь сказал:

— Как мне жаль принцессу! Несчастье ждет ее у хрустального родника. Если принц зачерпнет прозрачной воды, он умрет!

Третья голубка закончила:

— Что значат ваши тайны по сравнению с моей! Что значат эти несчастья по сравнению с тем, о котором я поведаю вам! Если принц и принцесса не погибнут в пути, их ждет гибель в своей постели, потому что в день свадьбы, ровно в полночь, во дворец приползет страшный семиголовый змей и съест их обоих!

Мигел в ужасе бросился из пещеры, чтобы предупредить друзей об опасности, но голуби поднялись в воздух и преградили ему дорогу. Юноша поневоле остановился, а птицы запели согласным хором:

Ты тайну выведал у нас,
Но если ты проговоришься —
В холодный мрамор превратишься,
Окаменеешь в тот же час.

Несчастный Мигел! Он так любил принцессу и принца и в то же время не мог предупредить их об опасности: одно слово — и он превратится в немую, безжизненную статую! И все-таки юноша не терял надежды. «Кто знает, — думал он, — быть может, мируем мы и волшебную рощу с отравленными плодами, и хрустальный родник с такой заманчивой, прозрачной, но ядовитой водой!»

Он разбудил принца и сказал ему:

— Поспешим во дворец! Если ты возвратишься домой с такой красивой невестой, король так обрадуется, что простит тебе ослушание, а мне разрешит жить в городе рядом с тобой.

Принц всегда доверял благоразумию друга, и вскоре же все трое двинулись в обратный путь.

Что только не делал Мигел, чтобы миновать рощу золотых апельсинов. Он старался идти открытым полем, за десятки шагов обходил каждое дерево, и все-таки на рассвете словно из-под земли выросла перед ним заколдованная роща. Она вся сверкала в лучах раннего солнца, а таких сочных, таких крупных, таких золотистых плодов ни принц, ни Мигел не видали даже в королевском саду!

«Ну вот, — подумал Мигел, — сейчас принцесса захочет полакомиться апельсинами...» — и тотчас же услышал звонкий голос красавицы:

— О мой принц! Сорвите мне один из этих прекрасных плодов!

— Принцесса, — тотчас же возразил ей Мигел, — эти апельсины не продаются!

— О, если я съем один из тысячи, не рассердится же хозяин! — рассмеялась красавица и привстала в седле, чтобы дотянуться до ветки, сплошь усеянной золотистыми плодами. Но в ту же минуту Мигел хлестнул ее коня, принцесса вскрикнула, а конь, рванувшись вперед, вынес ее из заколдованной рощи.

— Что ты делаешь! — вспыхнул принц.

Мигел спокойно ответил:

— Так надо, друг. — И принц умерил свой гнев, потому что, как мы знаем, верил в благоразумие Мигела.

Наконец, уже к вечеру, путники достигли цветущей долины, где их ожидало новое испытание. Ручеек, прозрачный и чистый как слеза, струился, омывая разноцветные камешки. Это и был заколдованный хрустальный родник!

Не успел Мигел оглянуться, как принц уже подбежал к роднику и зачерпнул полную пригоршню прозрачной воды. Еще мгновение — он отхлебнет и погибнет! Однако и на

этот раз Мигел сумел предотвратить несчастье. Не говоря ни слова, он сильно толкнул друга под локоть: вода расплескалась, а принц, которому очень хотелось пить, воскликнул в гнев:

— Да что с тобою сегодня, Мигел? Почему ты не даешь мне напиток?

— Так надо,— снова ответил юноша принцу.— Путь далек, поспешим скорее домой.

И на этот раз сдержал себя королевский сын. Мигел торжествовал. Две опасности были уже позади. Юноша был уверен, что сумеет спасти своих друзей и от семиголового змея. И вот, наконец, все трое приблизились ко дворцу. Сам король вышел им навстречу. Он расцеловал сына, обнял принцессу-красавицу и приказал готовиться к свадьбе. А Мигела призвал к себе и сказал:

— Хотя ты и сын сапожника, но, я вижу, был верным товарищем моему сыну. Проси у меня чего хочешь, и я исполню твою просьбу.

Мигел ответил:

— Ваше величество, разрешите мне в день свадьбы всю ночь стоять на часах у комнаты новобрачных.

Долго танцевали и веселились на свадьбе жених и невеста и только поздно вечером, усталые и счастливые, пошли отдыхать в свою спальню. Когда же они уснули, верный Мигел стал в дверях с обнаженной шпагой в руке.

Ровно в полночь он услышал шорох. Шорох становился все громче. Змей приближался. Он был уже перед дверью спальни! Но юноша отважно вступил в бой с семиголовым чудовищем и отрубил ему все семь голов одну за другой. А затем вместе с туловищем сбросил эти страшные головы в глубокий ров, окружавший со всех сторон королевский дворец. Потом он вернулся в комнаты — посмотреть, не проснулся ли принц. В одежде, забрызганной кровью змея, с обнаженной шпагой, он приблизился к постели, но в этот-то момент и проснулась принцесса. Увидев, что Мигел склонился над принцем со шпагой в руке, она решила, что юноша или убил уже, или же собирается убить ее молодого мужа, и громко закричала.

На крик сбежались придворные, гремя оружием, прибежали стражники.

— Вот, вот убийца! Схватите его! — не переставала кричать принцесса.— Смотрите — он весь в крови! Бросьте его в темницу!

Увидев Мигела, окруженного стражей и со шпагой в руке, принц сказал ему:

— Мой друг, я верю тебе, но объясни этим людям, что случилось и почему ты стоишь здесь среди ночи в моей спальне с окровавленным оружием?

— О принц! — воскликнул Мигел и... остановился. Он вспомнил, что не может безнаказанно открыть другу ни одной из трех своих тайн. Он вспомнил предсказание трех голубей, которое слышал в пещере:

...если ты проговоришься —
В холодный мрамор превратишься,
Окаменеешь в тот же час!

А принц уже настаивал:

— Что ж ты умолк, мой друг, или тебе нечего сказать в свое оправдание?

— О принц... — повторил Мигел уже печальным голосом. — Если б ты знал, во что обойдется мне каждое слово, ты не требовал бы от меня объяснений.

Принц уже колебался, но принцесса приказала:

— Пускай говорит сейчас же! Или ты не помнишь, мой принц, мой супруг, как этот юноша, который называет себя твоим другом, хлестнул моего коня и не дал мне полакомиться золотыми плодами! Или не помнишь, что он не дал тебе напиться из хрустального родника, когда ты изнывал от жажды! Он не друг — он враг твой, он хотел тебя убить!

Такого несправедливого обвинения не мог вынести верный Мигел.

— Неправда! — громко воскликнул он. — Сейчас я все объясню!

Он смело шагнул вперед и заговорил.

Он говорил, как в лесу, в пещере, узнал от чудесных птиц три заветные тайны и как спас принцессу от верной смерти в роще золотых апельсинов.

Он говорил, и с каждым словом ноги его онемели: сперва онемели ступни, потом колени, когда же Мигел закончил рассказ о первой тайне, он был уже до пояса холоден, неподвижен и бел как мрамор.

И все-таки юноша продолжал рассказ.

Он протянул руки вперед, словно умоляя друга верить каждому его слову, и поведал принцу о том, как спас его самого от верной смерти у хрустального родника. И снова при каждом слове чувствовал юноша, как смертельный холод поднимается все выше по его телу, проникает в грудь и сжигает сердце, как немеют и каменеют руки, как смерть подступает к самому горлу!

Теперь уже юноша мог только поворачивать голову — немного вправо, немного влево.

— Довольно! — вскричал принц, испуганный этим зрелищем.

Но Мигел встряхнул волосами и, крикнув: «Я все скажу!» — мужественно довел до конца свою страшную повесть. Когда же отзвучало последнее слово, все увидали, что вместо цветущего, полного жизни и сил юноши перед ними стоит немая, лишенная жизни статуя из белого недвижимого мрамора.

— О Мигел! — воскликнул в отчаянии принц и бросился обнимать колени статуи. — Проснись! Вернись к нам!

Но каменный Мигел не отвечал ни слова.

Печальные, разошлись придворные. Медленно, гремя копыями, удалилась стража. Принцесса уже раскаивалась в своей настойчивости.

— Ах, зачем я заставила его говорить! — рыдала она. — Зачем не поверила на слово, как ты, мой принц, мой супруг!

Юный принц был безутешен. Он приказал вынести статую в сад и поставить ее на дорожке, усыпанной желтым песком, под высоким деревом. И не было в королевском саду статуи более прекрасной, чем каменный Мигел.

С гордо поднятой головой он стоял перед самым дворцом. По утрам в лучах восходящего солнца розовел и теплел

холодный мрамор, словно кровь струилась по жилам юноши, словно снова начинало биться отважное сердце. А когда днем пробегали по изваянию скользящие тени деревьев, казалось, что статуя шевелится и вот-вот сойдет с высокого постамента.

Несчастный принц! Часами сидел он у подножия каменного изваяния.

— О друг! — восклицал он. — Отзовись! Я все отдам, лишь бы вернуть тебе жизнь!

Он повторял эти слова без конца, повторял каждый день, повторял до тех пор, пока однажды не услышал таинственный голос:

— Отдай свою жизнь — и твой друг вернется к тебе!

Кто сказал эти слова, принц не знал. Кругом не было ни души. Но всем сердцем он отозвался на них:

— Отдать мою жизнь? Я готов!

И, выхватив острый клинок из ножен, принц приставил его к груди, чтобы пронзить свое сердце. Но тот же таинственный голос промолвил:

— Стой. Не спеши!

Принц глянул на статую, и — о чудо! — статуя зашевелилась! Разгладились складки на лбу, дрогнули губы, ожили руки, и каменный Мигел легко спрыгнул на землю. Нет, он не был уже больше каменным: он шел навстречу принцу! Смелым движением выхватил из рук его шпагу и отбросил далеко в кусты.

Так кончается волшебная повесть о принце и его каменном друге. Юноши обнялись и рука об руку пошли во дворец, чтобы впредь никогда больше не разлучаться.

Так верность и дружба оказались сильнее самых злых заклятий и даже сильнее смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Луни. Разговор о сказке	5
--------------------------------------	---

ВАЛЛИЙСКИЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

Перевод Н. Шерешевской

Из легенд о короле Артуре	
I. Поиски Олвен	15
II. Как Тристан нашел Изольду	30
Дева озера	33
Кэдуладер и козы	38
Лопата земли	41

ИРЛАНДСКИЕ САГИ И СКАЗКИ

Перевод Н. Шерешевской

Бой Кухулина с Фердиадом	45
Жена самого О'Доннела	52
Поле ромашек	55
Темный Патрик и Повелитель Ворон Кромахи	58
Лиса и гуси	61
Спор великих ученых	63
Пиам, Панам, Мара-Фанам и Каллиах-Аранам	69
Почтенный лорд-мэр и почтеннейший хозяин трактира	70
Мудрая Унах	74
Мудрость Кормака	80

ШОТЛАНДСКИЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

Перевод Н. Шерешевской

Я-сам!	85
Крошка-Малышка	87
Там Лин	89
Сэр Майкл Скотт	92
Как Майкл Скотт в Рим ходил	95
Два скрипача из Стратспи	97
Отважный охотник Финлей	102

Фермер Джеймс Грэй и великанша Клэншид	108
Джон Рид и русалка	111
Путешествие Финна в Лохланн	114
Томас-Рифмач	117

АНГЛИЙСКИЕ СКАЗКИ

Перевод Н. Шерешевской

Сказка про трех поросят	127
Мистер Майка	130
Как Джек ходил счастья искать	131
Источник на краю света	133
Три умные головы	137
Малютка брауни	140
Кто-всех-одолеет	142
Воду заперли	147
Его величество король Томас	149
Малышка Том и великан Денбрас	150
Тростниковая Шапка	155
Король Иоанн и кентерберийский аббат	158
Ученик чародея	160
Том Тит Тот	162

ДАТСКИЕ СКАЗКИ

Солдатский ранец. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	169
Что всего дороже. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	177
Кто первый разозлится. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	184
Как Кристоффер из Драгсхольма тролля перехитрил. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	195
Дочь колдуна. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	207
Золотое яблоко. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	215
Конек-колченог. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	218
Леший. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	223
Человек-медведь. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	234
Пер-сквалыга. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	239
Откуда птицы-пигалицы пошли. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	244
Ханс и Грете. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	251
Саннный поезд. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	254
Вау-вау. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	260
Два плута. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	265
Совет стряпчего. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	267

НОРВЕЖСКИЕ СКАЗКИ

Скрипач Веслефрик. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	271
Кто нынче мал, завтра велик. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	276
Пастор и работник. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	282
Отчего вода в море соленая. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	284
Черт и помещик. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	290
Пер, Пол и Эспен Аскеладд. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	291
Шкипер и черт. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	296

Ключ от стаббюра в кудели. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	299
Гудбранд с косогора. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	300
Прошлогодняя каша. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	303
Лис Миккель и медведь Бамсе. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	304
Принцесса с Хрустальной горы. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	307

ШВЕДСКИЕ СКАЗКИ

Крестьянин и помещик. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	319
Старый корзинщик. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	321
Охотник Брюте. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	324
Пастушок и король эльфов. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	329
Тетушки. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	338
Как звонарь жадного пастора проучил. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	345
Честный и послушный слуга. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	348
Жить или помереть? <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	349
Семеро далекарлийцев. <i>Перевод и обработка Ф. Золотаревской</i>	350
Три волшебных листочка. <i>Перевод и обработка Л. Брауде</i>	352

ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ

Пересказ В. Финикова

Неугомонный петушок	381
Ученик чародея	386
Плут-Мальш	392
Собака пономаря	399
Дочь дровосека	403
Как не убергли звери свои тайны	410
«Попался, Сверчок!»	415
Лиса и куропатка	419
«Святой» Грамэр	420
Бирон	421
Солнышко	425
«Берник, бернак!»	434
Белый дрозд, хромой мул и красавица с золотыми волосами	436
Маленький кочан капусты, который никак не хотел расти	446
Плотник из Арля	447
Волшебный свисток и золотые яблоки	451
Майенские мальчишки	456
Старый горшок с золотыми эцю	457
Жан счастливый	459
Откуда совы взялись	463
Возращение Ля Раме	466

ИСПАНСКИЕ СКАЗКИ

Перевод Т. Шишловой

Литературная обработка для детей М. Туберовского

Посторонись с дороги!	471
Крестьяне и молодые сеньоры	474
Маленький галисиец	477

Кто стучит?	480
Сеньор Скряга	481
Поющий мешок	485
Жадный мельник	488
Горшочек меда	491
Дерзкая птичка	495
Голубой ирис	497
Белья-Флор	499
Невеста трех женихов	507
Урсулета	510
Птица-Правда	516

ПОРТУГАЛЬСКИЕ СКАЗКИ

Перевод Т. Шиловой

Литературная обработка для детей М. Туберовского

Потерянный кошелек	531
Как Саншу в пастухи нанимался	532
Бульон из камня	533
Мешок орехов	537
Кувшин из серой глины	538
Ленивая жена	539
Десять помощников тетушки Зеленая Вода	541
Три добрых совета	544
Находчивый свинопас	546
Бедный сапожник	549
Педру де Малас Артес	551
Загадочный разговор	555
Бык Кардил	558
Принц-кролик	560
Хромой мул	566
Две Марии	568
Самая красивая невеста	571
Чудо-медведь	574
Каменный Мигел	579

Р 24 Расскажу вам сказку. Сказки и легенды народов Западной Европы: Пер./ Сост. и вступ. ст. В. Лунина; Ил. Р. Авотина.— М.: Правда, 1991.— 592 с., ил.

ISBN 5—253—00036—4

В сборник «Расскажу вам сказку» включены избранные легенды и сказки народов Западной Европы: английские, шотландские, ирландские, датские, норвежские, французские, испанские, рассказывающие о чудесных тайнах, которые открываются только смелым и добрым.

Р $\frac{470300000-2210}{080(02)-91}$ 2210—91

84.4

Литературно-художественное издание

РАССКАЖУ ВАМ СКАЗКУ

Сказки и легенды народов Западной Европы

Составитель

Лунин Виктор Владимирович

Редактор

Н. А. Г а л а х о в а

Оформление художника

А. И. К о г а н о в с к о г о

Художественный редактор

Н. Н. К а м и н с к а я

Технический редактор

Т. Б. С л и з у н

ИБ 2210

Сдано в набор 02.10.89. Подписано к печати 20.02.91.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,08. Усл. кр.-отт. 31,50. Уч.-изд. л. 33,96.

Тираж 1 000 000 экз. (2-й завод: 100 001–200 000 экз.).

Заказ 826. Цена 4 р. 20 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии издательства Куйбышевского обкома КПСС.
443086, г. Куйбышев, проспект Карла Маркса, 201.

Уважаемые товарищи!

С 1974 года организован сбор макулатуры с одновременной продажей популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Применение макулатуры для производства бумаги дает возможность экономить остродефицитное древесное сырье, значительно уменьшить расходы по производству бумаги.

Использование одной тонны макулатуры позволяет получить 0,7 тонны бумаги или картона, заменить 0,85 тонны целлюлозы или 4,4 кубического метра древесины. Кроме того, при этом сберегаются леса нашей Родины, чистота ее рек, озер, воздушного пространства.

Сбор и сдача макулатуры — важное государственное дело.

*Сдавайте макулатуру
заготовительным организациям!*

ВТОРМА **СОЮЗ
ГЛАВ
ВТОР
РЕСУРСЫ**

